ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

ПОЛИТИКИ, ПОЛКОВОДЦЫ, РАЗВЕДЧИКИ

Кто выиграл
в холодной войне,
а кто проиграл...

Леонид МЛЕЧИН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Подлинная история холодной войны таит в себе множество неразгаданных загадок и тайн: политические интриги, операции спецслужб, заблуждения людей и амбиции властителей.

В новой книге Леонида Млечина воссозданы главные сражения холодной воины и портреты тех, кто ее вел — политических лидеров, военных и сотрудников спецслужб.

- Леонид Михайлович Млечин
  - От автора
  - Железный занавес опущен
  - Длинная телеграмма Джорджа Кеннана
  - Похождения бригадира Хилла
  - Побег шифровальщика Гузенко
  - Если бы Сталин поехал в Америку…
  - Доктрина Трумэна
  - План Маршалла и создание НАТО
  - Слуга всех господ
  - Шпионы в деле
  - Истерика в особо крупных масштабах
  - Тайные процессы и открытые чистки
  - Блицкриг с восточным колоритом
  - Операция «Промывание мозгов»
  - Битва за Германию
  - Коммандер Крэбб утонул
  - Бомба как аргумент в политике
  - «Нас ждет холодная зима, господин председатель»
  - Отравленные сигары и ракеты на Кубе
  - Президент застрелился из «калашникова»
  - Конец Пражской весны
  - Малая война и большая кровь
  - Брожение умов и эпоха разрядки
  - Разбитый горшок президента Картера
  - Ракеты на старте
  - Смертельный укол зонтиком
  - Польская интрига
  - «Империя зла» и последние залпы

Леонид Михайлович Млечин
Холодная война. Политики, полководцы, разведчики

От автора

В марте 1952 года Сталин сделал неожиданное предложение об объединении Германии. Возникла старая идея встречи лидеров великих держав, которая поможет разрядить обстановку. Британский премьер-министр Уинстон Черчилль был готов участвовать. И французы не возражали. 22 августа 1952 года Сталин, которого иностранцы давно не видели, вдруг принял французского посла Луи Жокса и полчаса с ним разговаривал. Решили, что это верный сигнал — Сталин готов ехать в Париж.

И тогда в Центральном разведывательном управлении США созрел безумный замысел избавить мир от советского вождя, если он приедет в Париж. Оперативники прикидывали варианты: взорвать машину со Сталиным? Распылить яд в его лимузине? Или воспользоваться идеями ученых, создававших средства воздействия на мозг человека, и отправить убийцу, который ничего потом не расскажет?

Самое поразительное, что план операции переходил из кабинета в кабинет, не встречая возражений. Заместитель директора ЦРУ Аллен Даллес прочитал бумагу и отдал директору — Уолтеру Беделлу Смиту, отставному генералу и недавнему послу в Москве. И только Смит приказал прекратить разработку планов убийства Сталина. Рассказанное — всего лишь один эпизод противостояния Запада и Востока.

Это была самая долгая война в нашей истории. Первые невидимые миру залпы холодной войны прозвучали сразу после разгрома нацистской Германии, а затихла канонада в годы советской перестройки, когда казалось, что противостояние России и Запада осталось в прошлом.

Все битвы и сражения разворачивались на наших глазах. Но подлинная история холодной войны таит в себе множество неразгаданных загадок и тайн: политические интриги, операции спецслужб, заблуждения людей и амбиции властителей. Трагедия ошибок, чудовищного непонимания мыслей, намерений и устремлений иной стороны. И чем меньше знали, тем больше ненавидели и боялись. Торжество подозрительности. Именно в те годы появилось выражение «промывание мозгов». По заказу специальных служб ученые синтезировали средства воздействия на разум человека. Но обошлись и без чудодейственных препаратов — своего рода безумие охватывало целые народы.

Это была очень запутанная война. Кто скажет, в какой день она началась, а в какой закончилась? Даже состав враждующих коалиций постоянно менялся. Вчерашние союзники перебегали

через линию фронта и становились врагами. Некоторые участники боевых действий затруднятся определить, за что они, собственно, сражались. Иногда сражения начинались внутри страны, и, как в гражданскую, схватывались друг с другом, и баррикады рассекали собственную страну.

Причем холодная война в любой момент могла перерасти в горячую. Несколько раз мир стоял на грани ядерного конфликта.

У британского политика Гарольда Макмиллана, когда он стал премьер-министром, журналист поинтересовался, что будет определять курс его правительства.

— События, мой милый, события, — покровительственно ответил он.

А события часто развивались так, что некогда было раздумывать, и на удар хотелось отвечать ударом, и все вокруг требовали жесткости и принципиальности — «не отступи, не смалодушничай!», и генштабисты уже раскладывали на столе свои карты, и военные властно отодвигали политиков в сторону…

Может быть, только счастливая случайность да крепкие нервы некоторых национальных лидеров спасли нас от ядерной войны.

Многим историкам сегодня холодная война видится как трагедия, которую невозможно было избежать: дело не в столкновении тоталитарного Востока и демократического Запада, а в извечном геополитическом противостоянии России и ее западных соседей. Таков был расколотый национальными и блоковыми интересами мир, потому не так сложно было вскоре после Второй мировой соскользнуть в новое противостояние.

Есть иная точка зрения. Большевистская революция была сама по себе провозглашением холодной войны, потому что ставила целью мировую революцию. И до Горбачева никто от этой цели не отказывался. Разве генералиссимус Сталин и его наследники хотели мирного сосуществования?

Холодную войну не назовешь только лишь столкновением супердержав, повторением того, что происходило и прежде. Это была война идеологий. Или, точнее, идей. Археологические исследования идеологических развалин открывают неприятную истину: семена страха, предубеждений и ненависти к окружающему миру прорастают вновь и вновь. Запасы злобы и вражды стратегического значения переходят от одного поколения к другому. От этого наследства не спешат отказываться.

Вот почему эта книга не представляется мне чисто историческим исследованием. Разве в наши дни не говорят о новой холодной войне?

Как заметил выдающийся немецкий писатель лауреат

Нобелевской премии Гюнтер Грасс, хотя уже нет железного занавеса, он все равно еще отбрасывает тень. Иногда эта тень кажется очень мрачной. Словно в каком-то смысле мы и в самом деле обречены вновь и вновь возвращаться в те времена.

Железный занавес опущен

В Москве уже близилось утро, когда машина второго человека в государстве в сопровождении охраны на большой скорости промчалась через притихший город. Если кто-то из москвичей, гулявших по ночному городу, и обратил внимание на скользившие по асфальту черные лимузины, то вряд ли удивился.

Советские люди знали, что вождь и его соратники неустанно трудятся на благо родины, засиживаются в Кремле допоздна, разъезжаются под утро. Чего не знали — это то, что из Кремля члены политбюро отправлялись не отдыхать, а к вождю на ближнюю дачу. Заседание продолжалось за поздним ужином, который Сталин называл обедом.

Но в эту ночь пассажир лимузина приказал везти себя не на сталинскую дачу, а в Спасо-Хаус, в резиденцию американского посла в Советском Союзе Аверелла Гарримана.

По ту сторону океана произошло драматическое событие.

12 апреля 1945 года без пятнадцати пять вечера на теплых источниках в штате Джорджия от кровоизлияния в мозг скончался президент Соединенных Штатов Франклин Делано Рузвельт. Ему было всего шестьдесят три года. За два часа до этого, подписывая срочные бумаги, он пожаловался на невыносимую головную боль. И рухнул на пол.

Ровно через час информационное агентство Интернэшнл Ньюс Сервис сообщило о смерти Рузвельта. В Лондоне время шло к полуночи. В Берлине уже наступил новый день. Имперский министр народного просвещения и пропаганды Йозеф Геббельс позвонил фюреру, чтобы восторженным голосом сообщить о смерти Рузвельта — теперь антигитлеровская коалиция рухнет и в войне произойдет поворот!

В Москве в резиденции американского посла Спасо-Хаусе шел прием.

Посол Аверелл Гарриман родился 15 ноября 1891 года, его отец, железнодорожный магнат, был одним из самых богатых людей страны. Аверелл Гарриман вырос в роскоши, недоступной даже президенту Рузвельту. Он собирал живопись — Сезанна, Пикассо, отлично играл в поло. Он был высок, темноволос и красив, нравился женщинам. Его отец говорил: «Богатство — это ответственность и обязательства. Деньги должны работать на страну». И Аверелл Гарриман пошел на государственную службу.

Его назначение осенью 1943 года послом в Советском Союзе встретили одобрительно. Гарримана в Москве знали, потому что он в двадцатых годах имел концессию на разработку марганцевых

руд. Когда концессию закрыли, советское правительство ему все выплатило, так что он остался доволен.

В Москву Гарримана привез государственный секретарь Соединенных Штатов Корделл Халл, который двенадцать лет занимал этот пост (дольше кого бы то ни было). 25 октября 1943 года госсекретаря и нового посла приняли Сталин и Молотов.

Позже Молотов заметил:

— Выяснилось, что вы жесткий человек, с вами не просто иметь дело.

Гарриман обиженно ответил:

— Я ваш друг.

— Мы знаем, — сказал Молотов. — Это был комплимент.

Энергичный и преданный делу, Гарриман занимался делами восемнадцать часов в сутки и требовал такой же преданности от подчиненных. Докладные записки и аналитические справки, по словам его коллег, посла мало интересовали. Он считал, что в Москве все решают личные отношения с хозяевами государства.

Гарриман чаще других американцев встречался со Сталиным. В 1945 году вождь пятнадцать раз принимал посла в Кремле. Гарриман коллекционировал знаменитостей, как дети собирают почтовые марки. Коллеги замечали: когда речь заходила о Гитлере, Гарриман неизменно повторял, что никогда с ним не встречался. В его словах звучало сожаление, как охотник сожалеет о трофее, который ушел у него из рук.

«Он всегда занимает место в первом ряду, — писал о Гарримане его коллега — британский посол в Москве сэр Арчибалд Кларк-Керр. — Он желает выглядеть важным и тем самым напоминает покойного президента Теодора Рузвельта, о котором говорили, что он всегда хотел был младенцем на крестинах, женихом на свадьбе и покойником на похоронах».

Гарриман вел в Москве достаточно скромный образ жизни. В его комнате установили железную печку, трубу вывели в окно. Он катался на лыжах, играл с дочкой в бридж.

В час ночи (в Москве уже наступило 13 апреля) в резиденцию посла позвонил дежурный, чтобы сообщить Авереллу Гарриману печальное известие, только что сообщенное радиостанцией американских вооруженных сил. Трубку взяла дочь посла Кэтлин и передала новость отцу. Всех гостей тут же отправили домой.

«В 02.50 минут, — пометил дежурный в приемной Вячеслава Михайловича Молотова, — позвонил Гарриман и просил сообщить Народному комиссару, что незадолго до 23 часов по московскому времени скончался президент Соединенных Штатов Рузвельт. Гарриман заявил, что сегодня днем, по возможности раньше, он хотел бы видеть г-на Сталина и г-на Молотова».

Почти сразу Гарриман перезвонил: желательно увидеться с Молотовым немедленно. В пять минут четвертого дежурный из Наркомата иностранных дел сообщил в американское посольство: Вячеслав Михайлович сам приедет к послу. Надо понимать, Молотов успел посоветоваться со Сталиным, который так рано не ложился. Ночью лимузин Молотова подъехал к Спасо-Хаусу.

На следующий день Гарриман доложил в Вашингтон: «Молотов казался очень расстроенным и взволнованным… Я никогда не видел его таким искренним».

В восемь вечера американского посла привезли к Сталину.

«Он встретил меня скорбным молчанием, — писал Гарриман, — и не отпускал моей руки секунд тридцать…

— Президент Рузвельт умер, — сказал Сталин, — но дело его должно быть продолжено. Мы окажем президенту Трумэну поддержку всеми своими силами».

Сталин связывал с Рузвельтом немалые надежды. Война еще не была окончена, вермахт продолжал сопротивляться. И тем более не была решена судьба послевоенного мира, где многое зависело от позиции президента Соединенных Штатов.

Президент Франклин Делано Рузвельт считал, что после войны предстоит создать систему коллективной безопасности, избегая соперничества среди победителей. Молотову Рузвельт говорил, что после войны останутся четыре полицейских, которые будут следить за остальными странами, — Англия, США, Советский Союз и Китай. Этим четырем странам только и будет позволено иметь оружие.

К американскому президенту в Москве относились заметно лучше, чем к Черчиллю. В военные годы выступления Рузвельта печатались в советской прессе и комментировались самым благоприятным образом.

«Сталин чувствовал себя с президентом вполне комфортно, — считал Гарриман. — Сталин обращался с президентом как со старшим, всячески стараясь понять, что у него на уме. Мысли Рузвельта ему, очевидно, понравились, он относился к президенту с особым почтением и уважением».

А теперь в Белом доме знакомого Сталину и симпатичного ему президента сменил вице-президент Гарри Трумэн, который не имел опыта в международных делах и презирал безбожный коммунизм. Когда Германия напала на Советский Союз, Соединенные Штаты еще не воевали. Один журналист остановил сенатора из Миссури Гарри Трумэна на ступенях Капитолия и спросил, как в этой ситуации должна себя вести Америка.

Трумэн, считавший оба режима отвратительными, ответил с прямотой, свойственной уроженцам Среднего Запада:

— Если мы увидим, что Германия побеждает, нам следует помочь России. А если будет побеждать Россия, мы должны помогать Германии. И пусть они убивают друг друга сколько могут; хотя я ни в коем случае не желаю Гитлеру победы.

Многие американцы не видели особой разницы между нацистским и сталинским режимом. Такой точки зрения придерживался известный американский дипломат и специалист по России Джордж Кеннан, чье имя не раз возникнет на страницах этой книги.

24 июня 1941 года, через день после нападения нацистской Германии на Советский Союз, Кеннан писал своему другу: «Россия безуспешно пыталась обеспечить свою безопасность за счет компромиссов с Германией и направить немецкие военные поползновения на Запад. Москва заботилась исключительно о собственных интересах. Надо реалистически оценивать настоящее положение России: эти люди вели опасную игру и должны теперь сами нести ответственность. Подобный взгляд не помешает оказывать ей материальную помощь, что требуют наши собственные интересы, но мы не можем отождествлять себя с воюющей Россией политически и идеологически. Более правильно считать Россию «попутчиком», пользуясь принятым в Москве термином, а не политическим союзником».

Историю холодной войны, которая почти без промедления сменила войну горячую, принято отсчитывать от фултонской речи Уинстона Черчилля. Но когда в марте 1946 года Черчилль говорил о железном занавесе, разделившем Европу, и призывал Соединенные Штаты объединить усилия с Англией, чтобы противостоять мировому коммунизму и Советскому Союзу, холодная война уже началась.

Мысленно возвращаясь к счастливым и волнующим событиям весны сорок пятого, политики и историки еще долго будут пытаться понять, почему вчерашние союзники так быстро стали врагами. Радость советских и американских солдат-победителей, встретившихся на Эльбе 26 апреля 1945 года, была искренней. Но уже через несколько месяцев союзники оказались по разные стороны баррикады. И многие десятилетия они будут считать друг друга врагами и всерьез готовиться к войне. Память о союзе в борьбе с нацизмом исчезнет быстро, а след холодной войны останется надолго, если не навсегда.

Была ли холодная война неизбежной? Кто начал холодную войну? Кто произвел первый выстрел? И зачем? Вот вопросы, на которые не так-то легко дать ответ.

Судьба послевоенной Европы решалась в Крыму, когда еще шли бои. 4 февраля 1945 года открылась Ялтинская конференция

великих держав. Царила атмосфера практически полного согласия. В первый же день первый заместитель начальника Генерального штаба Красной армии генерал Алексей Иннокентьевич Антонов попросил союзников нанести авиаудары, чтобы помешать немцам перебросить подкрепления на Восточный фронт. Он особо выделил три транспортных центра — Берлин, Лейпциг и Дрезден. Союзники откликнулись. В ночь на 13 февраля на Дрезден обрушились бомбы. Когда ковровые бомбардировки Дрездена утром 15 февраля закончились, официальное число погибших достигло сорока тысяч.

Сталин считал, что победитель в войне имеет право на территориальные приобретения. Он, во-первых, хотел, чтобы мир признал новые советские границы, то есть включение в состав СССР Прибалтийских республик, территорий, присоединенных в результате раздела Польши, а также Бессарабии и Буковины, прежде принадлежавших Румынии. Во-вторых, Сталин хотел обезопасить страну от Германии, с которой дважды пришлось воевать. Для этого он намерен был создать вокруг Советского Союза пояс дружественных государств. Все территории, на которые вступила Красная армия, должны были войти в советскую сферу влияния.

Сталин говорил своим партийным товарищам:

— В этой войне не так, как в прошлой. Кто занимает территорию, насаждает там, куда приходит его армия, свою социальную систему. Иначе и быть не может.

В определенном смысле британский премьер-министр Черчилль сам предложил Сталину поделить Восточную Европу. Это произошло еще до Ялты, в октябре 1944 года, когда Черчилль приехал в Москву. Премьер-министру показалось, что «дядя Джо проявляет большую, чем когда-либо раньше, сговорчивость». И Черчилль решил, что надо ковать железо, пока горячо.

В первый же день переговоров в Кремле он передал Сталину листок бумаги, на котором обозначил в процентах соотношение влияния Советского Союза и Англии в различных странах Европы. В Греции — девяносто процентов к десяти в пользу Англии. В Югославии пополам. В Венгрии пополам. В Болгарии семьдесят пять к двадцати пяти в пользу СССР.

Одни считают этот шаг британского премьера бесстыдной привычкой великих держав решать судьбы народов по глобусу. Другие — умным ходом в попытке сохранить за Западом какие-то позиции в Центральной и Восточной Европе.

При этом Сталин и Черчилль с презрением относились друг к другу.

— Может быть, вы думаете, что мы забыли, кто такие

англичане и кто есть Черчилль? — говорил Сталин одному из руководителей компартии Югославии. — У англичан нет большей радости, чем нагадить союзникам. А Черчилль, он такой, что, если не побережешься, он у тебя копейку из кармана утянет. Ей-богу, копейку из кармана! Рузвельт не такой — он засовывает руку только за кусками покрупнее. А Черчилль — и за копейкой.

Британский премьер не оставался в долгу.

— Россия — это большое животное, которое очень долго голодало, — сказал Уинстон Черчилль руководителю «Свободной Франции» генералу Шарлю де Голлю. — Сегодня невозможно не дать ему насытиться. Но речь идет о том, чтобы оно не съело все стадо. Я стараюсь умерить запросы Сталина, который, кстати сказать, если даже и обладает большим аппетитом, не утрачивает здравого смысла. Кроме того, после еды начинается пищеварение. Когда придет час усвоения пищи, для русских настанет пора трудностей. И тогда Николай-угодник, быть может, сумеет воскресить несчастных детей, которых людоед засолил впрок.

На конференции в Ялте Сталин, Черчилль и Рузвельт установили рубеж, на котором должны были встретиться наступающие советские войска и войска союзников. После войны эта демаркационная линия превратится в линию раздела Европы.

Западные политики понимали, что у них мало шансов повлиять на судьбу Восточной Европы. Перед отлетом в Ялту Черчилль сказал своему секретарю:

— Все Балканы, кроме Греции, будут болыпевизированы, я ничего не в состоянии предпринять, чтобы это предотвратить. И для Польши я тоже ничего не в силах сделать.

К Балканским странам британский премьер-министр относился без всякого уважения. 2 августа 1944 года Черчилль сказал в палате общин о Болгарии, оказавшейся на стороне нацистской Германии:

— Трижды брошенная в войну не на той стороне жалкой группой преступных политиков, которых, кажется, всегда можно было найти для того, чтобы из поколения в поколение вести страну к погибели, — трижды за мою жизнь эта презренная Болгария обрекала крестьянское население на муки войны и страдания, связанные с поражением… Какое место выпадет Болгарии на судилище, когда у всех откроются глаза на мелкую и трусливую роль, которую она играла в этой войне?..

Конечно, в Ялте ни американцы, ни англичане не согласились на то, чтобы освобождаемые Красной армией страны перестраивались по советскому образцу. Приняли декларацию об условиях демократизации государств Европы. Но западные лидеры признали особую роль Советского Союза на востоке

континента.

— Американцы, — говорил наркому Молотову посол Гарриман, — прекрасно сознают, что в небольших странах Восточной Европы Советский Союз имеет особые интересы. Все дело в том, чтобы облечь это в какую-то такую форму, которая была бы понятна общественному мнению США, чтобы оно не считало, что Болгария и Румыния «подавлены» Советским Союзом, что выборы в этих странах не свободны, а правительство является «русской креатурой».

«В этом месте я прервал Гарримана, — отметил Молотов в записи беседы, — и между нами произошла довольно длительная дискуссия по вопросу о том, что такое демократия вообще и демократия в Болгарии и Румынии в частности…»

В Москве, Вашингтоне и Лондоне по-разному понимали, что такое «особые интересы», и сильно заблуждались относительно намерений друг друга. Сталин считал, что договорились так: он не строит авианосцы и не вторгается в сферы, которые Америка и Англия закрепили за собой, но и Западу незачем влезать в то, что он делает в Восточной Европе.

Вернувшись из Крыма, в палате общин Уинстон Черчилль сказал:

— На протяжении всей войны я ни разу не испытывал чувства такой тяжелой ответственности, как в Ялте. Мы вступаем в царство непредвиденных случайностей, где на каждом шагу возникают сомнения. Было бы ошибкой заглядывать слишком далеко вперед. Звенья в цепи судеб можно скреплять лишь по одному.

Польское правительство, которое после военного поражения эмигрировало в Лондон, отказалось принять ялтинские договоренности.

Англия вступила во Вторую мировую в сентябре 1939 года ради Польши, на которую напал Гитлер. Польские летчики, которые перелетели в Лондон, храбро защищали британское небо от немецких бомбардировщиков. Они сражались вместе с союзниками в Италии и во Франции. На выборах американского президента к избирательным урнам приходили семь миллионов избирателей польского происхождения. Ни Англия, ни Америка не могли остаться равнодушными к судьбе Польши.

13 апреля 1943 года берлинское радио сообщило, что немецкие войска обнаружили тела нескольких тысяч польских офицеров в деревне Катынь возле Смоленска, которые были убиты НКВД. Имперский министр Геббельс был счастлив.

Через несколько дней глава польского правительства в изгнании Владислав Сикорский, встретившись с Черчиллем,

сказал, что есть серьезные основания полагать, что поляки действительно убиты советскими чекистами. Черчилля интересовало только одно — необходимость единых действий в борьбе против нацистской Германии. Он цинично сказал Сикорскому:

— Если они мертвы, их уже не оживить.

Сикорский не меньше других был заинтересован в победе над нацистами. Но он, как и другие поляки, уже понял, что на этот раз немцы рассказали правду, потому что без внимания были оставлены все просьбы польского правительства получить от Москвы ответ на вопрос, куда пропали военнослужащие, взятые в плен советскими войсками осенью 1919 года. Сикорский обратился за помощью в Международный комитет Красного Креста с просьбой провести независимое расследование.

26 апреля 1943 года Советский Союз разорвал отношения с эмигрантским правительством Польши. Советский посол в Лондоне Иван Михайлович Майский раздраженно заметил Черчиллю:

— Поляки были храбрым, но глупым народом. Они никогда не умели управляться со своими делами. Их беспомощное правительство безрассудно натравливает свою двадцатимиллионную нацию на страну, где живут двести миллионов человек… Терпение России не безгранично.

Вечером 7 мая Сталин в разговоре с британским послом в Москве Арчибалдом Кларк-Керром высказался еще жестче:

— Члены польского правительства не пожелали жить в мире с нашей страной. Они перенесли на Советский Союз застарелую ненависть, которую питали к царскому правительству. Они упорно пытались стравливать союзников… Видимо, они считали такую игру умной, но на самом деле Бог не дал им мозгов.

Союзники не оставляли надежды наладить сотрудничество между польским правительством в изгнании и Москвой. Американский посол Гарриман попросился к Сталину на прием.

— Опять поляки? — недовольно произнес Сталин. — Неужели это самый главный вопрос?.. Лондонские поляки — это помещики, которых народ не пустит в Польшу. Все считают русских батраками. Русские должны освободить Польшу, а поляки хотят получить Львов. Все считают, что русские — дураки.

Владислав Сикорский погиб в авиационной катастрофе, обстоятельства которой и по сей день многим историкам кажутся странными. Его сменил Станислав Миколайчик. В конце июля 1944 года новый глава эмигрантского правительства прибыл в Москву на переговоры. Пока шли переговоры, 1 августа в Варшаве началось вооруженное восстание — самое крупное выступление

против нацистов в оккупированной Европе.

Повстанцы во главе с генералом Тадеушем Бур-Комаровским, командующим подпольной Армией крайовой, хотели сами выбить немцев из столицы, чтобы иметь право восстановить польское государство и встретить наступающие советские войска хозяевами собственной земли.

«Последней «каплей», — писал генерал Войцех Ярузельский, воевавший на стороне Красной армии, — которая рассеяла сомнения генерала Тадеуша Бур-Комаровского и привела к принятию решения о начале Варшавского восстания, оказалась информация о появлении нескольких советских танков на Праге — пригороде Варшавы».

Это произошло 31 июля, когда подчиненный Бур-Комаровского полковник Анатолий Хрустель доложил генералу, что советские танки уже входят в город. Повстанцы конечно же рассчитывали на подход частей Красной армии. Но именно 1 сентября наступавшие советские войска остановились. У немецкого командования освободились силы, которые оно бросило на уничтожение Варшавы и варшавян.

Поляки считают, что Красная армия, стоявшая на другом берегу Вислы, сознательно не сдвинулась с места, пока немцы не подавили восстание.

Командующему 1-м Белорусским фронтом Константину Константиновичу Рокоссовскому, поляку по происхождению, поручили дать интервью британскому корреспонденту Александру Верту и объяснить, почему его войска вдруг остановились, когда говорилось, что они вот-вот войдут в Варшаву.

— Я признаю, что некоторые советские корреспонденты проявили 1 августа излишний оптимизм, — говорил Рокоссовский. — Нас теснили… На войне такие вещи случаются… Мы теряем много людей. Учтите, что у нас за плечами более двух месяцев непрерывных боев… Красная армия может временами уставать. Наши потери были очень велики.

Развеять взаимное недоверие не удавалось. Сталин подозревал Англию и Соединенные Штаты в намерении подписать сепаратный договор с Германией. Американцы и англичане полагали, что Сталин сознательно остановил свои войска и дал немцам подавить Варшавское восстание, чтобы создать политический вакуум и очистить площадку для польских коммунистов.

Союзники просили разрешения использовать советские аэродромы, чтобы на них могли садиться самолеты, которые вылетали бы из Италии, чтобы снабжать с воздуха польских

повстанцев.

Сталин обещал помочь восставшим полякам. Но 15 августа первый заместитель наркома иностранных дел Андрей Януарьевич Вышинский отверг просьбу союзников разрешить их самолетам садиться на аэродроме в Полтаве. Британским самолетам не хватало керосина, чтобы вернуться на свои аэродромы. Летчики сбрасывали груз над Варшавой и прыгали с парашютом.

Гарриман добился встречи с Молотовым, сказал ему о том, что «ненужная гибель» американских и британских летчиков произведет тягостное впечатление на союзников:

— Отказ в помощи полякам, которые ведут теперь борьбу в Варшаве, никогда не будет понят в Соединенных Штатах, каковы бы ни были ошибки руководителей поляков. Я уверен, что если Молотов продумает эти факты, то он пересмотрит свое решение.

Переводчик Павлов пометил: «Эти свои последние слова Гарриман произнес сильно взволнованным голосом».

Гарриман вспоминал, что это были «самые трудные переговоры». Вернувшись к себе в Спасо-Хаус, посол Гарриман подготовил письмо Рузвельту:

«Единственное, во что я здесь верил, была надежность слова Сталина. Теперь он нарушил свое обещание, данное Миколайчику, и сделал это безо всяких видимых оснований. Только что Сталин обвинял поляков в нежелании «драться против немцев», а 9 августа, встретившись с Миколайчиком, назвал Варшавское восстание неразумным.

Польская проблема, важная сама по себе, может предвещать ту же беспощадную советскую политику и на других направлениях… Советское правительство ошибочно воспринимает наше расположение как признак слабости и согласия с его политикой… Если мы не станем возражать, то по всем признакам Советский Союз превратится во всемирного громилу повсюду, где затрагиваются его интересы…»

9 сентября 1944 года Сталин и Молотов все-таки согласились принимать самолеты союзников на своих аэродромах. 13 сентября и советская авиация начала полеты на Варшаву. Но было поздно. К тому времени восстание было фактически разгромлено.

Осенью 1939 года Сталин принял участие в разделе Польши. Часть польской территории была присоединена к Советскому Союзу. Сталин согласен был только на такое правительство в Варшаве, которое признает новые границы. Министры-эмигранты, нашедшие убежище в Лондоне, не были готовы к такой жертве. Значит, считал Сталин, Польшу должны возглавить другие люди. И они нашлись. Но его ставленников не признавали союзники.

На совещании трех министров иностранных дел в Ялте в феврале 1945 года выработали компромисс: «Действующее ныне в Польше Временное правительство должно быть реорганизовано на более широкой демократической основе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы».

Расплывчатая формула позволяла обеим сторонам толковать ее смысл по-своему.

Британский министр иностранных дел Энтони Иден в палате общин говорил:

— Временами трудно отделаться от гнетущего чувства, порожденного сложными проблемами, нависшими над Европой. Они несравнимо острее тех, которые возникали после прошлой войны… Восстановить жизнь в Европе, избавить Европу от анархии и хаоса возможно лишь совместными усилиями трех держав… Внешняя политика Англии веками зиждилась на твердом намерении не допускать господства какой-либо одной страны над Европой. Мы верим в Европу, мы являемся частью Европы, и я убежден, что ни одна страна никогда не будет господствовать над Европой. Она слишком велика для того, чтобы одна нация смогла этого добиться.

Британский министр был настроен примирительно: разумнее стараться урегулировать нестерпимое положение, чем упорствовать по принципиальным соображениям и тем самым не только ничего не уладить, но и вообще поставить под сомнение единственную основу, на которой можно добиться урегулирования в послевоенном мире.

Рузвельт писал Сталину 6 февраля 1945 года: «Соединенные Штаты никогда не поддержат каким-либо образом любое временное правительство в Польше, которое было бы враждебно Вашим интересам».

Рузвельт откровенно говорил Гарриману, что ему в общем все равно, станут восточноевропейские страны коммунистическими или нет. Важнее было обеспечить участие Советского Союза в войне с Японией. Он намеревался сразу же после победы над Гитлером вывести американские войска из Европы.

Рузвельт писал Черчиллю:

«Умоляю, не просите меня оставить американские войска во Франции. Я просто не могу этого сделать! Мне надо будет вернуть их домой. Я отказываюсь опекать Бельгию, Францию и Италию: это вам следует воспитывать и наказывать собственных детей…

Я не хочу, чтобы Соединенные Штаты брали на себя бремя перестройки Франции, Италии и Балкан. Это не наша задача,

коль скоро мы отдалены от этих мест более чем на три тысячи миль».

В последние месяцы войны, когда решалась судьба Европы, Франклин Рузвельт, переболевший полиомиелитом, уже медленно умирал от церебральной ишемии. Он страдал от высокого давления. Больное сердце не могло в должной степени снабжать кислородом мозг.

Вице-президент Гарри Трумэн, побывав в Белом доме, бодро сказал журналистам:

— Президент отлично выглядит, мы съели больше, чем я обычно съедаю на обед.

Но друзьям Трумэн с ужасом поведал:

— У Рузвельта трясутся руки, он не мог налить сливки в кофе. Президент с трудом говорит. С головой у него все в порядке, но физически он буквально разваливается на части.

Считается, что на Ялтинской конференции в феврале 1945 года Рузвельт чувствовал себя настолько плохо, что не понимал Сталина.

— Мы действительно всем сердцем верили в то, что занимается заря нового дня, о наступлении которого все мы молились, — вспоминал советник Рузвельта Гарри Гопкинс. — Ни у президента Рузвельта, ни у кого-либо из нас не возникало ни малейшего сомнения в том, что мы сможем мирно жить и ладить с русскими.

Впрочем, никто в действительности не знал, какие мысли скрывал в своей голове Рузвельт. Он был загадочным человеком. И по сей день исследователи еще не до конца в нем разобрались. Мелкие уловки и высокие принципы — все сочеталось в нем самым невероятным образом. Он был политиком до мозга костей.

В Сталине Рузвельт видел партнера в сохранении послевоенного мира. Но если бы он убедился, что советский вождь не таков, каким он себе его представлял, Рузвельт стал бы его противником. 24 марта 1945 года, перед тем как отправиться на воды в Джорджию, Рузвельт прочитал телеграмму своего посла в Москве и произнес:

— Аверелл прав. Со Сталиным невозможно иметь дело. Он нарушил все обязательства, которые взял на себя в Ялте.

Выходит, холодная война была неизбежной? Однако же президент Рузвельт верил, что накал напряженности можно снизить с помощью доброй воли, и у него это получалось. Если бы Рузвельт еще пожил, возможно, накал и масштабы холодной войны были бы меньшими. Но мастер очаровывать людей и находить компромиссы Франклин Делано Рузвельт 12 апреля 1945 года ушел в мир иной.

Гарри Трумэн стал вице-президентом, потому что группа влиятельных политиков хотела избавиться от прежнего — Генри Уоллеса. Это был очень серьезный и яркий политик, биолог по образованию и профессии. Уоллес был думающим человеком и сторонником рузвельтовского «нового курса» и подлинно демократической Америки, выступал в защиту гражданских прав. Но он был, пожалуй, слишком интеллигентен для практической политики, учил русский язык, развлекался тем, что бросал бумеранг, и был мистиком — советовался с духом ушедшего из жизни индейского вождя. Для циничных политиков он был неприемлем.

Джеймс Бирнс, который потом станет государственным секретарем Соединенных Штатов, казался очевидным кандидатом в вице-президенты. Но Бирнс был католиком, а женившись, стал протестантом. Ясно было, что американские католики за отступника голосовать не станут. К тому же южанин Бирнс был сторонником расовой сегрегации.

— Если дать неграм политические права, — пугал однопартийцев Бирнс, — они не только вступят в Демократическую партию, они станут контролировать партию.

Южане не хотели Уоллеса, потому что он был сторонником равноправия. Северяне не принимали Бирнса как раз за обратное. Возникла кандидатура Гарри Трумэна, как очевидно компромиссная. Сам он не знал, как ему относиться к перспективе вице-президентства. Делился с другом:

— Вице-президент председательствует в сенате и ждет похорон.

Партийные боссы решили в пользу Трумэна. У Трумэна не было врагов, он придерживался умеренных взглядов, что всех и устроило. Но Рузвельт не нуждался в вице-президенте, не принимал его всерьез и не вовлекал в большую политику.

До конца февраля 1945 года Рузвельта вообще не было в стране. Через два дня после инаугурации в обстановке полной секретности он поехал на поезде в Норфолк, где сел на борт крейсера «Квинси», который отправился в Средиземное море. С Мальты президента на самолете доставили в Ялту.

Трумэну объяснили, что в случае крайней необходимости он может связаться с президентом через Белый дом. О встрече лидеров великих держав в Ялте его даже не поставили в известность. 1 марта 1945 года на совместном заседании обеих палат он вместе со всеми выслушал рассказ Рузвельта о конференции в Ялте. Президент произнес речь сидя. Он выглядел очень плохо, говорил с трудом.

В роли вице-президента Гарри Трумэн пробыл всего

восемьдесят три дня. За это время они с Рузвельтом встречались — если не считать заседаний кабинета министров — только дважды — 8 марта и 19 марта, и оба раза ничего важного не обсуждалось. Франклин Рузвельт не ввел его в узкий круг, где принимались все важные решения.

Рузвельт любил нюансы, тонкости, игру. А Трумэн предпочитал простые вопросы и ясные ответы — хорошо или плохо, умно или глупо. Рузвельт был актером, Трумэн — простым и небогатым человеком. У него даже не было собственного дома. А Рузвельт в глазах Трумэна принадлежал к высшему обществу. За глаза Трумэн называл президента Санта-Клаусом, примадонной и факиром.

Для Трумэна президент был слишком уклончив. Трумэн привык к людям, которые говорят прямо. Трумэн жаловался:

— Когда встречаешься с президентом, всегда говорит он — и о том, о чем он желает говорить, и никогда не говорит о том, о чем ты хочешь с ним побеседовать.

Гарри Трумэн не знал, что обсуждалось на высшем уровне с союзниками. Не знал, что атомное оружие практически создано. Не знал, что Америке делать в Европе. Разрушенная и отчаявшаяся Европа лежала между двумя главными победителями — ее можно было оккупировать, спасать или сражаться за нее.

Вступив в должность президента Соединенных Штатов, Гарри Трумэн признался:

— Это чудовищная ответственность, и я последний, кому она по плечу.

После смерти Рузвельта ведущую роль взял на себя Уинстон Черчилль. Из участников «Большой тройки» он был самым старомодным. Он жил идеалами исчезнувшей Британской империи. Иногда он вел себя как выдающийся государственный деятель, иногда как большой ребенок. У Черчилля легко зарождалась эмоциональная привязанность к тем, с кем ему приходилось сотрудничать, временами даже к Сталину.

Старомодный аристократ, Уинстон Черчилль происходил из семьи, которая поколениями давала Англии государственных деятелей и солдат. Он пошел в армию и стал кавалеристом. Во время Англобурской войны попал в плен, но бежал. Буры назначили награду за его поимку — тридцать фунтов стерлингов.

Он был невероятно далек от жизни простых людей. Сын лорда и внук герцога, он родился во дворце. Его всегда окружали слуги. У него никогда не было времени на серьезное изучение предмета. Он был блистательным импровизатором, человеком неожиданных идей и стремительных действий. Его не пугала

война. Он словно предчувствовал, что это его время, что он станет героем. Его не пугали трагизм и кровь войны. Его характер закалился в борьбе, когда выбор был простым: убей, или тебя убьют.

Когда Гитлер напал на Россию, именно Черчилль сделал первый шаг навстречу Москве. Бывший организатор крестового похода против коммунизма заявил:

— Прошлое с его преступлениями, безрассудством и трагедиями остается позади, теперь Англия окажет любую помощь России и русскому народу.

В своем кругу Черчилль объяснил:

— Если бы Гитлер вторгся в ад, я бы публично поддержал самого дьявола.

Понятие «железный занавес» Черчилль впервые употребил не в Фултоне, а значительно раньше, в письме президенту Трумэну 12 мая 1945 года: «Железный занавес опустился над их фронтом. Мы не знаем, что за ним происходит».

18 мая премьер-министр Черчилль пригласил к себе советского посла Федора Тарасовича Гусева на рабочий завтрак и сказал послу, что он хотел бы провести новую встречу «Большой тройки» на территории поверженной Германии: «Без личной встречи руководителей трех стран невозможно разрядить весьма напряженную обстановку» (см. журнал «Новая и новейшая история», № 4/2005).

— Вы держите в руках европейские столицы и никого туда не пускаете, — говорил послу Черчилль. — Польские дела загнаны в тупик, общая атмосфера накалена — все это не может не вызывать у нас тревогу. Я знаю, вы являетесь великой нацией и своей борьбой заслужили равное место среди великих держав, но и мы, британцы, являемся достойной нацией, и мы не позволим, чтобы с нами обращались грубо и ущемляли наши интересы.

Федор Гусев сообщал в Москву, что Черчилль с трудом сдерживал себя.

Через несколько дней после поражения Германии премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль приказал своим военным готовить планы грядущей войны с Советским Союзом. Секретный план получил название «Операция «Немыслимое». Он предусматривал совместные действия американских и британских войск при поддержке немецкого корпуса, которому вновь выдадут оружие.

Предлагалось сконцентрировать сорок семь англо-американских дивизий плюс десять германских (хотя и понимали сложность мобилизации немцев на новую войну — однако полагали, что страх перед большевизмом подтолкнет их к

сотрудничеству с англичанами и американцами) для противостояния советским войскам в Восточной Европе. Авиация Англии собиралась действовать с баз в Дании и Северной Германии, флот — двинуться вперед вдоль балтийского побережья.

Планировщики исходили из того, что в ответ Сталин, скорее всего, оккупирует Норвегию, вторгнется в Грецию и Турцию, захватит нефтяные месторождения Ирана и Ирака — на этом направлении одиннадцати дивизиям Красной армии могли противостоять только две индийские бригады.

Начальник имперского Генерального штаба и главный военный советник Черчилля Алан Брук еще в 1943 году пришел к выводу, что именно Советский Союз станет следующим врагом. 22 мая 1945 года Черчиллю доложили, что придется противостоять СССР объединенными силами Соединенных Штатов и Британской империи. Но через день, на совещании 24 мая, британские военачальники нашли идею войны с Советским Союзом «фантастической и немыслимой» и отвергли план. Им рисовались другие картины ближайшего будущего: как быть, если Красная армия не остановится в Германии, а двинется дальше, оккупирует Францию и соседние небольшие страны?

Когда общий враг, Гитлер, был повержен, вновь встал вопрос: как относиться к Советскому Союзу? Массовые репрессии, насильственная коллективизация, голод — все это привело к тому, что в представлении западного мира Советская Россия мало чем отличалась от нацистской Германии. Заместитель начальника британского Генерального штаба генерал-лейтенант Генри Паунал пометил в дневнике, что не может относиться к советским вождям как к союзникам: «Они убийцы».

Британский посол Кларк-Керр жаловался, что в Москве он живет как в клетке. Мало кто из советских граждан рисковал принять приглашение на прием в британское посольство. Послу позволяли встречаться только с узким кругом советских чиновников. За ним постоянно следили. Его утешало только одно:

— Меня окружало четверо, а японского посла восемь человек.

Впечатления английских дипломатов и военных от пребывания в Советском Союзе и от общения с советскими чиновниками были столь тягостными, что они затмевали более реалистический анализ политики Москвы. Британские разведчики говорили о «примитивной азиатской расе». При мысли о появлении у ворот цивилизованной Европы таких варваров возникала мысль о необходимости сдерживания Красной армии.

— Вполне естественно относиться к русским как к разумным

человеческим существам, — говорил в своем кругу Александр Кадоган, постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании. — Но поскольку они таковыми не являются, а охвачены безумной подозрительностью, то от нас требуется невиданное терпение.

По существу, вернулись предвоенные настроения. Тогда, после пакта с Гитлером, Советский Союз рассматривался как фактический союзник нацистской Германии. Война Советского Союза с Финляндией едва не стала в 1940 году поводом для почти открытых действий Англии против Советского Союза. Управление специальных операций готовило диверсии на советских нефтяных объектах. Британские добровольцы-горнолыжники тренировались во Французских Альпах, ожидая отправки в Финляндию. Они должны были стать своего рода «интернациональной бригадой» и помочь финнам.

Многие в Англии и Соединенных Штатах считали Сталина и Гитлера двумя главными преступниками в мире. Сторонники такой точки зрения исходили из того, что союз со сталинским режимом мог быть только временным.

Генерал Джон Дин, который во время войны руководил американской военной миссией в Москве, считал, что в Вашингтоне, занимаясь поставками оружия и стратегически важных материалов по ленд-лизу в СССР, перестарались и передали советской армии больше, чем следовало, — в особенности после того, как в войне наметился поворот в результате Сталинградской битвы.

«Абсолютно правильным было относиться к России как к союзнику, — доказывал генерал Дин, — до тех пор, пока она терпела поражение в войне, но ситуация для нас стала очень серьезной, когда русские начали контрнаступление».

Британские дипломаты составили доклад, в котором говорилось: «Общее мнение всех стран, граничащих с Советским Союзом и испытавших на себе советское правление, таково, что, каким ужасным бы ни было поведение немцев, это меньшее зло, чем правление России».

22 мая 1945 года британский посол при польском правительстве в эмиграции сэр Оуэн О'Малли жаловался, что советское правление в Восточной Европе означает «чистки, аресты и расстрелы». Запад делает вид, что не замечает этого, во имя сохранения единого фронта против нацистской Германии, но настало время менять политику. Советская система «такая же жестокая, как правление нацистов». 1 октября 1945 года британские военные докладывали в Лондон, что пребывание советских войск на территории Польши сопровождается

«повсеместными убийствами, изнасилованиями и грабежами. Такое поведение советских войск всем уже знакомо».

В свою очередь, Сталин опасался, что англичане и американцы могут сговориться с немцами и вместе повернуть против него. 29 июня 1945 года маршал Георгий Константинович Жуков отдал приказ провести полную перегруппировку советских войск, находящихся на территории Германии, и подготовиться к ведению боевых действий против неназванного противника.

Шанс преодолеть разногласия представился на встрече «Большой тройки» в Потсдаме. Гарри Трумэн считал очень по-американски, что большинство проблем — результат непонимания. Нужно встретиться со Сталиным — «лицом к лицу» — и обо всем спокойно договориться. Трумэн с детства гордился своей способностью договариваться с людьми.

Гарри Трумэн объяснял историку Роберту Шервуду:

«Внешняя политика, проводимая моей администрацией, является продолжением той, что была у страны с 1939 года. Я полагаю, что все мы испытывали к России самые добрые чувства как к нашему союзнику, и я знал, направляясь в Потсдам, что готов оказать ей помощь в деле восстановления…

Но печальный опыт, кажется, свидетельствует, что русские не относятся к договорам с тем же священным трепетом, с которым относимся к ним мы».

Когда Трумэн приехал в Потсдам, Черчилль пожелал с ним познакомиться. Президент пригласил его на одиннадцать утра. Дочь британского премьер-министра Мэри потом сказала, что отец не вставал так рано лет десять.

Черчиллю было за семьдесят. У него было ощущение, что он уже все видел. Он привык, что им восхищаются. Но выглядел он неважно, устал. Черчилль произнес множество комплиментов Трумэну. Американский президент записал в дневнике: «Уверен, что мы бы прекрасно поладили, если бы он не пытался все залить елеем».

Днем 16 августа Трумэн захотел осмотреть разрушенный Берлин. То же сделал и Черчилль, он провел полчаса на развалинах имперской канцелярии. Увидев развалины, сказал:

— Вот что было бы с нами, если бы они победили.

Все задавались вопросом: где же Сталин?

Советский вождь приехал позже остальных, вечером 16 августа, на поезде. Говорили, что его задержали дела. Возможно, он просто хотел подчеркнуть свою значимость. Англичане и американцы изумились сталинской охране. Он появился в Потсдаме в сопровождении тысяч солдат НКВД. Западные дипломаты полагали, что у советского вождя паранойя.

Посол Аверелл Гарриман, который тоже приехал в Потсдам, поздравил Сталина с победой.

— Вы дошли до Берлина. Рады?

— Чего радоваться? — ответил Сталин. — Император Александр дошел до Парижа.

К новому американскому президенту Гарри Трумэну Сталин сам приехал знакомиться. Дипломаты заметили, что вождь постарел. Он медленно двигался, говорил мало и тихо. Трумэн попытался обратиться к Сталину фамильярно — «дядя Джо», но понял, что этого не следует делать. Сталин уверенно сказал, что Гитлер жив и скрывается где-то в Испании или Аргентине. Повторил свое обещание принять участие в войне против Японии.

Гарри Трумэн неуверенно пригласил Сталина пообедать. Вождь с удовольствием остался. Подавали суп со шпинатом, жареную печень и бекон, запеченную свинину, картофель, фасоль, хлеб, джем, фрукты, пирожные и сигары, от которых Сталин отказался, и калифорнийское вино, которое он оценил.

Трумэн написал жене: «Сталин мне нравится. Он прямой человек».

Здесь, в Потсдаме, началась атомная эпопея. Трумэн сказал Сталину, что создано новое оружие. Принято считать, что президент сообщил тогда об успешном ядерном испытании, чтобы произвести впечатление на Сталина, надавить на него. Но Трумэн приехал в Потсдам в хорошем настроении. Морское путешествие доставило ему удовольствие. Показывали кино, нашлись партнеры для игры в покер. Он много гулял по палубе и думал, что со Сталиным поладит.

«Идея использовать атомную бомбу для давления на русских никогда не обсуждалась в Потсдаме, — писал Аверелл Гарриман. — Трумэн просто об этом не думал. Настроение было такое: относиться к Сталину как к союзнику, трудному, конечно, союзнику — в надежде, что будет вести себя соответственно».

В Потсдаме решали, что делать с разгромленной Германией. Договорились полностью уничтожить ее военную промышленность, распустить все нацистские учреждения, объяснить немецкому народу, что он сам виноват в своем бедственном положении, и реконструировать германскую политическую жизнь на демократической основе.

В какой-то момент Трумэн поинтересовался у Сталина, что произошло с польскими офицерами, о которых говорят, что их расстреляли в Катыни. Сталин ответил холодно:

— Они убежали.

Прямо во время конференции в Потсдаме «Большую тройку» покинул Уинстон Черчилль. Еще 25 мая 1945 года на аудиенции у

короля он подал в отставку как премьер-министр кабинета военного времени. Король поручил ему сформировать временное правительство и провести выборы, которые назначили на 5 июля. Британские солдаты, разбросанные по всему миру, тоже голосовали, поэтому на подсчет голосов потребовалось две недели.

Черчилль, который находился в ореоле славы, рассчитывал на победу. Но Консервативная партия потерпела тяжелое поражение. По мнению историков, консерваторов постигло возмездие за их зазнайство. Несмотря на свою проницательность и опыт политической борьбы, Черчилль не сумел уловить настроения страны и допустил плачевные ошибки, выступая по радио. Он третировал соперников — Либеральную и Лейбористскую партии — как сборище наглецов, которые берутся не за свое дело.

Консервативная партия впервые с 1929 года перешла в оппозицию. В среде тори всегда преобладал элемент дилетантства благодаря глубоко укоренившимся традиционным воззрениям, что политика есть дело добровольное. Но личные качества лидеров, тот характер, который правящей элите прививали закрытые привилегированные школы, еще недостаточны, чтобы завоевать доверие страны.

Победили лейбористы. Страна поверила в их обещание создать государство всеобщего процветания. После тягот войны никто не хотел думать о большой политике.

26 июля в Потсдам пришли ошеломляющие новости из Лондона. Больше всего была потрясена советская делегация. Неужели заранее не был известен результат выборов, удивлялся Молотов. Черчиллю пришлось покинуть Потсдам. Его сменил на конференции новичок — лидер лейбористов Клемент Эттли, который чувствовал себя неуверенно рядом с Трумэном и Сталиным. Впрочем, все основные решения были уже приняты.

Когда прощались, то много было рукопожатий и пожеланий крепкого здоровья и благополучного возвращения домой. Гарри Трумэн и Иосиф Сталин больше не встретятся. Это была их первая и последняя встреча.

После неожиданного поражения на выборах Уинстон Черчилль казался сломленным человеком, бледной тенью великого лидера. Он привык в военные годы к тому, что его появление на публике вызывало неподдельный энтузиазм. Хотя увидеть его своими глазами могли немногие, сам факт его присутствия рождал спокойствие и уверенность, отсутствие вызывало обеспокоенность и тревогу. После разгрома Франции летом 1940 года его голос был единственным оружием англичан,

оставшихся один на один с нацистской военной машиной. Когда он выступал по радио, все так внимательно вглядывались в громкоговорители, будто могли каким-то чудом разглядеть его лицо. Большей частью они слышали голос актера Норманна Шелли, который зачитывал по радио речи, произнесенные Черчиллем в палате общин.

После капитуляции Германии он признался: без войны стало скучновато. Ощущение опасности гальванизировало его мысль, пробуждало в нем жажду действий. Да и страна нуждалась в нем, пока шла война. Когда она закончилась, англичане предпочли другого сорта политиков, обещавших им комфортную жизнь.

Окружение Черчилля советовало ему покинуть большую политику. В том числе его собственная жена. У него начались серьезные проблемы со здоровьем — из-за курения и выпивки. Он выкуривал в день восемь сигар. Не отказывал себе ни в вине, ни в бренди, ни в виски, которые сопровождали обильные трапезы.

В августе сорок пятого Черчилль отправился отдыхать в Италию. Он хотел подумать и решить, что ему делать. Вслед за Черчиллем отдыхать на юг в начале октября отправился и Сталин. «Он постарел, — вспоминала его дочь Светлана. — Ему хотелось покоя. Он не знал порою сам, чего ему хотелось…»

Черчилль много гулял, наслаждался итальянской кухней, устраивал пикники, рисовал и размышлял. Он следил за той драмой, которая разворачивалась на просторах разрушенной Европы. Он отказался удалиться на покой. Лидер оппозиции его величества вернулся в парламент.

Зима сорок шестого — сорок седьмого года была в Англии очень суровой. Промышленность практически остановилась. Экономический кризис привел к уменьшению продовольственных пайков, отмене выдачи бензина, запрете поездок за границу. Сократилась и программа жилищного строительства.

Возник первый серьезный политический кризис из-за советских войск в Северном Иране. В конце августа 1941 года советские и английские войска с двух сторон вошли в Иран, чтобы покончить здесь с немецким влиянием, контролировать нефтепромыслы и обезопасить военные поставки Советскому Союзу. После окончания войны советские войска должны были вернуться домой. Но 1 марта 1946 года они отказались уходить. В Иранском Азербайджане и Курдистане с помощью советских войск возникли две непризнанные республики, которые ориентировались на Москву.

Из-за Ирана великие державы столкнулись в первый раз.

«Историки будущего, — считал шах Реза Пехлеви, — придут к выводу, что холодная война фактически началась в Иране.

События в Иранском Азербайджане стали причиной доктрины Трумэна».

В октябре 1941 года вместо коммунистической партии Ирана, запрещенной властями за десять лет до этого, образовалась Народная партия Ирана, Туде. При активной поддержке советских властей партия Туде захватила власть в северо-западной области — Иранском Азербайджане. Шахским войскам пришлось отступить. 12 декабря 1945 года в городе Тебризе Народное собрание провозгласило создание народно-демократического государства Южный Азербайджан. Президентом стал лидер только что созданной партии Сеид Джафар Пишевари. Указом правительства 21 декабря началось формирование Народной армии. Ввели собственную денежную систему. Советский Союз перечислил большие суммы в Тебризский банк для поддержки нового правительства.

Так же развивались события и в населенной курдами западной части Иранского Азербайджана, где в небольшом городке Мехабад была провозглашена независимая Курдистанская республика — также при активном содействии Красной армии. Правительство в Мехабаде поддержали около двух тысяч бойцов, прибывших из соседнего Ирака под командованием муллы Мустафы Барзани.

Соединенные Штаты обратились с запросом к союзнику: в северной части Ирана вспыхнуло восстание, направленное против законного правительства, почему советские власти препятствуют правительственным войскам в наведении порядка?

Через неделю, 29 ноября 1945 года, нарком Молотов ответил:

«События, имевшие место в последние дни в Северном Иране, не только не являются вооруженным восстанием, но и не направлены против шахиншахского Правительства Ирана. Теперь, когда опубликована декларация Народного Собрания Северного Ирана, видно, что здесь дело идет о пожеланиях относительно обеспечения демократических прав азербайджанского населения Северного Ирана, стремящегося к национальной автономии в пределах Иранского Государства и имеющего свой особый язык, отличный от персидского языка…

К посылке новых иранских войск в северные районы Ирана Советское Правительство отнеслось отрицательно и сообщило Иранскому Правительству о том, что посылка дополнительных иранских войск в Северный Иран могла бы вызвать не прекращение, а усиление беспорядков, а также кровопролитие, что заставило бы Советское Правительство ввести в Иран свои дополнительные войска в целях охраны порядка и обеспечения безопасности советских гарнизонов…»

Американцы и англичане предполагали, что за этим конфликтом стоит желание советского руководства получить в Иране концессии на разработку нефти.

Сталин объяснил американскому послу интерес к иранской нефти:

— Вы не понимаете нашу ситуацию. Главный источник нашей нефти — месторождения в Баку. Они близки к границе с Ираном, и они очень уязвимы. Берия и другие говорят мне, что вредители — один человек с коробком спичек — могут принести нам серьезный ущерб. Мы не можем рисковать поставками нефти…

Вождь говорил о потребности Советского Союза в получении большей доли в эксплуатации мировых нефтяных ресурсов. Зачем же Англия и Соединенные Штаты препятствуют России в поиске нефтяных концессий?..

— Я вполне понимаю желание Советского Союза получать нефть из Ирана, — говорил американский посол в Москве. — Об этом вполне можно было договориться, не прибегая к аргументации силой, то есть соглашением, заключенным после вывода советских войск из Ирана. Соединенные Штаты вовсе не возражают против стремления СССР обеспечить свою безопасность. Противоречия возникают только в связи с теми методами, которые при этом употребляются с советской стороны…

Соединенные Штаты принялись уговаривать Сталина исполнить свое обещание и уйти из Ирана. Вашингтон не собирался воевать из-за иранской нефти. Но и не понадобилось. Обещание Гарри Трумэна поддержать вместе с Англией жалобу Ирана в Совете Безопасности ООН подействовало на Сталина, чувствительного к настроениям мирового общественного мнения: 24 апреля 1946 года войска были выведены.

Казалось, это лишь досадный эпизод. Посол Гарриман пришел к Молотову в примирительном настроении.

— Конечно, разногласия есть, — рассуждал посол, — но при добром желании всех сторон и при наличии подходящей атмосферы через всякие противоречия можно перекинуть мост. Советская сторона в последние месяцы была уж слишком подозрительной и недоверчивой. Я прекрасно понимаю исторические корни этих чувств, но все-таки советским людям следует проявить немножко больше доверия к союзникам по великой войне… Советская сторона часто просто отвечает «нет» и ставит точку. Такое отношение обижает американцев, создает почву для всякого рода нездоровых подозрений, страхов и опасений о целях и стремлениях Советского Союза. К чему это? Нельзя ли почаще консультироваться? Нельзя ли давать более

подробные ответы на дружеские дипломатические запросы?..

Молотов ответил в своем стиле:

— Я прекрасно понимаю важность психологического фактора в отношениях между странами, но и тут должен спросить, все ли в этом отношении безупречно со стороны наших партнеров?.. Если уж говорить с той откровенностью, которую допускает наше с ним старое знакомство, то — да простит меня Гарриман! — советским людям кажется, что как раз американцы в последнее время несколько зазнались и не дают себе труда даже скрывать это…

После Корделла Халла в ноябре 1944 года государственным секретарем Соединенных Штатов стал Эдвард Стеттиниус. Но он провел на этом посту несколько месяцев и в июне следующего года ушел. 3 июля 1945 года президент Трумэн поручил внешнюю политику своему старому знакомому и опытному человеку Джеймсу Фрэнсису Бирнсу, в прошлом конгрессмену, сенатору и члену Верховного суда.

28 апреля 1946 года государственный секретарь Бирнс пригласил Молотова на обед в парижской гостинице «Мерис». Нарком выразил недовольство недружественной позицией американцев в отношении иранских дел.

«Молотов, — отмечено в записи беседы, — говорит, что в последнее время действия Правительства США были направлены против СССР и способствовали созданию атмосферы недоверия вокруг СССР и развертыванию международной кампании, враждебной СССР…

Взять хотя бы пример с Ираном. Правительство США не пожелало отложить обсуждение иранского вопроса на две недели, как об этом просило Советское Правительство. Позже Правительство США настаивало на оставлении иранского вопроса в Совете Безопасности вопреки просьбам СССР и Ирана…

Бирнс говорит, что ссылки Советского Правительства на то, что Иран может представлять опасность для СССР, неосновательны. Что касается иранской нефти, то еще во время Крымской конференции Стеттиниус и Иден заявили об отсутствии у США и Англии возражений против получения Советским Союзом нефтяных концессий в Иране. Следовательно, оставление Советским Союзом войск в Иране было вызвано стремлением Советского Правительства добиться от Иранского Правительства принятия советских требований… Это создало у мирового общественного мнения впечатление, что СССР стремится в Иране к экспансии так же, как он это делает в Европе…»

Государственный секретарь Бирнс считал, что он сам сможет

обо всем договориться с советскими партнерами. Госсекретарь сильно себя переоценивал. Он пробыл на посту госсекретаря пятьсот сорок шесть дней, из них половину времени провел за границей, мало интересуясь, что происходит в его ведомстве в Вашингтоне.

Опытные дипломаты его ни в грош не ставили. Его подчиненный Аверелл Гарриман позволил себе высмеять госсекретаря в разговоре с Молотовым.

— Бирнс неопытен в международных делах, — с чувством превосходства заметил Гарриман. — Бирнс привык работать в домашней обстановке. К тому же он судья, то есть человек, привыкший мыслить юридически. Он законник и не всегда понимает, что во внешней политике юридическая норма часто вынуждена уступать политической целесообразности…

А президент Трумэн был недоволен, что госсекретарь действует самостоятельно, не советуясь с Белым домом. Он разозлился на Бирнса, который, вернувшись из Москвы, собирался сначала выступить по радио. Трумэн потребовал, чтобы госсекретарь отчитался перед президентом.

5 января 1946 года он вызвал Бирнса в Овальный кабинет и зачитал вслух адресованное государственному секретарю письмо:

— У меня нет сомнений, что Россия намерена вторгнуться в Турцию и захватить черноморские проливы, ведущие в Средиземноморье. Если не противопоставить России железный кулак и твердые слова, возникнет новая война. Они понимают только один язык: «Сколько у вас дивизий?» Я считаю, что мы больше не должны идти на компромиссы. Мы должны отказаться признавать правительства в Румынии и Болгарии, пока они не будут соответствовать нашим требованиям. Мы должны ясно изложить свою позицию по Ирану. Мы должны сохранять полный контроль над Японией и Тихим океаном. Мы должны восстановить Китай и создать там сильное центральное правительство. То же самое должно быть сделано в Корее. После этого мы должны настоять на возвращении наших судов из России и добиться урегулирования вопроса о российских долгах по ленд-лизу. Я устал нянчиться с Советами…

Джеймс Бирнс в январе 1947 года подал в отставку «по состоянию здоровья».

Когда советские войска под давлением США и ООН ушли, иранская армия по приказу шаха вошла в Иранский Азербайджан и его курдские районы, сокрушила сепаратистские режимы и восстановила власть центрального правительства.

1 декабря 1946 года власти Иранского Азербайджана приняли решение не сопротивляться шахским войскам. Шахские

войска устроили резню, рубили головы и вспарывали животы. Через открытую советскую границу больше двадцати тысяч иранских азербайджанцев перешли на советскую территорию, среди них президент непризнанной республики Джафар Пишевари. Вскоре он погибнет в Баку в автомобильной катастрофе.

Премьер-министр Ирана Кавам ос-Салтан тянул время, чтобы избежать предоставления концессий. После вывода советских войск меджлис сначала отказался ратифицировать соглашение о нефтяной концессии Советскому Союзу, затем запретил партию Туде. Эта история сильно напугала западных политиков. На Западе боялись, что рано или поздно Сталин попытается взять под контроль нефтяные месторождения Ирана.

Для Англии, которая жила за счет импорта нефти, в том числе иранской, это был вопрос жизни и смерти. Британский министр иностранных дел в правительстве лейбористов Эрнест Бевин сказал своим подчиненным:

— Наши отношения с Россией относительно широкого круга европейских проблем приходят к тому же положению, в каком когда-то мы были с Гитлером.

Возможно, происходившие тогда в Иране события и нефтяные страхи стали одной из причин того, что 5 марта 1946 года Уинстон Черчилль произнес знаменитую речь о железном занавесе.

Когда Черчилль собирался в Соединенные Штаты, он получил приглашение посетить Вестминстерский колледж в небольшом городке Фултон в Миссури, родном штате президента Трумэна. Президент Вестминстерского колледжа Фрэнк Макклюэр обратился к одному из своих выпускников — близкому к Трумэну генералу Гарри Вогану, который преподавателям больше запомнился игрой в футбольной команде — он был центральным нападающим. Президент колледжа поехал в Вашингтон и попросил генерала помочь пригласить Черчилля в Миссури. Генерал пошел к Трумэну.

Президент Трумэн взял письмо, адресованное Черчиллю, и приписал внизу: «Это прекрасная школа в моем родном штате. Надеюсь, вы сможете приехать. Я вас представлю. Всего наилучшего».

Миссури не самый известный штат в США, Фултон не самый большой город, здесь вообще мало что происходит. Только однажды приехал Черчилль, произнес речь, и она сделала Фултон историческим городом. В память о знаменитой фултонской речи здесь открыли музей Черчилля. Вестминстерский колледж — главная достопримечательность города. Теперь, кстати говоря,

здесь учатся студенты и из нашей страны.

Трумэн и Черчилль поехали в Фултон на поезде. Черчилль пребывал в отличном настроении. Перед ужином выпил пять порций скотча. Утром 5 марта 1946 года он внес последние исправления в свою речь, которую размножили на ротапринте. Американский президент прочитал текст и одобрил.

Тысячи людей собрались, чтобы увидеть Трумэна и Черчилля. После обеда в доме президента колледжа гости отправились в спортивный зал. Другого помещения, способного вместить всех желающих, в колледже не нашлось. Во вступительном слове Трумэн рассказал, как познакомился в Потсдаме с Черчиллем и Сталиным, и они оба ему понравились. Черчилля он назвал одним из выдающихся людей нашего времени и предоставил ему слово.

— Я глубоко восхищаюсь доблестным русским народом и моим товарищем в военные годы маршалом Сталиным, — говорил Черчилль. — Мы понимаем, что России необходимо обеспечить безопасность своих западных границ, устранив любую возможность германской агрессии. Мы рады, что Россия заняла законное место среди ведущих мировых держав. Мы приветствуем ее флаг на морях. Но я не могу не сказать о том, что происходит в Европе. На мир, озаренный победой союзников, пала тень. Никто не знает намерения Советской России и ее международной коммунистической организации и каковы пределы, если таковые существуют, их экспансии.

И вот тогда Черчилль произнес знаменитые слова о железном занавесе:

— От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике железный занавес опустился на наш континент. По ту сторону занавеса все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы — Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест и София. Все эти знаменитые города и их население оказались в советской сфере… Почти все эти страны управляются полицейскими правительствами, в них нет подлинной демократии… Это явно не та свободная Европа, ради которой мы сражались. Я не верю, что Советская Россия жаждет войны. Она жаждет неограниченного расширения своей власти и идеологии. Из того, что я наблюдал в годы войны, я заключаю, что наши русские друзья и соратники ничем не восхищаются больше, чем силой, и ничего они не уважают меньше, чем слабость, особенно военную слабость.

Первая реакция на его речь была очень критической и на Западе, и на Востоке. Американские газеты обвиняли Черчилля в том, что он отравил и без того трудные взаимоотношения между

США и СССР и опять пытается втянуть их страну в европейские дела. Трумэн поспешил сказать журналистам, что не читал текст заранее: в свободной стране каждый имеет право говорить все, что он думает.

Президент написал Сталину, что приглашает его в Соединенные Штаты и готов прислать за ним авианосец «Миссури». Трумэн обещал отвести Сталина в университет Миссури, чтобы и он мог, как Черчилль, сказать, что он думает. Сталин отклонил приглашение.

Назначенный послом в Советский Союз американский генерал Уолтер Беделл Смит в Нью-Йорке остановился в той же гостинице, в которой жил Черчилль. Смит не разделял все взгляды Черчилля, высказанные им в Фултоне, но очень хотел его увидеть. Смит позвонил в его номер. Черчилль пригласил зайти. Посол застал его в ванной комнате. Пока Черчилля одевался, они несколько минут поговорили.

Бывший премьер-министр был крайне раздосадован пикетами на улицах. Коммунисты и левые ругали его почем зря, а он привык к тому, что в Америке его встречают восторженно. Но считал, что сделанный им в Фултоне анализ точен.

— Припомните мои слова — через год-два многие из тех, кто меня сейчас поносит, скажут: «Как Черчилль был прав!»

Молотов и Вышинский выразили свое негодование государственному секретарю Джеймсу Бирнсу на переговорах в Париже.

«Молотов и Вышинский, — говорится в записи беседы, — выражают удивление, что Черчилль выбрал именно США для выступления со своей речью, которая была не чем иным, как призывом к новой войне.

Бирнс берет под защиту Черчилля, указывая, что он выступал не как член Британского Правительства, а под свою ответственность, что ни он, Бирнс, ни Трумэн не видели речи заранее и пр.

Молотов замечает, что Черчилль подорвал свой престиж, выступив с такой речью.

Бирнс говорит, что заслуги Черчилля в минувшей войне настолько велики, что Черчилль до самой смерти будет иметь массу поклонников…

Молотов отвечает, что нельзя оправдывать Черчилля, провозгласившего новую расовую теорию, теорию англосаксонского господства над миром, с которой далеко не все согласятся…»

Сталин назвал речь Черчилля «опасным шагом». Он увидел в ней контуры противостоящего ему военного союза, хотя сильно

рассчитывал на англо-американские противоречия. 9 февраля 1946 года он выступил перед избирателями на выборах Верховного Совета СССР. Сталин сказал, что коммунизм и капитализм несовместимы, поэтому война неминуема. Конфликт с Западом возникнет в пятидесятых годах, когда Америка будет переживать тяжелый экономический кризис.

В Вашингтоне вздрогнули. Американские политики решили, что Сталин «объявил войну Соединенным Штатам».

Длинная телеграмма Джорджа Кеннана

Сейчас трудно себе представить, какой популярной во время Второй мировой была Красная армия. Американцы и англичане восхищались советскими солдатами. Британский король подарил защитникам Сталинграда меч. До войны Сталин воспринимался как странная и демоническая фигура. В ходе войны он превратился в «дядю Джо», как его называли на Западе, что было вполне одобрительным прозвищем. Британские солдаты писали на европейских развалинах «Дядю Джо в короли!».

Опросы общественного мнения показывали, что восемьдесят процентов американцев приветствуют послевоенное партнерство с Россией. Летом сорок пятого общественное мнение благожелательно воспринимало «дядю Джо», героя побед на Восточном фронте. Жизнь советского общества была закрыта для мира. Критика Советского Союза выглядела как предательство.

Внешнеполитическое положение Советского Союза летом 1945 года было идеальным. Победитель Гитлера мог рассчитывать на самое дружеское участие со всех сторон. После разгрома Японии Соединенные Штаты стремительно сокращали свою армию, их сухопутные силы стали в десять раз меньшими, чем советские. Врагов не было. И не надо было их создавать. Страна чувствовала бы себя в полнейшей безопасности в послевоенные годы…

Государственный департамент США попросил свое посольство в Москве растолковать реальные мотивы сталинской политики: что стоит за февральской речью Сталина? Почему советские руководители отвергают американские предложения и с ними невозможно договориться?

Телеграмма поступила советнику-посланнику Джорджу Фросту Кеннану, который остался поверенным в делах после отъезда посла Гарримана. Кеннан, прекрасно говоривший по-русски, знаток русской истории и литературы, был среди первых американских дипломатов, приехавших в Москву в 1933 году.

Весной 1944 года его вновь командировали в Советский Союз. Штат американского посольства состоял из двадцати пяти — тридцати дипломатов и тридцати пяти — сорока клерков, большинство из них были женами дипломатов. Полтора десятка человек служили в военных атташатах и еще двадцать пять военнослужащих в основном занимались средствами связи…

«Мы искренне сочувствовали страданиям русских людей в

военное время и ценили их героизм, — вспоминал Кеннан. — Мы сделали им только добро, поэтому особенно тяжело было видеть, что на нас смотрели как на носителей какой-то инфекции.

Сталин и его окружение — это люди, в свое время заключившие пакт о ненападении с Германией. Они были тогда враждебны Соединенным Штатам и Англии, и трудно поверить, чтобы их взгляды претерпели радикальные изменения».

В отличие от знатока российской жизни дипломата Кеннана большинство американских политиков не имело ни малейшего представления о том, что представляет собой советский режим и кто такой Сталин.

В сентябре 1945 года в Москву приехала группа конгрессменов, чтобы встретиться со Сталиным. Американцев прокатили на метро, потом славно угостили и на двух лимузинах повезли к вождю. Когда подъезжали к воротам Кремля, Кеннан услышал в машине чей-то хриплый и не очень трезвый голос:

— Черт побери, да кто такой этот Сталин? Почему я должен с ним встречаться? Я, пожалуй, выйду.

Кеннан твердо сказал нарушителю спокойствия:

— Не выдумывайте! Вы будете сидеть здесь и останетесь со всеми.

Когда они уже въехали в Кремль, сопровождаемые двумя машинами с вооруженными сотрудниками госбезопасности, Кеннан услышал, как тот же голос произнес:

— А что, если я щелкну этого старикана по носу?..

Вождь принял американских законодателей 14 сентября в восемь вечера. Присутствовали еще Вышинский и переводчик.

«Великоватый китель, который носил Сталин, — вспоминал Кеннан, — возможно, компенсировал недостаточную представительность его внешнего облика. Волевое лицо, несмотря на грубоватые черты, казалось даже привлекательным. Желтые глаза, усы, слегка топорщившиеся, оспинки на щеках придавали ему сходство со старым тигром, покрытым шрамами. Сталин был прост в обращении, выглядел спокойным и хладнокровным. Неподготовленный гость мог не догадаться, какая бездна расчетливости, властолюбия, жестокости и хитрости скрывалась за этим непритязательным внешним обликом. Великое умение притворяться — часть его великого искусства управлять».

В февральские дни 1946 года Джордж Кеннан болел, лежал в постели в Спасо-Хаусе и хандрил. Он страдал от жестокой простуды, которая сопровождалась высокой температурой, и от гайморита. Вдобавок у него ныли зубы. Интроверт, часто пребывавший в унынии, он был не из тех, кто хорошо чувствовал себя во враждебном и подозрительном мире сталинской Москвы,

где иностранных дипломатов отрезали от общения не только с простыми людьми, но и даже с чиновниками.

Джордж Кеннан пребывал в депрессии и подумывал об отставке, поскольку к нему не прислушивались.

«При администрации Рузвельта, — вспоминал Кеннан, — преобладала наивность в отношении Советского Союза. Это представляло серьезную опасность, против которой надо было бороться. В советско-американских отношениях нельзя было действовать такими простыми и даже детскими методами, которые импонировали Франклину Рузвельту и которые, как ожидалось, должны были понравиться советским руководителям и прежде всего лично Сталину».

Кеннан был шокирован, когда обнаружил, что однажды Рузвельт попросил Сталина вмешаться в американские внутриполитические дела — отговорить коммунистическую партию Соединенных Штатов оказывать ему поддержку на президентских выборах, так как эта поддержка поставила бы его в затруднительное положение.

Кеннан полагал, что у него на родине вовсе не понимают, с кем имеют дело.

«Советский режим — прежде всего полицейский режим. Это обстоятельство никогда не следует упускать из виду при оценке советских мотивов. В отличие от гитлеровской Германии действия Советского Союза не носят авантюристического характера. Советы не идут на ненужный риск. Глухие к логике разума, они в высшей степени чувствительны к логике силы».

Советник-посланник американского посольства втолковывал чиновникам в Вашингтоне: прежде чем они смогут обсуждать со Сталиным будущее Европы, ему нужно доказать, что США не позволят СССР добиться своих целей путем применения силы, что у Запада достаточно мужества, твердости и уверенности в своих силах и западные страны не позволят обвести себя вокруг пальца.

«Мы дали повод Сталину думать, — считал Кеннан, — что западная часть Европы находится в плачевном состоянии, а Соединенные Штаты исходят из абсолютно наивных и преувеличенных представлений о советской мощи, поэтому он легко сможет выдавить американцев со всего евроазиатского пространства и навязать миру свою политику. Мне было ясно, что, пока советские руководители так думают, у нас нет никакой надежды эффективно вести с ними дела. Поэтому в 1945 и 1946 годах я призывал Вашингтон ужесточить позицию и рассеять московские иллюзии. Я был убежден, что мы должны доказать русским, что они ничего не добьются без сотрудничества с нами».

Кеннан предлагал «откровенно поделить Европу на сферы

влияния, держаться подальше от российской сферы и держать русских подальше от нашей сферы». Его коллега по Государственному департаменту Чарлз Болен (еще один будущий посол в Москве) ответил, что подобная политика немыслима для демократического государства, только тоталитарные режимы на это способны.

Получив запрос из Вашингтона относительно подлинного смысла речи Сталина, Кеннан мог высказаться откровенно. 22 февраля 1946 года он отправил в Государственный департамент так называемую «длинную» телеграмму:

«Я не в состоянии уместить ответы на заданные мне вопросы в кратком сообщении без риска представить их в слишком упрощенном виде. Я надеюсь, департамент не будет возражать, если я разобью ответы на вопросы на пять разделов:

особенности советского мировоззрения в отражении официальной пропагандистской машины; основы этого мировоззрения;

реализация этих взглядов в практической политике на официальном уровне;

реализация этих взглядов в неофициальной политике, осуществляемой скрыто, за которую советское правительство не несет никакой ответственности;

практические выводы с точки зрения американской политики».

Кеннан начал с исторического экскурса: «Исторически внешняя политика России развивалась путями, отличными от американских… Русская история знала много перемирий между враждебными силами, но в ней нет ни одного примера постоянного мирного сосуществования двух соседних государств… У русских поэтому нет концепции постоянных дружественных отношений между государствами. Для них все иностранцы — потенциальные враги…»

Описав цели советской внешней политики и душевное состояние страны, в своих оценках он был достаточно оптимистичен: «Многое зависит от здоровья и энергии нашего общества. Мировой коммунизм подобен болезнетворному паразиту, который питается только пораженными тканями… Мы должны сформулировать и представить на рассмотрение других государств более позититивную и конструктивную картину того, как мы представляем себе мир в будущем… Многие страны, особенно в Европе, измучены и запуганы и меньше заинтересованы во всеобщей свободе, чем в собственной безопасности. Мы должны быть готовы предложить им такую помощь. И мы должны оставаться верными нашим принципам.

Самая большая опасность, которая грозит нам в решении проблем советского коммунизма, — это уподобление тем, с кем мы имеем дело…»

Джордж Кеннан считал, что Советский Союз слабее западного мира, и выражал сильные сомнения в прочности и стабильности коммунистической системы.

«Главная цель Советского Союза, — резюмировал он, — состоит в том, чтобы повсюду распространить свое влияние… В лице СССР мы имеем дело с политической силой, которая фанатично верит, что с США невозможно достичь согласия… В этих условиях ясно, что главным элементом политики США по отношению к Советскому Союзу должно быть долгосрочное, терпеливое, но твердое и бдительное сдерживание советских экспансионистских тенденций».

Он перечислил правила поведения в отношениях с советскими представителями, которые стали знаменитыми: «Не фамильярничайте с ними… Не придумывайте общность целей с ними, которой в действительности не существует… Не делайте бессмысленных жестов доброй воли… Не бойтесь пустить в ход все средства для решения вопроса, который нам может показаться второстепенным… Не бойтесь ссор и предания гласности разногласий…»

С пометкой «Не подлежит сокращению» телеграмма поступила госсекретарю Джеймсу Бирнсу, его заместителю Дину Ачесону и военно-морскому министру Джеймсу Форрестолу, который снял с нее сотни копий и раздавал их всем видным чиновникам в Вашингтоне.

Уже в Вашингтоне Кеннан говорил президенту Трумэну:

— Соединенные Штаты не могут в обозримом будущем рассчитывать на политическое сближение с Советским Союзом. Вам следует рассматривать Советский Союз в качестве соперника, а не партнера.

Свои идеи Кеннан более подробно изложил в статье под названием «Истоки советского поведения», которая за подписью «Икс» была опубликована в журнале «Форин афферс» в июле 1947 года и стала достоянием широкого круга ученых, военных, разведчиков и политиков. У многих американцев, прочитавших его телеграмму или его статью, возникло ощущение: наконец-то все стало ясно, теперь понятно, как действовать в отношении Советского Союза. Джордж Кеннан предсказал войну между двумя системами не на жизнь, а на смерть.

Похождения бригадира Хилла

После нападения нацистской Германии на Советский Союз в первом управлении Наркомата госбезопасности (политическая разведка) сформировали отдел по взаимодействию с английской и американской разведками. 8 июля 1941 года для налаживания сотрудничества в борьбе с общим теперь врагом в Лондон прилетел начальник разведывательного управления Генштаба Красной армии генерал Филипп Иванович Голиков. Он подписал соглашение с британскими партнерами о том, что разведки не станут проводить операции на территории друг друга без предварительной договоренности. Впрочем, вскоре англичане обнаружили, что помещение их миссии в Москве напичкано микрофонами.

В августе 1942 года через Каир и Тегеран Уинстон Черчилль прилетел в Москву. Черчилль и его окружение были потрясены роскошью устроенных для них банкетов, в эти тяжкие военные дни столы буквально ломились от блюд.

Англичане были уверены, что в предоставленной премьер-министру резиденции его подслушивают. Охранник Уолтер Томпсон сказал об этом Черчиллю и предупредил, что следует быть осторожным в своих высказываниях:

— Возможно, и в спальне полно микрофонов.

— Если это так, — ответил Черчилль, — то нам их не найти. Я им сейчас кое-что скажу.

Премьер-министр повысил голос:

— Это говорит Уинстон Черчилль. Если вы установили микрофоны в моей комнате, то это напрасная трата времени. Я не говорю во сне.

Он рассмеялся своей шутке и заметил:

— Надо повторить это и в другой комнате.

В годы Второй мировой британская разведка считалась самой умелой и успешной.

Немцы пользовались купленными в Швейцарии шифровальными машинами «Энигма», полагая, что безопасность переговоров гарантирована. Первую информацию об устройстве этих машин англичанам сообщил немец Ганс Тило Шмидт, работавший на французскую разведку. Польский инженер, который когда-то участвовал в разработке «Энигмы», в 1938 году восстановил конструкцию шифровальной машины. Поляки первыми начали расшифровку немецких кодов. После поражения в сентябре тридцать девятого они передали англичанам все свои разработки и переправили в Англию имевшийся у них образец

«Энигмы».

Пять с половиной военных лет английские дешифровальщики в Государственной школе кодирования и шифровального дела в Блетчли-Парк знакомились с секретными документами рейха. Англичане понимали, что напали на золотую жилу, поэтому изо всех сил старались не дать немцам понять, что их шифротелеграммы читаются врагом. Прежде чем использовать перехваченную информацию, англичане всякий раз тщательно продумывали, как обосновать свою осведомленность. И немцы ничего не заподозрили.

Начальник британской разведки Стюарт Мензис считал ненадежными советские линии связи и боялся давать Москве информацию, которую немцы смогут перехватить и понять, что противник читает их шифрованную переписку. Сведения, полученные путем перехвата и дешифровки немецких шифртелеграмм, передавались Красной армии только с санкции Уинстона Черчилля. Скажем, 17 июля 1941 года Черчилль и Мензис спорили, можно ли сообщать русским, что немецкие танковые части вот-вот окружат советские войска в районе Смоленска. Мензис категорически возражал.

Тем не менее англичане делились с советским союзником информацией военного значения. 8 декабря 1942 года военная миссия Великобритании в Москве информировала Наркомат обороны о том, что в Северной Африке немцы использовали новый тяжелый танк «Тигр». 3 мая 1943 года британская миссия сообщила Наркомату обороны о том, что немецкое командование готовит большое наступление в районе Курска. Но Гитлер отложил наступление, потому что новая техника поступила с опозданием. Операция «Цитадель», которая стала крупнейшим танковым сражением Второй мировой, началась позже, чем планировали немцы. Советские военные решили, что англичане то ли сознательно вводят их в заблуждение, то ли подсовывают неточную информацию.

Но то, что Москва не получала официальным путем, передавал агент советской разведки Джон Кэрнкросс, работавший в центре радиоперехватов и дешифровки в Блетчли-Парк. Кэрнкросс, награжденный орденом Красной звезды, даже считал, что это он изменил ход Второй мировой войны, когда помог Красной армии выиграть битву под Курском.

В Москву прибыла большая британская разведывательная миссия. Это были люди, знавшие русский язык, что означало, что они либо помогали белым сражаться против Красной армии во время Гражданской, либо служили в военном атташате в Москве в тридцатых годах и были свидетелями кровавых чисток в

Советской России. Некоторые из них происходили из семей белых эмигрантов, то есть заведомо придерживались антикоммунистических взглядов. Руководителем миссии стал генерал Ноэль Мэйсон-Макфарлейн, который был начальником разведывательной службы британского экспедиционного корпуса во Франции в 1939–1940 годах.

Миссию управления специальных операций возглавил бригадир Джордж Хилл, который в предвоенные годы занимался подрывными операциями против большевиков, да еще умудрился рассказать об этом в опубликованных мемуарах. Достоинства Хилла на этом посту исчерпывались его свободным владением русским языком и завидной способностью выпивать.

«Весельчак Джордж Хилл, — вспоминал Ким Филби, который служил в британской разведке, но работал на Советский Союз, — со своим огромным животом скорее походил на опереточного короля, у которого вместо короны — лысина на макушке. Русские приняли его назначение в Москву с восторгом. Они знали о Хилле все. Запоздалая проверка его комнаты для совещаний в Москве обнаружила устрашающее количество подслушивающих устройств».

Готовность бригадира Хилла исполнять свой долг не знала границ. Он даже завел себе русскую любовницу, о которой твердо знал, что она работает на НКВД. Кто у кого больше вытянул информации, остается неясным. Но такова была практика многих британских разведчиков. Причем любовницы оформлялись как агенты, которым полагалась пенсия. И многим еще в пятидесятых годах британское правительство тайно платило за их былые «заслуги». Хилл явно превзошел своих коллег в этой сфере, когда убедил британское министерство иностранных дел прислать ему брильянтов на двадцать тысяч фунтов, чтобы окончательно перевербовать девушку на свою сторону.

Почему Хью Дальтон, британский министр, отвечавший за управление специальных операций, не выбрал кого-то другого для поездки в Москву? У него в аппарате были и люди левых убеждений. Но он полагал, что это все равно не растопит льда в отношениях с Москвой.

Лейборист Стаффорд Криппс был выбран на роль британского посла в Советском Союзе именно по причине его леволиберальных взглядов. Но в Москве его ненавидели еще больше, чем консерваторов.

Больше всего англичан беспокоило, что в руки немцев попадут нефтяные месторождения в Баку. Они даже предложили свою помощь в подрыве оборудования. 22 ноября 1941 года Сталин принял предложение. Заместитель наркома иностранных

дел Вышинский разрешил большой группе англичан, в том числе сотрудникам управления специальных операций на Ближнем Востоке прибыть в Баку и совместно с чекистами приступить к минированию нефтеносных месторождений.

Группу британских диверсантов в Баку тепло встретил заместитель наркома внутренних дел Всеволод Николаевич Меркулов. Гостеприимство было на высшем уровне. Пособие, разработанное в управлении специальных операций, по уничтожению нефтедобычи перевели на русский. Меркулов отвез англичан к Николаю Константиновичу Байбакову, уполномоченному Государственного Комитета Обороны по уничтожению нефтяных скважин и нефтеперерабатывающих предприятий в Кавказском регионе. Англичане поделились опытом — как они уничтожали скважины на острове Борнео, чтобы нефть не досталась японцам. Кто-то в Лондоне брюзжал, что незачем предлагать русским помощь в тех сферах, в которых они сами преуспели. Но именно управлению специальных операций удалось наладить нормальное сотрудничество с русскими.

В сентябре 1941 года британские разведчики в Сингапуре получили указание принять советскую миссию связи из пяти офицеров. Причем резидентам внешней разведки и управления специальных операций объяснили: «В случае падения нынешнего режима в России на британской территории окажется достаточное количество офицеров НКВД, которые смогут продолжить работу со своей агентурой по всему миру уже в наших интересах».

Однако пала не Москва, а Сингапур. 25 декабря 1941 года советскую миссию связи перевели в Рангун, но и Бирма скоро была занята наступавшими японскими войсками. А вот части Красной армии под Москвой стояли насмерть.

Премьер-министр Уинстон Черчилль распорядился удовлетворить просьбу советской разведки — перебросить ее агентов в Европу. Они морем прибыли в Англию, и самолеты эскадрильи управления специальных операций сбросили два десятка агентов с парашютами над оккупированными немцами территориями — на Балканах, над Италией и Францией. Французское правительство в изгнании отчаянно протестовало. Но на Черчилля произвела впечатление информация о деятельности коммунистического подполья, которое сражалось против немцев, и он хотел поддержать подпольщиков.

В 1942 году бригадир Хилл докладывал в Лондон, что не стоит принимать предложение советских партнеров, которые замыслили совместные акции — подрывные операции в Турции,

Иране, на Балканах и в Центральной Европе: «Такое сотрудничество может быть очень опасным. Нельзя пускать русских внутрь британской разведки и создавать совместные организационные структуры».

Джордж Хилл считал, что русские намерены насытить Восточную Европу своей агентурой, чтобы после поражения Гитлера обеспечить развитие событий в этих странах в свою пользу: «Нам не надо попадаться в эту ловушку. Хотя ситуация очень непростая, потому что мы уже согласились сбрасывать русских агентов над вражеской территорией».

Бригадир Хилл реалистично говорил, что в этой войне все преследуют собственные цели: «Даже у нас с Соединенными Штатами цели разные».

Тем не менее проводились и совместные операции. Черчилль просил Сталина организовать охоту за ракетами «Фау-2», которыми немцы обстреливали Лондон. Зенитки и истребители были бессильны против ракет, оказавшихся неприятным сюрпризом для англичан. Сталин согласился, и совместная англо-американская группа в сентябре 1944 года прибыла в Москву. Вместе с советскими разведчиками они нашли районы испытаний «Фау» на территории Польши, установили тип используемого горючего и характеристики двигателя. В Лондоне благодарили за помощь.

Британские армейские офицеры были откровенными антикоммунистами. Иначе вели себя представители королевского военно-морского флота, которые уважительно относились к русским морякам и делились информацией о действиях немцев. В ответ они получали сведения о японском военном флоте, которые были на вес золота для союзников. Советские моряки воспринимали англичан как боевых товарищей. Один из них в 1942 году приветствовал британского адмирала словами:

— Я должен сообщить вам, что мы только что одержали большую победу над нашим общим врагом… — Он сделал паузу. — Наркоматом иностранных дел…

В начале 1942 года британские моряки договорились о проведении конвоев с военными грузами, поступавшими по программе ленд-лиза, и получили разрешение открыть на советской территории пункт радиоперехвата. Советские военные согласились, потому что в равной степени дорожили безопасностью конвоев, которые везли оружие и снаряжение для Красной армии.

Но британским офицерам связи в Москве не удавалось поладить с советскими коллегами. Атмосфера сотрудничества была отравлена советской манией секретности. Англичане

жаловались на атмосферу «концлагеря» в Москве. Британский посол Криппс попросил прислать в Москву действующих офицеров британской армии с опытом боевых действий, считая, что они будут придерживаться более практической точки зрения. Прислали штабных офицеров, на редкость высокомерных. Новый глава военной миссии генерал сэр Гилфорд Мэррел жаловался на русских и называл их «азиатами».

В начале 1944 года Энтони Иден устал от его жалоб и прислал руководителем миссии в Москву своего старого друга генерал-лейтенанта Бурроувса. Тот говорил по-русски и носил медаль, полученную от Белой армии в 1919 году. С этой медалью он явился на устроенный в Москве прием, где был представлен Сталину. Что же удивляться, если Сталин сам попросил убрать генерала? 23 сентября 1944 года они с Молотовым вежливо попросили избавить их от британского генерала, поскольку он крайне оскорбительно относится к советским офицерам.

У американцев сотрудничество с русскими шло хуже, несмотря на желание президента Рузвельта и его специального посланника Гарри Гопкинса, побывавшего в Москве. Американский военный атташе в Советском Союзе полковник Айвен Итон был таким же антикоммунистом, как и его британские коллеги. Он фактически саботировал указания военной разведки наладить обмен реальной информацией с Советским Союзом. В октябре 1941 года полковника убрали.

Американская военная миссия прибыла в Москву 3 октября 1943 года и оставалась до 31 октября 1945 года. Руководил миссией генерал-майор Джон Дин, который до этого был секретарем Объединенного комитета начальников штабов США и Великобритании. Его заместителем был генерал Хойт Ванденберг, который в 1946 году возглавит Центральную разведывательную группу (предшественница ЦРУ).

Большую активность проявила политическая разведка, которая не хотела, чтобы англичане монополизировали отношения с советскими спецслужбами. 24 декабря 1943 года руководитель американской политической разведки — Управления специальных служб — Уильям Донован прилетел в Москву. Его приняли нарком иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов и начальник первого управления Наркомата госбезопасности Павел Михайлович Фитин, который даже продиктовал американцам номер своего служебного телефона. Глава американской военной миссии генерал Дин был потрясен — это был первый телефонный номер, который ему назвал советский человек.

Уильям Донован — без разрешения Белого дома,

Государственного департамента и Комитета начальников штабов — подписал с Молотовым секретное соглашение о сотрудничестве. Договорились, что представительство Управления стратегических служб появится в Москве, а первого управления Наркомата госбезопасности — в Вашингтоне.

Молотов сказал послу Гарриману 31 декабря 1943 года:

— Наши работники также удовлетворены встречей с Донованом, причем предложение Донована о том, чтобы обменяться представителями, будет, видимо, признано целесообразным.

Но вмешался настроенный антикоммунистически директор Федерального бюро расследований Эдгар Гувер. 10 февраля 1944 года он отправил письмо в Белый дом, доказывая, что полковник Донован открывает советским шпионам дорогу в Соединенные Штаты. Пожаловались и военные. 15 марта 1944 года Рузвельт велел послу Гарриману отказаться от договоренности.

Посол пытался переубедить президента: «Мы впервые установили контакт с разведывательной службой советского правительства. У меня нет сомнений, что это способно привести нас к более близким отношениям и с другими органами власти».

Но решение уже было принято. Все же Донован успел поделиться с Фитиным не только разведывательной информацией, но и спецтехникой: подарил чекистам миниатюрные фотокамеры, аппаратуру для изготовления микроточек — в ту пору это был главный способ пересылки тайной информации по почте.

Поработавшие в Москве офицеры возвращались в Лондон и Вашингтон экспертами по советским делам. Они заложили основы отношения к Советскому Союзу как к будущему противнику. Они объясняли коллегам, что с русскими надо держаться твердо и доверять им нельзя. Сотрудники американской и британской разведок с содроганием говорили о советской бюрократии в погонах. Расовые и культурные стереотипы тоже определяли отношение Англии и Соединенных Штатов к Советской России в военные и послевоенные годы: «Этих полувосточных варваров надо держать подальше от старой Европы».

В начале февраля 1944 года ведущие специалисты по Советскому Союзу из США и Англии встретились в Лондоне. Две недели они обсуждали состояние советских вооруженных сил и договорились продолжить обмен информацией. Это было первое соглашение между западными разведками эпохи холодной войны, хотя она еще не началась. Именно военные разведчики первыми стали воспринимать Советский Союз как противника.

Осенью 1944 года оперативные группы американской разведки высадились в Центральной и Юго-Восточной Европе с заданием не только собирать информацию, но и помочь местным подпольщикам бороться с пронацистскими режимами в таких странах, как Венгрия и Румыния. Эти группы были обнаружены органами госбезопасности, которые продвигались вперед вместе с наступающими советскими войсками. Появление американцев здесь вызвало у Москвы подозрения.

В августе 1944 года британская разведка представила доклад, из которого следовало, что Советский Союз сумеет быстро восстановиться и модернизировать свою армию. Война между Англией и СССР вполне возможна в течение ближайших десяти лет…

В Москве не могли не узнать об этих настроениях. В британском посольстве в Вашингтоне секретариатом ведал Доналд Маклин, советский агент. Разведывательные оценки британских спецслужб, поступавшие в посольство для передачи американцам, проходили через его руки. Такие же документы утекали в Москву через Канберру и Оттаву, где успешно работали агенты советской разведки.

Британские военные планировщики, которые задумались над послевоенным устройством мира, считали, что Европе и тому, что останется от Германии, придется объединиться против враждебного Западу Советского Союза. Об этом доложили министру иностранных дел Энтони Идену: военные рассматривают Советский Союз как будущего врага номер один и даже готовы сотрудничать против него с Германией. Иден был страшно расстроен. Британские дипломаты тоже мучились, общаясь с советскими коллегами, но считали, что после войны что-то может измениться. Они полагали, что тесное сотрудничество продолжится и после войны.

К концу войны сотрудничество спецслужб практически завершилось. В апреле 1945 года Черчилль распорядился: британские офицеры, находящиеся в Советском Союзе, должны заняться сбором информации о советских городах, авиабазах и портах в Советском Союзе. Все это походило на сбор информации для будущих авиационных налетов. Эту линию поддерживали контрразведки Англии и США, которые фиксировали активность советской разведки на своей территории.

Довоенные и военные годы были временем расцвета советской разведки. Множество людей по всему миру помогали Советскому Союзу. Коммунисты — потому, что верили в идею, антифашисты — потому, что СССР противостоял Гитлеру. Союзнические отношения с Англией и Америкой открыли новые

возможности для советской разведки.

Во время войны американцы и англичане демонстративно не работали против Советского Союза. Советская политическая и военная разведка, напротив, использовала благожелательное отношение союзников для глубокого проникновения в обе страны, особенно в Соединенные Штаты. Американская контрразведка занималась только врагами — немцами и японцами, так что советские разведчики могли работать совершенно свободно. Иногда они попадались. Президент Франклин Рузвельт приказал Федеральному бюро расследований не трогать советских разведчиков или по крайней мере не доводить дело до скандала.

Перед отъездом в Соединенные Штаты ночью 12 октября 1941 года нового резидента разведки в Нью-Йорке Василия Михайловича Зарубина принял Сталин. Перечисляя стоящие перед ним задачи, подчеркнул: важнее всего — «добывать информацию о новейшей секретной технике, созданной в США, Англии и Канаде».

Зарубин сменил Гайка Овакимяна, который работал под прикрытием инженера-консультанта компании «Амторг», созданной для торговых операций с Советским Союзом. В апреле 1941 года Овакимяна задержали агенты ФБР. Его могли отдать под суд или выслать. Вмешался президент Рузвельт, и Овакимяна освободили под залог. Но продолжать оперативную работу выявленному разведчику было трудновато.

Василий Зарубин, как пишут историки внешней разведки, расконсервировал всех агентов, имевшихся на территории Соединенных Штатов (см. «Независимое военное обозрение», № 6/2009). Этим занялась большая группа нелегалов, которую прислали из Москвы. Они восстановили связь со старыми агентами и привлекли их к работе. В апреле 1943 года Зарубин получил повышение — его перевели в Вашингтон главным резидентом.

Заместителем резидента по научно-технической разведке в Соединенные Штаты отправили инженера Леонида Романовича Квасникова, которого со временем наградят «Золотой Звездой» Героя Советского Союза. К концу войны разведка сосредоточилась на проникновении в американский атомный проект. Это была очень успешная операция — пока о ней не рассказал лейтенант Гузенко… И когда выяснилось, что Москва шпионила за союзниками, американцы обиделись.

Побег шифровальщика Гузенко

Пожалуй, все началось с того, что 6 сентября 1945 года двадцатишестилетний лейтенант Игорь Сергеевич Гузенко, шифровальщик советского военного атташе в Канаде, попросил у канадцев политического убежища вместе с беременной женой, маленьким сыном и сотней секретных документов.

Когда 5 сентября 1945 года Игорь Гузенко покинул советское посольство в Оттаве, он плохо представлял себе, как устроена канадская государственная машина. Поверив во власть прессы, он пошел в газету «Джорнал». Вечером там почти никого не было, редактор городских новостей буркнул:

— Извините, я занят.

Гузенко отправился в министерство юстиции. Все сотрудники министерства давно ушли домой. Он пошел в бюро натурализации королевской полиции, потом в магистратуру. Слишком поздно: канадские чиновники отдыхали. Но и на следующий день с ним никто не хотел разговаривать. Когда вечером он, растерянный и разочарованный, вернулся домой, то увидел, что двое подозрительных субъектов наблюдают за его домом.

К тому времени о желании сотрудника советского посольства попросить политического убежища доложили премьер-министру Канады Уильяму Маккензи Кингу. В тот день Кинг был огорчен не меньше Гузенко. Но по другой причине. Кингу совсем не нужен был такой неприятный инцидент накануне встречи министров иностранных дел в Лондоне, на которой, как он надеялся, смягчатся трения между Востоком и Западом.

Главе канадского правительства доложили, что имеющиеся у Гузенко документы свидетельствуют о масштабном советском шпионаже в Северной Америке. Кроме того, Гузенко предлагает материалы, которые позволят расшифровать советские коды, расколоть которые не представлялось возможным. Разведчики уговаривали премьер-министра дать Гузенко убежище.

Но Маккензи Кинг этого не хотел! Для него это самая большая неприятность, которая могла с ним произойти. «Взорвалась бомба, которая все под собой погребет», — обреченно записал он в дневнике. Он не хотел портить отношения с русскими. Кинг надеялся, что отчаявшийся Гузенко покончит с собой и избавит его от необходимости что-то предпринимать.

Премьер Кинг распорядился установить наблюдение за квартирой Гузенко:

— Если произойдет самоубийство, оповестите полицию.

Пусть она займется этим делом и заберет все документы. Но ни в коем случае не проявлять инициативы.

Советники премьер-министра пытались объяснить ему, что в таком случае канадские власти станут соучастниками убийства или самоубийства. Но Кинг, обычно столь сентиментальный, оставался непреклонен. Так что те двое, которых заметил Гузенко, были не из советского посольства, как он опасался, а агенты канадского правительства. Гузенко об этом не знал. Они с женой укрылись у соседа.

Потом какой-то человек стал стучать в дверь и звать Гузенко. По голосу он узнал посольского шофера Лаврентьева. Сосед, посвященный в замысел Гузенко и готовый помочь, на велосипеде поехал в полицию. Появился полицейский. Он выслушал Гузенко и сказал, что подежурит в парке:

— Если вас что-то будет беспокоить, включите свет в ванной.

«Мы легли, — вспоминал Гузенко. — Примерно в полночь услышали шум подъезжающей машины и звук шагов по лестнице. Стук в дверь моей квартиры. Приоткрыв дверь, я увидел подполковника Рогова и лейтенанта из военного атташата, а также резидента внешней разведки НКВД Виталия Павлова и его шифровальщика.

Выглянув из-за шторы, я увидел на улице еще одного человека возле машины. Поскольку дверь не открывалась, они взломали замок и вошли. Тут прибыла полиция».

Когда полицейские ворвались в квартиру, то застали гостей, рассеявшихся по всей квартире. Полицейский попросил предъявить документы. Двое достали дипломатические паспорта. Полицейский задумался:

— Что же я должен сделать?

— А что вам тут делать? — наставительно сказал Павлов. — Просто дайте нам возможность уйти, вот и все.

Полицейский указал на взломанный замок. Павлов ответил, что это было сделано до их появления. Они спустились вниз, сели в машину и уехали.

«Мы вновь легли, — рассказывал Гузенко. — Полицейский остался в квартире. В четыре часа утра вновь услышали шаги. Выяснилось, что это водитель Горшков, который возит военного атташе. Полицейский проверил его документы и отпустил. Около десяти утра меня отвезли в королевскую полицию, где я сделал свое заявление».

8 сентября 1945 года советское посольство передало в канадское ведомство по иностранным делам ноту № 35, в которой говорилось, что сотрудник посольства Игорь Сергеевич Гузенко не появился в установленное время на службе, поэтому

консул Павлов и двое других сотрудников посольства в 11.40 вечера посетили квартиру Гузенко. Им никто не ответил, поэтому они открыли дверь с помощью дубликата ключа и убедились, что там нет ни Гузенко, ни его жены Светланы Борисовны, ни их сына Андрея.

Посольство просило найти, арестовать и передать в распоряжение советских властей Гузенко, поскольку установлено, что он украл деньги из посольства и поэтому скрылся вместе с семьей. Посольство также жаловалось на то, что констебль Уолш из городской полиции Оттавы вел себя с дипломатами грубо.

Но было поздно. Гузенко уже дал первые показания. Принесенные им шифртелеграммы советской военной разведки доказывали, что в стране действует масштабная шпионская сеть. Игоря Гузенко с семьей от греха подальше вывезли из Оттавы и разместили в пустующем туристском лагере, а сообщенную им информацию стали систематизировать и анализировать. Из Лондона прислали двух сотрудников контрразведки МИ-5. Они приняли участие в допросах вместе с представителями американского ФБР.

Публике о шпионском скандале поведал известный американский журналист Дрю Пирсон, обозреватель газеты «Вашингтон пост». Советский шпионаж Дрю Пирсон назвал частью плана Москвы по захвату власти над миром. Он утверждал, что Гузенко назвал имена тысячи семисот советских агентов в Северной Америке.

Эта цифра была мифической. Но и в реальном списке советских агентов в Канаде значились видные ученые, правительственные чиновники, депутат парламента от коммунистической партии Алфред Роуз, а также национальный секретарь компартии Сэм Карр. Признания Гузенко произвели эффект разорвавшейся бомбы. Масштаб скандала был таков, что премьер-министр Канады отправился обсуждать ситуацию с премьер-министром Англии и президентом Соединенных Штатов.

Игорь Гузенко заговорил в тот момент, когда в Вашингтоне и Лондоне дискутировалась будущая политика в отношении Советского Союза. В обеих столицах пришли к выводу: существует опасная дистанция между представлениями публики о Советском Союзе и реальной политикой этой страны. И обществу нужно открыть глаза на то, чем в реальности занимается Москва.

Правительство Канады назначило комиссию для проведения полного расследования. Первые дни, 6–13 февраля 1946 года, комиссия работала за закрытыми дверями, разбирая документы. 13 февраля перед комиссией предстал Гузенко, после чего комиссия сочла необходимым предпринять юридические меры

против названных им лиц. Первые аресты были проведены в семь утра 15 февраля. Взяли двенадцать человек. Среди них были Раймонд Бойер, специалист по взрывчатке из Национального исследовательского совета, Скотт Беннинг из департамента вооружений, Эмма Уойкин, шифровальщица из ведомства иностранных дел, Кэтлин Уилшер из аппарата британского верховного комиссара в Оттаве, Израэль Гальперин, математик, который работал в армейском управлении исследований и занимался взрывчаткой, один из офицеров из управления военной информации.

Арестовали депутата парламента коммуниста Фреда Роуза. После пакта Молотова — Риббентропа мировое коммунистическое движение получило указание мобилизовать рабочий класс против правительств Англии, Франции и Канады, поэтому в июне 1940 года канадское правительство запретило компартию. Когда нацистская Германия напала на Советский Союз, канадские коммунисты с трудом переориентировались на поддержку союзнических отношений СССР с западными странами. В 1942 году коммунисты создали новую партию — Лейбористскую прогрессивную партию. На выборах 11 июня 1945 года коммунист Фред Роуз был выбран в парламент…

15 февраля премьер-министр Маккензи Кинг сделал первое публичное заявление.

К удивлению канадцев, через несколько дней Совинформбюро признало, что некоторые сотрудники советского военного атташата в Канаде получали от канадцев информацию секретного характера, не представляющую для Советского Союза особого интереса ввиду больших успехов технического развития в СССР. Тем более что основная часть информации уже доступна по открытым источникам…

Военный атташе был отозван. В заявлении Совинформбюро говорилось, что ни советский посол, ни другие дипломаты к произошедшему не имели отношения. Это было признание вины, невиданное дело в истории мирового шпионажа: обычно правительства отказываются принимать на себя ответственность за действия своих разведчиков.

Итоговый документ королевской комиссии от 2 марта 1946 года называл имена советских разведчиков: подполковник Мотинов, помощник военного атташе, подполковник Рогов, помощник военно-воздушного атташе, майор Соколов из аппарата экономического советника, лейтенант Ангелов, секретарь военного атташе. 27 июня 1946 года доклад комиссии объемом в семьсот тридцать три страницы был опубликован.

Игорь Сергеевич Гузенко рассказал королевской комиссии,

что он родился в 1919 году неподалеку от Москвы. В 1936 году вступил в ВЛКСМ. Учился в военно-инженерной академии и был мобилизован в разведывательную школу. Его готовили в радисты. Курс подготовки — девять месяцев.

Вместе с ним училась Галина Ерофеева, жена известного дипломата, которая готовилась к поездке в Японию.

«Мне в числе других преподавали некоторые шпионские навыки. Была создана небольшая группа. В память врезался перебежчик Гузенко, работавший в Канаде шифровальщиком и выдавший всю советскую шпионскую сеть в Канаде и Англии…

Представить себе, что он станет предателем, я безусловно не могла, но он не случайно укоренился в моей памяти: в нем было что-то, выделявшее его из остальных. Помню его сильно выступающий вперед подбородок, придававший лицу некоторую жестокость, и горящий взгляд, говоривший не то о страстности, не то о жадности его натуры.

Занятия вел подполковник. Он рассказывал нам о том, как проводятся явки, какой бывает слежка, о способах избавиться от «хвоста», как выбрать «тайник» для передачи секретной информации, и о многом другом… Эти занятия по-своему щекотали нервы: в них было что-то тайное, чуть постыдное, отличавшее нас от других».

С конца 1942 года началась рассылка шифровальщиков по резидентурам. Гузенко получил назначение в Канаду. 12 июня Канада установила дипломатические отношения с СССР. В конце года Монреаль и Москва договорились об обмене дипломатическими миссиями. Весной 1943 года прибыли советские дипломаты во главе с посланником Федором Тарасовичем Гусевым. Он приехал поездом из Вашингтона. Встречал его на железнодорожном вокзале в Оттаве сам премьер-министр Маккензи Кинг.

Передовая группа советской военной разведки во главе с полковником Заботиным (в нее входил и шифровальщик Гузенко) прибыла в Канаду 20 июля 1943 года. Светлана Гузенко присоединилась к мужу в октябре.

Николай Иванович Заботин (псевдоним Грант) служил в Красной армии с 1921 года. По военной специальности артиллерист, окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе. В Главном разведуправлении служил с 1940 года.

Вторая группа военных разведчиков приехала в августе 1943 года, ее возглавлял заместитель резидента по оперативной работе подполковник Петр Семенович Мотинов (псевдоним Ламонт). Он служил в Красной армии с 1926 года, тоже окончил академию, командовал полком. В сентябре 1938 года его перевели в

разведку.

Королевской комиссии лейтенант Гузенко подробно описал быт и нравы резидентуры военной разведки. Шифровальщик работал на втором этаже посольства в комнате № 12. Там был стол, четыре стула, стальной сейф. Дверь всегда держали на замке. Шифровальные блокноты хранились в опечатанном мешке, который утром получал Гузенко. Ему же вручали для расшифровки телеграммы, поступившие из Центра.

Входящие телеграммы печатались на голубой бумаге, исходящие на розовой. Нумерация телеграмм каждый год начиналась заново — с 1 января. Когда полковник Заботин хотел отправить телеграмму в Москву, то вызывал Гузенко. Полковник писал текст от руки. Гузенко его шифровал и перепечатывал на бланке канадской телеграфной службы. Все донесения отправлялись телеграфом в зашифрованном виде.

После окончания работы Гузенко запечатывал мешок с блокнотами личной печатью и сдавал. Оригиналы зашифрованных телеграмм подшивались в дела. Гузенко хранил в своей комнате донесения агентов, отчеты об их работе, дневник полковника Заботина, фиксировавшего встречи с агентами. Сейф Гузенко тоже опечатывал своей печатью. Комбинацию сейфового замка знал он и полковник Заботин.

Время от времени Гузенко спрашивал полковника, какие документы можно уничтожить. Полковник лично помечал каждый документ, после чего Гузенко от них избавлялся. Гузенко же вел два секретных журнала, в одном фиксировал номера входящих и исходящих телеграмм, а в другом прибытие и отправку почты.

Более объемные документы пересылались в Москву дипломатической почтой особым порядком. Документы помещали в большой конверт и ставили пять печатей — в центре и по углам. На лицевой стороне помечалось: «Совершенно секретно. Директору». Этот конверт помещался в другой, который тоже запечатывался пятью печатями, на нем было написано: «Личное — секретно». Этот конверт предназначался для секретаря. Второй конверт вкладывался в третий, запечатанный точно так же. На нем писали: «Народный комиссариат внутренних дел. Тов. Новикову. Вскрыть только лично». «Новиков» — это не фамилия реального человека, а указание на то, что конверт предназначен для «дальних соседей» — военной разведки. Возили конверты два вооруженных дипкурьера, если один спал, другой бодрствовал. Почта шла до Москвы от двух недель до месяца — дипкурьеры летели и плыли вокруг всего мира, в военное время дорога иногда занимала до пяти месяцев, поэтому копии держали в сейфе.

Гузенко серьезно приготовился к побегу. Он рассказал королевской комиссии:

— Примерно полмесяца я просматривал материалы, выбирая наиболее показательные для оперативной работы. Телеграммы, которые я хотел взять с собой, я аккуратно помечал, но так, чтобы полковник Заботин ничего не заметил. Все телеграммы разложены по номерам. Так что, когда я решил уйти, я просто за пару минут вытащил те, которые уже отобрал.

Телеграмма из Центра № 11273 от 11 августа 1945 года резиденту Заботину: «Гранту. Нам очень важно получить информацию по следующим вопросам: подтвердите официальные данные о переводе американских войск из Европы в США и на Тихий океан, сообщите даты и маршрут движения; создается ли штат оккупационных американских войск в Германии, где он будет находиться и кто возглавит штаб».

Телеграмма № 233 в Центр от полковника Заботина:

«Мой сын Владимир успешно закончил десятилетку. Он отказался поступать в МГИМО и намерен поступить в 1-ю Московскую артиллерийскую школу имени Красина, которую я окончил в 1924 году. Для того чтобы проводить сына, прошу разрешить мне уехать на очень короткое время. Я считаю, что настало время обсудить в Центре серьезные вопросы нашей работы. Если мне нельзя уехать, прошу разрешить моей жене сопровождать сына. Прошу помочь поступлению моего сына в артиллерийскую школу.

Сообщите время отъезда. Моя жена не может летать на самолете».

Переписка с Москвой показывала, как непросто складывались для резидентуры отношения с посольством. Разведчики не должны были делиться информацией даже с послом.

Телеграмма № 248 от Заботина в Центр: «Директору. Мне сделали выговор за то, что некоторые материалы стали известны Метро (посольство. — *Л. М.*). Прошу указать, о каких материалах идет речь. Я информировал руководителя Метро по политическим, экономическим и военным вопросам в соответствии с инструкциями, данными главным директором и товарищем Маленковым. Я никогда не называл источники. Прошу инструкций на будущее. Должен ли я информировать руководителя Метро о вопросах, относящихся к ситуации в Канаде?»

Гузенко пояснил королевской комиссии: главный директор — начальник разведывательного управления Генерального штаба Красной армии, директор — это генерал-майор Игорь Алексеевич Большаков, начальник первого управления советской военной

разведки.

Телеграмма № 12200 из Центра от 24 августа 1945 года:

«Гранту. На вашу № 248. В телеграмме № 8267 от 20 июня 1945 года вам указывалось на неприемлемость раскрытия перед послом нашей агентурной сети. Передача послу сообщения от 3 ноября 1944 года о кредитах для продолжения торговых отношений между СССР и Великобританией после войны в той форме, в какой оно было получено, открывает личность нашего агента Элли. (Элли — это Кэтлин Уилшер, сотрудница аппарата британского верховного комиссара в Оттаве. — *Л. М.*)

Относительно неотложных политических и экономических вопросов, относящихся в взаимосвязям между Канадой, Великобританией и СССР, вы должны информировать посольство, но вы обязаны только указать степень надежности источника, но не сообщать послу ни источник информации, ни место, откуда мы получаем информацию.

Информация должна передаваться после изъятия пассажей, которые могут раскрыть источник информации. Во всех случаях, когда вы сообщаете информацию послу, вы должны ссылаться на меня как на источник этой информации, соответственно поставив меня в известность. *Директор*».

Полковник Заботин, объяснил комиссии Игорь Гузенко, единолично распоряжался всем бюджетом резидентуры. Он выдавал оперативным работникам деньги на оплату агентов. Денег часто не хватало, занимали в посольстве.

Телеграмма в Москву № 270:

«Ответ на ваш № 12293.

Посол согласился помочь нам посольскими деньгами. Он предложил возвращать их небольшими суммами, которые должны быть возвращены ему и торговому советнику. Часть денег может быть добавлена к сумме представительских расходов. *Грант*».

Расходы были немаленькими. Когда предстояло потратить большую сумму, превышающую его лимиты, резидент запрашивал Москву.

Телеграмма № 263 от 25 августа 1945 года:

«Директору. Агенту Грею давалось указание принять все необходимые меры для того, чтобы остаться на старой работе. На последней встрече он сообщил, что ожидаются большие сокращения. В этом случае он не сумеет остаться на работе. Грей предлагает создать в Оттаве консультативную фирму по геологическим работам. Грей — геолог по образованию. Расходы по организации фирмы: аренда помещения — 600 долларов в год, оплата секретаря — 1200 долларов, офисное оборудование — 1000 долларов, зарплата Грею как директору — 4200 долларов.

Итого — 7000 долларов в год.

Канаду ждет бум в горнорудной промышленности, вполне вероятно, что через два года фирма станет самоокупаемой. *Грант*».

10 октября 1945 года бывший шифровальщик подписал письменное обращение к властям Канады:

«Я, Игорь Гузенко, желаю добровольно сделать следующее заявление.

Приехав два года назад в Канаду, я был в первые же дни поражен полной свободой личности, которая существует в Канаде и которой нет в России. Лживые представления о демократических странах, которые ежедневно распространяются в России, эта лживая пропаганда не выдерживают столкновения с фактами…

Создавая фальшивую картину жизни в демократических странах, советское правительство в то же время прилагает все силы для того, чтобы демократические страны не узнали бы о жизни в России.

На международных конференциях произносятся правильные слова о мире и безопасности, но одновременно советское правительство тайно готовится к третьей мировой войне. Готовясь к этой войне, советское правительство создает в демократических странах, включая Канаду, пятую колонну, в организации которой принимают участие даже официальные представительства советского правительства.

Советские люди, работающие за границей, знают, что коммунистические партии в демократических странах давно из политических партий превратились в агентурную сеть советского правительства, в пятую колонну на случай войны, в инструмент советского правительства для организации беспорядков и провокаций…

Я рад, что нашел в себе силы, чтобы предупредить Канаду и другие демократические силы о нависшей над ними опасности».

После того как стало ясно, какой огромный объем информации принес с собой Гузенко, премьер-министр Кинг изменил свое мнение о нем. Он принял Гузенко 16 июля 1946 года и торжественно произнес:

— Вы сделали большое дело, и я высоко ценю ваше мужество, смелость и готовность постоять за правое дело.

Это был невиданный по масштабам провал советской разведки, которого можно было избежать, считал известный военный разведчик генерал Михаил Абрамович Мильштейн.

Весной 1944 года Мильштейн, тогда заместитель начальника первого управления военно-стратегической разведки, был

командирован в Западное полушарие проверить работу резидентур. Он поехал под видом дипкурьера и под другой фамилией. В Отаве Мильштейн обнаружил вопиющие нарушения правил конспирации.

Шифровальщик не имеет права жить на частной квартире. Шифровальщиков селят только на территории посольства, чтобы они всегда были под контролем. Но у Гузенко был маленький ребенок. По ночам он не спал, плакал. Жена резидента потребовала от мужа отселить семью Гузенко. И полковник Заботин в нарушение инструкции переселил их на частную квартиру. Мильштейн приказал немедленно переселить шифровальщика на территорию посольства. Резидент, чтобы не беспокоить жену, приказ не выполнил.

Выезжая за рубеж, Мильштейн не пользовался местным шифром, а всегда имел собственный, известный только Центру. Он зашифровал свою телеграмму и сдал ее Гузенко для отправки в Москву. Шифровальщик сказал ему:

— Товарищ полковник, ну зачем вы тратите время на такую ерунду. Дали бы мне текст, я бы все делал и быстрее, и лучше. У вас и так времени мало.

«Мотинов и Рогов, — вспоминал Мильштейн, — вопреки инструкциям, по своей инициативе стали заводить подробные личные дела на всех, с кем они работали или которых в тот момент «разрабатывали». В этих досье содержались имена, адреса, места работы и другие данные и на уже действующих агентов, и на лиц, которых они собирались в дальнейшем сделать своими осведомителями.

Материалы хранились в сейфе у Мотинова, ключом к которому по правилам мог пользоваться только он сам. Второй же ключ, опечатанный в специальном пакете, на всякий «пожарный» случай должен был храниться у старшего шифровальной комнаты и никому не выдаваться…

Я почему-то задавался одним и тем же вопросом: не имеет ли Гузенко доступа к сейфу Мотинова? Решил устроить проверку. Вызвал Мотинова и приказал ему положить в сейф конверт с какими-то второстепенными материалами, а самому на следующий день уехать в Торонто».

На следующее утро Мильштейн, убедившись, что Мотинова нет, стал спрашивать Гузенко, нет ли у него второго ключа от сейфа. Шифровальщик отвечал, что ключ есть только у заместителя резидента по оперативной работе. Мильштейн делал вид, что ему позарез необходимо открыть сейф. Шифровальщик продержался почти весь день, потом вдруг пришел с ключом:

— Вот, проверьте, может быть, этот подойдет.

Ключ подошел. Мильштейн взял свой пакет и поблагодарил шифровальщика. Назавтра он рассказал Мотинову о том, что Гузенко имеет доступ к его сейфу. Заместитель резидента не очень расстроился, сказав, что шифровальщик допущен к совершенно секретной переписке. Мильштейн приказал ему сменить сейф и позаботиться о том, чтобы никто другой не имел к сейфу доступа. Мотинов приказа не выполнил.

В Москве Мильштейн, докладывая о поездке начальнику военной разведки, высказал свои опасения в отношении Гузенко:

— У меня нет конкретных данных и существенных оснований обвинять шифровальщика, есть только подозрения и догадки, но все же осмелюсь предположить, что Гузенко готовится к побегу и может нас предать.

Начальник разведки не придал его словам большого значения:

— Разве можно так безосновательно и безответственно подозревать кого-либо? Если основываться только на подозрениях, тогда всех надо отзывать из-за рубежа.

«Если бы я тогда не доложил начальнику разведки о Гузенко, — вспоминал Мильштейн, — то наверняка после побега Гузенко был бы арестован и осужден».

В августе 1944 года из Центра пришло распоряжение откомандировать Гузенко в Москву. Полковник Заботин не хотел расставаться с ценным работником и настоял на том, чтобы Гузенко остался. Он предложил перевести Гузенко на роль переводчика военного атташата. Его зарплата сначала составляла тысячу рублей (по официальному курсу — двести долларов) плюс добавка за секретность (после двух лет работы за границей десять процентов к окладу, после трех — двадцать процентов). Перед побегом он получал уже двести семьдесят пять долларов.

Игорь Гузенко говорил, что не был готов к тому изобилию продуктов и одежды, которые он увидел. И к свободному общению канадцев с иностранцами. Русским в Оттаве были рады, их охотно приглашали, и к ним приходили, тем более что в посольстве щедро угощали. После одного из приемов канадский заместитель министра финансов, перебравший горячительных напитков, просто упал. Правда, развлекались старшие дипломаты (и офицеры). На уровне Гузенко развлечений было маловато.

В 1945 году было принято решение все-таки заменить Гузенко. Ему на смену прибыл лейтенант Кулаков. Начальник ГРУ генерал-полковник Федор Федотович Кузнецов отправил в резидентуру приказ отправить Гузенко домой. Никто не подумал, что шифровку первым прочитает сам шифровальщик…

«На нас, — вспоминал Мильштейн, — обрушился поток

телеграмм из Канады, США и других стран с описанием деталей его побега и именами преданных им сотрудников ГРУ. Телеграммы шли отовсюду — от послов, наших резидентов, от корреспондентов советских газет… Не только наши секретные агенты, но и многие видные политические деятели, в том числе и представители зарубежных компартий, были вскоре арестованы, дискредитированы, лишились работы, семьи, друзей, будущего. В управлении воцарилась атмосфера тревожного ожидания. Высшие инстанции требовали справок, объяснений, докладов. Потребовали от начальника ГРУ доклада Сталину».

Разведчики предложили уничтожить Гузенко — на языке военной разведки — «организовать свадьбу». Этим занималась специальная секция, которую в главном разведуправлении называли «активкой». Руководил этим офицер по кличке Заика.

Но Сталин запретил убивать Гузенко, чтобы не портить отношения с союзниками после победы над Германией:

— Не надо этого делать. Народы празднуют великую победу над врагом. Война успешно завершена. Все восхищены действиями Советского Союза. Что же о нас скажут, если мы пойдем на уничтожение предателя. Поэтому запрещаю принимать какие-то меры в отношении Гузенко. Надо во всем разобраться и назначить специальную авторитетную комиссию. Пусть ее возглавит Маленков.

На закрытом совещании новый секретарь ЦК, курировавший госбезопасность, Алексей Александрович Кузнецов возмущался:

— Канадцы организовали суд над Гузенко. Мы говорим, что мы не крали никакие проекты, то есть мы обороняемся, а ведь есть указание о том, что мы, основываясь на итогах войны, когда мы стали очень сильной державой, должны проводить свою самостоятельную, активную внешнюю политику везде и всюду. И послам дано указание о том, чтобы они не занимались пресмыканием, а смелее вели себя…

Секретным решением политбюро была создана специальная комиссия в составе секретаря ЦК Георгия Маленкова, заместителя главы правительства Лаврентия Берии, секретаря ЦК Алексея Кузнецова (куратора спецслужб), начальника главного управления военной контрразведки Смерша Виктора Абакумова и наркома госбезопасности Всеволода Меркулова.

«Заседания проходили на Лубянке, — вспоминал Мильштейн. — Меня вызвали в первый же день заседания комиссии. Мне приказали явиться через первый подъезд. Открыв дверь, я сразу почувствовал, что часовых известили о моем приходе. Пропускной механизм, как всегда, работал слаженно и безотказно, и меня пропустили, ни о чем не спрашивая и не

говоря ни слова.

Войдя, я по-военному отрапортовал:

— Полковник Мильштейн явился по вашему приказанию.

В комнате царило молчание, никто не ответил на мои слова. Слева от меня в дальнем углу стоял письменный стол, рядом небольшой столик с батареей разноцветных телефонов. В центре кабинета находился большой прямоугольный стол для совещаний со стульями по обе стороны и председательским креслом во главе стола. В этом кресле сидел Берия в черном костюме и белой рубашке с галстуком.

Справа от него устроился Маленков в серой гимнастерке-толстовке, безучастный, усталый, с серыми мешками под глазами. Странно было видеть такое размещение. Маленков — председатель — сидел на углу стола, а Берия занимал командное место… По другую сторону стола сидели все остальные члены комиссии, большинство из них в генеральской форме. Я заметил Кузнецова.

Затем начался допрос. Мне не предложили присесть, и я продолжал стоять по стойке «смирно». Берия хлестал меня вопросами, как кнутом. Все началось с моей поездки в Канаду в 1944 году. Меня в какой-то степени спас Кузнецов, подтвердив, что о своих подозрениях я своевременно сообщил начальнику ГРУ и начальнику управления кадров…

Мое преимущество заключалось в том, что я в то время обладал хорошей профессиональной памятью и хранил в голове сотни имен, фамилией и кличек. Возможно, я просто был еще молодым. Мне только что исполнилось тридцать пять лет…

Однажды меня вызвал Кузнецов:

— Комиссия завершила работу.

Он некоторое время сидел молча, опустив голову.

— Буря пронеслась мимо нас, — наконец прервал он молчание. — Заботин, его жена и сын арестованы. Остальных решили не наказывать.

Я считал такое решение несправедливым. Я не понимал, какими высшими государственными интересами можно объяснить арест ни в чем не повинных жены и сына Заботина. Заботин и его семья просидели в тюрьме недолго. Выйдя из заключения, Заботин развелся со своей женой, женился вновь на простой деревенской женщине и уехал в Москву в провинцию, где вскоре скончался. Жизнь его сына была искалечена. Что же касается Мотинова, Рогова, Соколова, то к ним судьба оказалась более благосклонна. Они продолжали работать в ГРУ, дослужились до генералов…»

Игорь Сергеевич Гузенко остаток жизни скрывался от

советской разведки, опасаясь мести. Перед королевской комиссией он появлялся только в черном колпаке, скрывавшем его лицо. На родине ему заочно вынесли смертный приговор, и до конца своих дней его искали. В органах государственной безопасности находилась ориентировка по его розыску — с фотографией и описанием его внешности: «6 сентября 1946 г. по сговору с женой отказался от возвращения в СССР. Из аппарата военного атташе СССР в Канаде похитил и передал канадским властям ряд совершенно секретных документов. По имеющимся данным, проживает в Канаде».

Он ушел из жизни так же загадочно, как и появился в Канаде. Умер он, судя по всему, своей смертью. В свидетельстве о смерти указана дата — 28 июня 1982 года. Похоронили его раньше, чем в прессе появились некрологи. И впервые газеты поместили фотографии Гузенко и его жены Светланы, которые были сделаны раньше, но никогда не попадали на страницы прессы.

За чем охотилась советская разведка в Канаде? Известны были успехи канадских ученых в сфере взрывчатых веществ, оптики и радиолокаторов. С весны 1942 года Канада участвовала в атомном проекте. В Канаде были дешевая электроэнергия, урановые залежи и единственная урановая обогатительная фабрика за пределами оккупированной Европы.

Гузенко прихватил с собой оригинал шифротелеграммы № 241, отправленной из резидентуры в Москву: «Директору. Информация Алека. Испытания атомных бомб проводились в Нью-Мексико. Бомба, сброшенная на Японию, сделана из урана-235. На заводе в Клинтоне ежедневно производится четыреста граммов урана-235. Научный доклад будет опубликован, но без технических деталей. Американцы уже подготовили книгу. Алек передал нам пробы урана-233. *Грант*».

«Грант» — резидент военной разведки полковник Заботин. «Директор» — генерал Большаков. «Алек» — Алан Нанн Мэй, британский физик-экспериментатор. В январе 1943 года приехал работать в Монреальской лаборатории Национального совета по исследованиям. Он занимался созданием реактора на тяжелой воде, периодически ездил к коллегам в Соединенные Штаты и знал о ходе работ над созданием ядерного оружия.

В Англии с ним советская разведка по какой-то причине прервала контакт, а в Оттаве возобновила. Потом он опять собрался в Лондон. Из Центра пришло указание:

«Гранту. В ответ на вашу телеграмму № 218.

Договоритесь с Алеком и передайте в Центр инструкции и пароль для нашего работника в Лондоне. Постарайтесь перед его отъездом получить от него детальную информацию о ходе

урановых работ. Поговорите с ним. Может ли он это сделать, или же важнее и полезнее отправиться в Лондон. *Директор*».

Полковник Заботин информировал Центр, что достигнута договоренность о возобновлении контакта с Мэем в Лондоне:

«Он не может оставаться в Канаде. В сентябре должен лететь в Лондон. Встречи в октябре — 7-го, 17-го и 27-го числа. На улице перед Британским музеем. Время встречи одиннадцать вечера. Опознавательный знак: газета под левой подмышкой. Пароль: «Привет от Майкла». Передал ему пятьсот долларов. *Грант*».

Алан Нанн Мэй вручил сотруднику резидентуры лейтенанту Ангелову письменный доклад о ходе работ над ядерной бомбой и пробы обогащенного урана. Подполковник Мотинов положил уран в свой сейф. Что такое радиоактивность, еще никто не знал, страха не было. Договорились, что подполковник полетит в Москву на самолете и возьмет уран с собой.

Резидентура запрашивала Москву (телеграмма № 275): «Директору. Прошу сообщить, в какой степени материалы Алека об уране (его сообщения о производстве урана и так далее) удовлетворяют вас и наших научных работников. Нам важно это знать для того, чтобы мы поставили эти задачи нашим агентам… *Грант*».

На основе показаний Игоря Гузенко двадцать один человек был привлечен к суду, девять из них осудили. После ареста Алана Нанна Мэя британские власти заявили: «Вместо благодарности за помощь, оказанную во время войны, советское правительство создало в Канаде шпионскую сеть, готовясь нанести союзнику коварный удар».

У одного из подозреваемых — профессора математики Израэля Гальперина, который занимался работами военного значения, — канадская полиция нашла в записной книжке запись: «Клаус Фукс, Шотландия, Университет в Эдинбурге, Джордж-Лейн, дом 84».

Талантливый физик Клаус Фукс вступил в компартию Германии в двадцать один год. В 1933 году бежал от нацистов в Англию. В конце 1941 года Фукс предложил свои услуги советской разведке. Завербовал его военный разведчик Симон Давидович Кремер, который до этого служил в кавалерии. В Англии он был помощником военного атташе, но дипломатическая работа ему не нравилась. Он упросил отпустить его на фронт. В 1943 году Симон Кремер получил под командование механизированную бригаду, сражался храбро и в 1944-м стал Героем Советского Союза.

А Клаус Фукс в 1943 году переехал из Англии в Соединенные Штаты, где началось создание ядерного оружия. С августа 1944

года Фукс приступил к исследованиям в самой главной и самой секретной американской атомной лаборатории в Лос-Аламосе.

— По существу, Фукс выполнял задания академика Курчатова, — с гордостью говорил мне полковник внешней разведки Герой Советского Союза Александр Семенович Феклисов, который работал с Фуксом.

Феклисов был командирован в Лондон заместителем резидента по научно-технической разведке. Ему и было поручено курировать работу с Клаусом Фуксом.

«Клаус Фукс встречался с советскими партнерами так же, как делал это, будучи студентом и ведя нелегальную работу в Германии, — рассказывал многолетний начальник разведки ГДР генерал-полковник Маркус Вольф. — Он вспоминал, что русские профессионалы вели себя совершенно необычным образом: один из них постоянно оглядывался, нет ли за ним хвоста.

В Англии самой симпатичной из всех его связников была Рут Вернер, сестра Юргена Кучинского. Как правило, Фукс и Рут ехали на велосипедах в лес, и там физик передавал ей из рук в руки письменную информацию. Это были или копии его собственных работ, или запечатленные его фотографической памятью сведения об общем проекте».

2 февраля 1950 года Клауса Фукса, руководителя отдела теоретической физики в британском институте атомной физики, арестовали в Лондоне.

«Фукса, — вспоминал Ким Филби, — передали для допроса Уильяму Скардону из контрразведки МИ-5. Скардон сумел настолько втереться к нему в доверие, что Фукс не только признался в своем участии в этом деле, но и опознал по фотографии своего связного в США — Гарри Голда. От Голда, который тоже оказался разговорчивым малым, ниточка потянулась к Розенбергам, которых затем казнили на электрическом стуле».

Для Англии Клаус Фукс сделал больше, чем для Советского Союза. Британский вклад в создание ядерного оружия был важным, но в основном теоретическим. В самом процессе создания бомбы англичане практически не участвовали, и с этими секретами англичан не познакомили, поэтому им пришлось фактически самостоятельно создавать ядерное оружие. И тут ключевую роль сыграл Клаус Фукс. Он так много старался выяснить для Москвы, что знал чуть ли не все — и всем этим помог Англии. После его ареста бумаги передали другим физикам, и эта информация была использована при создании британской бомбы. Первое ядерное взрывное устройство англичане испытали 3 октября 1952 года на западном побережье

Австралии.

Клаус Фукс во всем признался и был приговорен к четырнадцати годам тюремного заключения за передачу атомных секретов «агентам советского правительства».

Сразу после вынесения приговора, 8 марта 1950 года, появилось заявление ТАСС: «Выступавший на этом процессе в качестве обвинителя генеральный прокурор Великобритании Шоукросс заявил, будто бы Фукс передал атомные секреты «агентам советского правительства». ТАСС уполномочен сообщить, что это заявление является грубым вымыслом, так как Фукс неизвестен Советскому правительству и никакие «агенты» Советского правительства не имели к Фуксу никакого отношения».

Все государства публично отрекаются от пойманных шпионов, но тайно стараются помочь им или их семьям. Но арестованный Фукс не имел для Сталина и руководителей разведки никакой ценности. Кроме того, признание Фукса было расценено как отсутствие чекистской стойкости, если не как предательство. В Москве о нем забыли.

«То, что Советский Союз не выразил ему ни слова признательности, — считал Маркус Вольф, — я объясняю тем, что в Москве с самого начала подозревали его в том, что он держал себя недостаточно стойко, или в том, что он привел в движение цепь предательства. Если бы там были лучше осведомлены, им было бы слишком мучительно сознаться в своей ошибке и извиниться перед Фуксом».

За примерное поведение в июне 1959 года Клауса Фукса освободили. Он переехал в ГДР, где его сделали заместителем директора Института ядерной физики, избрали академиком, членом ЦК партии, дали Государственную премию. Один раз, в 1968 году, Фукс приехал в Советский Союз. К нему не проявили никакого интереса.

Когда полковник Феклисов просил руководство первого главного управления КГБ возбудить ходатайство о награждении Фукса орденом или об избрании его иностранным членом Академии наук СССР, воспротивился президент академии Мстислав Всеволодович Келдыш.

— Делать это нецелесообразно, — сказал Келдыш, — ибо ослабит заслуги советских ученых в создании ядерного оружия.

Уже после смерти Клауса Фукса полковник Феклисов побывал на его могиле в Германии, навестил его вдову.

— Что же вы так поздно пришли? — горестно спросила она. — Клаус двадцать пять лет ждал вас…

В девяностых годах заговорили о том, что шпионаж играл

второстепенную роль в создании советской ядерной бомбы. Информация, которую передавали в Москву, в лучшем случае сократила срок работы над бомбой примерно на год. А некоторые исследователи даже уверяют, что разведывательная информация в какой-то степени мешала талантливым советским ученым. Они сами разрабатывали более удачную модель — вдвое более мощную и вдвое меньшую по размерам, а их заставляли копировать американскую.

3 марта 1950 года премьер-министр Великобритании Клемент Эттли приказал государственному военному министру Джону Стрэчи выяснить, каким образом Клауса Фукса привлекли к работе над ядерным оружием, хотя было известно, что он коммунист. Но тут из Соединенных Штатов поступило шестистраничное послание от директора ФБР Эдгара Гувера, из которого следовало, что министр Стрэчи сам коммунист. Выяснилось, что он входил в состав исполкома компартии, поэтому в октябре 1938 года его не пустили в Соединенные Штаты. В 1944 году он порвал с партией, но его жена осталась коммунисткой.

Арест Клауса Фукса через полгода после ядерного испытания в Советском Союзе усилил паранойю в Соединенных Штатах, где только и говорили о советских шпионах и подрывной деятельности коммунистов. Не случайно сенатор Джо Маккарти произнес одну из своих первых речей об опасности коммунистического проникновения через несколько дней после ареста физика Фукса.

Если бы Сталин поехал в Америку…

Вторая мировая разрушила Европу. В разбомбленных городах негде было жить. Транспортная система Европы бездействовала. Тысячи мостов, десятки тысяч километров железных дорог были выведены из строя. Добраться куда-либо можно было только с помощью оккупационных властей.

Десятки миллионов европейцев жили впроголодь. Миллионы беженцев не имели ни жилья, ни работы, ни средств к существованию. Разруха усугублялась ощущением полной бесперспективности и беспомощности. Крестьяне скармливали продовольствие скоту, но отказывались продавать его за стремительно обесценивающиеся деньги. Люди не верили в будущее. Производство падало.

— На обширных пространствах Европы, — говорил Уинстон Черчилль осенью 1946 года, — масса измученных, голодных, озабоченных и потерявших голову людей созерцают руины своих городов и жилищ и вглядываются в мрачный горизонт, боясь обнаружить там признаки новой опасности, новой тирании или нового террора.

В Советском Союзе осенью сорок шестого начался жестокий голод. 16 сентября из-за засухи и неурожая были подняты цены на товары, которые продавались по карточкам. 27 сентября появилось постановление «Об экономии в расходовании хлеба» — оно сокращало число людей, которые получали карточки на продовольствие. В нехватке хлеба обвиняли колхозников, «разбазаривавших государственный хлеб». Сажали председателей колхозов.

Некоторые регионы страны постигла настоящая катастрофа. В Молдавии в сорок пятом и особенно в сорок шестом случались засухи, каких не было полвека. Это привело к массовому голоду. Во время войны в Молдавии оказался будущий знаменитый писатель, а тогда младший лейтенант Красной армии Василь Быков. Со своим взводом он участвовал в освобождении Молдавии от немецких и румынских войск.

«В Молдавии провизии было много, не то что на Украине, — вспоминал Быков. — В каждом доме — хлеб, даже белый, вдоволь молока, масла, сыра, сушеных фруктов. Колхозы ограбить молдаван еще не успели…»

После окончания войны лейтенант Быков вновь оказался в тех же местах.

«В деревушке не оказалось ни одного человека. Дворы заросли лебедой… И так было на всем пути — в то лето в

Молдавии стояла страшная засуха. Поля вокруг были черные, выжженные зноем. Обезлюдели сотни сел, люди ушли на Украину…»

Катастрофа деревни усугублялась принудительной сдачей хлеба государству. После хлебозаготовок крестьянам ничего не оставалось. В пищу шли корни дикорастущих трав, камыши, в муку добавляли примеси макухи, сурепки, размолотых виноградных зерен. Молдаване болели, пытались бежать в соседнюю Румынию, но им этого не позволяли, пограничники перехватывали беглецов.

Сталин и политбюро знали, что происходит. 31 декабря 1946 года заместитель главы правительства Берия докладывал Сталину: «Представляю Вам полученные от т. Абакумова сообщения о продовольственных затруднениях в некоторых районах Молдавской ССР, Измаильской области УССР и выдержки из писем, исходящих от населения Воронежской и Сталинградской областей с жалобами на тяжелое продовольственное положение и сообщениями о случаях опухания на почве голода. В ноябре и декабре с. г. в результате негласного контроля корреспонденции Министерством государственной безопасности СССР зарегистрировано по Воронежской области 4616 таких писем и по Сталинградской — 3275…»

Выдержки из писем, недавно рассекреченные, невозможно читать без слез.

Дистрофией переболела пятая часть населения Молдавии, около четырехсот тысяч человек. Точное число умерших не установлено, ученые называют цифру двести тысяч человек. Зафиксированы десятки случаев людоедства, в основном убивали и ели маленьких детей.

Голодали и другие победители. В Англии безработица достигла шести миллионов человек — вдвое больше, чем во времена Великой депрессии. По карточкам давали меньше продовольствия, чем во время войны. После войны шутили: у Англии осталось только два ресурса — уголь и национальный характер.

Урожай сорок шестого года был очень скудным на всем континенте. Затем последовала суровая зима. В начале сорок седьмого на Западную Европу обрушились невиданные снегопады. 30 января в Лондоне Темза покрылась льдом. Жестокие морозы парализовали экономику. Поезда перестали ходить. Угля хватало, но его не могли доставить. Прекратили работу электростанции. Три недели промышленность Англии не работала — ненастье сделало то, чего не могли добиться

немецкие бомбардировщики.

В мае 1947 года, после ужасной зимы, заместитель государственного секретаря Соединенных Штатов Уилл Клейтон, вернувшись из Европы, сообщил:

— Миллионы людей в городах медленно умирают. Без быстрой и значительной помощи со стороны Соединенных Штатов Европу ждет катастрофа.

И тогда родился «план Маршалла», названный по имени государственного секретаря Джорджа Кэтлетта Маршалла, который покинул военную службу и приступил к исполнению новых обязанностей 21 января 1947 года. Это был личный выбор президента Гарри Трумэна.

В юности Трумэн мечтал о военной карьере. Но от рождения он страдал слабым зрением. В военное училище в Вест-Пойнте его не приняли. Тогда он записался в Национальную гвардию штата Миссури. Его зачислили в первую бригаду легкой артиллерии. В апреле 1917 года президент Вудро Вильсон добился от конгресса объявления войны кайзеровской Германии. Трумэну исполнилось тридцать три года, а призывали до тридцати одного. Его зрение не соответствовало требованиям медицинской комиссии. Он был единственным кормильцем матери и сестры. Да и как фермер должен был исполнять свой патриотический долг в поле… Тем не менее он пошел на призывной пункт со словами, что немецкая пуля для него не отлита.

Трумэн полагал, что будет служить сержантом, а его избрали первым лейтенантом — в Национальной гвардии еще со времен Гражданской войны командиров выбирали. Левым глазом он без очков вообще ничего не видел, но умудрился пройти через медицинскую комиссию — запомнил таблицу. Высшего образования он не получил, так что пришлось приналечь на математику, необходимую артиллеристам. Его произвели в капитаны и назначили командиром батареи. В боях на территории Франции полк потерял сто двадцать девять человек, но в батарее Трумэна пострадали только трое — двое были ранены, один погиб.

Командир артиллерийской батареи капитан Гарри Трумэн участвовал в наступлении, которое в штабе американского экспедиционного корпуса тщательно спланировал полковник Джордж Маршалл.

Джон Першинг, командовавший американским экспедиционным корпусом в Европе, рекомендовал Маршалла к производству в генералы. Но в мирное время конгресс заморозил присвоение новых званий, и карьера Маршалла остановилась. В

1939 году бригадному генералу Маршаллу исполнилось пятьдесят девять лет, и у него не было шансов на продвижение. Но президент Рузвельт обошел двадцать генерал-майоров и четырнадцать бригадных генералов, которые получили звание раньше Маршалла, и назначил его начальником штаба армии Соединенных Штатов.

За восемь часов до вступления в должность, 1 сентября 1939 года, генерала разбудили в три ночи и сообщили о немецком нападении на Польшу. Джордж Маршалл получил под командование армию численностью в двести тысяч человек. В мировой табели о рангах она занимала тринадцатое место — между португальской и болгарской. Американской армии не хватало даже стрелкового оружия. Учения проводились с деревянными ружьями.

Генерал Маршалл сказал президенту Рузвельту, что принимает новый пост с условием, что будет иметь право говорить то, что он думает. Президент ответил «да». Маршалл предупредил президента:

— Вы согласились с видимым удовольствием, но удовольствия вам это не доставит.

Маршалл не приезжал к Рузвельту в его поместье. Не смеялся президентским шуткам. Однажды Рузвельт обратился к нему по имени, Маршалл ответил, что по имени его называет только жена, для остальных он — «генерал Маршалл». Рузвельт был мастер очаровывать людей. Но Джордж Маршалл знал, что ему важно сохранить полную независимость, и сохранял дистанцию. На одном из совещаний в Белом доме генерал Маршалл убил предложение президента словами:

— Извините, господин президент, я совершенно с вами не согласен.

Присутствовавшие решили, что Маршалл погубил свою карьеру, но именно его Рузвельт выдвигал на первые позиции. Понимая, что начальника Генерального штаба военная история оставляет в тени, президент предложил Маршаллу возглавить вторжение в Нормандию летом 1944 года. Но Маршалл понимал, что лучше Дуайта Эйзенхауэра понимает ситуацию на всех театрах военных действий, лучше ладит с конгрессом и потому ему следует оставаться на своем посту. Эйзенхауэр стал главнокомандующим объединенными войсками союзников, которые открыли второй фронт в Западной Европе, и вошел в историю.

После войны генерал Маршалл, завершив блистательную военную карьеру, вышел в отставку. И тогда бывший капитан Трумэн попросил его взять на себя руководство внешней

политикой страны. Джордж Маршалл прослужил в армии сорок пять лет. Он привык, что его называют «генерал». Теперь, когда кто-то говорил «господин министр», он думал, что обращаются к кому-то иному. Пожалуй, он был единственным человеком на столь заметном посту, который предпочитал держаться в тени. Он не любил занимать высокое положение, неохотно входил в руководство страны, но отдавался делу с железным сознанием своего долга.

Маршаллу не хватало интеллектуального блеска и умения выступать, но Трумэн высоко его ценил:

— Это человек, который всегда будет честным с тобой, если такого человека встретишь, надо за него держаться.

Джордж Маршалл вошел в историю как автор плана экономического восстановления Европы на американские деньги. Но почему вне этого знаменитого плана, увенчавшегося успехом, оказался Советский Союз, больше всех пострадавший в войне и больше других нуждавшийся в помощи?

Едва Трумэн расположился в Белом доме, как дипломаты и разведчики стали говорить ему, что война в Европе выиграна, но возникла другая проблема — с русскими.

После смерти Рузвельта американцы уговорили Молотова прилететь в Соединенные Штаты. Ему предоставили американский самолет и предложили лететь коротким путем — через Европу. Молотов предпочел уже знакомый маршрут — через Сибирь и Аляску.

Посол Аверелл Гарриман добрался до Вашингтона на пару дней раньше на переоборудованном бомбардировщике, сделав три остановки для дозаправки — путешествие заняло сорок девять часов восемнадцать минут. Гарриман считал, что тогдашний государственный секретарь Эдвард Стеттиниус занимает слишком мягкую позицию и неверно информирует президента Трумэна. Госсекретарь трижды отказывал послу в просьбе прилететь в Вашингтон для доклада. Теперь Гарриман не упустил возможности побывать у нового президента.

С сотрудниками Государственного департамента Гарриман делился своими впечатлениями от России:

— Страна остается фантастически отсталой. Нет нормальных автомобильных дорог, железные дороги в плохом состоянии, девять десятых населения Москвы живет, как у нас живут в трущобах.

Военно-морского министра Форрестола посол Гарриман предупредил:

— Нас ожидает такая же жестокая и опасная идеологическая война с коммунизмом, какая была с нацизмом.

Посол объяснил Трумэну, что, с одной стороны, Сталин желает сотрудничества с Соединенными Штатами и Англией, а с другой — желает установить твердый контроль над соседними странами, куда вошли части Красной армии. Польша теряет не только границы, но и свободу. Американская готовность работать вместе воспринимается как признак слабости. Поэтому советское руководство не исполняет свои обязательства и не идет на компромиссы ни по одному вопросу.

Трумэн ответил послу, что «намерен быть с русскими твердым, но справедливым, поскольку они нуждаются в нас больше, чем мы в них».

22 апреля 1945 года нарком Молотов в первый раз пришел к президенту Трумэну. Это было, как говорят дипломаты, протокольное мероприятие. Серьезные переговоры отложили до следующей встречи.

Переводчик Павлов записал:

«Трумэн, провозгласив тост за И.В. Сталина, заявил В.М. Молотову, что он, Трумэн, хотел бы увидеться с маршалом Сталиным, и он надеется, что когда-нибудь великий маршал Сталин побывает в США. Он, Трумэн, думает также, что когда-нибудь он, Молотов, будет ответственным за прием его, Трумэна, в Советском Союзе.

Молотов отвечает, что советское правительство будет радо видеть Трумэна в Москве, и чем скорее, тем лучше. Встреча маршала Сталина с президентом имела бы большое значение».

На следующий день, 23 апреля, Трумэн провел большое совещание с экспертами по России. Это был решающий день, после которого политика Соединенных Штатов изменилась — от рузвельтовского доверия военных времен к трумэновской послевоенной подозрительности.

В свое время Рузвельт не позаботился о том, чтобы вице-президента держали в курсе важнейших проблем, и сам не говорил с Трумэном о военных делах, о дипломатии, о том, каким он хотел бы видеть будущий мир. Гарри Трумэн был простым, здравомыслящим человеком, который не пыжился и вел себя совершенно естественно. Но он не был Рузвельтом. Сколько еще раз ему предстояло это услышать!

Трумэн собрал людей, которым доверял. Присутствовали: военный министр Генри Стимсон, в те дни еще занимавший пост председателя Комитета начальников штабов генерал Джордж Маршалл, главный военный советник президента адмирал флота Уильям Лехи, государственный секретарь Эдвард Стеттиниус, военно-морской министр Джеймс Форрестол, посол Аверелл Гарриман и военный атташе в Москве генерал Джон Дин.

Президент заметил, что отношения с Москвой — «улица с односторонним движением», и попросил совета. Большинство высказалось за жесткую линию: «Мы должны быть твердыми с русскими, когда мы правы». Трумэн, который стал президентом всего двенадцать дней назад, сказал, что будет следовать мнению большинства.

Сторонники твердой линии победили. Началась новая политика. Первым об этом узнал нарком иностранных дел Молотов, который пришел в Белый дом вместе с послом СССР в США Андреем Андреевичем Громыко. На сей раз обошлись без особых любезностей.

Трумэн сказал наркому, что «глубоко разочарован» тем, что не выполняется достигнутая в Ялте договоренность о судьбе Польши. Молотов пытался изложить свою линию. Трумэн четыре раза его перебивал:

— Ваша пропаганда меня не интересует, единственное, что должен сделать маршал Сталин, — это исполнить свои обязательства.

Вячеслав Михайлович стал мертвенно-бледным.

— Со мной никогда еще так не разговаривали, — запротестовал Молотов.

— Выполняйте свои обязательства, — ответил Трумэн, — и с вами не станут так разговаривать.

Впрочем, судя по записи беседы, этого обмена репликами не было. Трумэн просто прекратил разговор:

— На этом все, господин Молотов. Буду вам признателен, если вы передадите мои слова маршалу Сталину.

По мнению американского дипломата Чарлза Болена, который присутствовал на беседе, Рузвельт сказал бы Молотову примерно то же самое, но другим тоном. Впрочем, тональность в дипломатии играет большую роль.

Посол Громыко был уверен, что жесткое и самоуверенное поведение Трумэна было основано на том, что Соединенные Штаты уже владели атомной бомбой. На самом деле только через два дня после этого разговора военный министр Генри Стимсон рассказал новому президенту о создании «самого мощного оружия в истории, когда одной бомбой можно будет уничтожить сразу целый город». Вице-президента Гарри Трумэна в атомный проект не посвящали.

Министру Стимсону было много лет, он побывал на высших постах, но гордился тем, что сражался в Первую мировую, и предпочитал, чтобы его называли полковником. Он бы прямым человеком и даже с Рузвельтом разговаривал уверенно. Однажды он сказал ему:

— Господин президент, мне не нравится, когда вы что-то от меня скрываете.

Стимсон привел с собой руководителя атомного проекта бригадного генерала Лесли Гровса, чтобы тот дал необходимые пояснения. Но и генерал не знал, сработает ли бомба. Сообщил Трумэну, что первое испытание произойдет не раньше июля.

Главный военный советник президента адмирал Лехи твердо сказал Трумэну:

— Атомная бомба — самая дурацкая штука, которую мы когда-либо делали. Она точно не сработает, это я вам говорю как специалист по взрывчатым веществам.

Через три недели, 9 мая 1945 года, на совещании у государственного секретаря Стеттиниуса решили свернуть поставки по ленд-лизу Советскому Союзу и Англии, поскольку Германия разгромлена и военные действия в Европе завершены. 11 мая Трумэн подписал директиву. 12 мая остановили погрузку и приказали судам, которые уже были в Средиземном и Черном морях, развернуться и следовать назад.

Москва и Лондон выразили возмущение. Вспыхнул скандал, и распоряжение отменили. Трумэн признавал потом, что это было одно из худших решений его президентства. В Москву заглаживать конфликт отправился Гарри Гопкинс, у которого сложились неплохие отношения с московскими руководителями. К сожалению, он страдал от тяжелого недуга желудочно-кишечного тракта и часто оказывался в больнице.

Сталин принял Гопкинса 26 мая 1945 года. Вождь сказал, что если это попытка надавить на Советский Союз, то это серьезная ошибка. Сталина не утешало, что Англию тоже лишили ленд-лиза. Вождь беседовал с Гопкинсом в общей сложности шесть раз. Гарри Гопкинс удачно съездил в Москву. После его визита на некоторое время атмосфера двусторонних отношений ощутимо улучшилась.

Трумэн записал в дневнике: «Русские всегда были нашими друзьями, и я не вижу, почему так не будет всегда».

12 сентября 1945 года военный министр Стимсон на заседании кабинета предложил поделиться с Москвой ядерными секретами, чтобы снять подозрительность и сомнения в двусторонних отношениях. Его поддержал только заместитель государственного секретаря Дин Ачесон. Большинство министров не захотело делиться столь важным секретом. Но когда в июле и сентябре 1946 года американцы проводили испытания ядерного оружия на атолле Бикини, пригласили советских экспертов, прикомандированных к комиссии ООН по атомной энергии, а также корреспондента газеты «Красный флот».

Отношение к Советскому Союзу стало меняться в последние недели сорок пятого и первые месяцы сорок шестого года. Сталин хотел окружить себя поясом дружественных государств вместо санитарного кордона, который был до войны, превратить Центральную Европу в надежный буфер для защиты от нападения. На Западе видели, что Сталин насадил прокоммунистические правительства во всех странах, где была Красная армия, и что свободными выборами в Восточной Европе и не пахнет.

На Западе плохо понимали, почему так происходит. Один из иностранных корреспондентов в Москве заметил:

— Нет специалистов по Советскому Союзу, есть только разные степени непонимания.

«Мне трудно примирить любезность и внимание, которое Сталин оказывал лично мне, с чудовищной жестокостью его массовых расправ, — вспоминал Аверелл Гарриман. — Те, кто не знал его лично, видели в Сталине только тирана. Но я видел в нем и другое — ум, удивительное владение деталями, расчетливость. Для меня он был более информированным, чем Рузвельт, и более реалистичным, чем Черчилль, в некотором отношении — самым эффективным лидером военных лет… Сталин остается для меня самой неразгаданной и противоречивой личностью в моей жизни».

Был ли советский вождь способен к искренности?

— Все государства маскируются, — однажды сказал Сталин, выступая перед партийными пропагандистами, — с волками живешь — по-волчьи приходится выть.

В зале засмеялись.

— Глупо было бы все свое нутро выворачивать и на стол выложить, — продолжил Сталин. — Сказали бы, что дураки…

«Со Сталиным, когда он был в хорошем настроении, контакт был легким и непосредственным, — вспоминал один из руководителей Югославии. — Сталин был холоден и расчетлив. Однако у Сталина была страстная натура с множеством лиц, причем каждое из них было настолько убедительно, что казалось, что он никогда не притворяется, а всегда искренне проживает каждую из своих ролей».

«Он был приучен жизнью, полной заговоров, — считал французский президент Шарль де Голль, — скрывать подлинное выражение своего лица и свои душевные порывы, не поддаваться иллюзиям, жалости, искренности и видеть в каждом человеке препятствие или опасность. Молчал Сталин или говорил, его глаза были опущены, и он непрестанно рисовал карандашом какие-то иероглифы…»

Черчилль пребывал в плену старой схемы «хороший царь — дурные советники». Премьер-министр говорил, что маршал Сталин вынужден считаться со сторонниками твердой линии в политбюро.

Его министр иностранных дел Энтони Иден объяснял журналистам:

— Ухудшение отношений с Советским Союзом связано с внутренним положением страны. Сталин вынужден соглашаться с волей политбюро.

На встрече в Тегеране Черчилль объяснял, что неподготовленная высадка во Франции приведет к ненужным потерям — погибнут десятки тысяч солдат. Сталин ответил:

— Когда один человек умирает — это трагедия. Когда двадцать тысяч — это статистика.

Энтони Иден рассказывал коллегам, что Сталин показался ему очень маленьким, его движения напоминали кошачьи. Иден, конечно, знал о его преступлениях, и он пытался представить, как с рук Сталина капает кровь, но картина никак не складывалась. Западным политикам трудно было совместить образ обаятельного и разумного лидера, с которым они вели переговоры, с его ролью кровавого убийцы.

Сталинская «теплота» была порождением жесткости режима. Он был единственным, кто имел право пойти на компромисс и отступить от прежней позиции. Западные политики и дипломаты принимали это за его личную мягкость и готовность к компромиссам.

В Вашингтоне решили, что прямой и откровенный разговор со Сталиным поможет понять, чего хотят русские. Послом в Москву назначили генерал-лейтенанта Уолтера Беделла Смита, который был начальником штаба у Эйзенхауэра, — главного менеджера войны, мастера деталей с ясным представлением о целом. Ему объяснили:

— Генералиссимус Сталин несколько раз выказывал недоверие к карьерным дипломатам и, напротив, отличал военных. Военный, который воевал в Европе, лучше сможет понять русских и получит откровенные ответы на вопросы, которые начинают нас раздражать.

Сталина тогда именовали генералиссимусом.

Через день после Парада Победы, 26 июня 1945 года, президиум Верховного Совета СССР принял указ об установлении высшего воинского звания Генералиссимус Советского Союза. На следующий день звание присвоили Сталину. Еще в марте сорок третьего Сталин пожелал стать маршалом. Он с удовольствием носил маршальскую форму с широкими золотыми погонами и

брюки навыпуск с красными лампасами. Потом его, видимо, стало раздражать, что он оказался одним из многих маршалов, и он прельстился возможностью поставить себя выше всех военачальников и принял давно забытое звание, забавно звучащее для русского уха.

Уолтера Беделла Смита отправили в Москву еще и потому, что он был выходцем из бедной семьи. Высшего образования не имел. Единственный генерал в американской армии, не окончивший военное училище в Вест-Пойнте, из-за чего кадровые офицеры смотрели на него свысока. В Вашингтоне рассчитывали, что простой человек найдет общий язык с большевиками.

4 февраля 1946 года нарком Молотов отправил временному поверенному в делах США в СССР Джорджу Кеннану письмо:

«В ответ на Ваше письмо от 31 января сообщаю, что Советское Правительство согласно принять г-на Уолтера Беделла Смита в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла Соединенных Штатов Америки в Советском Союзе.

Прошу Вас, г-н Поверенный в Делах, довести о вышеизложенном до сведения Правительства Соединенных Штатов Америки и принять уверения в моем весьма глубоком уважении».

Смит полетел в Москву через Берлин.

28 марта 1946 года главноначальствующий Советской военной администрации в Германии генерал Василий Данилович Соколовский и его политический советник Владимир Семенович Семенов передали из Берлина по ВЧ-связи Молотову телефонограмму о беседе с новым американским послом Смитом:

«Смит пригласил нас к себе на вечерний кофе и говорил о настроениях в США относительно СССР… Когда Смит беседовал с Трумэном, Трумэн просил его передать Москве, что США готовы пойти навстречу интересам СССР, может быть, даже в большей степени, чем Москва в свою очередь идет навстречу интересам США. Но он, Трумэн, хотел бы только, чтобы СССР, осуществляя свои планы по обеспечению безопасности, не давал США «под зад коленкой».

Смит представляет из себя единомышленника Эйзенхауэра, положительно настроен в отношении Советского Союза. Характер экспансивный. Самостоятелен. Самолюбив. Прямолинеен. Рассчитывает на внимание к себе и на более тесные личные отношения с советскими деятелями…»

Его сборы были долгими. Новые подчиненные из московского посольства предупредили генерала Смита: «Первое. В России ничего нельзя достать. Второе. Здесь большую часть года очень холодно — и на улице, и дома».

Посол с женой купили: часы, ремешки для часов, авторучки, бритвы и лезвия к ним, радио, лампочки, фен для сушки волос, утюги, батарейки, пылесосы, тостеры, чернила, книги, игральные карты, поздравительные открытки, рождественские украшения, скатерти, пепельницы, свечи, замки, пластинки, иглы, вешалки для одежды, мыло для стирки, щетки для чистки обуви, оберточную бумагу, открывалки и штопоры, фонарики, спички, термосы, лекарства, салфетки, косметику, заколки для волос, коньки и лыжи, теннисные ракетки и мячи, а также подарки для будущих дней рождения…

Все, у кого были друзья в Москве, попросили посла что-то прихватить для них. В результате самолет был забит припасами, включая свечи для алтаря небольшой католической церкви, которую открыли в Москве в соответствии с договоренностью президента Рузвельта и наркома иностранных дел Литвинова…

«Мое первое впечатление — серость, — рассказывал Смит. — Москва хуже всего выглядит ранней весной, когда покрытый сажей и грязью снег оседает и город становится тусклым и однообразным. Одежда москвичей напомнила мне Пекин зимой… Многие дома в очень плохом состоянии, хотя я не видел следов серьезных бомбардировок, как в Лондоне и Берлине…»

Жизнь в Москве недавнему армейскому офицеру показалась более трудной, чем в разрушенной и оккупированной Германии, где он прежде служил.

Первая проблема возникла из-за завтрака. В Индиане, где вырос Смит, к завтраку относятся серьезно. Это пара яиц и солидный кусок ветчины. Когда посол и его жена приехали в Москву, существовала карточная система. Послу полагалось пятнадцать яиц в месяц. Его жене, хотя в Советском Союзе говорили, что женщины и мужчины равноправны, полагалось только десять. На рынке яйца стоили безумно дорого. Смиты решили купить несколько кур, чтобы обеспечить себя яйцами.

«Это легко сказать, но трудно сделать, — вспоминал посол. — В Советском Союзе нельзя просто сесть в машину, поехать на ферму и купить цыплят. Такие операции можно провести только через правительство, а бюрократические пути медленны и сложны. Обратились в Бюро по обслуживанию иностранцев. Наш запрос переадресовали в министерство сельского хозяйства. Сотрудник министерства в сопровождении машины с охраной повез нас по Ярославскому шоссе на птицеферму, где нам устроили ужин с водкой и шампанским. Цыплята были доставлены в Спасо-Хаус, и моему примеру последовали другие послы».

В декабре 1947 года продовольственные карточки отменили,

дипломатические лавки закрыли. Иностранцам предстояло покупать продукты в обычных магазинах и на рынке. Американки испытали шок, познакомившись с ценами в московских магазинах.

«Мы организовали кооператив, — рассказывал посол, — и стали заказывать консервированные продукты в Америке. Всякий раз, когда прилетал посольский самолет, он доставлял продовольствие. А вот когда правительство ввело ограничение на ввоз беспошлинного продовольствия, всем пришлось покупать еду в дорогих московских магазинах. Гражданам Америки с супермаркетами и дешевыми магазинами на каждом шагу трудно представить себе условия жизни в Москве, где полностью отсутствуют вещи повседневного обихода, которые мы воспринимаем как данность…

Не многие в Соединенных Штатах понимают, как тяжело приходится русскому человеку трудиться, чтобы заработать то немногое, что он получает, и какое давление на него оказывается, чтобы он увеличивал продолжительность и напряженность его труда. Советскому рабочему приходится работать почти пять часов, чтобы заработать на дюжину яиц, американскому рабочему — тридцать восемь минут. Ради пачки сигарет советский рабочий трудится два часа, американский — четыре минуты. На пару мужской обуви американец заработает за полчаса, советский за сто четыре часа…»

Иностранные дипломаты мучились, ведя дела с огромной бюрократической машиной, где приказы приходят из Кремля и где все чиновники, даже министры, считают безопаснее не показывать своей реакции и ничего не решать, пока не получат точных указаний — желательно в письменном виде. Даже самый маленький вопрос, который мог бы решить младший чиновник, передается на решение самым высоким чинам…

«Главная проблема жизни в Москве, — писал Смит, — конечно же не материальный дискомфорт, а ограничения, которые наложены на нашу свободу. Иностранцы отрезаны от русского народа полицейским наблюдением, пропагандой и страхом наказания. Мы пытались всячески улучшить отношения с русскими. Но на главный прием 4 июля из трехсот приглашенных приходило двадцать пять. Я был очень огорчен, пока не выяснил, что в другие западные посольства и столько не приходит…»

Молотов принял прилетевшего в Москву посла Смита.

«Смит заявляет, что по своему личному опыту сотрудничества с советскими военными он знает, что на слово советских военных и Генералиссимуса Сталина можно положиться, — отмечено в записи беседы. — Когда Эйзенхауэр был в Москве, на него

глубокое впечатление произвели слова Генералиссимуса Сталина о том, что он, Генералиссимус, может быть, не все скажет Эйзенхауэру, но он никогда не скажет ему неправды. Может быть, он, Смит, наивен, но он по-прежнему убежден, что это правильно.

Молотов замечает, что на заявления Генералиссимуса Сталина можно положиться.

Смит говорит, что Генералиссимус Сталин пользуется большим уважением в Соединенных Штатах. Американский народ верит слову Генералиссимуса Сталина».

После этого послу была предоставлена возможность поговорить с вождем.

Ночь была чистой и холодной, небо полно звезд, когда в половине девятого вечера 4 апреля 1946 года вечера Уолтер Беделл Смит покинул Спасо-Хаус. Посольская машина с американским флагом везла его по Арбату. Американцы считали, что это самая охраняемая в мире улица, потому что этим маршрутом Сталин и другие члены политбюро ездили из Кремля на свои дачи…

«Все военные в Кремле носят на боку кобуру с оружием, — рассказывал Смит. — Меня встретил полковник, который улыбнулся и отдал честь. Меня провели через несколько комнат, в которых была охрана, пока мы не оказались в комнате, где за столом сидел низенький лысый человек в возрасте с погонами генерала. Мне потом сказали, что это личный секретарь Сталина.

Меня ввели в комнату, в которой были Сталин, Молотов и Павлов, молодой приятный переводчик, который переводил в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Сталин сел с противоположной стороны стола под портретами Суворова и Кутузова. Молотов занял место справа от Сталина. Он не принимал участия в разговоре, только два раза что-то коротко прошептал на ухо генералиссимусу».

Посол Смит вручил Сталину личное письмо от Трумэна, в котором говорилось: «Когда я расстался с Вами в Потсдаме, я выразил надежду, что Вы сочтете возможным посетить Соединенные Штаты и быть моим гостем. Вы соблаговолили ответить, что Вы хотели бы это сделать. Почему бы и не предпринять Вам эту поездку сейчас. Я, конечно, был бы рад, если бы Вы это сделали».

Вождь кивнул, когда Павлов перевел письмо, но, к удивлению посла, ничего не ответил. Только через два часа, когда разговор шел к концу, он вернулся к приглашению:

— Я бы с удовольствием посетил Соединенные Штаты, но возраст берет свое. Врачи говорят, что я не могу совершать далекие путешествия и должен соблюдать строгую диету. Я

напишу президенту и объясню, почему не могу принять его приглашение. Человек должен беречь свои силы. Президент Рузвельт был человеком долга, но не берег силы. Если бы он это делал, был бы жив и сейчас.

Трудно сказать, что бы произошло, если бы Сталин принял приглашение Трумэна и отправился за океан. Впоследствии на Хрущева и Брежнева поездки в Америку производили сильнейшее впечатление. Личное знакомство с Соединенными Штатами, с американским образом жизни, с американцами немало способствовало снижению напряженности. Но Хрущев и Брежнев были людьми иного поколения. И по характеру были иными. Они хотели общения с людьми.

Сталин был кабинетным вождем. Он и по собственной стране не ездил и потребности такой не ощущал. Редко выступал, общался с узким кругом доверенных лиц. Возможно, и в Вашингтоне он бы просидел все дни в советском посольстве, покидая его только для переговоров. Ничего бы не увидел и своего отношения к американцам не изменил.

Когда-то после встречи в Тегеране президент Рузвельт был чрезвычайно удивлен, увидев, как плохо Сталин информирован о политической ситуации в Соединенных Штатах. В этом убедятся и другие американцы. Советский вождь получал массу детальной информации от своих дипломатов и разведчиков, но они рисовали неверную картину жизни западного общества. Многие решения принимались в Кремле, на основании изначально ошибочных данных.

А способен ли был Гарри Трумэн разобраться в человеке, с которым ему пришлось делить мир? Западные политики почти ничего не могли выяснить о Кремле и Сталине.

«Кто он, — задавался вопросом Смит, — абсолютный диктатор, вроде Гитлера или Муссолини, намеренный захватить весь мир? Или же он, напротив, глава прозападного меньшинства в политбюро, который хотел бы прийти к разумной договоренности с нами, но не в состоянии это сделать, потому что правящая олигархия в Кремле против?..

Он самый могущественный и самый недоступный политик в мире. Он отрезан от внешнего мира и изолирован от собственного народа. Он циркулирует только между Кремлем и своей дачей по тщательно охраняемому маршруту. Его личная жизнь окружена тайной. Американцы в Москве даже не знают, где живет Сталин…

Для большинства русских Сталин — это имя и символ, человек, которого они никогда не видели… Насколько нам известно, он никогда не гуляет по московским улицам и почти

никогда не посещает заводы или колхозы. Сообщения о том, чем он занимается повседневно, не публикуются. Как и перечень гостей, которых он принимает.

Нам такая жизнь кажется странной. Даже работает Сталин в Кремле в другое, чем мы, время. Он работает после полудня и до утра, поэтому редкие встречи с иностранными дипломатами назначаются в промежутке от девяти вечера до полуночи».

Американский посол пытался внушить Сталину, что Соединенные Штаты не представляют для него угрозы:

— Мы с большой скоростью демобилизуем наши вооруженные силы, что доказывает наши мирные намерения, и мы разоружались бы в большей степени, если бы можно было преодолеть нынешнюю атмосферу подозрений…

Соединенные Штаты понимают стремление Советского Союза к безопасности, говорил американский посол Сталину. Беспокойство внушают методы. Создается впечатление, что советское правительство не собирается исполнять свои обещания не лишать соседние страны их прав и свобод.

После войны многие левые в Восточной Европе верили, что их страны пойдут своим путем, что они повторят путь Финляндии, которая стала демократическим государством, но учитывает мнение Москвы во внешней политике. Первые восточноевропейские правительства, сформированные после войны, были коалициями социалистических, коммунистических, либеральных и крестьянских партий. Но очень быстро некоммунистические партии были подавлены, их лидеров либо посадили, либо казнили, либо заставили эмигрировать.

Но посол Смит не смог исполнить свою миссию и объяснить Сталину, почему американцы не принимают его политику. Или же советский вождь не захотел этого понять.

«Большинство граждан Советского Союза, — констатировал Смит, — как мне представляется, не понимает, что такое личные свободы, что такое демократия, как мы в Америке это понимаем. Те русские, которые понимали, здесь больше не живут. Они в эмиграции, в тюрьме или мертвы…»

В Москве считали, что в своей сфере интересов вправе поступать так, как считают нужным. Сталин спокойно отказался от участия в управлении Италией и Японией. Однако же Восточную Европу он считал своей вотчиной. Не мог понять, почему американцы озабочены ситуацией в столь далекой от них Восточной Европе. Не потому ли, что американцы претендуют на мировое господство?

13 августа 1946 года начальник управления пропаганды ЦК партии Георгий Федорович Александров представил главному

идеологу члену политбюро Андрею Александровичу Жданову проект постановления ЦК «Об освещении внешнеполитических вопросов в советской печати и о советской пропаганде за рубежом»:

«Советская пропаганда на западные страны носит по преимуществу оборонительный характер. Организации, ведающие пропагандой на зарубежные страны, не проявляют инициативы и смелости в постановке и освещении внешнеполитических вопросов, слабо разоблачают империалистическую политику и антисоветские происки реакционных кругов капиталистических стран…

Недостаточно показываются преимущества советского строя перед капиталистическим… Возросший за время войны авторитет Советского Союза среди трудящихся и прогрессивной интеллигенции за границей плохо закрепляется советской пропагандой…»

В постановлении политбюро ЦК партии «О мероприятиях по улучшению газеты «Правда» записали: «В газете необходимо систематически публиковать материалы о развитии и упрочении демократического строя в странах, освобожденных Красной армией».

В 1946 году отдел внешней политики ЦК, обследовав работу Совинформбюро, доложил: «Пропаганда, проводимая Совинформбюро, чрезвычайно слаба и малоэффективна. Она не идет ни в какое сравнение с пропагандой Соединенных Штатов и Англии, которые располагают огромными штатами, средствами и превосходной техникой. Требуются решительные меры…»

Комиссия ЦК представила Сталину записку: «По тысячам каналов идет антисоветская клевета, она имеет определенный целеустремленный характер, им нужно в массах подорвать престиж Советского Союза. Это является предпосылкой для подготовки возможностей войны против Советского Союза… Нужно отбить это контрнаступление».

В Москве полагали, что Запад разработал единый план пропагандистской работы против СССР и на это выделены деньги, техника и специалисты.

9 октября 1946 года политбюро выразило неудовольствие контрпропагандистской работой Совинформбюро: «ЦК ВКП(б) устанавливает, что Советское Информационное Бюро работает неудовлетворительно и не справляется с возложенными на него задачами. Совинформбюро не концентрировало своего внимания на главных очагах антисоветской пропаганды (США, Англия), распылило силы и средства в своей работе, не сумело организовать планомерной и действенной контрпропаганды

против развернувшейся после войны англо-американской антисоветской кампании…»

Но действия Кремля только множили причины, по которым западное общество с разочарованием убеждалось в том, что за железным занавесом живут по очень странным правилам. Несколько американцев, работавших в СССР, женились на советских женщинах. Им не разрешали уехать с мужьями, это стало дополнительным раздражителем в отношениях между Москвой и Вашингтоном.

30 декабря 1946 года министр Молотов принял посла Смита.

«Смит говорит, — отмечено в записи беседы, — что он не исчерпал бы всех своих вопросов во время сегодняшнего визита к Молотову, если бы он не упомянул о женах американских граждан. Недавно он, Смит, должен был командировать в США вице-консула Уоллеса, который очень сильно пил. Правда, у Уоллеса имеются обстоятельства, которые до некоторой степени смягчают его вину. Он служил в морской пехоте в отдаленных районах и уже шесть лет не был на родине. Уоллес женат на советской гражданке, которая теперь хочет, конечно, выехать к мужу в США. Кроме того, он, Смит, хотел бы также упомянуть сегодня о жене бывшего сотрудника посольства США в Москве Гершфильда. Он, Смит, был бы благодарен за все, что Молотов смог бы сделать в смысле содействия в получении разрешения на выезд в США этих двух жен американских граждан».

Советские руководители нашли свой способ решения проблемы. 15 февраля 1947 года политбюро утвердило проект указа Президиума Верховного Совета СССР «О воспрещении браков между гражданами СССР и иностранцами». Указ был опубликован 18 марта. Этот указ вызвал в мире возмущение. Элеонор Рузвельт, вдова президента Рузвельта, подняла вопрос в комиссии ОН по правам человека, что было воспринято как злобная антисоветская акция.

В 1950 году по указанию ЦК антифашистский комитет советской молодежи вообще запретил советским молодым людям переписываться с иностранной молодежью — даже из социалистических стран.

Попытки заглянуть за железный занавес — без особого на то разрешения — не позволялись даже видным чиновникам.

22 мая 1947 года заведующий отделом внешней политики ЦК партии Михаил Андреевич Суслов доложил Жданову:

«В Министерстве угольной промышленности западных районов СССР фильмы, получаемые из английского посольства, просматривались в помещении Министерства и на квартире у министра т. Засядько.

Эти просмотры организовывал заместитель управляющего делами Министерства член ВКП(б) Я. Шрагер, который лично поддерживал связь с английским посольством через сотрудника редакции «Британского Союзника» советского гражданина Ю.Л. Шер…

Отдел внешней политики ЦК ВКП(б) в начале апреля с. г. сообщил о связях Министерства угольной промышленности с английским посольством в МГБ СССР (т. Питовранову). Спустя несколько дней т. Питовранов сообщил, что вышеизложенные факты подтвердились и Ю.Л. Шер арестован и в настоящее время находится под следствием».

Иначе говоря, контакты с иностранным посольством и просмотр иностранных художественных фильмов рассматривались как антигосударственное преступление…

Настроение американцев переломилось, они перестали доверять Сталину. Популярность Сталина военного времени быстро трансформировалась в страх перед советским диктатором. Американцы стали исходить из того, что СССР враждебен к западным демократиям, что мир, похоже, стоит на пороге новой войны, в которой советский социализм противостоит западной социальной демократии.

Доктрина Трумэна

«Вторая мировая война, — заметил британский политик Алан Кэмпбелл-Джонсон, — ускорила ход истории: в 1939 году в состязании сил мир дошел до четвертьфинала — восемь государств могли претендовать на звание великих держав. К 1945 году число стран, вершащих судьбами мира, сократилось до двух сверхдержав».

— Со времен противостояния Рима и Карфагена в мире не было такой поляризации сил, — сказал конгрессменам заместитель государственного секретаря Дин Ачесон. — Для Соединенных Штатов принятие мер по усилению стран, которым угрожает советская агрессия или коммунистический заговор, равносильно защите самих Соединенных Штатов и равносильно защите свободы как таковой.

После войны к США отошла роль, которую прежде играла Великобритания.

Номинально Англия принадлежала к числу победительниц. Министр иностранных дел Эрнест Бевин гордо говорил журналистам:

— Британская империя не будет ни сорок девятым американским штатом, ни семнадцатой советской республикой.

Фактически роль великой державы была Англии не по карману.

В феврале 1947 года Лондон объявил, что отказывается от мандата на управление Палестиной, а в следующем году предоставит независимость Индии. 21 февраля британское посольство запросило немедленной встречи с американским государственным секретарем Джорджем Маршаллом. Его не было в городе, послание из Лондона принял его заместитель Дин Ачесон. Правительство его величества сообщало, что более не в состоянии оказывать финансовую помощь Греции и Турции и выводит из Греции сорок тысяч британских солдат. Не возьмут ли это бремя на себя Соединенные Штаты?

В Лондоне и Вашингтоне считали, что, если не помочь Турции, в нее вторгнутся советские войска. А в Греции коммунисты вели настоящую партизанскую войну. Они контролировали горные районы (то есть почти всю территорию) и надеялись захватить власть в стране. Англия несколько лет помогала правительству Греции, которое почти ничем не управляло. Министр иностранных дел Энтони Иден говорил в палате общин:

— Греческий народ погиб бы от голода — вот почему мы

вмешались, прекрасно сознавая опасности, политические распри и страсти, порожденные этой войной. Мы знали, что все это обрушится на нашу голову, но считали, что нужно пойти на риск и взять на себя ответственность… Мы не стремимся диктовать Греции, каким должно быть ее правительство. Когда оружие будет сложено, греческий народ должен будет сам избрать угодное ему правительство. Я надеюсь, что демократия снова скажет свое слово в стране, в которой она зародилась.

Оружие чехословацкого производства греческим коммунистам поступало через Югославию. Сталин поддержал греческих партизан в надежде, что они создадут в стране революционную ситуацию и компартия возьмет власть. Он даже обсуждал возможность признать созданное партизанами Временное демократическое правительство Греции во главе с генералом Маркосом Вафиадисом. Но не спешил с этим решением.

А в Соединенных Штатах на ноябрьских выборах в конгресс 1946 года демократы потерпели поражение. Впервые после двадцатых годов республиканцы получили контроль над обеими палатами конгресса. Республиканцы обещали сократить налоги и государственные расходы, резко уменьшить траты на вооруженные дела и максимально сократить свои международные обязательства. Они считали лучшей политикой изоляционизм, то есть полное невмешательство в мировые дела.

Очень многое зависело от ветерана-сенатора Артура Ванденберга, председателя комитета по иностранным делам. В шестнадцать лет, когда он работал в бисквитной компании, он в обеденный перерыв пошел послушать выступление кандидата в вице-президенты Теодора Рузвельта и увлекся политикой.

Маршалл и Ачесон уговорили Трумэна собрать в Белом доме ведущих сенаторов.

— На протяжении последних полутора лет, — говорил сенаторам Дин Ачесон, — советский нажим на проливы, на Иран и Северную Грецию довел Балканы до такого положения, что возможно советское проникновение сразу на три континента. Подобно тому, как в бочонке с яблоками одно гнилое яблоко может испортить все, гниение, начавшееся в Греции, распространилось бы на Иран и все остальные страны, лежащие дальше на восток. Через Малую Азию и Египет зараза проникла бы в Африку, а через Италию и Францию, которым и без того угрожают самые сильные в Западной Европе коммунистические партии, она проникла бы в Европу. Вот какие перспективы открылись перед нетерпеливым и беспощадным противником в результате ухода англичан из Восточного Средиземноморья.

Наступило продолжительное молчание. Затем сенатор Артур Ванденберг повернулся к Трумэну:

— Господин президент, если вы скажете это конгрессу и стране, я вас поддержу. И большинство сенаторов тоже.

12 марта 1947 года на совместном заседании обеих палат конгресса президент выступил с речью, в которой изложил доктрину Трумэна.

Речь Трумэна вошла в историю. Она упоминается во всех учебниках. В нашей стране ее принято было считать манифестом антисоветской политики и империалистических устремлений Белого дома, разделившего мир на два лагеря. Но мало кто знает, что же в реальности сказал Гарри Трумэн. И я хочу привести эту речь практически полностью. Она объясняет движущие мотивы президента Соединенных Штатов, его представления о мире.

— Важность ситуации, с которой мир сталкивается сегодня, делает необходимым мое появление в конгрессе, — говорил президент. — Речь пойдет о внешней политике и национальной безопасности страны. Соединенные Штаты получили от правительства Греции срочную просьбу о финансовой и экономической помощи. Отчеты Американской экономической миссии и доклады посла подтверждают утверждение греческого правительства о том, что помощь необходима для выживания Греции как свободной страны. Я не верю, что американский народ и конгресс останутся глухими к просьбе правительства Греции. Греция не богатая страна. Недостаток необходимых природных ресурсов всегда вынуждал греков тяжело работать, чтобы свести концы с концами.

С 1940 года работящая и миролюбивая страна пережила вторжение, четырехлетнюю жестокую оккупацию и горькую внутреннюю борьбу. Когда освободительные силы вошли в Грецию, они увидели, что отступающие немцы разрушили почти все железные и автомобильные дороги, порты, коммуникации и торговый флот. Более тысячи деревень было сожжено, восемьдесят пять процентов детей болели туберкулезом. Крупный рогатый скот, домашняя птица и тягловый скот почти исчезли. Инфляция съела практически все сбережения. В этих трагических условиях воинственное меньшинство, эксплуатируя человеческие страдания, смогло создать политический хаос, который делает экономическое восстановление невозможным. Греция отчаянно нуждается в финансовой и экономической помощи, чтобы сделать возможным возобновление закупок продовольствия, одежды, топлива и семян.

Самому существованию греческого государства сегодня угрожают террористические действия нескольких тысяч

вооруженных людей, руководимых коммунистами. Комиссия в настоящий момент исследует происходящее в Северной Греции и нарушение границы со стороны Албании, Болгарии и Югославии. Греческая армия малочисленна и плохо вооружена. Ей необходимы припасы и снаряжение, чтобы восстановить авторитет правительства. Греции должна быть оказана помощь, чтобы она стала самодостаточной и уважающей себя демократией.

Соединенные Штаты должны предоставить эту помощь. В мире нет другой страны, к которой может обратиться демократическая Греция. Ни одна другая страна не хочет и не в состоянии предоставить необходимую поддержку демократическому греческому правительству. Британское правительство больше не может оказывать ему финансовую и экономическую помощь. Очень важно, чтобы мы контролировали использование средств, данных Греции, таким образом, чтобы каждый потраченный доллар помогал строить экономику, в которой сможет расцвести здоровая демократия. Ни одно правительство не идеально. Одно из главных достоинств демократии, однако, состоит в том, что дефекты всегда видны и демократическими процессами могут быть выявлены и исправлены. Правительство Греции не идеально. Оно работает в атмосфере хаоса. Оно делало ошибки. Предоставление помощи этой стране не означает, что Соединенные Штаты одобряют все, что правительство Греции сделало и сделает. В прошлом мы осуждали, и мы сейчас осуждаем, экстремистские меры правого и левого толка. Мы рекомендовали толерантность в прошлом, и мы рекомендуем ее сейчас.

Сосед Греции, Турция, тоже заслуживает нашего внимания. Будущее Турции как независимого и экономически здорового государства не менее важно для любящих свободу людей, чем будущее Греции. Турция не перенесла катастроф, которые пережила Греция. Тем не менее сейчас Турция нуждается в нашей помощи для модернизации, необходимой для сохранения национальной целостности. Британское правительство информировало нас о том, что из-за своих трудностей оно не сможет больше предоставлять финансовую и экономическую помощь Турции. Соединенные Штаты — единственная страна, способная ей помочь.

Важнейшая задача внешней политики Соединенных Штатов — это создание условий, в которых и мы, и другие страны будут жить свободно. Это стало основным выводом из войны с Германией и Японией. Наша победа была достигнута над странами, которые хотели навязать свою волю и образ жизни

другим странам. ООН создана для того, чтобы сделать возможной свободу для всех ее членов. Но этого не произойдет, пока мы не захотим помочь свободным людям сохранить их свободу и национальную целостность. Тоталитарные режимы, навязанные свободным людям, подрывают основы мира и, следовательно, безопасность Соединенных Штатов. Наше правительство протестовало против насилия — в нарушение Ялтинского соглашения — в Польше, Румынии и Болгарии. В некоторых других странах также происходят подобные вещи.

Один строй основан на воле большинства и характеризуется свободными выборами, гарантирует свободу слова, вероисповедания и свободу от политического давления. Другой основан на воле меньшинства, силой навязанной большинству. Он опирается на террор и угнетение, контролируемую прессу и радио, фальсифицированные выборы и подавление личных свобод. Я считаю, что Соединенные Штаты должны поддержать свободных людей, которые сопротивляются попыткам их закабалить. <…>

Мы должны действовать немедленно и решительно. Исполнительная и законодательная власти обязаны работать вместе. Соединенные Штаты пожертвовали триста сорок один триллион долларов на победу во Второй мировой войне. Это инвестиция в мировую свободу и мир. Помощь, которую я рекомендую для Греции и Турции, составляет всего лишь одну десятую от этой суммы. Семена тоталитарных режимов питаются страданием и нуждой. Они распространяются и растут на злой почве нищеты и соперничества. Они достигают расцвета, когда надежда людей на лучшую жизнь умирает. Свободные люди всего мира ждут от нас помощи в сохранении их свободы. Если мы споткнемся — мы поставим под угрозу благополучие нашей страны…

В речи Трумэна, как мы видим, не было ничего агрессивного. Он искренне считал необходимым поддержать право народов на свободу и противостоять тоталитарным режимам сталинского типа. Национальные интересы Соединенных Штатов совпали с устремлениями народов к свободе и демократии. И надо прямо сказать: если бы после Второй мировой Америка не заняла такой позиции, даже в Европе, как в тридцатых годах, вновь появились бы жесткие авторитарные режимы, не говоря уже об Азии и других континентах. Западная Европа и Дальний Восток получили прекрасную возможность для полноценного развития под защитой американского военного зонтика. Еще не известно, достигла ли бы Япония таких фантастических успехов, если бы Соединенные Штаты не избавили страну от необходимости

содержать армию и выбрасывать деньги на оружие.

Разумеется, холодная война имела определенную логику. Сверхдержавы нуждались в союзниках: чем их больше, тем лучше. Во имя этого заключались альянсы и с малоуважаемыми режимами.

— Для того чтобы защитить дело мира, — будет оправдываться президент Джон Кеннеди, — мы обязаны сотрудничать с некоторыми странами, которым не хватает свободы.

Полуфашистскую — при диктаторе Салазаре — Португалию приняли в НАТО. Испанский каудильо Франко, пакистанский президент Аюб Хан и иранский шах Реза Пехлеви считались надежными союзниками Америки. Соединенные Штаты оказывали военную помощь Южному Вьетнаму и Южной Корее, хотя обеими странами управляли авторитарные режимы.

Но не забудем, что именно в силовом поле демократической западной системы Испания и Португалия стали со временем нормальными европейскими государствами. А в Северной Корее, которой противостояли американцы, установилась одна из самых мрачных диктатур на земле. Если бы США не пришли в 1950 году Южной Корее на помощь, весь полуостров оказался бы под властью страшной диктатуры. А так — под влиянием Вашингтона — Южная Корея с годами превратилась в процветающее государство, успешно строящее демократию.

План Маршалла и создание НАТО

Но государственный секретарь Соединенных Штатов Джордж Маршалл помнил, что в войну они с русскими были союзниками. В одном из разговоров с американцами Сталин произнес такие слова:

— Я доверяю Джорджу Маршаллу, как самому себе.

После успешной высадки в Нормандии Сталин наградил его орденом Суворова. Награду генералу вручил посол Громыко. Став госсекретарем, Маршалл отправился в Москву. Он не терял надежды объясниться со Сталиным и разрешить главные противоречия между двумя державами.

На приемах произносились бесконечные тосты. Все было прекрасно — черная икра, осетры, фазаны, шампанское, Большой театр. Поздно вечером 15 апреля 1947 года госсекретаря принял Сталин. Вождь встретил Джорджа Маршалла словами:

— Вы совсем не изменились с нашей последней встречи, а я уже старик.

Они были примерно одного возраста. Но Сталин действительно выглядел неважно. Американцы отметили, что он заметно постарел. Такое же впечатление он произвел на посла в Вашингтоне Николая Васильевича Новикова, присутствовавшего на беседе.

«Я видел перед собой, — вспоминал Новиков, — пожилого, очень пожилого, усталого человека, который, видимо, с большой натугой несет на себе тяжкое бремя величайшей ответственности».

— По окончании войны в мире господствовало безграничное восхищение Советским Союзом, — говорил Джордж Маршалл. — Но сейчас в настроении американского народа в отношении СССР произошло ухудшение, и это есть результат многочисленных акций Советского Союза. Я считаю эту тенденцию в развитии общественного мнения трагической ввиду того важного значения, которое имеют советско-американские отношения… Правительство США пишет письма советскому правительству и часто совсем не получает на них ответа. Этого у нас не бывает с правительствами других стран… Я прибыл что-то предпринять для восстановления того понимания и доверия, которое существовало между Советским Союзом и США во время войны…

Сталин во время разговора рисовал красным карандашом львиные головы. Маршаллу показалось, что Сталин относится к его словам безразлично.

Советский вождь заговорил о том, что Соединенные Штаты

обещали, но не дали заем в шесть миллиардов долларов. Новиков поразился — цифру в шесть миллиардов никто не называл, речь шла об одном миллиарде.

Вопрос о предоставлении Советскому Союзу кредита на покупку американских товаров — для послевоенного восстановления страны — возник у посла Гарримана, когда он только приехал в Москву. В Москве идея понравилась. Хотели получить миллиард долларов на двадцать пять лет из расчета полпроцента годовых.

Переговоры о предоставлении кредита шли с конца 1944 года.

4 января 1945 года Молотов неожиданно вручил Гарриману памятную записку с другими цифрами: «Ввиду неоднократных заявлений деятелей США о желательности получения больших советских заказов на переходное и послевоенное время правительство СССР признает возможным дать заказы на основе долгосрочных кредитов на сумму до шести миллиардов американских долларов».

Это выглядело как одолжение Соединенным Штатам. Решение было отложено до окончания войны. А после войны отношения между двумя странами ухудшались так быстро, что давать столь значительные кредиты в Вашингтоне уже не хотели.

Посол Смит написал Новикову записку: «Г-н Новиков! Вы ведь знаете, что это не так. Обещания о шести миллиардах никогда не давались. Разъясните это, пожалуйста, господину Сталину».

Николай Новиков перевел его слова и показал записку Молотову. Министр прочитал и положил записку в свою папку. Он не стал поправлять Сталина — ни в присутствии американцев, ни после того, как они ушли.

Беседы в Москве окончились ничем. Джордж Маршалл был разочарован. Он доложил Трумэну, что дипломатия не работает, с русскими нельзя иметь дело, а бедственное положение Европы соответствует их интересам.

28 апреля 1947 года госсекретарь Маршалл вернулся из Москвы. В тот же день он выступил по радио, говорил о судьбе Европы:

— Пациенту становится все хуже, потому что доктора осторожничают и медлят.

Всю войну Джордж Маршалл отказывался получать награды, премии, почетные звания, считая это неприличным, когда американцы сражаются и умирают на фронте.

5 июня 1947 года он согласился принять звание почетного доктора в Гарвардском университете. В тот день он произнес ту

самую речь, которая войдет в историю. Маршалл говорил тихим и монотонным голосом, оратор он был плохой. Его заместитель Дин Ачесон предложил ему прочитать подготовленный текст, не отклоняясь от написанного. Маршалл обиделся, но прислушался к совету.

В Гарварде он обещал оказать европейским странам помощь, чтобы они восстановили свою экономику. Его выступление не произвело впечатления.

«Я внимательно слушал его речь, — рассказывал известный советолог Ричард Пайпс, присутствовавший на выпускной церемонии в Гарварде, — и был разочарован, потому что не нашел в ней ничего, кроме общих мест. Хотя его выступление можно считать одним из самых важных публичных выступлений XX столетия, оно не считалось таковым, когда было произнесено».

Но министр иностранных дел Великобритании, который услышал изложение речи Джорджа Маршалла по радио, испытал потрясение: в словах госсекретаря он увидел спасение своей страны.

Советские представители иначе трактовали выступление. 9 июня посол Новиков телеграфировал министру Молотову: «В этом предложении государственного секретаря Маршалла совершенно отчетливо вырисовываются контуры направленного против нас западноевропейского рынка».

Помощник президента Кларк Клиффорд предложил назвать его планом Трумэна. Президент сказал, что он хочет отдать должное государственному секретарю — пусть это будет план Маршалла. Президент был искушенным политиком: приближались выборы, и он подвергался непрерывным атакам республиканцев.

— Все, что будет отправлено в сенат и конгресс от моего имени, недолго проживет.

В годы войны американская экономика расцвела. Объем производства удвоился. В сорок пятом на долю Соединенных Штатов приходилась половина мирового промышленного производства, две трети мировых золотых запасов и три четверти инвестиций. Но отнюдь не все американцы горели желанием отдавать свои деньги европейцам. К концу войны еще действовали тринадцать видов карточек на промышленные товары и продовольствие. Холодильники и автомобили трудно было купить. Опасались, что, как и после Первой мировой, начнется спад, а вернувшиеся с фронта солдаты останутся без работы. Боялись, что осуществление плана Маршалла лишит американцев нужных им товаров и одновременно подстегнет инфляцию. Но Маршалл доказывал, что не будет ни

стабильности, ни мира, если не восстановится экономика Европы.

Европейским странам понадобилось некоторое время — около недели, чтобы понять смысл плана Маршалла. Одни были скептиками и не верили, что обещание помощи материализуется. Другие боялись, что помощь придет так не скоро, что рассчитывать на нее наивно. Третьи ждали реакции Москвы.

Приглашение участвовать в разработке плана было направлено и Советскому Союзу. 23 июня Молотов ответил, что приедет. Он предложил встретиться в Париже. Своим союзникам Чехословакии, Венгрии и Польше Москва посоветовала тоже готовиться к конференции. Это была обнадеживающая новость. Молотов прибыл в Париж с сотней экспертов. Как минимум, это означало, что к идее Маршалла отнеслись серьезно.

Молотов предложил, чтобы все страны составили перечень своих нужд, отправили его в Вашингтон и получили столько денег, сколько нужно. Западные партнеры предлагали иной путь. Сначала изучить состояние экономики каждой из стран, подсчитать ресурсы, составить единый план действий, чтобы прежде всего помогать друг другу и объединять экономики, и только после этого просить у американцев деньги.

Европа веками жила экономическим национализмом, протекционизмом и автаркией. Теперь торжествовали иные принципы: надо было избавляться от барьеров на пути свободной торговли. Такая открытость, необходимость дать полную информацию о ресурсах и экономическом потенциале советских руководителей не устраивала.

2 июля Молотов сказал, что все это нарушает принцип суверенитета, европейские страны жертвуют своей самостоятельностью и это приведет к расколу Европы. В определенном смысле он был прав. Но европейские страны знали, по какую сторону железного занавеса они желают находиться. Советская делегация покинула Париж.

В заявлении советского правительства говорилось: «США претендуют на то, чтобы был создан Руководящий Комитет, который составил бы экономическую программу для европейских стран… Делегация СССР усмотрела в этих претензиях желание вмешаться во внутренние дела европейских государств, навязать им свою программу, затруднить им сбывать свои излишки туда, куда они хотят, и таким образом поставить экономику этих стран в зависимость от интересов США…»

Британский министр иностранных дел Эрнест Бевин шепнул своему помощнику:

— Мы присутствуем при рождении западного блока.

Сталин упустил случай сорвать план Маршалла. Если бы

Молотов не уехал из Парижа, конгресс, вполне возможно, сам бы загубил эту идею: конгрессмены и сенаторы вряд ли согласились бы отдать деньги своих избирателей советскому режиму, не имея возможности проконтролировать использование каждого доллара.

Аверелл Гарриман заметил:

— Дядя Джо опять нам помог.

Холодная война разгорелась в немалой степени из-за того, что Запад и Советский Союз неправильно оценивали намерения друг друга. Каждая из сторон считала, что другая проводит в жизнь тщательно разработанный дьявольский замысел. И тут же принимались ответные меры. Чем больше одна сторона верила созданному ею же образу другой стороны, тем сильнее становилась взаимная враждебность.

4 июля министры иностранных дел Англии Эрнест Бевин и Франции Жорж Бидо пригласили двадцать две страны Европы — все, кроме Советского Союза и франкистской Испании, — участвовать в широком совещании в Париже.

Чехословакия, Польша и Венгрия приняли приглашение. Болгария и Албания выразили интерес. Югославия и Румыния ответили, что должны проконсультироваться с Москвой.

5 июля Москва оповестила своих союзников, что не станет участвовать в плане Маршалла, но другие страны вольны это сделать. Однако через день, когда восточноевропейские делегации уже собрались в Париж, последовало новое указание: никуда не ездить, план Маршалла затеян ради формирования антисоветского блока.

Проблема возникла с Чехословакией.

После освобождения страны от немецких войск в Прагу — в отличие от других восточноевропейских стран — вернулись прежние лидеры: президент Эдуард Бенеш и министр иностранных дел Ян Масарик. Первое время Бенеш и Масарик умудрялись ладить и с западными державами, и с Советским Союзом. Сформировали коалиционное правительство, которое возглавил коммунист Клемент Готвальд. Казалось, и в советской зоне влияния может существовать многопартийная демократия.

— Социалистические мероприятия, — говорил президент Бенеш, — следует осуществлять мирным путем без диктатуры пролетариата, без применения определенных теорий марксизма-ленинизма. Я думаю, что в развитии человечества мы достигли уже такого периода, когда это стало возможным.

8 июля 1947 года премьер-министра Клемента Готвальда, министра Яна Масарика и еще нескольких представителей правительства Чехословакии вызвали в Москву. На следующий

день вечером Готвальда одного повезли в Кремль. После сорокаминутной беседы он передал остальным:

— Сталин страшно сердится, что мы приняли приглашение участвовать в плане Маршалла. Я еще никогда не видел его таким злым.

В одиннадцать вечера Сталин заявил делегации, пригласив ее в полном составе, что участие Чехословакии в плане Маршалла прорвет единый фронт славянских народов и будет способствовать изоляции Советского Союза. Министр иностранных дел Масарик пытался объяснить, что его страна нуждается в экономическом сотрудничестве с Западом. Чехословакия уже получила от Соединенных Штатов помощи на двести миллионов долларов. Нужно больше — не хватает продовольствия.

Сталин стоял на своем:

— Вы — наши друзья. Если вы поедете в Париж, то позволите использовать себя против СССР. Советский Союз и его правительство этого не позволят.

Прощаясь, вождь напомнил Клементу Готвальду и другим, что они сегодня же должны отказаться от участия в Парижской конференции.

Министр Масарик ответил, что они только завтра смогут обсудить этот вопрос.

Сталин повторил:

— Это нужно сделать немедленно.

Ян Масарик мрачно говорил, что он приехал в Москву министром суверенного государства, а уехал «советским лакеем». Кабинет министров заседал в Праге весь день. Вечером вице-премьер Вильям Широкий зачитал заявление: правительство отменило свое решение, чехословацкая делегация не поедет в Париж.

Сталину, окончательно порвавшему с Западом, больше не нужны были ни Бенеш, ни Масарик. Повод представился.

Министры-некоммунисты 17 февраля 1948 года потребовали обсудить деятельность МВД и особенно управления государственной безопасности, которое контролировалось компартией и советниками из Москвы. Коммунисты не захотели никому давать отчет о деятельности органов госбезопасности и сорвали заседание правительства. Вечером по радио передали заявление президиума ЦК компартии с призывом «защитить интересы государства и народа».

20 февраля двенадцать министров, представлявших демократические партии, подали в отставку. Они полагали, что президент Бенеш — как это принято в демократической стране —

вынужден будет отправить в отставку все правительство и провести новые выборы. Наивные!

Коммунисты вывели своих сторонников на улицы, устроили забастовку по всей стране и начали вооружать отряды рабочей милиции. Клемент Готвальд требовал сформировать чисто коммунистическое правительство. Президент Бенеш сопротивлялся. Готвальд пригрозил вызвать советские танки. Он попросил прибывшего в Прагу заместителя министра иностранных дел Валериана Александровича Зорина (недавнего посла в Чехословакии) передать в Москву его просьбу: «Было бы хорошо (для воздействия на Бенеша и всех правых), если бы некоторые советские части в Германии и Австрии начали некоторые передвижения у границ Чехословакии».

Тяжелая артиллерия не понадобилась. Эдуард Бенеш никогда не отличался большим политическим мужеством. К тому же он был тяжело болен. 25 февраля президент сдался и поручил Готвальду самому сформировать кабинет. Вся власть в стране перешла к коммунистам. 7 июня Бенеш ушел в отставку, повторяя в своем кругу, что Сталин его «хладнокровно обманывал». Через три месяца он скончался.

Правительства США, Англии и Франции ограничились совместной декларацией: «В Чехословакии установлена замаскированная диктатура одной партии… Последствия этих событий могут быть губительными для чехословацкого народа, доказавшего еще в годы Второй мировой войны свою приверженность свободе».

Прочитав русский перевод декларации, Молотов распорядился (см. журнал «Свободная мысль», № 1/2008): «Надо в печати отхлестать за это выступление против демократической Чехословакии, показав, что это является отражением недовольства иностранных реакционных кругов, планы которых сорвались».

4 мая 1948 года министр Молотов принял американского посла.

Уолтер Беделл Смит пришел объясняться: почему советское правительство проявляет такую враждебность в отношении программы европейского восстановления, которая ни для кого не представляет угрозы?

— Изображение нынешней позиции Соединенных Штатов, — говорил Смит, — которое дается в советской печати, является опасным образом искаженным и ошибочным. Мое правительство не имеет возможности установить, верят ли сами члены советского правительства в это искаженное изображение, и если верят, то в какой степени… Мое правительство желает заявить с

предельной ясностью, что Соединенные Штаты не имеют никаких враждебных или агрессивных намерений в отношении Советского Союза. Утверждения об обратном являются лживыми и могут возникнуть лишь в результате крайнего недоразумения или по злостным мотивам…

Многие элементы внешней политики Соединенных Штатов, продолжал посол, которые вызывают такие резкие возражения со стороны советской печати, никогда бы не возникли, если бы нашему правительству не приходилось помогать другим странам защищаться от попыток со стороны коммунистических меньшинств захватить власть и установить режимы, подчиненные иностранным интересам. Если эти попытки прекратятся, то отпадет и необходимость в тех действиях, которые, по-видимому, вызывают недовольство в Москве…

Диалога не получалось.

— Среди правящих деятелей некоторых стран, — ответил Молотов, — есть люди, которые свои внутренние трудности пытают свалить на советских представителей или советских агентов, которые будто бы вмешиваются во внутренние дела этих стран. Нередко советскому правительству приписывают такие дела, о которых оно узнает лишь из американской, французской или английской печати. Достаточно начаться где-нибудь небольшой или большой забастовке, как в этом винят советских агентов… Каждый беспристрастный человек может убедиться, что никакого вмешательства со стороны Советского Союза во внутренние дела Чехословакии не было… В момент возникновения угрозы для чехословацкого правительства, во главе которого стояли и стоят коммунисты, пробудилась энергия демократических кругов. Они оказали правительству соответствующую поддержку и произвели демократические изменения внутри страны…

Экономическая ситуация в Чехословакии, лишенной участия в плане Маршалла, была очень трудной. Советская помощь была ограниченной. Прага получала в десять раз меньше, чем просила.

Протокол заседания политбюро № 66 от 1948 года:

«1. Отклонить просьбу Чехословацкого правительства о предоставлении им золотого займа в сумме 200 млн долларов, реализуемого в течение 3 лет.

2. Ввиду тяжелого положения чехословацкого народного хозяйства немедля предоставить Чехословакии заем в сумме 25 млн долларов сроком на 10 лет из расчета 2,5 процента годовых».

10 марта 1948 года министра иностранных дел Чехословакии Яна Масарика, сына основателя республики, нашли мертвым под

окнами его служебной квартиры. Эта смерть откликнулась громким эхом по всему миру. Русофил Масарик-младший всей душой стремился к тесному сотрудничеству с Москвой. Но он мешал чехословацким коммунистам. Просто отправить его в отставку было трудно из-за его международного авторитета и громкого имени. Внезапная смерть министра решила проблему.

Официальная версия — самоубийство, душевный разлад и неспособность справиться со своими проблемами. Но в самой Чехословакии и на Западе никто не сомневался: министра выбросили из окна: его убили сотрудники советской госбезопасности, которые вели себя в Праге по-хозяйски и держали чехословацких политиков под контролем.

Однако нет доказательств того, что он был убит. Скорее всего, он выбросился из окна от отчаяния. Масарик-старший, президент Томаш Масарик, в 1918 году создал независимую Чехословакию. Его сын, министр Ян Масарик, три десятилетия спустя не смог сохранить независимость родины.

В Нью-Йорке провели вечер памяти Масарика, говорили:

— Мир опять стоит на перекрестке перед великими решениями. Жертва — Чехословакия — снова бьет в набат, как то уже было в роковые дни Мюнхена.

Коммунистический переворот в Праге породил страх, что нечто подобное произойдет и в других странах, ведь и Гитлер начал с оккупации Чехословакии. Министр иностранных дел Франции Жорж Бидо с обидой сказал американскому послу:

— Мы тут сидим под дулами винтовок, а ваши люди — по ту сторону океана.

Для президента Гарри Трумэна события в Праге были еще одним свидетельством наступления коммунизма по всему миру. 12 марта 1949 года госсекретарь Маршалл сообщил министру иностранных дел Англии Бевину, что Соединенные Штаты готовы обсуждать создание системы атлантической безопасности.

В апреле 1949 года десять европейских государств, а также Соединенные Штаты и Канада подписали Вашингтонский договор о создании Североатлантического договора. Европейские страны устремились в НАТО, потому что статьи 5-я и 6-я его устава гласят, что нападение на одно государство, входящее в союз, будет рассматриваться как нападение на все государства. Иначе говоря, Америка обязалась защищать своих партнеров, как саму себя.

Штаб НАТО разместился в Париже. Соединенные Штаты, как ведущая военная держава, взяли на себя военное командование в НАТО. Первым командующим силами НАТО в Европе назначили генерала Дуайта Эйзенхауэра. Политические вопросы были

поручены Англии, первым генеральным секретарем НАТО стал лорд Исмей.

Больше всего противился НАТО сенат Соединенных Штатов, потому что Североатлантический договор предполагал размещение четырех американских дивизий на Европейском континенте, а американцы больше не хотели посылать свои войска за океан и защищать другие страны.

Организация Варшавского договора появилась позже. 10 мая 1955 года в Варшаве собрались делегации Польши, Венгрии, Чехословакии, Болгарии, Румынии, Албании и ГДР. В качестве наблюдателя присутствовал китайский маршал Пэн Дэхуэй. В перерыве председатель Совета министров Булганин спросил маршала, сколько дивизий сможет выставить Китай. Китайский маршал ответил: «Сто дивизий». 14 мая был подписан Варшавский договор.

Самым влиятельным журналистом того времени был Уолтер Липпман. Ему было всего двадцать пять лет, когда президент Теодор Рузвельт назвал его «самым талантливым молодым американцем». Его читала вся страна. Летом и осенью 1947 года Уолтер Липпман опубликовал в газете «Нью-Йорк геральд трибюн» серию статей, которые в виде книги вышли в конце года под названием «Холодная война. Анализ внешней политики США». Это выражение стало общеупотребительным.

Из двадцати двух стран, приглашенных участвовать в плане Маршалла, восемь отказались: СССР, Чехословакия, Польша, Румыния, Югославия, Албания, Венгрия и Финляндия. Шестнадцать изъявили желание участвовать. Они выработали план европейского экономического сотрудничества, образовали Комитет шестнадцати, который составил заявку на двадцать девять миллиардов долларов.

22 сентября 1947 года представители шестнадцати стран собрались в Париже и представили интегральный план объемом в шестьсот девяносто страниц. Его разделили на два тома и переправили в Вашингтон.

Трумэн получил записку от Черчилля: «Вы не представляете, как я восхищаюсь той политической линией, по которой вы ведете свою великую страну. От всей души благодарю вас за то, что вы делаете для спасения мира от голода и войны».

Две сотни американских конгрессменов отправились осенью в Европу, чтобы оценить происходящее и установить, какая помощь нужна континенту. Среди них был молодой конгрессмен из Массачусетса Джон Фицджеральд Кеннеди.

Джордж Маршалл повторял вновь и вновь:

— Наша политика направлена не против какой-то страны или

идеологии, а против голода, нищеты, отчаяния и хаоса.

Но был и другой мотив — помешать распространению коммунизма.

В марте 1946 года премьер-министр Франции Леон Блюм и его финансовый советник Жан Монне приехали в Вашингтон. Блюм возглавлял французское правительство еще до войны, во время оккупации немцы посадили его в концлагерь. Блюм и Монне втолковывали американцам, что без финансовой помощи французское правительство падет и будет заменено коммунистическим. Париж получил деньги. Аналогичные просьбы о займах Чехословакии, Польши и Венгрии были отвергнуты Всемирным банком. Государственный секретарь Бирнс объяснил:

— Мы должны всячески помогать друзьям и воздерживаться от помощи тем, кто противостоит тем принципам, на которых мы стоим.

После войны Европа голосовала за левые партии. В Англии победили лейбористы с социалистической программой, обещанием централизованной экономики и госконтроля. Во Франции численность компартии достигла в конце 1945 года девятисот тысяч человек, в Италии — больше полутора миллионов. Это были крупнейшие партии своих стран, завоевавшие репутацию сопротивлением оккупантам.

Когда шла подготовка плана Маршалла, западноевропейские компартии, по существу, восстали. Лидер французских коммунистов Жак Дюкло объяснил товарищам директиву Москвы: сокрушить капиталистическую экономику, выступать против американской экономической помощи и свалить правительство.

Французские коммунисты, проиграв 19 октября 1947 года местные выборы, решили поставить экономику на колени. Закрылись почти все угольные шахты. Почта не работала, электрической энергии не было, вода не текла из кранов. Красные флаги взвились над Марселем и Парижем.

Американский посол в Риме сообщал, что и Италия на грани кризиса. В конце ноября 1947 года лидер компартии Пальмиро Тольятти призвал свергнуть реакционное правительство. Казалось, еще немного, и начнется революция.

Британские дипломаты в Париже предлагали поставлять французским правым оружие, чтобы они противостояли коммунистам. Но в Лондоне и Вашингтоне предпочли пустить в ход деньги. Использовали старые связи американских и английских тред-юнионов с итальянскими и французскими профсоюзами. В 1945 и 1946 годах Американская федерация труда уже отправляла двести тысяч долларов итальянским

профсоюзам.

19 декабря 1947 года на первом заседании Совета национальной безопасности в Вашингтоне решили использовать только что образованное Центральное разведывательное управление для организации подрывных акций в Европе. Одна из первых директив, принятых в тот день, предписывала адмиралу Роско Хилленкотеру, директору ЦРУ, пустить в ход любые средства, чтобы помешать коммунистам одержать победу в Италии.

Москва тоже пыталась поддержать союзников, но средства были не те.

Президент Трумэн призвал американцев экономить продовольствие, чтобы отправлять его в Европу. Ему вторили губернаторы, предлагавшие жертвовать еду европейцам. По стране курсировал поезд, который собирал продовольствие для отправки в Старый Свет.

Многие рестораны по всей стране по вторникам не подавали мясо. Все это бесплатно отправлялось за океан.

Гарри Трумэн не любил экономистов. Он говорил:

— Я бы предпочел иметь однорукого экономиста, потому что они всегда говорят: с одной стороны, с другой стороны…

Тем не менее Трумэну пришлось собрать лучших экономистов и создать президентский комитет по оказанию помощи Европе. Его возглавил Аверелл Гарриман. Он привлек Ричарда Биссела, который со временем станет заместителем директора ЦРУ по оперативной работе. Выпускник Йельского университета, Биссел стал главным диспетчером плана Маршалла. Его работа состояла в том, чтобы знать, где в каждую данную минуту находятся все американские суда, доставлявшие помощь в Европу. Компьютеры еще не существовали, у него был только один помощник, но Биссел практически точно мог сказать, когда то или иное судно вернется в порт, будет отремонтировано и сможет вновь выйти в океан.

15 декабря 1947 года американский конгресс ассигновал первые полмиллиарда долларов на немедленную помощь Франции, Италии и Австрии. Американские суда стали под загрузку. Когда суда с сырьем достигли Европы, заработали заводы. Поставки продовольствия из Соединенных Штатов и Канады сбили волну забастовок. Экономическая ситуация в Западной Европе менялась на глазах.

3 апреля 1948 года конгресс принял закон о помощи иностранным государствам. Занималась этим Администрация экономического сотрудничества. За четыре года Соединенные Штаты выделили Европе семнадцать миллиардов долларов — в

виде поставок предметов потребления и безвозмездных субсидий. Кроме того, США закупали европейские товары, что было важно для европейской промышленности — собственный рынок оставался неплатежеспособным.

Москва по-прежнему пыталась воздействовать на рабочий класс Западной Европы и помогать компартиям, но денег было маловато.

В протокол заседания политбюро 16 декабря 1948 года записали: «В помощь французским горнякам отправить от имени профсоюзов СССР — 600 тысяч долларов, от Румынии — 250 тысяч долларов, от Польши — 400 тысяч долларов, от Венгрии — 60 тысяч долларов и от Болгарии — 40 тысяч долларов».

Возник вопрос о распространении плана Маршалла на Германию. Голодала и мерзла вся Европа. Но хуже всего было в разгромленной Германии.

— Я очень затрудняюсь сказать, что такое теперь Германия, — рассуждал Сталин на Потсдамской конференции. — Это — страна, у которой нет правительства, у которой нет определенных границ, потому что границы не оформляются нашими войсками. У Германии нет никаких войск, она разбита на оккупационные зоны. Вот и определите, что такое Германия. Это разбитая страна…

Германия представляла собой груду развалин. В рамках программы репараций из оккупированной страны державы-победительницы вывозили заводы, и рабочие оставались без работы. Денежная система не работала. За четыре упаковки сигарет можно было нанять на вечер оркестр. За двадцать четыре упаковки — купить «Мерседес-Бенц».

«Всюду бродят призраки былого благополучия, — записывал в дневнике знаменитый немецкий писатель Эрнст Юнгер. — Иногда вдруг видишь, как люди, бродящие по бескрайним развалинам, внезапно исчезают: без сомнения, в какой-то дыре, ведущей в подвалы. В садах тоже торчат дымящиеся трубы. Кажется, что ты бродишь в каком-то безумном сне и мечтаешь, как бы поскорее проснуться. В облике людей есть что-то искалеченное даже тогда, когда у них целы руки и ноги…

Скудные карточные нормы с каждым месяцем урезаются еще наполовину. Это смертный приговор для многих, кто раньше кое-как перебивался, особенно для детей, стариков и беженцев. Судя по газетам, многие в мире встретили этот голодный мор одобрительно…»

Во время войны союзники хотели видеть Германию именно такой.

Президент Рузвельт писал 26 августа 1944 года военному

министру Генри Стимсону: «Чрезвычайно важно, чтобы все люди в Германии поняли: на этот раз Германия — побежденная нация. Я не хочу, чтобы они умерли от голода. К примеру, если они нуждаются в пище для поддержания души в теле, пусть получают три раза в день суп из армейских кухонь. Это поддержит их здоровье, но они запомнят такой опыт на всю их жизнь. Факт, что германский народ — побежденная нация, должен быть внушен им коллективно и индивидуально так, чтобы побоялись когда-либо еще начать новую войну».

Но прошло время, и отношение к Германии и немцам стало меняться.

По просьбе Белого дома бывший президент Герберт Гувер представил в 1946 году доклад о положении Германии. Он пришел к выводу, что нужно восстанавливать промышленность, иначе налогоплательщикам союзных держав придется кормить немцев. В центре Европы появится болезненный очаг безработицы, который рано или поздно заразит и соседние страны, в результате вся Европа останется в лохмотьях. Из доклада следовало, что экономическое восстановление Германии — ключ к спасению континента.

«Вся экономика Европы, — писал Герберт Гувер, — взаимно переплетена с немецкой экономикой благодаря традиционному обмену сырьем и готовой продукцией. Нельзя восстановить экономическую силу Европы без восстановления Германии».

Но именно возрождения Германии в Европе и побаивались. Три поколения французов трижды воевали с Германией.

Американский генерал Люциус Клей, глава американской военной администрации в Германии, предложил освободить немецкую экономику от тягот оккупации: пусть она заработает, немцы начнут кормить себя сами. Отец Клея был сенатором от штата Джорджия. Будущий генерал вырос среди проигравших — южан, потерпевших поражение в войне с северянами, — и понимал, что чувствуют разгромленные в войне немцы.

Но советские руководители не собирались отказываться от репараций. Они имели большое значение для послевоенной советской экономики.

«Репарации, — писал известный военный историк Михаил Семиряга, — не только содействовали восстановлению разрушенного хозяйства СССР, но и послужили толчком к техническому прогрессу в советской промышленности. Репарационное оборудование было на уровне того времени. Восстановление экономического потенциала страны принято объяснять только «высоким трудовым подъемом» советского народа. Куда же делись целые заводы, ценнейшее промышленное

оборудование и материалы из Германии, Румынии, Венгрии и из других бывших вражеских стран, которые в сотнях тысяч вагонов могучей волной растекались по всему Советскому Союзу?»

Молотов напоминал союзникам, что Советскому Союзу обещали репарации на сумму в десять миллиардов долларов, поэтому репарации должны поступать не только из советской зоны оккупации, а из всей Германии. Советский Союз больше всех пострадал во время Второй мировой. И даже десять миллиардов не компенсировали потерь.

Американцы возражали: Соединенные Штаты помогают немецкому населению, поставляют продовольствие в свою зону оккупации, и в случае продолжения репараций все это будет уходить Советскому Союзу. Соединенные Штаты отказывались закачивать деньги в немецкую экономику, если Советский Союз будет их выкачивать. Западные державы договорились отделить свои зоны оккупации от советской, провести там денежную реформу и приступить к восстановлению экономики. Так началось разделение Германии, которое сохранялось четыре десятилетия.

23 февраля 1948 года представители США, Англии и Франции собрались в Лондоне для обсуждения будущего Германии. Договорились объединить три зоны оккупации, провести денежную реформу и включить западную часть Германии в план Маршалла.

Через месяц после этого, вечером 26 марта 1948 года, Сталин принял руководителей восточной части Германии — сопредседателей Социалистической единой партии Германии Вильгельма Пика и Отто Гротеволя.

— Пропагандируя план Маршалла, — жаловался Гротеволь, — англичане и американцы говорят о помощи, которую будто бы собираются предоставить Германии. Контрагитация нашей партии в этом вопросе не стала действенной вследствие распространенных среди населения иллюзий, связанных с планом Маршалла. В борьбе с планом Маршалла партии пока не удается увлечь за собой широкие массы.

18 декабря на новой встрече со Сталиным Вильгельм Пик высказался еще резче:

— План Маршалла означает ограбление Германии.

С самого начала план Маршалла воспринимался как инструмент холодной войны. В Москве, видимо, понимали, что щедрая экономическая помощь разрушенной Европе подрывает протестный потенциал населения континента и перспективы компартий. За более тесной экономической интеграцией обычно

следует более тесное политическое объединение. Так и произошло. Немцы в западной части Германии связали свою судьбу с западным миром. В конце концов план Маршалла привел к созданию Общего рынка.

18 июня 1948 года в западных зонах оккупации было объявлено о проведении денежной реформы. 23 июня США, Англия и Франция объявили, что денежная реформа пройдет и в западных секторах Берлина. Сталин знал, как на это ответить.

В сорок пятом Берлин поделили на четыре сектора оккупации. Советский сектор станет столицей Германской Демократической Республики. Западный Берлин хотел быть частью Западной Германии. Но со всех сторон окруженный советскими войсками Западный Берлин оказался очень уязвимым.

24 июня 1948 года Советская военная администрация в Германии объявила о том, что прекращается сообщение между Западным Берлином и западными зонами оккупации Германии. Объяснили, что дороги и мост через Эльбу «временно закрыты в связи с ремонтом». На железнодорожной станции Хельмштадт на границе двух зон стояли американские поезда. Американские офицеры требовали пропустить их, советские офицеры отвечали: состав пропущен не будет.

Заодно в Западном Берлине отключили электричество. Город остался без света, тепла и продовольствия. Началась блокада Берлина. Это была первая битва холодной войны, первое прямое столкновение Востока и Запада.

Сталин был уверен, что Западный Берлин не выдержит блокады и его можно будет присоединить к Восточной Германии. Что касается Соединенных Штатов и Англии, то они не решатся на какие-то действия, а ограничатся дипломатическими нотами. По словам Громыко, Сталин решил для себя, что отступит только в том случае, если американцы решатся на настоящую войну.

Англия и Соединенные Штаты действительно были растерянны. Они не испытывали желания сражаться из-за Западного Берлина. Но понимали, каковы ставки. «Если Берлин будет оставлен, — писал тогда один американский журналист, — завтра половина населения Европы вступит в коммунистическую партию».

Власти города заявили: «Западный Берлин никогда не станет коммунистическим!» Обер-бургомистр Западного Берлина социал-демократ Эрнст Рейтер говорил на митинге:

— Всеми средствами мы будем сопротивляться притязанию на власть тех, кто хочет сделать нас рабами одной партии. В таком рабстве мы жили в рейхе Адольфа Гитлера. С нас хватит. Мы не желаем его возрождения… Сегодня весь мир знает, что

именно здесь бьется сердце новой германской демократии… Свобода — смысл всей нашей жизни.

В Вашингтоне в эти дни было жарко и влажно. Президент Трумэн нервничал, чувствовал себя усталым. Ему не нравилось выражение «холодная война». Он предпочитал иное выражение — «война нервов». Газеты были полны слухами о грядущей войне. На совещании в Белом доме прозвучала идея нанести ответный удар — закрыть для советских судов Панамский канал. Трумэн отверг эту идею. Но подчеркнул:

— Мы остаемся в Берлине.

Генерал Люциус Клей предложил танками проложить дорогу в Западный Берлин. Клей был человеком с бешеным темпераментом. Как выразился его приятель, «он отличный парень, когда расслабится, проблема в том, что он никогда не расслабляется».

Трумэн опять сказал «нет»: это уже почти настоящая война.

Генералы-летчики Хэп Арнолд и Куртис Лемэй вспомнили, как во время Второй мировой они доставляли грузы в Китай через Гималаи по воздуху. Воздушный мост показался Трумэну идеальным решением. Полеты Сталин запретить не сможет. Сбивать самолеты рискнет только в том случае, если хочет войны.

— Русские хотят войны? — спросил Трумэн.

— Не думаю, — ответил генерал Клей.

Через два дня после начала блокады в Западном Берлине приземлились первые самолеты с продовольствием.

Трумэн разрешил доставлять в Берлин ежедневно около четырех тысяч тонн продуктов, горючего и промышленного сырья. К зиме это количество возросло до двенадцати тысяч тонн в день. Кормили два миллиона человек и снабжали их углем. Западноберлинцы получали маленькие пайки. Но никто в городе от голода не умер. Электричество давали на несколько часов в день, и хозяйки вставали среди ночи, чтобы на электроплитке сварить что-нибудь на завтра.

Зима была очень холодной. Городские власти взяли на себя — вместе с союзниками — организацию лагеря для молодежи, где прилично кормили. Это был праздник для берлинских подростков.

Американские транспортные самолеты взлетали с аэродрома в Висбадене и садились в Западном Берлине на аэродроме Темпельхоф. Инициативу американцев поддержали английские и французские власти. Для воздушного моста открыли аэродром Тегель во французской зоне Берлина и аэродром Гатов в английской. Летчики успевали совершить три перелета в день. Самолеты садились каждые четыре минуты.

Думали, что воздушный мост понадобится на неделю-другую. А он действовал триста двадцать два дня, одиннадцать месяцев. Воздушный мост обошелся очень дорого, но явился одной из наиболее смелых и оригинальных акций в холодной войне. Хотя на него израсходовали не меньше средств, чем на какую-либо локальную войну с применением обычного оружия, однако обошлось без кровопролития. Погибли только несколько летчиков в результате авиакатастроф. Берлинцы были поражены тем, что союзники, для которых немцы еще недавно были врагами, рисковали ради них жизнью.

Во время берлинского кризиса Москва получала от высокопоставленной агентуры советской разведки огромное количество информации о том, что происходило в коридорах власти в Лондоне и Вашингтоне. Американцы сами сомневались в успехе, не сразу поняли, насколько успешным оказался воздушный мост, и эта неуверенность вдохновляла Сталина. Он решил, что Запад не выдержит, но недооценил берлинцев и американцев. Напрасно он считал их слюнтяями, которым не хватит мужества, решительности и готовности терпеть лишения. У самого Сталина не выдержали нервы, и он отказался от идеи блокады.

12 мая 1949 года первый грузовик из западной части Германии смог проехать по территории восточной зоны и въехать в Западный Берлин. Блокада закончилась. В Государственном департаменте Соединенных Штатов Дин Ачесон и Чарлз Болен раскупорили бутылку шампанского. Многое за эти месяцы переменилось в Западной Европе и Северной Америке. Раньше понятие «мы» включало и русских. Теперь вместо русских в понятие «мы» вошли немцы.

«Если бы советская дипломатия в 1945 году, — писал один из лидеров английской Либеральной партии Алан Кэмпбелл-Джонсон, — придерживалась стратегии мирного сосуществования, то вполне возможно, что в атмосфере демобилизационных настроений и неуверенности, царивших на Западе, вся Европа могла бы конституционным путем перейти к коммунизму.

Но сталинский «мозговой трест» оказался недостаточно гибким и зрелым для того, чтобы использовать представлявшуюся возможность. Вместо этого он избрал единственный курс, который мог мобилизовать ослабевшую волю демократий и объединить их разобщенные до этого усилия…

Не первый раз в истории Европы политика, основанная на использовании страха и силы, привела к результатам, прямо противоположным тем, на которые рассчитывали ее

вдохновители. Реакция на советский шантаж в Берлине продемонстрировала волю и способность Запада к сопротивлению».

Сталин, видимо, не понял — и никто не решился ему сказать, — каким был главный вывод, сделанный европейцами из этой истории. А получилось так, что Советский Союз морил берлинцев голодом, американцы спасали и кормили. Немцы надолго это запомнили. Это была одна из главных битв холодной войны, которую Сталин безнадежно проиграл.

История, считает Мартин Уокер, в прошлом корреспондент британской газеты «Гардиан» в Москве и автор книги об истории холодной войны, показывает, что демократические правительства действовали более реалистично, чем авторитарные: точнее соотносили свои действия со своими интересами. Авторитарные режимы в большей степени склонны питать иллюзии.

Сталин не верил, что капиталистические страны сплотятся в желании сдерживать Советский Союз, потому что полагал, что капиталисты так жадны, что не в состоянии договориться о сотрудничестве. В результате Советский Союз оказывался в тупике, сталкиваясь с планом Маршалла, созданием НАТО и включением Германии в западный блок.

СССР и другие соцстраны представляли собой абсолютные монархии. В тоталитарной системе никто не решится сказать вождю, что он ошибается. Среди демократических лидеров тоже попадались не слишком умные. Но демократическая система не позволяет им преследовать иллюзорные цели и избавляется от таких лидеров.

Слуга всех господ

Он был одной из самых загадочных фигур послевоенной Европы. Он играл роль Джеймса Бонда задолго до появления этого киногероя на экране. Носил темные очки, не снимал шляпы, не позволял себя фотографировать. Его настоящая фамилия не произносилась. Даже ближайших сотрудников заставлял называть себя «господин доктор». Он был охвачен манией секретности и устраивал настоящие спектакли. Журналистов привозили к нему на конспиративную квартиру, три раза пересаживая из машины в машину. Райнхард Гелен наслаждался своей ролью первого начальника западногерманской разведки.

В результате нескольких крупных провалов советская разведка утратила свою агентуру на Британских островах и в Северной Америке — в самый разгар холодной войны, когда, пожалуй, более всего нуждалась в реальной информации о том, что происходит в мире. Но открытость политической жизни в демократических странах оставляла достаточно возможностей для анализа, было бы желание разобраться. Обратная ситуация сложилась для Запада, неспособного проникнуть в Советский Союз, почти полностью закрытый от внешнего мира. В попытке понять Кремль западные лидеры сделали ставку на спецслужбы.

Сразу после войны оккупированная Германия оказалась единственным окном в советскую жизнь. Оно стало шире с помощью перебежчиков из советской зоны и военнопленных, которые возвращались домой и рассказывали, что видели. Они стали едва ли не главным источником информации о происходящем за железным занавесом. Рассказывают, будто по химическому составу привезенного военнопленными самосада установили, что Советский Союз располагает собственными запасами урана и от импорта больше не зависит. Возможно, поэтому американцы так ценили начальника разведывательной службы Западной Германии Райнхарда Гелена, бывшего генерала вермахта.

Райнхард Гелен был человеком крайне честолюбивым и тщеславным. Он считал себя выдающимся разведчиком, хотя никогда не работал, как говорят профессионалы, «в поле» — не был оперативным сотрудником. Но ему хотелось видеть себя настоящим шпионом. Именно поэтому из всех фотографий для книги воспоминаний он выбрал ту, на которой изображен в черных очках.

Гелен, старательный и работоспособный, молодым офицером попал на службу в Генеральный штаб сухопутных сил вермахта и

довольно быстро возглавил в военной разведке отдел «Иностранные армии Востока», ведавший изучением Красной армии. Сам Гелен не занимался вербовкой агентуры и сбором разведывательной информации. Но он был умелым организатором.

Задача отдела состояла в анализе разведданных и прогнозировании действий Красной армии. Строго говоря, Гелену и его помощникам похвастаться было нечем, как и другим спецслужбам Третьего рейха, работавшим против Советского Союза. Немецким разведчикам не хватало стратегического воображения. В основе анализа лежала убежденность в превосходстве вермахта. Разведчики Гелена не увидели опасности, которая ждет 6-ю армию Фридриха Паулюса, и не сумели предвидеть окружения армии под Сталинградом. И в сорок четвертом Гелен уверенно предсказывал вермахту спокойное лето — как раз накануне мощного советского наступления.

Отчего же после войны Соединенные Штаты поддержали весьма среднего по своим способностям офицера разведки и позволили ему создать собственную разведывательную службу?

Участники войны поспешили снять мундиры и вернуться к гражданской жизни. В оккупированной Германии решения принимали молодые американские офицеры, которые в войну не имели доступа к расшифрованным немецким документам и не представляли себе степень некомпетентности разведслужб Третьего рейха.

А бывшие руководители немецких спецслужб создали миф о своих грандиозных успехах, которых в реальности не было. Райнхард Гелен нисколько не сомневался в собственном мастерстве. Его самоуверенность вдохновляла и других.

Адольф Гитлер недолюбливал разведку и не желал читать разведывательные сводки. Фюрер считал, что в разведке просто нет необходимости: он добивался всего, чего хотел, с помощью вермахта, который одерживал одну победу за другой. Когда война приобрела затяжной характер и у Германии оказалось много сильных врагов, только тогда появился спрос на разведывательную информацию.

Третий рейх еще существовал, а генерал Гелен уже задумался о послевоенном будущем. Он приказал своим подчиненным изъять из архива важнейшие документы и припрятать. После разгрома вермахта его задержали американцы и отправили в 12-й армейский следственный отдел в Висбадене. Гелену повезло. Его делом занялись американские офицеры, которые очень заинтересовались архивами немецкой разведки.

Для западных спецслужб, которые ничего не знали о происходящем по ту сторону железного занавеса, это было время отчаяния.

К Аллену Даллесу, представлявшему политическую разведку, обратился подполковник военной разведки Джон Рассел Дин-младший, сын руководителя американской военной миссии в Москве. Дин-младший рассказал Даллесу о немецком генерале-разведчике, готовом передать материалы о России и Восточной Европе, собранные нацистской разведкой. Речь шла о генерале Гелене. Даллес считал, что он знает, как иметь дело с такого рода немцами — консерваторами из семей с давними традициями. Он был уверен, что манипулирует Геленом. В реальности все было наоборот. Если американский военный министр Генри Стимсон говорил: «Джентльмены не читают чужих писем», то Гелен думал иначе: «Только джентльменам можно доверить чтение чужой почты».

Сами американцы совершенно не были готовы к серьезной разведывательной работе против СССР, поэтому полагались на людей Гелена, что означало вовлечение старых нацистов в холодную войну. Райнхард Гелен получил возможность собрать бывших коллег, сбросивших нацистские мундиры и готовых действовать в интересах Соединенных Штатов. Чтобы ни русские, ни англичане не потребовали выдать им Гелена, его имя изъяли из списка военнопленных, находившихся в руках американских властей.

Гелену не пришлось делить с другими немцами тяготы послевоенной жизни. Американские офицеры снабжали его не только долларами, но и шоколадом, бензином, сигаретами и женской косметикой — товарами, которые можно было с выгодой сбыть на черном рынке. Американские военные считали организацию Гелена «самым надежным источником информации о состоянии Советской армии и ее намерениях». Позднее профессионалы из ЦРУ обнаружили то, на что не обращали внимания армейские офицеры: операции Гелена носили любительский характер. Это была пустая трата денег.

Весной 1950 года организация Гелена информировала ЦРУ, что один из ее агентов в Австрии может купить у советского офицера последние шифры. Австриец именовал себя графом Фридрихом Колередо-Вельсом и просил за шифры двадцать пять тысяч долларов, хорошую работу и дом на Западе. В ЦРУ засомневались. В те годы многие немцы и австрийцы неплохо зарабатывали на шпионских играх. Тем не менее отправили группу оперативников в Вену. Ночью одного из сотрудников ЦРУ обстреляли. В его машину всадили пять пуль. Австриец оказался

агентом-двойником и ничего не знал о шифрах.

Райнхард Гелен, разумеется, не имел агентов в Кремле или среди советского военного начальства. Одним из первых он понял то, что другим станет ясно позже: четыре пятых информации можно почерпнуть из открытых источников, в первую очередь из газет. И только одна пятая приходит от секретных агентов. Его люди занимались тактической разведкой в советской зоне оккупации. Они, скажем, следили за переброской по железной дороге советских частей и военной техники. Гелен поражал умением составлять разведывательные сводки, учитывая каждый клочок информации.

Гелен наотрез отказывался сообщать американцам биографии своих подчиненных и агентов. В декабре 1948 года — после коммунистического переворота в Праге и советской блокады Западного Берлина — ЦРУ и перестало задавать эти вопросы. А когда с началом корейской войны понадобилась любая информация о Советской армии, наличие военных преступников в аппарате Гелена сочли его внутренним делом.

После войны военная контрразведка была самой многочисленной американской спецслужбой на территории оккупированной Германии и вообще в Западной Европе. Она отвечала за денацификацию. Но многие ее сотрудники считали, что бывшие офицеры эсэсовской службы безопасности СД и гестапо располагают полезной информацией о Советском Союзе и подпольном коммунистическом движении.

Если бы молодые контрразведчики знали, что совершили нацисты, с меньшим желанием обращались бы за помощью к этим мнимым профессионалам. Бывшие нацисты оказались мастерами изображать себя людьми, которые владеют массой полезной информации. Хотя это в основном были убийцы и дилетанты.

Клаус Барби (в нашей печати его на французский манер ошибочно именовали Барбье) родился в Бад-Годесберге в католической семье. Родители хотели, чтобы он изучал теологию. Но отец умер, Клаус бросил учебу и в сентябре 1935 года вступил в СС, еще через два года — в партию. Он служил в эсэсовской службе безопасности, СД, которой руководил Райнхард Гейдрих. Это была политическая полиция, занимавшаяся поиском и уничтожением врагов рейха. В 1940 году Барби присвоили звание оберштурмфюрера и отправили в оккупированную Гаагу, в сорок первом перевели в Амстердам. В ноябре сорок второго Барби утвердили начальником горотдела гестапо в оккупированном Лионе.

Клаус Барби избивал арестованных и заслужил прозвище «лионский мясник». Нескольких человек он застрелил лично. В

Лионе гестаповцы разместились в гостинице. В одном из номеров ванну заполняли холодной водой. Задержанного раздевали, силой погружали голову под воду и держали, пока человек не терял сознание. Выжившие узники потом рассказывали, что самым страшным была обыденность этих пыток. Рядом веселились гестаповцы, кто-то жевал бутерброд, кто-то звонил жене.

Главная задача Барби состояла в том, чтобы подавить подпольные структуры Сопротивления. Жестокость Барби принесла ему успех. Летом сорок третьего участникам Сопротивления пришлось перебазироваться из Лиона в Париж. Как ни странно, там они чувствовали себя в большей безопасности, чем в городе, где хозяйничал Барби.

Германия не спешила подписывать мирный договор, поэтому французам пришлось оплачивать все расходы оккупационной администрации. Французы платили примерно двадцать миллионов рейхсмарок в день — на эту сумму содержались не только оккупационные войска, но и карательные органы — гестапо и полиция безопасности. Иначе говоря, гауптштурмфюрер СС Клаус Барби ловил и уничтожал руководителей Сопротивления за французские же деньги.

У Барби было два десятка осведомителей внутри Сопротивления. В июне 1943 года он арестовал нескольких руководителей подполья, среди них Жана Мулена, которого называли правой рукой Шарля де Голля. Мулен сумел объединить разрозненные отряды Сопротивления и приехал в Лион, чтобы встретиться с товарищами по совместной борьбе. Но попал в руки Клауса Барби. В лионском гестапо Жана Мулена избивали каждый день, раскаленные иголки загоняли ему под ногти. Когда он впал в кому, его искалеченное тело в назидание показали другим арестованным. Клаус Барби получил Железный крест.

Для борьбы с движением Сопротивления в Виши создали милицию. Эти полувоенные отряды в черном обмундировании охотились за теми, кто не смирился с оккупацией. Но в тот день, когда союзные войска вошли в Париж, французы ничего не хотели слышать о предательстве и сотрудничестве с немцами! Французы были совершенно несчастны из-за того, что проиграли войну да еще сотрудничали с оккупантами. Они жаждали утешения. И генерал Шарль де Голль пришел к ним на помощь. Он создал миф, будто французский народ как единое целое участвовал в Сопротивлении.

— Париж освобожден французскими руками, — торжественно говорил Шарль де Голль. — С помощью всей Франции, настоящей Франции, вечной Франции.

По случаю освобождения во Франции был устроен грандиозный праздник. Маршал Петен запрещал танцы. Французы четыре года не танцевали. А де Голль разрешил.

Из-за поражения нацистской Германии гауптштурмфюрер Клаус Барби лишился работы. А должен был лишиться свободы. И возможно, жизни — в первый послевоенный год приговоры нацистским преступникам выносились суровые. Но Барби был признан ценным специалистом. Ему сохранили жизнь, оставили на свободе. Его, как и многих бывших нацистов, спасла холодная война.

Противостояние с Советским Союзом привело к тому, что спецслужбы союзников перестали искать нацистов и заинтересовались германской компартией, коммунистическим подпольем и советской агентурой.

Англичане проверяли немецкую полицию, вычищали из нее коммунистов и им сочувствующих. Некоторые коммунисты призывали к радикальным, революционным действиям, но руководство компартии считало их провокаторами. В сентябре 1950 года британцы обыскали здание компартии в Дюссельдорфе, а через неделю приказали передать здание британским военным. Жизнь немецких коммунистов не была простой. В 1956 году Конституционный суд ФРГ запретил германскую коммунистическую партию, ее газеты закрывались, транспорт реквизировался. Впрочем, она вскоре возродилась (на деньги ГДР) под названием коммунистическая партия Германии…

Англичане пытались выявить в западной части Германии следы несуществующей подпольной военной организации компартии. А кто же лучше бывших сотрудников гестапо знает, как выявлять коммунистическое подполье?

Британская разведка и решила завербовать Клауса Барби. Но англичанам он не доверял, боялся, что они же в конце концов его и посадят. Предпочел работать на американцев, считая их более щедрыми. Его завербовала американская военная контрразведка в Мюнхене. Контрразведчики исходили из того, что коммунисты опаснее нацистов, а бывшие нацисты — лучшие специалисты по коммунистам.

Клаус Барби легко раздобыл документы германской компартии, действовавшей на юге страны, и его официально оформили «осведомителем». Контрразведчики пометили в его личном деле, что «полезнее держать его в роли осведомителя, чем сажать в тюрьму».

Американская и британская контрразведка были уверены, что бывшие гестаповцы помогут им проникнуть в тайны советской разведки. Британцам первым попали в руки материалы о

«Красной капелле». Это общее название нескольких подпольных групп советской военной разведки, которые успешно работали в нацистской Германии. Самые известные из тех, кто снабжал Москву ценнейшей информацией, — служивший в министерстве авиации обер-лейтенант Харро Шульце-Бойзен, дальний родственник гроссадмирала Альфреда фон Тирпица, и работавший в министерстве экономики Арвид Харнак, отпрыск не менее знаменитого семейства. Руководили этими группами профессиональные разведчики Леопольд Треппер и Анатолий Гуревич, которых забросили в Западную Европу еще до начала войны.

Аппарат гестапо и СД состоял из криминальных элементов или дилетантов. Они вышли на след советской разведывательной сети во Франции благодаря ошибкам самой «Красной капеллы», неизбежным при том бешеном темпе работы, которого требовала Москва. Оказавшись в руках союзников, бывшие гестаповцы рисовали себя выдающимися контрразведчиками, единственными, которым под силу противостоять советской агентуре.

На англичан масштаб и эффективность действий Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной армии произвели сильнейшее впечатление. Англичане такими успехами похвастаться не могли. Они хотели все знать и обратились за помощью к гестаповцам, собравшим много информации о советской военной разведке. Даже диверсант Отто Скорцени пытался продать ЦРУ секретные материалы «Красной капеллы». Американцы отказались, потому что Скорцени уже подсунул им однажды самодельные фальшивки.

В следственной группе гестапо, которая вела дело «Красной капеллы», работал советник юстиции Хорст Копков. Он сам проводил аресты, в том числе задержал Шульце-Бойзена. Арестованных пытали, чтобы выбить из них имена других разведчиков. К концу октября 1942 года гестапо арестовало сто девятнадцать человек. Герман Геринг создал премиальный фонд в сто тысяч рейхсмарок, из которого отмечал тех, кто работал по делу «Красной капеллы». Денежную награду получили шестьдесят семь гестаповцев, Хорсту Копкову досталась самая большая сумма — тридцать тысяч марок. Союзники задержали его еще в мае сорок пятого и теперь жадно расспрашивали о советских разведчиках.

Четыре года, с сорок пятого по сорок девятый, британская контрразведка МИ-5 изучала все, что относилось к «Красной капелле». Первый доклад МИ-5 представила в апреле 1946 года, дополненный вариант — в ноябре 1946-го и окончательный — в

1949 году. Англичан интересовал главный вопрос: удалось немцам полностью уничтожить советскую разведывательную сеть в Западной Европе? Или же уцелевшие советские агенты продолжают свою работу — теперь уже против Англии и Соединенных Штатов?

Американская контрразведка узнала о «Красной капелле» позже англичан и спешила наверстать упущенное. Американцы зафиксировали слова немецкого драматурга-антифашиста Гюнтера Вайзенборна, который предложил всем выжившим подпольщикам встретиться, и насторожились. Они следили за коммунисткой Гретой Кукхоф. Ее мужа Адама Кукхофа, известного драматурга, который тоже был в подполье, нацисты казнили. Когда Грета в телефонном разговоре упомянула, что поддерживает отношения с выжившими участниками «Красной капеллы», американская контрразведка отправила к ней своего осведомителя в надежде выведать имена других советских агентов.

Осведомитель доложил начальству: «Можно предположить, что Грета Кукхоф знает о нынешней деятельности «Красной капеллы» в Берлине, в американской зоне оккупации и в Западной Европе».

В середине 1947 года американская контрразведка начала полномасштабное расследование, исходя из того, что выжившие участники «Красной капеллы» продолжают работать на советскую разведку и выследить их смогут бывшие офицеры гестапо.

Уловив интерес американцев, бывшие гестаповцы утверждали, что «Красная капелла» не была уничтожена, а продолжает активно действовать. Нелепость этого утверждения состояла в том, что после войны советская госбезопасность арестовала уцелевших руководителей «Красной капеллы», тех военных разведчиков, которые вернулись на родину. Наркомат госбезопасности завершил то, что начало гестапо. Знаменитые Шандор Радо, Леопольд Треппер, Анатолий Гуревич отправились в места не столь отдаленные и руководить разведывательной работой против недавних союзников никак не могли.

Американцам такое и в голову не могло прийти. Желание понять, каким образом советской разведке удалось достичь фантастического успеха, определяло действия западных спецслужб. Хуже всего то, что они нанимали бывших гестаповцев, тем самым спасая их от заслуженного наказания.

В 1991 году бывший директор ЦРУ Ричард Хелмс подтвердил, что центральный аппарат не запрещал резидентурам вербовать бывших эсэсовцев, хотя Нюрнбергский трибунал признал СС преступной организацией. Американцев интересовала

информация о ситуации в восточном блоке, и на нацистское прошлое агента закрывали глаза.

Что от этой фаустовской сделки выиграли спецслужбы? Как показывают рассекреченные документы, ЦРУ получило от бывших нацистов очень мало. Практически ничего. Плохие актеры и играли плохо. Все бывшие нацисты были бесполезны, максимум они могли рассказать то, что можно было прочитать в газетах. Зато о них приходилось заботиться — укрывать от ареста, отправлять в Латинскую Америку, предоставлять гражданство Соединенных Штатов. И директор ФБР Эдгар Гувер, нарушив закон, позволил обосноваться в Америке военным преступникам из стран — союзниц Германии.

Переброской немецких пособников в Соединенные Штаты занимался разведчик Фрэнк Визнер, который после войны руководил управлением координации политики. Деньги его управление получало от ЦРУ, но находилось внутри Государственного департамента (позже оно влилось в оперативное управление ЦРУ). Он ввез в США с помощью ФБР и иммиграционной службы некоторое количество гитлеровцев и множество пособников нацистов, тех, кто воевал вместе с Гитлером. Конечно, их следовало судить. Но они уверяли, что воевали за свободу. В той атмосфере всякий антикоммунист воспринимался как союзник. Фрэнк Визнер мечтал о том, чтобы использовать этих людей для подпольной борьбы в Восточной Европе. Выиграли от этого только коллаборационисты, избежавшие наказания.

После главного Нюрнбергского процесса американцы провели там же еще двенадцать процессов, посадив на скамью подсудимых сто сорок четыре крупных нацистских преступника — военных, промышленников, концлагерных врачей, судей и командиров эсэсовских айнзацгрупп. К 1949 году органы военной юстиции США осудили тысячу восемьсот бывших нацистов, и процессы продолжались. Группу осужденных эсэсовцев повесили в 1951 году, несмотря на протесты некоторых высокопоставленных чиновников ФРГ, которые просили союзников прекратить копаться в прошлом.

Разведывательные операции представляли иное лицо американской политики — во времена холодной войны циничный прагматизм брал верх над соображениями морали и нравственности. Главной задачей было получение информации о Советском Союзе, о ситуации в Восточной Европе и советской зоне оккупации.

Американская военная контрразведка и ЦРУ использовали своих бывших противников и привлекли к сотрудничеству

десятки бывших сотрудников гестапо и немецкой разведки, абвера и СД. За закрытыми дверями они убеждали своих политиков, что профессионалы полезны в борьбе с мировым коммунизмом.

Бывший начальник личного штаба Гиммлера обергруппенфюрер СС Карл Вольф договорился с американским командованием о капитуляции немецких войск в Северной Италии за несколько дней до того, как сдался весь вермахт. Через два года судьи американского трибунала встретились с обвиняемым Вольфом отдельно и не стали его сажать, хотя располагали данными, что он отправлял транспорты с евреями в Треблинку и руководил жестокими расправами с итальянским Сопротивлением. За решетку его позже отправили судебные власти ФРГ.

Италия напрасно просила выдать ей штандартенфюрера СС Ойгена Дольмана, который во время войны служил в Риме и обвинялся в кровавых расправах с местным населением. Американцы снабдили его фальшивыми документами и вывезли из Рима в американскую зону оккупации. Иначе, рассудили в разведке, другие агенты засомневаются: могут ли они рассчитывать на помощь Соединенных Штатов.

Штурмбаннфюрер СС Вильгельм Хёттль, который служил в Австрии и Венгрии, выдавал себя за хорошо подготовленного мастера разведки, чьи услуги американцам необходимы. Они поверили, и он избежал суда.

Эмиль Аугсбург, «эксперт» СС по славянским народам, который в 1941 году принимал участие в казнях на территории Советского Союза, был нанят американской военной контрразведкой в 1947 году, потому что обещал достать «восемь грузовиков с документами Коминтерна». Это была липа, грузовики так и не нашлись.

Герман Юлиус Хёфте с 1939 года работал в оккупированной Польше, участвовал в уничтожении евреев в генерал-губернаторстве, в уничтожении Варшавского гетто, служил и в концлагере Заксенхаузен. В 1948 году он узнал, что его ищут поляки, и с помощью друзей бежал в Италию. Через три года вернулся в ФРГ и попал в поле зрения американской военной контрразведки. Он рассказал американцам, что участвовал в подготовке подполья для сражения с наступающими частями Красной армии. В феврале 1954 года его сделали платным информатором за сто марок в месяц.

Ойген Фишер, бывший начальник отдела мюнхенского гестапо, был привлечен к борьбе с баварской организацией компартии Германии.

В 1947 году контрразведчики наняли бывшего группенфюрера СС Хайнца Райнефарта, который участвовал в подавлении Варшавского восстания в августе 1944 года, потому что он знаком с тактикой советской пехоты. Польша требовала выдать эсэсовца. Даже англичане не понимали, почему американцы его покрывают. Но рассекреченные недавно документы все объясняют. В записке Государственного департамента говорилось: «Есть основания полагать, что его познакомили с информацией об американских военных делах, поэтому его нельзя отправлять в страны, находящиеся под советским контролем. Его выдача в Польшу может повредить работе других бывших немецких офицеров, которые будут бояться выдачи».

В социалистической части Германии тоже привлекли к сотрудничеству недавних нацистов. Заместитель министра госбезопасности ГДР Эрих Мильке подписал ориентировку № 21, в которой предписывалось «бывших офицеров и унтер-офицеров, бывших сотрудников гестапо и офицеров контрразведки рассматривать как подходящих для вербовки лиц». В этом смысле восточногерманские лидеры мало отличались от западногерманских. Иначе говоря, и западные и восточные немцы легко объединились в союз отпущения грехов.

Характерно, что если бывшие нацисты нашли свое место в социалистической ГДР, то инакомыслящие, те, кто выражал несогласие с политикой восточноберлинских властей, прямиком отправлялись в тюрьму…

Сотрудничеством с бывшими нацистами никто не брезговал. В организации Гелена работал Хайнц Фельфе, бывший оберштурмфюрер СС, он же крупный агент советской политической разведки.

Хайнц Фельфе родился 18 марта 1918 года в Дрездене. Когда в сентябре 1939 года началась война, служил в вермахте. В 1941 году образцового нациста взяли в Главное управление имперской безопасности, которым руководил Райнхард Гейдрих. С августа 1943 года он служил в шестом управлении РСХА (внешняя разведка) — под началом бригадефюрера СС Вальтера Шелленберга.

Фельфе ведал агентурной работой в Швейцарии. После войны он попал в плен к англичанам, освободили его в октябре 1946 года. В 1951 году его завербовала советская разведка. Ему удалось поступить на работу к Гелену…

Американская военная разведка, которой руководил генерал-майор Артур Трюдо, считала, что организация Гелена полна советскими и восточногерманскими агентами, но в Вашингтоне

слишком хорошо относятся к Гелену, поэтому на все закрывают глаза. Генерал Трюдо предупредил канцлера Конрада Аденауэра, что его разведка насыщена советскими агентами и секреты НАТО уходят в Москву.

Аденауэр поделился своим удивлением с резидентом ЦРУ, тот доложил в Вашингтон Аллену Даллесу. Директор ЦРУ был вне себя и пожаловался военным. Начальник штаба армии генерал Максуэлл Тэйлор вызвал Артура Трюдо для объяснений.

— Если Даллес говорит, что потерял доверие ко мне, — ответил генерал Трюдо, — то я хочу, чтобы армия знала — я потерял доверие к ЦРУ и Даллесу.

Через несколько дней Трюдо отправился к новому месту службы на Дальнем Востоке.

В ноябре 1961 года западные немцы все-таки выследили Хайнца Фельфе и арестовали советского агента. Суд приговорил его к четырнадцати годам тюремного заключения. КГБ и министерство госбезопасности ГДР приложили особые усилия для того, чтобы его вызволить. В 1969 году Фельфе обменяли на пойманных за железным занавесом западных разведчиков. В Москве бывшего эсэсовца встретили с почетом, вручили ему ордена Красного знамени и Красной звезды, присвоили звание почетного сотрудника госбезопасности.

В марте 2008 года Хайнцу Фельфе исполнилось девяносто лет, юбилей отметила Служба внешней разведки. Организация ветеранов СВР заявила: «Фельфе по праву относится к той славной плеяде помощников советской внешней разведки, которые на протяжении военных лет и послевоенного противостояния не за страх, а за совесть добывали ценнейшую политическую, военную, научно-техническую и оперативную информацию, считая своим долгом помогать нашей стране, укреплять ее позиции».

Этот юбилей бывший эсэсовец и бывший агент советской разведки Фельфе встретил в Германии, куда вернулся после распада Советского Союза.

Гауптштурмфюрер СС Клаус Барби помогал американской военной контрразведке формировать агентурную сеть, которая следила за французской разведкой и за положением дел во французской оккупационной зоне. Американцы очень заинтересовались работой Клауса Барби в оккупированной Франции: опасались, что французские коммунисты глубоко проникли в государственный аппарат и спецслужбы.

Американцы знали, что Барби служил в СС, что Париж требует выдачи нацистского военного преступника. Но поскольку чаще всего писали о нем французские коммунистические газеты,

то решили, что это пропаганда.

Французы жаловались на то, что американская контрразведка не передала им нацистского палача Клауса Барби, а использовала его для борьбы с коммунистами в Баварии. Но и у французов рыльце было в пушку. 14 марта 1946 года британский лорд Маунтбеттен, Верховный командующий союзными войсками в Восточной Азии, прибыл в Сайгон. Индокитай еще находился под французским управлением. Был выстроен почетный караул из солдат иностранного легиона, который почти полностью состоял из бывших немцев-эсэсовцев. Когда это выяснилось и помощники Маунтбеттена заявили протест, французы обиженно ответили, что это «их лучшие легионеры».

Клаус Барби продолжал работать на американскую контрразведку, жил на конспиративной квартире. Его прятали не только от французов, но и от управления американского верховного комиссара в Германии и от Государственного департамента. Американские дипломаты считали необходимым передать его французам. Контрразведка скрывала Барби еще и потому, что он слишком много знал об американцах. Но государственный секретарь Дин Ачесон предупреждал в июне 1950 года, что «отношения с французами больше пострадают от нашего отказа его выдать, чем в результате того, что мы его выдадим».

В конце 1950 года от Клауса Барби все-таки решили избавиться. В соответствии с законом о национальной безопасности 1947 года директор ЦРУ получил право предоставлять убежище в Соединенных Штатах ста иностранцам, если они представляют ценность с точки зрения национальных интересов. Но на эту квоту гауптштурмфюрер СС Барби не мог рассчитывать. Бывших нацистов принимали в Латинской Америке или арабских странах. Клаус Барби предпочел Латинскую Америку, где многие государства традиционно дружили с Германией, не видели ничего дурного в фашизме и охотно приютили после войны бежавших из Европы нацистов.

В Соединенных Штатах к латиноамериканским диктаторам относились снисходительно. Когда жена президента Франклина Рузвельта Элеонор путешествовала по Центральной Америке, убили национального героя Никарагуа генерала Аугусто Сандино и его брата Сократа. За убийством стоял генерал Сомоса, убийцы разгуливали по Манагуа, хвастаясь своими подвигами и трофеями — золотыми зубами Аугусто Сандино и прядью волос Сократа Сандино.

Элеонор Рузвельт рассказал мужу, что происходит в Никарагуа. Но Франклин Рузвельт поддерживал генерала Сомосу

и произнес тогда одну из самых сомнительных своих сентенций:

— Он сукин сын, но это наш сукин сын.

Новыми документами Клауса Барби снабдили американцы, а новую фамилию он выбрал себе сам — Альтман. Бывших нацистов переправлял в Латинскую Америку хорватский священник Крунослав Драганович. В Хорватии, союзнице Третьего рейха, он носил форму подполковника усташей и был заместителем руководителя Бюро колонизации; оно ведало распределением собственности, которую отобрали у изгнанных или убитых сербов. Как священник, он окормлял охранников концлагеря Ясеновац. Военная контрразведка США заплатила Драгановичу, чтобы он помог спастись нацистскому преступнику Клаусу Барби.

В 1951 году Барби добрался до Боливии, где существовала большая немецкая колония. В 1964 году в Боливии произошел военный переворот. Новое правительство видело главного врага в коммунистах. В Боливии даже возникло национально-социалистическое движение — под лозунгом «Победа или смерть». Барби без работы не оставался: то помогал организовывать концлагерь, то консультировал секретную полицию. В 1980 году власть в стране взяли «кокаиновые бароны», и опять понадобился Барби. «Почетный подполковник Клаус Альтман» был советником министра внутренних дел, который лично занимался поставками наркотиков.

Бывший гауптштурмфюрер СС существовал вполне благополучно, пока до него не добрались Серж и Беата Кларсфелд.

Одна немецкая писательница сказала, что только дважды за те годы, которые она прожила вне Германии, ей пожимали руку, узнав, что она немка. После того как канцлер ФРГ Вилли Брандт стал на колени перед памятником жертвам варшавского гетто. И когда студентка Беата Кларсфелд на съезде Христианско-демократической партии Германии в 1968 году дала пощечину другому канцлеру ФРГ — Курту Георгу Кизингеру за его нацистское прошлое. Оба поступка, продиктованные движением души, помогли изменить представление о немцах.

Беата Кларсфелд — жена известного парижского адвоката Сержа Кларсфелда. Они познакомились в 1960 году, когда Беата приехала во Францию. Отец Сержа, как и многие французские евреи, в годы войны был отправлен в немецкий лагерь и там погиб. Отец Беаты служил в вермахте. Беата принадлежит к поколению немцев, которые решили, что они обязаны искупить грехи отцов.

В июне 1971 года мюнхенская прокуратура, занимавшаяся

делом Барби, решила прекратить его поиски, поскольку установить его местопребывание невозможно. И тогда Кларсфелды сами стали искать бывшего начальника лионского гестапо. 28 января 1972 года Беата приехала в Боливию и стала доказывать, что Клаус Альтман на самом деле Клаус Барби. Она прилетела вместе с матерью человека, которого убил Барби. Власти попросили их немедленно покинуть страну.

Местонахождение Барби было известно французским властям с 1963 года, но, пока делом не занялись Кларсфелды, Париж ровным счетом ничего не сделал для того, чтобы привлечь к ответственности бывшего гестаповца. Теперь президент Франции Жорж Помпиду написал личное письмо президенту Боливии. Тот ответил, что «судьба Альтмана будет решаться боливийским судом, а политическое давление неуместно».

Франция попросила Вашингтон найти доказательства того, что Альтман и есть Барби, и отправить эти документы в боливийский суд. Государственный департамент обратился к военным. Сотрудники министерства обороны Соединенных Штатов достали из архива документы и пришли к выводу, что их нельзя рассекречивать: «Есть основания полагать, что Барби получил новые документы от американской военной контрразведки. Соображения национальной безопасности заставляют сохранять в секрете имеющуюся у нас информацию».

И еще одиннадцать лет Барби оставался на свободе, хотя даже заместитель министра юстиции Боливии заметил в личном разговоре:

— Все знают, что Клаус Альтман и есть Клаус Барби.

Возникла мысль похитить Барби, вывезти из Боливии и передать правосудию. Помочь взялся знаменитый в ту пору человек — известный деятель левого движения и идеолог партизанской войны Режи Дебре, чье имя еще возникнет на страницах этой книги.

Я был когда-то потрясен, встретившись в Париже с этим человеком, чье имя, окруженное героическим ореолом, известно мне еще с юности. От пронизывающего взгляда его голубых глаз, признаться, временами становилось не по себе. Он, без сомнения, обладал умением разбираться в людях. Умением, приобретаемым в ситуациях драматических. Например, в тюрьме, где идеолог партизанской войны Режи Дебре провел три года.

В 1972 году Кларсфелды и Режи Дебре решили похитить Барби и доставить его в соседнюю Чили, где у власти находилось правительство Сальвадора Альенде — рассчитывали на его поддержку. Зафрахтовали небольшой самолет, но план не осуществился. В марте 1973 года Барби внезапно был арестован

боливийскими властями — на время рассмотрения его дела в Верховном суде. А когда через несколько месяцев, в октябре семьдесят третьего, его выпустили, было уже поздно: власть в Чили перешла к генералу Аугусто Пиночету.

Во Франции не горели желанием устраивать процесс над Барби, который уничтожал участников Сопротивления и отправлял евреев в концлагеря. Но в 1981 году президентом Франции был избран социалист Франсуа Миттеран. Одним из его советников стал Режи Дебре. Он убедил президента добиться выдачи Клауса Барби. В Соединенных Штатах политику тоже теперь определяли другие люди. Президент Рональд Рейган приказал сделать все, чтобы Барби не ушел от ответа. Он распорядился раскрыть реальную историю взаимоотношений американской военной контрразведки с нацистским преступником Барби. Пентагон возражал. А вот в ЦРУ согласились рассекретить документы, потому что политическая разведка с Барби не сотрудничала. Генеральный советник ЦРУ рекомендовал тогдашнему директору ЦРУ Уильяму Кэйси: «Мы должны признать, что такова была политика Соединенных Штатов — прагматичное использование бывших нацистов после Второй мировой войны, потому что мы перенастраивали наш инструментарий, чтобы противостоять новому противнику — Советскому Союзу».

В августе 1983 года в Вашингтоне выпустили доклад «Клаус Барби и правительство Соединенных Штатов», основанный на документах армейской контрразведки. Этот доклад был передан правительству Франции с официальными извинениями. Тем не менее Кларсфелдам пришлось самим искать доказательства вины Клауса Барби. И они нашли свидетелей его преступлений — тех, кто был арестован лионским гестапо, кого там пытали. Они отыскали подписанные Барби документы. Например, такие: «Сегодня на рассвете ликвидирован еврейский приют «Детская колония» в Изье. Всего был взят под стражу сорок один ребенок в возрасте от трех до тринадцати лет…»

Эти дети были уничтожены нацистами. Серж и Беата Кларсфелд сумели восстановить историю приюта и каждого ребенка, собрали их фотографии и письма родным. Так они создали памятник убитым детям и одновременно — обвинительное заключение по делу начальника лионского гестапо Клауса Барби.

Перемены происходили и в Боливии. В новом правительстве заместителем министра внутренних дел стал Густаво Санчес Салазар, который когда-то обещал помочь Режи Дебре похитить Барби. Он добился решения лишить Барби боливийского

гражданства и выслать его из страны. 4 февраля 1983 года он забрал Барби из тюрьмы и переправил во Французскую Гайану, где ожидал присланный из Парижа реактивный самолет.

8 февраля бывший начальник лионского гестапо был доставлен во Францию. В аэропорту собрались люди, которые, если бы не полиция, разорвали его своими руками. В Лионе его поместили в тюрьму, где когда-то томились узники гестапо. Защищать Барби взялся известный адвокат Жак Верже, человек, любящий эпатировать публику.

Верже родился в Таиланде, он сын французского колониального чиновника и вьетнамки. Следы восточного происхождения — в его черных волосах, оливковом цвете кожи, невозмутимости глаз за маленькими круглыми очками. В семнадцать лет он вступил в ряды бойцов «Свободной Франции» генерала де Голля, сражался с немецкими войсками в Северной Африке. После Второй мировой войны он стал членом коммунистической партии Франции, в 1957 году вышел из компартии.

Жак Верже строил защиту на том, что многие французы совершали те же преступления в годы оккупации, но их не трогают. Сам президент Франсуа Миттеран верно служил маршалу Петену, сотрудничал с предателями, с коллаборационистами, союзниками Гитлера… Но усилия адвоката не помогли его клиенту. Доказательства преступной деятельности начальника лионского гестапо были представлены суду.

4 июля 1987 года судьи признали его виновным в преступлениях против человечности и приговорили к пожизненному заключению. В одном смысле адвокат Жак Верже был прав: рядом с Барби должны были сидеть и другие: видные французы, которые вместе с ним охотились на бойцов Сопротивления. Но одно дело посадить на скамью подсудимых немца, другое дело — своих, французов… Бывший начальник лионского гестапо умер в сентябре 1991 года в тюрьме. Холодная война продлила ему жизнь.

Шпионы в деле

В марте 1948 года американский генерал Люциус Клей, военный губернатор оккупированной Германии, предупредил Вашингтон, что война с Советским Союзом может начаться совершенно внезапно и в любую минуту. Генерал Клей был в 1947–1949 годах главнокомандующим американскими войсками в Европе и главой американской военной администрации в Германии.

5 марта 1948 года генерал Люциус Клей телеграфировал в Вашингтон из Берлина: «В последние недели отмечены резкие изменения в поведении советской стороны, которые я не могу интерпретировать, но которые наводят на мысль, что война может вспыхнуть драматично и неожиданно».

16 марта ЦРУ доложило президенту: «Войну следует ожидать в течение ближайших шестидесяти дней».

Через день военно-воздушные силы были приведены в состояние боевой готовности. Британские войска в Германии несколько раз объявляли состояние тревоги. Только французы чувствовали себя расслабленно, потому что считали, что война начнется только года через два…

Британские военные хотели было обсудить с американцами планы военного противостояния Советскому Союзу. Но начальник имперского Генерального штаба фельдмаршал Бернард Лоу Монтгомери запретил им говорить на такие темы, опасаясь, что вокруг так много советских шпионов, что Москва сразу все узнает. Но и генерал Люциус Клей докладывал в Вашингтон о том, что тайные коммунисты проникли даже в его штаб и что необходимы серьезные усилия для борьбы с ними.

В начале апреля 1948 года фельдмаршал Монтгомери прилетел в Берлин. Во время Второй мировой он командовал британскими войсками. Еще недавно его принимали в Москве как союзника. Но теперь все изменилось. В Берлине он ощутил атмосферу взаимного недоверия.

Объединенный комитет начальников штабов потребовал от разведки иметь агента в районе каждого советского военного аэродрома. Это означало завербовать две тысячи агентов — цифра немыслимая. Приказ был отменен только после того, как выяснилось, что нет оснований предполагать советское военное нападение.

Спрос на разведывательную информацию быстро вырос. Германия была для западных спецслужб плацдармом, с которого можно было засылать агентуру на Восток. Если в других странах

британской разведке пришлось после войны сократить по бюджетным соображениям свою активность, то в оккупированной Германии за все платили немцы. Резидентура политической разведки МИ-6 в Берлине насчитывала сто оперативных работников и большое число технического персонала.

Денежные соображения для послевоенной Англии были весьма весомыми. После создания ФРГ и восстановления Австрии англичанам придется вернуть домой многочисленную оккупационную администрацию, внутри которой легко прятались разведывательные подразделения. Окончание оккупации Западной Германии в мае 1955 года приведет к сокращению финансирования разведки…

Кстати, немецкие железнодорожники получали деньги от британской разведки за сообщения о передвижении поездов в восточной части Германии, званиях и нашивках офицеров Советской армии, которых они видели. Впрочем, многие агенты-немцы оказались не столь ценными, как казалось. Выяснилось, что один из них, снабжавший британскую разведку информацией о советских перевозках по Восточной Германии, никогда не существовал. Агента придумал человек, который преспокойно жил в Западной Германии и внимательно читал все газеты и железнодорожные издания. Пришлось резидентуре доложить в Лондон, что пересланная в штаб-квартиру секретная информация не так уж и секретна.

В Германии и Австрии американская военная и политическая разведка жестко конкурировали. Ревность — чувство, которое больше всего мешало сотрудничеству спецслужб. У военных разведчиков было множество преимуществ, в частности, потому, что они могли посылать на территорию Восточной Германии легальные миссии. Они искали районы, где советские войска только что проводили маневры. Советским солдатам не давали туалетной бумаги, в ход шла любая бумага — и получаемые с родины газеты, и даже какие-то армейские документы.

Сбор этих бумаг позволял извлекать не только серьезную военную информацию, но и сведения о моральном состоянии советских войск. Накладные, записки, дневники позволяли установить серийные номера новой техники, поступавшей на вооружение советских частей. Охота за мусором продолжалась десятилетиями. Иногда шпионаж оказывался грязным делом даже в прямом смысле этого слова.

В сфере авиационной разведки англичане опережали американцев. В 1947 году целый флот специально переоборудованных самолетов «Ланкастер» и «Линкольн» барражировал вдоль границы советской оккупационной зоны

Германии. Кроме того, база военно-воздушных сил Англии в Берлине записывала радиопереговоры советских операторов на территории Восточной Германии. В июне 1948 года британские самолеты-разведчики приступили к полетам вдоль советских границ — над Балтикой и в сентябре — над Черным морем.

Но англичане были готовы и рискнуть — провести разведывательные полеты над советской территорией. У них были только самолеты «Москито» военного времени. Американцы с готовностью перебросили новенькие RB-45C. Первый полет состоялся в марте 1952 года — с санкции Черчилля. Накануне полета летчика привели к премьер-министру. Летчик объяснил, что пролететь незаметно не удастся, русские будут знать.

Черчилль отмахнулся:

— Русские уже знают. Главное, чтобы наши депутаты и палата общин не узнали.

Британских генералов больше всего интересовало, как заранее узнать о взлете советских бомбардировщиков, которые в случае войны возьмут курс на Англию. Собирали информацию о расположении и тактике советской системы противовоздушной обороны. Появление самолетов-шпионов приводило ее в действие — радиолокаторы переходили на активный режим, зенитные системы готовились открыть огонь. Все это фиксировалось и изучалось. На разведывательных самолетах служили большие экипажи — из десяти операторов, включая трех человек, знающих русский язык.

К англичанам присоединились американцы, их самолеты B-29 летали с территории Шотландии в сторону Шпицбергена. Больше всего американцам хотелось пролететь над ракетным полигоном Капустин Яр. Самолет модификации PR-7 вылетел с территории Германии, пролетел над Волгой и сел в Иране, сделав несколько снимков ракетного полигона. По самолету непрерывно стреляли зенитные орудия, его пытались поразить ракетами. В Вашингтоне были счастливы: удалось прощупать всю систему ПВО страны.

Начались и разведывательные полеты с базы Туле на Гренландии. Испытывалось оборудование, необходимое для составления карты Арктического региона, где, как полагали, советская радиолокационная система имела массу дыр. Такую же программу начали и в Советском Союзе. В апреле 1948 года американская станция ПВО доложила начальству, что ее изучает советский разведывательный самолет. В ноябре 1948 года советский самолет час кружил над американской станцией на Хоккайдо (Япония) и сумел благодаря плохой погоде ускользнуть — перехватить его не сумели.

8 апреля 1950 года американский разведывательный самолет

был сбит, когда пытался фотографировать советские ракетные базы на балтийском побережье. Советские специалисты подняли оборудование со дна моря, так что они знали, что это был за самолет. Полеты приостановили. Генерал Омар Брэдли, председатель Комитета начальников штабов вооруженных сил США, настаивал на продолжении разведывательных полетов, считая, что потребность в информации военного значения огромна. Трумэн согласился, когда ему обещали, что разведывательные самолеты будут вооружены и получат право открывать огонь для самозащиты. Полеты продолжались. Время от времени самолеты-разведчики сбивали.

«18 марта 1953 года посольство США в СССР, — писала «Правда», — направило по поручению своего правительства МИД СССР ноту, в которой сообщается, что 15 марта самолет военно-воздушных сил США типа «РБ-50» якобы подвергся нападению со стороны советских истребителей над открытым морем в пункте с координатами 50 градусов 02 минуты северной широты и 11 градусов 04 минуты восточной долготы (у берегов Камчатки). В ноте США по этому поводу был заявлен протест.

По проверенным данным, установлено, что американский бомбардировщик типа «Б-29» нарушил 15 марта с. г. в 11 часов 57 минут по местному времени в районе мыса Крестовый государственную границу СССР и пролетел над территорией Камчатки до 70 километров.

При приближении поднявшихся в воздух советских истребителей самолет-нарушитель открыл огонь по советским истребителям. Один из советских самолетов в целях самообороны вынужден был открыть ответный огонь, после чего самолет-нарушитель развернулся и, удаляясь от советского берега, скрылся в восточном направлении».

Если в советском сообщении говорилось, что самолет удалился в сторону моря, значит, его сбили…

Британский флот проводил надводные разведывательные операции. В октябре и ноябре 1949 года британский эсминец месяц занимался радиоэлектронной разведкой Кольского полуострова и базы в Мурманске. То, что американцы и англичане знали о советских военно-морских силах, они почерпнули из немецких трофейных материалов. К 1948 году эта информация устарела.

В октябре 1952 года англичане и американцы получили фотографии советских кораблей в районе Шпицбергена, сделанные норвежскими военными летчиками. Норвежцы разрешали британским разведывательным самолетам совершать полеты вдоль советских границ. В середине пятидесятых

норвежская военная разведка создала специальную судоходную компанию, чьи суда на самом деле занимались слежкой за советским флотом в Баренцевом море. Оборудование поставило американское Агентство национальной безопасности. Офицеры британской разведки разместились в норвежских портах, чтобы получать информацию из первых рук.

Еще более секретными были разведывательные операции подводных лодок. Американские лодки ходили к советскому тихоокеанскому побережью, чтобы фотографировать корабли и перехватывать их радиопереговоры. Американцы отправляли с разведывательными миссиями сразу несколько подлодок. В 1954 году одна из них провела тридцать четыре дня возле Петропавловска-Камчатского. Другая подлодка получила задание подключиться к проложенным по дну океана советским кабелям и записывать переговоры, которые в Москве считали гарантированными от прослушивания. В пятидесятых годах британский флот вел разведывательные операции в Балтике, на Черном море, в Южной Атлантике и Индийском океане. В начале шестидесятых британские подлодки почти постоянно вели разведку в Северном море, одна лодка всегда дежурила возле Мурманска…

В Москве считали, что американскую политику изменила атомная бомба. Располагая ядерным арсеналом, американцы действуют нагло, самоуверенно и готовы пустить в ход ракетно-ядерное оружие. А в Соединенных Штатах, напротив, ждали советского удара! Страх перед войной был настолько силен, что государственный секретарь Джордж Маршалл говорил:

— Мне нужно от Центрального разведывательного управления только одно — предупреждение о советском нападении за двадцать четыре часа.

Но как получить такую информацию, как проникнуть через железный занавес?

Директор ЦРУ Аллен Даллес повторял, что понять, как устроен мозг Сталина, значительно важнее, чем получить данные о советском военном или экономическом потенциале. ЦРУ не в силах было понять Сталина и лишь в малой степени — оценить реальные намерения и цели сменявших его советских руководителей. Для этого нужно было иметь агента в самом Кремле. Даллес понимал, что такое случается только в кино. Поэтому за железный занавес засылали агентов-парашютистов.

В июне 1947 года британская разведка подготовила доклад «Характеристики советских городов как цели для атаки с воздуха». В докладе анализировалась их уязвимость: сгорят ли они целиком в результате бомбардировки, погибнут ли вместе с

городом находящиеся в нем промышленные предприятия.

К 1952 году большинство советских военных аэродромов на Европейском театре были обнаружены и нанесены на карту. В Англии полагали, что атомная война неизбежна, потому что стратегия Советского Союза состоит в завоевании мира.

— Мы не сможем выиграть холодную войну, — говорил фельдмаршал Монтгомери, — если не начнем контратаку. Нам нужно развернуть наступление против коммунизма по всему миру. Но пока что нам не удалось сплотиться, чтобы противостоять агрессивной политике России. Мы не объединили усилия с нашими союзниками, мы не определили наши стратегические цели, у нас нет утвержденного правительством единого плана действий, мы не выделили необходимых ресурсов, мы не готовы к холодной войне.

9 сентября 1948 года в Лондоне заседал Комитет начальников штабов. Генерал Артур Теддер изложил позицию военных: усилия по предотвращению распространения коммунизма неэффективны. Холодная война, уверял Теддер, требует мобилизации всех ресурсов:

— Если мы сейчас не создадим механизм ведения холодной войны, мы можем проиграть и настоящую войну, когда Советы ее затеют.

На следующий день о демарше военных доложили министру иностранных дел Эрнесту Бевину. Он отправил к военным своего заместителя Айвона Киркпатрика, который объяснил: холодную войну ведет Русский комитет МИД, который заседает еженедельно и является «Генеральным штабом холодной войны».

Самым влиятельным британским дипломатом, служившим в британском посольстве в Москве, был Фрэнк Робертс. Его усилиями в составе министерства иностранных дел возник Русский комитет.

Дипломаты поначалу сопротивлялись ястребиной политике военных. Между собой они даже говорили о «фашистских» тенденциях в военной среде и не считали правильной тайную войну против Советского Союза, полагая ее бессмысленной. Но события развивались очень быстро, и скоро даже в дипломатических кругах никто не призывал к сотрудничеству с Советским Союзом.

Под председательством Кристофера Уорнера, главы северного департамента министерства иностранных дел, 2 апреля 1946 года открылось первое заседание Русского комитета. Министерство надеялось одержать победу в идеологической войне, продвигая идеи британской социальной демократии.

Министр иностранных дел Эрнест Бевин был в годы войны

министром труда и воинской повинности. Шахтер и профсоюзный активист, он не имел опыта в области дипломатии. Считалось, что его происхождение и воспитание мешают ему чувствовать себя на равных с государственными деятелями других стран. В реальности пост министра иностранных дел всегда манил Бевина, и он жадно изучал международные дела.

Для Бевина было характерно личностное отношение к делу. Он часто повторял: «Моя внешняя политика». Он возненавидел Молотова. Убедить Молотова в чем-либо оказалось невозможным. На Вячеслава Михайловича не действовали аргументы, он просто повторял привезенные из Москвы инструкции. При этом Бевин гордился пролетарским происхождением и сравнивал свои натруженные руки с руками профессионального бюрократа Молотова, который происходил отнюдь не из рабочих.

Министр иностранных дел Эрнест Бевин, как и глава лейбористского правительства Клемент Эттли, был твердым противником тайных операций. Но в то время считалось, что с их помощью можно выиграть холодную войну. Появились тайные армии, которые снабжались по воздуху и управлялись по радио. Управление специальных операций (террор и диверсии на вражеской территории) во время войны привлекло к себе множество талантливых людей — из сферы бизнеса и мира науки. Профессиональные разведчики и военные их недолюбливали.

— Для победы они ничего не сделали, — пренебрежительно говорил один из генералов. — Только романтизировали образ антисоциального ненадежного типа, который не захотел, как положено солдату, получить удар штыком в живот или сгореть заживо в танке.

В конце 1945 года остатки управления специальных операций влили в состав разведки, которая находилась в подчинении министерства иностранных дел. Все тайные операции, включая радиопропаганду, оказались под крышей МИД, хотя это весьма далекие от чистой дипломатии занятия. 10 ноября 1945 года министерство иностранных дел получило право вето: отныне все специальные операции требовали санкции дипломатов. Спецслужбам это не понравилось, потому что дипломаты могли запретить любую операцию под предлогом, что она «политически опасна»…

Но блокада Берлина, события в Чехословакии, вообще все, что доносилось из-за железного занавеса, производило на европейское общественное мнение тягостное впечатление. И уже дипломаты соглашались — в определенных масштабах тайные операции необходимы.

После победы над Германией специальные службы стали

возвращаться к предвоенному состоянию, что означало сокращение штата и финансирования. Но по-настоящему крупных сокращений в спецслужбах не произошло. Слишком хорошо в Лондоне помнили, как после Первой мировой спецслужбы почти что разогнали…

Работа нашлась — в оккупированной Германии, а также в Греции, Палестине, Юго-Восточной Азии, где вспыхивали мятежи и шли настоящие партизанские войны. К 1947 году стало ясно, что началась новая война — холодная. В Англии деньги из бюджета всегда выдавали со скрипом, но в 1948 году британские спецслужбы оживились. 1 ноября 1948 года британское правительство обвинило Советский Союз в ведении холодной войны — путем использования пятой колонны и тайных операций.

Вооруженные силы Соединенных Штатов и Великобритании давили на свои спецслужбы, требуя, чтобы они занялись не только вербовкой агентуры, а и создавали подпольные силы сопротивления внутри советского блока.

20 сентября 1945 года президент Гарри Трумэн подписал распоряжение № 9621 о ликвидации политической разведки — управления специальных операций (УСС). Распоряжение вступило в силу 1 октября. Во-первых, был составлен доклад о серьезных ошибках УСС в годы войны. Во-вторых, конгресс требовал резко сократить военный бюджет.

Но холодная война все изменила. Через два года Трумэн создал Центральное разведывательное управление (ЦРУ). Тайные операции были поручены управлению координации политики под руководством Фрэнка Визнера. В его подчинении были около двух тысяч человек, сорок семь резидентур по всему миру и бюджет в двести миллионов долларов.

Генерал Уолтер Беделл Смит, который был послом в СССР, согласился в 1950 году стать директором ЦРУ. Смит думал, что будет руководить разведкой, а принял организацию, которая вела холодную войну, а иногда и не очень холодную. ЦРУ располагало собственными радиостанциями, газетами, авиакомпаниями и даже небольшими частными армиями.

Смит был невысокого мнения о тайных пропагандистских операциях, которыми увлекались его подчиненные. Вспоминал, как во время Второй мировой решили сбросить большое количество листовок над нацистской Германией, но пачки не раскрылись, весь груз рухнул на немецкую баржу на Рейне, и баржа пошла ко дну.

— Это был самый большой успех психологической войны в Европе, — добавлял генерал Смит с иронической улыбкой.

Директива Совета национальной безопасности Соединенных Штатов № 20/1 от 18 августа 1948 года санкционировала тайные операции и психологическую войну против Советского Союза. После ссоры Сталина с югославским лидером Иосипом Броз Тито в Вашингтоне рассчитывали на отпадение от СССР стран-сателлитов. В западной зоне оккупации оказалось достаточное число бывших советских граждан, враждебно относившихся к сталинскому режиму.

«Одна из главных проблем, — вспоминал генерал Смит, — касалась исполнения соглашения, достигнутого в Ялте и подтвержденного в Потсдаме, относительно возвращения на родину перемещенных лиц — военнопленных и принудительно вывезенных на работы в Германию. Возвращением русских занималась советская комиссия, которая обосновалась во Франкфурте.

Мы считали, что должны помочь возвращению в Россию тех советских граждан, кто желает вернуться, и тех, кто обвиняется в военных преступлениях. Мы, разумеется, не собирались отказываться от традиционной готовности Америки предоставлять убежище политическим беженцам, которых в Германии были тысячи. Многие из них оказались выходцами из Балтийских стран, включенных в состав Советского Союза, и тех частей Польши и Румынии, которые русские аннексировали. Одно американское подразделение перестаралось и стало силой запихивать в поезд перемещенных лиц, которые отказывались возвращаться в Советский Союз. Несколько человек пытались найти убежище в церкви и умоляли американских солдат не отправлять их в СССР. Когда это стало неизбежным, один или двое из них покончили с собой.

Мы немедленно издали приказ о том, что силой должны отправляться в Советский Союз только реальные военные преступники. Насильственное возвращение противоречит нашим принципам, особенно когда речь идет о тех, кто боится, что станет жертвой репрессий из-за его политических взглядов».

Агенты британской разведки вербовали в лагерях для перемещенных лиц украинцев, грузин, латышей, эстонцев, литовцев для заброски в Советский Союз. Их учили радиоделу, шифровке и расшифровке телеграмм, владению оружием, искусству вести наблюдение и выживать в трудных условиях.

В холодную войну миллионы были истрачены на заброску парашютистов по ту сторону железного занавеса. Как радовались сотрудники разведки, когда кто-то из агентов выходил на связь! Сама по себе переброска на вражескую территорию считалась успехом. Если агент начинал передавать информацию, это был

праздник.

Циники и скептики из ЦРУ не верили в успех этого дела и говорили:

— Единственное, о чем свидетельствуют прыжки с парашютом, — так это о силе тяготения.

Пока не появились разведывательные спутники, агент, обосновавшийся рядом с советским военным аэродромом, в случае начала войны мог информировать о взлете советских бомбардировщиков раньше, чем первый самолет возникнет на экране радиолокаторов.

В 1944–1954 годах на лодках и катерах на советскую территорию переправили больше ста прибалтов. Некоторые агенты, выполнив задание, отправлялись в Англию по морю, проходили переподготовку и отправлялись в Россию. Оперативные офицеры верили, что их агентурная сеть действует по всей европейской части России — от Балтики до Урала. Только со временем стало ясно, что десять лет этими операциями руководила советская контрразведка. Донесения агентов были дезинформацией, придуманной на Лубянке. Советские спецслужбы схватили одного из первых агентов, отправленных в 1944 году с территории Швеции, он выдал остальных, так и пошло.

Британские и американские военные считали себя в состоянии войны с мировым коммунизмом и дали зеленый свет проведению тайных операций в Албании, Польше и даже в самом Советском Союзе — на территории Украины.

Операция в Албании была, может быть, единственной, в которой не американцы, а англичане задавали тон. Англичане считали, что Балканы — это их территория. Во время Второй мировой именно англичане снабжали оружием и обучали боевиков Энвера Ходжи, который в войну возглавлял движение Сопротивления и сражался с немцами. В 1946 году он единовластно руководил Албанией.

Албанцы признают, что с вождями им не везло, их завоевывали то Византия, то Сербия, то Турция. Единственный национальный герой — полководец Георгий Кастриоти, который в XV веке в течение сорока лет не давал туркам завоевать страну. Его знают под именем Скандерберг. После его смерти турки все-таки завоевали Албанию. Албанцы добились самостоятельности только в 1912 году, но всего два года наслаждались независимостью. Когда началась Первая мировая война, страну оккупировали итальянцы — на долгих шесть лет. Затем власть захватил властолюбивый Ахмед Зогу, он сам себя короновал и стал королем Зогу. Потом — опять итальянская оккупация. После

Второй мировой коммунисты одолели сторонников короля, а закончилось это сорокапятилетним правлением Энвера Ходжи.

Албания казалась слабым местом советского блока, потому что она географически была отрезана от остального социалистического лагеря Грецией и Югославией, которая сама откололась от Москвы. Свержение правительства Энвера Ходжи оказало бы влияние на гражданскую войну в Греции. К тому же с 1946 года Ходжа обстреливал британские корабли, которые шли в Адриатику мимо албанских берегов. Два британских эсминца затонули, подорвавшись на албанских минах, установленных в проливе Корфу. Международный суд справедливости признал Ходжу виновным, но он отказался признать свою ответственность.

1948 год прошел в подготовке. Британские разведчики прочесали все лагеря в Италии и Германии для перемещенных лиц в поисках албанцев. Подобрали двести человек, большинство были истощены или больны. Летом 1949 года англичане тренировали их на Мальте, чтобы переправить в Албанию морем, американцы — в Южной Германии, собираясь сбросить их с парашютом с транспортных самолетов С-47 «Дакота».

Сформировали правительство в изгнании — Албанский национальный комитет. В октябре 1949 года на нескольких лодках переправили в Албанию первые двадцать шесть боевиков. Они попали в засаду, четверо погибли, остальные убежали. Им удалось перебраться в соседнюю Грецию, где албанцев арестовали как партизан. Англичане с трудом уговорили греческие власти отпустить их и отказались от попыток свергнуть режим Ходжи.

К 1951 году это уже была операция ЦРУ. Ситуация в Греции стабилизировалась, поэтому попытались обеспечить проникновение боевых групп в Албанию через сухопутную границу, но с тем же печальным исходом. Заработал передатчик только одной группы, но стало очевидно, что радист работает под контролем госбезопасности и используется для заманивания других — они все попали в ловушку.

Эта операция стала известной после появления автобиографической книги Кима Филби, написанной уже в Советском Союзе. Считается, что это он и сорвал операцию в Албании. Но когда он в сентябре 1949 года прибыл в Вашингтон, первые группы боевиков уже высаживались в Албании. А ему еще пришлось подождать, пока сдаст дела его предшественник на посту руководителя вашингтонской резидентуры британской разведки МИ-6 Питер Дуайер. Планирование операций было в руках другого офицера. А время и место высадки решалось непосредственно на месте.

Ради поимки этих групп Москва не стала бы рисковать Кимом

Филби.

Почему же все провалилось? Как и все полувоенные акции, операция обрела масштабы большие, чем можно держать в тайне. Агенты госбезопасности проникали в ряды боевиков, а в албанских деревнях не многие рисковали давать убежище высадившимся боевым группам.

Операции западных разведок усилили паранойю албанского вождя Энвера Ходжи. Он по всей стране понастроил бетонные бункеры. Ходжа отовсюду ждал нападения — со стороны американцев, русских, югославов, греков, итальянцев и ливийцев…

В Польше, в Прибалтике и на Украине в конце Второй мировой возникло вооруженное антисоветское подполье. Но в 1948 году, когда американская и британская разведка решили его использовать, было уже поздно. Польша стратегически была всего важнее. Через нее, в случае возможной войны, лежали пути наступления Советской армии на Западную Европу. Вербовка агентуры, даже если она в мирное время «спит», имела стратегическое значение. Американские генералы давили на Фрэнка Визнера и его управление, требуя, чтобы он занялся Польшей в первую очередь.

В распоряжении англичан находилось достаточное количество поляков, причем они — в отличие от албанцев — не умирали от голода в лагерях. Это были целые военные подразделения с боевым опытом — те, кто сражался против нацистов, но не пожелал возвращаться в коммунистическую Польшу.

Возглавить их уговаривали генерала Владислава Андерса. В соответствии с советско-польским соглашением от 30 июля 1941 года в Советском Союзе сформировали польскую армию под командованием генерала Андерса. В 1942 году польское правительство в эмиграции вывело ее на Ближний Восток. Поляки сражались против немцев вместе с союзниками. После Второй мировой польские солдаты не вернулись на социалистическую родину, вербовались в другие армии.

Британская разведка предлагала генералу взять на себя подпольную работу в Польше. Но генерал был разочарован малыми масштабами британских операций. Его больше вдохновляла американская идея добровольческого корпуса свободы — что-то вроде Иностранного корпуса из беженцев. В июне 1950 года Владислав Андерс отправился в Вашингтон, чтобы обсудить идею переброски тридцати восьми тысяч ветеранов польской армии в Соединенные Штаты, где они войдут в состав этого корпуса. Идея не реализовалась.

Польская секретная полиция с помощью советского Министерства госбезопасности проводила ответные операции. На Запад засылали представителей мнимых подпольных организаций, которые просили помощи и предлагали свои услуги. Американцы и англичане попадались на удочку. С немецкой территории ЦРУ осуществляло масштабную программу помощи подполью — сбрасывали оружие, деньги (в золотых слитках), аппаратуру связи. Посылки получала польская госбезопасность.

Сомнения зародились у американцев, когда мнимое подполье стало просить прислать им опытных американских офицеров для руководства восстанием. Убедившись, что американцев не пришлют, руководители госбезопасности решили закрыть успешную операцию, о чем в конце декабря 1952 года торжествующе объявило варшавское радио.

Вся эта программа была полным провалом, растратой человеческих ресурсов и денег. В середине пятидесятых британская и американская разведки свернули программы заброски агентуры. Руководителям западных разведок трудно было понять, что тотальный контроль в соцстранах делал существование организованного сопротивления невозможным.

Удачные операции были редкостью. В 1952 году четыре человека из лагеря для перемещенных лиц, прошедшие подготовку во Флориде, высадились с подлодки на остров Сахалин, чтобы выяснить, способны тамошние аэродромы принять тяжелые бомбардировщики и есть ли там хранилища для атомных бомб. Они успешно вернулись, сообщив, что тяжелые бомбардировщики на сахалинские аэродромы не сядут.

Только партизанская война в Украине шла по иным правилам. Она подпитывалась идеей независимости. На Западной Украине подполье довольно успешно противостояло чекистам. Для Восточной Украины приход Красной армии был освобождением, а Западную Украину восстановление советской власти радовало значительно меньше. Сопротивление украинских националистов носило массовый характер. Развернулась настоящая партизанская война. Украинские националисты получили помощь от американской и британской разведок. Так открылся еще один фронт холодной войны.

С сорок девятого по пятьдесят четвертый год американская и британская разведки перебросили на Украину и Белоруссию в общей сложности полторы сотни человек. ЦРУ располагало авиационными экипажами, состоявшими из поляков, чехов и венгров. Во время Второй мировой войны они служили вместе с союзниками, но не пожелали вернуться на родину, где власть

захватили коммунисты. Если бы самолет без опознавательных знаков и с таким экипажем сбили, Соединенные Штаты формально были бы ни при чем. Агентов снабжали фальшивыми документами и деньгами, придумывали им биографии. Надеялись, что они сумеют обосноваться в родных местах, найдут работу и жилье и выйдут на связь.

Британские военные самолеты взлетали с аэродромов на Мальте или Крите. Англичане считали, что британская и американская авиация нащупали дыры в радиолокационной системе Советского Союза и советская ПВО не засекает эти полеты. В зависимости от благоприятной фазы луны группы по два-три человека сбрасывали над Украиной и Белоруссией. Некоторые выходили в эфир и связывались с Центром в Западной Германии.

В 1952 году стало ясно: все агенты, которые дали о себе знать, работали под контролем Министерства государственной безопасности. Агентов-парашютистов брали практически сразу. Одних судили и сразу расстреливали, других чекисты использовали для радиоигр с западными разведками.

Британская разведка занималась украинскими эмигрантскими группами до 1953 года, когда с облегчением передала украинцев под опеку ЦРУ. Американская разведка пыталась использовать украинских боевиков одновременно для участия в холодной войне, которая уже шла, и в горячей, которая могла разразиться. Разрабатывались экзотические планы, например нападение боевиков на местные отделы Министерства госбезопасности. Если так много украинцев сражалось в годы Второй мировой на стороне Гитлера, значит, они ненавидят советскую власть и могут быть союзниками в будущей войне. В 1948 году командование американской авиации стало изымать украинские города из списка первоочередных целей в будущей войне. Бомбить Украину не собирались в надежде, что она выступит против Москвы.

Англичане использовали руководителя Организации украинских националистов Степана Бандеру для сбора информации о том, что происходит внутри Советского Союза. Но его люди не были готовы рисковать своей жизнью ради того, чтобы британская разведка составляла свои ежемесячные разведывательные бюллетени. Поэтому украинским боевикам помогали оружием и снаряжением. Такие действия не могли остаться без ответа — в 1959 году сотрудник КГБ убил Степана Бандеру в Мюнхене…

В конце сороковых британская разведка сделала советскую атомную программу своей главной целью. Комитет начальников

штабов сознавал уязвимость маленькой по территории страны перед оружием массового уничтожения и хотел заранее знать, когда угроза станет реальной.

Два немца, перебравшиеся из советской зоны оккупации в британскую, сообщили о первом советском реакторе, который производит плутоний. На другом конце света допрашивали бывших японских военнопленных, которые вернулись из Советского Союза. Они охотно все рассказывали, но об атомных делах практически ничего не знали.

В марте 1948 года адмиралтейство подготовило доклад, в котором говорилось, что до 1954 года ни один вероятный противник не сможет пустить в ход против Англии оружие массового уничтожения. Скорее всего, страна станет уязвимой только в 1957 году — к этому времени, по мнению британских аналитиков, Советский Союз должен был обзавестись реальным ядерным оружием.

Американцы и англичане полагали, что в Советском Союзе сконцентрировались на разработке химического и биологического оружия. Тем более что Красная армия захватила японские биологические лаборатории в Маньчжурии. Американцам достались немецкие разведданные о том, что главный центр разработки советского химического оружия — остров Возрождения в Аральском море.

Первые секретные полеты по обнаружению радиоактивности проводились еще осенью 1945 года — по просьбе бригадного генерала Лесли Гровса, руководившего созданием атомной бомбы. Бомбардировщики B-26 облетали советские промышленные зоны. Полеты были длительными и считались самоубийственно опасными.

С 1947 года воздушная радиационная разведка осуществлялась самолетами, которые с помощью специальных фильтргондол брали пробы воздуха из облака, образующегося при ядерном взрыве. Британская разведка осуществляла полеты по двум маршрутам — один с аэродромов в Северной Ирландии, другой с Гибралтара.

3 сентября 1949 года американский самолет B-29, который патрулировал над северной частью Тихого океана, к востоку от Камчатки, зафиксировал необычно высокий уровень радиоактивности — в двадцать раз выше обычного. На следующей неделе, когда ветры дули в сторону Северной Америки, информация подтвердилась. Несколько дней потребовалось для анализа.

19 сентября руководству комиссии по атомной энергии доложили: нет сомнений в том, что русские испытали ядерное

взрывное устройство. В Вашингтоне поделились информацией с Лондоном. Британская авиация тоже поднялась в воздух и 22 сентября подтвердила американские данные.

23 сентября в одиннадцать утра Трумэн сообщил американскому народу:

— Американский народ имеет право быть информированным обо всех событиях в области атомной энергии в максимальной степени, не противоречащей интересам национальной безопасности. По этой причине я предаю гласности следующую информацию. Мы имеем доказательства, что в Советском Союзе произошел атомный взрыв…

25 сентября последовало заявление ТАСС:

«В Советском Союзе, как известно, ведутся строительные работы больших масштабов — строительство гидростанций, шахт, каналов, дорог, которые вызывают необходимость больших взрывных работ с применением новейших технических средств. Поскольку эти взрывные работы происходили и происходят довольно часто в разных районах страны, то возможно, что это могло привлечь к себе внимание за пределами Советского Союза.

Что же касается производства атомной энергии, то ТАСС считает необходимым напомнить о том, что еще 6 ноября 1947 года министр иностранных дел СССР В.М. Молотов сделал заявление относительно секрета атомной бомбы, сказав, что «этого секрета давно уже не существует». Это заявление означало, что Советский Союз уже открыл секрет атомного оружия и он имеет в своем распоряжении это оружие.

Научные круги Соединенных Штатов Америки приняли это заявление В.М. Молотова как блеф, считая, что русские могут овладеть атомным оружием не ранее 1952 года. Однако они ошиблись, так как Советский Союз овладел секретом атомного оружия еще в 1947 году».

Сталин, со свойственной ему подозрительностью, не хотел подтверждать полученную американцами информацию о времени первого ядерного взрыва.

Испытание ядерного оружия в СССР оказалось психологическим ударом для Запада, где господствовало убеждение в отсталости российской науки. Западные разведки оценивали уровень развития советской науки через призму немецкого отношения. Они пользовались немецкими материалами, немецкими оценками и прислушивались к мнению немцев-экспертов. Поэтому так сильно промахнулись, недооценив успехи Советского Союза в ядерной и ракетной сферах.

Первой жертвой советского взрывного устройства стали отношения Англии и Соединенных Штатов. Появление нового

оружия и методов ведения войны привело к серьезным геополитическим переменам. Англия утратила свое положение в тройке великих держав. Во время Второй мировой войны англичане осознали уязвимость своей страны. Четыре года только пролив отделял Англию от вермахта. Самолеты люфтваффе и ракеты «Фау-2» уничтожали англичан в их собственных домах.

Пока у Советского Союза не было бомбы, англичане вели себя очень смело. Генералы в Лондоне думали так: после создания советского ядерного оружия Англия будет очень уязвимой, так что, если война неизбежна, лучше вести ее сейчас, пока у Соединенных Штатов есть монополия на ядерное оружие.

Первое ядерное испытание в СССР только усилило разрыв между ощущением полной безопасности, которое испытывали американцы, и страхом, одолевавшим англичан. Корейская война летом 1950 года показала англичанам, что холодная война в любую минуту может смениться горячей, и в Лондоне стали жать на тормоза.

Теперь уже англичане желали любыми средствами избежать войны. Американцы, напротив, хотели что-то предпринять, пока они могут не бояться советского ядерного удара. Некоторые политики и военные говорили: раз война с Россией неизбежна, пусть она разразится сейчас, пока соотношение сил в нашу пользу.

В декабре 1950 года сэр Билл Слим, начальник британского Генерального штаба, вернувшись из Вашингтона, предупредил коллег:

— Соединенные Штаты исходят из того, что война неизбежна и начнется в течение ближайших полутора лет. Мы не разделяем этой точки зрения и все еще надеемся, что войны удастся избежать. Подход Соединенных Штатов представляется опасным. Раз они считают войну неизбежной, то могут решить, что чем быстрее она начнется, тем лучше. В результате мы можем быть втянуты в совершенно ненужную третью мировую войну.

Летом 1954 года лорд Солсбери, лидер консерваторов в палате лордов, говорил, что американцы представляют для мира более серьезную угрозу, чем русские, потому что доведут дело до конфронтации с Советским Союзом. Энтони Иден, вновь ставший министром иностранных дел, на заседании кабинета резко критиковал американскую политику, особенно нападал на государственного секретаря Джона Фостера Даллеса.

Военные требовали от разведчиков информации: сколько бомб уже есть у Москвы? Сколько ракет и боеголовок способны производить советские заводы? Когда СССР будет располагать опасным для Запада ядерным арсеналом? И не собирается ли

Советская армия нанести удар первой?

Британскую службу радиотехнической разведки после войны едва не закрыли, потому что мало кто знал об ее успехах. Лейбористское правительство питало подозрение ко всем тайным службам. Возникла даже мысль передать шифровальное дело Организации Объединенных Наций, чтобы оно служило всем странам. От этой наивной идеи отказались. Тем не менее шифровальную службу сократили, настолько сильны были настроения в пользу демобилизации, уменьшения военных расходов и скорейшего возвращения к мирной жизни. В декабре 1945 года в радиоразведке британской армии служило четыре тысячи человек, в марте 1946-го — всего около тысячи.

Холодная война спасла шифровальщиков.

Расшифровка германских кодов попутно принесла англичанам массу информации о Советском Союзе. Немецкая авиация располагала большими массивами информации о России. Операторы люфтваффе слушали советский радиоэфир, сводки передавались в Берлин и перехватывались англичанами.

После войны из оккупированной Германии в Англию доставляли целые самолеты с захваченной у немцев аппаратурой и данными. Британцы задержали немецкого генерал-майора Клемме, который руководил в авиации радиоразведкой. Его поместили в лагерь, где с ним работали несколько лет.

Помимо радиоперехвата источником информации о Красной армии стали немецкие пленные, которые сражались на Восточном фронте и которых тщательно допрашивали об их боевом опыте. Большой массив данных давали финские станции прослушивания советского эфира. Особенно много информации они получали, когда фронт приходил в движение, советские части и соединения чаще использовали не хорошо защищенные наземные линии связи, а радиосвязь…

В конце мая 1945 года британцы взяли в плен тридцать офицеров люфтваффе, занимавшихся авиаразведкой. Они были счастливы, что не попали в руки русских. Начальник британской военной разведки в штабе Объединенного командования войск союзников генерал Кеннет Стронг предложил выжать из них все, что они знают, а затем переправить за океан — в город Александрию (штат Вирджиния, почтовый ящик № 1142). Там находился разведцентр, созданный для сбора информации о Красной армии.

В Лондоне колебались, не желая ухудшить отношения с Москвой. Но британская разведка утверждала, что советские офицеры уже наверняка допрашивают немецких разведчиков, которые занимались Англией.

Немецкие офицеры, которые попали в «почтовый ящик № 1142», не пропали. Они работали на американскую разведку. Генерал Эрнст Шультес, который был в вермахте начальником штаба корпуса, в 1948 году получил от американского генерал-лейтенанта Ала Видемайера указание подготовить доклад о возможности восстановления германской армии для защиты Западной Европы от советской агрессии. В 1952 году он был вознагражден американским паспортом.

Генерал-майор Артур Трюдо, руководитель американской военной разведки, признал, что «материалы о германских боевых действиях против Советского Союза — основа наших нынешних представлений о тактике, организации и системе снабжения советских сухопутных сил».

В 1946 году американское командование попросило генерал-пол — ковника Альфреда Йодля (военного преступника, которого ждала виселица) высказать свои мысли о наиболее эффективном способе нанесения удара по Советскому Союзу. Йодль рекомендовал начать с воздушных ударов по югу России: «Ключевые компоненты советской военной машины — это нефтеносные районы и Майкоп, нефтеочистительные заводы в Грозном, а также от восьми до десяти крупных электростанций, которые дают энергию практически всему советскому военно-промышленному комплексу. Люфтваффе серьезно изучали эти вопросы и располагали информацией по каждому объекту. Эта информация в конце апреля 1945 года была доставлена в район к югу от Фленсбурга и по моему приказу спрятана. Я предполагаю, что в настоящее время эти данные находятся в распоряжении англичан».

Англичане и американцы захватили фотоснимки, сделанные немецкой авиацией — самолетами-разведчиками «Хейнкель» — на советской территории. Эти снимки были переправлены в Лондон и служили главным источником информации для возможных авиаударов по советской территории. Они изучались в совместном англо-американском центре аэрофотосъемок в Эссексе. Речь шла о сотнях тысяч снимков, работа над которыми требовала усилий сотен офицеров.

Эти фотографии немцы пытались уничтожить, но не успели. Самый большой запас был обнаружен в Берхтесгадене. Некоторые фотографии американцы захватили буквально за несколько часов до появления советских войск. Наличие этих снимков придавало американцам уверенности в исходе вероятного конфликта с Советским Союзом.

3 ноября 1948 года, во время берлинского кризиса, министр обороны США Джеймс Форрестол устроил ужин, который

превратился в рабочее совещание. Присутствовал командующий стратегической авиацией генерал Куртис Лемэй. Его спросили относительно перспектив нанесения ударов по важнейшим целям в Советском Союзе в случае войны. Лемэй ответил:

— Немцы располагали отличными фотографиями всех важнейших целей в России до самого Урала. Эти фотографии находятся в нашем распоряжении.

Уже в 1945 году англоговорящие страны стали договариваться о сотрудничестве в радиотехнической разведке. Англичане умело использовали свое ведущее положение в британском содружестве. И австралийцы, и канадцы работали на Лондон. В октябре 1949 года Англия предложила Соединенным Штатам полный обмен в сфере шифрования и дешифровки, но в Вашингтоне отказались.

Посты радиотехнической разведки находились в составе британских посольств по всему миру. Крупнейший разведцентр построили на Кипре, который еще оставался английской колонией. Другим центром стал Гонконг, где прослушивался советский и китайский радиоэфир. 22 января 1952 года Комитет начальников штабов встретился с Айвоном Киркпатриком, постоянным заместителем министра иностранных дел, чтобы обсудить пути улучшения британских разведывательных возможностей. Начиналась эра компьютеров, нужны были большие ассигнования на технику, строительство новых передающих и принимающих станций. Руководитель службы радиотехнической разведки получил разрешение принять на работу триста новых сотрудников.

Американцы стремительно наращивали свои возможности, потому что помнили, что всю войну они зависели от англичан, добившихся больших успехов в расшифровке немецких кодов. Помнили американцы и то, что до декабря 1941 года англичане без труда взламывали американские коды и читали дипломатическую переписку. Подозревали, что это происходило и позже — британцы, скорее всего, перехватывали переписку американских нефтяных компаний, которые искали новые рынки в Европе. В торгово-экономической сфере Англия и Америка были соперниками.

Несколько ошибок советских разведслужб помогли британцам и американцам. Многократное использование одноразовых шифровальных блокнотов резидентурами в Соединенных Штатах во время войны… Решение резидента в Австралии передавать попавшие ему в руки доклады британских дипломатов о будущем устройстве мира не дипломатической почтой, а по радио… Доклады «Обеспечение безопасности в

западной части Средиземноморья и восточной части Атлантики» и «Обеспечение безопасности в Индии и Индийском океане» были настолько велики, что позволили англичанам расшифровать советские коды и читать переписку между Москвой и Канберрой.

Но в этой сфере не бывает абсолютных успехов. Самым большим ударом для британских и американских шифровальщиков было произошедшее в пятницу 29 октября 1948 года. Американские криптографы называют этот день «черной пятницей», потому что она поставила крест на их работе.

С 1943 года служба радиоразведки сухопутных сил США, а потом Агентство национальной безопасности пытались расшифровать перехваченные телеграммы советских представительств. Эта операция только-только начала давать первые результаты, как в Советском Союзе полностью изменили системы безопасности переговоров. Весь радиообмен был переведен на одноразовые блокноты, что в принципе исключает возможность расшифровки, чего прежде не было. Служебные переговоры между операторами, которые велись открыто, тоже стали шифроваться. За одни сутки Запад потерял всякую возможность перехватывать советские переговоры.

Судя по всему, Москву предупредил Уильям Вайсбэнд, служивший шифровальщиком в Агентстве безопасности вооруженных сил.

Он был завербован советской разведкой в 1947 году. Возможно, он был одним из самых ценных агентов.

В 1955 году ЦРУ и МИ-6 затеяли историю с подкопом в Берлине, чтобы восстановить потерянные возможности. Все началось в столице тогда еще оккупированной Австрии, где были расквартированы и советские войска, и части союзников. Резидент британской разведки Питер Лунн предложил прокопать под одной из улиц Вены тоннель и подсоединиться к телефонному кабелю, который соединял штаб советских оккупационных войск в Австрии с военным аэродромом. Записи разговоров специальным самолетом отправлялись в Лондон, где они переводились на английский язык.

Британскую разведку особенно заинтересовал разговор между двумя советскими офицерами, которые обсуждали вопрос о том, когда же их наконец демобилизуют и отправят домой. Британцы сделали вывод, что русские не собираются на них нападать. Резидента повысили и перевели в Берлин.

Венский успех попытались повторить в Берлине: устроили подкоп под кабельными линиями связи группы войск в Германии и подслушивали все телефонные разговоры, которые вели советские офицеры. Решение было принято в феврале 1954 года,

после чего началась совместная с ЦРУ операция: американцы финансировали проект и строили тоннель, англичане взяли на себя установку подслушивающей аппаратуры и расшифровку.

В КГБ знали об этой операции с самого начала. Советскую разведку поставил в известность сотрудник британской разведки Джордж Блейк, который стал работать на Москву во время корейской войны.

Блейк появился на свет с другим именем — Джордж Бехар. Он родился в Роттердаме в 1922 году. Его отец был константинопольским евреем. Он служил в британской армии в Первую мировую и получил британское подданство. Во время Второй мировой войны через оккупированную Францию и Испанию Джордж Блейк сумел добраться до Англии и вступил в армию. Как человека, говорящего на иностранных языках и знающего ситуацию в оккупированной Европе, его взяли в разведку. Он готовил агентов-парашютистов, которых сбрасывали над оккупированной Голландией. После войны он работал в оккупированной Германии.

Он учился русскому в Кембридже, в 1948 году приехал в Сеул на пост вице-консула и открыл первую резидентуру МИ-6 внутри британского посольства в Южной Корее. Задача состояла в том, что собирать информацию о Владивостоке, важнейшем советском военном порте. Но это было практически неисполнимо. Столь же безуспешно он пытался вербовать корейцев. Его региональный начальник, сноб, презиравший иностранцев, перед началом корейской войны побывал в Сеуле и остался недоволен его работой. Пренебрежительно сказал коллегам о Блейке:

— Он не наш человек.

Для британских разведчиков начатая Северной Кореей война оказалась сюрпризом. Сотрудники резидентуры сожгли шифровальные блокноты и секретные телеграммы в дальнем углу посольского сада, надеясь, что северные корейцы не обратят на них внимание. Но всех взяли в плен. Блейк три года провел в плену, страдал и читал «Капитал» Маркса. Однажды ночью он предложил свои услуги советской разведке.

Сорок англичан в корейском плену обратились в коммунистическую веру. Когда после войны их отпустили, они забыли об этом, как о тягостном бреде. Все, кроме Джорджа Блейка. В 1953 году он вернулся в Англию героем, прошедшим через ад. К нему относились с уважением. Один из руководителей разведки говорил впоследствии:

— Северных корейцев мы считали слишком примитивными и не предполагали, что они способны кого-то завербовать. А вот о русских мы не подумали.

Блейка назначили заместителем начальника пятого отдела МИ-6, который занимался анализом подслушанных разговоров советских офицеров в Европе. Через полтора месяца он установил контакт с сотрудником советской разведки и начал передавать ему информацию. Во время встречи со своим связным на втором этаже лондонского автобуса в январе 1954 года Блейк передал ему запись совещания британских и американских разведчиков, на котором решили прорыть тоннель из Западного Берлина в Восточный.

Сотрудники оперативного управления ЦРУ обратились за советом к инженеру из собственного управления связи с вопросом: можно ли прорыть тоннель тайно? Инженер ответил, что это вопрос времени и денег. В тот же день он был переведен в оперативное управление. Он познакомился со всеми тоннелями, которые были в Вашингтоне, и обратился в Библиотеку конгресса за научной литературой.

Место для пятисотметрового тоннеля определили в американском секторе Берлина — в районе Альтглинеке. Рядом — уже в советском секторе — проходили линии связи, которые вели к аэропорту Шенефельд. Для прикрытия саперы построили большой склад. Рыть начали в августе 1954 года и закончили в феврале следующего года. Незаметно для окружающих вытащили три с лишним тысячи тонн земли. Большое количество установленной в тоннеле аппаратуры перегревалось, и пришлось установить систему кондиционирования воздуха.

В мае 1955 года британские специалисты начали прослушивание. Через год в Москве решили прекратить эту операцию. 22 апреля 1956 года тоннель был демонстративно обнаружен группой восточногерманских телефонистов. Операция продолжалась одиннадцать месяцев и одиннадцать дней. Считается, что, поскольку Блейк заранее предупредил Москву, все линии связи использовались для передачи американцам и англичанам дезинформации.

Но американцы и англичане и по сей день уверены, что получали точные сведения о том, что происходит внутри Советской армии. Информация, извлеченная из телефонных разговоров, перепроверялась. Да и невозможно себе представить, чтобы все телефонные переговоры были сплошной дезинформацией. В такую операцию пришлось бы вовлечь множество людей, это могло привести к провалу ценного агента.

Судя по всему, разговоры американцы и англичане слышали подлинные. Секретные переговоры по этим линиям не велись, но Вашингтон и Лондон получили много полезной информации, в первую очередь о жизни советских вооруженных сил. Это была

мозаика, позволявшая понять внутренние механизмы вооруженных сил, взаимоотношения между различными советскими организациями. Много было информации личного характера о советских чиновниках и их женах, которые были заняты покупкой и переправкой в Советский Союз всего, что им удалось приобрести в Германии.

КГБ вел себя эгоистично, мало заботился об интересах военных. Защита источника информации была важнее всего. Также, собственно, поступали аналитики из американского Агентства национальной безопасности во время вьетнамской войны, когда не спешили передавать авиационному командованию сведения о противовоздушной обороне вьетнамцев.

Устройства, установленные в тоннеле в Берлине, позволили записать сорок тысяч часов телефонных разговоров и шесть миллионов часов переговоров по телетайпу (еще триста пятьдесят человек). Записи пересылались в техническое управление британской разведки МИ-6, где готовили фальшивые паспорта, удостоверения, продуктовые карточки, а также чемоданы с двойным дном, микрофоны и фотокамеры особого назначения. На другом этаже сидели больше ста эмигрантов первой волны из России и Польши, переводившие перехваченные переговоры.

Перевод и анализ полученной информации продолжались еще добрых два года. До начала полетов над Советским Союзом самолетов-разведчиков У-2 это был главный источник информации о том, что происходит в советских вооруженных силах.

В январе 1955 года Джорджа Блейка перевели в Западный Берлин. Он работал по линии политической разведки и должен был вербовать советских граждан, в первую очередь выявленных офицеров КГБ. Британский резидент завел единую картотеку всех завербованных агентов. Когда Блейк дежурил по ночам, он копировал эти карточки и в Восточном Берлине передавал своему связному.

Когда Блейка вернули в Лондон, то определили в отдел, состоявший из шестидесяти оперативных работников. Они работали с британскими бизнесменами, студентами и туристами, которые отправлялись в Россию, а также пытались вербовать советских дипломатов и представителей социалистических стран, устанавливали подслушивающие устройства в посольства и все здания, где сидели представители восточного блока.

Джордж Блейк был ценнейшим агентом КГБ. Британской контрразведке он оказался не по зубам, хотя еще после ареста физика-ядерщика Клауса Фукса Соединенные Штаты сделали для

Англии условием военного сотрудничества поголовную проверку всех, кто занят в сфере безопасности.

Премьер-министр Клемент Эттли принужден был согласиться с этим требованием. Но начальник контрразведки МИ-5 доложил, что его служба не справляется даже с самым простым заданием: сличить список принимаемых на работу со списком выявленных радикалов — коммунистов и фашистов. МИ-5 с трудом могла проверить две с половиной тысячи человек в неделю. А только в атомной сфере трудились сотни тысяч человек.

Еще в мае 1947 года секретный правительственный комитет по подрывной активности приступил к разработке методов борьбы с советским проникновением в государственный аппарат. Договорились, что крайне левые и крайне правые, коммунисты и фашисты, не имеют права находиться на государственной службе.

Специалисты говорили, что надежнее было бы не только заглянуть в архивы, но и провести активную проверку. Но МИ-5 отказывалась от такой работы, понимая, что ей не хватит ресурсов. Практика американского Федерального бюро расследований, которое копалось в прошлом нанимаемых на работу, не понравилась англичанам. Премьер-министр Эттли сказал, что это не соответствует британским традициям. Его не смутило даже бегство в Советский Союз в октябре 1950 года одного из коллег Клауса Фукса — Бруно Понтекорво. На заседании правительства договорились, что особая проверка, с выяснением прошлого, будет проводиться в исключительных случаях — и только с одобрения отраслевого министра.

Соединенные Штаты продолжали давить на англичан — особенно после бегства советских агентов Гая Бёрджесса и Доналда Маклина в Москву в мае 1951 года. Клементу Эттли пришлось согласиться на новую систему проверки в ноябре, когда лейбористское правительство, проиграв выборы, уже уходило.

Настоящего ужесточения процедур проверки в Англии так и не произошло. В МИ-5 не хотели этим заниматься, министерство финансов не горело желанием выделять дополнительные деньги. В Англии существует забавная смесь любви к деятельности спецслужб и ненависти к спецслужбистскому государству.

Уинстон Черчилль высоко ценил работу разведки, считал, что за иностранцами можно и нужно шпионить, но не хотел, чтобы эта сомнительная деятельность велась внутри страны, против самих англичан. Шизофреническая ненависть британцев к мерам проверки — одна из причин того, что советская агентура так успешно работала в Лондоне. Еще в 1943 году начальник разведки МИ-6 Стюарт Мензис пожаловался постоянному заместителю министра иностранных дел Александру Кадогану:

— В моей организации есть коммунисты.

Но он ничего не сделал, чтобы их обнаружить.

Стюарт Мензис был человеком опытным и целеустремленным, но не слишком умным. Его личный аппарат состоял из преданных ему людей, вся работа была организована на любительском уровне. Разведка походила на маленькое семейное предприятие. В приемной стояла очередь желающих к нему попасть. На стене рядом с дверью Мензиса было две лампочки. Когда он был занят, горела красная. Когда он освобождался, вспыхивала зеленая. Если дело тянуло на серьезное, он просил посетителя оставить бумаги. Но неизвестно было, когда он сможет ими заняться.

Среди личных дел сотрудников разведки отсутствовало дело самого Мензиса. Об этом позаботился он сам. Это помогало поддерживать миф о том, будто он внебрачный сын короля Эдуарда VII. Но начальник контрразведки МИ-5 Дик Уайт смеялся:

— Я заплатил десять шиллингов и узнал имя его реального отца.

Контрразведчики отвечали за безопасность и борьбу со шпионажем на британской территории. Дика Уайта после назначения директором МИ-5 пригласил сэр Джордж Тернер, постоянный заместитель министра обороны. Он угостил нового руководителя контрразведки бокалом шерри и поинтересовался:

— Наверное, вы думаете, что вас назначили, потому что вы знаете эту работу, а, Дик?

Уайт довольно кивнул.

— На самом деле, — объяснил Тернер, — вас назначили потому, что вам доверяют. Вам доверяют разумно тратить деньги налогоплательщиков и давать министрам толковые советы. Вам предстоит иметь дело с политиками и оправдывать то, чем мы занимаемся.

Дик Уайт руководил организацией, которой с точки зрения закона не существовало. Не было ни одного законодательного акта, который бы определял, что должна делать МИ-5. Тем не менее начальник контрразведки имел право в интересах национальной безопасности вторгаться в личную жизнь любого человека. У него в подчинении были специалисты по взлому дверей, установке тайных микрофонов, вскрытию запечатанных писем, слежке и тайному фотографированию интересующих спецслужбу особ в компрометирующих обстоятельствах. Его подпись способна была ломать карьеры и жизни, причем несчастный даже не мог узнать, кто в этом виноват.

Директор МИ-5 сидел на пятом этаже здания на Леконфилд-

Хаус, в конце длинной анфилады комнат секретариата, за дверью с автоматическим замком. Дик Уайт всегда держался несколько отстраненно. Он не любил, когда к нему заходили подчиненные, предпочитал иметь дело только со старшими офицерами:

— Я всегда выбирал офицеров, которым я могу полностью доверять.

На первом этаже хранились тысячи папок, сердце и мозги организации. Бригады девушек, юных и не очень, прочесывали папки в поисках нужного имени, которое интересовало оперативных офицеров наверху. В ФБР уже использовали первые механические компьютеры, а здесь все еще были примитивные картотеки. Секретные документы доставлялись из штаб-квартиры в местные отделения в корзинах для белья.

Тридцать офицеров следили за тремястами разведчиками из советского блока, которые работали в Англии под дипломатическим прикрытием.

Дик Уайт распространил агентурную работу на левые организации, включая Лейбористскую партию, профсоюзы, движение за мир и студенческие организации. С конца сороковых стало ясно, что движение за мир получает деньги из Москвы и его активистов приглашают в Советский Союз, закрытый в ту пору для остального мира. Возник план вербовать левых студентов и симпатизирующих коммунизму профсоюзных работников в надежде, что они побывают в Москве.

Контрразведка не останавливалась перед прямым нарушением закона: тайно вскрывала дома и офисы активистов профсоюзов и левых политиков. В 1955 году оперативники проникли в квартиру одного из руководителей компартии и сфотографировали личные карточки, что позволило составить полный список членов партии. Информация, полученная МИ-5, убеждала контрразведку в том, что коммунисты — это агенты влияния Москвы, а некоторые из них просто агенты и снабжают Советский Союз информацией разведывательного характера.

Прямой политический контроль над МИ-5 осуществлял министр внутренних дел сэр Дэвид Максвел-Файф. Его контрразведка мало интересовала. Он поручил Уайту вести борьбу против коммунизма и делегировал все полномочия своему заместителю Фрэнку Ньюсому. Ни министр, ни его заместитель ни разу не посетили контрразведку. Джентльменам не хотелось вникать в дела ведомства. МИ-5 оставалась изолированной тайной армией, которая живет по своим законам. Это делало невозможным серьезный самоанализ и выяснение причин собственных ошибок.

Штат советского посольства в Лондоне рос как на дрожжах.

Аппарат военного атташе — двадцать три человека, военно-морского — шестнадцать. Еще сто с лишним человек числились в советской торговой делегации. Но их присутствие не приводило ни к каким результатам. Британский экспорт в Советский Союз оставался незначительным. Советские представители приобретали образцы новой техники в единичном числе и отправляли их домой для изучения и копирования.

В отличие от ФБР, которое формировало вербовочные группы для охоты на советских дипломатов, британская разведка не решалась на агрессивные операции в Лондоне. Сотрудники МИ-5 не годились для такой оперативной работы. Они сидели в кабинетах и читали донесения, время от времени встречались с агентами. Что касается работы «в поле», то ее полностью доверили особому отделу полицейского управления. Успехи были невелики. Советских дипломатов в Лондоне пытались заманить в «медовые ловушки». Так, однажды отправили красивую девушку в плавание на пароходе, которым возвращался в Ленинград советский разведчик. Девушку поселили в соседнюю каюту. Но офицер, твердо усвоивший правила поведения советского человека за рубежом, даже не взглянул на красотку.

Словом, опасаться контрразведки советскому агенту Джорджу Блейку не приходилось. Но, как это чаще всего происходило в холодную войну, его провалил перебежчик.

На Запад ушел польский подполковник Михаил Голеневский, заместитель начальника военной контрразведки. С 1948 по 1952 год он занимался допросами пленных немецких офицеров и рассказывал, что советские офицеры вывезли в Москву пропавшего начальника гестапо Генриха Мюллера. Голеневскому верили, и его слова стали причиной долгих поисков Мюллера, но это оказалось выдумкой.

Другие его показания были более точными и позволили выявить ряд советских и польских агентов, в том числе Джорджа Блейка. Голеневский уверял, что своими глазами видел документы, полученные из британской разведки. Из его слов следовало, что в британской разведке есть крот. Расследование давно шло внутри МИ-6. Несколько агентов британской разведки исчезли. Они явно были арестованы. Но почему? Провалились или были преданы? Другие агенты исчезали, потом вдруг появлялись с большим количеством информации. Проверка показывала, что они предлагают дезинформацию.

В 1960 году Дик Уайт, в то время уже начальник разведки, поручил расследование Гаролду Шерголду, бывшему школьному учителю. Установив, кто имел доступ к документам МИ-6, которые видел польский разведчик, он составил список

подозреваемых. Первым в списке значился Джордж Блейк. В феврале 1961 года в МИ-6 уже не сомневались, что он работает на советскую разведку.

Но как посадить его на скамью подсудимых? Еще ни один британский разведчик не был осужден.

— Нам нужно признание, — сказал Дик Уайт.

Джордж Блейк изучал арабский язык в Ливане, куда уехал вместе со своей беременной женой, и готовился к новому назначению. Допрашивать его в Бейруте было невозможно. Надо было вернуть Блейка в Лондон. Это поручили Николасу Эллиоту, резиденту в Бейруте. Он передал Блейку письмо из Лондона с просьбой вернуться.

Блейк забеспокоился. Он легко мог бежать в Дамаск, оттуда советская разведка перебросила бы его в Москву. Он встретился с резидентом КГБ в Бейруте на пляже и попросил проверить, есть ли сигналы из Лондона, свидетельствующие о грозящей ему опасности. Ответ из Центра последовал успокоительный: он может ехать. Советская разведка была заинтересована в том, чтобы он работал в МИ-6 как можно дольше.

Когда Блейк прилетел в Лондон, то понял, что совершил ошибку. Его подозревали в предательстве. Связаться с советским посольством он не решался, понимая, что за ним следят. Да и что можно было сделать в такой ситуации?

6 апреля 1961 года начался неофициальный допрос. Блейк все отрицал. Никаких доказательств у допрашивающих не было. Дик Уайт рассчитывал только на то, что Блейк не выдержит давления и сдастся. Он считал, что Блейк слишком эмоционален и не понимает: англичане бессильны без его собственного признания.

Уайт требовал от подчиненных терпения.

— Если не заставим его сейчас признаться и отпустим, он просто улетит в Москву.

На третий день допросов следователи были в отчаянии. Они уже задали все мыслимые и немыслимые вопросы. Еще полчаса, вспоминал Гаролд Шерголд, и Блейка пришлось бы отпустить. Но пресс восьми лет двойной жизни ослабил его сопротивление.

— Мы понимаем, почему вы стали работать на Советский Союз, — говорил Шерголд. — Когда вы оказались в корейском плену, вас пытали и заставили признаться, что вы сотрудник британской разведки. Потом вас этим признанием шантажировали, и вам пришлось с ними сотрудничать.

И тут Блейк взорвался:

— Никто меня не пытал! Никто меня не шантажировал! Я сам предложил советским разведчикам свои услуги. Я действовал в

соответствии со своими убеждениями, потому что верю в коммунизм. Пытки или деньги ни при чем.

Выложив все, Блейк мрачно произнес:

— Может быть, вы дадите мне пистолет и оставите в комнате одного?

— Ну что вы! — бросились успокаивать его недавние коллеги по МИ-6. — Не надо все это так серьезно воспринимать!

Дику Уайту доложили, что Блейк сознался. Но на суде он может отречься от своего признания, и судья закроет слушания. Никаких доказательств — помимо признания — у обвинения нет. Уайт предложил продолжить игру, чтобы Блейк говорил и дальше, чтобы дал как можно больше доказательств для будущего обвинительного заключения. Уайт позвонил генеральному прокурору и сказал, что забирает Блейка на выходные под свою ответственность.

— Главное — верните его живым, — рассмеялся прокурор.

Блейка повезли за город в дом Гаролда Шерголда. Присутствие жены и матери хозяина создавало расслабленную атмосферу. Сотрудники особого отдела Скотленд-Ярда охраняли дом. Блейк пек блины и рассказывал:

— Я сфотографировал каждый документ, который прошел через мой стол.

Он не мог остановиться и наговорил сколько, что хватило для предъявления ему обвинения.

— Он пытается доказать нам свою значимость, — констатировал Уайт.

В Лондоне не знали, что делать. Многие разведчики возражали против суда над Блейком. Они боялись поколебать авторитет МИ-6. Британская разведка все еще оставалась клубом джентльменов, в котором вся жизнь подчинялась неписаным правилам. Сор из избы не выносился.

Премьер-министр Гаролд Макмиллан, при котором начался расцвет разведки, сокрушался:

— Это может свалить правительство.

Министр иностранных дел Эдвард Хит посочувствовал Уайту:

— Бедный Дик, вам придется всех уволить и начать все сначала.

— Почему, господин министр?

— Так ведь русские теперь знают всех офицеров МИ-6!

Уайт объяснил министру, что разведка так устроена, что Блейку известна только часть оперативных работников. К тому же, даже если русские знают имя сотрудника МИ-6, им неведомо, чем тот или иной разведчик занимается.

Суд состоялся в мае 1961 года. Джордж Блейк полагал, что

получит четырнадцать лет — максимальное наказание по этой статье. Рассчитывал выйти раньше, заслужив право на условно-досрочное освобождение.

Но генеральный прокурор предложил предъявить Блейку пять отдельных обвинений, разделив его «преступную деятельность» на пять отрезков. МИ-6 довела до лорда Паркера, который председательствовал на тайном процессе, что Блейк виновен в гибели как минимум сорока агентов британской разведки, казненных в социалистических странах. И судья Паркер приговорил Блейка по каждому из пяти обвинений к четырнадцати годам, причем первые три срока должны отбываться один за другим. Иначе говоря, ему предстояло сидеть в тюрьме сорок два года, прежде чем он мог рассчитывать на условно-досрочное освобождение.

Блейк был потрясен.

На условия содержания он не жаловался. Камеры весь день открыты, вечером можно посмотреть телевизор, разрешено иметь радиоприемник, показывают кино… Раз в месяц приходили родственники, приносили домашние пироги. Тюрьма эта действует и поныне — я видел ее в Лондоне. Стоит длинная очередь родственников, ждущих свидания. Новое поколение тюремщиков не знает имя узника, совершившего знаменитый побег.

Блейк подружился с заключенным по имени Шон Берк. Его посадили за то, что он послал по почте бомбу полицейскому, обвинившему его в растлении несовершеннолетнего. Этот славный человек помог советскому разведчику. 22 октября 1966 года Джордж Блейк бежал из тюрьмы. Без особых усилий он перелез через стену с помощью веревки, которую ему перебросили с той стороны. Друзья доставили его в Восточный Берлин. Британская разведка предупреждала администрацию тюрьмы, что Блейк может попытаться бежать, но администрация смягчила режим для образцового заключенного. Даже когда ирландец Шон Берк признался, что это он организовал побег, британская разведка считала, что произошедшее — дело рук КГБ, который доказал, что может заботиться о своих людях…

И на Западе, и на Востоке страшились одного и того же: внезапной атаки, которую начнут обезумевшие ястребы; случайности, которая может привести к полномасштабной войне; маленького конфликта, который может перерасти в настоящую войну.

Американцы не могли определить, каков в реальности военный потенциал Советского Союза. Главная задача разведки состояла в том, чтобы избавиться от страха перед внезапным

нападением Советского Союза. В конце пятидесятых предпринимались отчаянные усилия, чтобы выяснить возможности советских вооруженных сил. Во время корейской войны появились истребители МиГ-15, которые оказались лучше британских и американских истребителей. Сильное впечатление произвела советская ракетная программа. При этом британской разведке не удалось завербовать ни одного сколько-нибудь заметного агента в Советском Союзе или коммунистической Восточной Европе.

Разочарования в агентурной работе только подкрепляли уверенность англичан и американцев в том, что аэрофотосъемка советской территории — самый надежный, хотя и крайне опасный инструмент разведки. По заказу ЦРУ корпорация «Локхид» построила разведывательный самолет У-2, способный летать и ночью и днем, в любую погоду. Он был снабжен всеми видами фотооборудования и радиолокатором. Пилоты надевали скафандры, снабженные кислородными приборами и приспособлениями, которые позволяют обходиться без туалета в течение многочасового полета. У-2 поднимался на высоту двадцать километров, в те годы недоступную для авиации и ракет советской противовоздушной обороны.

Президент Соединенных Штатов Дуайт Эйзенхауэр поверил в возможности самолетов-шпионов, когда ЦРУ преподнесло ему фотографию, снятую с самолета: хозяин Белого дома играл в гольф. Эйзенхауэр смог даже различить на снимке мячик.

В июне 1956 года американские У-2 появились на аэродроме в Висбадене (Западная Германия), причем правительство ФРГ не поставили в известность. Впервые У-2 пролетел над территорией Советского Союза 4 июля 1956 года. Фотографии Кремля и Зимнего дворца получились исключительно хорошего качества, четкие, с множеством деталей. На следующий день американский самолет-разведчик вновь вошел в советское воздушное пространство. На официальный советский протест не обратили внимания. В течение десяти дней были проведены пять полетов. Фотографировали военные аэродромы вокруг Москвы и судоверфь под Ленинградом, где обнаружили, что полным ходом идет строительство подводных лодок, способных нести ракеты с ядерными боеголовками.

Во время войны на Ближнем Востоке и венгерского восстания осенью 1956 года Эйзенхауэр распорядился прекратить полеты. Они возобновились в марте следующего года. За последующие четыре года десять У-2, расквартированных на аэродромах по периметру границ Советского Союза, совершили минимум двести полетов над военными и промышленными объектами.

Заместитель директора ЦРУ по оперативной работе Ричард Биссел пытался уговорить французского президента Шарля де Голля принять участие в этой разведывательной программе. Де Голль отказался.

Ричард Биссел хотел привлечь и англичан. Дело в том, что для каждого полета ему требовалась санкция Эйзенхауэра; президент осторожничал, разрешение давал со скрипом. Полеты английских летчиков на У-2 потребовали бы согласований не с Эйзенхауэром, а с британским премьером. В апреле 1956 года в Англию прибыл первый самолет-разведчик У-2. Но из-за истории с погибшим коммандером Крэббом, о чем еще пойдет речь в этой книге, премьер-министр Энтони Иден запретил разведывательные полеты над СССР и Восточной Европой с британской территории.

У-2 взлетали с территории Турции, Пакистана и Западной Германии. Анкара не позволяла углубляться в советское воздушное пространство, поэтому все чаще самолеты взлетали из пакистанского города Пешавара.

Вдоль южной границы Советского Союза самолеты-разведчики обнаружили полигоны для испытаний ракетной техники. Полигон в Сары-Шагане в Казахстане привлекал особое внимание, подозревали, что там испытываются противоракеты. В июне 1957 года пилот, отклонившись от запланированного курса, увидел в Тюра-Таме полигон для межконтинентальных баллистических ракет — за три месяца до запуска первого советского спутника. Ядерный полигон в Семипалатинске тоже держали под постоянным контролем.

Советские зенитчики стреляли все лучше, американские конструкторы пытались сделать У-2 невидимым для радаров. Но попытка опередить время не удалась. Имевшиеся в их распоряжении материалы приводили к перегреванию самолета. Летчик, пилотировавший опытный «невидимый» образец, погиб.

В марте 1958 года президент Эйзенхауэр прекратил полеты У-2. Эйзенхауэр понимал, как реагировали бы американцы, если бы советские самолеты летали над их территорией. Чем дальше, тем больше он опасался неприятных неожиданностей. Он надеялся, что очень скоро самолеты У-2 больше не понадобятся, потому что вот-вот появятся спутники-шпионы с новейшим фотооборудованием.

В конце пятидесятых лидеры Демократической партии сплотились с руководителями военной промышленности. Одни хотели получить военные заказы. Другие искали удачный лозунг для предвыборной кампании 1960 года. Так родилась версия о том, что советские ракетно-ядерные возможности превышают американские. Демократы утверждали, что Эйзенхауэр слишком

много думает об экономике и слишком мало об обороне страны. Это нашло отклик в испуганном американском обществе.

Закрытость Советского Союза играла ястребам на руку. Не было никакой иной возможности проверить громкие утверждения Хрущева о советских ракетных достижениях, кроме как отправить У-2. Разведывательные полеты снизили страх перед неожиданным советским нападением. Фотографии, сделанные с У-2, доказывали, что советские ракеты заправлялись жидким топливом, следовательно, требовалось много времени для подготовки к старту. Дуайту Эйзенхауэру нужны были эти снимки, чтобы противостоять собственным ястребам, сторонникам супержесткой линии. В июле 1959 года президент разрешил один полет.

В июне 1960 года в Москве ждали приезда Дуайта Эйзенхауэра. Первый визит американского президента мог стать важным событием, которое уменьшило бы враждебность между двумя странами.

Но обвинения в отставании от Советского Союза продолжались. Хрущев сказал, что советские заводы выпускают ракеты как сосиски. И тут испытания советских ракет временно прекратились. В ЦРУ полагали, что советские конструкторы вернулись к чертежам. А военные доказывали, что, напротив, русские перешли к стадии массового производства. Эйзенхауэра просили дать разрешение выяснить, что происходит. И он позволил ЦРУ провести два полета У-2 в апреле 1960 года. Это было роковое решение.

5 апреля самолет совершил несколько кругов над Семипалатинском, где проводились испытания ядерных взрывных устройств. Полет вызвал у Хрущева приступ гнева. Он считал эту операцию личным вызовом и потребовал от военных прекратить воздушный шпионаж. А Дуайт Эйзенхауэр, опасаясь ненужных осложнений, не хотел, чтобы полет произошел накануне встречи в верхах, намеченной на 16 мая в Париже, и просил закончить с этим делом побыстрее.

Но две недели стояла плохая погода. 30 апреля принесли благоприятный прогноз погоды. Директор ЦРУ Аллен Даллес назначил второй полет. Летчику Фрэнсису Гэри Пауэрсу доверили самую длительную миссию за все последнее время — он должен был пролететь через советскую территорию от Пакистана до Норвегии.

За четыре года до этого, 24 июня 1956 года, на военно-воздушный парад в Тушине пригласили двадцать восемь иностранных делегаций. На приеме Хрущев обратился к начальнику штаба военно-воздушных сил США генералу Натану

Твайнингу:

— Прекратите засылать нарушителей в наше воздушное пространство! Мы будем сбивать непрошеных гостей. Мы превратим ваши самолеты в летающие гробы!

1 мая 1960 года его грозное предупреждение стало реальностью. Советские радары засекли появление У-2. Хрущев требовал от военных сбить самолет:

— Позор! Страна дала вам все, а вы не в состоянии сбить один самолет.

Заместитель министра обороны и главнокомандующий войсками противовоздушной обороны страны маршал Сергей Семенович Бирюзов в сердцах бросил:

— Если бы я был ракетой, я бы сам его сбил!

Когда самолет, пилотировавшийся Пауэрсом, вошел над Свердловском в зону поражения новых зенитных ракет, все было кончено. Его подбили первой же ракетой. Она разорвалась рядом с самолетом, повредив хвостовое оперение и крылья. Пилот потерял управление. Катапультироваться он не мог, потому что разрывом ракеты его сиденье сдвинуло вперед, ноги застряли под панелью управления. Он с трудом вылез на фюзеляж и прыгнул с парашютом. И тут в самолет попала вторая ракета.

В ЦРУ не верили, что пилот попадет в руки советских чекистов живым. Летчиков снабжали таблетками с цианистым калием. Правда, в декабре 1956 года произошла трагикомическая история. Летчик, отправленный в небо Болгарии, во время полета сосал леденцы. Он клал их в карман на правом колене комбинезона. В то утро техники положили смертельные таблетки в тот же карман. Во время полета пилот положил в рот такую таблетку, но она показалась ему безвкусной, и он ее выплюнул. Он остался жив, потому что не успел перекусить тонкую стеклянную капсулу. После этой истории многие пилоты не брали смертоносные таблетки. В ЦРУ не настаивали, потому что считалось, что, если в самолет попадет зенитная ракета, пилот наверняка погибнет.

Но Гэри Пауэрс благополучно приземлился и в августе 1960 года оказался на скамье подсудимых. Процесс продолжался три дня. Пауэрс говорил, что он не враг советского народа, и просил проявить гуманность. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к десяти годам тюремного заключения.

В январе 1961 года Хрущев выступал на пленуме ЦК компартии Украины в Киеве:

— Наше международное положение хорошее, внушает уважение и страх. Я бы сказал, средней дальности ракеты мы уже прекратили производить, потому что столько их наделали, что

даже излишки есть. (Аплодисменты.) Поэтому если бы противник на нас напал, то мы могли Англию, Францию, Испанию, Турцию, Италию и другие страны стереть с лица земли в два-один час. (Аплодисменты.) Что касается Америки, мы еще в долгу. Еще немного надо подтянуться. (Аплодисменты.)

Англия и Соединенные Штаты работали совместно над системой раннего предупреждения о ракетном нападении. Система обошлась в миллиард долларов, но давала Англии двенадцать минут, Америке — полчаса до того, как на них обрушатся советские ракеты. Лондон нуждался не в двенадцати минутах, а в двенадцати часах, чтобы успеть перебросить свои стратегические бомбардировщики в безопасные районы.

Долговременным ответом на необходимость в разведывательной информации стали спутники-шпионы. Первый запустили через три месяца после того, как сбили самолет Пауэрса…

Что касается сбитого американского летчика Фрэнсиса Гэри Пауэрса, то ему пришлось провести в советской тюрьме всего два года. В ночь с 21 на 22 июня 1957 года ФБР арестовало в Нью-Йорке советского нелегала Вильяма Генриховича Фишера. При аресте он назвался Рудольфом Ивановичем Абелем. Американцы считали Фишера главой советской разведывательной сети в Соединенных Штатах, укравшим атомные секреты. Его приговорили к тридцати годам тюремного заключения. Абель провел в американской тюрьме пять лет.

Все эти годы советская разведка искала возможность выручить его из беды. Организацию обмена пойманными шпионами взяла на себя восточногерманская разведка. Обменом занимался адвокат из ГДР Вольфганг Фогель. Он помог избежать отсидки ста пятидесяти разведчикам. Вольфганг Фогель, о чем в те годы мало кто знал, был доверенным лицом министра государственной безопасности ГДР.

Пока существовала ГДР, адвоката Фогеля считали на Западе героем, на самом деле он наживался на своих подопечных — приобретал за гроши их имущество и стал на этих сделках миллионером. После распада социалистической системы его признали виновным в шантаже и подделке документов и приговорили к двум годам тюремного заключения с отсрочкой исполнения. Но без таких, как он, холодная война была бы еще холоднее.

Истерика в особо крупных масштабах

Казнь была назначена на одиннадцать часов вечера в пятницу 19 июня 1953 года. Возник спор: кого казнить первым? Сотрудники Федерального бюро расследований, которые вели это дело, предложили сначала усадить на электрический стул Этель Розенберг. Тогда ее муж Юлиус, более слабый характером, не выдержит и расскажет то, что он скрывает. Но директор ФБР Эдгар Гувер отверг это предложение: не может быть и речи, чтобы женщину, мать двоих детей, казнили, а ее мужа оставили в живых.

Президент Дуайт Эйзенхауэр сказал Гуверу, что, если Розенберги в последний момент изъявят желание дать показания, он отменит смертный приговор. Договорились так: супругов спросят по отдельности, не хотят ли они признаться. Если да, их жизнь спасена. Даже если кто-то из них уже на электрическом стуле захочет говорить, казнь отменят.

Эдгар Гувер до последнего верил, что Этель Розенберг сломается, — ни одна мать не захочет оставить детей сиротами. Но директор ФБР ошибся. Перед казнью к ней привели раввина. Он сказал ей:

— Двое твоих детей останутся сиротами, но у тебя еще есть шанс, дай показания, которые от тебя ждут!

Она ответила:

— Я невиновна и лгать не стану.

Судьба Юлиуса и Этель Розенберг решилась, когда арестованный в Англии физик-атомщик и агент советской разведки Клаус Фукс опознал на одной из фотографий Гарри Гоулда, своего связника в сорок четвертом — сорок пятом годах. Так следователи ухватились за конец длинной цепочки.

Гарри Гоулд признался, что десять лет работает на советскую разведку. Совершенно случайно агент ФБР показал ему фотографию инженера Дэвида Грингласса, который работал в Лос-Аламосской лаборатории, где создавалась ядерная бомба. Грингласса подозревали всего лишь в похищении урана. Многие тогда в Лос-Аламосе крали куски урана. Не понимая, как опасна радиация, использовали их в качестве пепельницы. Гарри Гоулд сказал, что Грингласс тоже советский агент.

А Дэвид Грингласс сообщил, что передавал секретные документы советской разведке через мужа своей сестры радиоинженера Юлиуса Розенберга, который его и завербовал. В

ФБР пришли к выводу, что именно Розенберг руководит шпионской сетью. Его жену Этель арестовали только для того, чтобы давить на обожавшего ее Юлиуса.

Этель Розенберг прекрасно пела. Она могла бы стать оперной певицей. Они с мужем очень любили друг друга, объединяли их не только чувства, но и общие политические взгляды, стремление к справедливости. Они были на стороне республиканцев, когда в Испании вспыхнул мятеж и началась гражданская война. Они поддерживали Советский Союз, который сражался против гитлеровской Германии.

Судья установил сумму залога в сто тысяч долларов за каждого, сумма неподъемная для семьи, так что Этель и Юлиус остались за решеткой до суда. Детей арестованных передавали от родственников к родственникам, пока они не оказались в детском доме в Бронксе. Этель страдала из-за детей, плакала по ночам в камере.

Суд над Розенбергами начался 6 марта 1951 года и продолжался три недели. Адвокат Эмануэль Блох выбрал неверную тактику защиты. Он не отрицал факт шпионажа, он только отрицал, что его подзащитные работали на советскую разведку. Он отказался от перекрестного допроса Гарри Гоулда. Не обратил внимание присяжных на противоречия в показаниях Дэвида Грингласса — до суда и на самом процессе.

Юлиус Розенберг напрасно отказывался отвечать, когда его спрашивали о политических взглядах и принадлежности к компартии. Его молчание не понравилось присяжным. Этель, как преданная жена и мать двоих детей, которых у нее отобрали, могла рассчитывать на сочувствие. Но на суде она показалась холодной и бесчувственной.

Дэвид Грингласс все признал и согласился дать показания против Юлиуса Розенберга. Против Этель у обвинения ничего не было. Тогда надавили на Рут Грингласс (в девичестве Принтц). Ей угрожали: если она не даст показания против Этель, ее тоже могут посадить. И она рассказала, что в сентябре 1945 года Этель Розенберг писала донесение под диктовку Дэвида Грингласса. Это позволило главному обвинителю на процессе заявить:

— Описание устройства атомной бомбы, предназначенное для Советского Союза, было напечатано на машинке обвиняемой Этель Розенберг в ее квартире. То же самое она делала и в других случаях, когда, сидя за этой пишущей машинкой, действовала против ее собственной страны и во имя интересов Советского Союза.

Дэвида Грингласса приговорили к пятнадцати годам тюрьмы. Он отсидел десять. Его жену Рут, как и обещали агенты ФБР, не

тронули. Она умерла 7 апреля 2008 года в возрасте восьмидесяти трех лет. Четыре десятилетия она прожила в Нью-Йорке под другим именем.

Жюри вынесло вердикт за один день. 29 марта 1951 года присяжные признали Розенбергов виновными. Вынесение приговора судья назначил на 5 апреля. Ему предстояло определить меру наказания. В министерстве юстиции и в ФБР сошлись во мнении, что смертного приговора Этель нужно избежать. Казнить мать двоих детей, обречь их на сиротство — это произведет плохое впечатление. Достаточно приговорить Этель к двадцати пяти или тридцати годам тюрьмы, и Юлиус даст признательные показания.

Судья Кауфман сказал потом, что перед вынесением приговора советовался с Богом. Прокурор впоследствии утверждал, что судья советовался с ним и он посоветовал казнить Этель Розенберг:

— Она хуже Юлиуса. Она умнее его. Она все это придумала.

Судья приговорил обоих к смертной казни на электрическом стуле. Он сказал, что преступления, совершенные подсудимыми, хуже убийства:

— Отдав русским секрет атомной бомбы, вы спровоцировали коммунистическую агрессию в Корее. В результате уже погибли пятьдесят тысяч человек, и кто знает, возможно, миллионам невинных людей придется заплатить за ваше предательство. Совершив предательство, вы изменили ход истории не в пользу вашей родины.

Не было никаких оснований связывать деятельность Розенбергов с войной в Корее. И вряд ли информация, собранная Дэвидом Гринглассом, помогла советским физикам раскрыть секреты атомной бомбы…

Процесс апелляции занял два года, но пересмотра приговора добиться не удалось. Какой мукой была для Этель Розенберг разлука с детьми, которым она писала из тюрьмы! Иногда адвокат привозил их на свидание.

Американские послы в европейских странах предупреждали, что исполнение смертного приговора Розенбергам серьезно повредит Соединенным Штатам в глазах общественного мнения. Тем не менее Дуайт Эйзенхауэр отклонил просьбу о смягчении наказания:

— Розенберги выдали врагу атомные секреты, обрекли на смерть множество людей, поэтому я в это дело вмешиваться не стану.

Борец против коммунизма вице-президент Ричард Никсон тем более был сторонником казни Розенбергов.

— Многие люди, — говорил вице-президент, — задаются вопросом: к чему все эти разговоры, если мы имеем дело с кучкой предателей? Я слышу слова: «Они крысы, почему бы нам их просто не пристрелить?» Я согласен с тем, что коммунисты — крысы. Но если ты собрался стрелять по крысам, надо стрелять сразу!

В Америке было много демонстраций против казни. Впрочем, были и те, кто требовал их смерти, кто ходил с плакатом: «Казните Розенбергов и отправьте их кости в Россию!»

Они не пожелали купить себе жизнь путем признания подлинных и мнимых прегрешений. Казнь была назначена на одиннадцать часов вечера в пятницу 19 июня 1953 года. Адвокат Блох пытался еще оттянуть казнь, сказав, что невозможно казнить обоих во время еврейского Шаббата, что противоречит установлениям иудаизма.

Судья Кауфман, верующий человек, просто передвинул время казни на восемь часов вечера — до есть до начала Шаббата. Тогда выяснилось, что к назначенному времени не поспевает электрик, который занимается электрическим стулом. Эдгар Гувер распорядился отправить за ним вертолет и охрану.

После казни свидетели описали, как это происходило:

— Они сели в кресла сами, без помощи охранников. Этель пожала руку надзирательнице, которая была с ней все это время, а потом ее поцеловала. Юлиус Розенберг умер быстро, за пару минут. Этель умирала тяжелее. Решив, что она мертва, охранники стали снимать электроды и ремни, а потом пришлось надевать их заново и давать ей новый разряд. От ее головы пошел дым. Ее еще раз осмотрели и признали мертвой. Прошло четыре минуты.

Агенты ФБР признавались потом:

— Мы не хотели, чтобы они умерли. Мы хотели, чтобы они заговорили.

У них был с собой список вопросов на тринадцати страницах, которые они собирались задать Юлиусу Розенбергу. И только один вопрос касался Этель: «Ваша жена знала о том, чем вы занимаетесь?»

Виновны или невиновны были Розенберги? Он был агентом советской разведки. Это подтвердил его связной — офицер разведки Герой Советского Союза Александр Феклисов. Но Юлиус Розенберг не имел отношения к ядерному шпионажу. Его наказали за тех других, кто не попался. Его жена знала, что он делает, но сама не была шпионкой. Едва ли в другой ситуации их посадили на электрический стул. Казнь Розенбергов стала печальным и трагическим следствием того, что именуют маккартизмом и что было неминуемым порождением холодной

войны…

Американцы частично расшифровали переписку резидентуры советской разведки с центром. Из расшифрованных телеграмм следует, что Юлиус Розенберг работал на Москву. Но американцы очень долго скрывали успех своих дешифровщиков. Федеральное бюро расследований располагало доказательствами виновности Розенбергов, но не могло представить их суду, чтобы сохранить тайну «Веноны».

«Венона» — это кодовое название операции американской электронной разведки по расшифровке перехваченных советских шифртелеграмм. Уже в 1943 году американские дешифровщики приступили к работе над перехваченными телеграммами — это был радиообмен между советскими учреждениями в Соединенных Штатах и Москвой.

Устойчивая радиосвязь резидентуры советской разведки в Вашингтоне с Москвой установилась только в начале 1941 года. Летом радисты принимали три четверти передач, а зимой одну из десяти.

Советские шифровальные системы были очень сложными. Практически их нельзя было расшифровать. Но американцам помогла грубая ошибка. При отправке телеграмм использовались кодовые книги, а затем еще и одноразовые шифрблокноты. Это двойное кодирование гарантировало надежность. Но каждую страницу шифр-блокнота, составленную по закону случайных цифр, можно использовать только один раз.

С началом войны объем переписки резко возрос, шифрблокнотов не хватало. Перебросить из Москвы в условиях военного времени достаточный запас оказалось невозможно, и в резидентуре приняли решение использовать отдельные страницы дважды. Помогли американцам и финны. 22 июня 1941 года они ворвались в советское консульство в городе Петсамо и захватили полусгоревшие кодовые книги дипломатической переписки, а также кодовые книги военной и военно-морской разведки. Шифровальщики пытались их сжечь, но не успели.

Относительно дальнейшей судьбы трофея есть две версии.

По одной, финны передали полуобгоревшие книги немцам, но те были слабы в расшифровке кодов. 10 мая 1945 года американские разведчики обнаружили эти блокноты в архиве немецкой радиоразведки в Саксонии.

По другой версии, в ноябре 1944 года начальник американской разведки Уильям Донован заплатил финнам за книгу и другие шифровальные материалы десять тысяч долларов. Об этом узнал государственный секретарь Эдвард Стеттиниус. Он возмутился: Соединенные Штаты заподозрят в шпионаже против

союзника! И приказал вернуть шифрблокноты Советскому Союзу. Донован неохотно исполнил приказ, но копии документов передал армейской службе радиоразведки.

К концу войны в американской электронной разведке насчитывалось десять тысяч человек. Несколько лет шла упорная работа с советскими телеграммами. Три года аналитик Мередит Гарднер бился над русскими кодами. Первый успех пришел в 1948 году. В расшифрованной части телеграмм упоминались триста сорок девять американцев, которые сотрудничали с советскими разведчиками.

В конце 1948 года Гарднер сообщил Федеральному бюро расследований, что в министерстве юстиции США действует советский агент. Эта женщина работала в офисе министерства в Нью-Йорке, а в январе 1945 года была переведена в Вашингтон.

Под эти данные подходила Джудит Коплон из сектора регистрации иностранных агентов. Она имела доступ к докладам ФБР о выявленных советских агентах. Ее взяли под наблюдение. Раз или два раза в месяц она приезжала в родной Нью-Йорк. Выяснилось, что она проводила время не только с родными, но и встречалась с советским гражданином. Это был Валентин Алексеевич Губичев, работавший в Секретариате ООН. Он приехал в Соединенные Штаты летом 1946 года вместе с женой Лидией Назаровной и дочерью Виолеттой.

В ФБР изготовили фальшивый документ, который казался очень важным, и в пятницу 4 февраля 1949 года он оказался на столе Джудит Коплон, которая собиралась в Нью-Йорк. Когда она встретилась с Губичевым, их задержали. В ее сумочке обнаружили двадцать восемь документов, позаимствованных в ФБР, в том числе и дезинформация, подготовленная для нее, и написанная ею самой записка: «Я не смогла (и не думаю, что смогу в будущем) раздобыть сверхсекретный документ ФБР, о котором я говорила…»

Ее защитник выдвинул забавную версию — документы понадобились Джудит Коплон для написания романа. А что касается встреч с Валентином Губичевым, то она просто по уши влюблена в него.

На предварительных слушаниях судья назначил залог за Губичева в сто тысяч долларов. 5 марта 1949 года посол Александр Семенович Панюшкин (и одновременно резидент внешней разведки в Вашингтоне) отправил в Москву запись своей беседы с заместителем государственного секретаря Джеймсом Уэббом:

«Я заявил Уэббу, что Губичев является советским гражданином, въехавшим в Соединенные Штаты Америки по

дипломатическому паспорту, и что на основании существующего положения Губичев, как дипломат, пользуется правом дипломатического иммунитета…

Уэбб заявил мне на это, что если бы Губичев был или работником советского посольства, или членом советской делегации в Объединенных Нациях, то Губичев пользовался бы дипломатическим иммунитетом, но поскольку он является работником Секретариата Объединенных Наций, то на него (Губичева), согласно разъяснениям, полученным из Объединенных Наций, не распространяется положение дипломатического иммунитета…

Я еще раз потребовал от Уэбба принятия соответствующих мер к немедленному освобождению Губичева из-под ареста, причем мною было еще раз подчеркнуто, что Губичев не подсуден американскому суду и поэтому не может быть никакой речи об освобождении его под какой бы то ни было залог…»

Усилия посольства не помогли.

Судебный процесс подтвердил давние подозрения, что советская разведка использует аппарат ООН для шпионажа против Соединенных Штатов.

9 марта 1950 года Валентин Губичев был приговорен к пятнадцати годам тюремного заключения. Государственный департамент и министерство юстиции рекомендовали отложить исполнение приговора, если он покинет территорию Соединенных Штатов. 20 марта Губичева доставили на пароход «Баторий»…

Джудит Коплон тоже признали виновной. Впервые обвинительный приговор за шпионаж в пользу Советского Союза вынесли обладателю американского паспорта. Но на суде ФБР попало в ловушку. Защитник подсудимой потребовал приобщить к делу документы, на которые ссылается обвинение. Судья согласился с требованием защиты. Документы ФБР были обнародованы. Выяснилось много неприятного для ФБР. Когда агент сказал на суде, что телефоны Коплон не прослушивались, а потом выяснилось обратное, репутация ведомства Гувера сильно пострадала. Лжесвидетельствование считается в американском суде тяжким преступлением.

Гувер после этой истории приказал отделять внутренние досье ФБР (в которых содержатся данные прослушивания и многое другое) от досье, предназначенных для использования в суде. Решили, что в случаях использования подслушивающей техники на суде будет выступать агент, который этим не занимался. Он сможет честно ответить, что ему неизвестен источник информации.

5 декабря 1950 года апелляционный суд отменил приговор. Во-первых, ФБР незаконно прослушивало телефонные разговоры между Джудит Коплон и ее адвокатом. Во-вторых, ее арестовали, не имея ордера на арест.

Обвинение попало в трудное положение. Главным доказательством были расшифрованные советские телеграммы, но их держали в секрете и не могли представить суду. Без доказательств, полученных в рамках «Веноны», улик было явно недостаточно. Генеральная прокуратура не хотела рисковать новым судом, но Гувер уговорил генерального прокурора не отказываться от обвинений против Коплон.

Семнадцать лет, до того как в 1967 году все обвинения были наконец сняты, она считалась выпущенной под залог в сорок тысяч долларов, собранный ее семьей. Коплон не имела права голосовать на выборах, водить машину, и ей было запрещено покидать район ее постоянного местожительства в Нью-Йорке. Она даже не смогла пересечь реку Гудзон и побывать на могиле отца. При этом она успешно работала, вышла замуж и родила четырех детей.

Первые советские телеграммы, которые смогли прочитать американские дешифровщики, излагали секретные послания премьер-министра Уинстона Черчилля президенту Гарри Трумэну. Первое предположение — советский агент работает в британском посольстве в Вашингтоне. Подозрение пало на британского дипломата Доналда Маклина. Так была раскрыта уникальная агентурная сеть советской разведки в Великобритании, которая действовала много лет.

Доналд Маклин служил в британском посольстве в Париже до вступления в город немцев в 1940 году, потом — в центральном аппарате министерства иностранных дел. В мае 1944 года его перевели в британское посольство в Вашингтоне. Здесь Маклин руководил секретариатом и старательно посещал совещания, посвященные судьбе атомной энергии. Он отвечал за безопасность в британском посольстве и предупреждал сотрудников:

— Когда я веду деловые переговоры у себя в кабинете, я всегда выдергиваю телефонный шнур из розетки, потому что американцы наверняка нас прослушивают. А мы не хотим, чтобы они знали о нас все.

В ноябре 1948 — мае 1950 года Доналд Маклин служил в Каире, где у него случился нервный срыв. В отличие от Филби он не был прирожденным разведчиком. Его словно распирало. Время от времени он демонстративно говорил о своей приверженности коммунизму. Во время ужина с голландскими дипломатами в

британском посольстве в Каире в 1950 году зашла речь о судьбе американца Элджера Хисса, которого обвинили в шпионаже. Маклин с жаром заговорил о том, что Хисс был совершенно прав, жертвуя интересами государства во имя идеалов коммунизма. Голландцы просто не верили своим ушам. Они отнесли его откровения то ли на счет особенностей характера британского дипломата, то ли на счет потребленных им без меры горячительных напитков.

В октябре 1950 года Маклин возглавил американский отдел в министерстве иностранных дел. Его друг (и тоже советский агент) Гай Бёрджесс занимал в Лондоне и Вашингтоне менее важные должности. Но в январе 1947 — июне 1948 года он был личным секретарем Гектора Макнейла, государственного министра, через стол которого проходило множество секретнейших документов.

Пожалуй, никогда в истории Кремль не получал такой объем высококачественной разведывательной информации. Вот главный вопрос, который интересует историков: в какой степени Сталин был в состоянии воспользоваться предоставленной разведкой возможностью заглянуть в умы западных политиков? Мог ли он понять их способ мышления и действия? Разведывательная информация подталкивала Сталина к более разумной и точной политике или, напротив, только усиливала его паранойю?

Судя по политике Кремля, верно последнее. Все правительственные учреждения искажают получаемую информацию — из-за бюрократической цепочки или в результате зацикленности на определенных взглядах. Сталинская администрация страдала обоими пороками одновременно.

В середине апреля 1951 года в Лондоне пришли к выводу, что Доналд Маклин работает на Москву. 17 апреля постоянный заместитель министра иностранных дел предложил, чтобы им занялась контрразведка МИ-5. Установили слежку. Но все происходило слишком медленно. Только 25 мая решили, что контрразведке стоит допросить Маклина. Англичане опоздали.

Когда стало ясно, что арест неминуем, Доналд Маклин получил сообщение, что спасение возможно — его охотно примут в Москве. Плохо понимая, что его ждет в сталинском Советском Союзе, он решил бежать. Опасаясь, что один он не справится, попросил сопровождать его другого советского агента — Гая Бёрджесса. В пятницу вечером, 25 мая 1951 года, Доналд Маклин и Гай Бёрджесс покинули Англию, сев на паром, который доставил их во Францию.

Генерал-майор Джон Киркман, руководитель разведывательного отдела британского верховного комиссара в Германии, предупредил американских контрразведчиков, что оба

беглеца, вероятно, находятся в их зоне оккупации и будут пробиваться в советскую зону. Все американские и западногерманские службы были подняты на ноги. Проверялись туристические агентства, банки, автобусные остановки, поезда, билетные кассы, отели, пункты пересечения межзональных границ. Старательные немцы задержали двух показавшихся им подозрительными англичан. После долгого выяснения оказалось, что это агенты британской разведки, выполнявшие особое задание.

Когда Маклин и Бёрджесс добрались до Москвы, судьба обоих англичан решилась на заседании политбюро ЦК:

«1. Считать целесообразным принять в советское гражданство Маклина Д. и Бёрджесса Г. (под другими фамилиями) и разрешить им проживать в Советском Союзе.

2. Поселить Маклина и Бёрджесса в г. Куйбышеве и обязать Куйбышевский обком ВКП(б) (т. Пузанова) предоставить им квартиры по 3–4 комнаты каждому. Обязать МГБ СССР за счет секретных сумм оборудовать указанные квартиры, а также выплачивать Маклину и Бёрджессу по 4000 рублей в месяц в течение пяти лет до приобретения ими специальности.

3. Разрешить привлекать Маклина и Бёрджесса к эпизодической работе в издательстве иностранной литературы.

4. Обязать МГБ СССР обеспечить соответствующее наблюдение за Маклином и Бёрджессом».

Потом обоим разрешили обосноваться в столице. Но это немногим улучшило их жизнь. Гай Бёрджесс был самым несчастливым из пяти лучших агентов советской разведки на Британских островах. В Москве он получил паспорт на имя Джима Андреевича Элиота. Его гомосексуальные пристрастия, склонность к выпивке и авантюризму раздражали чекистов, которые за ним приглядывали.

Советской жизни он не выдержал. Попросил у КГБ разрешения вернуться в Англию, но этого никто не хотел. Он недолго прожил в Москве и умер, можно сказать, от тоски. Перед смертью Бёрджесс пожелал повидать своего друга Филби, но ему сказали, что Кима нет в Москве. А Филби даже не знал о его предсмертном желании.

Доналд Доналдович Маклин, как его называли в Москве, более спокойный по характеру, не обращался к руководству КГБ с наивными просьбами. Он работал в Институте мировой экономики и международных отношений Академии наук, писал книги и тихо возмущался социалистической действительностью. Жена от него ушла к Киму Филби, потом уехала из Советского Союза. Ее КГБ не удерживал. Маклин поначалу сильно пил, потом

избавился от этого порока.

Бегство двух англичан усилило паранойю в Вашингтоне, где буйствовал сенатор-антикоммунист Маккарти. Он обвинял в антигосударственной деятельности не только дипломатов из Государственного департамента, но и разведчиков из ЦРУ. Там было достаточное количество высокообразованных аналитиков с либеральными взглядами.

Бегство Маклина и Бёрджесса сделало поголовную проверку британского государственного аппарата неминуемой. МИ-5 получила полицейские права, что противоречило британским традициям. Сестра Доналда Маклина Нэнси была замужем за американским дипломатом, который работал в посольстве в Каире. Он лишился должности. Младший брат Маклина Алан, работавший в министерстве иностранных дел, вынужден был под давлением уйти со службы.

С мая 1947 года проверяли всех чиновников. Британские военные боялись подрывных действий коммунистов. Комитет начальников штабов в 1951 году предупредил правительство о существовании в стране пятой колонны, такой же, что подорвала Сопротивление Франции в 1940 году.

Провал Доналда Маклина и Гая Бёрджесса погубил блистательную карьеру прирожденного разведчика Гарольда (Кима) Филби. Он, несомненно, наслаждался ролью человека, который водит за нос крупнейшие разведки мира — английскую и американскую. Он достиг вершины своей карьеры в сорок пятом, возглавив в английской секретной службе отдел, работающий против Советского Союза.

Филби передал в Москву имена всех агентов, которых в те годы англичане пытались заслать в социалистические страны. Вероятно, речь идет о сотнях людей, которых поймали и расстреляли. Когда Филби говорили об этом, он отмахивался: на войне как на войне. Впрочем, он знал, что ему самому смертная казнь не угрожает даже в случае разоблачения: в Англии в мирное время шпионов не казнят.

«Я способствовал тому, что одного очень неприятного человека выбросили с парашютом в Югославии, — вспоминал Филби, — но вместо того, чтобы сломать себе шею, он сумел вернуться назад».

Эти строчки из мемуаров многое говорят о самом Киме Филби, о той легкости, с какой он желал другим смерти…

После побега Бёрджесса и Маклина, с которыми он дружил, Киму Филби было велено отправиться в отставку. Но на него все еще распространялась корпоративная солидарность. Его уволили в июле 1951 года, выплатив выходное пособие. В октябре 1955

года один из депутатов обратился в палате общин к премьер-министру Энтони Идену — не намерен ли он выяснить подлинную роль Кима Филби, которого считают советским агентом. Через две недели, выступая в палате, министр иностранных дел Гаролд Макмиллан сказал, что нет никаких доказательств того, что Филби предал интересы страны.

Довольный Филби собрал в своей квартире журналистов.

— Так были ли вы третьим в шпионской сети? — спросили его корреспонденты.

— Нет, не был, — ответил Филби.

— А как вы считаете, этот третий человек существует?

— Без комментариев.

— Исчезновение Бёрджесса и Маклина все еще остается тайной. Вы можете пролить свет на эту историю?

— Не могу, — хладнокровно ответил Филби. — Во-первых, я связан законом, который запрещает мне раскрывать информацию, полученную на государственной службе. Во-вторых, дело Бёрджесса и Маклина затрагивает щекотливые вопросы межгосударственных отношений.

2 апреля 1954 года сотрудник советской разведки подполковник Владимир Петров, работавший под прикрытием должности третьего секретаря посольства в Сиднее, попросил у австралийских властей политического убежища. Петрова вызвали в Москву, он испугался возвращения на родину. Его жену Евдокию пытались отправить на родину двое крепких чекистов, называвших себя дипкурьерами. Фотографии, запечатлевшие, как ее тащат в самолет в Сиднее, обошли весь мир. Австралийская полиция все-таки не позволила вывезти ее в Москву: когда самолет сел для дозаправки в аэропорту Дарвина, «дипкурьеров» обезоружили, а Евдокию освободили.

Владимир Петров подтвердил, что Маклин и Бёрджесс, завербованные в тридцатых годах, сейчас живут в Москве. Об опасности их предупредил «третий человек» — еще один советский агент, занимающий в Лондоне высокое положение. В Англии вновь говорили о Бёрджессе и Маклине. Премьер-министру Энтони Идену пришлось сделать заявление в парламенте. Трудно было отрицать, что «третий человек» существует. Начался его поиск. Потом выяснится, что были еще и четвертый, и пятый…

Отношение англичан к собственным спецслужбам ухудшилось. Англичане перестали испытывать к разведчикам уважение. В свое время не только в самой Англии, но и в Соединенных Штатах существовал миф о блистательных возможностях британской разведки. Миф растаял. Британская

публика приобрела вкус к разоблачениям спецслужб.

Несколько лет Филби просидел без работы. Парламент требовал расследования. Но Герберт Моррисон, который в марте 1951 года занял пост министра иностранных дел, сопротивлялся расследованию деятельности специальных служб, считая это опасным делом. Кроме того, он справедливо полагал, что и ему самому разведчики и контрразведчики говорят далеко не все.

Не сомневаясь в том, что Ким Филби работает на советскую разведку, англичане позволили ему в 1956 году перебраться в Бейрут в качестве корреспондента журнала «Экономист» и газеты «Обсервер». Это было сделано с благословения его друзей из разведки и министерства иностранных дел, которые считали, что с Филби обошлись несправедливо. Он был сыном знаменитого арабиста, и на Ближнем Востоке перед ним открывались многие двери. В журнале были им довольны. Но потом он начал сильно пить и требовал больше денег, чем приносил пользы.

Ким Филби говорил жене:

— Англия не стала бы великой империей, если бы англичане страдали брезгливостью. Именно отсутствие брезгливости да здоровый желудок помогли мне выжить на Востоке. Если бы ты только видела восточные базары, где мясо, рыба, фрукты — все скрыто под толстым слоем мух! Я помню очень вкусный суп, который ел в Турции. Но прежде чем приступить к еде, надо было выловить ложкой плавающих в нем мух…

В сентябре 1962 года возник скандал с Джоном Вэсселом, шифровальщиком военно-морской разведки, который несколько лет прослужил в британском посольстве в Москве. Гомосексуалист, он был завербован КГБ именно на этой основе. Ходили слухи о его близких отношениях с Томом Гэлбрейтом, заместителем министра по делам Шотландии. Гэлбрейт ушел в отставку, хотя слухи оказались ложными. А через четыре месяца, 23 января 1963 года, Ким Филби исчез из Бейрута. Больше сомнений не оставалось.

Жизнь в Советском Союзе оказалась для Кима Филби сплошным разочарованием. О материальной стороне комитет госбезопасности позаботился. Он получил четырехкомнатную квартиру в Трехпрудном переулке. Ему разрешили выписывать недоступную советским людям газету «Таймс» и присылали из Лондона любимый им мармелад из горьких апельсинов, но он-то рассчитывал, что продолжит службу в советской разведке. Об этом не могло быть и речи.

Мемуары Кима Филби, выпущенные в 1968 году, рисовали мастера шпионажа, который и поныне при деле. В реальности он жил в полной изоляции. Он был просто раздавлен, когда понял,

что больше не нужен.

Он рассказывал жене о первых годах жизни в Москве:

— Ты не представляешь, какой я был несчастный человек. Я был переполнен информацией, и мне хотелось все отдать. Я писал бесконечные меморандумы, пока не понял, что они никому не нужны, их даже никто не читает.

В КГБ все равно не могли поверить, что британец до мозга костей может искренне работать на СССР. Вообще трудно установить, в какой степени Москва доверяла своим агентам. Похоже, разведывательные усилия Филби, Маклина и Бёрджесса в определенной степени пропали зря. Но в пропагандистской войне они были более чем удачным аргументом.

Киму Филби выдали вид на жительство в СССР — на подлинное имя и обычный советский паспорт на вымышленное — Андрей Федорович Федоров. Он с трудом выговаривал эту русскую фамилию, поэтому ему переделали паспорт на имя Андрея Федоровича Мартинса, указав, что он латыш и родился в Нью-Йорке.

Филби пил каждый день и, по словам его жены, «становился невменяемым». За ним постоянно следили. От кураторов из КГБ он постоянно ждал неприятностей. «Это было, — по словам его жены, — сочетание полицейского надзора с дружеской опекой».

Он томился от тоски и не жил, а доживал. Он пытался покончить с собой, перерезав вены. Только удачная женитьба на русской женщине скрасила его последние годы в Москве. Ким Филби и Джордж Блейк, женившись на русских, какое-то время встречались почти постоянно. Но Филби свысока смотрел на Блейка и обиделся, когда Блейк получил орден Ленина раньше, чем он сам. Они окончательно поссорились из-за их общей фотографии, которую сделал сын Филби и продал британским газетам.

Его жизнь стала лучше, когда председатель КГБ Юрий Андропов приказал позаботиться о Филби, чтобы сделать бегство в СССР более привлекательным делом. Это была инициатива ненавидимого теперь на Лубянке Олега Даниловича Калугина. В ту пору любимец Андропова и самый молодой генерал в КГБ, Олег Калугин возглавлял внешнюю контрразведку. В его обязанности входила вербовка агентуры в спецслужбах противника. Ему важно было довести до сведения потенциальных агентов, что в Москве их ждет райская жизнь.

Киму Филби позволили приехать в Ясенево, в здание разведки и выступить перед руководящим составом только один раз, в 1977 году. Сбылась его мечта — побывать в штаб-квартире советской разведки, на которую он столько лет работал. И он

позволил себе пожаловаться:

— В конце шестидесятых был период, когда я считал, что мои возможности используются не полностью, и я чувствовал себя потерянным.

Руководитель британского отдела первого главного управления КГБ Михаил Петрович Любимов добился разрешения устроить нечто вроде семинара для своих сотрудников — раз в неделю молодые офицеры разведки собирались сначала на конспиративной квартире, затем дома у Филби, чтобы его послушать. Он учил тому, как надо вести себя в британском обществе.

Еще один крупный советский агент — Энтони Блант, известный британский искусствовед, хранитель Королевской галереи, устроил свою жизнь лучше. Он отказался бежать в Москву и пошел на сотрудничество с английской контрразведкой, многое рассказал, благодаря чему остался на родине, сохранил свободу и привычный образ жизни…

А в Соединенных Штатах громкий шпионский скандал начался с того, что женщина по имени Элизабет Бентли в конце августа 1945 года вошла в помещение бюро ФБР в Нью-Хэвене, штат Нью-Хэмпшир, и сообщила специальному агенту, что она несколько лет была курьером советской шпионской организации. Она не походила на Мата Хари. Блондинка, тридцать семь лет, выглядела старше из-за лишнего веса. Что заставило ее пойти в ФБР? Считается, что после смерти ее любовника она разочаровалась в коммунизме. Нервы у нее явно были не в порядке.

Рассказ ее не произвел впечатления. Возможно, о ней бы вообще забыли, если бы в Канаде не попросил политического убежища шифровальщик резидентуры советской военной разведки лейтенант Игорь Сергеевич Гузенко.

10 сентября 1945 года два агента ФБР прибыли в Оттаву. Канадцы поделились с ними всей информацией. В октябре они получили право самим допросить Гузенко. Он сообщил американцам: «Лейтенант Кулаков из военного атташата рассказал ему, что у советской военной разведки есть агент в Соединенных Штатах, который в мае 1943 года был помощником государственного секретаря Стеттиниуса».

Вот тут-то ФБР и заинтересовалось показаниями Элизабет Бентли.

При первом разговоре она назвала имена четырнадцати советских агентов. Потом она назвала имена тридцати двух государственных служащих, передававших ей секретные документы. Она переснимала документы на микропленку и

вручала советским агентам. Когда дело дошло до конгресса и ее вызвали на заседание сенатского комитета по расследованию антиамериканской деятельности, ее список перевалил через сто.

Сенатский комитет по расследованию антиамериканской деятельности возглавлял Джей Парнел Томас. Правда, он продержался недолго — в 1949 году его посадили на скамью подсудимых за финансовые махинации и приговорили к трем годам. Но он заложил основы тесных контактов между комитетом и ФБР. Эдгар Гувер предоставлял комитету любую информацию, которая была нужна для расследования.

Когда такие осведомители, как Элизабет Бентли, истощались, Гувер передавал их в распоряжение сенатского комитета, где бремя доказывания лежало не на обвинителе, а на обвиняемых. Ее допрос проходил при невероятном стечении народа и под прицелом кинокамер.

— Мисс Бентли, расскажите комитету, как работала шпионская организация?

— Это была группа, которая собирала информацию для коммунистов.

— Указанные люди были государственными служащими?

— Да, все они были госслужащими.

— Кто возглавлял шпионскую группу в правительстве?

— Одной группой руководил Натан Грегори Сильвермайстер, который во время войны работал в Совете по экономическому благосостоянию. Другой — Локланд Кёрри.

— Где он работал?

— Он был старшим помощником президента в Белом доме.

— Какого рода сведениями он вас снабжал?

— Он давал информацию о наших отношениях с правительствами разных стран, включая Китай. Однажды он передал предупреждение, что американские специалисты взломали советские коды.

Эдгар Гувер отправил секретное послание президенту Гарри Трумэну: «В результате проведенного ФБР расследования получена информация о том, что группа чиновников правительства Соединенных Штатов передает информацию советским шпионам».

Президент Трумэн даже не ответил на эту записку. Директора ФБР он не любил, а его деятельность не одобрял.

Гувер продолжал отправлять президенту все новые списки подозреваемых в работе на советскую разведку. В новом списке значились заместитель госсекретаря Дин Ачесон, его сотрудник Герберт Маркс, бывший заместитель военного министра Джон Макклой (он председательствовал на Нюрнбергском трибунале),

министр торговли Генри Уоллес и другие видные чиновники.

27 сентября 1945 года Трумэн писал жене: «Дорогая Бесс! Я встревожен ситуацией. Эдгар Гувер все подминает под себя, и все сенаторы и конгрессмены его боятся. Организация Гувера может привести к системе слежки за гражданами. Меня это не устраивает. Если я смогу этому помешать, в нашей стране не будет ни НКВД, ни гестапо…»

В детстве Эдгар Гувер заикался. Но не сомневался, что справится со своей проблемой. Это были времена, когда американцы верили в самосовершенствование. Миллионы американцев утром и вечером, стоя у зеркала, упрямо произносили одну и ту же фразу:

— С каждым днем я становлюсь во всех смыслах все лучше и лучше.

Эдгар Гувер прочитал статью о том, что заикам надо стараться говорить не медленнее, а быстрее. Он учился произносить фразы быстро и преодолел свой недостаток. Он практически не заикался. Но выстреливал слова с пулеметной скоростью, стенографистки жаловались, что не в состоянии поспеть за его скороговоркой. Зато никому другому не удавалось вставить ни слова в его речь — ни подчиненным, ни начальникам.

Гувер был маменькиным сынком во всех смыслах этого слова. Он так и не женился. Он жил вместе с матерью, пока она не умерла. Ему уже было сорок три года. На вопрос, почему директор не женат, умные агенты, не желавшие нажить неприятностей, отвечали:

— Он женат. На ФБР.

Гувер начал работать в министерстве юстиции 26 июля 1917 года. Во время Первой мировой войны многие талантливые люди были призваны в армию, и это способствовало быстрой карьере Гувера. В двадцать два года его определили в сектор регистрации враждебно настроенных иностранцев. В то время все немецкое оказалось под запретом. Запретили учить немецкий язык в школах. Бетховена и Баха не исполняли.

Когда 1 августа 1919 года в министерстве юстиции появилось подразделение по борьбе с радикализмом, его возглавил Эдгар Гувер. С самого начала он считал главным врагом коммунизм. Он заявлял, что коммунизм — «это заговор против религиозных и государственных основ, против самого способа мыслей иудеохристианского мира, буддийского мира и мусульманского мира. Коммунизм — это самый дьявольский, самый ужасный заговор против человека, который когда-либо существовал».

22 августа 1921 года Гувера назначили заместителем начальника бюро расследований. Через три года, в двадцать

девять лет, Гувер стал директором бюро расследований. Он оказался неплохим организатором. До него агенты отчитывались в свободной форме — почтой, телеграфом, по телефону или устно начальству. Гувер ввел единую форму, которую следовало заполнить. Гувер стандартизировал все — в том числе действия агентов. Он объяснял и как им надо вести допрос, и как одеваться. Он попробовал взять в бюро женщин-агентов. В 1924 году две женщины прошли курсы и приступили к работе. Через два года обе ушли. Больше он этого эксперимента не повторял. Но по крайней мере, он сделал попытку.

Агенты ФБР не имели права производить арест. В случае серьезных подозрений они должны были обращаться к полицейским, шерифам или федеральным маршалам. Они не имели права носить оружие. Многие подозреваемые успевали бежать, пока агент искал ближайший телефон. 11 октября 1925 года агент Эдвин Шэнахан задержал в Чикаго преступника, занимавшегося угоном автомобилей. Угонщик схватил пистолет, лежавший на сиденье в его машине, и выстрелил в агента. Это был первый убитый сотрудник ФБР с момента создания бюро.

— Мы должны взять убийцу, — распорядился Гувер. — Если мы позволим убийце уйти, на наших людей начнут охотиться. Найдите его!

Агенты ФБР проследили путь преступника через двенадцать штатов и взяли его. Тут выяснилось, что нет статьи, карающей за убийство федеральных агентов. Гувер поклялся, что добьется, чтобы конгресс дал его агентам право производить арест, право носить и применять оружие, и внес в закон положение о том, что убийство сотрудника ФБР — федеральное преступление. У него ушло на это девять лет.

Он заключил неформальное соглашение с полицией. Если сотрудника ФБР задерживали за превышение скорости, появление в общественном месте в пьяном виде, избиение жены, драку и другие уголовные деяния, то сначала ставили в известность его начальство и только потом предъявляли обвинение.

Врачи говорили Гуверу, что излишний вес опасен. Он сел на диету и за три месяца серьезно похудел. Он решил, что подчиненные обязаны следовать его примеру. Всем агентам было приказано похудеть и не превышать директорского веса — вне зависимости от физической комплекции.

Эдгар Гувер искал общества знаменитостей. Однажды он оказался в ресторане, где обедал (и выпивал) известный автор детективов Раймонд Чэндлер. Официант сказал писателю, что директор ФБР и его помощник приглашают его присоединиться к ним. Чэндлер попросил передать Гуверу, чтобы он убирался к

черту. Досье Чэндлера в Федеральном бюро расследований распухло до двухсот пятидесяти страниц.

Наверное, у Гувера были какие-то психические отклонения. С годами у него появился невротический страх перед микробами и ненависть к мухам. Когда муха влетала в его кабинет, директор Федерального бюро расследований вызывал секретаря и требовал уничтожить лазутчика. Так же он относился к коммунистам.

— Коммунизм — это не политическая партия, — утверждал Эдгар Гувер. — Это образ жизни, злой и злобный. Коммунизм — это зараза и распространяется как эпидемия. И так же, как при эпидемиях, необходим карантин, чтобы не заразилась вся нация. Коммунисты были, есть и всегда будут угрозой свободе, демократическим идеалам и американскому образу жизни.

Директор ФБР отсылал президенту Трумэну все новые списки подозреваемых в работе на советскую разведку.

— Соединенные Штаты — цель номер один для советской разведки, — доказывал Гувер. — Перебежчики единодушно утверждают, что семьдесят — восемьдесят процентов советских дипломатов, работающих в нашей стране, — разведчики. Советский шпионаж доказывает мнимость так называемого мирного сосуществования.

3 августа 1948 года на заседании комиссии палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности председательствовал молодой конгрессмен Ричард Никсон. На выборах в ноябре 1946 года республиканцы впервые почти за два десятилетия обрели большинство в обеих палатах конгресса. Среди новых лиц были сенатор Джозеф Маккарти из Висконсина и конгрессмен Ричард Никсон из Калифорнии.

Комиссия Никсона явно старалась дискредитировать либеральное крыло Демократической партии, соратников покойного Франклина Рузвельта.

3 августа показания давал бывший член компартии и бывший редактор журнала «Тайм» Дэвид Уиттэкер Чэмберс. Он рассказал о проникновении коммунистов в аппарат федерального правительства. Никогда еще комиссия не проводила более сенсационного расследования.

Дэвид Чэмберс был хорошо образованным человеком, способным к языкам. В двадцатых годах он присоединился к коммунистам — по разным причинам, в основном желая быть не таким, как все остальные. Ему нравилась конспиративная работа, он получал от нее удовольствие. Сталинский террор подорвал веру Чэмберса в коммунизм. Он другими глазами посмотрел на деятельность недавних товарищей. Так он превратился в ярого антикоммуниста.

Теперь он называл бывших соратников по компартии, занявших важные посты в Вашингтоне, среди них — помощника министра финансов Гарри Декстера Уайта и крупного дипломата Элджера Хисса.

Чэмберс утверждал, что задача Уайта состояла в том, чтобы вербовать в аппарате министерства финансов подходящих людей для подпольной работы в пользу Советского Союза. Имя Гарри Уайта уже всплывало в таком контексте. В 1941 году британский посол в Вашингтоне лорд Эдвард Галифакс сказал президенту Рузвельту:

— В вашей администрации есть высокопоставленный советский агент.

— Кто же это?

— Гарри Декстер Уайт.

— Я знаю Уайта давно, — ответил Рузвельт. — Это невозможно.

И президент, и министр финансов Генри Моргентау высоко ценили Уайта.

23 января 1946 года президент Трумэн объявил, что попросил сенат утвердить кандидатуру Гарри Декстера Уайта на пост первого исполнительного директора Международного валютного фонда. Несмотря на предупреждения Гувера, 1 мая 1946 года Уайт занял этот пост.

А вот дипломата Элджера Хисса совместными усилиями Ричарда Никсона и Эдгара Гувера удалось уничтожить.

Имя Хисса тоже упоминалось в неблагоприятном для него контексте.

2 сентября 1939 года, на следующий день после нападения нацистской Германии на Польшу и через две недели после подписания пакта Молотова — Риббентропа разочарованный коммунист Уиттэкер Чэмберс сказал заместителю государственного секретаря Адольфу Берлю, что братья Хисс — Дональд и Элджер (оба служили в Госдепе) — тайные коммунисты.

Чэмберс хотел встретиться с президентом страны. Но ему устроили беседу только с заместителем госсекретаря, которому Рузвельт поручил курировать спецслужбы. Рассказ Чэмберса не произвел впечатления. Заместитель госсекретаря записал в дневнике, что посетитель, очевидно, страдает неврозами. Возможно, по этой причине он даже не поставил в известность своего друга Эдгара Гувера.

В октябре 1945 года Игорь Гузенко рассказал агентам ФБР, что советский агент занимает должность помощника государственного секретаря в Вашингтоне. Гувер решил, что

имеется в виду Элджер Хисс, хотя он никогда не был помощником госсекретаря.

Хисс отвечал за подготовку международной конференции по валютным вопросам в Думбартон-Оксе, где был учрежден Международный валютный фонд. Участвовал в Ялтинской конференции «Большой тройки», где сидел в одной комнате с Рузвельтом, Черчиллем и Сталиным, и в его присутствии решалась судьба Европы. В Сан-Франциско, где был принят устав Организации Объединенных Наций, Элджер Хисс исполнял обязанности первого генерального секретаря ООН. Гуверу не нравилась ООН, и он был настроен подозрительно в отношении этой международной организации.

С разрешения генерального прокурора ФБР прослушивало домашний телефон Элджера Хисса, вскрывало его почту, следило за ним и его женой Пресциллой. Прослушивание продолжалось двадцать один месяц — с декабря 1945 по сентябрь 1947 года. Но усилия ФБР ничего не дали. Не было никаких свидетельств того, что Хисс занимается шпионажем. Возможно, он не был агентом. Возможно, Москва сократила масштабы разведывательной работы после бегства Гузенко.

Уволить Хисса из Государственного департамента было невозможно, это привело бы к слушаниям в конгрессе, чего Гувер хотел избежать, потому что у ФБР не было никаких доказательств. Добровольно уходить в отставку Хисс отказывался, уверяя всех, что никогда не был коммунистом.

В декабре 1946 года он все же покинул дипломатическую службу и возглавил фонд Карнеги, одну из самых влиятельных частных организаций в сфере внешней политики. Председателем правления фонда был Джон Фостер Даллес, будущий государственный секретарь США, и брат Аллена Даллеса, будущего директора ЦРУ.

Самоуверенный Элджер Хисс сам изъявил желание дать показания под присягой.

17 августа 1948 года комитет по антиамериканской деятельности устроил очную ставку между Чэмберсом и Хиссом, который опроверг все обвинения. Он бы ушел с триумфом, если бы не конгрессмен Никсон. Для него это был шанс проявить себя на федеральном уровне. Он поймал Хисса на слове — тот утверждал, что вообще не знает Чэмберса. А тот все знал о Хиссе.

Элджер Хисс стал отступать. Он признал, что знал Чэмберса, но под другим именем. Тот называл себя Джорджем Гросли, играл в шпионские игры. На заседаниях комиссии разыгрывались целые представления, когда Хисс просил Чэмберса пошире открыть рот, поскольку он протезировал зубы и поэтому Хисс не

может его узнать…

До этого момента Уиттэкер Чэмберс всего лишь называл Хисса тайным коммунистом, но не упоминал, что тот занимался шпионажем в пользу иностранного государства и передавал агентам секретные документы. Но 17 ноября, когда от него потребовали доказательств, он их представил — самым драматическим образом.

Чэмберс ночью отвел конгрессменов в огород, где росли тыквы. Снял с одной из них верхушку и передал следователям материалы, полученные от Хисса десять лет назад.

По его словам, Хисс привозил документы вечером. Чэмберс вез их переснимать коммунисту-фотографу, в других случаях они оказывались перепечатаны женой Хисса. Утром Чэмберс отдавал оригиналы Хиссу, и тот возвращал документы на место. А Чэмберс отправлялся в Нью-Йорк и отдавал пленки и машинописные копии советскому разведчику.

Чэмберс сохранил последний набор документов, которые должен был передать своему связному, но не отдал. В пакете лежали машинописные копии секретных документов Госдепартамента, три памятные записки, написанные рукой Хисса, два ролика проявленной микропленки и три катушки непроявленной… Десять лет, с 1938 года, Чэмберс держал этот пакет у племянника своей жены в Бруклине в заброшенном лифте для подачи пищи из кухни в столовую. Потом Чэмберс забрал пропылившийся пакет домой. Он рассказывал, что боялся нападения, поэтому притащил домой тыкву, выдолбил содержимое, положил туда документы и отнес на огород.

Ричарда Никсона, который в этот момент совершал морской круиз, по приказу министра обороны Форрестола сняли в Майами с судна и самолетом-амфибией береговой охраны перебросили на берег, чтобы он продолжил громкое расследование. Его едва не постигло разочарование, когда компания «Кодак» сообщила, что найденные пленки изготовлены не до, а после войны. Версия Чэмберса рухнула. Никсон был в отчаянии: его обвел вокруг пальца ловкий маньяк. Никсон готов был сдаться и уже пригласил журналистов для последней пресс-конференции. Но тут из компании «Кодак» перезвонили и сказали, что ошиблись: такую пленку действительно выпускали в 1938 году, но на время войны прекратили производство.

15 февраля 1949 года Чэмберс передал агенту ФБР полное письменное признание. Он был не только коммунистом, но и гомосексуалистом, но отказался от своей ориентации так же, как и от партийной принадлежности. Он уверял, что не имел сексуальных отношений ни с Хиссом, ни с кем-либо другим из

числа членов партии. Чэмберс работал на советскую военную разведку с начала тридцатых годов. Когда Хисс неожиданно с ним порвал, Чэмберс обиделся. К тому же ему пришлось уйти из «Тайм», где с ним не хотели иметь дело. Он потерял и положение, и деньги.

Брат Элджера — Дональд Хисс — был одно время помощником Дина Ачесона. Государственный секретарь симпатизировал обоим братьям. Ачесон заявил журналистам:

— Я хочу сказать совершенно открыто: каким бы ни был результат процесса, я никогда не отвернусь от Элджера Хисса.

Ачесон был джентльменом. Другие — нет. Джозеф Маккарти прервал заседание сената, чтобы обратить внимание сенаторов на «совершенно фантастическое заявление» государственного секретаря. Означает ли это, вопрошал Маккарти, что Ачесон «не отвернется и от всех остальных коммунистов в Государственном департаменте»?

Элджера Хисса отдали под суд. Его обвинили не в шпионаже, для этого не было доказательств, а в лжесвидетельстве, потому что он под присягой опроверг все, сказанное Чэмберсом. Его судили дважды. В первый раз мнения присяжных разошлись: четверо сочли Хисса невиновным, шестеро — виновным.

Назначили новый суд. На процессе дали показания двое выявленных советских агентов. На присяжных произвело впечатление точное знание Чэмберсом деталей личной жизни Хисса, того, как выглядит его квартира. Присяжные не знали, что ФБР два года прослушивало все разговоры Хисса и изучало его жизнь до мелочей. Агенты ФБР знали о нем то, что он сам уже подзабыл. Так что Чэмберс был хорошо инструктирован.

В январе 1950 года Хисса приговорили к пяти годам тюремного заключения. Он отсидел три года и восемь месяцев. Его освободили досрочно за хорошее поведение. Но главный вопрос остался: был он советским шпионом или нет?

Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности подвергалась жесткой критике за преследование прогрессивных элементов. Американцы считали, что коммунисты — горстка крикливых, но сравнительно безобидных левых. До 1948 года комиссии не удалось добиться, чтобы был признан виновным хотя бы один из тех, против кого были выдвинуты обвинения. Все изменило дело Элджера Хисса. Суд над Хиссом стал триумфом молодого политика Ричарда Никсона. Он прославился на всю страну и начал восхождение к Белому дому. Через два года он победил на выборах в сенат, еще через два года генерал Дуайт Эйзенхауэр предложил ему пост вице-президента. В 1968 году Никсон станет президентом Соединенных Штатов.

В 1992 году известный военный историк генерал-полковник Дмитрий Антонович Волкогонов, в ту пору близкий к президенту Ельцину, сообщил, что изучил документы бывшего первого главного управления КГБ и не нашел никаких свидетельств работы Элджера Хисса на советскую разведку. Хисс был еще жив и обрадовался этой новости.

Некоторые историки уверены, что братья Хисс — Дональд и Элджер — с середины тридцатых работали на военную разведку, документы которой генерал Волкогонов не видел. Архивы главного разведуправления закрыты, так что узнать, какие отношения в реальности связывали Элджера Хисса с советской разведкой, не представляется возможным.

Элджера Хисса осудили, но американское общество обсуждало вопрос: сколько еще советских шпионов и скрытых коммунистов проникло в аппарат правительства? Заявления о коммунистическом проникновении звучали все тревожнее, говорили, что коммунисты вот-вот захватят Америку. Республиканская партия рассматривала антикоммунизм как самое надежное орудие в борьбе против демократов.

Каждый год в начале февраля по давней традиции республиканцы — члены конгресса разъезжаются по стране. Они выступают перед различными аудиториями по случаю дня рождения Авраама Линкольна. 9 февраля 1950 года младший сенатор от Вирджинии Джозеф Маккарти приехал в городок Вилинг.

Ему предстояло выступить перед женщинами-активистками Республиканской партии. Они ожидали разговора о сельском хозяйстве. Маккарти заговорил о скрытых коммунистах в Государственном департаменте Соединенных Штатов:

— У меня не хватит времени назвать имена всех сотрудников Государственного департамента, которые являются членами коммунистической партии и входят в шпионскую сеть. Но у меня в руке список — в нем двести пять имен людей, которые известны государственному секретарю и которые тем не менее продолжают работать и определять политику нашей страны!

Когда Маккарти добрался до следующей точки, где он должен был произнести речь, в Солт-Лейк-Сити, список сократился до пятидесяти семи, но это уже не имело значения. Его слова, разнесенные по всей стране журналистами, уже стали сенсацией.

Проблема Маккарти — помимо неспособности сосчитать точное количество агентов — состояла в том, что не существовало ни списка, ни имен. Он ничего не знал о коммунистах и коммунизме. Но помощь пришла от директора ФБР Эдгара

Гувера, хотя его помощники понимали, что в Государственном департаменте не было не только пятидесяти, но и одного коммуниста. По указанию Гувера агенты перерывали досье дипломатов, чтобы подобрать для Маккарти хоть что-нибудь.

Можно даже сказать, что маккартизм как явление от начала до конца — создание одного человека — директора Федерального бюро расследований Эдгара Гувера. Без него Маккарти бы не вошел в историю.

Когда спрашивали Гувера, какого он мнения о сенаторе, директор отвечал:

— Маккарти — бывший морской пехотинец. Он боксер-любитель. Он ирландец. Все вместе это создает энергичную личность, которой никто не может командовать.

Джозеф Маккарти был пятым ребенком в семье. Подростком он выращивал кур и продавал яйца владельцам местных магазинов. Но суровой зимой двадцать восьмого года его куры сдохли. Он нашел работу продавца в магазине. В двадцать лет спохватился, что остался без образования, и доучился в школе, потом поступил в иезуитский университет в Милуоки. Получил диплом инженера, потом юриста.

В тридцать девятом году он стал окружным судьей, победив на выборах. Когда Соединенные Штаты вступили в войну, Маккарти завербовался в морскую пехоту, чтобы воевать с японцами, хотя, как судья, был освобожден от призыва.

В сорок шестом, когда ему было тридцать восемь лет, он стал самым молодым сенатором в истории Соединенных Штатов. Он занимался боксом. Играл в покер. Учил русский язык. Он ненавидел элиту, прежде всего дипломатов. Возможно, в том, что он атаковал Государственный департамент, было что-то личное. Зависть.

— Эти люди, — злобно говорил Маккарти, — которые получили лучшее, что может предложить самая богатая страна на земле, — дома, образование, прекрасную работу в правительстве, — эти молодые люди из Государственного департамента, появившиеся на свет с серебряной ложкой во рту, оказались худшими американцами.

Людям знающим было известно, что Маккарти — игрок и пьяница, что его военные подвиги преувеличены, раны — случайны, а не получены в бою, что когда он был судьей в Висконсине, то выносил приговоры в обмен на наличные. Говорили, что его помощники — гомосексуалисты и что сам сенатор — поклонник однополой любви. Впрочем, одновременно рассказывали о том, что, выпив, он начинал приставать к молоденьким девушкам. Причем речь шла о девушках

совершенно юных, что грозило ему уголовным преследованием. Чтобы покончить со слухами, сенатор 23 сентября 1953 года женился на своей секретарше.

Перед войной конгресс принял законы, запрещающие принимать на федеральную службу людей, которые призывают к свержению конституционной системы управления. Во время войны отношение к коммунистам смягчилось, коммунисты воспринимались как союзники в общей борьбе против нацистов. В конце 1942 года президент Рузвельт приказал выпустить из тюрьмы лидера компартии Эрла Браудера. Военные и спецслужбы выступили за то, чтобы военнослужащие-коммунисты на общих основаниях получали повышение по службе, имели доступ к секретной информации.

После войны коммунисты воспринимались как агенты Советского Союза. На американцев гнетущее впечатление произвела победа китайских коммунистов. Потеря Китая казалась поражением глобального масштаба, свидетельством серьезности красной опасности. Страх витал в столице Соединенных Штатов — перед коммунизмом и маккартизмом одновременно.

23 сентября 1950 года конгресс принял направленный против коммунистов закон Маккарэна — «о внутренней безопасности». Закон предусматривал наказание в десять тысяч долларов штрафа и тюремное заключение до десяти лет за участие в заговоре с целью установить в Америке диктатуру иностранного государства. В представленном сенатором от штата Невада Патриком Маккарэном (он возглавлял юридический комитет сената) законе говорилось: «Мировой коммунизм ставит своей целью установление в Соединенных Штатах тоталитарной диктатуры, он действует с помощью предательства, саботажа и террора».

Джозеф Маккарти был скандалистом и сварливым, мрачным, безответственным демагогом. Политическая судьба сенатора казалась неважнецкой, пока во время ужина в ресторане католический священник отец Эдмунд Уолш не присоветовал ему выступить против коммунистического проникновения в государственный аппарат. Через месяц Маккарти произнес свою первую речь.

Самую громкую речь сенатор Джозеф Маккарти произнес 14 июня 1951 года; она была направлена против государственного секретаря Джорджа Маршалла.

Маккарти поставил в вину генералу Маршаллу и то, что войска союзников весной сорок пятого почему-то замедлили наступление, поэтому Красная армия заняла Берлин и Прагу, а половина Европы оказалась под советским контролем. А тайная

сделка в Ялте, уверял сенатор, дала Сталину право захватить Маньчжурию, которая послужила базой для коммунистов, взявших власть в Китае… И Маршалл не сумел их остановить.

Демократы в сенате потребовали провести расследование обвинений, выдвинутых Маккарти. Поручили это специальному подкомитету комитета по иностранным делам. Предполагалось, что на слушаниях выяснится полная абсурдность обвинений Маккарти, у которого не было ни доказательств, ни свидетельств. Но получилось иначе. Он оказался в центре внимания всей страны.

— Вы меня не проведете, — твердил Маккарти. — Вы здесь не выясняете имена тех, кто вредит безопасности страны. Вы пытаетесь узнать имена моих информаторов, чтобы выкинуть их из Государственного департамента.

Маккарти не назвал ни одного имени, зато постоянно повышал градус обвинений.

Президент Трумэн провел совещание в Белом доме, спросил: что можно сделать с Маккарти? Ему сказали, что на сенатора есть досье, особенно опасно для него раскрытие имен тех, с кем он состоит в интимных отношениях. Если передать эти данные прессе, последствия для Маккарти будут плачевными. Трумэн стукнул кулаком по столу, сказав, что он такими делами не занимается.

— Средний американец мало что может сделать для разоблачения коммунистов, — разглагольствовал Маккарти. — Это наша задача. Но американцы могут позаботиться о том, чтобы коммунисты не учили их детей. Но когда пытаешься выбросить коммунистов из колледжей и университетов, раздаются крики о нарушении академических свобод. Нет свободы там, где коммунисты! В Соединенных Штатах существует нелегальная сеть учителей и профессоров, которые получают приказы из Москвы. Это организация, которая хочет разрушить нашу страну и развратить нашу молодежь.

Сегодня уже известно, что в Соединенных Штатах действовала большая агентурная сеть советской разведки. Многие агенты были коммунистами. Но к тому времени, когда Маккарти объявил свой крестовый поход, влияние компартии сошло на нет. Видя, что происходит в Советском Союзе, люди расставались с коммунистическими идеалами.

Сенатор Маккарти спровоцировал в стране вакханалию доносительства. Вслед за ним многие обличали «сомнительных» сограждан, устраивая собственные карьеры. В университете Калифорнии уволили сто пятьдесят семь человек, которые отказались подписать клятву, что они не коммунисты.

Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности вызывала на допрос видных деятелей Голливуда. От них требовали признания в принадлежности к компартии и в том, что они в своих фильмах пропагандировали коммунизм. В черные списки попали сотни режиссеров, сценаристов, актеров. От греха подальше многие люди, вовсе не интересовавшиеся политикой, спешили публично доказать свою лояльность.

— Лично я считаю, что компартию надо запретить, — говорил популярный актер Роберт Тейлор. — Я не очень разбираюсь в политике, но я бы всех коммунистов выслал в Россию или какое-нибудь другое столь же малоприятное место!

Американский ученый доктор Джозеф Корт, который преподавал психологию в Бирмингемском университете, не получил права продолжить свою работу в Англии на том основании, что его возвращения требуют США, чтобы прояснить вопрос о его принадлежности к компартии. Несколько депутатов-лейбористов предложили предоставить Корту политическое убежище в Англии. Но министр внутренних дел Дэвид Максвел-Файф отказал: это означало бы признать, что в Соединенных Штатах проводятся политические репрессии.

Комиссия палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности вовсе не была всевластной. Трумэн возражал против процесса над Хиссом, утверждал, что конгресс играет в шпионские игры вместо того, чтобы заниматься важной законотворческой деятельностью.

— Я думаю, что сенатор Маккарти — главное достояние Кремля, — презрительно говорил Гарри Трумэн. — Нет ни одной сферы американской жизни, где бы коммунисты продвинулись вперед, — кроме голов некоторых людей…

Трумэн принципиально отказался предоставить комиссии сената личные дела государственных служащих. Сенаторы приходили в Белый дом, если хотели познакомиться с результатами проверки, проведенной сотрудниками ФБР. Трумэн пытался их успокоить: Маккарти скоро провалится. Он же лжец. Это станет очевидным, и его вытурят из сената. Но атмосфера была неблагоприятной. Ему самому пришлось реагировать на эти настроения. 21 марта 1947 года Трумэн подписал указ № 9835, который вводил программу проверки федеральных служащих на лояльность государству. Уличенных в нелояльности решено было безжалостно увольнять.

И все же борьба с коммунистами помогла Джозефу Маккарти в 1952 году переизбраться в сенат. Он возглавил влиятельный комитет по контролю над деятельностью правительственных учреждений. Работать с Маккарти было престижно. Свои услуги

сенатору предложил молодой Роберт Кеннеди, будущий министр юстиции. Но Маккарти объяснил, что уже обещал работу главного юридического советника Рою Кону из прокуратуры Нью-Йорка, который помог вынести обвинительный приговор супругам Розенберг. Кону было всего двадцать пять лет, но он уже считался ветераном охоты на коммунистов. Он в двадцать лет закончил юридический факультет Колумбийского университета и был помощником прокурора одного из округов Нью-Йорка.

Роберт Кеннеди переживал по поводу отказа Маккарти, но был вынужден согласиться на должность помощника. Кеннеди попросил сенатора хотя бы стать крестным отцом его первого ребенка.

Маккарти пытался нанести удар по ЦРУ, считая, что в разведке засели люди левых убеждений. Генеральный инспектор ЦРУ Лиман Киркпатрик следил за тем, чтобы никто из сотрудников ЦРУ не сотрудничал с Маккарти и чтобы люди сенатора не проникали в разведку. Директор ЦРУ Аллен Даллес с юмором отвечал на все обвинения сенатора:

— Расскажите об этом ФБР, пусть они займутся расследованием.

Убедившись в том, что эту стену ему не прошибить, Маккарти избрал себе другие объекты для атаки, следуя совету сенатора Роберта Тафта: если одно дело не работает, возьмите другое.

Президент Эйзенхауэр назначил послом в СССР Чарлза Болена. Кандидатуры послов рассматриваются сенатом. Маккарти перед слушаниями обратился к Гуверу. Тот признал, что его агенты выясняли, не гомосексуалист ли Болен, но не получили точной информации. Маккарти все равно атаковал Болена, но доказательств у него не было.

Карьера Джозефа Маккарти закатилась, когда он устроил маленькую войну с вооруженными силами.

К Маккарти обратился офицер-разведчик и рассказал, что его начальство не желает выявлять скрытых коммунистов на секретных военных объектах. Маккарти устроил расследование. Особенно его интересовало разведывательное управление войск связи, которое, как он считал, стало объектом проникновения красных. Как будто бы на одной из баз в Нью-Джерси служили тридцать четыре человека, в отношении которых ФБР вело расследование.

Тут был еще и личный мотив. В аппарате Маккарти работал еще один молодой человек — Дэвид Шайн, выпускник Гарварда. Он подружился с Роем Коном и состоял в комитете консультантом. Летом 1953 года Шайна, которому уже исполнилось двадцать шесть лет, вдруг призвали в армию, хотя у

него были проблемы с позвоночником. Возможно, решили таким образом надавить на Маккарти. Рой Кон считал, что при образовании и возрасте Шайна его должны произвести в офицеры. Но армейское начальство не только отказалось пойти сенатору навстречу, но и официально пожаловалось на Маккарти.

В апреле 1954 года в сенате начались слушания, которые каждый день показывались по телевидению. На сей раз Маккарти столкнулся с сильным противником. Ему противостояли не актеры и не дипломаты. Юридический советник командования сухопутных сил известный адвокат Джозеф Уэлш умело атаковал Роя Кона, главного помощника Маккарти:

— Скольких коммунистов вы выявили на военных заводах? Назовите точную цифру!

— Около ста тридцати.

— На скольких заводах?

— На шестнадцати.

— Так почему же вы не сообщите их имена и названия заводов в ФБР, чтобы они начали проверку?

Тут, чтобы спасти своего помощника, вмешался сенатор Маккарти:

— Вы требуете имен? Ну что же, я назову имя. Ваш сотрудник по фамилии Фишер тайно принадлежит к организации, являющейся юридической ветвью коммунистической партии, и атакует всех, кто пытается разоблачать коммунистов. Надеюсь, что вы не знали об этом и не сознательно помогаете коммунистическому делу, высмеивая нашу работу.

Джозеф Уэлш обратился к Маккарти:

— Послушайте меня, сенатор!

— Я могу слышать одним ухом, — ответил Маккарти.

— Слушайте в оба уха, — посоветовал ему Уэлш. — Вы невероятно жестокий человек. Фред Фишер, блестящий юрист, ничего не скрывал и не сделал ничего дурного. Но вы сейчас нанесли ему тяжелую рану. Шрам останется. Видит бог, это не поможет ни вам, ни вашему делу.

В качестве главного доказательства своей правоты Маккарти предъявил копию секретного письма директора ФБР Эдгара Гувера руководству армейской разведки. В нем говорилось, что на одном из объектов разведуправления войск связи служат тридцать четыре человека, в отношении которых ведется расследование.

Сенатора Маккарти попросили объяснить, как к нему попало это письмо.

— Если я добился каких-то успехов в разоблачении коммунистического проникновения, — высокомерно ответил

Маккарти, — а я смею считать, что это так, то благодаря тому, что многие люди, работающие в правительстве, предоставляли мне информацию. Ни при каких обстоятельствах я их не предам и не назову их имена. Могу только подтвердить, что получил это письмо от офицера разведки.

Но министерство юстиции заявило, что Гувер не писал этого письма. Директор Федерального бюро расследований отрекся от Маккарти, потому что против сенатора был настроен президент Эйзенхауэр, находившийся в расцвете своей популярности. Без тайной поддержки ФБР Маккарти нечего было выложить на стол. И стало ясно, что сенатор — просто демагог, которому ничего не стоит обвинить невинных людей в любых преступлениях.

Сенатор Стюарт Саймингтон, который прежде был министром военно-воздушных сил, не выдержал и сказал Маккарти:

— Вам лучше обратиться к психиатру. Американский народ наблюдает вас на экранах телевизоров полтора месяца, и вы уже никого не обманете.

Слушания закончились полным поражением Джозефа Маккарти.

2 декабря 1954 года сенат осудил Маккарти. Это был всего лишь четвертый раз, когда коллеги применяли санкции против коллеги. Его карьера была сломана. Если он брал слово, сенаторы демонстративно выходили из зала. Журналисты его игнорировали. Ему было всего сорок восемь лет, когда 2 мая 1957 года он умер в больнице вследствие целого ряда заболеваний, связанных то ли с алкоголизмом, то ли с психическими нарушениями, то ли и с тем и с другим одновременно. Официальный диагноз — острый гепатит. Цирроз печени и белая горячка не упоминались, хотя журналисты не сомневались, что он спился…

Лицо Дуайта Эйзенхауэра с его широкой улыбкой, с облегчением отмечали газеты, вытеснило угрюмую физиономию сенатора Маккарти.

— Почему народ одной страны, — говорил 8 ноября 1954 года президент Эйзенхауэр на заседании Национального совета женщин — католичек, — должен постоянно ненавидеть народ другой страны? Мы нуждаемся в религиозной добродетели — сострадании, способности понимать чувства других.

Тайные процессы и открытые чистки

Поразительно, что больше всего маккартизмом возмущались в Советском Союзе, где в те годы развернулись массовые репрессии и проходили тотальные идеологические кампании. В Соединенных Штатах на скамью подсудимых сажали людей, так или иначе связанных с иностранной разведкой. За железным занавесом сажали и расстреливали совершенно невинных людей. В конце сороковых аресты по обвинению в работе на американскую и британскую разведки приобрели повальный характер.

Поездки за границу (выпускали буквально единицы) и контакты с иностранцами на родине (на приемы или просмотр иностранных фильмов в посольства разрешали ходить только высокопоставленным представителям элиты) оказывались достаточными для фабрикации дела. Советские переводчики и секретари иностранных миссий угодили за решетку первыми. Чекисты отличались умением сооружать огромные дела, включая в список мнимой шпионской группы как можно больше людей, чтобы произвести впечатление на начальство. В агенты записывались и те, кому в принципе нечего было рассказать иностранным разведчикам.

Понятие «холодная война» с течением времени утратило свой пугающий смысл. Но ведь это было время, когда обе стороны психологически уже вступили в войну горячую. И сталинское руководство настраивало людей на подготовку к большой войне. В Москве обозначили внешнего врага и связали его с врагом внутренним. Считали, что подготовку к большой войне следует начать с уничтожения внутреннего врага. Это сплотит народ.

Власть вождя распространялась уже не только на Советский Союз, но и на новые социалистические страны. И там началось наведение идеологического порядка. Поводом стала ссора Сталина с руководителем социалистической Югославии Иосипом Броз Тито. Югославский руководитель не только проявил своеволие, но и не изъявил желания каяться и просить прощения.

Тито храбро сражался во время Второй мировой и стал хозяином Югославии по праву победителя. Он был единственным коммунистическим руководителем в Восточной Европе, который получил власть не из рук Сталина.

Все остальные прекрасно понимали, кому они обязаны своим положением.

— Народная демократия, — говорил в 1949 году польский президент Болеслав Берут, — не результат вооруженного

восстания. Она не родилась как власть Советов в октябре семнадцатого в России, а является плодом победы Советского Союза над немецким фашизмом.

Уверенный в себе Иосип Броз Тито, щеголявший в военном мундире, бросил Сталину вызов.

— Советская система, — говорил Эдвард Кардель, второй человек в компартии Югославии, — не исходит из основного социалистического принципа освобождения труда, раскрепощения творческой энергии и воли человека. Наоборот, в Советском Союзе каждого человека и каждый рабочий коллектив превращают в слепых исполнителей. Эта система, как и любая монополистическая система, вызывает застой и загнивание. Такая ситуация требует системы власти, которая зиждется на деспотизме, недоверии и страхе.

Советский вождь попытался подчинить себе Тито или сбросить его. Так возник еще один фронт холодной войны. В 1947 году создали Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформ) — для противостояния плану Маршалла и другой международной пропагандистской работы.

На заседании Коминформа в ноябре 1949 года приняли резолюцию «Югославская компартия во власти шпионов и убийц». Тито пользовался особым авторитетом, поэтому расправа над ним должна была стать показательной, послужить уроком для менее влиятельных фигур. Симпатии к нему сохранились, например, в Болгарии.

«Сталин готовил чуть ли не нападение на Югославию, — рассказывал Хрущев. — Помню, однажды мне доложил министр госбезопасности Украины, что производится секретная отправка большого количества людей на Балканы из Одессы. Их отправляли каким-то кораблем, наверное в Болгарию. Люди, которые были причастны к организации их отправки, докладывали мне, что образованы воинские соединения, и хотя те уезжают в гражданских костюмах, но в чемоданах у них лежат военная форма и оружие.

Мне сообщили, что готовится удар по Югославии. Почему он не состоялся, не могу сказать. Более того, от самого-то Сталина я вообще не слышал об этом, а докладывали мне исполнители его воли, которые занимались организацией отправки и посадкой тех людей на корабли».

Но у Сталина ничего не получилось. Тито пользовался широкой поддержкой внутри страны. Его стали приглашать на Запад и предоставили ему экономическую помощь. Министр госбезопасности Семен Денисович Игнатьев приказал разработать план устранения Тито. Предлагалось поручить это советскому

нелегалу Иосифу Ромуальдовичу Григулевичу, который настолько надежно обосновался в Латинской Америке, что Коста-Рика отправила его послом в Италию и по совместительству в Югославию. Он должен был либо застрелить Тито, либо заразить его легочной чумой. Но план был отвергнут. Это спасло жизнь самому Иосифу Григулевичу. Он вернулся в Москву, написал несколько книг и стал членом-корреспондентом Академии наук. А руководителя Югославии именовали не иначе как «кровавая собака Тито».

«Мальчиком, в сорок восьмом, когда родители купили радиоприемник «Урал», — вспоминал известный литературный критик Игорь Дедков, — я подолгу крутил ручку настройки и на тетрадочном листке в клеточку отмечал, на какой волне, в какой точке работает та или иная радиостанция…

Тито и Ранковича уже рисовали в газетах с топорами в руках; с топоров капала кровь; рукава палачей югославского народа были засучены, как у мясников. Меня поражало и странно волновало несоответствие: они — враги, а белградская передача на русском языке начиналась звуками «Интернационала», и мужественный мужской голос произносил: «Говорит Белград, говорит Белград. Смерть фашизму, свобода народу».

В руководстве восточноевропейских компартий, как правило, враждовали две группировки — сторонники национального пути, которые во время войны были в подполье или сидели в тюрьме, и промосковские вожди, те, кто провел войну в Советском Союзе. Обе группировки искали поддержки у Сталина. В принципе он был склонен поддерживать тех, кого знал по Москве.

Создание Коминформа должно было помочь унифицировать пути к социализму. И тогда же у Сталина и его подручных возникла идея массовой чистки в восточноевропейских компартиях — от сторонников собственного, национального пути к социализму. Им предъявляли стандартные обвинения — «национализм, недооценка роли Советского Союза, связь с Тито».

Директор ЦРУ Аллен Даллес впоследствии утверждал, что его «самый большой успех» — это провоцирование чисток в Восточной Европе. Даллес действительно занимался послевоенными тайными операциями в Европе, с 1947 года помогал бороться с коммунистическим влиянием в Италии. В 1949 году он был консультантом разведки по тайным операциям, в 1951 году уже занял пост заместителя директора ЦРУ. Но нет никаких фактов, подтверждающих, что Даллес оказал какое-то влияние на эти чистки.

Конечно, западные разведки рады были бы доставить неприятности Советскому Союзу. Дипломаты и разведчики

отмечали, что советские функционеры легко поддаются на дезинформацию: «Никто никому не доверяет, все озабочены личным выживанием и цинично относятся к коллегам, поэтому страшно подозрительны и ловятся на любую информацию».

Разведчики строили планы операций, которые связывали бы видных коммунистов с оппозиционными движениями, это «провоцировало бы чистки и репрессии, что ведет к полному разрушению советской системы». Но в таких делах помощь советским чекистам не понадобилась. Сталин и так страдал паранойей, поэтому даже сравнительно небольшие усилия западных разведок в его глазах вырастали до невероятных размеров.

Чекисты знали почти обо всех акциях иностранных спецслужб, но в Кремле исходили из того, что это лишь малая часть подрывных операций Запада, верхушка айсберга. Это привело Сталина в последние годы жизни к проведению еще более жесткой линии внутри Советского Союза и всего социалистического лагеря, где даже верных коммунистов воспринимали как агентов Запада.

Первые процессы начались в Албании 12 мая 1949 года. Осенью 1949 года в Венгрии арестовали члена политбюро и министра внутренних дел Ласло Райка, популярного в стране антифашиста-подпольщика. В Болгарии как сторонника Тито повесили члена политбюро и секретаря ЦК Трайчо Костова. Вместе с ним осудили еще десять человек, а вообще репрессии распространились в Болгарии на тысячу человек.

В Чехословакии в ноябре 1952 года начался судебный процесс по делу генерального секретаря ЦК компартии Чехословакии Рудольфа Сланского. В годы войны он руководил Чехословацким штабом партизанского движения, в сорок четвертом был одним из тех, кто поднял восстание в Словакии.

В обвинительном заключении записали: «Антигосударственный центр Сланского, равно как и титовцы в Югославии, придумал так называемую теорию чехословацкого особого пути к социализму. Под прикрытием этой теории, что, собственно, означало восстановление капитализма, центр осуществлял подготовку к восстановлению старых отношений в Чехословакии по примеру Тито и под руководством английских и американских империалистов».

Из четырнадцати подсудимых одиннадцать были евреями. Процесс носил еще и откровенно антисемитский характер. Одиннадцать подсудимых были приговорены к смертной казни, трое — к пожизненному тюремному заключению. Трупы казненных сожгли. Советники — офицеры из советского

Министерства госбезопасности — собрали пепел в мешок из-под картофеля, выехали из Праги и высыпали его прямо на дорогу.

Арестованные в Америке в конце сороковых — начале пятидесятых агенты советской разведки были большей частью евреями. Их судили за работу на Советский Союз именно в те годы, когда в Москве разгорелась злобная антисемитская кампания и евреев обвиняли в работе на американскую разведку. Появилась сплоченная когорта профессиональных разоблачителей, как правило бездарных людей, надеявшихся сделать карьеру за счет уничтожения коллег. В группу «безродных космополитов» включались и русские люди — не только чтобы замаскировать антисемитский характер кампании, но и чтобы под шумок разделаться с конкурентами.

В результате едва не сорвалось создание атомной бомбы — по той же причине, по какой нацистская Германия лишилась ядерного оружия. Это были худшие времена для советской науки. Кибернетика была запрещена как буржуазная наука. Биологическая наука была уничтожена. На очереди стояла физика.

В 1948 году министр высшего образования Сергей Васильевич Кафтанов докладывал маршалу Ворошилову, который был тогда заместителем председателя Совета министров по науке и культуре: «Враждебные марксизму-ленинизму течения проникают в высшие учебные заведения через физику. В учебниках совершенно недостаточно показана роль русских и советских ученых в развитии физики; книги пестрят именами иностранных ученых…»

Произошло разделение физиков на тех, кто понимал современную науку и мог работать в атомном проекте, и на тех, кого не взяли в проект по причине профессиональной непригодности. Посредственные физики отрицали квантовую теорию, теорию относительности как чуждые советской науке, жаловались идеологическому начальству. Особенно их раздражало обилие еврейских фамилий среди создателей ядерного оружия.

Руководитель отдела науки ЦК Юрий Андреевич Жданов, сын члена политбюро и зять Сталина, докладывал своему начальству: «Среди теоретиков физиков и физико-химиков сложилась монопольная группа: Ландау, Леонтович, Фрумкин, Френкель, Гинзбург, Лифшиц, Гринберг, Франк, Компанеец и другие. Все теоретические отделы физических и физико-химических институтов укомплектованы сторонниками этой группы, представителями еврейской национальности. Например, в школу академика Ландау входят одиннадцать докторов наук; все они

евреи и беспартийные… Лаборатории, в которых ведутся работы по специальной тематике, возглавляются на восемьдесят процентов евреями».

Перечисленные младшим Ждановым ученые принесли советской науке мировую славу и сыграли важную роль в создании ракетно-ядерного оружия. Однако руководитель отдела науки ЦК не только не испытывал благодарности к людям, столь много сделавшим для родины, но и требовал проведения настоящих чисток по расовому признаку, какие за несколько лет до этого проходили в нацистской Германии.

Началась подготовка к Всесоюзной конференции физиков, которая должна была ознаменоваться такой же большой чисткой, которую «народный академик» Трофим Денисович Лысенко устроил в биологической науке. Уже заседал оргкомитет, выявлявший «недостатки» физической науки. В ситуации борьбы с космополитизмом это открывало широкие возможности для избавления от научных оппонентов.

В отличие от завистливых, но малограмотных идеологов руководитель атомного проекта профессор Игорь Васильевич Курчатов понимал и значение теории относительности, и роль физиков-теоретиков. Он обратился за помощью к члену политбюро и заместителю главы правительства Берии. Лаврентий Павлович поинтересовался у Курчатова, правда ли, что квантовая механика и теория относительности являются идеалистическими. Курчатов ответил просто:

— Если их запретят, то и атомной бомбы не будет.

Берия пожаловался Сталину. Секретариат ЦК принял постановление: «Во изменение постановления ЦК ВКП(б) от 31 января 1949 года отложить созыв Всесоюзного совещания заведующих кафедрами физики высших учебных заведений и научных работников Отделения физико-математических наук Академии наук СССР ввиду неподготовленности этого совещания».

В чем был смысл идеологических кампаний, которые очевидно наносили ущерб государству? Зачем устраивать истерику в масштабе всей страны?

Писатель Константин Михайлович Симонов вспоминал, как в мае 1947 года руководителей Союза писателей принимал Сталин. Обсуждали текущие дела. И вождь вдруг сменил тему:

— Если взять нашу среднюю интеллигенцию, научную интеллигенцию, профессоров, врачей, у них недостаточно воспитано чувство советского патриотизма. У них неоправданное преклонение перед заграничной культурой. Простой крестьянин не пойдет из-за пустяков кланяться, не станет ломать шапку, а вот

у таких людей не хватает достоинства, патриотизма, понимания той роли, которую играет Россия. У военных тоже было такое преклонение. Сейчас стало меньше…

В аппарате ЦК составили «План мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма». В нем говорилось:

«Во всей политической работе необходимо настойчиво подчеркивать, что сейчас нет другого народа, который имел бы такие великие заслуги перед человечеством, какие имеет советский народ…

Нужно вскрывать духовное обнищание людей буржуазного мира, их идейную опустошенность… Нужно показывать растление нравов в капиталистическом обществе, моральную деградацию людей буржуазного мира. Необходимо в то же время подчеркивать моральное превосходство и духовную красоту советского человека, работающего на пользу всего общества.

В основу работы по воспитанию советского патриотизма должно быть положено указание товарища Сталина, что даже «последний советский гражданин, свободный от цепей капитализма, стоит на голову выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства».

Константину Симонову казалось, что в словах Сталина есть резон, что воспитание советского патриотизма полезно для страны. В реальности это служило усилению холодной войны и разжиганию враждебности к Западу. Более проницательные люди это поняли.

Известный историк, профессор Московского университета Сергей Сергеевич Дмитриев в марте 1949 года описал в дневнике заседание ученого совета исторического факультета: обсуждали меры по очищению факультета от космополитов. Говорили о троцкизме, о вражеской, подпольной работе группы историков…

Профессор Дмитриев изумленно спросил соседа-коллегу:

— Что лежит в основе всего этого дела?

— Война, — ответил тот. — Готовить нужно народ к новой войне. Она близится.

Блицкриг с восточным колоритом

Летом 1950 года советские люди с утра выстраивались в очереди перед магазинами и скупали все, что было на прилавках. В магазинах Приморского края исчезли спички, соль, мыло, керосин. Панические настроения охватили не только дальневосточников. Очереди образовались даже в подмосковных магазинах.

«Снова оживились военные, — записал в дневнике профессор Дмитриев. — Одно время они повяли, народ был в доброй и наивной вере в то, что усилиями, кровью и потерями тридцать девятого — сорок пятого годов он приобрел себе право на мир хотя бы на пятнадцать— двадцать лет. Но кто же считается с народом? Теперь каждый опять ждет не сегодня завтра войны.

Наши сбили у Либавы американский самолет (то ли заблудившийся, то ли «разведывавший») — демонстративно летчиков наградили. В магазинах расхватывают сахар, сахарный песок и так далее, что может лежать: начинают делать запасы. Пахнет предвоенной тревогой…»

На Дальнем Востоке шептались, что американцы не сегодня завтра вторгнутся на территорию России. Ждали войны с Америкой из-за Кореи.

На Корейском полуострове после Второй мировой возникли два государства, которые не признавали друг друга. Как и в Германии, в советской зоне оккупации началось строительство социализма под руководством великого вождя Ким Ир Сена. В американской зоне оккупации формировалось полуавторитарное государство с зачатками демократии, которое олицетворял первый президент страны Ли Сын Ман.

25 июня 1950 года семь дивизий Ким Ир Сена при поддержке ста пятидесяти танков советского производства Т-34 атаковали Южную Корею.

Еще в январе 1950 года Ким Ир Сен сказал в своем кругу:

— Мы должны объединить страну. Но победа не придет сама по себе. Победу нужно завоевать.

Однако же без разрешения Москвы Ким не мог действовать.

Сталин ответил Киму, что «готов помочь», но «дело надо организовать так, чтобы не было слишком большого риска». Ким Ир Сен приехал в Москву. 10 апреля он почти два часа рассказывал Сталину, что народ на Юге только и ждет помощи, чтобы восстать против антинародного режима. Ким доказывал, что сумеет объединить под своим началом всю Корею, как это сделал Мао Цзэдун, который сверг правительство Чан Кайши и

стал хозяином Китая.

4 ноября 1938 года, выступая на шестом пленуме ЦК компартии Китая, Мао Цзэдун произнес свой знаменитый афоризм:

— Винтовка рождает власть.

Правда, в той же речи он процитировал своего соперника — лидера партии Гоминьдан Чан Кайши, который сказал: «Есть армия — есть власть», так что маоцзэдуновская формулировка, скорее всего, возникла как вариация на тему Чан Кайши…

Что касается предложения Ким Ир Сена, то Сталина беспокоило только одно: чтобы не вмешались американцы. Он сказал, что войну нужно выиграть очень быстро: «Южане и американцы не должны успеть прийти в себя, оказать сильное сопротивление и мобилизовать международную поддержку». Сталин объяснил, что «не стоит рассчитывать на прямое участие СССР в войне, поскольку у СССР есть другие серьезные задачи, особенно на Западе»… Хорошо, что Китай, добавил вождь, «больше не занят внутренней борьбой и в распоряжении Китая имеются войска, которые в случае необходимости можно использовать в Корее».

Сталин не собирался воевать в Корее. Но останавливать Ким Ир Сена он тоже не хотел. Как и Соединенные Штаты, Советский Союз обнаружил, что в холодной войне он вынужден подчиняться потребностям региональных союзников, которые втягивали великие державы в борьбу против своих врагов. Сталин отправил Ким Ир Сена к Мао Цзэдуну. Тот одобрил планы Ким Ир Сена и твердо сказал, что Соединенные Штаты не вмешаются. Это сугубо внутренний вопрос, который корейский народ решит сам.

Ким Ир Сен многому научился у Сталина и у Мао Цзэдуна. Но в душе он, похоже, их обоих презирал. Если бы Ким стал главой Советского Союза или Китая, он бы попытался подчинить своей воле весь мир. Но он был всего лишь вождем небольшого государства. Считал, что это несправедливо. Ему было тесно. Мечтал, как минимум, управлять всем Корейским полуостровом, поэтому и затеял в пятидесятом войну.

Когда будущий вождь родился в апреле 1912 года, родители назвали его Ким Сон Чжу. В восьмом классе его исключили из школы. Учился он не в Корее, а в Маньчжурии, куда перебралась семья. И Маньчжурия, и Корея были оккупированы японцами. Под их властью и китайцы, и корейцы вели нищую, тоскливую, подневольную жизнь. Потеряв родителей, Ким присоединился к людям, которые избрали другой путь, к партизанам.

К 1941 году японская армия и жандармерия справились с китайским партизанским движением в Маньчжурии. Уцелевшие

бежали в Советский Союз. Принимали партизан на тот случай, если придется воевать с Японией, использовали их для разведывательно-диверсионной работы. Летом 1942 года в селе Вятском близ Хабаровска была сформирована 88-я отдельная стрелковая бригада. Ее укомплектовали советскими китайцами и бывшими партизанами. Здесь Ким Ир Сен провел всю войну.

Разгромив японскую Квантунскую армию, советские войска вошли в Корею с севера, американские высадились на юге полуострова. К югу от 38-й параллели была американская зона оккупации, к северу — советская. 22 августа 1945 года мало кому в Корее известного Ким Ир Сена привезли в Пхеньян в полевой советской форме.

В советской зоне оккупации началось строительство социализма. В сентябре 1948 года была провозглашена Корейская Народно-Демократическая Республика. В начале марта 1949 года Кима привезли в Москву.

Корейскую делегацию из девяти человек Сталин принял 5 марта. Беседа продолжалась недолго — всего час (с учетом перевода). 14 марта Кима вновь привезли к вождю. На сей раз корейцев было только трое, зато говорили почти вдвое дольше. Встреча с вождем изменила Кима. Он сам захотел стать Сталиным.

16 июня 1950 года советский посол в Пхеньяне Терентий Фомич Штыков предупредил Сталина, что наступление начнется 25 июня. Ким Ир Сен надеялся закончить войну меньше чем за два месяца. Его армия действовала с опережением плана.

За четыре дня северяне взяли Сеул. Правительство Ли Сын Мана бежало. Перед этим расстреляли сидевших в сеульских тюрьмах политических заключенных, в основном коммунистов. Режим Ли Сын Мана был малосимпатичным. Советником по разведывательным делам при южнокорейском правительстве состоял полковник американской армии Дональд Николс. Он видел, как подчиненные Ли расправляются со своими политическими соперниками.

— Я стоял совершенно беспомощный и наблюдал за тем, как это происходило, — рассказывал полковник Николс. — Грузовики с обреченными на смерть прибывали один за другим. Руки у заключенных были связаны за спиной. Их ставили в ряд вдоль только что отрытых могил, стреляли в затылок и сбрасывали в могилу. Два бульдозера работали без перерывов.

Расстрел свалили на северных корейцев, которые заняли город. Войска северян стремительно продвигались на юг. Ким торжествовал, но вместе с Мао Цзэдуном и Сталиным он ошибся, рассчитывая, что американцы не вмешаются.

За три недели до войны президент Соединенных Штатов Гарри Трумэн сказал, что мир во всем мире сейчас ближе, чем когда-то бы ни было за последние пять лет.

Все эти годы он не оставлял надежды договориться со Сталиным.

Иногда это казалось возможным.

7 ноября 1946 года президент Трумэн принял в Вашингтоне министра Молотова. Беседа была очень короткой. Прощаясь, президент сказал:

— Прошу вас передать генералиссимусу Сталину, что я хотел бы видеть его своим гостем.

31 декабря 1947 года новый советский посол Александр Панюшкин вручил президенту Трумэну верительные грамоты. Когда Панюшкин вышел, корреспонденты спросили, что ему известно о приезде Сталина. Посол ответил, что у него нет замечаний по этому вопросу, и больше разговаривать с журналистами не стал.

1 марта 1948 года на пресс-конференции Трумэн вновь повторил приглашение Сталину приехать, сказал, что будет рад его видеть в Соединенных Штатах. Когда стало ясно, что генералиссимус не приедет, пошли разговоры о плохом здоровье вождя.

27 января 1949 года Сталин ответил на вопросы европейского директора американского информационного агентства Интернэшнл Ньюс Сервис Кингсбери Смита.

— Будет ли правительство СССР, — спросил Смит, — готово рассмотреть вопрос об опубликовании совместной с правительством Соединенных Штатов Америки декларации, подтверждающей, что ни то ни другое правительства не имеют намерения прибегнуть к войне друг против друга?

— Советское правительство готово было бы рассмотреть вопрос об опубликовании такой декларации…

— Будете ли вы, ваше превосходительство, готовы встретиться с президентом Трумэном в каком-либо обоюдно приемлемом месте для обсуждения возможности заключения такого Пакта мира?

— Я и раньше заявлял, что против встречи нет возражений…

1 февраля 1949 года воодушевленный возможностью организовать встречу двух мировых лидеров Кингсбери Смит телеграфировал в Кремль:

«*Генералиссимусу Иосифу Сталину*

Ваше превосходительство,

официальный представитель Белого дома Чарльз Росс сегодня заявил, что президент Трумэн был бы рад иметь

возможность совещаться с Вами в Вашингтоне. Будете ли Вы, Ваше превосходительство, готовы приехать в Вашингтон для этой цели? Если нет, то где бы Вы были готовы встретиться с президентом?»

3 февраля 1949 года «Известия» опубликовали ответную телеграмму Сталина:

«Я благодарен президенту Трумэну за приглашение. Приезд в Вашингтон является давнишним моим желанием, о чем я в свое время говорил президенту Рузвельту в Ялте и президенту Трумэну в Потсдаме. К сожалению, в настоящее время я лишен возможности осуществить это свое желание, так как врачи решительно возражают против моей сколько-нибудь длительной поездки, особенно по морю или по воздуху.

Правительство Советского Союза приветствовало бы приезд президента США в СССР. Можно было бы организовать совещание в Москве, или в Ленинграде, или в Калининграде, в Одессе или в Ялте — по выбору президента, если, конечно, это не противоречит соображениям удобства президента.

Если, однако, это предложение встретит возражение, можно было бы устроить встречу в Польше или в Чехословакии — по усмотрению президента».

Но американский президент (тогда им был Франклин Рузвельт) уже приезжал в Советский Союз (в Ялту). Он же прилетал в Тегеран — чтобы Сталину было удобнее встретиться с союзниками. И Гарри Трумэн проделал немалый путь до Потсдама, чтобы познакомиться с советским вождем. По дипломатическому протоколу советский лидер должен был нанести ответный визит.

2 февраля 1949 года государственный секретарь Дин Ачесон, сменивший Джорджа Маршалла, на пресс-конференции критически разобрал ответы Сталина на вопросы Кингсбери Смита. И едко добавил:

— Из этого обмена телеграммами мы узнаем, что премьер Сталин, к сожалению, по состоянию своего здоровья не может прибыть в Вашингтон, так как он не может путешествовать по морю или воздуху. Таким образом, кажется, что он прочно прикреплен к земле. Из этого ответа, кажется, можно сделать тот вывод, что президент Соединенных Штатов должен в четвертый раз объехать полмира, чтобы встретиться с премьером Сталиным, и на этот раз сделать это для того, чтобы поговорить с ним по поводу настолько расплывчатому, что по нему даже нельзя сделать конкретного заявления…

Едкость Ачесона была излишней. Сталину шло к семидесяти. Он не летал на самолетах, а морское путешествие в Соединенные

Штаты было бы слишком длительным. Он не рисковал оставлять страну на столь долгое время. Пренебрежение дипломатическим протоколом со стороны американцев могло бы оказаться полезным. Встреча Трумэна и Сталина в 1949 году, вероятно, ослабила бы накал холодной войны. Возможно, не началась бы и Корейская кампания…

В Вашингтоне не могли понять: Сталин не хочет встречаться с президентом или он совсем плох? Когда американский посол в Москве Эллан Дж. Кэрк, вице-адмирал в отставке, приехал в Вашингтон, президент Трумэн очень интересовался здоровьем Сталина.

«Я вкратце изложил свои впечатления, — вспоминал посол. — В двух словах: Сталин находится в хорошей форме, его умственные способности высоки, и он производит впечатление бодрого человека. Его возраст (семьдесят лет) заметен, но он ни в коей мере не утратил своих способностей. Далее я сказал, что Сталин является абсолютным диктатором Советского Союза. Ему оказывается вся лояльность, которой ранее пользовался царь в светской сфере, и, поскольку религия отменена в Советском Союзе, он обладает некоторыми атрибутами божества…»

Значит, Сталин не желает с ним разговаривать — такой вывод сделал для себя Трумэн. Когда 25 июня 1950 года ему сообщили, что Северная Корея напала на Южную, президент записал в дневнике, что сразу вспомнил, как начиналась Вторая мировая: «Демократические страны ничего тогда не предприняли, и это вдохновило агрессоров. Если коммунистам позволят ворваться в Республику Корею и свободный мир не возразит, ни одно малое государство не сможет сопротивляться угрозам и агрессии со стороны более сильных коммунистических соседей».

Эту же тему президент обсуждал со своим послом в Москве.

«Я сказал, — записал после разговора с президентом Эллан Дж. Кэрк, — что Советский Союз, когда он имеет дело с иностранными государствами, понимает только военную силу — и, чтобы эффективно иметь дела с Советским Союзом, надо быть сильным. Президент сказал, что это то, что он пытается делать. Мы согласились, что наши трудности с Советским Союзом проистекают из роспуска всех наших огромных вооруженных сил в Центральной Европе в сорок пятом…»

Гарри Трумэн так и остался человеком XIX века. Его представления о жизни, вкусы, привычки сформировались до Первой мировой войны. Он не любил говорить по телефону, не воспринимал и другие технические новинки, которые вошли в жизнь уже позже. Попытался печатать на машинке, но отказался от этой затеи. Он дважды прочитал Библию, первый раз в

двенадцать лет. Многое запомнил, цитировал наизусть. Он был старомодным. Не уважал женщин, которые курят и пьют. И не считал возможным для джентльмена употреблять спиртное в присутствии женщин. Он даже не пытался научиться танцевать. Не играл в теннис или гольф. Любил покер, а не бридж. Он был семейным человеком. Никогда не выходил из дому без шляпы. Был очень бережливым. Бритвы служили у него дольше, чем у других мужчин.

Трумэн не заблуждался на свой счет. Говорил своим министрам:

— Миллион людей в стране были бы лучшими президентами, чем я. Но выбрали меня, и я должен делать эту работу, а вы — мне помогать.

Первые годы в Белом доме он чувствовал себя неуверенно. Он стал президентом только потому, что умер Рузвельт. И ему давали это понять. Тем важнее были выборы в ноябре 1948 года. Аналитики сулили победу его сопернику — кандидату от Республиканской партии губернатору Нью-Йорка Томасу Дьюи. Губернатор проиграл Рузвельту в сорок четвертом, но спустя четыре года твердо рассчитывал на реванш.

И тогда Гарри Трумэн отправился по стране в предвыборное путешествие. Он проехал через восемнадцать штатов. Его увидели три миллиона человек. Он путешествовал тридцать три дня, больше месяца. Никогда еще президент так прямо не обращался за поддержкой к народу. На каждой остановке собиралась толпа. У него была одна стратегия — атаковать, атаковать и еще раз атаковать республиканцев. Трумэн был особенно хорош в выступлениях перед маленькой аудиторией. Он обходился без бумажки. Он говорил на том же языке, что эти люди. Он их понимал. И они чувствовали, что он свой.

— Задай им перцу! — кричали восторженные зрители.

О его сопернике Томасе Дьюи писали лучше и больше, чем о Трумэне. Его поддерживала почти вся пресса. Но Дьюи был очень осторожен и холоден, что плохо для публичного политика. Когда он выступал, ему не хватало искренности.

Тем не менее казалось, что Трумэн обречен. Ставили пятнадцать к одному в пользу Дьюи. Первый утренний выпуск газеты «Чикаго трибюн» даже вышел с шапкой «Дьюи победил Трумэна!».

Гарри Трумэн хлопнул пару стопок бурбона и лег спать. Среди ночи, когда шел подсчет бюллетеней, Трумэн проснулся, включил радио и услышал голос обозревателя Эн-би-си Калтенборна. Хотя Трумэн уже был впереди по числу поданных за него голосов, Калтенборн уверенно говорил, что Трумэн

«несомненно потерпел поражение». Трумэн выключил радио, повернулся на другой бок и заснул. Когда он проснулся, то узнал, что избран президентом Соединенных Штатов.

— Я стою здесь и говорю вам, что вы смотрите на нового президента, — шутил Трумэн с журналистами. — В газетах писали, что здесь будет другой человек. Мне жаль вас разочаровывать.

Главным советником по международным делам республиканца Томаса Дьюи был Джон Фостер Даллес, которому обещали кресло государственного секретаря. Для него проигрыш Дьюи стал ударом. Даллес с трудом нашел в себе силы пошутить, сказав журналистам:

— Я — бывший будущий государственный секретарь…

Как и взрыв первой советской ядерной бомбы годом ранее, атака Северной Кореи на Южную оказалась полным сюрпризом для Запада. Американцы даже сравнивали эту войну с внезапным нападением на Пёрл-Харбор. Всю вину возложили на разведку. ЦРУ оправдывалось: американская разведка потеряла свою базу в континентальном Китае, когда в 1949 году власть взяли коммунисты во главе с Мао Цзэдуном.

Утратив плацдарм в Китае, американская и британская разведки перебазировались в Японию. Но это было феодальное владение генерала Дугласа Макартура, командовавшего оккупационными войсками на Японских островах. Он не выносил присутствия структур, которые не контролировал. Во время Второй мировой он открыто заявил, что не позволит генералу Донована и его управлению стратегических служб присутствовать на его театре военных действий. Относительно ЦРУ генерал говорил, что «презирает» это ведомство. Он доложил Трумэну, что в его штабе существует разведывательный отдел во главе с генерал-майором Чарлзом Уиллоби, который вполне обеспечивает американские интересы в Японии. Причем генерал Уиллоби десятки лет работает на Дальнем Востоке, а ЦРУ известно своим любительским уровнем…

Макартур мало что понимал в разведке, а его помощник генерал Уиллоби, аристократический пруссак (его иронически именовали «сэр Чарлз»), понимал еще меньше. Макартур ценил Уиллоби за полнейшую преданность, которая перевешивала в его глазах профессиональные недостатки.

Генерал Уиллоби по своим политическим взглядам был крайне правым, восхищался испанским генералом Франко и занимался подавлением коммунистического движения в Японии. Он не жалел ресурсов для политической контрразведки и сокращал штаты разведотдела, который, в частности, должен был

следить за ситуацией на Корейском полуострове. Генерал Уиллоби доказывал, что сотрудники ЦРУ — это неумелые любители и к тому же либералы. Он писал в Вашингтон: «Мне не нужно было УСС во время войны, и сейчас я намерен работать без помощи ЦРУ. Они ничего не могли предложить ни в прошлом, ни сейчас».

Генерал считал, что Корейский полуостров находится вне сферы его интересов, поэтому он даже не интересовался, что там происходит.

Радиоэлектронной разведкой занималась американская армия, ее подразделения были расквартированы в Токио. Но в ее распоряжении было только четыре подслушивающие станции, работавшие из-за нехватки персонала с девяти утра до пяти вечера. Там служили призывники, которые больше увлекались алкоголем и японскими девушками, в результате чего много времени проводили в медпунктах, лечась от венерических заболеваний. К тому же накануне начала боевых действий северокорейские войска соблюдали радиомолчание. По указанию советских офицеров они пользовались проводными линиями связи.

В 1949 году в Сеуле появилась резидентура ЦРУ, которая умудрилась заслать на север несколько десятков агентов. Некоторые поразительным образом уцелели и успели перед войной вернуться на Юг, чтобы сообщить о растущей военной активности в КНДР.

19 июня 1950 года ЦРУ информировало Белый дом: «Вооруженные силы Северной Кореи способны добиться ограниченных целей в ходе военных действиях против Южной Кореи, включая взятие Сеула».

Через шесть дней Ким Ир Сен нанес удар.

Президент Трумэн потребовал от директора ЦРУ адмирала Роско Хилленкоттера объяснений. Адмирал показал различные сводки, которые составлялись его подчиненными, но признался: точное время удара предугадать было невозможно. Адмирал вернулся на флот.

Для американских политиков все складывалось в единую картину. Сначала Сталин, устроив блокаду Западного Берлина, попытался уморить берлинцев голодом. Затем коммунисты взяли власть в Чехословакии. 1 октября 1949 года Мао Цзэдун провозгласил создание Китайской Народной Республики. Победа китайских коммунистов казалась американцам поражением глобального масштаба. Коммунисты, имея атомную бомбу, овладели третью мира.

25 апреля 1950 года посол США в СССР телеграфировал

государственному секретарю Дину Ачесону: «Кремль ведет против свободного мира тотальную войну, в рамках которой «холодная война» и «горячая война» являются всего лишь тактическими приемами… При этом ставится цель — как минимум захватить половину мира… Хотя можно ожидать инцидентов и военных действий ограниченного характера, кажется вероятным, что Москва будет предпринимать усилия к тому, чтобы избегать открытого столкновения до тех пор, пока она не достигнет подавляющего превосходства сил».

Война в Корее разрушила мечты Трумэна о мире.

В апреле 1950 года Государственный департамент и министерство обороны подготовили проект директивы Совета национальной безопасности № 68, который предусматривал радикальное увеличение расходов на вооруженные силы. Трумэн положил проект в долгий ящик. Он не верил в необходимость излишней милитаризации.

1 июня 1950 года на еженедельной пресс-конференции президент сказал, что настоящий мир сейчас ближе, чем когда бы ни было за последние пять лет.

24 июня государственный секретарь Дин Ачесон провел в своем поместье в Мэриленде. Он возился в саду, поужинал и лег спать. В десять вечера ему позвонили. Пришла телеграмма от посла в Южной Корее. В 4.30 утра по местному времени войска севера начали наступление на юг. Ачесон соединился с Трумэном, который засиделся за столом со своей семьей в родном Индепенденсе.

— Господин президент, у меня серьезные новости, — огорошил его Ачесон. — Северные корейцы вторглись в Южную Корею.

Трумэн хотел немедленно лететь в Вашингтон. Ачесон отсоветовал: ночной полет дело рискованное, да и страну не надо нервировать.

Ситуацию на Корейском полуострове обсуждал Совет Безопасности ООН.

Сталин и Андрей Януарьевич Вышинский, ставший министром иностранных дел вместо Молотова, совершили ошибку. Они приказали советскому представителю в Организации Объединенных Наций бойкотировать заседания Совета Безопасности в знак протеста против того, что место в ООН не было передано Мао Цзэдуну, а осталось за свергнутым режимом Чан Кайши, лидера партии Гоминьдан.

10 января 1950 года советский представитель Яков Александрович Малик заявил, что покидает зал заседаний и не вернется, пока гоминьдановца не выведут из состава Совета

Безопасности. Малик отсутствовал на заседании, где обсуждалась ситуация на Корейском полуострове, и не смог наложить вето на резолюцию, требовавшую прекращения боевых действий и вывода всех войск с территории Южной Кореи.

Американские войска были выведены с территории Кореи летом 1949 года. В Вашингтоне полагали, что достаточно будет поддержать армию Южной Кореи авиацией и флотом. Трумэн согласился, что наземные войска посылать не надо.

— Я не хочу войны, — сказал Трумэн.

В Корею из Токио отправился генерал Дуглас Макартур. 30 июня в Пентагоне получили его доклад. Макартур пришел к выводу, что единственная возможность сохранить Южную Корею — перебросить туда американские наземные силы.

Трумэн вспоминал, что это было самое трудное решение в его жизни, более трудное, чем отдать приказ применить ядерное оружие в войне с Японией. Трумэн и без того пребывал в дурном настроении. Именно в этот момент им занимался стоматолог. Ему должны был сменить два моста и четыре коронки. Несмотря на боль, только один раз президент согласился на анестезию. В разгар войны он опасался подвергать себя воздействию седативных препаратов, чтобы не терять ясности сознания.

Совет Безопасности принял новую резолюцию, которая уполномочивала вооруженные силы стран ООН остановить агрессию. Американские войска получили право использовать флаг Организации Объединенных Наций.

— Угрозой для нашей безопасности, — говорил Трумэн, — является коммунистическая агрессия. Если позволить коммунизму поглощать свободные народы один за другим, то рухнут надежды человечества на мир и правосудие. Если силы ООН, которые находятся в Корее, потерпят поражение в борьбе с агрессором, то ни один народ не будет чувствовать себя в безопасности. Поэтому в Корее мы сражаемся за нашу собственную безопасность.

1 июля 1950 года в Пусане приземлились самолеты, которые доставили первые двести пятьдесят шесть американских солдат — две с половиной роты 24-й пехотной дивизии. 5 июля их бросили в бой южнее Сеула. В Корее было жарко и влажно, шли дожди, дороги развезло. Театр военных действий был незнакомый. Корейского языка никто не знал. 29 июля командовавший американскими войсками генерал Уолтон Уолкер отдал приказ: ни шагу назад. Отступления и эвакуации не будет. Все должны сражаться и, если понадобится, погибнуть на боевом посту — пока не придет помощь. К середине сентября американцы потеряли двенадцать тысяч человек.

Правые республиканцы возложили вину на президента Трумэна, который втянул страну в войну.

— Американские парни умирают в Корее, — утверждал сенатор Маккарти, — потому что группа неприкосновенных в Государственном департаменте саботировала программы помощи для Азии. Правление Рузвельта и Трумэна — это два десятилетия измены.

Проигравший президентские выборы Томас Дьюи потребовал, чтобы госсекретарь Дин Ачесон ушел в отставку, потому что «кровь наших парней, раненных и убитых в Корее, на его совести».

Президенту потребовался надежный министр обороны.

6 сентября в Белом доме появился Джордж Маршалл, уже пенсионер. Трумэн попросил Маршалла вернуться на государственную службу и стать министром обороны.

— Я готов, — просто сказал Маршалл. — Но я бы хотел, чтобы вы подумали над тем, как мое назначение может сказаться на вас и вашей администрации. Меня все еще упрекают за падение правительства Чан Кайши. А я хочу помочь вам, а не навредить.

Потрясенный его словами, Трумэн писал жене: «Можешь представить, чтобы кто-то другой сказал нечто подобное?»

Маршалл не мог отказать Трумэну. В сентябре он возглавил военное ведомство, чтобы помочь Трумэну в самые трудные дни. По закону военнослужащий мог занять пост министра только через десять лет после отставки. Президент попросил конгресс сделать исключение для Маршалла.

В Корее развернулись уже шесть американских дивизий. Выполняя решение Совета Безопасности ООН, Англия отправила в Корею бригаду. Австралия прислала батальон. За ними последовали филиппинский, голландский, таиландский и канадский батальоны. Турция выставила бригаду, Франция — усиленный батальон, Новая Зеландия — артиллерийский дивизион, Бельгия, Греция, Колумбия и Эфиопия — по батальону.

Командовать войсками президент Трумэн поручил генералу Макартуру. Потомственный военный Макартур был легендарной личностью. Он никогда и ничего не боялся. В Первую мировую войну он даже под обстрелом ни разу не надел каску. Вторую мировую он провел на Тихом океане, сначала отступая перед превосходящими силами японской армии, а потом громя их. Когда японцы капитулировали, Дуглас Макартур сказал своим офицерам:

— Да, джентльмены, обратная дорога была долгой.

И он показал рукой на труп японского солдата:

— Вот такими они мне нравятся.

Военное министерство предложило Макартуру классическую схему действий в Корее: разместить американские войска в тылу отступающей южнокорейской армии, чтобы остановить отступление. Генерал принял неожиданное и смелое решение.

Ранним утром 15 сентября его войска высадились в тылу северокорейской армии под Инчхоном. В высадке участвовали двести шестьдесят два корабля. В бой вступили семьдесят тысяч солдат и офицеров 10-го корпуса. Это была одна из тех операций, которые меняют ход войны. Одним ударом генерал Макартур перерезал линии снабжения северных корейцев и ударил им в спину. Через одиннадцать дней американцы отбили Сеул. К концу сентября половина северокорейской армии сражалась с перевернутым фронтом.

1 октября американские войска вышли к 38-й параллели. Армия Ким Ир Сена, охваченная паникой, развалилась. Американцам открылась дорога на Пхеньян, который северные корейцы, отступая, сдали без боя.

Помощник Ким Ир Сена признался советскому послу Штыкову, что у его шефа «настроение подавленное и даже пораженческое. Война проиграна, и, если не помогут извне, Советский Союз потеряет Корею».

13 октября Штыков доложил в Москву:

«Проведена эвакуация из Пхеньяна правительственных учреждений и дипломатического корпуса. Население массами покидает Пхеньян и уходит на север. В связи с непрерывными бомбардировками и продвижением лисынмановских и американских войск настроение населения подавленное. Наблюдается растерянность и бесперспективность как среди населения, так и в правительственных кругах.

Среди населения, в армии и даже среди руководящих работников распространены разговоры о том, почему Советский Союз не помогает Корее всеми своими вооруженными силами, в частности штурмовиками, в то время как США помогают Ли Сын Ману. Корейские офицеры заявляют, что им нужны не советы, а реальная помощь».

Ким Ир Сен умолял Сталина вмешаться в войну. Сталин переадресовал просьбу Мао Цзэдуну. Мао тоже не хотел посылать войска, ответил, что это чревато опасностью большой войны. Сталин решил, что остатки северокорейской армии придется вывозить из страны.

13 октября он просил передать Ким Ир Сену: «Дальнейшее сопротивление бесполезно. Вам следует готовиться к полной эвакуации в Китай или Советский Союз».

Казалось, Сталин даже смирился с поражением Северной Кореи, с тем, что американские войска выйдут на советскую границу. Вождь говорил членам политбюро:

— Ну что ж, пусть теперь на Дальнем Востоке будут нашими соседями Соединенные Штаты. Они туда придут, но мы воевать с ними сейчас не будем. Мы еще не готовы.

А в Вашингтоне шла дискуссия — остановиться на 38-й параллели или продолжать войну, чтобы окончательно разгромить северокорейскую армию?

Трумэн решил встретиться с Макартуром. Все заметили, что генерал не откозырял Верховному главнокомандующему и что у него был расстегнут воротник рубашки. Зато у генерала были только хорошие новости. Пхеньян будет взят через неделю. Война скоро закончится. В начале следующего года ООН сможет провести в Корее выборы. После чего американские войска уйдут.

— Военная оккупация ничего не дает, — уверенно сказал Макартур. — Все оккупанты терпят неудачу.

Возник вопрос о военнопленных: в американском плену оказалось примерно шестьдесят тысяч северных корейцев.

— Они самые счастливые корейцы во всей стране, — сказал Макартур. — Впервые в жизни они накормлены и умыты.

Американцы, впрочем, совершили крупную политическую ошибку. Макартуру следовало вовремя остановиться, но высокомерный генерал доказывал, что противника нужно полностью разгромить, чтобы поскорее закончить войну. И американцы приблизились к китайской границе.

Теперь Мао Цзэдун решил, что Соединенные Штаты намерены не только захватить весь Корейский полуостров, но и вторгнуться в Китай, чтобы его свергнуть. Он решил преподать урок американцам. Мао предпочел не ждать, пока американцы разгромят Ким Ир Сена и возьмутся за него самого, и приказал армии вступить в дело.

30 сентября глава китайского правительства Чжоу Эньлай сделал совершенно ясное предостережение:

— Китайский народ не потерпит иностранной агрессии и не будет равнодушно наблюдать за тем, как соседи становятся жертвой империалистов.

3 октября Чжоу Эньлай пригласил посла Индии и просил передать Соединенным Штатам, что, если войска ООН пересекут 38-ю параллель, Китай придет на защиту Северной Кореи. В Белом доме эти предупреждения пропустили мимо ушей. Президент Трумэн и государственный секретарь Ачесон пребывали в уверенности, что заявления Пекина — блеф. ЦРУ докладывало, что «нет никаких свидетельств того, что китайские

коммунисты намерены полномасштабно участвовать в войне в Корее».

6 октября 1950 года политбюро ЦК компартии Китая приняло решение отправить в Корею «добровольцев».

Макартур обещал Трумэну:

— Я считаю, что сопротивление прекратится к Дню благодарения. Тех, кого мы не успеем уничтожить, прикончит зима. Они сражаются, чтобы спасти лицо. Восточные люди предпочитают потере лица смерть.

Трумэн спросил:

— Каковы шансы, что китайцы и русские вмешаются?

— Они невелики, — уверенно ответил генерал. — Если бы они вступили в дело в первый или второй месяц войны, это могло иметь решающий характер. Теперь мы не боимся интервенции. Мы лучшие.

18 октября первый отряд китайских войск, названный добровольческим, перешел через реку Ялуцзян. 21 октября китайцы уже вступили в боевые действия. Атака ста пятидесяти тысяч китайских «добровольцев» была настолько неожиданной для американцев, что они отошли на юг, подрывая железные дороги.

Когда китайцы вступили в войну и северяне опять перешли в наступление, в Сеуле опять возникла паника — и последовали новые расстрелы противников режима, проходившие на глазах иностранных дипломатов. Те запротестовали, и расстреливать стали без свидетелей. Журналисты писали о том, что происходит, но американское и британское правительства старались, чтобы такие материалы не появлялись в прессе. Иначе возник бы закономерный вопрос: зачем сражаться за диктатора Ли Сын Мана, который ведет себя так же, как и его враги-коммунисты?

Через три дня после вступления китайского экспедиционного корпуса в войну председатель Комитета начальников штабов генерал Омар Брэдли сказал Трумэну, что, по сообщениям Макартура, положение ужасное: началась совсем другая война. Макартур требовал подкрепления и предлагал отправить в Корею китайские войска с Тайваня. Командовавший китайскими войсками маршал Пэн Дэхуай был уверен, что наголову разгромит американцев. Мао приказал ему сбросить американцев в море.

На пресс-конференции 30 ноября 1950 года Трумэн с угрозой заявил:

— Соединенные Штаты будут противостоять коммунистической экспансии и остановят агрессию в Корее. Мы примем все необходимые меры.

Иногда он говорил быстрее, чем думал. Начинал отвечать, не дослушав вопроса. Его прямо спросили, обсуждается ли вопрос об использовании атомного оружия. Трумэн сразу ответил:

— Вопрос-то всегда обсуждается. Но я бы не хотел, чтобы бомбу пустили в ход.

Трумэн выразился так неудачно, что создалось впечатление, будто генерал Макартур уже получил право пустить в ход ядерное оружие. Когда пресс-конференция окончилась, журналисты бросились к телефонам: паника возникла по всему миру.

Британский премьер-министр Клемент Эттли примчался в Вашингтон и 4 декабря пришел к Трумэну. Он настаивал на том, что без него нельзя принимать решение об использовании ядерного оружия. Это требование Трумэн отверг. Он только обещал загодя уведомить главу британского правительства. Премьер Эттли предложил Трумэну вообще оставить Дальний Восток ради спасения Европы. Но для Трумэна ядерная бомба была всего лишь средством шантажа.

— Наши дома, наша страна, все, во что мы верим, в опасности, — говорил Трумэн. — Эта опасность исходит от правителей Советского Союза. При этом мы не считаем, что война неизбежна. Между свободным миром и Советским Союзом нет такого конфликта, который нельзя было бы разрешить мирным путем. Мы сделаем все, чтобы избежать войны, но не станем заниматься умиротворением. Опыт Мюнхена показал, что умиротворением безопасности добиться нельзя.

В начале 1950 года во время опроса общественного мнения тридцать процентов американцев сказали, что холодную войну выигрывает Россия, и только девять процентов полагали, что верх берут Соединенные Штаты. Боевые действия на Корейском полуострове усилили антисоветские настроения.

Советское посольство в Вашингтоне 18 сентября 1950 года докладывало министру Вышинскому о политическом положении в США:

«Агрессивная война, ведущаяся Соединенными Штатами Америки против корейского народа, используется администрацией Трумэна в целях интенсивной и всесторонней подготовки третьей мировой войны.

14 августа группа грузчиков порта Нью-Йорка отказалась разгружать прибывшую из СССР партию крабового мяса на том основании, что груз — советского происхождения. 18 августа эти же грузчики отказались разгружать прибывшую из СССР партию мехов. За этим последовал целый ряд подобных случаев, и бойкот был распространен на товары, прибывающие из стран народной демократии… Вслед за грузчиками портов товары советского

происхождения отказались сгружать и грузчики авиационных линий.

16 августа американская пароходная компания «Ю. С. лайнс» объявила, что впредь она не будет перевозить никаких грузов из Советского Союза или в Советский Союз. Даже груз, адресованный нашему посольству, прибывший в Нью-Йорк на пароходе «Баторий» 7 сентября, не был выгружен и ушел на этом пароходе обратно»…

Сталин войска в Корею не послал. Но разрешил перебросить в Китай истребительный авиакорпус, чтобы советские летчики прикрыли с воздуха китайские войска. Они жили в бывших японских казармах, где не было ни водопровода, ни канализации. Носили форму китайской армии.

«Корпусное начальство поначалу потребовало вести радиообмен в воздухе только по-китайски или по-корейски, — вспоминал командир авиаполка Герой Советского Союза полковник Евгений Пепеляев. — Летному составу выдали блокноты с русской транскрипцией слов-команд. Я сразу и решительно отказался выполнять это распоряжение: попробуйте сами в воздушном бою управлять звеном или эскадрильей и даже просто выполнять команды по разговорнику. В 176-м гвардейском полку командир оказался сговорчивее, и в первом же бою с управлением «по-китайски» соседи потеряли МиГ-15. Китайскую азбуку нам тут же отменили.

Нас переодели в синие брюки и горчичного цвета суконные куртки и шинели. Летчикам выдали подобие меховых шапок и почему-то красные хромовые сапоги, которые при покидании самолета с парашютом слетали с ног. Пришлось на первую же зарплату переодеваться в штатское, а летать в своих куртках. Правда, красные сапоги летчики быстро поменяли на солдатские меховые сапоги из грубой кожи, но теплые и, главное, со шнуровкой, не слетят».

Появление истребителей МиГ-15 было неприятным сюрпризом для американцев. Советским летчикам запретили летать над Желтым морем и преследовать противника дальше ста километров от линии фронта. Сталин приказал, чтобы ни один летчик не попал в руки врага. 1 октября 1950 года Сталин телеграфировал послу Штыкову и главному военному советнику генерал-лейтенанту Васильеву: «При организации работы наших военных советников в дальнейшем Вам надлежит принять все меры к тому, чтобы ни один военный советник, как указывалось это ранее, не попал в плен. О принятых мерах донести».

Желание Сталина скрыть советское участие в войне полностью совпадало с намерениями американцев. В Вашингтоне

сделали все, чтобы это осталось тайной. Иначе американское общество потребовало бы каких-то действий, а в Вашингтоне не хотели, чтобы локальный конфликт перерос в прямое столкновение США и СССР.

Американский президент надеялся, что война в Корее останется локальным конфликтом. Трумэн отказывался посылать в Корею значительные силы, побаиваясь, что Сталин затеял эту войну как отвлекающий маневр, чтобы оттянуть туда все американские силы, и тогда нанести удар в Европе. Страны НАТО тоже боялись, что Соединенные Штаты увязнут в Корее.

28 ноября на заседании Совета национальной безопасности министр обороны Джордж Маршалл твердо сказал:

— Большая война с Китаем невозможна. Мы попадем в ловушку, расставленную нам русскими. Это потребует мобилизации всех сил и оставит Европу беззащитной перед советским вторжением. Надо сделать все возможное, чтобы ограничить войну.

Трумэн считал, что единственный выход — переговоры о перемирии.

Генерал Макартур, униженный необходимостью отступать, считал иначе. С его точки зрения, большая война уже началась. Дуглас Макартур не понимал, почему, если он имеет в арсенале такое оружие, ему запрещают применить его на поле боя. Он предлагал объявить Китаю войну и сбросить от тридцати до пятидесяти атомных бомб на Маньчжурию и крупные города.

За два дня до Рождества на дороге погиб командующий 8-й армией генерал Уолтон Уолкер: его джип врезался в южнокорейский грузовик. Его сменил прилетевший из Вашингтона генерал Мэтью Риджуэй. Он сумел остановить отступление. Фронт стабилизировался без применения ядерного оружия. Напряжение спало. Как выразился Дин Ачесон, «пока генерал Макартур воюет с Вашингтоном, генерал Риджуэй сражается с врагом». В начале 1951 года 8-я армия начала успешное наступление и 12 марта во второй раз отбила Сеул. К концу марта войска вышли к 38-й параллели и остановились. Превосходство американских войск в технике и огневой мощи над китайскими ополченцами было очевидным. Началась позиционная война на истощение.

«Во время ужина, — писал Сталину советский посол в Пекине Павел Юдин, — Мао Цзэдун говорил о войне в Корее, указывал на то, что американцы, к сожалению, не хотят вести больших сражений. Главная наша задача в Корее — как можно больше уничтожить живой силы американцев. Мы, говорил Мао Цзэдун, не против того, чтобы война в Корее затянулась…»

15 марта 1951 года генерал Макартур нарушил приказ Трумэна и дал интервью, в котором критиковал Вашингтон за то, что 8-ю армию остановили и не дали ей завершить объединение Кореи.

24 марта Макартур, никого не поставив в известность, предъявил Мао Цзэдуну ультиматум, обещав расширить масштабы войны и полностью разгромить китайскую армию. Усилия Трумэна относительно перемирия пошли прахом.

Президент был возмущен: «Макартур не оставил мне выбора — я не мог больше терпеть его неподчинение». Рузвельт тоже с опаской относился к Макартуру, но не решился сместить его с должности. Амбициозного генерала побаивались в Вашингтоне. Гарри Трумэн оказался более волевым человеком и уволил генерала.

— Вопрос, который мы должны перед собой поставить, звучит так, — говорил Трумэн, обращаясь к стране, — можно ли сорвать захватнические планы Советского Союза без большой войны? Наша страна и наши союзники в ООН считают, что лучшим средством явится победа в корейской войне. Генерал Макартур с этим не согласен. Поэтому я принял решение отправить генерала в отставку, чтобы больше не было сомнений в целях нашей политики. Мне было не просто принять это решение, потому что генерал Макартур — один из выдающихся наших полководцев. Но мир во всем мире важнее.

Трумэн предполагал, что грянет буря, но и представить себе не мог, что начнется в стране! Для многих американцев Макартур был настоящим героем. Сенатор Никсон потребовал немедленно вернуть генералу его должность. Сенатор Дженнер заявил, что страна «в руках тайной клики, которой руководят русские шпионы». Сенатор Маккарти предположил, что Трумэном управляют «бурбон и бенедиктин». В сенате заговорили об импичменте. Законодательные собрания четырех штатов — Флориды, Мичигана, Иллинойса, Калифорнии — заклеймили решение президента.

5 апреля спикер палаты представителей Джозеф Мартин зачитал письмо от Макартура: «Если мы проиграем войну против коммунизма в Азии, падение Европы неизбежно. Если мы победим, Европа, скорее всего, избежит войны и сохранит свободу. Вот почему мы должны победить. Ничто не заменит победу».

Генерала Макартура пригласили выступить перед конгрессом. Он говорил тридцать четыре минуты. Его тридцать раз прерывали аплодисментами.

— Когда я вступил в вооруженные силы, — говорил Дуглас

Макартур, — это было исполнением всех моих детских мечтаний и надежд. Надежды и мечтания давно развеялись. Но я все еще помню слова одной из самых популярных в военной среде баллад, в которой говорилось: «Старые солдаты не умирают, они просто исчезают». И, как старый солдат из этой баллады, сейчас я завершаю свою военную карьеру и просто исчезаю — старый солдат, который старался исполнять свой долг так, как повелел исполнить его сам Господь. Прощайте.

У многих на глаза навернулись слезы. Это был звездный час Макартура. Его встречали так, как не встречали в сорок пятом генерала Дуайта Эйзенхауэра, вернувшегося из поверженной Германии. Но это восторженное отношение довольно быстро сошло на нет, и политиком бывший генерал не стал.

Американские бомбардировки разрушали линии связи северокорейской армии. Радиопередатчиков и приемников не хватало. Требования секретности не соблюдались. Примитивные коды северных корейцев взламывались за несколько часов. Поэтому о некоторых операциях северных корейцев американское командование узнавало заблаговременно. Очень полезными оказались радиоперехваты, которыми делились южные корейцы, а потом и тайваньцы, следившие за переговорами китайских войск в Корее. Но американцы не слишком доверяли своим азиатским союзникам. Поэтому больше всего полагались на данные аэрофотосъемки и допросы пленных.

Корейские моряки сообщили американцам, что китайцы проложили линию связи между полуостровом Шаньдун и Дайреном в Маньчжурии. По этой линии шли переговоры между командованием китайских войск в Китае и Пекином. Желтое море неглубокое, американские моряки нашли кабель и топором вырубили порядочный кусок. Китайцам пришлось использовать радиотелетайп, переговоры по которому можно перехватывать, и это открыло перед американской разведкой большие возможности.

Корейцы — агенты американской разведки долго не жили. Агентов вербовали из числа дезертиров-северян и беженцев. Обучали их по стандартной программе времен Второй мировой войны — прыжки с парашютом, работа на радиопередатчике, стрелковое и подрывное дело, способы ухода от наблюдения. Этой подготовки было недостаточно для выживания в условиях Северной Кореи. Около двух тысяч агентов отправили на север, вернулись немногие. В лучшем случае они успевали один-два раза выйти в эфир. Даже из одной деревни в другую при тоталитарном режиме попасть было крайне сложно, требовались различные документы, которые постоянно менялись.

В конце войны, убедившись, что засылка агентуры дело неэффективное, формировали боевые отряды из перебежчиков, просто бандитов и контрабандистов с тем, чтобы мелкими диверсиями беспокоить северных корейцев. В 1953 году каждую неделю перебрасывали на ту сторону группы по десять человек. Они почти никогда не давали о себе знать.

Командование не подключило к разведывательно-диверсионной работе собственный спецназ — 10-й спецотряд из Форт-Брагга. Боялись, что американцы попадут в плен и станут жертвой операций по промыванию мозгов: из них сделают борцов за дело коммунизма, которые, вернувшись на родину, станут убивать и совершать теракты.

Все же сформировали объединенный спецотряд — двести сорок англичан, триста двадцать американцев и триста южных корейцев. Они прошли интенсивный двухмесячный курс подготовки в Японии, их использовали для подрыва железных дорог и тоннелей на территории Северной Кореи, чтобы помешать снабжению армии северян и переброске подкреплений. Спецназ хотел взять языка — одного из советских офицеров, которые помогли северным корейцам, но начальство категорически запретило это делать, чтобы не провоцировать конфликт между великими державами.

Война на Корейском полуострове продолжалась три года, один месяц и два дня. Она едва не стала ядерной и вполне могла привести к третьей мировой, потому что ее участники не способны были понять намерения друг друга. Это была трагедия политических ошибок, оплаченная кровью.

Политические последствия корейской войны трудно переоценить. Она ускорила милитаризацию холодной войны и вывела ее из разряда европейского противостояния на глобальный уровень. Впервые (задолго до Карибского кризиса) холодная война могла перерасти в горячую. После корейской войны настроения американцев изменились: общество согласилось на то, в чем раньше отказывало правительству. Сенаторы и конгрессмены легко проголосовали за увеличение военного бюджета, численность сухопутных сил удвоилась и достигла трех миллионов человек.

В НАТО включили Турцию и Грецию. Согласились восстановить военный потенциал Западной Германии и принять ее в Североатлантический блок. Решили создать Объединенные вооруженные силы НАТО. В момент начала корейской войны НАТО имело четырнадцать «недоукомплектованных и плохо оснащенных дивизий» — по оценке российских историков (см. «Военно-исторический журнал», № 9/2007). Среди них было всего

две американские. А к концу войны в Европе находилось шесть американских дивизий. Войска НАТО были полностью укомплектованы и оснащены для ведения боевых действий.

На переговорах о перемирии камнем преткновения стала судьба ста тридцати двух тысяч северокорейских военнопленных. Половина не хотела возвращаться к Ким Ир Сену. Президент Трумэн решил, что назад «в рабство», как он выразился, никто возвращен не будет. Но многие пленные солдаты северокорейской армии хранили верность великому вождю. Они подняли мятеж в одном из лагерей, и американцы пустили в ход слезоточивый газ, а потом и танки. Когда пленных и раненых возвращали на родину, они демонстративно срывали с себя одежду, которую им выдал Красный Крест.

Трумэн прочитал в газете, что тело одного из американских солдат, сержанта Джона Райса, убитого в бою, было доставлено в родной штат Айова для похорон, но в последний момент, когда гроб опускали в землю, администрация кладбища остановила похороны, потому что сержант Райс, индеец, не принадлежит к белой расе. Возмущенный Трумэн распорядился похоронить сержанта на Арлингтонском военном кладбище и отправил военный самолет, чтобы доставить вдову погибшего сержанта и троих детей в Вашингтон. Трумэн считал, что это самое малое, что он обязан сделать для убитого в бою солдата.

Сын заместителя директора ЦРУ Аллен Мэйси Даллес-младший, лейтенант морской пехоты, тоже воевал в Корее. В ноябре 1952 года Аллену Даллесу позвонили из Пентагона и сообщили, что его сын тяжело ранен. Разрывом снаряда парню повредило спину и руку, но он отказался от эвакуации и продолжал вести огонь. Лейтенант был ранен вновь — осколок снаряда застрял в голове. Один из солдат вытащил младшего Даллеса из-под огня. Вертолетом его эвакуировали на госпитальное судно, которое пошло в Японию.

Аллен Даллес позвонил жене. Она сразу полетела в Японию. Срочная операция спасла лейтенанта от слепоты. Но почти месяц он никого не узнавал, даже мать. Когда Аллен Даллес ждал утверждения на должность директора ЦРУ, из Японии доставили лейтенанта Даллеса. Его вынесли из самолета на носилках. Отец ждал его у трапа. Он нагнулся и поцеловал сына в щеку, что редко делал в более счастливые времена. Его помощники заранее предупредили прессу, и эти фотографии появились в утренних газетах, когда Даллес приехал в Капитолий. Он был утвержден единогласно.

И сын Дуайта Эйзенхауэра воевал в Корее. Когда Эйзенхауэра избрали президентом, Трумэн распорядился доставить в

Вашингтон майора Джона Эйзенхауэра, чтобы он мог присутствовать на инаугурации отца 20 января 1953 года. Когда заключили перемирие в корейской войне, Эйзенхауэр сказал:

— Война закончилась. Надеюсь, что мой сын скоро вернется домой.

Закончилась не только корейская война, но выполнение плана Маршалла. В начале пятидесятых экономика Западной Европы была восстановлена. Холодная война обернулась еще и соперничеством систем. План Маршалла доказал преимущества капитализма. Если бы не Трумэн и Маршалл, считают историки, Европа, вероятно, шла бы привычным путем экономического национализма, который вновь привел бы континент к конфликтам и, может быть, к войнам.

В начале декабря 1953 года Джорджу Маршаллу вручили Нобелевскую премию мира. 2 декабря «Известия» напечатали заметку о вручении премии мира: «В зале университета в Осло стали разбрасываться листовки с выражением протеста против присуждения премии Маршаллу, после чего церемония вручения премии была прервана. В листовках говорится: «Маршалл является тем генералом, который сделал решающий вклад в массовое убийство людей… Мы протестуем против того, что Нобелевская премия мира выдается за организацию войны».

Советские пропагандисты, верно, напрочь забыли, что генералом Джордж Маршалл был во время общей войны с нацизмом, за что, в частности, удостоился полководческого ордена Суворова….

Что касается Нобелевской премии, то Гарри Трумэн по праву мог бы разделить эту награду со своим бывшим государственным секретарем. Узнав, что Маршалл умирает, Трумэн позвонил его жене и сказал, что хочет приехать. Она ответила, что приезжать не стоит: муж его не узнает. Трумэн заплакал.

20 января 1953 года после вступления в должность Эйзенхауэра уже бывший президент Трумэн уехал из Капитолия на обычной машине. Включился красный сигнал светофора, и его машина остановилась — впервые с 1945 года. Его больше никто не охранял. Он получал небольшую пенсию, причем не за президентство, а за то, что он много лет служил в Национальной гвардии штата Миссури, — сто двенадцать долларов в месяц. Они с женой смогли кое-что отложить из президентской зарплаты и вложить в государственные бумаги. Кое-кто он заработал на мемуарах. После смерти матери он с братом и сестрой вступил во владение семейной фермой. Канзас-Сити разрастался на юг, и они понемногу продавали землю под застройку.

Его приглашали на различные синекуры, чтобы иметь

возможность воспользоваться его именем. Трумэн отказался. Он сказал, что намерен быть обычным гражданином, и вернулся в родные места. Для городка Индепенденс в штате Миссури Гарри Трумэн самый знаменитый земляк. Здесь находится его президентская библиотека. Теперь это музей, куда приезжают туристы, а когда он еще был жив, то работал здесь, писал воспоминания и давал интервью.

Вообще-то дом принадлежал теще Трумэна. Только после ее смерти, когда ему было шестьдесят семь лет, бывший президент наконец стал владельцем собственного дома. Он пешком ходил в свою библиотеку — один, без охраны. Люди его останавливали, фотографировались с ним.

— Три вещи губят мужчину, — однажды сказал Трумэн журналисту, — власть, деньги и женщины. Власти я никогда не хотел, денег у меня не было, а единственная женщина в моей жизни ждет меня дома.

Дочь вспоминала, что на публичных мероприятиях, когда отец выступал, он инстинктивно искал глазами жену, чтобы увидеть, одобряет ли она то, что он говорит. Трумэн и его жена полагались друг на друга во всем. Однажды она призналась:

— Гарри и я любили друг друга, хотя были женаты больше сорока лет. И где бы я ни была, если я протягивала руку, Гарри был уже здесь и держал мою руку в своей.

Трумэн похоронен во внутреннем дворике своей мемориальной библиотеки. Он действительно любил только свою жену. Он был умеренным человеком, легко расстался с президентской должностью и никогда ни о чем не жалел.

Операция «Промывание мозгов»

19 июня 1952 года посол Соединенных Штатов в Москве Джордж Кеннан побывал у министра иностранных дел Андрея Януарьевича Вышинского. Холодная война была в самом разгаре, и Вышинский, некогда столь любезный с гостями, уже не старался очаровывать иностранцев и не обратил внимания на необычно мрачное настроение посла. Кеннан информировал советского министра, что он летит по делам в Западную Германию и в Англию. В Лондоне ему нужно встретиться со своим начальником — государственным секретарем США Дином Ачесоном.

В Лондоне, в гостинице, где остановился посол, Кеннана посетил один из руководителей Центрального разведывательного управления Пир де Сильва. Джордж Кеннан, чтобы не злить советских руководителей, запрещал своим разведчикам рискованные операции. И все же Пир де Сильва просил посла согласиться на увеличение состава резидентуры ЦРУ в Москве.

Джордж Кеннан очень нервничал, лицо у него было бледное, руки дрожали. Разгуливая по гостиничному номеру, он говорил, что крайне встревожен успехами советских спецслужб в сфере промывания мозгов. Кеннан считал, что они научились с помощью наркотических препаратов влиять на психику, лишать человека способности к самоконтролю, подчинять себе.

— Я боюсь, что на меня смогут повлиять с помощью радиоволн или наркотиков, — тревожился Кеннан. — И заставят сделать заявления, противоречащие интересам Соединенных Штатов. Этого нужно избежать. Я же знаю, что у ЦРУ есть таблетки, которые дают человеку, чтобы он в случае смертельной опасности мог покончить с собой. Верно же?

Посол имел в виду таблетки, которые в ЦРУ давали агентам-парашютистам и пилотам разведывательных самолетов, летавших над Советским Союзом и Китаем. Это была стеклянная ампула с цианистым калием. Достаточно было ее раскусить, чтобы смерть наступила в течение нескольких секунд. Посол повторил:

— Я говорю совершенно серьезно. Мне нужна пара таких таблеток.

Вернувшись в Вашингтон, де Сильва пересказал слова посла Кеннана заместителю директора Центрального разведывательного управления Аллену Даллесу. В кабинете повисла тишина. Американские разведчики понимали, чем так встревожен посол.

Дипломаты, работавшие в Москве, чувствовали себя плохо и ждали больших неприятностей. Они считали, что их, как

минимум, облучают.

Страх возник из-за постоянного прослушивания посольства.

Еще до войны, 14 мая 1937 года, американское посольство в Москве доложило в Вашингтон, что в резиденции посла в Спасо-Хаусе обнаружены подслушивающие устройства. Микрофон нашли в потолке кабинета посла, прямо над его письменным столом, за которым посол диктовал телеграммы в Государственный департамент. В мансарде посольского дома отыскали замаскированное помещение, куда вели провода. На полу были окурки и следы экскрементов.

В октябре 1941 года американских дипломатов эвакуировали в Куйбышев. Только в резиденции посла в Спасо-Хаусе осталась миссия, занимавшаяся поставками по ленд-лизу. Когда дипломаты вернулись, то в здании посольства на Моховой нашли множество тайных микрофонов. Сталин спросил руководителей госбезопасности, что ответить возмущенным американцам. Будущий начальник разведки генерал Евгений Петрович Питовранов предложил:

— Надо им сказать, что микрофоны вмонтировали в сорок первом, когда все посольства эвакуировались в Куйбышев. Была опасность, что немцы временно займут Москву и кто-то из оккупантов обоснуется в здании американского посольства. Мы немцев собирались подслушивать, а не союзников…

Сталину очень понравилась идея, и находчивый Питовранов пошел в гору.

После войны советская контрразведка приступила к масштабной установке подслушивающих устройств в иностранных посольствах. Микрофоны становились все миниатюрнее и надежнее. В 1948 году был изобретен транзистор, в середине пятидесятых он уже активно использовался в радиопромышленности.

В январе 1952 года подслушивающее устройство снова было найдено в американском посольстве. Уборщик услышал, как по радио звучит голос посла Джорджа Кеннана. Но посол не выступал по радио! Он сидел в своем кабинете и диктовал шифртелеграмму в Вашингтон. В Спасо-Хаус приехали два американских специалиста по электронике. Кеннан стал диктовать секретарю какую-то старую телеграмму, и тогда электронщики поняли, где находится микрофон. Они стали ломать стену. Не найдя ничего, обратили внимание на деревянную модель американского герба, подаренного послу Авереллу Гарриману в феврале 1945 года.

В Ялте проходила встреча «Большой тройки». Одновременно американского посла пригласили на открытие пионерского

лагеря «Артек». Растроганный посол передал детям подарок правительства Соединенных Штатов — чек на десять тысяч долларов. И ему вручили подарок — изготовленный из ценных пород дерева американский герб. Гарриману и в голову не приходило, что он должен опасаться союзников по совместной борьбе с нацистами. Он распорядился повесить подарок советских пионеров на стену в кабинете.

Эксперты установили, что это абсолютно новое устройство, которое не требует источника энергии и может работать практически бесконечно. Оно включалось, когда облучалось короткими волнами из соседнего здания, где, надо понимать, разместилась оперативно-техническая группа госбезопасности.

Американцы молчали еще восемь лет. О гербе рассказал представитель США при ООН Генри Кэбот Лодж в 1960 году — после того как разразился скандал со сбитым У-2.

Подслушивали все посольства. После войны первыми масштаб электронного прослушивания установили норвежские дипломаты. В 1948 году молодой и энергичный начальник норвежской разведывательной службы, имевший техническое образование, отправил в Москву своего сотрудника проверить здание посольства. Тот обнаружил в стенах тринадцать скрытых микрофонов.

Следующими стали британцы. В июле 1950 года военно-воздушный атташе посольства в Москве возился с радиоприемником. Внезапно он услышал голос коллеги — военно-морского атташе, находившегося в соседнем кабинете. Голос звучал громко и ясно. Вызвали специалистов и устроили проверку помещений. Ничего не нашли. Пришли к выводу, что в кабинете атташе установили портативное радиопередающее устройство, но советские сотрудники посольства успели его снять.

Находка потребовала мобилизации сил и ресурсов контрразведки. 9 октября 1952 года Черчилль потребовал от МИ-5 и МИ-6 принять все необходимые меры для защиты от подслушивающих устройств. Контрразведка получила указание защитить важнейшие правительственные кабинеты. Заодно стали производить и собственные прослушивающие устройства.

Работающие в Москве послы попадали и в «медовые ловушки». В 1949 году греческий посол завел роман с горничной, которая работала на Министерство госбезопасности. Однажды вечером, когда они были в кровати, обвалился плохо укрепленный потолок в спальне, и взору посла предстали несколько микрофонов и глазок камеры. Сотрудники министерства госбезопасности нанесли послу дружеский визит и

оставили множество фотографий, на которых он был запечатлен в интимных позах.

Его, как водится, предупредили, что если он откажется от сотрудничества, то все станет известным. Но посол стал рассказывать эту историю на всех дипломатических приемах и даже показывал фотографии, которые ему оставили чекисты. Всем это надоело, никто не воспринимал эту историю всерьез. Попытка завербовать посла провалилась. Потолок ему отремонтировали за казенный счет.

Но истории с потайными микрофонами и особенно разговоры об опасности интенсивного облучения давили на дипломатов, работавших в Москве. А в 1952 году пошли разговоры о «промывании мозгов», которые еще больше испугали американцев. Связано это было с корейской войной.

На Корейском полуострове американские солдаты гибли и попадали в плен. В ночь на 13 января 1952 года военные летчики Кеннет Энох и Джон Квинн были сбиты над Северной Кореей. Через четыре месяца, 16 мая, после допросов, проведенных китайским следователям, они признались, что сбрасывали возбудители сибирской язвы, тифа, холеры, чумы. Американские летчики каялись публично:

— Нас заставили быть орудием в руках поджигателей войны, и мы совершили это чудовищное преступление против народа Кореи и китайских добровольцев.

Через девять месяцев полковник Фрэнк Швэбл, начальник штаба авиаэскадрильи корпуса морской пехоты, сбитый 8 июля 1952 года, так же публично подтвердил сказанное двумя летчиками. Сбитый полковник называл имена, звания и должности американских офицеров, принимавших участие в биологической войне против Северной Кореи. Сбитые летчики отвергали капитализм и принимали коммунизм.

Заявления американских летчиков стали весомым аргументом в пропагандистской войне. Сформировали комиссию из ученых социалистических стран, которая отправилась в Северную Корею и нашла «доказательства» широкого применения американцами биологического оружия! В Советском Союзе вышел обширный доклад этой комиссии. Но это была фальшивка. Соединенные Штаты не использовали в корейской войне биологическое оружие!

Что же заставило сбитых летчиков все это говорить? Опытные сотрудники спецслужб не могли понять, в чем дело. В 1953 году спецслужбы Великобритании образовали комиссию по побегам и пленным, чтобы определить, что же случилось с попавшими в корейский плен солдатами. Обратились к экспертам из МИ-19,

отдела военной разведки, который во время Второй мировой занимался допросами пленных. Спрашивали у них, каким образом китайцам и русским удалось так обработать пленных англичан и американцев. В ноябре 1952 года к этой работе привлекли молодого психолога Сирила Кэннингхэма.

Контрразведка опрашивала тех, кто возвращался из корейского плена. Один из британских солдат признался Кэннингхэму, что китайский следователь дал ему двести долларов, велел купить пишущую машинку и ждать, пока с ним не свяжутся из китайского посольства. Когда этот китаец приехал в Лондон в роли водителя посольства, его выдворили. Но то была стандартная вербовка. А почему же пленные говорили о мифическом биологическом оружии?

Американские спецслужбы пришли к выводу, что русские и китайцы овладели какими-то средствами воздействия на мозг человека. Изучали опыт допросов в СССР: одиночное заключение, лишение сна, ночные допросы, долгие часы стояния без права сесть или лечь, запугивание, инсценировка расстрела — пока человек не выдерживает и не соглашается сказать все, что от него требуют…

В июле 1951 года ЦРУ перехватило двух советских агентов, у них нашли цилиндрики с иглами и неизвестной жидкостью. Агенты уверяли, что это препарат, который превращает человека в зомби — он исполняет любые приказы. Видные американские психиатры доказывали, что таких препаратов не может быть в принципе, но возникли подозрения: а вдруг советские ученые опередили американских коллег?

Перебежчики из Советского Союза рассказывали, что в ведомстве госбезопасности существует секретная лаборатория, которая создает яды для оперативных целей. Информатор ЦРУ, побывавший в Москве, сообщил, что видел в ботаническом саду необычные растения из субтропиков, которые выращивались по заказу чекистов.

Страх широко распространился в американском обществе. Если советские и китайские коммунисты, используя гипноз и наркотики, заставляют людей делать то, что им нужно, если они овладели этим чудодейственным оружием, то вскоре смогут влиять на американцев в их собственном доме.

В 1953 году управление психологической стратегии ЦРУ потребовало внимательно следить за поведением ведущих американских политиков, которые могут подвергнуться воздействию подобных препаратов, чтобы заставить их служить советским интересам. В апреле 1953 года директор ЦРУ Аллен Даллес, выступая в Принстонском университете, предупреждал,

что советские спецслужбы пытаются влиять на умы людей, чтобы использовать их в своей пропаганде.

ЦРУ выясняло у людей, побывавших в советских тюрьмах, подвергались ли они воздействию каких-то препаратов и гипноза. Отвечал за программу полковник Шеффилд Эдвардс. Он назвал этот секретный проект «Блюбёрд», потом его переименовали в «Артишок».

4 апреля 1953 года Аллен Даллес получил докладную записку с предложением проводить исследования, которые позволят использовать биологические и химические препараты в тайных операциях. Проект именовался «МК-ультра». 13 апреля Аллен Даллес одобрил план. В общей сложности программа действовала двадцать три года.

Ученые, работавшие по контракту с ЦРУ, пробовали различные наркотические препараты, которые расслабляли и развязывали язык, заставляли пациентов безостановочно болтать. Иногда пациенты говорили так много, что невозможно было отделить правду от фантазий. Англичане уже прошли этой дорогой.

В 1931 году в лондонской больнице врач по имени Стивен Хорсли обратил внимание на то, что роженицы, которым давали нембутал (снотворное из группы барбитуратов), иногда теряли контроль над собой и рассказывали врачам самые интимные детали своей жизни. Когда действие лекарства прекращалось, они ничего не помнили.

Барбитураты были очень распространены как средство от бессонницы, но от передозировки барбитуратов умерло много людей.

Врач экспериментировал с другими барбитуратами — перспективными показались содиум амитал и содиум пентонал. Задача состояла в том, чтобы удержать пациента в пограничном состоянии между сном и бодрствованием, когда пациент уже потерял над собой контроль, но еще не отключился и в состоянии отвечать на вопросы. Для этого он держал иглу в вене и вводил препарат постепенно.

Пациенты действительно расслаблялись и начинали рассказывать о своем детстве и вообще испытывали желание поделиться своими секретами. Врач решил, что нашел препараты, позволяющие устанавливать контакт с мозгом, который находился в бессознательном состоянии. Его опыт учли. Офицеры МИ-5 давали барбитураты перелетевшему в Англию заместителю фюрера Рудольфу Гессу, чтобы понять, что у него на уме. Но выудить им ничего не удалось. Психиатры пришли к выводу, что это человек «без интеллектуальных интересов», иначе говоря

небольшого ума.

В июне 1940 года молодого психиатра Уильяма Сарджента попросили помочь доставленному из Дюнкерка контуженому солдату. Он страдал от тяжелого стресса, его трясло, он не мог говорить и три дня не мог помочиться. Врач дал ему содиум амитал. Солдат стал рассказывать о том, что с ним произошло, и помочился. Когда действие препарата прекратилось, он перестал трястись и нормально говорил. Врач описал этот случай в медицинском журнале «Ланцет». Через полтора месяца, 12 июля 1940 года, его попросили поработать на контрразведку МИ-5.

Уильям Сарджент был необычным человеком. Талантливый, но крайне самоуверенный. Он учился в Кембридже, профессионально играл в регби. Из него вышел бы солдат или искатель приключений. Он сам страдал депрессиями. Сарджент был готов идти дальше, чем другие психиатры. Если обычная доза антидепрессантов не срабатывала, он ее удваивал. Многие годы он работал на британскую контрразведку, стал своего рода домашним психиатром МИ-5. Он говорил сам о себе:

— Одни думают, что я чудесный доктор, другие считают меня порождением дьявола.

24 июля 1942 года британские дешифровщики прочитали перехваченную телеграмму начальника полиции безопасности и СС в оккупированном Днепропетровске. Немец докладывал в Берлин, что эксперименты с скополамином, который впрыскивали пойманным парашютистам, прошли успешно. Это препарат, получаемый из белладонны, считался болеутоляющим.

Гестаповцы столкнулись с тем, что пытки не всегда развязывали язык, поэтому искали сыворотку правды. Действовали эмпирически — давали смеси разных лекарств и смотрели, каков будет эффект. Людей, которых использовали в качестве подопытных кроликов, в распоряжении нацистских врачей было предостаточно.

В 1942 году британское управление специальных операций начало работу над проектом, который должен был помочь агентам-оперативникам. Фармакологи создали для диверсантов целую аптечку: таблетки «А» — от морской болезни, таблетки «Б» (бензедрин) придавали сил в кризисной ситуации; капсулы «Е» — болеутоляющее средство; таблетки «К» (на основе морфинов) — для врагов, их следовало подмешать в воду, чтобы выключить противника, таблетки «Л» — для самоубийства.

Первый амфетамин был синтезирован в 1927 году. Через пять лет он начал продаваться под торговой маркой «бензедрин» и использовался для лечения психических заболеваний. Потом появились более мощные препараты этой группы, оказавшиеся

сильными стимуляторами. Британские следователи, чтобы получить показания, вводили пленным немцам бензедрин сульфат — сыворотку правды. Но особого успеха не добились. «Сыворотка правды» давала результаты не лучшие, чем меры физического воздействия. Так что зачем выбирать сложный путь и возиться с препаратами?

Химик Стэнли Лоуэлл, руководитель научного отдела управления стратегических служб США, разработал яд на основе ботулина, который в виде крохотных желатиновых капсул собирались раздавать проституткам в Азии, чтобы они подмешивали яд в питье японским офицерам. Офицеры, которые везли этот груз по морю, решили проверить препарат на ослах. Дали препарат одному ослу — ничего. Второму — тоже никакого эффекта. Они решили, что препарат никчемный, и выбросили его в море. Стэнли Лоуэлл страшно веселился: ослы — единственные млекопитающие на земле, которые имеют иммунитет к ботулизму.

Осенью 1942 года его попросили поработать над сывороткой правды.

Начали с препарата под названием мескалин. В конце января 1943 года его испытывали на пациентах одной больницы — они почувствовали себя плохо, и все. Использование скополамина привело к галлюцинациям, головной боли и сухости во рту.

Попробовали марихуану. Она развязывала язык. Люди безостановочно говорили, выбалтывали подробности своей жизни, какие в реальности, возможно, хотели бы скрыть. Они никому не давали вставить слово — говорили безостановочно.

Попробовали на пленном — капитане немецкой подлодки, которого держали в лагере в Вирджинии. Ему должны были дать сигареты с марихуаной, чтобы выпытать максимальную глубину, на которую могут погружаться немецкие субмарины. Но следователь перепутал пачки и выкурил марихуану сам. В результате немец ничего не сказал, а следователь ему признался:

— Мой начальник, майор Квинн, пристает к моей жене. Если он это не прекратит, я его пристрелю.

После ста тридцати двух экспериментов на сорока четырех людях пришли к выводу, что из скополамина, кофеина, бензедрина, алкоголя и марихуаны самым эффективным средством оказалась марихуана. На втором месте смесь алкоголя и кофеина, наилучший вариант — много пива и кофе. Чем больше использовали различные препараты, тем больше вопросов возникало. Пациенты говорили так много, что невозможно было отделить правду от фантазий. А ЦРУ требовало создать препарат, который позволил бы узнать правду, именно правду. Но этого как

раз и не получалось.

Разведка зависит от способности точно оценить надежность получаемой информации. Надо знать: говорит ли информатор правду? Можно ли ему доверять? Если да, то в какой степени? Разведчики определяют это, основываясь на опыте и интуиции, проверяя и перепроверяя получаемые данные. С помощью сыворотки правды ЦРУ пыталось устранить возникшую неопределенность. Но разведка — в большей степени искусство, чем наука. Вместо того чтобы прекратить бесполезные эксперименты, ЦРУ продолжало их в надежде создать магическое средство, которое позволило бы повелевать мозгом и волей человека.

Десять лет по поручению ЦРУ изучались яды растительного и животного происхождения. Грибы, найденные в Латинской Америке, позволили выделить два препарата — псилоцин и псилоцибин.

Альберт Хофман работал на швейцарскую фармацевтическую компанию «Сандоз», которая наняла его, чтобы он изобрел препарат, помогающий женщинам при родах. Когда он синтезировал аналог грибка спорыньи — диэтиламид лизергиновой кислоты (ЛСД), то решил, что это не то, что нужно его работодателям. И только в 1948 году вернулся к тому, что изобрел. Он понял, что синтезировал невероятно мощный препарат.

Работавшие с ЛСД ученые пытались понять природу галлюцинаций, которые вызывает препарат. Похоже, наступает временное помешательство, что-то вроде хронической шизофрении, и это позволяет заглянуть в мир психических заболеваний.

Новинкой заинтересовались спецслужбы.

— Мы были глубоко озабочены проблемой промывания мозгов, — рассказывал один из директоров ЦРУ Ричард Хелмс. — Мы не могли позволить себе отстать от русских и китайцев. Единственный путь проверить, насколько угроза реальна, — испытать ЛСД и другие препараты и выяснить, можно ли влиять на поведение человека.

Экспериментировал с ЛСД руководитель подразделения технической поддержки ЦРУ молодой доктор наук Сидни Готлиб. Он жил на своей ферме под Вашингтоном, держал скот, сам делал сыр, пил только козье молоко. У него была врожденная косолапость, и он сильно заикался. Во имя успеха Сидни Готлиб ни перед чем не останавливался. ЛСД давали людям. Среди них был будущий писатель Кен Кизи, автор прекрасного романа «Полет над гнездом кукушки», который столь же удачно

экранизировали. Тогда Кен Кизи работал санитаром в психиатрической клинике.

Испытания ЛСД на людях закончились провалом, подопытные кролики бредили, их мучили галлюцинации. Было несколько смертельных случаев. Так погиб специалист по биологической войне Фрэнк Олсон. Олсон работал в университете в Висконсине и сотрудничал с центром биологической войны в Форт-Детрике.

Во время научной конференции, где обсуждался ход исследований, 18 ноября 1953 года Сидни Готлиб подмешал ЛСД в бутылку с ликером куантро и угостил всех участников. Через полчаса спросил, кто как себя чувствует, нет ли у кого странных симптомов. Симптомы были у всех, но на следующий день всем стало лучше. А у Фрэнка Олсона началась настоящая психопатия. Он погрузился в тяжелую депрессию.

Олсон не подозревал, что за неделю до этого на другом совещании было высказано пожелание провести эксперимент на человеке, который бы об этом не догадывался. Теперь в ЦРУ не знали, что делать. Нельзя же вести его к врачам и объяснять, что именно так подействовало, — это же подсудное дело.

Олсон решил проблему сам. Он объяснил начальнику, что хочет уйти в отставку, потому что совершил что-то ужасное. Олсон был счастлив в браке, имел троих детей. Неожиданно он признался жене, что он неудачник. Что же он сказал себе?

В нью-йоркской гостинице «Стэтлер» он делил гостиничный номер на тринадцатом этаже с сотрудником ЦРУ. В субботу 28 ноября 1953 года в половине третьего утра тот проснулся от звука разбиваемого стекла и увидел, что сосед выбросился из окна.

Руководство ЦРУ позаботилось о том, чтобы вдова получала пособие, равное двум третям его базовой зарплаты. И о том, чтобы никто не узнал, что произошло.

Внутреннее расследование продолжалось два месяца. В управлении пытались приравнять смерть врача к потерям, которые всегда бывают на войне. В начале февраля 1954 года доклад положили на стол Аллену Даллесу. Генеральный инспектор управления Лиман Киркпатрик рекомендовал сделать выговор виновным, но руководитель исследовательского подразделения ЦРУ написал Даллесу, что это «подорвет энтузиазм, необходимый в нашей работе».

Даллес подписал письменный выговор двум виновным, велел прочитать им текст, но приказа в руки не давать и копий с них не делать. А устно сказать обоим, что в личных делах пометок не будет. Даллес не прекратил эксперименты. Еще десять лет программа «МК-ультра» продолжалась. Минимум пятьдесят человек получали ЛСД и не подозревали об этом.

Возможно, у Даллеса были личные мотивы поддерживать исследования, связанные с изучением мозга. Физически его сын, тяжело раненный на корейской войне, поправился. Он был по-прежнему красив, крепок, но мозговая деятельность полностью не восстановилась, несмотря усилия на медиков и психиатров. Аллен Даллес по всему миру искал хороших психиатров, которые бы помогли его сыну, но безуспешно.

За одиннадцать месяцев до самоубийства Олсона такая же судьба постигла Харольда Блауэра, профессионального игрока в теннис, который страдал шизофренией. В психиатрическом институте в Нью-Йорке ему ввели синтетический дериватив мескалина. Закончилось это его смертью. Врач признался, что даже не знал, какой именно препарат дает больному. Препарат принесли представители армии США.

В ЦРУ получили сведения о том, что советская разведка пытается раздобыть ЛСД. Производился препарат только в одном месте — в Швейцарии. 4 сентября 1953 года представители ЦРУ навестили компанию «Сандоз». Они доложили начальству, что у компании есть десять килограммов ЛСД, это невероятное количество. Чтобы ЛСД не попал в руки КГБ, Аллен Даллес решил приобрести весь запас. Ассигновали двести сорок тысяч долларов.

2 декабря двух сотрудников резидентуры ЦРУ отправили совершить сделку. Приехав в Базель, они поняли, что их коллеги-американцы запутались в непривычной для них метрической системе: речь шла не о килограммах, а о миллиграммах. «Сандоз» никогда не производил ЛСД килограммами. Швейцарцы произвели всего около сорока граммов. Из них десять граммов уже были в Соединенных Штатах, и еще десять можно было приобрести. ЦРУ договорилось с руководством компании, чтобы она никогда не продавала ЛСД советским представителям.

В июне 1952 года Сидни Готлиб попросил бывшего офицера управления стратегических служб Джорджа Уайта оборудовать конспиративную квартиру, куда проститутки должны были приводить клиентов и тайно давать им ЛСД. Прозрачное с одной стороны зеркало на стене позволяло наблюдать за тем, что происходит в комнате.

ЦРУ желало овладеть технологией «медовых ловушек», которые так широко использовали разведки социалистических стран. Опыты показали, что мужчины испытывают желание пооткровенничать с женщиной не во время секса, а после него, когда они удовлетворены и расслабленны, и даже ЛСД им не нужен.

В пятидесятых годах начались новые эксперименты. Реактивные двигатели сделали возможными длительные полеты

на большой высоте. Летчики не справлялись — они теряли контроль над собой, подвергая риску свою жизнь. Пристегнутые к креслу пилоты во время всего полета не могли двинуться. Они не видели ни крыльев своего самолета, ни носа самолета — лишь бесконечное небо. Единственный звук — монотонный шум двигателей.

Опыты по сенсорной изоляции проводились в Канаде с сентября 1951 года. Жизнеощущение летчиков моделировали на земле. Нуждающимся студентам платили по двадцать долларов в день за то, чтобы они лежали неподвижно, лишенные возможности что-либо потрогать, ощутить, услышать, увидеть. Никто не предполагал, что эффект окажется таким сильным. Мало кто выдерживал. Участники эксперимента теряли ориентацию и не могли потом ходить без чужой помощи. Довольно быстро возникали галлюцинации, странные боли, слабость, голод, жажда. Появлялись сомнения во всем привычном. Мозг, лишенный информации, переставал работать в обычном режиме.

Для ЦРУ эти эксперименты стали ответом на вопрос о том, как в Советском Союзе ведутся допросы. Для оперативного состава МИ-5 и МИ-6 ввели курс выживания в плену и противостояния технике допроса, принятого в СССР и КНР, и это были очень непопулярные курсы. Англичан готовили к избиениям, лишению сна и сенсорной изоляции. Погружали голыми в жидкий желатин, на голову надевали шлем с дыхательным прибором. Единственное, что слышал испытуемый, — это собственное дыхание.

В ЦРУ полагали, что в КГБ используют гипноз, чтобы заставлять подсудимых и пленных говорить то, что желают услышать чекисты. Морс Аллен, который занимался программой «Блюбёрд», тоже захотел провести эксперименты с гипнозом. Он предлагал секретарш из ЦРУ отправлять в иностранные посольства, чтобы они запоминали все, что видят и слышат. Он пытался гипнотизировать секретарш, чтобы побудить их на приемах заводить знакомства с нужными людьми.

Возникла и другая заманчивая идея — готовить убийц, действующих под гипнозом. Вообще-то в пятидесятых годах, в острый период холодной войны, профессиональных киллеров было больше чем достаточно. Но преимущество убийцы, находящегося под гипнозом, в том, что, будучи пойманным, он не назовет тех, кто его послал. Появился роман «Кандидат от Маньчжурии», навеянный этими идеями, — о том, как готовят убийцу, который должен застрелить президента. Роман экранизировали, и кинематографисты вновь и вновь берутся за

этот сюжет.

В марте 1952 года Сталин сделал неожиданное предложение об объединении Германии. Возникла старая идея встречи в верхах, которая поможет разрядить обстановку. Премьер-министр Уинстон Черчилль был готов участвовать. И французы не возражали. 22 августа 1952 года Сталин, которого иностранцы давно не видели, вдруг принял французского посла Луи Жокса и полчаса с ним разговаривал. Решили, что это верный сигнал — Сталин готов ехать в Париж.

В ЦРУ созрел безумный замысел избавить мир от советского вождя, если он приедет во Францию. Лимузины для государственных визитов обслуживались в гаражах, где ЦРУ рассчитывало найти среди механиков людей, готовых помочь. Оперативники прикидывали варианты: взорвать машину со Сталиным? Распылить яд в его лимузине? Или воспользоваться идеями ученых и отправить убийцу, который ничего потом не расскажет?

Самое поразительное, что план операции переходил из кабинета в кабинет, не встречая возражений. Заместитель директора ЦРУ Аллен Даллес прочитал бумагу и отдал Уолтеру Беделлу Смиту. И только Смит приказал прекратить разработку планов убийства Сталина. Тем более что стало ясно: за границу вождь не поедет, встречи в верхах не будет…

Одно дело заставить человека под гипнозом нарушить закон в условиях лаборатории, другое — в реальной жизни. ЦРУ всегда отрицало, что удалось добиться успеха. Похоже, это тот случай, когда разведчики не врут. Если речь идет о тайных убийствах, то необходимы два условия: что убийство будет совершено и что убийца не признается. Если оба условия не гарантированы, подобные дела становятся крайне сомнительными. Зачем так все усложнять? Хороший профессионал надежнее.

Амбициозный доктор Эвен Камерон, выходец из Шотландии, в 1943 году основал в университете в Монреале кафедру психиатрии. Он мечтал создать лекарство от всех психических заболеваний и получить Нобелевскую премию. Он готов был опробовать любой препарат, самый сомнительный, и любую терапию. Ему особенно нравился электрошок. Это очень сомнительная терапия, похожая на то, как вырубают зависший компьютер. Всякий раз возникает риск полной потери памяти. Камерон же делал то, на что никто из его коллег не решался: вместо одного шока проводил целую серию.

ЦРУ заинтересовалось работами Камерона по амнезии, потому что хотело знать, как сделать так, чтобы человек забыл секреты, которые он узнал. У разведки были проблемы с

бывшими агентами, отправленными в отставку, но знавшими слишком много. Единственная возможность — заставить их все забыть. Но как?

В июле 1953 года бывший сотрудник ЦРУ, превратившийся в хронического алкоголика, должен был подвергнуться хирургической операции. Он боялся, что под наркозом выдаст секреты, и настоял на том, чтобы во время операции присутствовал его коллега по управлению. И он действительно во время операции постоянно говорил, и в том числе о ситуации в ЦРУ.

Так что же делать с бывшими сотрудниками? Нельзя же за ними присматривать всю жизнь. Обсуждали идею стереотаксических операций на мозге, но техника очень сложная, чтобы на нее полагаться. Непрактично и аморально.

С апреля 1957 по июнь 1960 года Камерон получил по программе «МК-ультра» от ЦРУ семьдесят пять тысяч долларов. Проверка его работы показала, что ему ничего не удалось. Сотрудники ЦРУ потом говорили, что прибегнуть к его услугам было большой ошибкой: «Нам не стоило этого делать. Мы крайне сожалеем». Охранники рассказывали, что комнаты, в которых шли опыты, походили на камеру пыток: «Возникало ощущение, что ты в концлагере». Прозрачные с одной стороны зеркала позволяли Камерону наблюдать за поведением испытуемых.

В разгар холодной войны специальные службы практически были вне контроля и считали, что для достижения цели все средства хороши. Однажды директор ЦРУ Уолтер Беделл Смит пришел к президенту Трумэну и рассказал, что его подчиненные представили план такой операции, которая нарушает все законы. Гарри Трумэн вытащил из письменного стола какой-то бланк, написал на нем несколько слов и отдал директору ЦРУ. Выйдя из Овального кабинета, Смит увидел, что это бланк президентского помилования, в котором значится его имя.

8 июня 1962 года второму секретарю американского посольства в Берне позвонил коллега из Женевы: на конференции по разоружению советский чиновник попросил устроить ему встречу с представителем американского правительства. Разведчики понимали, что имеется в виду. Второй секретарь был в реальности заместителем руководителя советской линии в резидентуре ЦРУ и попросил коллегу назначить время и место встречи, а сам поспешил на самолет в Женеву. С собой он взял помощника — хорошо говорившего по-русски Джорджа Кизевальтера.

С опозданием в полтора часа появился высокий и самоуверенный человек с квадратной челюстью. Он извинился за

опоздание — проверялся — и представился: подполковник Юрий Иванович Носенко, второе главное управление КГБ. Американцы переглянулись: если сказанное правда, то это редкая удача. Еще ни одного агента из второго главка у ЦРУ не было, о его существовании в ЦРУ узнали всего пару лет назад.

Юрий Носенко предложил сделку: его жена и дети в Москве, поэтому он не хочет просить политического убежища. И шпионить на американцев он не собирается. Но он прогулял девятьсот швейцарских франков — казенные средства, вернуть их ему неоткуда, и он в беде. В обмен на эту сумму Носенко готов передать американцам служебное наставление КГБ по организации наружного наблюдения. Американцы выдали ему деньги вперед и сказали, что предложат больше, если он принесет не только это наставление, но и другие материалы. Если он назовет имя советского агента внутри Соединенных Штатов, то ему заплатят двадцать пять тысяч долларов.

Подполковник не спешил с ответом: большинству агентов нужно время, чтобы освоиться с новой ролью. Но между делом Носенко рассказал во время двухчасового разговора, где находятся микрофоны в здании американского посольства в Москве.

Через три дня они встретились вновь. Носенко принес наставление. Там было много такого, о чем американцы и не подозревали: например, служба наружного наблюдения КГБ опрыскивала подошвы нужного человека специальной жидкостью, чтобы собаки всегда могли взять след.

Но в Вашингтоне подполковнику Юрию Носенко не поверили. Начальник контрразведывательной службы ЦРУ Джеймс Энглтон сказал, что другой перебежчик, Анатолий Голицын, который перешел к американцам за полгода до этого в Хельсинки, предупреждал: КГБ задумал операцию дезинформации. В ЦРУ будут засылать мнимых перебежчиков, чтобы пичкать американскую разведку ложными сведениями. Джеймс Энглтон решил, что Носенко и есть подстава.

На встрече в Женеве Носенко говорил, что работал в том отделе второго главка, который занимался иностранными туристами. Через два месяца после убийства президента Джона Кеннеди Носенко опять приехал в Женеву. Теперь он был готов бежать на Запад. Надеясь заинтересовать ЦРУ, он сказал, что все знает о Ли Харви Освальде. Он занимался этим молодым американцем, когда тот приехал в Советский Союз, и участвовал в служебном расследовании, которое проводилось после убийства Кеннеди. Носенко сказал, что он единственный в КГБ, кто все знает об Освальде.

Его посадили в американский военный самолет и вывезли во Франкфурт-на-Майне, оттуда переправили в Вашингтон. Для его советского начальства он словно исчез с лица земли. 12 февраля 1964 года он уже был в Соединенных Штатах.

Теперь в ЦРУ не знали, что с ним делать: он действительно перебежчик или подстава, как предупреждал Голицын? Надо же, к ним обращается именно тот человек, который занимался делом Ли Харви Освальда! Слишком хорошо, чтобы быть правдой. Будущий директор ЦРУ Ричард Хелмс распорядился провести допрос с пристрастием: русский должен заговорить.

4 апреля Носенко сказали, что ему проведут медицинское обследование и заодно проверят на полиграфе. Исходили из того, что Носенко, как профессионал, обучен обманывать полиграф, поэтому с ним надо обращаться жестко. После длительной процедуры ему сообщили, что он не прошел проверки. Двое охранников сорвали с него одежду, завязали глаза, посадили в машину и увезли на конспиративную квартиру в пригороде Вашингтона, где могли делать с ним все, что хотели.

Бывшего подполковника поместили в комнату с закрытыми окнами. Из мебели только железная кровать. Его плохо кормили — на доллар в день. Побриться и принять душ разрешали раз в неделю. Ни радио, ни телевидения, ни книг, никакого человеческого общения. Сигарет ему не давали. Дверь в туалет отсутствовала, он постоянно находился под наблюдением. Летом было очень жарко, зимой холодно — в домике отсутствовали и кондиционер, и отопление.

Время от времени Носенко допрашивали. Делали это двое, на него кричали, стараясь запугать. Иногда допрос продолжался сутки, следователи твердили:

— Мы точно знаем, что ты выполняешь задание КГБ, так что лучше признаться.

Через семнадцать месяцев его перевели в другое место — специально для него построили камеру в учебном лагере ЦРУ в двух часах езды к югу от Вашингтона. В камере постоянно горел свет. Кровать была слишком мала, с жестким матрасом и без подушки. Плохая еда, зато с кухни постоянно распространялись манящие запахи — как средство психологического давления. Полчаса в день прогулка, но за оградой, так что он никого не видел.

Ему не давали зубной щетки, зубы стали портиться. Во время медицинского осмотра доктор запустил палец в перчатке в анус и держал его там нарочито долго. Носенко говорил потом, что не мог понять, зачем это, а потом решил: просто чтобы его унизить. Во время следующей проверки на полиграфе ему сказали, что он

гомосексуалист, и требовали, чтобы он рассказал, с кем у него были интимные отношения. Очередная проверка на полиграфе продолжалась пять часов.

Следователи включали и выключали свет в его комнате без окон, так что он терял представление о подлинном ходе времени. Он объявил голодовку и похудел на двадцать килограммов. Он говорил все, что от него требовали, но сотрудники ЦРУ не знали, можно ему верить или же он все еще продолжает врать?

В ЦРУ все перепробовали и оказались в тупике. После того как в Москву в 1963 году бежал Ким Филби, главный контрразведчик Энглтон только уверился в мысли, что внутри ЦРУ есть столь же высокопоставленный агент КГБ. А Носенко молчит, потому что это часть крупного плана проникновения в ЦРУ.

Пять недель с ним работал один из психиатров, участвовавших в программе «МК-ультра» и применявший ЛСД. Носенко давали препараты, от которых у него начинались галлюцинации. Все это было бесполезно и не приблизило следователей к ответу: можно или нельзя верить Носенко. Прием ЛСД всякий раз давал иной результат: человек то говорил правду, то фантазировал. Технологии воздействия на подсознательное просто не работали. Контрразведчики так и не определили, могут ли они верить Носенко. В октябре 1967 года его выпустили. Он провел в одиночном заключении три с половиной года…

Документы ЦРУ, в которых содержится анализ того, что произошло с пленными в Северной Корее, свидетельствуют: в распоряжении советских и китайских следователей не было чудодейственной или дьявольской техники по промыванию мозгов. Наркотики или иные препараты не использовались. Признания в том, чего американцы не совершали, выбивались путем насилия, угроз, лишения самого необходимого и создания невыносимых условий.

Попавшие в плен американские солдаты и офицеры пали духом, думали только о том, как выжить в плену. Исследование, проведенное университетом Джорджа Вашингтона, показало, что семьдесят процентов американских военнослужащих, попавших в плен, не выдерживали давления и участвовали в антиамериканской пропаганде. Для Пентагона это было невыносимо. Разрабатывались программы подготовки военнослужащих к плену.

Сорок англичан в корейском плену обратили в коммунистическую веру. Вернувшись в Англию, они забыли об этом, как о тягостном бреде. Один англичанин — морской пехотинец Эндрю Кондрон остался в Китае. Он вернулся на

родину в 1960 году. Из американцев, оставшихся после войны в Корее, вернулись все, кроме троих.

Термин «промывание мозгов» был придуман американским журналистом по имени Эдвард Хантер из газеты «Майами дейли ньюс». Никто не знал — журналист получал деньги от ЦРУ. Шум вокруг этой истории позволил ЦРУ проводить свои программы.

«Промывание мозгов» — очень удачное выражение, которое позволяет объяснить поведение человека, совершающего нечто необычное. Если люди присоединяются к тоталитарным сектам или к радикальным исламистам, подкладывают бомбы или стреляют в людей — значит, им промыли мозги. Нормальные люди этого же не делают, верно? «Контроль над разумом» — самая популярная среди теорий заговоров. Но промывание мозгов не получается. Человек не теряет воли. Возможности человеческого мозга остаются прежними. Люди совершают неожиданные или безумные поступки, потому что они оказались в ситуации, которая подтолкнула их к этому решению.

Как правило, мало кто в состоянии противостоять умелым следователям, которые не нуждаются в химических препаратах.

Опыт, здравый смысл, познания в разных сферах жизни, способность ассоциировать себя с самыми разными людьми — вот что им помогает. Очень важна ненависть к врагу. Эта ненависть питает агрессию следователя, дает ему железную решимость расколоть шпиона. Он должен уметь думать недогматически, ожидать неожиданного, принимать парадоксы. Профессионалы говорят, что главное оружие следователя — не жестокость, не инструменты для пыток, а стакан и бутылка. Страх — вот что помогает следователю.

Военнопленный — очень уязвимый человек. Он не знает, что с ним будет, освободят ли его, увидит ли он когда-нибудь свою семью, накормят ли его или медленно умертвят. Он очень уязвим для давления и уговоров. Следователь может держать его в этом состоянии как угодно долго, чтобы постепенно сломить волю к сопротивлению и доказать, что пленному лучше заговорить.

В управлении исследований и развития ЦРУ все время что-то придумывали. Амбициозные ученые предлагали разведчикам новые разработки. В начале шестидесятых возникла идея вживлять микрочипы непосредственно в мозг. Однако в июне 1964 года проект «МК-ультра» прекратили. В июне 1972 года вообще закрылись все программы по тематике промывания мозгов. На следующий год Сидни Готлиб и его покровитель — директор ЦРУ Ричард Хелмс ушли в отставку. Они договорились материалы всех программ уничтожить, чтобы не компрометировать управление. Но документы в таком

бюрократическом учреждении хранятся не в одном экземпляре…

Когда в 1975 году сенатская комиссия под председательством Фрэнка Чёрча занималась тайными операциями ЦРУ, Готлиб, уже вышедший в отставку, уехал в Индию и работал в лепрозории. Он, сославшись на плохое состояние здоровья, отказался прибыть для дачи показаний перед сенатской комиссией.

Но в пятьдесят втором году американцы об этом еще не знали. Джордж Кеннан, склонный к депрессиям, к тому времени уже посол Соединенных Штатов в Советском Союзе, опасался, что русские смогут им управлять, и плохо справлялся с этим психологическим давлением. Он не хотел причинить вред родной стране и потому попросил яда.

В ЦРУ решили удовлетворить просьбу посла. Несколько ампул с цианистым калием переслали с дипломатической почтой в американское посольство в Москву. Но Джорджу Кеннану они уже не понадобились. Его нервы не выдержали.

5 августа 1952 года посольство СССР в Вашингтоне отправило в Москву политический отчет за второй квартал:

«Правящие круги Соединенных Штатов продолжают форсировать осуществление своей политики агрессии, политики подготовки и развязывания новой мировой войны… Во втором квартале, особенно в июне, на страницах американской печати был поднят большой шум вокруг вопроса о «кампании ненависти к Америке», якобы проводимой в Советском Союзе. Печать указывает, что на эту «кампанию ненависти» обратил внимание американского правительства Кеннан, который по прибытии в СССР якобы был «поражен и обеспокоен ее размахом»…

Следует отметить, что желтая пресса США и некоторые члены конгресса пытались поднять в связи с назначением тов. Зарубина грязную кампанию злобной клеветы и измышлений, утверждая, что тов. Зарубин был «замешан в шпионской деятельности во время его пребывания в Канаде» и что он «причастен к катынскому делу».

Американские журналисты, надо понимать, спутали двух Зарубиных.

Майор госбезопасности Василий Михайлович Зарубин после раздела Польши осенью 1939 года был командирован приказом наркома внутренних дел Берии в Козельский лагерь для польских военнопленных. Он возглавил бригаду следователей, которая сортировала пленных. Признанных опасными решением политбюро расстреляли. Василия Зарубина осенью 1941 года отправили в Соединенные Штаты резидентом внешней разведки. Правда, в Америке работал он под другой фамилией — Зубилин.

А послом летом 1952 года Сталин назначил другого Зарубина

— Георгия Николаевича, выпускника текстильного института, которого в 1940 году взяли на дипломатическую работу. Работу за границей он начал с Канады. При нем бежал шифровальщик Гузенко, может быть, поэтому посол Зарубин ассоциировался со спецслужбами.

Что касается Кеннана, то в Москве давно хотели от него избавиться.

Когда президент Гарри Трумэн отправлял Джорджа Кеннана в Москву, то полагал, что сделал идеальный выбор: Кеннан — лучший специалист по Советскому Союзу. Кеннан стал первым профессиональным дипломатом на посту посла США в СССР.

Кеннан приехал в Москву послом, когда шла корейская война и антиамериканская кампания достигла апогея. Он поразился откровенной враждебностью к Соединенным Штатам. К Сталину он не попал. Вождь больше не принимал американских послов. Даже те, кому раньше разрешалось общаться с дипломатами, исчезли.

Кеннану особенно было обидно, что советские власти так пренебрежительно относятся к человеку, влюбленному в Россию. Кеннан с нежностью описывал жизнь русского народа и замечал, что «Россия у него в крови», что он ощущает «какое-то таинственное родство с Россией, которое я не мог бы объяснить даже самому себе».

Приезжавших американцев в Советском Союзе поражало почти все. Одна американка, вспоминает Ребекка Мэтлок, жена другого посла США в Москве, удивлялась тому, что в Советском Союзе повсюду бордовый плюш — из него шьют платья, портьеры, им обиты стулья в театре, накрыты постели в гостинице. И запах: смесь мокрого меха, вареной капусты, дешевых духов и пыли…

А вот Кеннану нравилась Россия. В июле 1952 года он описывал патриархальную жизнь на садовых участках на окраинах Москвы: «Все происходит как-то интимно и непринужденно: стучат молотки, поют петухи, козы пасутся на привязи, босоногие женщины окучивают картошку, маленькие дети играют, семьи сидят за грубо сколоченными деревянными столами в садах под фруктовыми деревьями. Матушка Россия, забытая ради детских индустриальных фетишей раннего периода коммунизма, кажется, вновь распространяет свое тепло на человека. И только американский посол изолирован, как будто невидимой стеной, от общего благотворного влияния природы и общения человека с человеком».

В Джордже Фросте Кеннане, как выразился один историк, пресвитерианский церковный староста сосуществовал с геополитиком бисмаркского толка.

19 сентября в западноберлинском аэропорту один из журналистов поинтересовался у американского посла, как ему живется в Москве.

— Когда началась война, я работал в американском посольстве в Берлине, и нас интернировали, — откровенно ответил Кеннан. — Так вот в Москве к нам относятся примерно так же, как нацисты относились к интернированным дипломатам. Разница лишь в том, что в Москве мы можем выходить из дому и ходить по улицам под охраной.

26 сентября 1952 года «Правда» обвинила американского дипломата во лжи. Разговор Джорджа Кеннана с журналистами стал желанным поводом для того, чтобы избавиться от неудобного американского посла.

28 сентября министр иностранных дел Вышинский отправил Сталину на утверждение проект ноты, подготовленной в МИДе. Получив согласие вождя, 3 октября Вышинский пригласил американского поверенного в делах и вручил ему ноту: «Господин Кеннан на аэродроме Темпельхоф в Берлине перед представителями западно-берлинской печати и американскими корреспондентами сделал заявление, в котором допустил клеветнические, враждебные в отношении Советского Союза выпады, что является грубым нарушением общепризнанных норм международного права. Советское правительство считает необходимым заявить, что оно рассматривает господина Кеннана как нежелательное лицо — persona non grata — и настаивает на немедленном отзыве господина Кеннана с поста посла Соединенных Штатов Америки».

Временный поверенный не согласился с тем, что заявление Кеннана является лживым и враждебным. «Я добавил, — пометил Вышинский в записи беседы, — что не намерен вступать с поверенным в делах в дискуссию…»

Кеннан полагал, что советские власти припомнили ему одну старую историю.

Американское посольство занимало жилой дом № 4 на Моховой улице, построенный академиком Иваном Жолтовским в стиле итальянского Ренессанса и известный как «дом с колоннами». Утром 9 мая 1945 года у здания посольства собралась большая толпа. Москвичи приветствовали союзника по антигитлеровской коалиции. Кеннан забрался на постамент перед зданием посольства и произнес короткую речь:

— Поздравляю с днем общей победы. Желаю успехов нашим советским союзникам.

В гости к Кеннану пришел американский журналист Ральф Паркер с женой. Квартира посла находилась на пятом этаже, и с

балкона было хорошо видно, как москвичи отмечают победу.

Паркер сказал:

— Какой замечательный день!

— Да, — согласился Кеннан, — но у меня печальные мысли.

— Почему? — удивился Паркер.

— Эти люди так много выстрадали, что думают, будто окончание войны устранит все их беды. Слишком много надежд. А возникнет множество проблем. Пройдет немало времени, прежде чем материальные условия жизни станут лучше…

Через четыре года Ральф Паркер издал книгу «Заговор против мира», в которой выступил против Запада на стороне сталинского режима. Эпизод на балконе он изобразил иначе. По его словам, Кеннан, скрипя зубами, произнес:

— Ха! Они празднуют и не понимают, что настоящая война вот-вот начнется!

Вот тогда, решил Кеннан, его зачислили в разряд злейших врагов. Но похоже, дело было в другом.

15 декабря 1952 года Сталин в присутствии членов Президиума ЦК принял руководителей Министерства госбезопасности. Речь шла о ходе реорганизации МГБ.

— Главный наш враг — Америка, — объяснял Сталин. — Но основной упор нужно делать не собственно на Америку. Нелегальные резидентуры надо создавать прежде всего в приграничных государствах. Первая база, где нужно иметь своих людей, — Западная Германия.

Вождь вернулся и к любимой теме:

— Коммунистов, косо смотрящих на разведку, на работу ЦК, боящихся запачкаться, надо бросать головой в колодец.

На Президиуме ЦК в тот день рассматривались два вопроса: «О вредительстве в лечебном деле», что привело к позорному «делу врачей», и «Информация о положении дел в МГБ СССР». Сталин раздраженно завел речь о «неблагополучии» в госбезопасности: «лень и разложение глубоко коснулись МГБ», у чекистов «притупилась бдительность».

В резолюции, одобренной Президиумом ЦК, записали: «Многие чекисты прикрываются гнилыми и вредными рассуждениями о якобы несовместимости с марксизмом-ленинизмом диверсий и террора против классовых врагов. Эти горе-чекисты скатились с позиций революционного марксизма-ленинизма на позиции буржуазного либерализма и пацифизма… не понимают той простой истины, что нельзя МГБ представлять без диверсий, проводимых им в лагере врага».

Сталин даже в старости казался крепким человеком. Впрочем, телевидения не было, и страна не знала, как именно выглядел

стареющий вождь. На своих портретах он был по-прежнему молод и полон сил, хотя в последние годы постоянно болел. Когда он себя плохо чувствовал, он никого к себе не допускал. Болея, уезжал на юг. Во время второго инсульта Берия хотел его навестить. Сталин запретил. Он не только не нуждался в чисто человеческом сочувствии, но и не хотел, чтобы кто-то знал о его недугах.

XIX съезд партии — в октябре 1952 года — последнее усилие, которое сделал над собой Сталин. Потом жизнь в Кремле как бы замирает. Вождя интересует только работа Министерства госбезопасности.

Сталин полагал, что его подручные — люди слабые, что они пасуют перед империалистами, нет в них настоящей стойкости. Он думал о том, что ему придется уйти из жизни, и боялся, что старые члены политбюро Молотов и Микоян толкнут молодых на уступки, дадут слабину. Часто упрекал соратников:

— Что с вами будет без меня, если война? Вы не интересуетесь военным делом. Империалисты вас передушат.

Однажды ночью, собрав членов политбюро у себя на даче, Сталин вдруг зло сказал:

— Вы состарились. Я вас всех заменю.

Уровень представлений о том, что происходит у «главного противника» — в Соединенных Штатах, характеризует политический отчет посольства СССР в США за четвертый квартал 1952 года: «Опубликование нового произведения И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и работа XIX съезда КПСС вызвали в Соединенных Штатах самые широкие отклики. Печать отметила, что «неожиданным созывом» XIX съезда Коммунистической партии «Кремль поставил себя в центр внимания всего мира»…»

Отчет отправили в Москву 12 января 1953 года.

На следующий день, 13 января, «Правда» опубликовала сообщение ТАСС «Арест группы врачей-вредителей» и редакционную статью «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». Вот это событие действительно приковало к себе внимание всего мира — в Советском Союзе происходило что-то чудовищное, чего мир после сорок пятого года не видел.

Советских людей информировали, что органами госбезопасности «раскрыта террористическая группа врачей, ставившая своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям СССР». В сообщении перечислялись арестованные врачи — шесть еврейских фамилий, три русские.

«Большинство участников террористической группы, — говорилось в сообщении ТАСС, — были связаны с международной

еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт», созданной американской разведкой… Арестованный Вовси М.С. заявил следствию, что он получил директиву «об истреблении руководящих кадров СССР» из США от организации «Джойнт» через врача Шимелиовича и еврейского буржуазного националиста Михоэлса.

Другие участники террористической группы (Виноградов В.Н., Коган М.Б., Егоров П.И.) оказались давнишними агентами английской разведки».

Страну охватила настоящая истерия. Люди отказывались лечиться, принимать лекарства. Все медики подпали под подозрение. «Дело врачей», начатое Сталиным в январе 1953 года, было частью глобального замысла. Предполагалось провести несколько судебных процессов, где бы все подсудимые признались в том, что они — американские и британские шпионы и террористы.

Чекисты давно искали людей, связанных с американской и британской разведкой, в непосредственном окружении вождя.

В бюллетене бюро информации ЦК ВКП(б) № 69 от 15 ноября 1947 года говорилось: «После войны, когда американский империализм выступил в роли застрельщика и оплота реакции во всем мире, его разведка направила свои главные силы на борьбу против Советского Союза».

21 февраля 1948 года Сталину отправили протокол допроса Виталия Васильевича Зайцева, который работал в посольстве США в Москве шофером, потом состоял в административно-хозяйственном отделе. Он подписал показания, что «по заданию американской разведки» выведывал у Киры Аллилуевой сведения о жизни вождя.

Кира Аллилуева — дочь Павла Аллилуева, брата жены Сталина. После войны арестовали его вдову. Потом дочь. Виталию Зайцеву и Кире Аллилуевой устроили очную ставку. Арестованная Аллилуева свидетельствовала: «При встречах со мной в 1945–1947 гг. Зайцев назойливо расспрашивал меня о том, какие театры и как часто посещает Сталин, где еще бывает Сталин, где находится дача Сталина и его семьи».

21 июня 1948 года Сталин получил спецсообщение об аресте «террориста» художника Даниила Леонидовича Андреева, сына знаменитого писателя:

«Андреев пытался выяснить расположение дачи И.В. Сталина в Зубалово и подъездные пути к ней, но, узнав, что дача усиленно охраняется, как он сам признал, от осуществления своего вражеского замысла в этом месте отказался…

Андреев вынашивал мысль о покушении на И.В. Сталина в

Государственном академическом Большом театре во время спектакля или торжественного заседания…

Несколько раз ему удавалось видеть, как машина главы Советского правительства, направляясь в город, не доезжая до Арбатской площади, сворачивала направо в Большой Афанасьевский переулок и через Малый Афанасьевский, минуя памятник Гоголю, выходила на улицу Фрунзе. Он изучал возможность произвести выстрел из квартиры зубного врача на улице Арбат, дом 9, по автомашине главы Советского правительства…»

Еще в июне 1947 года был арестован офицер главного управления охраны МГБ — заместитель коменданта сталинской ближней дачи подполковник Иван Иванович Федосеев. До Сталина дошли сведения, что его охранники устраивали пьянки, приводили проституток, угощались вином и продуктами, предназначенными для вождя. И вроде бы даже заглядывали в бумаги, лежавшие на столе у Сталина.

Подполковника Федосеева дважды допрашивал второй человек в партии Георгий Маленков. Подполковника держали в особой тюрьме для самых главных преступников. Федосеев жаловался следователю, что в камере «из разных уголков был шепот, шорох, кто-то все время говорил: «Признайся, признайся, ты предатель».

В 1947 году смертную казнь отменили, а в январе 1950 года восстановили.

1 марта Абакумов обратился к Сталину:

«В дополнение к представленному Вам списку арестованных изменников родины, шпионов и подрывников-диверсантов, которых МГБ СССР считает необходимым в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1950 года осудить к смертной казни, — прошу Вашего разрешения рассмотреть в Военной Коллегии Верховного Суда и приговорить к смертной казни — бывшего сотрудника Главного Управления Охраны МГБ СССР Федосеева, обвиняемого в шпионской деятельности.

Следствием установлено, что Федосеев, находясь на особо важном объекте охраны, на протяжении ряда лет скрытно читал секретные документы государственного значения, их содержание выбалтывал в беседах с сослуживцами и своими родственниками…»

Абакумов также просил дать по пятнадцать лет жене Федосеева — Пелагее Андреевне и его брату Анатолию Ивановичу, тоже бывшему чекисту, сотруднику отдела контрразведки МГБ по Днепровской военной флотилии.

В апреле Сталин подписал первый список на расстрел, в который включили Федосеева. 18 апреля Военная коллегия Верховного суда оформила приговор. В тот же день его расстреляли. Маленков отправил одного из своих подчиненных из аппарата ЦК присутствовать при казни: а вдруг перед смертью подполковник еще в чем-то признается?

Федосеева избивали и мучили, чтобы он дал нужные показания. Он подписал протокол допроса, в котором говорилось, что приказ отравить Сталина получил от начальника личной охраны вождя Николая Сидоровича Власика. Министр государственной безопасности Семен Игнатьев доложил об этом Сталину.

Генерал Власик, в силу своей близости к Сталину, занимал особое место во властной иерархии Москвы.

Майя Плисецкая вспоминала, как перед появлением Сталина в Большом театре «все уборные собственной персоной обходит генерал Власик с вышколенной стайкой стройных адъютантов. Не здоровается, лишь жестко, пристально вглядывается до самой селезенки так, что мороз по коже».

Генерал Власик жил весело, пил и гулял на казенный счет. Привозил женщин на правительственные дачи, случалось, устраивал стрельбу прямо за обеденным столом — стрелял по хрустальным бокалам. Обарахлился трофейным имуществом. И в своей безнаказанности зарвался. Его отстранили от должности и арестовали. Обвинили в том, что в его окружении были американские шпионы.

На допросах в Министерстве государственной безопасности от Власика требовали признаться, что он раскрыл этим людям систему сталинской охраны. Следователи получили от министра госбезопасности Семена Игнатьева указание бить арестованных «смертным боем». Игнатьев объяснил, что товарищ Сталин, узнав, что Власика не били, высказал упрек в том, что следствие «жалеет своих»…

По словам дочери генерала Власика, «его все время держали в наручниках и не давали спать по нескольку суток подряд. А когда он терял сознание, включали яркий свет, а за стеной ставили на граммофон пластинку с истошным детским криком».

Начались и аресты врачей, лечивших членов политбюро: начальника лечебно-санаторного управления Кремля профессора Петра Ивановича Егорова, академика Владимира Никитовича Виноградова, который с 1934 года заведовал терапевтическим отделением Кремлевской больницы, и профессора-консультанта Владимира Харитоновича Василенко.

Игнатьев 15 ноября 1952 года доложил Сталину:

«К Егорову, Виноградову и Василенко применены меры физического воздействия, усилены допросы их, особенно о связях с иностранными разведками…

Подобраны и уже использованы в деле два работника, могущие выполнять специальные задания (применять физические наказания) в отношении особо важных и особо опасных преступников».

Все шло к тому, чтобы предъявить Соединенным Штатам серьезные обвинения. Не только во вмешательстве во внутренние дела Советского Союза, но и в подготовке террористических актов против Сталина и других руководителей страны. В частности, выдвигалось обвинение в том, что из окон американского посольства, выходивших на Манежную площадь, собирались обстрелять Кремль, когда там соберутся Сталин и другие.

4 августа 1950 года американский посол побывал у заместителя министра иностранных дел Громыко.

«Заканчивая беседу, — записал Громыко, — посол как бы между прочим заметил, что на приеме в посольстве США в День независимости США, 4 июля, было очень мало русских — всего девять человек из сорока приглашенных. Я ограничился замечанием, что это, возможно, объясняется тем, что в настоящее время многие из приглашенных проводят отпуск и находятся вне Москвы».

4 июля 1951 года на традиционный прием в американское посольство пришли всего несколько рядовых советских чиновников и через полчаса ушли. Это был верный признак, что отношения ухудшились донельзя.

Объявив посла Джорджа Кеннана персоной нон грата, представительство Соединенных Штатов обезглавили. От американских дипломатов требовали переехать в другое здание. Они ожидали полного разрыва дипломатических отношений и жили в Москве как в осажденной крепости, у них было ощущение, что их в любую минуту могут арестовать.

«Это было самое страшное время, — вспоминал один из сотрудников посольства. — События развивались по очень дурному сценарию, дело шло к разрыву дипломатических отношений. Персонал посольства был сокращен до минимума».

Сталин широко раздвинул границы Советской империи, он позаботился об установлении социализма в Восточной Европе. По существу, у социалистического лагеря был только один серьезный противник — Соединенные Штаты. Победа над Америкой означала бы победу социализма во всем мире. Поэтому новые дивизии шли не на Запад, а на Восток. Театр военных действий должен был развернуться на Аляске. Это вообще малоизученная

часть послевоенной истории, которая чуть было не стала предвоенной.

В 1948 году политбюро секретным постановлением поручило Госплану:

«Считать необходимым составление мобилизационного плана, исходя при этом из следующего:

а) план должен быть рассчитан на первый год войны;

б) план должен регулярно пересматриваться с учетом развития новой военной техники;

в) мобплан должен включать в себя программу производства военной техники, программу кооперирования поставок, программу накопления металлов и стратегического сырья, план капитальных работ по обеспечению заданных мобилизационных мощностей и план подготовки кадров».

В январе 1951 года Сталин собрал у себя генеральных секретарей и министров обороны социалистических стран. Он сказал, что к концу 1953 года НАТО полностью завершит свою подготовку и к этому времени социалистический лагерь должен создать соответствующие вооруженные силы. Начальник Генерального штаба Сергей Матвеевич Штеменко зачитал по списку, сколько солдат и какое оружие следует иметь каждой из соцстран.

В отличие от Сталина восточноевропейские вожди в грядущую войну не верили, тревожились из-за того, что все деньги уйдут на армию и жизненный уровень упадет. Даже такой преданный Сталину человек, как лидер Венгрии Матьяш Ракоши, не знал, как избежать непосильных для страны военных расходов. Болгарский коллега, печально улыбаясь, сказал ему, что венграм еще повезло:

— У вас нет моря. Знаешь, сколько стоит один крейсер?

Когда Матьяш Ракоши подсчитал, сколько денег идет на содержание армии, на военную промышленность, строительство укреплений, накопление стратегических резервов, создание частей внутренней охраны, выяснилось, что это просто превышает бюджетные возможности страны. Он пытался жаловаться Сталину. Тот вздохнул и сказал:

— Если бы вы только знали, во что нам обходится оборона!.. Но если вы сейчас сэкономите на армии, то в случае войны враг легко разбомбит ваши заводы или оккупирует значительную часть страны. Кроме того, средства, которые вы не направите на предусмотренное общим планом развитие армии, придется выложить Советскому Союзу. Вы полагаете, это правильно?

В Советском Союзе шла модернизация вооруженных сил, ускоренными темпами создавалась новая техника, ядерное

вооружение, океанский флот. Во время корейской войны Советская армия увеличилась вдвое и составила шесть миллионов человек.

В 1946–1947 годах была предпринята попытка конверсии военной промышленности, сокращался выпуск военной продукции. Но на гражданскую продукцию военные заводы не смогли перейти, мощности простаивали. Министры просили не разрушать оборонные отрасли. Конверсия была недолгой. В 1949 году резко увеличился объем военных заказов за счет создания новой техники. Составили план выпуска танков до 1970 года.

Военный министр маршал Василевский и начальник Генерального штаба генерал армии Штеменко попросили правительство дополнительно призвать в армию квалифицированных специалистов. Призывники были необходимы для освоения новой техники — самолетов Ту-4, Ил-28, МиГ-15, плавающих танков, станковых гранатометов.

Министр госбезопасности Игнатьев и министр вооруженных сил маршал Василевский утвердили план диверсионных действий военной и политической разведок против натовских и американских военных баз.

Осенью 1952 года было решено построить дополнительные аэродромы для тяжелых дальних бомбардировщиков Туполева и Мясищева, способных нести ядерное оружие. Аэродромы строили на территории восточноевропейских стран и Китая, их использование позволяло наносить удары не только по Западной Европе, но и по американским базам в Атлантическом и Тихом океанах.

Сталин принял решение сформировать сто дивизий реактивных бомбардировщиков фронтовой авиации. Цифра показалась фантастической самим летчикам. Расчеты показали, что на случай войны стране нужно не более шестидесяти бомбардировочных дивизий. Главком авиации поехал со всеми выкладками к министру вооруженных сил Василевскому. Министр его оборвал:

— Это приказ самого товарища Сталина — выполняйте!

Предстояло развернуть сеть военно-учебных заведений и в кратчайшие сроки подготовить минимум десять тысяч летчиков, столько же штурманов и стрелков-радистов. Специальному стройуправлению — построить сотни аэродромов. Авиапромышленности — сверх плана произвести более десяти тысяч бомбардировщиков.

Офицеры исходили из того, что надо ждать новой войны, пишет генерал-лейтенант Николай Николаевич Остроумов, который был заместителем начальника Главного штаба авиации:

«Исподволь шла обработка общественного сознания, целенаправленно велась подготовка страны к грядущим испытаниям, а точнее — к войне».

Через несколько лет на пленуме ЦК один из сталинских соратников, председатель Совета министров Николай Александрович Булганин, скажет:

— В последние годы перед смертью Сталина у нас сложилась очень тяжелая международная обстановка. В отношениях с западными державами и Соединенными Штатами мы стояли на грани войны.

На Чукотке строили казармы для воздушно-десантных частей и аэродромы для бомбардировщиков дальнего радиуса действия, в Игарке — военную базу, в бухте Провидения — военные склады. Вдоль всего Северного Ледовитого океана тянули железную дорогу, подтягивали железнодорожные пути к Камчатке. Задача состояла в том, чтобы сразу перенести войну на территорию Соединенных Штатов.

Сталин верил в межимпериалистические противоречия, считал, что сумеет оторвать от Соединенных Штатов Европу. Он писал в своей последней работе «Экономические проблемы социализма в СССР», опубликованной в сентябре 1952 года: «Капиталистическая Англия, а вслед за ней и капиталистическая Франция в конце концов будут вынуждены вырваться из объятий США и пойти на конфликт с ними… Неизбежность войн между капиталистическими странами остается в силе».

Министр иностранных дел Андрей Януарьевич Вышинский постоянно докладывал Сталину об успехах советской дипломатии, которая пыталась разжечь разногласия между Западной Европой и Соединенными Штатами.

Война на Корейском полуострове была полигоном для советских летчиков. Военно-воздушные силы не только проходили боевую обкатку в Корее, но и привыкали стрелять в американцев. Войну Сталин собирался вести на паях с Мао Цзэдуном, чьи дивизии в Корее сражались с американскими войсками.

«Мао Цзэдун, — сообщал в Москву советский посол в Китае, — сказал, что на опыте войны в Корее они многому учатся, как надо организовать современную армию и как надо вести войну против современных империалистических армий».

Сталин не боялся ядерной войны. Американцы обладали тогда не таким уж большим количеством ядерного оружия. Ракет еще не было, единственное средство доставки — тяжелые бомбардировщики. Генералы убедили Сталина в том, что система противовоздушной обороны сможет перехватить большую часть

американских бомбардировщиков. Уничтожить Советский Союз с воздуха американцам не удастся, потери в результате ядерного удара, конечно, будут большими, но это Сталина не беспокоило: страна огромная, народу хватит. А вот для американцев первый же ядерный удар, по мнению вождя, станет сокрушительным. Возникнет паника, и американцы капитулируют. Сталин не считал их хорошими солдатами, полагал, что американцы — трусы, привыкли прятаться за чужой спиной.

— Американский солдат — спекулянт, занимается куплей и продажей, — говорил Сталин 20 августа 1952 года приехавшему из Китая Чжоу Эньлаю. — Какая же это сила? Американцы вообще не способны вести большую войну. Они хотят покорить весь мир, а не могут справиться с маленькой Кореей. Не умеют воевать. Надеются на атомную бомбу, авиационные налеты. Но этим войну не выиграть. Нужна пехота, а пехоты у них мало, и она слаба. С маленькой Кореей воюют, а в США уже плачут. Что же будет, если они начнут большую войну? Тогда, пожалуй, все будут плакать.

«Когда-нибудь по документам, — пишет Валентин Михайлович Фалин, бывший посол в ФРГ и бывший секретарь ЦК по международным делам, — мы, возможно, узнаем, насколько далеко продвинулось создание советского потенциала для упреждающего удара. На основании того, что через вторые руки доходило до меня, замечу лишь — диктатор усоп кстати».

Смерть Сталина стала огромным событием для страны и мира. Мир увидел государство, погрузившееся в горе. Прозаик Валерия Герасимова описала траурный митинг в Союзе писателей 10 марта 1953 года:

«Что-то завывал Сурков, Симонов рыдал — сначала и глазам не поверила, — его спина была передо мной, и она довольно ритмично тряслась…

Николай Грибачев, предостерегающе посверкивая холодными белыми глазами, сказал, что после исчезновения великого вождя бдительность не только не должна быть ослаблена, а, напротив, должна возрасти. Если кто-то из вражеских элементов попытается использовать сложившиеся обстоятельства для своей работы, пусть не надеется на то, что стальная рука правосудия хоть сколько-нибудь ослабла…

Я помню зеленые, точно больные, у всех лица, искаженные, с какими-то невидящими глазами; приглушенный шелест, а не человеческую речь в кулуарах; порой, правда, демонстрируемые (а кое у кого и истинные!) всхлипы. Страх, казалось, достиг апогея».

После смерти Сталина один из сыновей члена Президиума ЦК Анастаса Ивановича Микояна в смятении спросил отца:

— Что ж теперь будет, война?
Анастас Иванович его успокоил:
— Если при нем не случилось войны, то теперь уже не будет!

Битва за Германию

После смерти Сталина три человека встали у руля в Кремле: Георгий Маленков, Вячеслав Молотов и Лаврентий Берия. Они хотели показать себя — стране и миру. Главной внешнеполитической проблемой весной 1953 года оказалась Восточная Германия.

6 мая Берия переправил в Президиум ЦК сообщение представительства МВД в ГДР, которым руководил полковник Иван Анисимович Фадейкин. Он докладывал о серьезных проблемах в социалистической части Германии. Восточные немцы бежали на Запад. Полковник считал, что массовое бегство объясняется не только воздействием «вражеской пропаганды». Проблема — в неправильной экономической политике Восточного Берлина, насильственном призыве молодежи в армию, нехватке продовольствия и потребительских товаров. Фадейкин отмечал, что руководители ГДР не знают, как преодолеть кризис.

14 мая Президиум ЦК поручил Советской контрольной комиссии в Германии представить доклад о бегстве восточных немцев и о том, как его можно остановить. В Москве пришли к выводу, что власти ГДР созрели для того, чтобы самим руководить страной. Роль Советского Союза в управлении Восточной Германией должна становиться менее заметной.

18 мая доклад был представлен, вина возлагалась на политику ускоренного строительства социализма в ГДР. На Президиуме ЦК Вячеслав Михайлович Молотов, который после смерти Сталина вновь стал министром иностранных дел, говорил о необходимости изменить курс и позаботиться о повышении жизненного уровня жителей Восточной Германии.

В начале июня в Москву вызвали руководителей ГДР — генерального секретаря ЦК Социалистической единой партии Германии Вальтера Ульбрихта, главу правительства Отто Гротеволя и члена ЦК Фреда Эльснера (он же и переводил). От них потребовали приостановить ускоренное строительство социализма, развивать не тяжелую промышленность, а легкую, прекратить борьбу с церковью, не давить на крестьян, ремесленников и среднее сословие.

— Мы все пришли к заключению, — рассказывал позднее глава советского правительства Маленков, — что в результате неправильной политики в ГДР наделано много ошибок, среди немецкого населения имеет место огромное недовольство. Население из Восточной Германии устремилось в Западную Германию. Мы обязаны признать, что без советских войск

существующий в ГДР режим непрочен. А вот Берия предлагал не поправить курс на форсированное строительство социализма, а отказаться от всякого курса на социализм в ГДР и держать курс на буржуазную Германию.

Маленкову вторил Хрущев:

— Берия говорил: «Надо создать нейтральную демократическую Германию». Но разве может быть нейтральной и демократической буржуазная Германия? Берия говорил: «Мы договор заключим». А что стоит этот договор? Если договор не подкреплен силой, то он ничего не стоит, над нами будут смеяться, будут считать наивными. А Берия не наивный, не глупый, не дурак. Он вел себя не как коммунист, а как провокатор, может быть, он получал задания резидентов иностранных разведок…

Принято считать, что Берия хотел ликвидировать Германскую Демократическую Республику, цитируют его слова: «Незачем заниматься строительством социализма в ГДР, необходимо, чтобы Западная и Восточная Германия объединились в буржуазное, миролюбивое государство». Правда, в заметках председателя Совета министров ГДР Отто Гротеволя его слова звучат иначе: «Берия говорит: мы все виноваты, никто никого не обвиняет, но восточные немцы должны все быстро исправить».

В реальности Лаврентий Павлович пытался продолжить двойственную сталинскую линию в германском вопросе. Сталин выдвинул лозунг единства Германии и не мог от него отказаться, хотя ситуация быстро менялась. При этом вождь верил и не верил, что сумеет сохранить Германию в своих руках.

В сорок пятом союзники не собирались дробить Германию. Раздел страны на зоны оккупации рассматривался как временная мера.

Экономическое положение в восточной части Германии было крайне тяжелым. 16 мая 1946 года министр внутренних дел Сергей Никифорович Круглов докладывал Сталину и Молотову:

«По сообщению Уполномоченного МВД — МГБ СССР по Восточной Пруссии тов. Трофимова, в гор. Кенигсберге за продажу мяса человеческих трупов арестованы:

Невия Герман, 1885 года рождения, немец, образование 8 классов, работал сторожем на кладбище;

Лакаф Карл, 1875 года рождения, немец, кустарь-корзинщик, с февраля 1946 года нигде не работал.

Расследованием установлено, что Невия Герман систематически отрубал нижние конечности трупов и мясо через своего соучастника Лакаф Карла продавал немецкому населению. Обыском на квартире Лакаф обнаружено несколько бочек, в

которых Лакаф хранил приготовленное для продажи мясо человеческих трупов. Произведенным вскрытием могил обнаружено пятнадцать трупов с отрубленными нижними конечностями.

По сообщению тов. Трофимова, снабжение немецкого населения на территории Восточной Пруссии организовано неудовлетворительно… На почве недоедания среди немецкого населения резко снижается трудоспособность, увеличивается смертность и растет уголовная преступность».

Оккупационная власть вела себя жестоко.

8 сентября 1946 года заместитель наркома внутренних дел генерал-полковник Иван Александрович Серов, руководивший оперативной работой органов НКВД на территории оккупированной Германии, написал обширную жалобу на коллег из Главного управления военной контрразведки. Серов поставил Сталина в известность о безобразиях в работе контрразведчиков в Германии: «Пьяные работники «Смерш» поехали в поле близ г. Галле приводить в исполнение приговоры Военного Трибунала. Спьяна трупы были зарыты настолько небрежно, что наутро проходящие по дороге около этого места немцы увидели торчащими из земли две руки и голову… Затем они разрыли трупы, увидели в затылках у трупов пробоины, собрали свидетелей и пошли заявить в местную полицию. Нами были приняты срочные меры…»

Сам генерал Серов вел себя столь же беззаконно, но считал, что имеет на это право. 8 февраля 1948 года он доложил Сталину: «Ко мне обратился из ЦК Компартии Ульбрихт и рассказал, что в трех районах Берлина англичане и американцы назначили районных судей из немцев, которые выявляют и арестовывают функционеров ЦК Компартии Германии, поэтому там невозможно организовать партийную работу. Он попросил помочь ЦК в этом деле. Я дал указание негласно посадить трех судей в лагерь».

Когда судьи исчезли, возник скандал. Союзники попросили провести расследование. Маршал Жуков, нисколько не сомневаясь в том, кто это сделал, потребовал от Серова судей освободить.

«Я не считал нужным их освобождать, — докладывал вождю Серов, — и ответил ему, что мы их не арестовывали… Не все нужно Жукову говорить».

Сталин не спешил строить социализм на Востоке, рассчитывая сохранить решающий голос в определении судьбы всей Германии и доступ к промышленным зонам в западной зоне оккупации. После неудачи с блокадой Западного Берлина стало ясно, что контроль над всей Германией невозможен. Требования

Москвы о единстве Германии стали скорее пропагандистской позицией, позволявшей давить на западные державы. Тем не менее 18 декабря 1948 года Сталин говорил руководителям Восточной Германии:

— Путь к народной демократии еще преждевременен. Надо подождать. В Германии обстановка сложная, надо идти к социализму не прямо, а зигзагами. В этом своеобразие задачи.

Он согласился создать ГДР только 7 октября 1949 года — через четыре с половиной месяца после появления ФРГ. Возможно, все изменило принятие на вооружение ядерной бомбы. Если прежде единая Германия была нужна как часть пояса нейтральных государств, отделяющих Советский Союз от Запада, то теперь Сталин был заинтересован в том, чтобы максимально выдвинуть вперед советские войска. Как выразился бывший посол в ФРГ Валентин Фалин, «расщепленный атом расколол Германию».

Позиция Москвы оставалась внутренне противоречивой. Казалось, Сталин даже готов отказаться от ГДР в обмен на единую, но нейтральную Германию, лишь бы она не вступила в НАТО. Руководители Восточной Германии чувствовали настроения старшего брата, боялись, что для советских вождей ГДР — временный проект, что их лишат своего государства, и потому спешили со строительством социализма в надежде сделать процесс необратимым.

— Дружба с Советским Союзом, — говорил на митинге президент Восточной Германии Вильгельм Пик, — вот главное в политике ГДР. Ура!

В июле 1952 года генеральный секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии Вальтер Ульбрихт добился принятия программы строительства социализма в ГДР по советскому образцу: ускоренная индустриализация и коллективизация. Через год страна взорвалась.

Принимая руководителей ГДР 1 апреля 1952 года, Сталин вновь повторил: хотя созданы два немецких государства, не спешите кричать о социализме.

«Сталин, — вспоминал тогдашний верховный комиссар СССР в Германии Владимир Семенов, — хотел использовать ГДР как предмет борьбы, но не был уверен, что сможет удержать эту позицию. Берия продолжал ту же линию, но хотел ее форсировать летом 1953 года. И провалился как раз на этом…»

Германия была поделена. Оба лагеря остались при своем. Началась эпоха соревнования: кто кого? Кто победит в этой гонке?

После провозглашения 7 октября 1949 года ГДР Советская

военная администрация в Германии, которая подчинялась непосредственно правительству, была упразднена. Постановлением Совета министров 10 октября создавалась Советская контрольная комиссия, ее председатель был одновременно командующим Группой советских войск в Германии.

11 ноября 1949 года председатель Советской контрольной комиссии генерал армии Василий Иванович Чуйков передал премьер-министру Отто Гротеволю право управления Восточной Германией. Позднее ГДР и СССР обменялись посольствами, первым послом в Берлин приехал Георгий Максимович Пушкин.

Но власть пока что оставалась в руках председателя контрольной комиссии, он руководил всей оккупационной машиной. При нем состоял политический советник в ранге посла. Он и занимался политическим развитием ГДР. Управление политсоветника издавало газеты «Тэглихе рундшау» (на немецком языке) и «Советское слово» (на русском). Политическим советником был сравнительно молодой дипломат Владимир Семенович Семенов, которого привечали Сталин и Молотов.

В 1953 году Советская контрольная комиссия была преобразована в аппарат верховного комиссара. Семенов и стал верховным комиссаром. А сменивший Чуйкова генерал-полковник Андрей Антонович Гречко занимался только группой войск, дислоцированных на востоке Германии. Летом 1954 года аппарат верховного комиссара объединили с посольством. А в ноябре 1955 года упразднили и институт верховного комиссара, интересы Москвы представляло отныне само посольство…

Выбор между Западной и Восточной Германией сразу после войны не был очевидным. Многие деятели культуры, бежавшие в свое время от нацизма, предпочли вернуться в восточную часть страны.

Как рассчитаться с прошлым? Как выдавить из немцев яд нацизма? Вот что волновало тогда интеллектуальную Германию. В восточной части денацификация шла быстрее. Должности занимали только участники Сопротивления, узники концлагерей, вернувшиеся из изгнания коммунисты. Они решительно преодолевали прошлое, и это вызывало симпатии. Такой крупный писатель, как Арнольд Цвейг, искренне говорил: когда речь идет о ГДР, то надо понимать, что здесь бьется сердце Германии!

Среди офицеров Советской военной администрации было немало хорошо образованных профессиональных германистов, знавших и любивших немецкий язык и немецкую литературу. Они занимали руководящие посты в управлении информации, в отделах, занимавшихся культурой и народным образованием.

Они уговорили переехать в Берлин многих видных деятелей немецкой культуры.

Но обычным восточным немцам было важнее другое: они сравнивали свою жизнь с тем, как живут на западе. Советские власти не в состоянии были помешать им наведываться в Западный Берлин. Граждане социалистической ГДР меняли деньги и отправлялись на запад за покупками. Метро и городская железная дорога функционировали исправно. За пятнадцать минут по городской железной дороге можно было с Александрплац доехать до Западного Берлина. Разница между двумя Германиями бросалась в глаза. В западной части города жизнь становилась лучше, в восточной — оставалась тоскливо-незавидной. В западных секторах руины расчистили, появились новые здания. Открылись магазины и кафе на свежем воздухе, столь любимые не только французами, но и немцами. В восточном секторе не было ничего нового, что радовало бы глаз, — за исключением строившихся на Сталин-аллее домов для номенклатуры. Повсюду длинные очереди.

«Восточный сектор города напомнил мне второстепенные советские города в двадцатых годах, — писал американский журналист Луи Фишер. — Восточный Берлин был низведен до советского экономического уровня. Вид прохожих отражал губительное влияние этого процесса. В их походке не ощущалось упругости, на лицах не было румянца здоровых, исполненных надежды людей».

В мае 1952 года граница между двумя Германиями была закрыта. Это было сделано после беседы Сталина 1 и 7 апреля 1952 года с руководством ГДР. Президент Вильгельм Пик записал содержание беседы в дневнике.

— В Западной Германии образуется самостоятельное государство, — рассуждал Сталин. — Демаркационную линию между Западной и Восточной Германиями надо рассматривать как границу и не как простую границу, а как опасную границу. Нужно усилить охрану этой границы.

Сталин поставил новую задачу: ГДР должна немедленно создать собственную армию, поставить триста тысяч человек под ружье, обещал военную технику и помощь в обучении офицерского корпуса.

Но граница между двумя частями Берлина оставалась открытой. Через Западный Берлин ежемесячно почти пять тысяч человек убегали из ГДР. В 1953 году эта цифра резко увеличилась: за первые месяцы убежали сто двадцать тысяч восточных немцев. Но эти данные держались в секрете. В ГДР звучали бодрые марши, официальная пропаганда была пронизана

оптимизмом. Активисты восточногерманского комсомола — Союза свободной немецкой молодежи — в синих рубашках маршировали под красными знаменами.

Руководителем восточногерманского комсомола был Эрих Хонеккер, который со временем возглавит ГДР. Его жена Марго работала вместе с ним. На митингах ей поручали зачитывать обращение к советскому вождю:

— Дорогой Иосиф Виссарионович Сталин! Мы заверяем вас, что, не жалея сил, станем защищать Советский Союз, нашу родину и мир от преступных действий американских и немецких империалистов. Слава великому Советскому Союзу! Слава лучшему другу немецкого народа, другу всей молодежи великому Сталину!

Руководили Восточной Германией трое — президент Вильгельм Пик, глава правительства Отто Гротеволь и первый секретарь ЦК партии Вальтер Ульбрихт. Президент Пик болел и в основном представительствовал. Премьер Гротеволь, как бывший социал-демократ, пользовался лишь ограниченной поддержкой аппарата. Реальная власть концентрировалась в руках хозяина партии Ульбрихта.

Вальтер Ульбрихт родился 1 июля 1893 года в Лейпциге. Отец — портной, мать воспитывала троих детей. Родители были социал-демократами, и Вальтер в девятнадцать лет вступил в социал-демократическую партию. В 1915 году его призвали в кайзеровскую армию. Он был противником империалистической войны и дезертировал, его поймали и посадили. После крушения монархии он присоединился к компартии, созданной в 1919 году, и стал профессиональным партработником. В 1921 году получил первую должность с зарплатой — его избрали секретарем окружной организации КПГ в Большой Тюрингии. В 1928 году сделали депутатом рейхстага и членом политбюро. В ноябре 1929 года Ульбрихт стал партийным секретарем столичного района Берлин-Бранденбург.

В 1922 году он приезжал в Москву на четвертый конгресс Коминтерна и видел Ленина, что составляло предмет его особой гордости в послесталинские времена, когда никто из руководителей соцстран не мог этим похвастаться, даже Хрущев.

В октябре 1933 года Ульбрихт бежал за границу. Несколько лет работал среди коммунистов-эмигрантов в Париже, Праге и других городах. В 1937 году нацистские власти лишили его германского гражданства. В 1938 году он обосновался в Москве, вместе с другими иностранными коммунистами жил в гостинице «Люкс». Работал в Коминтерне, занимался пропагандой, направленной на немецкие войска.

4 и 7 июня 1945 года Сталин дважды беседовал с руководителями немецких коммунистов — Вильгельмом Пиком, Вальтером Ульбрихтом, Антоном Аккерманом и Густавом Соботткой, напутствовал их перед возвращением на родину. Тремя группами они отправились создавать новую Германию.

Десять человек по главе с Ульбрихтом на советском самолете — это был американский транспортный «Дуглас» — прилетели в разбомбленный Берлин. В советской зоне оккупации Пик, Гротеволь, Ульбрихт и другие руководители заняли роскошные виллы в районе Нидершёнгаузен. Весь квартал был огорожен и охранялся советскими солдатами. Вскоре в местечке Бернике создали партийный дом отдыха. Здесь ответственные работники проводили отпуска. Потом для высшего руководства открыли роскошный дом отдыха в Зеегофе. В ЦК новой номенклатуре выдавали пайки с продовольствием, сигаретами, спиртным и шоколадом — помимо продовольственных карточек.

Существовала конкуренция между коммунистами, которые в нацистские времена сидели в концлагерях, и коммунистами, которые прилетели вместе с Вальтером Ульбрихтом из Советского Союза. Став руководителем партии, на ключевые посты Ульбрихт расставлял своих людей, «местных» вытеснял из аппарата.

Коллеги отмечали его феноменальную память на имена, умение предвидеть повороты в партийной линии. Даже после тяжкого трудового дня он не чувствовал усталости. Он придавал большое значение мелочам и не стеснялся в создании собственного культа. Те, кто его знал близко, считали генерального секретаря бессердечным, холодным и грубым.

На встрече со Сталиным 18 декабря 1948 года Пик и Гротеволь говорили о политике и экономике. Ульбрихт же попросил у вождя разрешения проверить партию:

— Проверка в одном округе показала, что пятьдесят пять процентов членов партии — это кулаки. В партии состоят даже миллионеры, которые ведут американскую пропаганду. Можно провести осторожную очистку партии?

— Исключать хотите? — понимающе уточнил Сталин. — Придется исключать, но не советую центральному правлению брать на себя всю ответственность за это дело.

Формально Ульбрихт был лишь заместителем главы правительства, которое возглавлял Отто Гротеволь. Но уважение к Гротеволю было лишь на словах.

«Постепенно Вальтер Ульбрихт выходил в «вожди» и пытался поучать всех всему, — вспоминал советский верховный комиссар Владимир Семенов. — Я еще в 1949 году обратил внимание товарища Сталина на минусы в поведении Ульбрихта. Сталин

согласился в частностях, но отметил преданность Ульбрихта…»

Вернувшись из Москвы в первых числах июня 1953 года, делегация из ГДР доложила политбюро ЦК СЕПГ, что в Советском Союзе грядут большие перемены.

— Курс изменится не только в отношении ГДР, — рассказывал Фред Эльснер. — Товарищу Ульбрихту трудно было примириться с новой линией, но он еще подтянется.

Вдохновленный беседами в Москве, Эльснер 9 июня выступил на заседании политбюро с большой речью:

— Два года я молчал, сегодня я намерен высказать все, что думал.

Он выступил против диктатуры Ульбрихта, против угодливости и страха в партии. Ульбрихт и советский верховный комиссар Владимир Семенов были ошарашены. Семенов с изумлением наблюдал за дискуссией и что-то лихорадочно писал, хотя протоколы всех заседаний посылались ему незамедлительно.

Завершая заседание, Семенов сказал, обращаясь к Ульбрихту:

— Да, товарищ Ульбрихт, мне кажется, вам следует сделать серьезные выводы из этой очень основательной критики в ваш адрес со стороны политбюро.

Казалось, что дни генерального секретаря сочтены.

Восточные немцы чувствовали, что власть в смятении. По указанию Москвы вожди ГДР признали некоторые ошибки. Крестьянам, которые ушли на Запад, разрешили вернуться на свои земли. Те, кто по политическим мотивам был лишен продовольственных карточек, могли вновь их получать. Обещали снизить стоимость проезда на трамвае и отменить повышение цен на продовольствие. Школьники, исключенные по причине чуждого социального происхождения, получили право вернуться за парты. Восточные немцы шептались: раз наши руководители признали свои ошибки, почему же они просто не уходят в отставку?

И вдруг в мае 1953 года на пленуме ЦК партии, созванном по случаю 135-летия со дня рождения Карла Маркса, было решено на десять процентов поднять нормы выработки. Это стало последней каплей.

31 мая рабочие завода Саксенверке в Нидер-Зейдлице в знак протеста устроили двухчасовую забастовку. Дирекция пошла на попятный. 3 июня забастовщики на заводе в Эйслебене, близ Халле, тоже принудили дирекцию завода отказаться от намерения увеличить нормы выработки.

На заседании политбюро ЦК СЕПГ 9 июня 1953 года приняли решение о «новом курсе». 11 июня решение опубликовали. Но ничего не изменилось. Забастовали две тысячи рабочих-

металлистов в Геннингсдорфе, на окраине Восточного Берлина. 13 июня забастовку провели рабочие машиностроительного завода «Абус» в Готе.

Берлинские рабочие обратились с возмущенным письмом к премьер-министру Отто Гротеволю. В ответ утром 16 июня к ним прислали воспитателей. Это взорвало рабочих. Восемьдесят строителей, трудившихся на Сталин-аллее, бросили работу в знак протеста против потогонных методов и сокращения заработной платы. Они шли по направлению к зданию правительства на Ляйпцигерштрассе в центре города и скандировали рифмованный призыв:

Друзья, в одну шеренгу с нами!
Мы не желаем быть рабами.

К строителям примкнули сотни рабочих, пассажиры трамваев, их водители и кондукторы. С каждым кварталом колонна увеличивалась. Впереди шагали шестеро великанов — подносчики кирпича в кожаных фартуках. Колонна повернула к ремонтировавшемуся зданию оперного театра. Студенты из Университета имени Гумбольдта покинули аудитории, чтобы тоже принять участие в демонстрации.

Колонна прошла мимо советского посольства на Унтер-ден-Линден и по Вильгельмштрассе направилась к зданию Совета министров на Ляйпцигерштрассе, где когда-то размещалось здание имперского министерства авиации. Численность колонны достигла четырех-пяти тысяч. Охранявшие здание часовые отступили во двор и закрыли железные ворота. Толпа кричала:

— Мы хотим видеть Гротеволя! Мы хотим видеть козлиную бородку!

«Козлиной бородкой» называли Вальтера Ульбрихта.

Вместо них появился министр сталелитейной промышленности Фриц Зельбман, бывший шахтер. Он залез на стол, вынесенный из здания. Слушать его не стали. Министра стащил со стола один из подносчиков кирпича. Он сам произнес речь. За ним выступила молодая девушка, потом домохозяйка, жаловавшаяся на высокие цены.

Толпа двинулась дальше. Полиция пыталась остановить ее, но безуспешно. Люди, взявшись за руки, упорно шли вперед. Из машины с репродуктором неслись призывы разойтись, поскольку введенные 28 мая увеличенные расценки уже отменены. Рабочие захватили машину и стали скандировать антиправительственные

лозунги. Вечером пошел сильный дождь. Но улицы вышли из подчинения властей. К вечеру забастовка охватила весь Восточный Берлин, на следующий день превратилась в восстание.

Основным источником информации о происходящем для восточных берлинцев была радиостанция РИАС — главный объект ненависти советских пропагандистов. Она работала в Западном Берлине в американском секторе. К несчастью для руководителей ГДР, программы можно было слушать на территории Берлина, да и по всей стране. Вечером 16 июня РИАС передала сообщение о демонстрациях в советском секторе. На радиостанцию пришли строители с просьбой передать в эфир их требования и призыв начать 17 июня всеобщую забастовку.

Лозунги быстро приобрели политический характер. Демонстрации охватили многие города и поселки ГДР. Жгли красные знамена, портреты Сталина и партийные газеты, открывали тюрьмы, освобождая заключенных. Полиция бессильно взирала на колонны демонстрантов, идущих под лозунгами «Мы хотим свободных выборов».

Почему народная полиция не вмешивалась? Вальтер Ульбрихт пожаловался советским товарищам, что она политически неблагонадежна. Берлинцам казалось, что началась настоящая революция.

17 июня с утра забастовщики останавливали автомобили, в которых направлялись на работу чиновники, вытаскивали их из авто, срывали с них партийные значки, машины поджигали. Полицейские не показывались. Рабочие толпились возле ворот предприятий, станки не включали, митинговали, потом шли к центру города.

Аббревиатура ГДР по-немецки звучит как ДДР. Восточные немцы, освоившие некоторые русские слова, переводили название своей республики так: «ДДР — это давай, давай, работай!» Восточные немцы были уверены, что они живут так плохо, потому что русские все вывозят. Правящий бургомистр Западного Берлина Вилли Брандт писал о больших репарациях из восточной зоны: «Создавалось впечатление, будто тамошние жители проиграли войну в большей степени, чем немцы на западе страны. Федеративной Республике было легче».

Внушительным был марш четырех тысяч рабочих Геннингсдорфского металлургического завода. Они шли сплоченными шеренгами по восемь человек в ряд, в промасленных комбинезонах и кепках. Моросил дождь, вода стекала с их лиц. Некоторые шли босиком, другие в башмаках на деревянной подошве. Они прошли почти двадцать километров. Их приветствовали тысячи людей, угощали бутербродами, покупали

им на свои деньги сигареты и шоколад.

Шесть тысяч железнодорожников тоже пришли в центр города. Трамваи, автобусы и метро не работали. Без пятнадцати двенадцать почти пятьдесят тысяч немцев собрались на площади Люстгартен, переименованной в площадь Маркса и Энгельса.

В Магдебурге колонна подошла к площади Гассельбахплац в центре города. Восставшие вошли в семиэтажное здание Союза свободной немецкой молодежи, выбросили из окна портреты Сталина, Отто Гротеволя и Вальтера Ульбрихта. На вокзале сорвали объявление с надписью «Межзональная проверка документов» и заявили, что будут приветствовать пассажирский поезд из Кельна как символ единства Западной и Восточной Германий. Несколько полицейских пытались вмешаться, но их разоружили, винтовки разбили, а самих полицейских заперли.

Пассажиры из Кельна, увидев, что происходит, стали раздавать магдебуржцам шоколад, сигареты, печенье и фрукты. Потом прибыл поезд с прицепленным к нему вагоном для заключенных. Тюремщиков разоружили. Просмотрели документы арестованных и, решив, что в вагоне политические заключенные, всех выпустили, раздав им их тюремные дела.

Толпа двинулась к полицейскому управлению на Гальберштедтерштрассе в центре Магдебурга. Было около часу дня. Там собралось уже много людей, которые пытались взломать ворота. С крыши здания толпу обстреляли. Когда вокруг здания собралось уже почти двадцать тысяч человек, появилось десять советских танков и столько же бронетранспортеров…

Принято считать, что к организации восстания в Восточной Германии приложил руку Запад. Но события в Берлине были большой неожиданностью и для американцев. Руководство радиостанции РИАС приняло такое решение:

— Давать объективную информацию о случившемся, но прямого эфира рабочей делегации не предоставлять и к всеобщей стачке не призывать.

Советские представители докладывали в Москву вечером 17 июня: «Американская радиостанция РИАС призвала мятежников подчиняться приказам советских властей и не втягиваться в конфликты с Советской армией».

Западные страны подчеркнуто держались в стороне. Западные берлинцы, возможно, видели в восстании шанс на объединение, но союзники запретили им вмешиваться в происходящее в Восточном Берлине и даже проводить манифестации солидарности рядом с межсекторальной границей.

Директор ЦРУ Аллен Даллес 18 июня 1953 года доложил президенту Эйзенхауэру:

— Мы не имеем к этому никакого отношения.

Разговоры американских политиков о том, что нужно «освободить порабощенные народы из-под советского владычества», были всего лишь риторикой. Соединенные Штаты понимали: дать оружие берлинцам — спровоцировать бойню.

Помогали только продовольствием. Соединенные Штаты организовали раздачу продуктовых наборов для жителей Восточного Берлина (подробнее см. журнал «Вопросы истории», № 11–12/1999). Хватило чуть ли не всем жителям города. Жители других городов ГДР рвались в город «за наборами от Эйзенхауэра», их не пускали, даже перестали продавать железнодорожные билеты в Берлин.

Запаниковавшие руководители ГДР попросили советских товарищей вывезти их семьи в Москву. Советский военный комендант остановил движение городского транспорта и объявил в столице ГДР чрезвычайное положение. Военное положение, введенное советским командованием по всей Восточной Германии, сохранялось двадцать четыре дня и было отменено в воскресенье 12 июля в двенадцать часов ночи.

17 июня должно было состояться заседание политбюро ЦК СЕПГ, но вместо этого верховный комиссар Семенов вызвал всех к себе в берлинский пригород Карлсхорст, в штаб советской военной администрации. Членам политбюро пришлось на большой скорости проехать по улицам, заполненным возбужденными толпами. Они видели, как из толпы им грозили кулаками.

Владимир Семенов был подчеркнуто любезен, но в его словах слышалась ирония.

— Москва распорядилась ввести чрезвычайное положение. Так что этот гвалт быстро кончится.

На улицах Берлина появились советские танки. Немцы кричали солдатам: «Русские свиньи!» Бросали камни в танки, заталкивали бревна в гусеницы, засовывали кирпичи в дула орудий, срывали радиоантенны. Но когда заговорили танковые пулеметы, разбежались. На опустевших улицах остались только солдаты. Семенов и другие советские представители по ВЧ держали Москву в курсе дела: докладывали, сколько арестовано, убито, ранено. Семенов сообщил, что к одиннадцати вечера улицы Берлина очищены от демонстрантов.

Ночь была трудной для членов политбюро ЦК СЕПГ. Семенов, как лев в клетке, метался по комнате: в его хозяйстве случился непорядок, и ему предстояло нести ответственность. Члены политбюро составляли отчет для Москвы. На следующее утро за завтраком Ульбрихт объявил, что ему надоело сидеть в

Карлсхорсте и выслушивать нотации советских представителей:

— Я еду в город, в ЦК, даже если они хотят держать меня здесь. Наше место там. Неправильно, что мы здесь торчим.

Советские военные, которым была поручена операция по наведению порядка, задавали возмущенные вопросы министру безопасности ГДР Вильгельму Цайссеру:

— Как это вообще могло произойти? Такие вещи не происходят в один день, значит, у них была какая-то организация, а вы о ней ничего не знали.

Члены политбюро ЦК СЕПГ тоже хотели знать, как это все случилось. Они хотя бы частично винили и себя. Один только Вальтер Ульбрихт с самого начала заявил, что восстание — дело рук «фашистских провокаторов».

Семенов с упреком сказал членам политбюро:

— Радиостанция РИАС передает, что в ГДР правительства больше нет. Похоже, это так и есть.

На заседании политбюро главный редактор партийной газеты «Нойес Дойчланд» Рудольф Херрнштадт призвал товарищей сделать какое-то заявление. Он составил проект решения пленума ЦК, в котором говорилось: «Если рабочие массы не понимают партию, то виновата партия, а не рабочие массы. Исполненный решимости железной рукой защитить интересы рабочего класса против фашистской провокации, Центральный комитет вместе с тем отдает себе отчет в том, что партии надлежит незамедлительно пересмотреть свой подход к рабочим массам».

Рудольф Херрнштадт обратился к Ульбрихту:

— Не лучше ли тебе, Вальтер, передать кому-нибудь другому непосредственное руководство партийным аппаратом? Мне кажется, это помогло бы преодолеть определенные слабости нашего аппарата, избавить его от ориентации на одну личность, от вассальной преданности, угодничества, подавления критики и склонности приукрашивать положение дел в партии и в стране.

Херрнштадт предложил расширить секретариат ЦК, которым полностью командовал Ульбрихт. Херрнштадт полагал, что нужно включить в секретариат тех, кто, как он выразился, «могли бы, если понадобится, унять тебя, Вальтер».

Ульбрихт затаился, готовясь расправиться с бунтовщиками.

Через три недели после берлинского восстания члены политбюро на ночном заседании потребовали от генерального секретаря отчета. Заседание было столь драматическим, что у обер-бургомистра Восточного Берлина Фридриха Эберта, сына предвоенного президента Германии, выступили слезы на глазах. Присутствовало тринадцать человек. Из них только двое не потребовали от Ульбрихта уйти в отставку — секретарь ЦК по

кадровым вопросам Герман Матерн и кандидат в члены политбюро Эрих Хонеккер.

Элли Шмидт, возглавлявшая женское движение ГДР, говорила об «угрызениях совести». Она ругала себя за то, что «приукрашивала события, приукрашивать которые было преступлением»:

— Вся атмосфера нашей партии, нечестность, отрыв от народных масс и их забот, угрозы в отношении недовольных и хвастовство — все это завело нас слишком далеко. За это на тебе, дорогой Вальтер, лежит самая большая вина, а ты не хочешь признать, что без нашего вранья не было бы и событий 17 июня!

Секретарь ЦК по идеологии Антон Аккерман, имевший репутацию честного и откровенного человека, кричал Ульбрихту:

— Многие годы я поддерживал тебя, Вальтер, несмотря на то, что я видел. Я долго молчал, потому что помнил о дисциплине, потому что на что-то надеялся, потому что боялся! Сегодня я преодолел все это.

После того как участники заседания политбюро выпустили пар, премьер-министр Отто Гротеволь, бывший глава социал-демократической партии, объединившейся с коммунистами, прямо обратился к Ульбрихту:

— Ты слышал мнение товарищей. Может быть, ты хочешь высказаться?

Казалось, его звезда закатилась.

Но тут все переменилось! 26 июня 1953 года в Москве был арестован член президиума ЦК КПСС, первый заместитель председателя Совета министров СССР, министр внутренних дел маршал Советского Союза Лаврентий Павлович Берия. На счастье Ульбрихта, Берию среди прочего обвинили в том, что он, как агент международного империализма, пытался помешать строительству социализма в ГДР.

Напуганные восстанием в Берлине, советские вожди предпочли оставить Восточную Германию в крепких руках Ульбрихта. Его жесткий и неуступчивый стиль произвел впечатление на советских руководителей. Они не решились затевать большие перемены в стране, которая едва не перестала существовать.

Ульбрихт мог сквитаться со своими критиками. На пленуме ЦК он произнес пламенную речь о враждебной деятельности Берии и связал с ним своих главных оппонентов — Рудольфа Херрнштадта и министра госбезопасности Вильгельма Цайссера.

— Теперь все стало ясно, — торжествовал Ульбрихт. — Раскольническая деятельность Цайссера и Херрнштадта делает невозможной их работу в политбюро и ЦК. Партия и страна

находились в смертельной опасности, потому что враждебная партии фракция предприняла попытку внутрипартийного путча. Только благодаря вмешательству проверенных и закаленных в классовых боях товарищей заговор путчистов был разоблачен, партия и страна спасены.

Ирония судьбы состоит в том, что Херрнштадт и Цайссер в годы войны работали на советскую военную разведку. Они внесли большой вклад в победу над фашизмом, их работу в нашей стране с благодарностью вспоминают и по сей день. Но тогда московские руководители без колебаний ими пожертвовали.

Кандидат в члены политбюро Рудольф Херрнштадт, главный редактор центрального партийного органа «Нойес Дойчланд», и министр государственной безопасности Вильгельм Цайссер давно числились в черном списке Ульбрихта. Они демонстрировали свою оппозицию диктаторскому поведению Ульбрихта и ратовали за его свержение. К тому же оба были слишком близки к Москве. В Восточном Берлине таких не считали своими. Сначала немец, потом уже друг Советского Союза.

Херрнштадт в 1929 году вступил в компартию и всегда был убежденным коммунистом, склонным к идеализму. Он работал на советскую военную разведку, используя свое положение корреспондента различных газет в Праге и в Варшаве. Во время войны он жил в Советском Союзе, участвовал в создании Национального комитета «Свободная Германия». Рудольф Херрнштадт был назначен главным редактором газеты «Свободной Германии» (комитет в документах именовался «Институт № 99»). Он был вежлив и холоден, обращался к своим сотрудникам на «вы», что было редкостью в немецкой партийной среде. В Херрнштадте его коллег по партийному аппарату поражало сочетание западноевропейской наружности, буржуазной манеры одеваться, западного стиля в журналистике, необычайного ума и холодной жесткости.

Цайссер в свое время вступил в Союз Спартака и участвовал в вооруженном восстании 1923 года, которое должно было начать революцию в Германии. После подавления восстания бежал в Советский Союз. Работал на советскую военную разведку в Китае. В Испании командовал XIII интернациональной бригадой под псевдонимом «генерал Гомес». Его адъютантом был будущий министр госбезопасности Эрих Мильке. Мильке прославился тем, что в 1931 году по заданию партии убил в Берлине троих полицейских. Ульбрихт вывел Цайссера и Херрнштадта из политбюро и ЦК, а чуть позже, исключив из партии, отправил их в провинцию на мелкую чиновничью работу.

Ульбрихт знал, как близок к концу своей карьеры, поэтому

для него было подарком приглашение прибыть в Москву 20 августа 1953 года. Это был первый официальный визит руководителей ГДР в Москву со времени образования социалистической Германии.

Немцам сказали, что с 1 января 1954 года прекращаются репарации в пользу СССР и Польши. Тридцать три совместных предприятия передавались ГДР. Восточной Германии прощались все долги. Сокращались расходы ГДР на содержание советских оккупационных войск. Восточная Германия получила большой кредит и дополнительные поставки продовольствия.

Новый руководитель министерства государственной безопасности Эрнст Вольвебер говорил, что страх перед повторением восстания глубоко сидел в Ульбрихте. 17 июня 1954 года, в первую годовщину восстания, он запаниковал, услышав слухи о повторении демонстраций, и вздохнул с облегчением, когда опасная дата миновала.

До июньского восстания немцам не так легко было выбрать между ГДР и ФРГ. Советские танки, разогнавшие рабочих летом 1953 года, помогли немцам сделать выбор. Характер режима, подавившего силой выступления народа, стал ясен. Но признать это было трудно. Замечательная писательница Анна Зегерс посвятила событиям 17 июня роман «Доверие». Все ее симпатии на стороне тех, кто помогает подавить путч… Возможно, это была попытка доказать самой себе правоту выбора в пользу ГДР.

Восстание 1953 года пришлось на начало карьеры Хрущева как руководителя страны. Никита Сергеевич пришел к выводу, что, если не помогать Восточной Германии, социалистическая система там рухнет, а его самого призовут к ответственности за потерю ГДР. Этот опыт во многом определил будущую германскую политику Хрущева.

В Восточном Берлине прекрасно сознавали стратегически важное положение ГДР, поэтому требовали много больше, чем другие социалистические страны, и вели себя самостоятельнее. Восточный Берлин по-своему шантажировал Москву, угрожал падением социализма в стране и требовал помощи. Конечно, ГДР чуть ли не во всем зависела от СССР, но и Советский Союз в определенном смысле зависел от Восточной Германии.

Догматики в Восточном Берлине опасались, что в какой-то момент советские руководители пожертвуют ими ради улучшения отношений с Западом и согласятся на объединение Германии. А в Москве боялись, что ГДР не выдержит и рухнет, обнажив слабость социализма.

Жесткая линия ГДР углубляла раскол Германии и ухудшала климат холодной войны. У Москвы и Восточного Берлина были,

разумеется, общие цели, но во многих вопросах они расходились. У Советского Союза, как великой державы, были более широкие интересы и цели. Но политика ГДР вырабатывалась в Восточном Берлине, а не в Москве и часто шла наперекор советской воле.

Во время берлинского восстания 1953 года погибли сто двадцать пять человек; сорок восемь расстреляли по приговору советских судов. Тысячи приговорили к различным срокам заключения. Осенью 1953 года в ГДР провели ряд громких процессов против «западных агентов».

Обе Германии превратились в важных игроков на передовой холодной войны. И Запад, и Восток видели в своей Германии важнейшего союзника, чьи интересы надо блюсти. И Советский Союз, и Америка старались доказать, что их Германия сильнее и популярнее. И не очень хотели объединения страны.

Австрия меньше интересовала участников холодной войны, поэтому ее судьба сложилась удачнее. Страна тоже была разделена на оккупационные зоны. Что с ней делать — обсуждалось на конференциях министров иностранных дел великих держав. В феврале 1954 года Джон Фостер Даллес, Энтони Иден, Жорж Бидо и Вячеслав Молотов встретились в Берлине. Съехались тысяча шестьсот журналистов, хотя на заседания их не пускали. Но вечером устраивались пресс-конференции, вспоминали журналисты, время от времени удавалось поймать кого-либо из дипломатов за пуговицу и выудить кое-какие сведения о ходе дискуссии. Западные министры уверяли, что пошли навстречу Советскому Союзу по всем спорным вопросам. После чего Джон Фостер Даллес спросил Молотова: готовы ли вы вывести оккупационные войска из Австрии и дать ей возможность обрести самостоятельность? Молотов ответил: нет.

Но советские руководители в конце концов согласились вывести войска из Австрии и позволили ей стать единым государством. В Москве боялись, что раздел страны приведет к тому, что Западная Австрия вступит в НАТО.

11 апреля 1955 года в Москву прилетела австрийская делегация во главе с канцлером Юлиусом Раабом. Подписали «московский меморандум»: австрийское правительство обещало не присоединяться к военным союзам, не иметь иностранных военных баз на своей территории и постоянно придерживаться нейтралитета. Это вполне устраивало Советский Союз.

Для подписания государственного договора в Вену съехались министры иностранных дел держав-победительниц. Когда государственный договор был подписан и страна обрела полный суверенитет, австрийский канцлер торжественно произнес:

— Австрия свободна!

Австрийский вариант для Германии, считают историки, был бы возможен, если бы немцы были нечестолюбивым, неэнергичным и беззаботным народом. Но немцы выносливы, энергичны, работают с большим мастерством и до фанатичности трудолюбивы… Если бы Германия была отсталой страной, положение немцев могло бы быть лучше. Ни у кого не появилось бы желания аннексировать немецкие провинции, создавать в Германии базы и добиваться расположения немцев.

Еще во время войны американцы, чтобы навсегда обезопасить мир от германского милитаризма, предлагали разрушить промышленность и превратить Германию в аграрную страну. Но каким образом продолжали бы работать станки и машины в Бельгии, Голландии, Франции и Швейцарии, если бы Рур превратился в долину мирных пастбищ? Разрушение немецкой промышленности вырвало бы у Европы ее экономическое сердце.

К началу пятидесятых годов Западная Германия сделалась весьма необходимой Западу. Германия вновь оказалась полем битвы, на котором ее соседи разрешают свои споры.

В мае 1949 года американская, британская и французская зоны оккупации объединились в Федеративную Республику Германию.

8 мая Парламентский совет принял проект основного закона нового государства. 11 мая Парламентский совет решил, что временной столицей нового государства станет Бонн. 12 мая конституцию утвердили военные губернаторы трех зон оккупации. 23 мая основной закон подписали премьер-министры одиннадцати земель и президенты ландтагов.

14 августа 1949 года прошли первые выборы в бундестаг. Коммунисты во главе с Максом Рейманом не добились поддержки избирателей, хотя они получали денежную помощь от Восточной Германии: миллион триста тысяч марок в 1946 году, четыре с лишним миллиона в 1947-м…

На встрече в Кремле в декабре 1948 года руководители Восточной Германии попросили Сталина помочь западногерманским коммунистам.

Вильгельм Пик:

— Нужна бумага.

Сталин:

— Бумагу дадим.

Отто Гротеволь:

— Нужно организовать нелегальную типографию.

Сталин:

— Это можно сделать.

Гротеволь:

— Необходимы и деньги.

Сталин:

— Окажем помощь.

28 декабря политбюро ЦК ВКП(б) выделило коммунистам Западной Германии двести тысяч американских долларов. Заодно в постановлении политбюро записали: «Поручить МГБ СССР (т. Абакумову) и Советской военной администрации в Германии (т. Соколовскому) представить в ЦК ВКП(б) к 10 января 1949 г. предложения о создании в рамках немецкой уголовной полиции органов государственной безопасности».

Усилия советского и восточногерманского политбюро коммунистам в ФРГ не помогли. На выборах реально конкурировали две основные партии: социал-демократы и христианские демократы. Социал-демократы во главе с пламенным трибуном и бывшим узником концлагеря Куртом Шумахером уступили христианским демократам.

7 сентября 1949 года обе палаты Федерального собрания — бундестаг и бундесрат приступили в работе. 12 сентября избрали первого президента ФРГ Теодора Хейса.

15 сентября канцлером стал председатель победившего на выборах Христианско-демократического союза Конрад Аденауэр. 20 сентября он сформировал первое правительство Федеративной Республики Германии из тринадцати министров.

«Он высок и величествен, — описывал Аденауэра один из журналистов. — У него большие сильные руки крестьянина и крупное плоское лицо. Изумление вызывает его крепкое здоровье. Через неделю после нашей встречи ему должно было исполниться семьдесят семь лет. Он принял меня в своем кабинете без четверти шесть вечера, то есть в конце достаточно утомительного для него дня. Мы уселись — он в кресло с прямой спинкой, а я на мягкую софу».

Конрад Герман Йозеф Аденауэр родился 5 января 1876 года в семье усердного чиновника, изучал юриспруденцию. В детстве болел туберкулезом, поэтому не служил в армии. В 1906 году он вступил в католическую партию Центра, стал помощником городского главы Кельна и связал свою судьбу с этим городом. Поднимаясь по ступенькам служебной лестницы, стал в сентябре 1917 года обер-бургомистром Кёльна. Когда в ноябре 1918 года рухнула кайзеровская империя, опасаясь революционной стихии, обер-бургомистр Аденауэр распорядился вылить в Рейн все городские запасы алкоголя — сто тысяч литров.

В марте 1933 года, после прихода к власти нацистов, ему пришлось покинуть пост: новая власть обвиняла его в рейнском

сепаратизме и финансовых махинациях. В 1934 году, после расстрела вождя штурмовиков Эрнста Рёма, нацисты по всей стране расправлялись с явными или потенциальными противниками режима. Среди других арестовали Конрада Аденауэра. Но ему повезло: через два дня отпустили. Он написал письмо нацистскому министру внутренних дел, в котором сообщал, что всегда был «лоялен к партии». Ему назначили пенсию и даже выдали компенсацию за преждевременный уход с поста обер-бургомистра. Он поселился с семьей в рейнском городке Рёндорф под Кельном. У него было трое детей от первого брака и четверо от второго. От участия в движении Сопротивления он отказался. Но в 1944 году, после покушения на Гитлера, его вновь арестовало гестапо — хватали видных политиков донацистской эпохи.

В конце сентября 1944 года его доставили в гестаповскую тюрьму в Браувейлере около Кельна. Начальник тюрьмы, увидев Аденауэра, попросил его не кончать жизнь самоубийством, а то у него будут неприятности. Аденауэр удивился: почему начальник тюрьмы считает, что он хотел бы уйти из жизни?

— Вам уже почти семьдесят, — объяснил тюремщик, — вам нечего ждать от жизни.

Конрад Аденауэр заверил начальника тюрьмы, что не собирается причинять ему неприятности, хотя и сам не мог предположить, какие сюрпризы преподнесет ему жизнь. Аденауэру снова повезло: по просьбе сына, служившего в вермахте, в конце ноября его отпустили.

После разгрома Третьего рейха оккупационные власти сделали Аденауэра главой городской администрации Кельна — как человека, не запятнавшего себя сотрудничеством с нацистами. Недавний пенсионер с неожиданной энергией и страстью вернулся в политику.

Конрад Аденауэр, как и многие немцы, пытался понять, почему немецкий народ рухнул в пропасть.

«Уже многие десятилетия, — отвечал он про себя, — немецкий народ неправильно понимает, что такое власть и какими должны быть отношения личности и государства. Немцы уверились во всесилии государства, в приоритете государства перед всем другим, в том числе перед вечными человеческими ценностями. Наш народ превратил государство в идола и принес в жертву этому идолу личность и ее достоинство».

Уроки из трагического опыта Третьего рейха в западной части Германии извлекались правильные: в первую очередь нужна демократия и свобода.

На встрече христианско-демократических групп в декабре

1945 года в Бад-Годесберге образовали Христианско-демократический союз, ставший одной из крупнейших партий в Западной Германии. Ее постоянный партнер в Баварии называется несколько иначе — Христианско-социальный союз. На выборах обе партии, опиравшиеся на церковь, неизменно выступали вместе. Председателем ХДС избрали Аденауэра.

Обер-бургомистр Западного Берлина Эрнст Рейтер предложил сделать столицей нового государства город Кассель. Социал-демократы предпочитали Франкфурт-на-Майне. Аденауэр выбрал маленький рейнский городок Бонн, сославшись на то, что большие города надо восстанавливать после бомбардировок, а Бонн не пострадал.

Бонн совершенно не подходил для роли столицы, и это обстоятельство должно было указывать на ее временный характер. Бонн — маленький городок, провинциальный в хорошем смысле этого слова. Здесь все знали друг друга. Может быть, канцлер просто перенес столицу поближе к собственному дому, чтобы недалеко было ездить на работу?

Для Конрада Аденауэра объединение Германии, возможно, и не было таким уж важным. Идея единого государства вдохновляла далеко не всех. В одном западноберлинском кабаре даже исполняли ерническую песенку «Воссоединение», каждый куплет которой заканчивался словами: «В Бонне всяк о нем лопочет, но всерьез никто не хочет».

Аденауэр, как уроженец католической Рейнской области, был противником доминирования протестантской Пруссии. Он хотел создать федеративное государство, в котором Пруссия, Бавария, Рейнская и Рурская области были бы на равных. Он рассчитывал укрепить в Германии влияние католиков и ослабить власть прусской бюрократии…

После крушения Третьего рейха выдающийся немецкий писатель Томас Манн сформулировал задачу так: «Нам нужна европейская Германия, а не германская Европа». Чем более европейской становится Германия, тем лучше живут немцы. А хорошая жизнь — это лучшая прививка от болтовни относительно великой державы.

Западная Германия, где люди жили по карточкам, где самой ходовой валютой были американские сигареты, где полиция устраивала облавы на черном рынке, восстанавливалась с поразительной быстротой.

Немецкое экономическое чудо представляется чем-то уникальным, неповторимым. Со стороны кажется, что немцы — прирожденные рыночники, торговцы, предприниматели и экономический успех дался им легко и просто. Но это не так.

Дискуссии о том, надо ли переходить к рынку, шли в Германии долго и были ожесточенными. Многие, кто при нацистах привык к огосударствленной экономике, сопротивлялись введению рыночной экономики.

Может быть, причина немецкого успеха — щедрая американская помощь?

Конечно, деньги, полученные в рамках плана Маршалла, сыграли важную роль в закупке необходимых товаров для бедствовавшей Германии. Часть американских денег пошла и на инвестиции. Но роль американской помощи не надо переоценивать. Эти деньги сыграли роль топлива для локомотива немецкой экономики. Но локомотив немцы построили сами.

Летом 1948 года Аверелл Гарриман, бывший посол в Москве, ведавший осуществлением плана Маршалла, побывал в Германии, заглянул домой в одну семью в Эссене. Гарриман уверенно сказал своему помощнику Вернону Уолтерсу, что Германия обязательно возродится:

— Люди, которые, живя среди развалин, не забывают поставить на стол цветы, все восстановят.

Немцы, конечно, трудолюбивый народ, но они не хотели работать просто так. Они начали вкалывать, когда появился смысл работать и зарабатывать. Когда в Западной Германии отпустили цены, это было для немцев шоком. Но правительство сжало инфляцию и отказывалось печатать лишние купюры. Немцы увидели, что им платят надежными деньгами, на которые можно купить хороший товар. Это стало сильнейшим стимулом для желания работать много и усердно.

Отцом немецкой экономической реформы называют Людвига Эрхарда, который был первым министром экономики Западной Германии. Эрхард принадлежал к тем немногим политикам XX столетия, которые ясно представляли себе, как можно вывести страну из экономической катастрофы. Ему удалось добиться успеха и насладиться его плодами при жизни. Он сформулировал знаменитую концепцию социального рыночного хозяйства. Многие считают, что идеи Людвига Эрхарда — это некий третий путь, сочетание социалистических и капиталистических идей. Ничего подобного! Эрхард считал эффективной лишь рыночную экономику и был уверен, что только рынок позволяет обществу процветать и быть социально справедливым.

Единственная задача государства, доказывал Эрхард, — это создавать условия для нормального и успешного предпринимательства. Главное — дать людям возможность работать и зарабатывать. Человек, который зарабатывает, должен быть уверен, что государство не отберет у него деньги. А

печатание денег без обеспечения, то есть инфляция, — это чистой воды ограбление. Социалисты, добавлял Аденауэр, научились разбираться в финансах ровно настолько, чтобы уметь растрачивать чужие деньги.

Уже в 1950 году реальная зарплата в ФРГ достигла предвоенного уровня. Настоящее процветание началось в 1955 году. Холодильники, телевизоры, стиральные машины перестали быть предметом роскоши. Немецкие семьи обзаводились машинами, ездили отдыхать за границу. За экономическими успехами последовали и политические. Положение Западной Германии в Европе укрепилось после того, как наладились отношения между Бонном и Парижем и старая вражда утихла.

Ключевую роль здесь сыграл француз Жан Монне. Он начинал в семейном бизнесе — торговал коньяком. В юности хотел быть боксером, потом — дипломатом. После Первой мировой работал заместителем генерального секретаря Лиги Наций. Во время Второй мировой, обращаясь к Вашингтону с призывом вступить в войну, он назвал Соединенные Штаты «арсеналом демократии». Жана Монне попросили не повторять это удачное выражение, чтобы его мог использовать президент Франклин Рузвельт.

Целое столетие причиной войн между Францией и Германией был Рурско-Рейнский регион с его залежами угля и железной руды, необходимых для военной промышленности. Жану Монне пришла в голову идея: не конфликтовать из-за угля и стали, а создать совместный картель. Это покончит с враждой между Францией и Германией.

9 мая 1950 года канцлер ФРГ Аденауэр получил письмо от французского министра иностранных дел Робера Шумана. Это было описание проекта, получившего название «план Шумана». Министр предлагал создать Европейское объединение угля и стали, объединив каменноугольную, железнорудную и металлургическую промышленность. В этот же день французский министр изложил свою идею публично. Это стало первым шагом к созданию федерации европейских государств. 9 мая ныне отмечается как День Европы.

Робер Шуман был идеальной фигурой для того, чтобы реализовать эту идею. Он появился на свет на границе Франции и Германии. Шуман был подданным кайзера и говорил по-немецки. После Первой мировой его родную Лотарингию передали Франции, он стал французским гражданином и представлял в Национальном собрании родной регион. Если кто-то мог персонифицировать возможность франко-германского объединения, то это Шуман.

Французский министр объяснил государственному секретарю Дину Ачесону, что Франция и Германия так крепко обнимут друг друга, что внезапный удар станет невозможным. Всякая война начинается с увеличения добычи угля и железной руды. Общий орган управления помешает тайному перевооружению одной из стран.

Приехав в Лондон, Конрад Аденауэр говорил Черчиллю:

— Я прошу доверять Германии. Нашу страну иной раз трудно правильно понять. Немец склонен к крайности. Часто он мыслит слишком отвлеченно. Но мы дорого заплатили за полученный урок. Немцы не находятся больше в плену прежних представлений. Германия и Франция должны сплотиться.

Черчилль заметил:

— Национальные чувства невозможно искоренить. Но Франция и Германия должны идти вместе. Их армии должны маршировать плечом к плечу под звуки «Марсельезы» и «Вахты на Рейне».

Но Англия высокомерно осталась в стороне. Вхождение в Европейское сообщество требовало энергии и готовности к риску, на что британские лидеры не были способны.

Английской внешней политикой руководил Эрнест Бевин, не очень молодой и не очень здоровый человек. В 1949 году Бевин приплыл в США. Вечером в Нью-Йорке английского гостя повели на Бродвей смотреть мюзикл. На обратном пути в машине у Бевина начался сердечный приступ. Охранник дал ему нитроглицерин, расстегнул рубашку, протер грудь снегом. Бевин пришел в себя и встал. Спросил:

— Куда едем?

— В отель, — ответил Дин Ачесон, — вам нужно лечь в постель.

— А вы куда?

— Выпью рюмку на сон грядущий, — признался Ачесон.

— И я с вами, — сказал Эрнест Бевин. — Мне выпивка нужна больше, чем вам.

Англия все еще ощущала себя великой державой, поэтому и отказалась от идеи европейской экономической интеграции. Зато эту идею поддержал Париж. Перед французскими политиками стояла такой выбор: или сильный атлантический союз, в котором доминируют Соединенные Штаты, или сильная Европа, где Франция сможет играть ведущую роль.

18 апреля 1951 года в Париже образовалось Европейское объединение угля и стали. В него вошли Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург. Соглашение было подписано в здании министерства иностранных дел Франции на Кэ д'Орсе.

Англия отказалась участвовать. Это была самая большая ошибка британской политики после войны. Министр иностранных дел Герберт Моррисон изрек:

— Плохая идея. Мы не станем в этом участвовать. Наши шахтеры этого не примут.

Единая Европа формировалась без англичан.

«Британия не верит, что Франция и другие европейские страны смогут и захотят противостоять возможному советскому нападению, — считал Жан Монне, архитектор Европейского объединения. — Англия считает, что в этой войне континентальная Европа будет оккупирована. А вот Англия с помощью Америки сможет выстоять. Вот почему она не хочет, чтобы ее политика определялась Европой».

После создания ФРГ возник вопрос о немецкой армии. Мало кому хотелось вновь видеть оружие в руках немцев. За неделю до начала войны в Корее американский верховный комиссар в Германии Джон Макклой не разрешил Аденауэру сформировать полицейский корпус в двадцать тысяч человек. После начала войны Макклой сам предложил Вашингтону заняться вооружением Западной Германии, чтобы она не ощущала себя беззащитной. Западные страны колебались. Они боялись милитаризации ФРГ. Но и нуждались в немцах.

10 марта 1952 года советское правительство предложило правительствам США, Англии и Франции подготовить и подписать мирный договор, согласованный с общегерманским правительством; оно должно было быть образовано совместными усилиями. Заместитель министра иностранных дел Громыко вручил послам США, Англии и Франции в Москве советскую ноту от 10 марта, которую принято называть «нотой Сталина».

Что предлагал Сталин?

Германия восстанавливается как единое, независимое, демократическое, нейтральное и миролюбивое государство. Все оккупационные войска выводятся. Германия даже получает право создать собственную армию. Но с одним условием: «Германия обязуется не вступать в какие-либо коалиции или военные союзы, направленные против любой державы, принимавшей участие своими вооруженными силами в войне против Германии».

Предложение провести общегерманские выборы и создать единую, нейтральную, демилитаризованную Германию было единственно возможным ответом на образование ФРГ. Сталин хотел если не сохранить всю страну под своим контролем, то по крайней мере не дать американцам овладеть какой-то частью Германии.

Но было слишком поздно. Несколько лет назад такое

предложение перечеркнуло бы возможность вступления Германии в НАТО. До 1948 года Сталин мог договориться с Западом на своих условиях. Но в 1952-м Западная Германия уже вооружалась. Предложение Сталина означало разрушение НАТО. Американским войскам, которые находились в Западной Германии, некуда было отступить. Их бы пришлось отправить за океан, а советские войска отступили бы всего на сотню километров — на территорию Польши. К тому же мало кто хотел восстановления единой Германии.

Канцлер Аденауэр без колебаний избрал союз с Западом. Он хотел вступить в НАТО. В бундестаге лидер социал-демократов Курт Шумахер крикнул Аденауэру:

— Вы — канцлер союзников!

Это прозвучало оскорбительно, но не справедливо. Аденауэр не без оснований считал, что могучая, но одинокая Германия не только представляла угрозу для всех соседей, но и была опасной для самой себя.

Помешать Западной Германии вступить в НАТО Советский Союз не смог.

В октябре 1954 года в Париже министры иностранных дел западных держав подписали соглашение, которое разрешало ФРГ создавать свои вооруженные силы и состоять в НАТО. Западная Германия получила из рук союзников право определять свою внешнюю политику.

— Федеральное правительство, — провозгласил Аденауэр в бундестаге, — с уверенностью заявляет: мы — свободное и независимое государство.

5 мая 1955 года ФРГ обрела полный суверенитет.

Правительство ФРГ приняло доктрину Хальштейна — оно разрывает дипломатические отношения с любой страной, которая признает режим в Восточном Берлине. Но прибегли к этому только раз — разорвав отношения с Югославией, признавшей ГДР в октябре 1957 года.

Союзники только оставили за собой право управлять Западным Берлином и держать войска на территории ФРГ.

Зачем Аденауэр так ратовал за вступление в НАТО, он объяснил французскому президенту Шарлю де Голлю:

— Хрущев действительно уверен, что капитализм изжил себя и что коммунизм покорит весь мир. Он фанатичный коммунист и одновременно фанатичный русский, одержимый все той же жаждой империалистической экспансии, которая определяла политику России в царское время. Но Хрущев не начнет войну, пока он убежден, что свободные народы достаточно сильны, чтобы в ходе такой войны уничтожить Советский Союз или, во

всяком случае, нанести самый тяжелый ущерб. Я глубоко убежден в том, что оборона от Советского Союза на национальной основе больше невозможна, как и оборона одних европейских стран без Соединенных Штатов. Мы не смогли бы даже найти финансовых средств, чтобы догнать Советский Союз в ядерном вооружении…

1955-й был важным годом в немецкой политике. В мае ФРГ приняли в НАТО, а 7 июня советское посольство в Париже передало западногерманскому посольству приглашение канцлеру Аденауэру приехать в Москву «для обсуждения вопроса об установлении дипломатических и торговых отношений между Советским Союзом и Германской Федеративной Республикой».

8 сентября в Москву прибыла делегация Западной Германии — через десять лет после окончания войны. На двух самолетах прилетели полторы сотни немецких чиновников. Технический персонал со средствами связи и запасом еды привезли на поезде.

Канцлера ФРГ в Москве часто обвиняли в реваншизме. Аденауэр, пристально глядя на министра иностранных дел Молотова, сказал, что он, по крайней мере, — в отличие от некоторых — не пожимал руку Гитлеру. Переговоры вели глава советского правительства Николай Булганин и первый секретарь ЦК Никита Хрущев.

«В противоположность Булганину с его клиновидной бородкой, седыми, причесанными на пробор волосами и добродушным выражением лица, — вспоминал Аденауэр, — Хрущев вовсе не изображал из себя доброго дядюшку…

Булганин и Хрущев пытались продемонстрировать мне, что их мнения и цели абсолютно совпадают. Булганин сказал мне, что Хрущев и он едины, что они уже тридцать лет работают в тесном контакте и доверяют друг другу беспредельно. Он призвал Хрущева в свидетели, и Хрущев подтвердил.

У меня сложилось впечатление, что они оба тщательно следят за тем, чтобы всегда высказывать одно мнение. Была ли это действительно дружба до гроба, никто из нас сказать не мог…»

Советские руководители сочли за труд выяснить привычки немецкого канцлера, и в первый же день Булганин предложил ему закурить. Некурящий канцлер отказался и едко заметил:

— У вас есть преимущество, господин Булганин. В отличие от меня вы можете пускать дым в глаза.

Переговоры шли трудно. Аденауэр требовал сначала отпустить военнопленных, а потом уже договариваться обо всем остальном. Он утверждал, что в советских лагерях все еще держат сто с лишним тысяч немцев. Булганин уверял, что военнопленных давно отпустили, а остались около десяти тысяч военных

преступников, которые отбывают наказание в соответствии с приговорами, вынесенными судом.

Во время переговоров Хрущев взорвался:

— Я прежде увижу вас в аду, чем соглашусь с вами по этому вопросу!

Аденауэр реагировал немедленно:

— Если вы увидите меня в аду, то лишь потому, что первым туда попадете.

Переговоры едва не сорвались.

Хрущев, вспоминает участвовавший в переговорах дипломат Ростислав Сергеев, прервал Булганина:

— Николай, дай я скажу.

И сказал:

— Если наши уважаемые партнеры не подготовлены сейчас вести переговоры и достигнуть соглашения по вопросу установления дипломатических, торговых, а также культурных отношений, если они хотят подождать, я считаю, что можно подождать. Нам не дует.

Никита Сергеевич привстал и выразительно похлопал себя по нижней части спины. Возникла немая сцена. Жест перевода не требовал. В официальный текст вместо слов «Нам не дует» было записано: «Нам ветер в лицо не дует».

Конрад Аденауэр собрался уезжать. Но формула договоренности все же нашлась. Решили за это выпить.

«Я заметил, что мне наливает один официант, а Булганину — другой, — рассказывал Аденауэр. — Когда же официант Булганина взял и бокал Хрущева, я его остановил, взял у него бутылку и сказал: «А ну-ка, покажите мне ее!» Бокалы были зеленого цвета, бутылки тоже зеленые, и нельзя было разглядеть, что они содержат. Я исследовал содержимое и обнаружил, что в бутылке вода.

— Уважаемые господа! — воскликнул я. — Это нечестная игра! Вы пьете воду, а мне даете вино. Либо мы все трое пьем воду, либо все пьем вино.

Мы тогда много пили, не опасаясь последствий. Отправляясь на встречу с русскими, каждый член делегации глотал оливковое масло из консервных банок с сардинами».

Вечером 10 сентября немецкую делегацию повезли в Большой театр на балет «Ромео и Джульетта». Во время антракта пригласили к столу в Бетховенском зале. Аденауэр предложил поздравить статс-секретаря ведомства федерального канцлера Ханса Глобке с днем рождения. Хрущев присоединился к поздравлениям. Никиту Сергеевича не предупредили, что Глобке — военный преступник, в Третьем рейхе он участвовал в

разработке расового законодательства. Со временем это станет известным, и тогда советская пропаганда будет обвинять Аденауэра, что он собрал вокруг себя бывших нацистов.

Когда по ходу спектакля Монтекки и Капулетти молились вместе, Конрад Аденауэр встал и протянул обе руки Николаю Александровичу Булганину. Они пожали друг другу руки. В зале раздались аплодисменты.

Советский Союз и Западная Германия установили дипломатические и торговые отношения. Зная, что в Восточном Берлине обеспокоены этими переговорами, Москва подробно информировала членов политбюро ЦК СЕПГ о разговорах с западными немцами. Ульбрихт не одобрял установление дипломатических отношений с Западной Германией, но это был очень прагматический шаг Хрущева.

Немецкие пленные вернулись домой. Выглядели они неважно. Прямо на вокзале от имени правительства ФРГ им раздавали новую одежду и часы. Встречать пленных приехал канцлер Аденауэр.

— Мы не успокоимся, пока последний заключенный не вернется на родину! — обещал Конрад Аденауэр. — И еще раз: добро пожаловать на немецкую родину!

Западногерманская кинохроника показывала, как президент ФРГ вручает большой крест за заслуги врачу, попавшему в плен под Сталинградом.

«Доктор Оттмар Коллар, — говорил диктор, — был выпущен на свободу еще в 1949 году, но по своей воле остался в Советском Союзе, чтобы самоотверженно помогать своим товарищам и заботиться о них».

Создание бундесвера воспринималось в Советском Союзе как первый шаг к новой германской агрессии, хотя в Бонне доказывали, что бундесвер строится на иных принципах, что это вооруженные силы демократического государства. Более того, руководители ФРГ хотели сразу же поставить немецкую национальную армию под общеевропейское или натовское командование, что они считали верной гарантией от возрождения германского милитаризма.

— Среди немецкой молодежи, — рассказывал первый министр обороны ФРГ Теодор Бланк, — ощущается отвращение к жестким прусским формам военной службы. Дух казарменной муштры развеян в ужасах тотальной войны.

12 ноября 1955 года первое подразделение бундесвера в составе ста одного добровольца получило воинские документы из рук министра обороны Бланка. Этот день стал днем создания армии ФРГ. Бланк напутствовал офицеров новой армии:

— Повышение боеготовности, чтобы обеспечить безопасность страны, — вот в чем заключается смысл военной службы.

Отношения между Бонном и Москвой оставались крайне неприязненными.

27 августа 1959 года Аденауэр ответил Хрущеву на довольно жесткое письмо:

«Вы пишете, что в немецком народе господствует реваншизм, что даже в моем правительстве есть реваншисты, Вы заходите так далеко, господин премьер-министр, что намекаете на то, что и я, возможно, также реваншист.

Нет, господин премьер-министр, здесь Вы глубоко заблуждаетесь, и здесь я не узнаю Вашего реализма и способности видеть то, что есть на самом деле, качеств, которыми Вы обычно обладаете в высшей степени.

Я не реваншист и никогда им не был. В моем правительстве нет ни одного реваншиста, и я бы никогда не потерпел министра, являющегося реваншистом. Что касается немецкого народа… Может быть, и надеется кто-то, кто мечтает о Гитлере и реванше. Но это очень немногие люди, которые не обладают никакой властью…»

Первым послом в ФРГ в январе 1956 года отправили заместителя министра иностранных дел Валериана Зорина. Через полгода он попросился в Москву. Ему пошли навстречу и отозвали. Вместо него осенью 1956 года в Бонн назначили бывшего посла из Австрии Андрея Андреевича Смирнова. Ему принадлежит знаменитая фраза:

— В чем разница между двумя столицами? Штраус в Вене — это вальс, Штраус в Бонне означает марш.

Советский посол имел в виду известного баварского политика Франца Йозефа Штрауса, придерживавшегося правоконсервативных взглядов и назначенного министром обороны ФРГ. Обладатель бочкообразной фигуры и прически ежиком, он был любимым персонажем карикатуристов — и советских, и немецких.

Канцлер Аденауэр не без юмора описывал, как к нему явился советский посол, чтобы передать очередную порцию недовольства в связи с милитаризацией Федеративной Республики. Андрей Смирнов заговорил о том, что Москва обеспокоена разговорами западно-германских генералов о продолжении традиций немецкой армии. Аденауэр ответил, что ему такие высказывания немецких генералов неизвестны. Но он, напротив, помнит свой визит в Москву и выстроенный при встрече почетный караул.

— Выправка советских солдат и их подчеркнуто чеканный строевой шаг, по-моему, были вполне в духе прусской и царской

традиций, — ехидно заметил канцлер. — Вот такого рода традиции как раз и не культивируются в бундесвере.

«Советские руководители, с которыми я встречался, — вспоминал Конрад Аденауэр, — твердо верили, что капитализм обречен на гибель и что русский коммунизм добьется мирового господства. Хрущев снова и снова пытался разъяснить мне все это.

— Вы обречены на гибель, — пытался он внушить мне, — а мы завоюем мир!

Кажется, он говорил это вполне серьезно».

После смерти Аденауэр стал, кажется, более масштабной фигурой, чем был при жизни. Сейчас многие немцы называют его самым выдающимся политическим деятелем Германии, хотя при жизни его многие критиковали. Он оставался очень прозападным политиком, и Хрущеву было трудно пожимать ему руку, когда они встретились. Да и Аденауэру не очень нравилось иметь дело с московскими руководителями. Но справедливости ради надо сказать, что если бы не Аденауэр, то вряд ли бы появилась на свет ФРГ такая, какой мы ее знаем, — демократическое и процветающее государство.

Коммандер Крэбб утонул

В два часа ночи 4 марта 1953 года в доме директора Центрального разведывательного управления Аллена Даллеса зазвонил телефон. Ответила его дочь. Дежурный по управлению попросил разбудить отца, который крепко спал после приема во французском посольстве. Даллес снял трубку: ему зачитали телеграмму из Москвы — у Сталина удар, вождь без сознания, парализован и умирает.

Аллен передал ошеломляющую новость старшему брату — государственному секретарю Соединенных Штатов Джону Фостеру Даллесу. Собрали всех ведущих кремленологов: чего следует ожидать? К кому перейдет власть в Москве? Кто займет место Сталина?

В последние месяцы жизни вождя всеми текущими делами занимался член Президиума ЦК, секретарь ЦК и заместитель председателя Совета министров Георгий Максимилианович Маленков. Он считал себя самым близким к Сталину человеком и его законным наследником. 16 марта 1953 года, через две недели после того, как вождь ушел в мир иной, Георгий Маленков призвал Запад к переговорам: «В настоящее время нет таких запутанных или нерешенных вопросов, которые нельзя было бы решить мирными средствами на базе взаимной договоренности заинтересованных стран. Это касается наших отношений со всеми государствами, включая Соединенные Штаты Америки».

Слова Маленкова давали надежду на потепление отношений Востока и Запада.

Джон Фостер Даллес на пресс-конференции заявил, что смерть коммунистического диктатора значительно увеличивает шансы на укрепление мира. Госсекретарь сказал, что верит: с началом новой эры в мире воцарится дух свободы, а не порабощения.

Собрав помощников, президент Соединенных Штатов Дуайт Эйзенхауэр рассуждал:

— Я не думаю, что мне стоит в очередной раз обличать советский режим. Маленкова речами не напугаешь. Дело в другом: что мы способны предложить миру? Чего мы сами хотим достичь?

Аллен Даллес выдвинул сразу несколько неожиданных идей: провести сессию Генеральной Ассамблеи ООН в Москве или совместно с СССР организовать программу экономической помощи Китаю.

16 апреля 1953 года Эйзенхауэр сказал, что нормализация

отношений между двумя странами вполне возможна. Речь, которую назвали «Шанс на мир», заметили в Москве.

25 апреля «Правда» писала: «В Американском обществе редакторов выступил президент США Эйзенхауэр с речью, посвященной вопросам международного положения. Эта речь является как бы ответом на недавние заявления Советского Правительства о возможности мирного разрешения спорных международных вопросов. С сочувствием встречены слова президента Эйзенхауэра: «Мы добиваемся подлинного и полного мира во всей Азии, как и во всем мире», так же как его заявление, что «ни один из этих спорных вопросов, будь он велик или мал, не является неразрешимым при нашем желании уважать права других стран»…»

Мало кто знал, что во время выступления Эйзенхауэр почувствовал спазмы в желудке, это были симптомы подстерегавшей его серьезной болезни. Чувствуя, что он сейчас потеряет сознание, президент сошел с трибуны, не договорив до конца.

В декабре 1953 года Черчилль и Эйзенхауэр встретились на Бермудах. Британский премьер предлагал провести встречу в верхах и восстановить «Большую тройку» в новом составе — Черчилль, Эйзенхауэр, Маленков.

Эйзенхауэр считал, что в Кремле сочтут предложение признаком слабости. Он не очень верил в перемены в Советском Союзе. Отправляя в Москву нового посла Чарлза Болена, Эйзенхауэр напутствовал его:

— Смотрите, чтобы вас там не отравили и ни на чем не подловили.

Черчилль полагал, что это госсекретарь Даллес так настроил Эйзенхауэра. Черчилль жаловался своему врачу, что американский президент слаб:

— Президент в руках Даллеса как кукла в руках чревовещателя.

Но британские дипломаты считали, что Эйзенхауэр скорее прав.

Шансы на встречу в верхах были тогда минимальны. Советские руководители не доверяли Черчиллю.

«Встреча глав правительств четырех великих держав, — вспоминал Хрущев, — это была затея Черчилля с целью лишь прощупать нас. Он исходил из того, что у нас после смерти Сталина к руководству пришли новые люди, видимо, как он считал, недостаточно компетентные в вопросах международной политики, еще не окрепшие. Вот он и решил, что следует прощупать нас, оказать на нас давление и добиться уступок,

нужных империалистическим державам…»

Уинстон Черчилль признался, что летом 1954 года он предложил Молотову организовать дружескую англо-советскую встречу на высшем уровне, но это предложение ни к чему не привело…

«Черчилль, — писал один из лидеров Либеральной партии Алан Кэмпбелл-Джонсон, — предлагал встречу в верхах, поскольку сложилось впечатление, будто Маленков намерен придерживаться «новой ориентации» в советской внешней политике. Но после двух лет видимого верховенства Маленкова пришло чрезвычайно всех поразившее сообщение об отставке Маленкова и о том, что на посту премьер-министра его сменил Булганин. Выяснилось также, что подлинным хозяином стал секретарь коммунистической партии Хрущев. Все сходились на том, что эти изменения неблагоприятны для перспектив мирного сосуществования…»

Но Хрущев становился все более открытым для внешнего мира. Он отправился в Китай, чтобы передать Мао Цзэдуну военную базу в Порт-Артуре. Поехал в Белград, чтобы извиниться перед Иосипом Броз Тито за сталинские нелепые обвинения. В сентябре 1955 года подписал с Финляндией соглашение об отказе СССР от прав на использование территории Порккала-Удд в качестве военно-морской базы и о выводе оттуда советских вооруженных сил.

Тем не менее настороженность сохранялась. Предложения другой стороны даже не рассматривались всерьез. В начале 1954 года на встрече с министрами иностранных дел Молотов сказал, что Советский Союз готов рассмотреть вопрос о вхождении в НАТО. Все рассмеялись. 31 марта 1954 года Москва направила западным странам официальные ноты с предложением принять страну в НАТО. Последовал отказ.

И только встреча лидеров четырех держав в Женеве в июле 1955 года доказала миру, что в Советском Союзе действительно появилось новое руководство.

— Почему встреча в верхах породила надежду и ожидания? — задавался вопросом британский министр иностранных Гаролд Макмиллан. — Воображение всего мира поразил тот факт, что происходила дружественная встреча руководителей двух великих группировок, на которые разделен мир. Эти люди, обремененные колоссальным грузом своих обязанностей, встретились, беседовали и шутили, как простые смертные… Дух Женевы был возвращением к нормальным человеческим отношениям.

В Женеву Хрущев и Булганин поехали вдвоем. Формально

старшим был Булганин. Хрущев ездил в странном качестве члена Президиума Верховного Совета СССР.

Готовясь к встрече в Женеве, Эйзенхауэр почувствовал, что ему не хватает позитивных идей. Он собрал ученых. Тогда и возникла идея «открытого неба», совместных разведывательных полетов над США и СССР, чтобы каждая из сторон видела, что другая страна не собирается нанести первый удар. Эйзенхауэр выдвинул эту идею в Женеве, Булганин проявил вежливый интерес. Но Хрущев твердо сказал: «Я не согласен». И Эйзенхауэр понял, кто руководит советской делегацией.

«Эйзенхауэр, — делился Хрущев своими женевскими впечатлениями, — в личных контактах производил очень хорошее впечатление. Он человек располагающий к себе, в обращении мягкий, голос у него тоже не какой-то такой, приводящий в трепет собеседника, как принято изображать командирские голоса военных. Нет, голос у него был человеческий, и обращение человечное, даже, я бы сказал, притягательное».

В ноябре 1952 года республиканцы во главе с Дуайтом Эйзенхауэром выставили из Белого дома демократов, которые управляли страной два десятилетия.

Избирательная кампания 1952 года была одной из самых грязных. Особенно старались Ричард Никсон и сенатор Маккарти, атакуя кандидата от Демократической партии Эдлая Стивенсона. Вообще-то люди, которые знали Эдлая Стивенсона, ценили его за веру в доброту человеческой натуры, но сильно сомневались в том, что это качество может обеспечить безопасность страны…

Источником грязных слухов было ФБР, которое будто бы получило данные о том, что кандидат в президенты дважды задерживался полицией — в Иллинойсе и Мэриленде — за гомосексуализм. В обоих случаях его будто отпускали и протоколы задержания рвали. Газеты не писали о слухах, но они ходили по стране. ФБР записывало слова бывшей жены Стивенсона, страдавшей опасной формой паранойи. Она рассказывала о нем небылицы. Впоследствии Эдгар Гувер прислал соответствующую справку и братьям Кеннеди, когда они решили назначить Стивенсона представителем в ООН. Но Джон Кеннеди не обратил внимания на нелепые обвинения. Эдлай Стивенсон получил трибуну в Совете Безопасности ООН и еще возникнет на страницах этой книги.

Консерваторов порадовало то, что своим напарником Эйзенхауэр избрал Ричарда Никсона. У него были твердые антикоммунистические взгляды. Что касается Эйзенхауэра, то он так долго служил в армии, что неизвестно было, есть ли у него вообще какие-то взгляды.

Новый президент любил говорить о себе: «Я крестьянский сын из Канзаса» или «Я простой солдат». При этом он много лет проработал в Вашингтоне, занимал крупные военные посты. Он окончил училище в Вест-Пойнте в 1915 году. В тридцатых годах был помощником генерала Макартура в Вашингтоне и на Филиппинах и знал, как должен вести себя генерал. В начале Второй мировой он постигал военное искусство под руководством генерала Маршалла.

Когда Эйзенхауэр не защитил доброе имя Маршалла и позировал вместе с сенатором Маккарти, Гарри Трумэн счел это предательством:

— Он был обязан Маршаллу всей своей карьерой. Рузвельт произвел его из подполковников сразу в генералы именно по рекомендации Маршалла…

Дуайт Эйзенхауэр не стал связываться с сенатором Маккарти, чтобы не обзаводиться лишними врагами. Он не одобрял манер и методов сенатора, но в целом его цели считал правильными. За лучезарной и дружелюбной внешностью Эйзенхауэра скрывался холодный и в случае необходимости безжалостный руководитель.

— Я занимаюсь политикой, причем очень активной политикой, всю свою взрослую жизнь, — говорил Эйзенхауэр. — Нет более политической организации, чем американские вооруженные силы.

Вот уж кто не страдал нерешительностью. Он подходил ко всем проблемам по-военному: прямо брался за дело. Важнейшие решения принимал на совещаниях Совета национальной безопасности или в кругу ближайших сотрудников. «Готовясь к сражению, — вспоминал Эйзенхауэр, — я всегда убеждался, что планы бесполезны, но и без планирования обойтись нельзя».

Эйзенхауэр любил играть в гольф, устраивал большие ужины, ездил на рыбалку и вообще не утомлял себя работой. Он охотно делегировал полномочия подчиненным, но не самые важные дела. Он демонстрировал значительно больше энергии и заинтересованности в делах, чем можно было предположить со стороны. Но его чувство самосохранения заставляло его выдвигать на линию огня своих сотрудников, а самому держаться в тени. Вот почему он не казался ключевым игроком на мировой арене, и советские руководители пожелали в первую очередь установить отношения с англичанами.

Хрущев и Булганин приняли приглашение посетить Англию. Они приплыли в Портсмут на крейсере «Орджоникидзе» в апреле 1956 года. За десять дней до приезда высоких советских гостей сотрудник британской разведки информировал куратора спецслужб в министерстве иностранных дел о намерении

провести шесть разных операций. Прежде всего — удовлетворить запрос адмиралтейства и оправить в Портсмут ныряльщика, чтобы он тайно осмотрел крейсер «Орджоникидзе».

Британские моряки хотели осмотреть винт, потому что скорость крейсера оказалась выше, чем предполагали в военно-морской разведке, и, следовательно, предстояло менять параметры торпед. В принципе это рутинная операция, которую проводят всякий раз, когда в порту появляется иностранный корабль. Но на сей раз руководители разведки не подумали, как опасно затевать подобные игры с крейсером, на борту которого руководители государства.

Поставить в известность министерство иностранных дел должен был сотрудник разведки МИ-6 Джон Брюс Локкарт, племянник того знаменитого Локкарта, которого после революции обвиняли в заговоре против советского правительства. Джон Брюс Локкарт доложил о планах разведки чиновнику министерства иностранных дел Майклу Уильямсу. В то утро у того умер отец, ему было не до советского крейсера. Без интереса выслушав Локкарта, он вернул ему досье. Локкарт решил, что планы разведки возражений не вызывают.

Премьер-министр Энтони Иден потом говорил, что он вообще запретил все разведывательные операции на время визита советской делегации. Если он и отдал такой приказ, в разведке и контрразведке его не получали.

Операцией занималась так называемая лондонская резидентура, которой руководил Николас Эллиот и его заместитель Эндрю Кинг. Они работали против иностранных дипломатов в Лондоне. Для исполнения операции Эллиот выбрал коммандера Лайонела Крэбба. Впоследствии Эллиот говорил в свою защиту:

— Он умолял, чтобы эту работу доверили ему.

Крэбб родился в 1909 году в бедной семье. Его отец пропал без вести во время Первой мировой войны. В этой семье это не в последний раз… Он перепробовал разные профессии, пока не стал в тридцать лет моряком. Когда началась война, плавал на тральщиках. При медицинском осмотре выяснилось, что он плохо видит левым глазом, и его списали с флота. Он пошел добровольцем разминировать мины.

Его отправили на Гибралтар, где итальянские боевые пловцы крепили магнитные мины к корпусу британских кораблей. Он решил сам стать пловцом, хотя он пил, курил, плохо плавал и был физически слабым.

Лайонел Крэбб спас много жизней британских моряков, обезвредив мины, на которых они могли взорваться. Это была

опасная работа. Англичане использовали аквалангистов только для осмотра и ремонта корпуса. А вот итальянские боевые пловцы активно подрывали британские корабли, к чему англичане не были готовы. Крэбб проводил под водой по двенадцать часов в день. Он рассказывал, как однажды убил ножом под водой итальянского пловца, с которым они столкнулись. Крэбб был награжден и произведен в коммандеры, в российском флоте это капитан третьего ранга.

После войны Лайонела Крэбба демобилизовали, но время от времени привлекали для специальных операций. Он участвовал в операции по обследованию советского крейсера «Свердлов», который 10 июня 1953 года бросил якорь в районе британской военно-морской базы Портсмут. Крейсер прибыл по приглашению правительства для участия в военно-морском параде по случаю коронации Елизаветы II.

Когда ждали прихода «Орджоникидзе», услуги коммандера вновь понадобились.

Своему другу Крэбб сказал:

— Мне тут надо сделать одну небольшую работу.

Ему обещали шестьдесят гиней. Он сидел без денег и ухватился за предложение.

За день до прихода крейсера Крэбб и разведчик Бернард Смит приехали в Портсмут. Они совершили все ошибки, которые только возможно. Вместо того чтобы переночевать в учебном центре разведки по соседству, остановились в гостинице, которая существует по сей день. Оба зарегистрировались под собственными именами. Смит в графе «Адрес» написал: «Прикомандирован к министерству иностранных дел». Он себя плохо чувствовал в этот день, у него болело сердце. Может быть, это повлияло на здравость его суждений. Вечером Крэбб позволил себе минимум пять порций двойного виски. К началу дня уровень алкоголя в его крови оставался опасно высоким.

В семь утра 19 апреля Крэбб вместе со своим куратором из разведки покинули гостиницу. С лодки коммандер Крэбб ушел под воду. Потом всплыл, чтобы поправить снаряжение, и вновь погрузился. Больше его никто не видел. Когда стало ясно, что ждать бесполезно, сотрудник разведки собрал вещи, выписался из гостиницы и исчез.

Вечером в четверг 19 апреля 1956 года директору контрразведки МИ-5 Дику Уайту доложили, что операция в Портсмуте закончилась плохо. В гостиницу отправили полицейского, который потребовал книгу регистрации постояльцев и вырвал из нее сразу несколько страничек.

Охраной Булганина и Хрущева в поездке занимался

начальник девятого управления КГБ генерал Николай Степанович Захаров.

«Ко мне ночью, — рассказывал Захаров, — прибыл командир нашего крейсера контр-адмирал Иванов и доложил, что с борта нашего эсминца дежурным матросом был обнаружен плавающий под бортом нашего крейсера аквалангист. Руководители нашей делегации уже спали, поэтому мы с адмиралом решили докладывать утром».

Это была, собственно, первая полноценная поездка советских руководителей на Запад. Конференция в Женеве не в счет, там они страны не видели, с людьми не встречались.

«Договорились, — вспоминал Хрущев, — что прибудем к англичанам на военном корабле, на крейсере. Мы хотели прибыть на крейсере потому, что считали, что мы тогда в портовом городе заимеем как бы свою временную опорную базу…»

А в Лондоне советских гостей поселили в фешенебельную гостиницу «Клэридж».

«Все было для нас необыкновенным, — делился впечатлениями Хрущев. — Гостиница «Клэридж» была хорошая, услуги — замечательные. Все это было для нас внове. Ведь мы никогда так близко не общались ранее с иностранцами. К Идену у нас было хорошее отношение, мы считали его прогрессивным среди консерваторов человеком… Своим тактом и мягкостью он располагал собеседника к непринужденной беседе, к доверию».

Перед завтраком генерал Захаров и адмирал Иванов доложили о происшедшем Хрущеву и Булганину. Хрущев спросил, что это может означать.

«Контр-адмирал, — вспоминал Захаров, — высказал соображение, что англичане давно стремятся узнать ходовую часть и конфигурацию днища наших крейсеров, так как знают, что они более быстроходные, чем английские. Я высказал подозрение, что это подготовка диверсии. У этого шпиона, видимо, отказал акваланг, а вода в гавани Портсмута — сплошная нефть, и, несмотря на то что этого аквалангиста расписывали как пловца-аса, он, видимо, заплыв на большую глубину, задохнулся».

— Принимайте меры по обеспечению безопасности крейсера, — приказал Хрущев. — Обратно в Москву мы пойдем на крейсере.

Надо отдать должное Никите Сергеевичу. Он не испугался.

«Мы не придали значения этому случаю, хотя не исключали, что пловцы могут прикрепить к крейсеру магнитные мины, а это может дорого нам обойтись, — вспоминал Хрущев. — Поэтому мы подумали о возвращении домой самолетом. Но Ту-104 только еще

проходил испытания и был небезопасен, а лететь на Ил-14 после фурора, который произвел Ту-104, нам казалось неприличным. Я не верил в возможность какой-либо провокации. Взорвать крейсер с главой чужого правительства — это ведь война! Англичане никогда такого не допустят. И мы решили возвращаться домой на крейсере».

Резиденция британского премьер-министра показалась советским гостям жалкой. Руководители рабоче-крестьянского государства исходили из того, что руководители государства не могут не жить роскошно.

«Дом на Даунинг-стрит, который занимал Иден, — рассказывал Хрущев, — выглядел непрезентабельно: это особняк из красного кирпича, очень старый, обветшалый и закопченный. Одним словом, не очень-то привлекательное строение…»

Советские гости тонко разобрались в британском экономическом механизме.

«На завтраке в резиденции премьер-министра, — писал генерал Захаров, — несмотря на то что мы были в апреле, нас угощали свежими яблоками и клубникой из Африки. Эта колониальная держава, эксплуатируя подопечные страны, ввозила за бесценок водным путем все, что росло на земле и находилось в недрах этих стран, пользуясь дешевой рабочей силой…»

Мысль о том, что в нормальной экономической системе появление фруктов и овощей в магазинах не зависит от времен года, советским людям еще не приходила в голову.

Выходные гости провели в загородном поместье британского премьер-министра. Кларисса Иден нашла Булганина любезным собеседником, с которым можно разговаривать, а вот с Хрущевым у нее разговор за столом не получился.

«Посольство, — вспоминал Хрущев, — информировало нас, что жена Идена — это племянница Черчилля. Она, видимо, унаследовала некоторые его черты в питейных делах, умеет выпить…

Межконтинентальных ракет тогда мы еще вообще не имели, но ракет с радиусом действия пятьсот — тысяча километров у нас было достаточное количество. Поэтому Англию мы могли как бы припугнуть, ведь мы ее доставали ракетами… Это, видимо, беспокоило наших собеседников.

Я рассказываю это к тому, что за обедом к нам обратилась с вопросом жена Идена:

— Какие у вас ракеты и далеко ли они могут летать?

Я ей ответил:

— Да, далеко. Наши ракеты не только могут достать Британские острова, но и полетят дальше.

Она прикусила язык. Это вышло с моей стороны несколько грубовато и могло быть расценено как некая угроза. Во всяком случае, мы-то преследовали и такую цель. Угрожать особенно не собирались, но хотели показать, что приехали не как просители, а что мы сильная страна…

Мы переночевали в загородном доме Идена в Чеккерсе…

Я плохо сориентировался, наутро поднялся рано, весь дом еще спал, делать мне было нечего, я оделся и решил пойти к Булганину, но спутал расположение комнат и подошел к какой-то двери, думая, что это дверь в его комнату. Постучал. Надо же представить мой страх и удивление, когда в ответ раздался женский голос. Я буквально убежал и только тут понял, что мне надо было пройти немного дальше. Кто мне ответил, я так и не узнал. Думаю, что это был голос жены Идена. Я никому ничего не сказал…»

Во время официального приема командир советского крейсера рассказал англичанам, что вахтенные заметили боевого пловца. Командующий базой в Портсмуте сказал, что ему ничего на сей счет не известно, но обещал гостям провести расследование. В Лондоне разгорелся скандал. Советский Союз заявил протест. Адмиралтейство сообщило, что коммандер Крэбб исчез, когда проводил испытания новой аппаратуры для глубоководного погружения.

Ходили разные слухи: что Крэбб погиб от мощного электромагнитного излучения, что его убили или взяли в плен. Британские газеты предполагали, что русские моряки захватили Крэбба и увезли его в Советский Союз и после промывания мозгов он служил на советском Черноморском флоте под именем Лев Львович Кораблев.

Через много лет бывший военный моряк Эдуард Кольцов рассказал, что он лично перерезал Крэббу горло, когда увидел, что англичанин пытается прикрепить к корпусу крейсера мину в районе отсека, где хранятся снаряды. Он показал нож, которым убил англичанина, и орден Красной Звезды, который получил за это. Тогда ему было двадцать три года, он служил в группе морской разведки. По его словам, акустик корабля обнаружил под днищем подозрительный шум. Командир группы поручил ему спуститься под воду.

Кольцов увидел силуэт ныряльщика в легком водолазном снаряжении, который возился у правого борта, где находится зарядный погреб, то есть корабельное хранилище боеприпасов, подплыл и увидел, что тот пытается прикрепить мину. Он подплыл снизу, ударом ножа перерезал ему дыхательное устройство и горло. Тело убитого британского моряка ушло на

дно…

В Англии отвергли это предположение: немыслимо устанавливать мину на корабле, который привез в Лондон правительственную делегацию.

Корреспондент «Красной звезды» в Северо-Кавказском регионе Александр Хроленко тоже выразил сомнение в подвигах Эдуарда Кольцова. Корреспондент военной газеты не уверен, что вообще существовал отряд спецразведки «Барракуда»: «В северных широтах ночью под водой — темно, своей руки не видно. И скудное береговое освещение ничего не меняет. В таких условиях рассмотреть диверсанта, закрепляемую им мину и клубящуюся в воде кровь — просто ненаучная фантастика…»

Кольцов рассказывал, что орден ему вручил контр-адмирал Николай Венедиктович Тишкин, который в 1952–1955 годах был начальником флотской разведки. Но в 1956 году адмирал Тишкин уже ушел из разведки.

Подольский Центральный архив Министерства обороны сообщил «Красной звезде»: «В картотеке учета награжденных Кольцов Эдуард Петрович, 1933 года рождения, уроженец города Ростов-на-Дону, не значится. В учетно-послужной карте на старшего лейтенанта Э.П. Кольцова… сведений о награждении орденом Красной Звезды не имеется».

В 1957 году тело в водолазном костюме всплыло в районе Портсмута. Его обнаружили рыбаки. На нем не было ни головы, ни рук, поэтому опознать тело и определить причины смерти не представлялось возможным. Судебные медики сочли, что это тело коммандера Крэбба, и он похоронен на местном кладбище. Документы, относившиеся к этой истории, преданы гласности лишь частично. Все материалы по делу Лайонела Крэбба будут рассекречены только в 2057 году, через сто лет после его смерти.

Хотя руководители военно-морской разведки напомнили премьер-министру Идену, что во время визита англичан в Ленинград советские морские пловцы занимались тем же самым, он разозлился, узнав об истории с боевым пловцом. Приезд Хрущева и Булганина в Лондон был крайне важен, потому что свидетельствовал и об успехе дипломатии Идена, и о том, что Англия все еще входит в тройку великих держав.

Иден сменил на посту премьер-министра Черчилля, у которого случился удар. Это тщательно скрывалось. За закрытыми дверями его уговаривали передать пост главы правительства Идену. Черчилль сопротивлялся.

Он оставался на посту премьер-министра только в надежде оказать человечеству последнюю услугу — путем личной встречи с американским президентом и советским премьер-министром

попытаться не допустить использования водородной бомбы и тем самым помочь рассеять в мире страхи и ослабить международную напряженность. Он хотел вернуть Англии и себе прежнюю, особую роль в Европе. Но Эйзенхауэр не испытывал к нему никаких сентиментальных чувств и отверг идею встречи трех лидеров.

Черчилль уже не хотел читать бумаги, он не мог сосредоточиться, перескакивал с одной темы на другую. Иногда он забывал нужные слова. Фактически его заставили уйти в отставку. Чтобы отметить его заслуги, 4 апреля 1955 года на прощальный обед к нему приехали королева Елизавета II и герцог Эдинбургский, чего британские монархи никогда не делали. Впервые королева была гостем в резиденции главы правительства.

Уинстон Черчилль не мог смириться с уходом. После обеда он поднялся к себе, сел на кровать и сказал своему секретарю:

— Я не верю, что Энтони с этим справится.

Возможно, он был прав. Черчилль бы не позволил спецслужбам ради осмотра винтов крейсера «Орджоникидзе» ставить под угрозу отношения с Советским Союзом.

Черчилля заставили уйти с поста главы правительства, но не из парламента. Он так и оставался депутатом. Физически он уже был плох, не узнавал знакомых, но все еще получал удовольствие от сигар и бренди. И вдруг в один день он отказался и от того и от другого. Он как-то сразу утратил интерес к жизни…

После скандала вокруг пропавшего коммандера Крэбба премьер-министр Энтони Иден произнес в палате общин только одну фразу:

— Ввиду особых обстоятельств этого дела считаю необходимым объяснить, что сделанное было совершено без санкции и без ведома министров ее величества.

Лидер оппозиции Хью Гэйтскелл заметил, что отказ Идена объясниться заставляет общество считать, что в реальности коммандер Крэбб исполнял шпионскую миссию.

— Вы вольны говорить все, что вам угодно, — отрезал Иден.

Вернувшись на Даунинг-стрит, Иден сказал сэру Норману Бруку, секретарю кабинета министров, что «разведка некомпетентна и неадекватна». Нынешнему руководству разведки нельзя доверять.

И вот тогда начальником разведки Иден назначил руководителя МИ-5 Дика Уайта. В аппарате контрразведки собрали большую сумму, на которую приобрели серебряный чайный набор, и вручили шефу прощальный подарок.

14 июля 1956 года Дик Уайт перебрался в резиденцию

начальника разведки в доме № 21 у ворот королевы Анны. На дверях красовалась табличка «Ассоциация семей военнослужащих». В реальности большую часть дома занимали офисы разведки. На первом этаже устроили официальную квартиру начальника разведки — большая гостиная и спальня. Каждое утро Уайт отправлялся в рабочий кабинет пешком по узкой аллее. Он говорил, что чувствует себя так, словно спускается в бункер, откуда ведется холодная война. Рабочий день начинался в десять утра. Уайт приходил на полчаса раньше.

Начальник контрразведки, консервативной организации, был переброшен в гнездо форменных пиратов, воспитанных на приключениях военного времени. «Иногда приходится хлебать из одной миски с дьяволом» — эта пословица относится к разведке. Разведка представляла собой что-то вроде частной армии.

— Мы только что закончили одну войну, — с наслаждением вспоминал сотрудник МИ-6, — и ждали следующей.

Уайт понимал, что его подчиненные служат родине, постоянно нарушая закон. Радовало его только одно:

— В Британии, в отличие от Америки, я не должен был получать официальной санкции на то, что у нас делалось.

Рабочий кабинет начальника внешней разведки находился в доме номер 54, Бродвей-Билдингс. Старое здание, мрачные коридоры, темно-коричневый линолеум на полу, матовые стекла в окнах. Лифт останавливался только на четвертом и седьмом этажах; чтобы подняться на другие, приходилось пользоваться лестницей.

Местная шутка:

— Почему лестница похожа на публичный туалет?

— Потому что сюда приходит одно дерьмо.

Окна кабинета начальника разведки выходили на станцию метро. Плотные шторы были всегда задернуты, чтобы никто с улицы не мог видеть, что происходит внутри. Директор сидел спиной к окну. Перед столом два кожаных кресла. На полках старые справочники. На стенах фотографии предшественников. На письменном столе стояла чернильница с зелеными чернилами, которые использовались в служебной переписке, и писчая бумага голубого цвета.

Во времена Стюарта Мензиса в письменных ящиках стола лежали пачки наличных, которые вручались агентам. Но Дик Уайт уже не имел дела с деньгами. Он только подписывал счета на небольшие суммы, на которые его секретарь покупала сигареты и чай для посетителей. Жалованье платили раз в неделю. В отличие от состоятельных предшественников Уайт жил на зарплату.

На столе стояли четыре телефонных аппарата. Белый — прямой провод в министерство иностранных дел. Зеленый — с аппаратурой, защищающей от подслушивания (скремблер), — для секретных переговоров. И два черных городских телефона, которые обслуживались коммутатором разведки. Один через секретаря, другой — прямой, им Уайт не пользовался, поскольку сам не звонил подчиненным. Он также никогда не ходил по кабинетам, проведывая подчиненных.

Когда начальник разведки собирался уходить, его секретарь звонила охраннику на четвертом этаже. Тот вызывал личный лифт директора. Мало кто своими глазами видел начальника разведки, только руководители службы. Он даже не посещал корпоративные рождественские вечеринки.

— У разведки нет репутации, есть только мифы, — говорил Уайт. — Начальник разведки обязан этому соответствовать.

Он не спускался в подвал, где после шести вечера собирались старшие офицеры, которых именовали «бароны-разбойники». Это был мужской клуб, только для своих. Забавно, что это не были отпрыски аристократии. Напротив, костяк разведки составляли выходцы из простых семей, для которых другие карьерные дороги были закрыты. Но вход в клуб был строго-настрого закрыт для всех остальных.

Они чувствовали себя на передовой холодной войны. Они подкупали политиков, развязывали вооруженные конфликты, свергали правительства и убирали тех, кто становился опасен или просто не нужен. Они считали себя защитниками свободы страны и блюстителями морали. Провалы скрывались, поскольку редакторы лондонских газет, следуя традиционному обещанию не копать глубоко в сфере национальной безопасности, долгое время поддерживали миф о том, что английские шпионы — лучшие в мире.

Дик Уайт с ними не пил и их компании не искал. Им несколько лет понадобилось, чтобы убедить его в своей верности и лояльности. Некоторые профессиональные разведчики не воспринимали бывшего школьного учителя в качестве начальника. Контрразведка — это оборона, а разведка — наступление.

— Он же никогда не руководил агентами. Он не понимает, что значит рисковать. Это не в МИ-5 работать. Если что-то случилось в Триполи, нельзя позвонить местному начальнику полиции и попросить о помощи.

Каждое утро в четверг в здании министерства обороны заседал Объединенный комитет по разведке: в него входили сотрудники министерства иностранных дел, разведки, МИ-5,

службы радиоэлектронной разведки, военной разведки и аппарата правительства.

Высшие руководители правительства и вооруженных сил каждый день получали из разведки закрытые на замок чемоданчики с секретными сводками.

Формально разведка не имела права ничего предпринимать без санкции министерства иностранных дел. В реальности все зависело от степени недовольства в случае провала. Засылая агента, ничего не надо было спрашивать. Если собирались установить жучки в иностранном посольстве в Лондоне, то надо было сообщить выделенному для связи с разведкой дипломату, чтобы тот обсудил план с постоянным заместителем министра иностранных дел. Серьезные акции, которые могли привести к смерти человека, требовали утверждения премьер-министром.

Время от времени начальника разведки приглашали к министру иностранных дел и главе правительства. Все зависело от личных отношений. Если главному разведчику страны доверяли, то и воспринимали его информацию как подлинную.

Способность британской разведки вести подрывные операции на чужой территории рождала иллюзию сохранения великой державы, что компенсировало упадок военной и экономической мощи страны. Премьер-министр Иден сам стал жертвой этой иллюзии.

Роберт Энтони Иден родился 12 июня 1897 года. Его старший брат Джон, лейтенант 12-го уланского полка, был убит во Франции в октябре 1914 года. Младший брат Уильям Николас, мичман флота его величества, погиб в Ютландской битве в шестнадцать лет. Энтони Иден тоже пошел на фронт и закончил войну капитаном и начальником штаба бригады. Титул баронета, поместье и возможность вести праздную жизнь унаследовал другой его брат, Тимоти Калверт Иден. Энтони достался от отца только талант к рисованию. Он мог бы стать художником, но увлекся политикой.

Осенью 1923 года Иден обручился с Беатрисой Бекетт. Ее отец сэр Джервэйз Бекетт был банкиром и одним из владельцев газеты «Йоркшир пост». 5 ноября они обвенчались в церкви Святой Маргариты в Вестминстере. Медовый месяц продолжался всего два дня, потому что Иден баллотировался в парламент и был самый разгар избирательной кампании. Он выиграл выборы.

Война унесла героев его поколения. Ряды поредели, конкуренция стала меньше, общий уровень ниже. Он был не столько блистательным, сколь утонченным. Изысканный молодой человек с осанкой и манерами аристократа, он выгодно выделялся среди толпы окружавших его энергичных дельцов,

невзрачных секретарей профсоюзов, интеллигентов-лейбористов и напористых пролетариев.

Энтони Иден вошел в состав правительства в возрасте тридцати восьми лет и через полгода, в 1935 году, стал самым молодым министром иностранных дел за последние сто пятьдесят лет. Через три года подал в отставку, потому что не соглашался с политикой Невила Чемберлена по умиротворению Муссолини.

В начале Второй мировой войны Чемберлен сделал Идена министром по делам доминионов. 10 мая 1940 года, после поражения во Франции, Чемберлен покинул правительство. Уинстон Черчилль стал премьером, Энтони Иден — военным министром. 23 декабря 1940 года Иден получил портфель министра иностранных дел. На этом поприще он нашел себя.

«Если он и не может подняться до той высоты, какой достигает Черчилль, когда того требуют великие события, то зато он не опускается так низко, как это иногда бывает с Черчиллем, — писали британские журналисты. — Достигнуть славы и остаться скромным, иметь власть и остаться мягким, бороться за власть, не становясь ни грубым, ни хитрым, — все это большие достоинства, столь же редкие в частной жизни, как и на политической арене».

Единственное, чего не хватало Идену, — это здоровья.

4 июня 1945 года у Идена нашли язву двенадцатиперстной кишки. Ему пришлось взять отпуск для лечения. Одновременно он получил трагическую весть о старшем сыне Симоне, служившем в авиации на Дальнем Востоке, где шла война с Японией: «Пропал без вести, очевидно, убит». Гибель сына была ударом, от которого Иден не оправился.

В январе 1947 года Иден с женой отдыхали на Барбадосе и в Южной Америке. На этом их семейная жизнь закончилась. Его жена тяготилась ролью жены политика. Она ушла от мужа. Это было тягостно и плохо сказалось на его здоровье.

В глазах общественного мнения высокий и стройный Энтони Иден ассоциировался с молодостью и ранним успехом. В реальности он преждевременно постарел от чрезмерной работы. В марте 1948 года Иден опять заболел. Его положили в больницу и сделали операцию, после этого он еще три недели приходил в себя.

В октябре 1951 года на выборах лейбористы именовали Черчилля «поджигателем войны», но консерваторы победили, и Черчилль вновь возглавил правительство. Он понимал, что пришел ненадолго, поскольку ему много лет. 27 октября Иден стал заместителем премьер-министра и министром иностранных

дел.

В августе 1952 года было объявлено, что Иден помолвлен с Клариссой Спенсер Черчилль. Она была племянницей премьер-министра, третьим ребенком в семье майора Джона Черчилля, младшего брата Уинстона. Через два дня они обвенчались. Кларисса была поначалу несколько застенчива, но у нее был твердый и независимый характер. Ее родители уже ушли из жизни. Уинстон Черчилль присутствовал на свадьбе в роли свидетеля. Кларисса была на двадцать три года моложе мужа.

Она писала тете Клементине Черчилль: «Я надеюсь, вам будет приятно узнать об этом. Дайте нам ваше благословение. Несколько месяцев назад мы решили, что мы хотим всегда быть вместе. Я ужасно счастлива. Надеюсь, что окажусь способной помочь и украсить его жизнь».

Кларисса была умна, но не интересовалась политикой. Она работала в книжных издательствах, писала о театре, сотрудничала в журнале, который министерство информации издавало для русского читателя, — «Британский союзник».

Снятие ограничений военного времени было облегчением для женщин, которые мечтали вернуться к длинным юбкам, узким талиям, женственным линиям в одежде. Кларисса работала и сама зарабатывала себе на жизнь. Ко времени встречи с Иденом она была вполне самостоятельной женщиной, обзавелась загородным домом и машиной марки «моррис-майнор», столь редкой, что «люди останавливались на улицах и смотрели мне вслед». Никто не думал, что она захочет выйти замуж.

Она впервые увидела Идена, когда ей было шестнадцать лет. Он уже был министром и находился в расцвете славы. Через десять лет, в 1946 году, они встретились на торжественном обеде. После короткого разговора он предложил:

— Может быть, нам вместе поужинать?

«Женщина всегда чувствует тот момент, когда мужчина обращается к ней, потому что она ему нравится, — вспоминала Кларисса. — Он говорит с тобой как-то по-особому. Но я не думала о замужестве. Между нами ничего не было. Мы были просто друзьями».

Роман был исключен для женатого политика. Поэтому Иден позволял себе только легкий флирт. В 1946 году они с женой договорились разойтись, и Беатрис уплыла в Америку. Это означало, что Иден уже вправе заводить романы, но пока не может жениться. Развод он получил в июне 1950 года.

Идену нравились умные и интеллигентные женщины. Он знал несколько языков и много читал, собирал картины. У него была библиотека из трех с половиной тысяч томов, и он все

прочитал. Роман с Клариссой он держал в секрете, и даже близкие друзья были удивлены его решению.

Она же была поражена тому, как организована его жизнь. Его окружали помощники, которые не привыкли, что у шефа есть жена. Они привыкли руководить каждым его шагом. Даже охранник вел себя как начальник в отношении жены Идена. Выходные дни они проводили в доме Клариссы. Лежа в постели (телефон рядом) они читали книги. Ему постоянно звонили, присылали срочные телеграммы. И все же они умели быть счастливыми — наслаждались обедом: лобстеры, клубника со сливками, вино.

Через семь месяцев после свадьбы Энтони Иден серьезно заболел.

5 апреля 1953 года министерство иностранных дел Англии сообщило, что Идену предстоит операция. До начала октября он фактически не работал. Он три часа провел на операционном столе, потерял много крови, но операция оказалась неудачной. Через несколько недель операцию повторили, но столь же безуспешно. Иден с трудом оправлялся. Он не смог пойти на коронацию Елизаветы в июне 1953 года. Кларисса присутствовала одна.

Американский хирург, убежденный в эффективности своего способа лечения заболеваний желчного пузыря, рекомендовал новую операцию. Иден полетел в Соединенные Штаты. Прогнозы были мрачные. Хирург с американской прямотой сказал, что шансы, что пациент выживет, составляют пятьдесят процентов, что к нему вернется здоровье — двадцать процентов, что полностью выздоровеет — десять процентов. Операция продолжалась восемь часов и прошла успешно. Но хирург предупредил пациента: до конца жизни он будет нуждаться в постоянной терапии. После операции Иден выглядел чрезвычайно истощенным: сказались все перенесенные им испытания.

В июне 1953 года, пока Иден лежал на больничной койке, у Черчилля случился удар. Это тщательно скрывалось. Но Идена торопили с возвращением, держали для него место. Черчилль выздоравливал с поразительной быстротой, но раздавались голоса, призывающие его к отставке.

Кларисса забеременела, плохо себя чувствовала, в марте 1954 года у нее случился выкидыш. Но она никому не показывала своих истинных чувств. Те, кто навестил ее в больнице, ожидая увидеть молодую женщину в ужасном состоянии, слышали:

— Впервые за все последние месяцы я себя хорошо чувствую.

В апреле 1954 года она поехала с мужем на Женевскую конференцию по Индокитаю. Они остановились в гостинице на

Женевском озере. Китайская делегация разместилась рядом, и большое количество китайских разведчиков с микрофонами пытались их подслушивать. Опасаясь этого, Энтони Иден сопровождал свою речь каким-то шумом — постукивал по столу.

После ухода Черчилля в отставку Иден принял на себя обязанности главы правительства.

«События быстро следовали одно за другим, — вспоминал Кэмпбелл-Джонсон, — обед в резиденции премьер-министра в присутствии королевской четы, на котором и Черчилль, и Иден были в блестящих придворных костюмах и при орденах Подвязки; краткое сообщение из Букингемского дворца об отставке. Это сообщение вызвало такое чувство, будто из нашей жизни ушло нечто великое.

На следующее утро — в среду, 6 апреля — в цилиндре и визитке Иден отправился на аудиенцию к королеве, во время которой она, осуществляя свою королевскую прерогативу, предложила ему занять пост премьер-министра и первого лорда казначейства. Достопочтенный сэр Энтони Иден принял предложение ее величества и, принимая назначение, поцеловал ее руку…

При Черчилле в министерствах было много его друзей и родственников; правда, министерства не становились от этого обязательно хуже».

В тридцать четыре года Кларисса оказалась женой премьер-министра. Она не была готова к этой роли. Но она посвятила свою жизнь мужу. Все заметили, что здоровье и характер Идена улучшились. Он значительно меньше нервничал. Но теперь супруги и вовсе не могли остаться одни. Помощники проникали даже в их спальню с новыми бумагами. Они торчали в ванной комнате, пока Иден умывался и брился, и обсуждали, что написано в утренних газетах и что было накануне сказано в парламенте.

Супругам не удавалось даже поесть вдвоем. Если не приходилось принимать иностранного гостя, являлся кто-то из сотрудников, чтобы обсудить нечто важное.

Идены платили из собственного кармана повару, посудомойке, дворецкому, горничной и личному слуге. Клариссе тоже полагалась служанка, но она к этому не привыкла. Кларисса прошла через трудные военные времена, когда на всем экономили. Она жаловалась, что ее служанка достает новый кусок мыла, хотя прежним еще можно было пользоваться. Однажды Клариссу обидел американский госсекретарь Джон Фостер Даллес, который во время большого обеда ворчливо сказал соседу по столу:

— Ставлю пять фунтов, что я точно угадаю, что нам предстоит съесть. Здесь всегда кормят одним и тем же.

Кларисса была довольна: Даллес проиграл, потому что меню было новое.

Жене премьер-министра полагалась машина с водителем, но она об этом не подозревала и ездила на своем маленьком автомобильчике. Однажды она приехала на прием в иорданское посольство, припарковала ее и вошла. Когда она вышла, то выяснилось, что ее машину откатили далеко в сторону и все удобные места заняли лимузины с шоферами. Она пожаловалась кому-то из министров, и ей дали машину, которой пользовалась Клементина Черчилль.

Осенью 1956 года Великобритания втянулась в войну на Ближнем Востоке. Дело в том, что Египет, который еще недавно управлялся англичанами, национализировал Суэцкий канал. На Ближнем Востоке англичане по-прежнему опирались на более консервативные фигуры. Политика Англии, которая пыталась властвовать над третьим миром с помощью принцев и пашей, казалась американцам старомодной. ЦРУ делало ставку на молодых националистов — особенно на Ближнем Востоке, на молодых военных с большими амбициями, которые были в равной степени настроены антибритански и антикоммунистически.

Египетский король Фарук, связанный с Лондоном, в Вашингтоне воспринимался как «реакционный землевладелец». Американцам вообще не нравилась британская колониальная политика на Ближнем Востоке. В феврале 1949 года один из йеменских шейхов потребовал от англичан заключить новый договор о взаимоотношениях. В ответ англичане перебросили на ближайший аэродром эскадрилью «Линкольнов» и разбомбили несколько его деревень. Американцы возмущались тем, что таким образом англичане формируют негативное отношение ко всему Западу.

Египет обрел формальную независимость, но англичане отказывались уходить, чтобы держать в руках Суэцкий канал и военные базы. Королевский режим был неустойчив и нуждался в тайной помощи. Но представитель британских спецслужб в Каире полковник Дженкинс получил указание сидеть тихо и ни во что не вмешиваться.

После Второй мировой ведущие посты в полиции, которые прежде занимали европейцы, получили египтяне. Малоопытные чиновники столкнулись с необходимостью контролировать странный мир секретных обществ, полувоенных организаций, националистов-фанатиков. Радикальная исламистская

организация «Братья-мусульмане» поначалу считалась менее опасной, чем коммунисты. Осенью 1946 года демонстранты пустили в ход против полиции револьверы и ручные гранаты. В 1947 году «братьев-мусульман» возглавил Хассан аль-Банна, и поднялась волна насилия.

Египетские военные и полиция сквозь пальцы смотрели на атаки против британских баз. Подпольщиков-националистов тайно обучали военные. Полиция возвращала им оружие, если пойманные подпольщики говорили, что намерены сражаться с палестинскими евреями.

В 1948 году «братья-мусульмане» провели серию террористических атак против евреев в Каире. В результате первого взрыва бомбы погибли пятьдесят человек. Тогда арестовали нескольких «братьев-мусульман» и конфисковали порядочное количество оружия. В ответ 28 декабря 1948 года они устроили покушение на премьер-министра Египта. Хассан аль-Банна пытался доказать, что не имел к этому отношения. Но напрасно. План его устранения был одобрен в правительстве. Он был убит в перестрелке прямо в центре Каира 12 февраля 1949 года. Его окружение арестовали.

Но подполье, которое египетские власти покрывали, думая, что эти люди будут воевать с англичанами и евреями, уже вышло из-под контроля. Серьезные волнения начались в 1950 году, открыв молодым офицерам дорогу к власти. В июле 1952 года был свергнут египетский король, верный союзник англичан. Генерал Мохаммад Нагиб стал первым главой Египта, в феврале 1954 его сменил полковник Насер.

19 октября 1954 года под давлением египтян Энтони Иден согласился вывести из зоны Суэцкого канала восемьдесят тысяч британских солдат. Это было вынужденное решение, но в палате общин Иден доказывал его разумность.

— Нам нужна действующая база, а не осажденный гарнизон, — говорил Иден.

Договорились, что останутся и четыре тысячи специалистов для эксплуатации канала.

В 1955 году Кларисса сопровождала мужа в поездке по Ближнему и Дальнему Востоку, потому что министру иностранных дел предоставили собственный самолет. Во время этой поездки Иден в единственный раз встретился с новым руководителем Египта полковником Гамалем абд аль-Насером. Кларисса записала в дневнике: «Насер производил впечатление здоровья и силы».

Энтони Идеи попросил Насера навестить его в шесть вечера в британском посольстве. Насер посчитал это нарушением

протокола. Иден обязан был приехать к нему. Но тем не менее появился в посольстве. Прохаживаясь, Иден рассказывал Насеру, что представляет собой политика Великобритании.

«Его монолог, — вспоминал Насер, — не предполагал обсуждения или моих замечаний».

Завершив свою речь, Иден посмотрел на часы и сказал:

— Боюсь, мне надо идти. Я должен переодеться к обеду. Я полагаю, вы хотели знать о нашей политике.

Именно в этот момент, говорил Насер, он понял, как мало Англия нуждается в сотрудничестве с Египтом и что он обязан добиться нового порядка на Ближнем Востоке.

В британском посольстве устроили торжественный обед. Весь церемониал дипломатической службы ее величества был неприятен египтянам, потому что напоминал о колониальном прошлом. Насер раздраженно говорил соратникам:

— Все это выглядело так, что мы — воры, а они принцы!

Англичане совсем не воспринимали Насера. Так, в июне 1953 года Уинстон Черчилль приехал в Вашингтон. Во время торжественного обеда, на котором присутствовали видные американские дипломаты, когда речь зашла о Насере, Черчилль взорвался:

— Я не позволю, чтобы египетский «хвост» вертел головой льва. Я готов оккупировать страну, если там что-то произойдет.

Энтони Иден считал, что арабы превратились в орудие Советов в холодной войне на Ближнем Востоке. Взгляды Идена определялись и донесениями британской разведки из Каира. Резидент Фредди Стокуэлл и его заместитель Ян Критчетт докладывали в Лондон, что Насер — агент коммунистической революции. А вот британский посол Хамфри Тревольян считал, что Насер прежде всего националист и влияние Москвы на него не так велико.

Иначе к египтянам относились американцы. Центральное разведывательное управление с 1952 года пыталось работать с Насером. Аллен Даллес симпатизировал Насеру и готов был сотрудничать даже после того, как египетский лидер стал покупать оружие за железным занавесом. Государственный секретарь Джон Фостер Даллес прислушивался к своему брату. Насер получал в Вашингтоне любую помощь.

В 1955 году отношения с Насером настолько улучшились, что в Каир прибыл новый и нетерпеливый резидент ЦРУ Майлс Коупленд. Он чувствовал себя самостоятельной фигурой и не обращал внимания на дипломатов. Когда кто-то из его гостей, спохватившись, говорил, что надо бы представиться и американскому послу Джефферсону Кэффери, резидент

отмахивался:

— Старику уже объяснили, что это наше шоу. Не вижу, зачем вам идти к нему.

Перед этим Коупленд был резидентом в Сирии. Считается, что это он затеял серию военных переворотов в Дамаске, что закончилось приходом к власти просоветского режима. Он прощался с сирийскими друзьями очень бурно. Выпившие участники вечеринки стреляли в потолок из пистолетов.

10 марта 1955 года Насер пригласил американского посла и вручил ему список оружия, которое хотел бы купить в Соединенных Штатах.

Даллес не любил «нейтралов». В его лексиконе это означало что-то ненадежное, сомнительное, нестабильное. Тем не менее в начале мая американский посол сообщил Насеру, что его заявка одобрена, но платить придется наличными. Египет не мог выложить на стол двадцать семь миллионов долларов.

18 мая Насер обратился к Москве. Советское руководство ответило, что согласно на бартерные сделки.

9 июня Насер сказал американскому послу, что он может сговориться с русскими, но предпочел бы покупать оружие в США. Он вручил послу сокращенный список на десять миллионов — сказал, что такую сумму наберет.

19 июня Насер опять повторил послу, что все еще надеется на американское оружие. Но Даллес полагал, что Насер его шантажирует, выторговывает более выгодные условия. Думал, что советской экономике масштабные поставки не по карману, такого количества лишнего оружия Москва не найдет. И ошибся. Хрущев с удовольствием санкционировал поставку вооружений Египту.

Американские разведчики Кермит Рузвельт и Майлс Коупленд три с половиной часа беседовали с Насером 26 сентября 1955 года, уговаривая его найти приемлемую формулировку объявления о покупке оружия в Восточной Европе и вставить абзац, который можно было бы истолковать как предложение мира Израилю. Они убеждали его: скажите, что оружие идет не из Советского Союза, а из Чехословакии. Но Насер на это не пошел. 27 сентября в Каире было сообщено о сделке: Египет получит двести истребителей МиГ-15, пятьдесят бомбардировщиков Ил, двести семьдесят пять танков Т-34.

Джон Фостер Даллес болезненно воспринял оружейную сделку. Возразить было нечего — Москва заключила законную сделку с Египтом. Но государственный секретарь хотел отыграться. К тому же он был раздражен тем, что Египет признал правительство коммунистического Китая — самое дьявольское правительство в восприятии Даллеса.

У Насера была мечта: построить к югу от Асуана плотину. Электроэнергия плюс ирригация позволят расцвести египетской экономике. Гаролд Макмиллан, в ту пору британский министр финансов, вспоминал: «Иден и я согласились с Даллесом, что надо помочь Египту в этом амбициозном деле». Имелось в виду дать не только американские деньги, но и займы Всемирного банка. В сентябре 1955 года западногерманские, британские и французские компании образовали консорциум, чтобы строить плотину.

17 октября посол Египта в Вашингтоне повторил Даллесу, что Египет рассчитывает на сделку с Асуаном. 16 декабря в Вашингтоне были объявлены условия сделки. Соединенные Штаты вносят пятьдесят шесть миллионов долларов, Англия — четырнадцать миллионов. Всемирный банк обещал заем в двести миллионов. Всего Египет должен был получить около четырехсот миллионов долларов.

Предоставление денег было оговорено определенными условиями — обычными для западной банковской практики, но показавшимися Египту обидными. Например, речь шла о том, что все строительные заказы будут распределяться по конкурсу, чтобы добиться наилучших условий. Насер решил, что это нарушает суверенитет страны. Но весной 1956 года Насер был готов принять все условия, выдвинутые западными фирмами.

Даллес же колебался, это отражало странную неуверенность в его характере. На послания Насера американцы не отвечали. Переговоры приостановились, хотя президент Всемирного банка Юджин Блэк был уверен, что сделка состоится.

Утром 19 июля 1956 года Даллес принял египетского посла Ахмеда Хусейна. Государственный секретарь сидел за столом. Посол устроился на диване. Даллес стал говорить о том, с какими проблемами он сталкивается в конгрессе. Он говорил медленно и нудно. Посол не выдержал:

— Пожалуйста, только не говорите, что вы намерены отказаться от проекта! Потому что у нас есть предложение русских финансировать проект.

Даллес воспринял это как шантаж.

— Ну, если у вас уже есть деньги, вам не нужна наша помощь. Предложение снято.

Даллес не планировал этого делать. Он поддался эмоциям.

Гамаль абд аль-Насер услышал новость по радио, когда летел в Каир — он возвращался с острова Бриони, где встречался с симпатизировавшим ему президентом Югославии Иосипом Броз Тито.

— Это не отказ от сделки, — заключил Насер. — Это атака на

египетское правительство. Они хотят, чтобы нас свергли.

Даллес целился не только в Египет. Он считал, что Советский Союз не справится со своими обещаниями и опозорится.

Даллес, отменив предоставление Египту займа на строительство Асуанской плотины на Ниле, хотел наказать полковника Насера, который слишком сблизился с советским блоком. Наказать американцев Насер не мог, поэтому нанес удар англичанам и французам. В августе 1956 года Идены собирались три недели отдохнуть и предвкушали это удовольствие. Но 26 июля 1956 года президент Египта полковник Насер объявил о национализации Суэцкого канала.

Разгневанный Насер объяснил, что теперь, когда ему отказано в займах, нужны деньги. Реакция Египта оказалась неприятным сюрпризом для Даллеса. Недоволен был и президент Эйзенхауэр. Он никогда не вызывал своего госсекретаря на ковер, но в этот раз выразил свое недовольство. Даллес добился того, чего хотел избежать: Советский Союз пришел на Ближний Восток.

Восемьдесят процентов нефти Англия получала с Ближнего Востока. Суэцкий канал, через который шли танкеры, имел для Англии особое значение — своего рода дорога жизни. Национализация ударила и по Франции, которая владела частью акций компании Суэцкого канала. Иден получил срочное сообщение из Каира во время обеда, который он давал в своей резиденции на Даунинг-стрит в честь иракского короля Фейсала и премьер-министра Нури эль-Сейда.

Премьер Иден не смог скрыть своих чувств от гостей. Проводив гостей, Иден созвал военный совет, который заседал до четырех часов ночи.

— Насеру придется ответить, — эмоционально сказал Иден. — Этот исламский Муссолини должен был сокрушен. Я хочу, чтобы его убрали. И меня не беспокоит, что это породит хаос и анархию в Египте.

Энтони Иден чувствовал, что должен остановить Насера и стоящих за ним советских лидеров прежде, чем они начнут контролировать весь арабский мир.

Премьер-министр Англии сделал официальное заявление: «Суэцкий канал не может быть во власти одного человека или одного правительства». Когда он был министром иностранных дел, его критиковали за нерешительность. В роли премьер-министра Иден повел себя сверхрешительно.

В Суэцком кризисе он больше полагался не на своих недавних подчиненных из министерства иностранных дел, а на разведчиков, что не могло не кончиться неудачей. Он поручил разведке озаботиться подысканием подходящих фигур для

формирования нового правительства в Каире, которое понадобится после свержения Насера.

Иден открыто говорил об убийстве Насера, министр иностранных дел Макмиллан и другие высшие дипломаты предпочитали более осторожные выражения: «от него надо избавиться», «его надо свергнуть».

— Что это все за чепуха относительно изоляции Насера или его «нейтрализации», как вы это называете? — кричал Иден на своих разведчиков. — Я хочу его сокрушить, неужели вы этого не понимаете? Я хочу, чтобы его убили. Если вы и министерство иностранных дел не согласны, приходите на заседание кабинета министров и объясните почему.

Хотели подсунуть Насеру электробритву, начиненную взрывчаткой. Или нанять бригаду киллеров. В итоге англичане воспользовались идеей, на которую их навело знакомство с оружием, которым в Москве снабжали своих агентов. Они соорудили сигаретную пачку, которая выстреливала смертельным ядом.

— Еще один план состоял в том, чтобы поместить в систему вентиляции канистры с нервно-паралитическим газом, — вспоминал один из руководителей английской разведки. — Но я им объяснил, что понадобится огромное количество газа. Кроме того, это приведет к значительным жертвам среди подчиненных Насера.

Три месяца продолжался этот кризис: бесконечные переговоры и одновременно подготовка тайных операций. Жена Идена вспоминала: «Мне казалось, что Суэцкий канал протекает через мою комнату».

Англичанам удалось вмонтировать потайные микрофоны рядом с шифровальной машиной в египетском посольстве в Лондоне. Каждый день дешифровщики внимательно слушали звуки шифровальной машины и смогли прочитать некоторые важные депеши, отправляемые в Каир во время Суэцкого кризиса.

Англичане завербовали заместителя начальника разведки египетских военно-воздушных сил — Изамеддина Мохаммада Халиля. Он должен был возглавить группу офицеров, которые свергнут Насера. На встречу с британскими разведчиками он прилетал в Рим и Бейрут. Здесь ему давали деньги и разведывательную информацию об Израиле, чтобы он мог объяснить своему начальству, зачем так часто ездит в Бейрут. В 1957 году англичане узнают, что их «агент» с самого начала действовал с ведома Насера.

В МИ-6 ближневосточными делами ведал Джордж Янг, энергичный и умный шотландец. Он служил в разведке с 1946

года. Работал в Вене, засылал агентов, чехов и венгров, на их родину, чтобы они вживались и получали доступ к важной информации.

Джордж Янг невысоко оценивал арабов:

— Ключевые черты их характера — это страсть к разрушению. Самый приятный звук для арабского уха — это звон разбиваемого стекла. Самое приятное зрелище — вид человеческих страданий.

Английская агентурная сеть в Каире была не так хороша, как можно было бы ожидать после семидесятилетнего владычества Британии в Египте.

Джордж Янг, считавший, что Насер — советский агент, сказал американцам:

— Британия готовится к своей последней битве. Какой бы ни была цена, мы победим.

Но 27 августа египетская полиция провела в Каире серию обысков и захватила документы, которые позволили выявить два десятка британских агентов. В один день агентурная сеть британской разведки была ликвидирована. Начальник египетской госбезопасности Мустафа аль-Хебави не без удовольствия сказал британскому послу, что его люди поймали троих израильских шпионов — двоих казнили, третий покончил с собой.

Англичане были напуганы, что такая же судьба ждет их людей. Но в Каире казнили только египтян, завербованных иностранными разведками. Британских разведчиков, которые работали под дипломатическим прикрытием, выслали.

Французы организовали на юге страны подпольную радиостанцию, которая вещала на арабском языке и выдавала себя за иракскую. В передачах звучал один и тот же мотив: «Гамаль абд аль-Насер — предатель египетского и арабского народов. Египетские патриоты мечтают от него избавиться».

Британские военные вместе с французами разработали план операции «Мушкетер»: Израиль высаживается в зоне Суэцкого канала, после чего французские и британские войска появляются, чтобы развести воюющие стороны, а на самом деле — чтобы оккупировать Суэц.

Израиль принял участие в войне, потому что был напуган массированными поставками советского оружия Египту и Сирии. Это меняло соотношение сил на Ближнем Востоке. Израильтяне попросили Соединенные Штаты продать им оружие. По совету государственного секретаря Даллеса президент Эйзенхауэр ответил отказом. Израильские военные считали, что нужно нанести удар по египетской армии раньше, чем она успеет освоить советскую боевую технику.

21 октября в Севре под Парижем премьер-министры Франции и Израиля и заместитель министра иностранных дел Англии Патрик Дин подписали соглашение, которое стало основой для удара по Египту. В Лондоне об операции знали только четырнадцать человек. Большинство министров ни о чем не подозревали.

29 октября израильские войска пересекли Синайскую пустыню и атаковали египетскую армию. Четыреста парашютистов под командованием молодого офицера Ариэля Шарона высадились в египетском тылу — неподалеку от Суэцкого канала. Это дало основание французам и англичанам заявить, что канал под угрозой. Лондон и Париж потребовали от Израиля и Египта, чтобы они в течение двенадцати часов прекратили боевые действия. В противном случае, предупредили они, им придется отправить воинский контингент, чтобы обеспечить безопасность канала.

Израиль согласился. Египет, как и следовало ожидать, отказался.

31 октября британские самолеты бомбили египетские аэродромы, порты и средства связи. Если бы сразу вслед за этим высадились британские и французские войска, план мог реализоваться. Но флот вторжения еще не подошел к египетским берегам. Англичане действовали недостаточно быстро, чтобы поставить мир перед совершившимся фактом. Британские и французские парашютисты вступили в дело только 5 ноября.

А на Кипре находилась оперативная группа британской внешней разведки. Одно подразделение должно было привести к власти в Каире марионеточное правительство, другое — захватить верных Насеру чиновников и блокировать советских советников. Главным источником информации о происходящем в Египте была станция радиоперехвата на Кипре.

Начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба генерал Штеменко отправил министру обороны Жукову записку: «В 7.30 утра англо-французское командование начало выброску воздушного десанта на территорию Египта. К 14.30 было выброшено до одной парашютно-десантной бригады, в составе которой отмечались английские и французские парашютисты. Выброска десанта производилась под сильным прикрытием авиации…»

Война на Синайском полуострове стала причиной серьезных переживаний в Москве. Советские руководители, снабжавшие Каир оружием, боялись за судьбу Насера. Отстранение Насера означало бы, что все вложения в Египет пошли прахом. Советский посол сообщал в Москву, что египтяне ждут военной помощи: «В

городе распространяются слухи, что сорок тысяч мусульман-добровольцев воздушным путем направляются из СССР на помощь Египту и что советская авиация бомбит английские базы на Кипре. Это отражает надежды на наше немедленное вмешательство».

Но советские руководители не имели ни возможности, не желания участвовать в войне. В Кремле составили письмо, распространенное от имени главы правительства Николая Александровича Булганина: «Мы полны решимости сокрушить агрессоров силой и восстановить мир на Ближнем Востоке… Если эта война не будет пресечена, то она может принести с собой опасность перерастания в третью мировую войну».

В послании премьер-министру Англии Энтони Идену звучали не менее пугающие формулы: «В каком положении оказалась бы Великобритания, если бы она была атакована более сильными государствами? А ведь эти страны могут воспользоваться, например, ракетным оружием». Такая же угроза была адресована Франции.

«Говорят, что французский премьер Ги Молле, — не без удовольствия рассказывал Хрущев, — не уезжал из Совета министров ночевать домой. Когда он получил наше послание, то буквально без штанов, в спальном белье подбежал к телефону звонить Идену. В штанах он поднимал трубку или без, сути дела не меняет. Главное, что через двадцать два часа после получения нашего предупреждения агрессия была прервана».

Хрущев преувеличивал силу воздействия советских заявлений. ЦРУ информировало европейских союзников, что письмо Булганина — блеф: Советский Союз не располагает ракетами, способными обрушить ядерный заряд на Париж или Лондон. Но французы и англичане не могли противостоять давлению Соединенных Штатов.

Когда разгорелся Суэцкий кризис, Энтони Иден сказал членам правительства:

— Наши интересы на Ближнем Востоке масштабнее американских, потому что мы зависим от ближневосточной нефти. Мы не должны ограничивать себя нежеланием действовать без американской поддержки. У нас свои интересы.

Отправляясь в Соединенные Штаты, Иден объяснил журналистам, что едет не ради заголовков в газетах, а во имя серьезной работы. Потом небрежно бросил:

— Теперь слово министру иностранных дел.

Селвин Ллойд не хотел говорить. Иден, откровенно издеваясь над своим министром, заставил его:

— Давайте, давайте. Скажите хотя бы, что тоже едете в

Америку.

Ллойд неловко буркнул:

— Рад отбыть вместе с премьер-министром.

Министр иностранных дел Англии назвал Насера «злобным, непредсказуемым человеком, которому нельзя доверять, он намерен стать вторым Муссолини, как Муссолини стал марионеткой Гитлера, так и Насер станет марионеткой Кремля».

Премьер-министр Энтони Иден чувствовал, что судьба зовет его, и не думал, что американцы станут возражать. Он ошибся. Соединенные Штаты впервые выступили вместе с Советским Союзом против двух стран — членов НАТО — Англии и Франции. Нарушился привычный ход холодной войны. Ни западный блок, ни восточный не были монолитами. В критической ситуации национальные интересы брали верх над блоковыми.

Иден напрасно рассчитывал на нейтралитет Вашингтона. Соединенные Штаты готовились к президентским выборам, поэтому администрация Эйзенхауэра с гневом осудила военную операцию Англии, Франции и Израиля.

Эйзенхауэра разбудили сообщением о том, что англичане и французы бомбят каирский аэродром.

— Бомбы, боже мой, — изумился Эйзенхауэр. — Энтони понимает, что он делает? Что он делает со мной?

Полеты разведывательных самолетов У-2, которые взлетали с турецких аэродромов, заранее показали, что в Израиле идет мобилизация. Американцы насторожились. Они отметили и то, что резко увеличился радиообмен между Парижем и Тель-Авивом. Но в Вашингтоне решили, что Израиль намерен провести операцию на Западном берегу реки Иордан. ЦРУ также доложило, что британские и французские бомбардировщики концентрируются на кипрских аэродромах. Но Эйзенхауэр и Даллес верили, что Англия и Франция ничего не предпримут до президентских выборов в США.

Узнав о начавшейся войне, Эйзенхауэр вспылил.

— Значит, так, Фостер, — говорил он Даллесу. — Передайте им, черт побери, что мы введем санкции, что мы поднимем этот вопрос в ООН, что все сделаем, чтобы это прекратить!

Даллес был возмущен тем, что младшие партнеры позволили себе что-то за его спиной. Он считал себя обманутым:

— Как мы можем бороться против порабощения Советским Союзом стран Восточной Европы, если Англия и Франция пытаются поработить азиатские или африканские страны?

Ночью 2 ноября, после выступления на Генеральной Ассамблее ООН, государственного секретаря Джона Фостера Даллеса пришлось срочно госпитализировать — его мучили

сильные боли. У него нашли рак кишечника и прооперировали. Операция продолжалась пять часов.

Британские политики не слишком переживали. Черчилль и Иден ненавидели Даллеса. Черчилль говорил о Даллесе: скучный, занудливый, без воображения, без чувств, топорный и бестактный… Между Иденом и Даллесом были серьезные споры. Один молодой британский дипломат слышал, как они, стоя у лифта, продолжали дискутировать. Иден сказал Даллесу:

— Проблема с вами состоит в том, что вы хотите третьей мировой войны!

Оставшись без государственного секретаря в столь решительный момент, президент Дуайт Эйзенхауэр нервничал. Президенту пришлось самому руководить Государственным департаментом. Он приказал соединить его с Энтони Иденом. Трубку в резиденции британского премьера снял его пресс-секретарь Уильям Кларк, поэтому слова американского президента стали известны.

— Это вы, Энтони? — переспросил хозяин Белого дома и, не дожидаясь ответа, выпалил: — А это президент Эйзенхауэр, и я могу только предположить, что вы не в своем уме.

Министр финансов США пригрозил британскому послу в Вашингтоне:

— Вы копейки не получите от американского правительства, пока не уйдете из Суэца.

Министр не позволил Англии получить помощь от Международного валютного фонда. Он распорядился продавать фунты, и британская валюта начала падать. Это был сильнейший удар по британской экономике и финансовой системе.

5 ноября сирийцы сбили британский разведывательный самолет «Канберра». В конце дня сирийцы сбили еще один, самолет рухнул на территорию Ливана. Один член экипажа погиб. Двоих поместили в больницу в Бейруте. Британского военно-воздушного атташе телеграммой из Лондона погнали на место падения самолета с приказом уничтожить номера упавшего самолета, чтобы нельзя было опознать его принадлежность к разведывательной эскадрилье. Он выполнил задание, но доложил в Лондон, что назначение самолета очевидно — повсюду валяются фотокамеры и огромное количество фотопленки.

Франция и Англия наложили вето на проект резолюции, внесенный в Совет Безопасности Соединенными Штатами. Тогда американцы вынесли вопрос на сессию Генеральной Ассамблеи.

— Мы не можем вводить один закон для слабых, другой для сильных, — говорил Эйзенхауэр, — один для тех, кто против нас, другой для наших друзей. Закон должен быть один для всех,

иначе не будет мира.

5 ноября британские и французские парашютисты высадились в Порт-Саиде. А 6 ноября Энтони Идену уже пришлось согласиться с прекращением огня, на сутки раньше намеченного, потому что у Англии не осталось денег на войну. За несколько дней Англия потратила четыреста двадцать миллионов долларов из резервов.

6 ноября, в день президентских выборов, Эйзенхауэр попросил соединить его с британским премьер-министром, а секретаря записать ход беседы.

Иден разговаривал с Эйзенхауэром, как младший офицер с генералом.

— Я рад, — сказал президент, — что вы нашли возможным прекратить огонь. Это открывает путь к переговорам.

— Относительно переговоров… — начал было Иден.

Но Эйзенхауэр его прервал:

— Подождите минуту. Сейчас я вам скажу, чего я добиваюсь. Я не дам Египту все это затянуть. Все технические детали можно уладить быстро. Когда Хаммаршельд (Генеральный секретарь ООН. — *Л. М.*) появится со своими миротворцами, вы, ребята, должны быть готовы уйти очень быстро.

— Я бы хотел, чтобы там были американские войска. Неужели мы все должны уйти?

— Я не хочу, чтобы войска великих держав участвовали в миротворческой операции. Я боюсь, что красные ребята потребуют своей доли…

— Могу ли я считать, что все разногласия в прошлом? — спросил Иден.

— Теперь вы можете звонить мне в любое время, — великодушно позволил Эйзенхауэр.

— Если я переживу сегодняшний день, я вам завтра позвоню. Как у вас дела?

— Все мысли заняты Венгрией и Ближним Востоком. Не знаю, чем закончатся выборы. Надеюсь, все будет хорошо.

— Как Фостер?

— Очень неплохо. Он быстро выздоравливает.

Операция, которую так долго готовили, провалилась. Англичане чувствовали себя униженными.

— Я бы, наверное, не стал этого затевать, — заметил Уинстон Черчилль, — но я бы точно не остановил бы операцию.

Как вообще могло произойти, что человек, который всю жизнь исходил из того, что любых целей надо достигать дипломатическими путями, решился на войну?

Не было ли причиной тому его нездоровье? Энтони Иден был

измотан, находился в постоянном напряжении. В начале октября его мучила лихорадка, возможно, она ослабила его. Говорили, что жена давала ему слишком много лекарств. Он терял контроль над собой, бросался в подчиненных чернильницами и корзиной для бумаг. Идена мучили сильные боли, и он в больших количествах принимал болеутоляющие препараты. Затем ему приходилось прибегать к бензедрину, чтобы взбодриться.

После окончания военных действий, хотя страна бурлила, жена уговорила его отправиться на отдых. Все говорили, что Иден не имеет права уезжать, нужно быть на месте и сражаться с критиками правительства. Но Кларисса знала, что мужа нужно увезти.

Отправляясь за океан, Иден извинился перед согражданами:

— Мне не по себе оттого, что в такое время я должен покинуть страну, но врачи настаивают, и я должен ехать.

Они поехали на Ямайку, где проводили время с автором романов о Джеймсе Бонде писателем Яном Флемингом и его женой Анной, друзьями Клариссы. Здоровье Идена было окончательно подорвано. Он страдал бессонницей, и вернулись боли в животе. Три врача — один за другим — осмотрели его, и каждый сказал одно и то же: Иден не сможет исполнять свои служебные обязанности.

8 января 1957 года Кларисса отвезла мужа к королеве, чтобы он подал в отставку. Ему было пятьдесят девять лет. Он столько лет мечтал стать главой правительства и так быстро потерял эту должность.

В апреле он поехал в Бостон на новую операцию, одну из многих, которые его ждали. Будущее было не ясно, у них не было даже своего дома. Но Кларисса радовалась тому, что наконец-то Энтони с ней и не надо делить мужа с политикой. Она сама готовила. Соседка приходила убираться. Потом Энтони засел за мемуары. Он вновь был занят, это принесло деньги, но Кларисса была огорчена. Энтони опять принадлежал не ей, и в доме опять появилась масса людей, которые привозили ему бумаги. В 1961 году Иден принял титул графа. В 1976 году его состояние резко ухудшилось. Он умер 14 января 1977 года, немного не дожив до восьмидесяти.

Идена сменил Гаролд Макмиллан, который в войну служил в Северной Африке вместе с Дуайтом Эйзенхауэром, что позволило восстановить отношения между двумя странами. Когда после назначения премьер-министром Макмиллан отправился в ресторан, чтобы насладиться устрицами и шампанским, он получил личное сердечное послание из Белого дома.

Война на Ближнем Востоке совпала с другой драматической

историей 1956 года — восстанием в Венгрии. Венгры желали очищения от сталинского наследства. Интеллигенция требовала смены руководства, в первую очередь — хозяина страны Матьяша Ракоши, и реабилитации всех репрессированных в сталинские времена.

После смерти Сталина новый председатель Совета министров Маленков посоветовал венграм поделить посты руководителей партии и правительства. Матьяш Ракоши остался первым секретарем ЦК Венгерской партии трудящихся. Известный экономист Имре Надь возглавил правительство. Надь попытался провести либерализацию экономического курса, улучшить положение в деревне и отказаться от программы сверхиндустриализации. Он увеличил зарплату рабочим, разрешил крестьянам выходить из кооперативов.

«Премьер-министром назначили Имре Надя, — писал будущий президент Венгрии Арпад Генц. — И случилось чудо — Имре Надь впервые за пять лет назвал вещи своими именами. Миллионы людей в прямом смысле слова рыдали у репродукторов».

Но его противники во главе с Ракоши оказались сильнее. Прежде всего потому, что в Москве произошли важные перемены. В феврале 1955 года Хрущев убрал Маленкова с поста председателя Совета министров, показав, что партийный аппарат важнее правительства. Так же поступил в Венгрии Матьяш Ракоши. Надя, как «правого уклониста», сняли со всех постов, вывели из политбюро и из ЦК.

Но его усилиями в Венгрии уже исчезла атмосфера страха. Интеллигенция искала пути выхода из кризиса. Это вызывало возмущение советских дипломатов. Они глазам своим не верили, читая призывы к свободе и требования наказать палачей, хозяйничавших в стране в сталинские времена.

В начале октября в Будапеште перезахоронили останки расстрелянного по ложному обвинению секретаря ЦК Ласло Райка. В Будапеште в демонстрации приняло участие около двухсот тысяч человек. Группа студентов попыталась проникнуть на радио, чтобы зачитать свои требования. В них стали стрелять. Тогда демонстранты захватили несколько складов с оружием — в штабах гражданской обороны и в полицейских участках. В городском парке демонстранты свергли гигантскую статую Сталина. Остались только сапоги. Демонстрация превратилась в народное восстание. Власть утратила контроль над городом, оказавшимся во власти революционной стихии.

Москва приказала, как в пятьдесят третьем в Берлине, вывести на улицы советские танки. Думали, что все сразу

закончится. Но появление советских войск было воспринято как оккупация. Это породило всплеск патриотических чувств. Венгерская армия советским войскам не помогала, солдаты переходили на сторону восставших.

Хрущев решил, чтобы окончательно не ссориться с венграми, убрать войска из Будапешта. Но как только советские войска ушли, в венгерской столице вновь пролилась кровь. Одно событие не было связано с другим, но сторонники жесткой линии говорили — стоило нашим солдатам покинуть город, там началось смертоубийство.

На площади Республики перед зданием горкома партии толпа расправилась с сотрудниками управления госбезопасности и горкома партии. Осталось неясным, как это произошло. По мнению историков, первыми огонь открыли охранявшие здание венгерские чекисты. В ответ толпа устроила резню, погибли два десятка человек во главе с секретарем горкома Имре Мезе. Ненавидимых венграми офицеров госбезопасности опознавали по одинаковым желтым ботинкам, которые им выдавали в хозяйственном отделе.

Как раз в эти дни началась война на Ближнем Востоке. На фоне казавшегося неминуемым поражения Египта Москва не хотела терпеть второго поражения в Венгрии. Тем более что стало ясно: Соединенные Штаты, Запад ничего не предпримут. Это изменило настроения в Кремле.

— Если мы уйдем из Венгрии, — говорил на президиуме ЦК Хрущев, — это подбодрит американцев, англичан и французов. Они это поймут как нашу слабость и будут наступать. К Египту мы тогда прибавим Венгрию. Партия нас не поймет.

Венгрия пала жертвой холодной войны. Социалистический блок не мог показать свою внутреннюю слабость: отпустишь одного, уйдут и другие.

В откровенных беседах между собой Хрущев и его товарищи и не думали говорить, что события в Венгрии — дело рук Запада, западной агентуры. Они прекрасно понимали, что восстал народ. И единственное, на что они могут положиться, — это советская армия.

На Западе не предполагали, что Москва решится силой подавить восстание. Единственный, кто предсказал военное вмешательство Советского Союза в венгерские дела, был британский посол в Будапеште Лесли Фрай. Но его высмеяли.

В январе 1957 года Эйзенхауэр объявил о намерении Америки защищать весь свободный мир:

— Во-первых, жизненно важные интересы Америки распространяются на весь земной шар, охватывая оба полушария

и каждый из континентов. Во-вторых, у нас имеется общность интересов с каждой из наций свободного мира. В-третьих, взаимозависимость интересов требует уважения прав и мира для всех народов.

Но Запад не переходил за разграничительную линию. Соединенные Штаты ничего не сделали, когда советские войска раздавили танками венгерское восстание, хотя советская пропаганда и утверждала, что НАТО готовится к вторжению в Венгрию. Запад не собирался воевать из-за Венгрии и даже не попытался воздействовать на Москву дипломатическими средствами. Америка наблюдала за происходящим со стороны. Каждый окучивал свою делянку. Хотя в Москве были уверены, что Запад только и думает о разрушении социалистического лагеря, это было ошибкой. Запад не так уж сильно интересовало происходящее за железным занавесом.

В Москве возникла идея сформировать в Будапеште надежное правительство, раз нынешнее ведет себя «неправильно». Во главе поставили Яноша Кадара. После войны он был министром внутренних дел, участвовал в организации политических процессов, а потом сам стал жертвой столь же ложного обвинения. Кадара приговорили к пожизненному заключению. В 1954 году его реабилитировали и вернули на партийную работу. Советский посол в Венгрии Юрий Владимирович Андропов ему не доверял. Но выбор был небогатый, и Хрущев остановился на Яноше Кадаре.

1 ноября 1956 года на венгерскую территорию по приказу маршала Конева вступили новые части Советской армии. Имре Надь сделал последнее заявление по радио:

— Сегодня на рассвете советские войска начали наступление на нашу столицу с очевидным намерением свергнуть законное демократическое венгерское правительство. Наши войска ведут бои.

3 ноября в здании парламента начались переговоры о выводе советских войск. Венгерскую делегацию возглавил министр обороны генерал Пал Малетер. Вечером посол Андропов пригласил делегацию в советский военный городок, там всех арестовали. Обезглавив венгерскую армию, на следующее утро, 4 ноября, начали операцию «Вихрь» — советские войска приступили к захвату Будапешта. Маршал Конев приказал войскам «оказать братскую помощь венгерскому народу в защите его социалистических завоеваний, в разгроме контрреволюции и ликвидации угрозы возрождения фашизма».

Большая часть венгерских вооруженных сил не оказала сопротивления, понимая, что это бессмысленно. Но некоторые

части предпочли вступить в бой. К ним присоединились тысячи повстанцев. Маршал Конев в Будапеште действовал так же, как и в Берлине в 1945 году, где в штурме города участвовало большое количество танков и самоходной артиллерии. Повстанцы забрасывали их ручными гранатами и бутылками с воспламеняющейся смесью — из подвалов и со всех этажей зданий.

В Берлине пехота зачищала здания, спасая свои танки. Провести такую же зачистку в Будапеште было невозможно. Но благодаря очевидному превосходству в силах советские войска один за другим подавили очаги сопротивления массированным применением артиллерии и танков. Дольше всех сражались рабочие кварталы.

Председатель КГБ Иван Александрович Серов дал указание особым отделам дивизий, вступивших в Венгрию, арестовывать всех организаторов мятежа, оказывающих сопротивление, а также тех, кто «подстрекал и разжигал ненависть народа к коммунистам и сотрудникам органов госбезопасности».

Искали агентов Запада. Но в реальности западные спецслужбы не имели отношения к венгерским событиям. Резидент ЦРУ в Вене вспоминал:

— Это были очень печальные дни. Совершенно беспомощные, мы наблюдали за тем, как Советы готовятся сокрушить революцию.

Начальник оперативного управления ЦРУ Фрэнк Визнер бросился к венгерской границе. Он увидел, как после подавления восстания беженцы хлынули на Запад. У Визнера началась депрессия. Он провел в больнице полгода, его лечили электрошоком. Он вернулся на службу и был отправлен резидентом в Лондон. Думали, что он сумеет восстановиться, но он так и не справился с собой. Летом 1958 года у него произошел нервный срыв. В 1965 году Фрэнк Визнер застрелился.

Бомба как аргумент в политике

4 октября 1957 года в Советском Союзе запустили первый искусственный спутник Земли. Это был триумф советской науки. Не только астрономы-любители, но и просто многие люди во всем мире смотрели в небо и искали глазами спутник. Казавшееся фантастическим событие изменило представление мира о нашей стране.

Немногие тогда сознавали, что космические исследования в значительной степени носили военный характер. Ракеты создавались для того, чтобы доставлять к цели баллистические ракеты с ядерными боеголовками и отправлять на околоземную орбиту спутники военного назначения.

Первый искусственный спутник Земли был выведен в космос модификацией межконтинентальной баллистической ракеты Р-7 с измененной системой управления. Разработало ракету конструкторское бюро Сергея Павловича Королева. Боевой вариант поступил на вооружение ракетных войск стратегического назначения.

Первый спутник должен был стать летающей лабораторией, но научное оборудование подводило. Королев решил все равно запустить спутник, чтобы обогнать американцев. Он опасался, что Соединенные Штаты его опередят, звонил в КГБ, спрашивал, нет ли у разведки данных о готовящемся запуске американского спутника.

Руководители страны не сразу осознали, какое грандиозное событие произошло и как оно потрясло мир. Никита Сергеевич Хрущев принял Королева, благодарил и говорил:

— Когда вы нам писали о спутнике, мы вам не верили, думали, фантазирует Королев. Но теперь другое дело…

Запуск спутника стал тяжелым ударом для Соединенных Штатов, где не ладилась ракетная программа. За первым советским спутником последовал второй — 3 ноября 1957 года — с собакой Лайкой на борту. Так Королев откликнулся на просьбу Хрущева порадовать страну накануне сорокалетия Великой Октябрьской социалистической революции.

В космос впервые отправилось живое существо. Семь дней советские ученые получали информацию о поведении собаки в космическом пространстве. Эксперименты с собаками проводились с лета 1951 года, когда их стали запускать в кабинах первых ракет. Эксперименты доказывали, что живое существо способно нормально существовать в космосе. К большому сожалению советских ученых, исследовать Лайку после полета им

не удалось. Второй спутник не вернулся на Землю — сгорел в верхних слоях атмосферы. Но путь человеку в космос был открыт.

Если Хрущев призывал догнать и перегнать Соединенные Штаты по производству молока и мяса, то в Америке били тревогу: нельзя отставать от Советского Союза в ракетостроении. Узнав о запуске спутника, Эдвард Теллер, отец американской водородной бомбы, заявил по телевидению:

— Америка проиграла битву, более важную, чем Пёрл-Харбор.

7 ноября 1957 года президент Соединенных Штатов Дуайт Эйзенхауэр получил секретный доклад об отставании от СССР. «Америке угрожает оснащенный ракетами Советский Союз, — говорилось в докладе. — Соединенные Штаты превращаются в державу второго сорта». Еще через месяц, в годовщину японского нападения на Пёрл-Харбор, в США попытались запустить свой спутник. Он приподнялся над мысом Канаверал и рухнул. Контраст между космическими успехами Советского Союза и провалом Соединенных Штатов не мог быть очевиднее.

Вашингтон ответил на спутник законом об образовании. На соревнование умов ежегодно выделялись два миллиарда долларов — эти деньги шли университетам и непосредственно студентам, которые смогли получить образование за казенный счет. В 1960 году в США было три с половиной миллиона студентов, через десять лет число получающих высшее образование увеличилось вдвое.

После запуска спутника британский премьер-министр Гаролд Макмиллан поинтересовался у разведки:

— Способны ли русские создать ракеты, которые достигнут нашей территории?

В начале пятидесятых годов британская разведка полагала, что вслед за ядерным ударом последует наступление наземных сухопутных сил, концентрацию которых возможно засечь. Исходили из того, что у НАТО будет примерно неделя на подготовку к войне. После запуска спутника решили, что на мобилизацию сил останется один-два дня. Правда, командующий королевскими военно-воздушными силами маршал авиации сэр Джон Слессор не согласился с этим выводом:

— Я не верю разведывательным оценкам, из которых следует, что русские достигнут Рейна всего через несколько дней. Не думаю, что разведчики подготовлены для того, чтобы делать такого рода оценки.

Никто из военачальников не знал, как будут развиваться боевые действия с использованием ядерного оружия.

Человечество спокойно встретило появление атомной бомбы.

Освобождение ядерной энергии, казалось, лишь подтверждало всеобщую веру в прогресс. Казалось, что история, как хорошо подготовленная армия, совершает марш от низшего прошлого к высшему и счастливому будущему.

Если бы производство атомного оружия оказалось тяжелым бременем для налогоплательщиков, Соединенные Штаты, возможно, проявили бы большую сдержанность в наращивании ядерного потенциала. Но потребовались только первоначальные капиталовложения в конструирование моделей и строительство производственных мощностей по обогащению урана и плутония. Когда все это было налажено, ядерные бомбы производились по сравнительно приемлемой цене.

Через несколько дней после ядерной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки газета «Нью-Йорк тайме» восторженно писала: «Атомная бомба была создана для войны, но знание, которое позволило ее создать, родилось благодаря бессмертному стремлению к знанию и к использованию даров природы на общее благо. Это новое знание может принести на землю не смерть, а жизнь, не тиранию и жестокость, а божественную свободу».

Восторженный оптимизм завоевал общественное мнение. «Секрет атома принесет процветание и более совершенную жизнь, откроет эру невиданного богатства и возможностей для всех», — так писали и говорили в первые годы после Второй мировой.

Военный министр Генри Стимсон обещал президенту Рузвельту: бомба «обеспечит такое мироустройство, которое гарантирует мир во всем мире и спасет цивилизацию».

Наступление атомной эры совпало с началом «американского века». Соединенные Штаты воспринимали себя как необычайно богатую страну, судьба которой складывалась счастливо на протяжении почти всей ее недолгой истории. Американцы считали, что они богаче и сильнее всех в мире. Экономика США стала двигателем всей мировой экономики. Всемирное признание доллара в качестве мировой валюты символизировало эру, которая могла называться Pax Americana.

Соединенные Штаты затевали грандиозные и амбициозные проекты. Американцев, конечно, беспокоили отдельные несовершенства мироздания, но страха у них не было — в том числе страха перед ядерным уничтожением.

Ядерные испытания казались чем-то завораживающим, экстравагантным и даже забавным. Новый, весьма откровенный по тем временам женский купальный костюм назвали «бикини» — в честь атолла в Тихом океане, на котором гремели ядерные взрывы.

Что касается военных, то они были озадачены появлением бомбы. Если они и испытали страх — то не перед пугающей мощью расщепленного атома, а, скорее, перед тем, что это разрушительное оружие сделает их ненужными. Если есть бомба, зачем содержать большую сухопутную армию и флот?

Атомная бомба считалась слишком серьезным оружием, чтобы доверять его военным. Хранилища ядерных боезарядов находились под охраной и контролем гражданских властей. Военным боеголовки выдавали только с разрешения президента.

Когда 18 июля 1948 года Сталин приказал блокировать Западный Берлин, шестьдесят американских бомбардировщиков B-29, способных нести атомное оружие, были демонстративно переброшены на британские базы, поближе к советским границам. Но это был блеф — атомных бомб там не было.

Американское атомное оружие находилось в ведении не военных, а комиссии по атомной энергии. Только в июле 1950 года президент Трумэн санкционировал отправку в Англию неядерных компонентов бомб для оснащения этих самолетов. Плутониевые капсулы все еще оставались в руках атомной комиссии. Ядерные и неядерные компоненты бомбы нельзя было держать в одном месте до объявления полномасштабной боевой тревоги. Право отдавать приказ о подготовке ядерного заряда к боевому применению военно-воздушные силы США получили в апреле 1954 года. Вот тогда уже военные смогли брать ядерное оружие со складов так же просто, как книгу в библиотеке.

Соединенные Штаты пребывали в уверенности, что атомное оружие надежно гарантирует безопасность страны. Поэтому главное, в чем нуждается страна, — это в эффективных средствах доставки ядерного оружия. Стратегическое авиационное командование получило в свое распоряжение межконтинентальные бомбардировщики, способные достичь советской территории. Летчики дежурили на аэродромах в ожидании приказа на взлет.

В Соединенных Штатах полагали, что еще долго останутся монополистами в ядерной сфере. Правда, во время войны американские ученые опасались, что их опережают немцы. Боялись гения нобелевского лауреата Вернера Гейзенберга. Вот поэтому весной сорок пятого вместе с наступающими войсками в Германию вступила спецгруппа американской разведки с задачей узнать тайны немецкого ядерного проекта. Руководил группой полковник Борис Пэш, русский по происхождению.

Борис Пэш родился в Сан-Франциско. Его отец, православный священник Федор Николаевич Пашковский, был отправлен секретарем миссии Русской православной церкви в Калифорнию в

конце XIX века. Перед Первой мировой войной семья вернулась в Россию. Борис учился в Киевской духовной семинарии, которую окончил в 1917 году. Священником не стал, воевал в белой армии. В двадцатом году уехал в США, получил высшее образование, работал в школе тренером по регби. Когда началась Вторая мировая, его призвали в американскую армию. В роли офицера безопасности он участвовал в программе создания атомного оружия.

Группа полковника Пэша, сопровождаемая инженерным батальоном, двигалась на юг по восточному берегу Рейна, опережая наступавшие войска союзников. Тайну ядерного проекта нацистской Германии хранил городок Хайгерлох в земле Вюртемберг — там был построен атомный реактор. Когда группа полковника Пэша 23 апреля въехала в город, американцам рассказали, что четыре месяца назад в городе появились чужаки и что-то спрятали в пещере, где священники веками хранили вино. На следующий день в пещере нашли урановый реактор. В соседнем городке Хехинген обнаружили немецких физиков. Американцы забрали материалы атомного проекта, вывезли запасы урана, полторы тонны тяжелой воды. И убедились, что немцы надолго отстали от союзников.

Советские контрразведчики тоже вывозили из оккупированной Германии атомщиков, но, создавая ядерное оружие, обошлись без них. 20 августа 1945 года Сталин подписал постановление Государственного Комитета Обороны, которое означало мобилизацию на создание атомной бомбы всех ресурсов. Ответственным он назначил своего лучшего менеджера — Лаврентия Берию, у которого был организаторский дар особого рода.

25 января 1946 года Сталин, пригласив к себе научного руководителя ядерного проекта профессора Курчатова, выговаривал ему: почему скромничаете? почему мало требуете для максимального ускорения работ? При разговоре присутствовал Берия. Игорь Васильевич отвечал:

— Сколько разрушено, сколько людей погибло. Страна сидит на голодном пайке, всего не хватает…

Сталин был недоволен:

— Просите все, что угодно. Отказа не будет. Наше государство сильно пострадало, но всегда можно обеспечить, чтобы несколько тысяч человек жили на славу, а несколько сотен жили еще лучше, чтобы у каждого была и машина, и дача.

Атомщикам действительно давали все, что им было нужно. Но и распоряжались ими, как заключенными. Первое ядерное взрывное устройство испытали 29 августа 1949 года.

Председателем комиссии назначили Берию. Когда бомба взорвалась, Лаврентий Павлович расцеловал профессоров Игоря Курчатова и Юлия Харитона (будущего академика и трижды Героя Социалистического Труда) и добавил:

— Было бы большое несчастье, если бы не вышло!

Все понимали, что он имеет в виду. Неудача могла окончиться судом, лагерем, может быть, расстрелом.

Соединенные Штаты надежно чувствовали себя за атомным щитом. С появлением советского ядерного оружия щит стал тоньше. Баланс сил изменился. Председатель сенатского комитета по иностранным делам Артур Ванденберг признал:

— Теперь мы живем в другом мире.

Это был крупный провал западных разведок. Что-то они знали. Скажем, выяснили, что Советский Союз организовал в Восточной Германии добычу урановой руды. Занималось этим советское акционерное общество «Висмут» в Рудных горах в Саксонии. Приказом Советской военной администрации 30 мая 1947 года все горно-перерабатывающие предприятия Рудных гор были объявлены советской собственностью. Считается, что на урановых рудниках было занято полмиллиона немцев. (В 1954 году «Висмут» был преобразован в Советско-германское акционерное общество, оно продолжало работать до мая 1991-го.)

Стратегически важными предприятиями ведал генерал-полковник Богдан Захарович Кобулов, один из самых близких к Берии людей, назначенный заместителем начальника главного управления советским имуществом за границей и одновременно заместителем главноначальствующего Советской военной администрации в Германии. В 1950 году он стал заместителем председателя Союзной контрольной комиссии по делам советских государственных акционерных обществ в Германии.

Охраной предприятий «Висмута» ведала советская госбезопасность (см. книгу М. Семиряги «Как мы управляли Германий»). Тяжелая работа, низкая зарплата, грубость советских солдат порождали постоянное недовольство шахтеров, забастовки, волнения.

В середине августа 1951 года среди рабочих «Висмута» начались волнения, шахтеров поддержало местное население. 11 сентября политбюро обязало председателя Союзной контрольной комиссии Чуйкова расследовать причины «провокационных выступлений, проверить практику работы советской дирекции а/о «Висмут» в части, касающейся ее взаимоотношений с немецкими рабочими и служащими, усилить отдел информации а/о «Висмут», ведающий политической работой среди немецких рабочих и служащих, квалифицированными политработниками,

знающими немецкий язык».

Проведение открытого судебного процесса, связанного с беспорядками, в политбюро сочли нецелесообразным.

18 октября на политбюро вновь рассмотрели вопрос о «Висмуте». Министру госбезопасности Игнатьеву поручили «усилить работу по борьбе с шпионско-диверсионной агентурой иностранных разведорганов и другими вражескими элементами в районах работ а/о «Висмут» и увеличить штаты Отдела МГБ СССР при а/о «Висмут».

Бежавшие на Запад немецкие шахтеры не могли сообщить, сколько урана там добывается. В Соединенных Штатах пришли к выводу, что Советскому Союзу для создания ядерного арсенала не хватает урана. На самом деле его было достаточно, добыча руды шла полным ходом и в самом Советском Союзе.

Когда было взорвано первое советское ядерное устройство, многое в мире изменилось. Перед советским ядерным оружием осознала свою уязвимость Англия. Лондону рисовались гибельные сценарии: если разразится война с применением оружия массового уничтожения, Британские острова будут уничтожены. Комитет начальников штабов подготовил доклад о контурах грядущей войны с учетом опыта Хиросимы и Нагасаки. Выяснилось, что для полного уничтожения Англии достаточно тридцати ядерных бомб.

Правда, начальник британской военно-морской разведки вице-адмирал Эрик Лонгли-Кук придерживался иного мнения. Он доказывал: советские лидеры крайне консервативны и сами боятся нападения. Осторожные по натуре, они не представляют опасности для Англии. Прочитав адмиральские соображения, Уинстон Черчилль поинтересовался, не коммунист ли адмирал, и велел за ним присматривать.

Свое первое ядерное взрывное устройство англичане испытали 3 октября 1952 года на северо-западном побережье Австралии, в Монте-Белло, местечке, известном кораблекрушениями и ныряльщиками за жемчугом. Атомный проект обошелся в сто миллионов фунтов стерлингов, что правительство скрыло от парламента. Первые бомбы поступили на вооружение в 1955 году.

Англичане преувеличивали масштабы своего ядерного арсенала. Но на Британских островах работало немалое число советских агентов, и в Москве были осведомлены о реальном положении. В Лондоне понимали и другое: если еще и создать ложное впечатление о возможностях системы противовоздушной обороны, то Советский Союз нацелит на Британские острова дополнительное количество бомб и ракет. Поэтому в программу

дезинформации включили еще один пункт — о способности британской экономики пережить ядерный удар. Напоминали о том, что британская империя это еще и Содружество наций и ответный удар может быть нанесен с территории британских колоний.

Британские военные считали необходимым постоянно отправлять к границам Советского Союза бомбардировщики, чтобы давить советским военным на нервы — пусть в Москве гадают, есть ли на борту самолета, который летит в их сторону, ядерное оружие. Они хотели заставить Москву считать, будто каждый самолет, появляющийся у границ СССР, несет ядерное оружие. Это помешает сконцентрировать средства противовоздушной обороны на самых опасных направлениях.

Британские бомбардировщики того времени обладали небольшой дальностью полета. Это означало, что в случае войны, сбросив атомную бомбу над советской территорией, назад экипаж не вернется. Британские летчики мрачно шутили, что им придется прыгать с парашютом где-то над Сибирью и ждать окончания войны в тайге.

Атомных бомб было маловато, и британское правительство пыталось ввести в заблуждение не только Советский Союз, но и собственных союзников. Турция, Иран, Ирак и Пакистан не вступили бы в союз с Англией и не заключили так называемый Багдадский пакт, если бы не верили в военную мощь Великобритании. В Лондоне знали, что не станут тратить силы на защиту Среднего Востока. Но союзники по Багдадскому пакту свято верили, что Англия пустит в ход ядерное оружие для их обороны.

Первая британская водородная бомба, полученная королевскими военно-воздушными силами в феврале 1958 года, была очень ненадежной. Даже небольшой сбой мог привести механизм в действие, и взрыв был бы неизбежен. В 1959 году бомбу сняли с вооружения, потому что она представляла опасность для самой Англии.

Сначала казалось очевидным, что атомные бомбы, как и прежде, станут доставлять самолеты. Но в пятидесятых годах реальным средством доставки ядерных боезарядов стали ракеты, сначала малые и средние, а потом и межконтинентальные.

13 июня 1942 года на побережье Балтийского моря, в местечке Пенемюнде немецкие инженеры открыли ракетную эру, запустив первую баллистическую ракету. Ее создателю — Вернеру фон Брауну — было всего двадцать восемь лет. Ракета пролетела километр, потому что вышла из строя система управления. Второй пуск оказался более удачным. Отклонение от объекта

поражения составило четыре километра.

Появление «Фау-2» уже не спасло нацистскую Германию, но союзники в полной мере воспользовались плодами трудов немецких ракетчиков. Ни у Советского Союза, ни у Соединенных Штатов не было подобных разработок.

Победители вообще неплохо попользовались трофейным имуществом. Запад не меньше Советского Союза интересовали немецкие научные и технологические достижения. Патенты микрофильмировались и пересылались домой — в академические институты Соединенных Штатов, Англии и Франции. Союзники прошерстили научные учреждения Германии и забрали все мало-мальски интересное для изучения.

Особенно интересовали победителей радиолокаторы, управляемые ракеты, самонаводящиеся торпеды, биологическое и химическое оружие… Интересовались экзотическими проектами, скажем идеей временного ослепления войск врага с помощью ультрафиолетовых волн. В таких направлениях, как ракетостроение и подводные лодки, Германия была мировым лидером. Полезных немцев искали повсюду. Специалисты, которым было что предложить, могли рассчитывать на хорошие условия жизни в послевоенной разрушенной Германии.

В 1946 году появился новый мотив: не позволить важнейшим немецким ученым перебраться в восточную зону, чтобы они не оказались в руках Советского Союза — даже если они не представляли интереса для Запада. Американцы решили немецких ученых и членов их семей перевозить в США, лишь бы они не попали к русским. В Англию перетащили целую лабораторию авиационной фирмы «Фокке-Вульф» из Детмольда. Военно-морской флот хотел получить новейшие немецкие лодки и позаботился о том, чтобы они не достались советским морякам.

Англичане использовали немецкие разработки для создания арсенала оружия массового уничтожения. В первую очередь обзавелись оборудованием для производства химического оружия. Фельдмаршал Монтгомери считал, что отравляющие газы — сравнительно гуманное оружие, по крайней мере, страна не разрушается, гибнут только солдаты. Заодно осуществлялась программа дезинформации относительно биологического оружия. Чтобы у Советского Союза создалось впечатление огромных успехов западных ученых в этой сфере, распространялись слухи о появлении новых видов оружия, которые на самом деле не существовали.

Американские разведчики первыми нашли Вернера фон Брауна. Вместе с коллегами-ракетчиками и тонной секретной документации он был отправлен в Соединенные Штаты. Ему

построили испытательную базу в штате Нью-Мексико, куда доставили триста железнодорожных вагонов с частями ракет «Фау-2», обнаруженными в Германии.

По Потсдамскому соглашению район, где находился немецкий ракетный завод, входил в советскую зону оккупации. Оттуда запрещался вывоз материалов и оборудования, но американскую разведку это не остановило. На полигоне в штате Нью-Мексико немцы собрали и испытали примерно семьдесят «Фау-2».

Для советских и американских ракетчиков главный вопрос состоял вот в чем: стоит ли воспроизводить немецкую ракету, которая была неэффективной и к тому же имела небольшой радиус действия? Американцы — даже при наличии Вернера фон Брауна — сразу пошли иным путем и создавали принципиально новую ракету.

В нашей стране решили скопировать «Фау-2». Для этого потребовалось создать отечественную ракетную промышленность. Не было стали, которой пользовались немцы, не было такой резины, не было пластмассы, производство всего этого пришлось освоить. Первая советская баллистическая ракета взлетела 18 октября 1947 года в 10 часов 47 минут утра. Сталину об успехе доложил председатель госкомиссии начальник главного артиллерийского управления Николай Дмитриевич Яковлев.

Первые боевые ракеты Р-1, Р-2, Р-5 были одноступенчатыми, топливо — жидкий кислород и этиловый спирт. Один из генералов пренебрежительно заметил конструкторам:

— Вы заливаете в ракету четыре тонны спирта. Да если отдать этот спирт моей дивизии, она любой город возьмет! А ваша ракета в этот город даже попасть не может. Кому это нужно?

Осенью 1953 года атомщики заинтересовались ракетами Сергея Павловича Королева — нельзя ли начинить их ядерной взрывчаткой? Р-5М стала первой ракетой — носителем ядерного заряда. Ракеты пошли в серию, их поставили на боевое дежурство на Дальнем Востоке и в Прибалтике. Знаменитый авиаконструктор Андрей Николаевич Туполев, узнав, что атомные заряды ставят на ракеты, сказал Королеву:

— Страшное это дело. А вдруг уроните на свою территорию?

Военным руководителем испытаний в 1953 году первой водородной бомбы, вспоминал академик Андрей Дмитриевич Сахаров, был заместитель министра обороны маршал Василевский. Встал вопрос о том, что по соображениям безопасности надо эвакуировать из опасной зоны десятки тысяч людей. Александр Михайлович Василевский успокоил ученых:

— Напрасно вы так мучаетесь. Каждые армейские маневры

сопровождаются человеческими жертвами, погибает двадцать — тридцать человек. Это неизбежно. Ваши испытания гораздо важнее для страны, для ее оборонной мощи.

Выступление главы правительства Георгия Маленкова на пятой сессии Верховного Совета СССР 9 августа 1953 года опубликовали все центральные газеты:

— За границей сторонники войны длительное время тешили себя иллюзией насчет монополии Соединенных Штатов Америки в деле производства атомной бомбы. Жизнь, однако, показала, что здесь имело место глубокое заблуждение. Соединенные Штаты давно уже не являются монополистами в деле производства атомных бомб. За последнее время заокеанские противники мира нашли себе новое утешение. Соединенные Штаты, видите ли, владеют более мощным, чем атомная бомба, оружием, являются монополистами водородной бомбы. Это, видимо, было бы каким-то утешением для них, если бы соответствовало действительности. Но это не так. Правительство считает необходимым доложить Верховному Совету, что Соединенные Штаты не являются монополистом и в производстве водородной бомбы. (Бурные, долго не смолкающие аплодисменты.)… Мы ответим всякому, кто проповедует политику силы в отношении Советского Союза, ответим, не вдаваясь в подробности: «Шалишь, кума, не с той ноги плясать пошла». (Общий смех в зале. Бурные, продолжительные аплодисменты)».

Советская водородная бомба была совершеннее. Американцы испытали свою бомбу 1 ноября 1952 года на островке в Тихом океане. Островок перестал существовать. Американская бомба была настолько тяжелой, что ее мог нести только бомбардировщик. Советская была легче и компактнее. Американские специалисты испугались, что СССР первым оснастит ядерными зарядами межконтинентальные ракеты. Так появилась теория ракетного отставания Соединенных Штатов.

С появлением советского ракетно-ядерного оружия Соединенные Штаты утратили чувство неуязвимости. Американцы осознали, что тоже могут стать жертвой расщепленного атома. 31 июля 1958 года Хрущев сказал Мао Цзэдуну:

— Теперь, когда у нас есть межконтинентальные ракеты, мы держим Америку за горло. Они думают, что Америка недостижима. Но это не так.

Когда Никита Сергеевич заявил: «Мы вас похороним!» — его обещание восприняли в буквальном смысле и всерьез. Запад ощутил привкус поражения.

Американцев охватил страх. В школах стали устанавливать сирены противовоздушной обороны — по настоянию родителей и местных политиков. Взрослые и дети посещали учения по гражданской обороне. Президенту Эйзенхауэру предложили ассигновать двадцать миллиардов на строительство ядерных убежищ. Частный сектор не остался в стороне — предлагались удобные семейные убежища ценой в две тысячи триста долларов.

Американские военные приняли на вооружение стратегию «массированного возмездия». Если советские войска вторгнутся в Западную Европу, обещали американские лидеры своим союзникам, Соединенные Штаты обрушат ядерный груз на территорию СССР. Президента Дуайта Эйзенхауэра однажды прямо спросили, готов ли он пустить в ход ядерное оружие, чтобы сохранить Западный Берлин.

— Я не говорил, что ядерная война в принципе невозможна, — ответил президент, тщательно подбирая слова. — Мы должны быть готовы ко всему. Мы сделаем все, чтобы защитить себя, но мы никогда не откажемся от наших прав и обязательств.

Европейцы, однако, не очень верили, что Соединенные Штаты готовы пойти на риск ядерной войны, что они не бросят Западную Европу на произвол судьбы. Ощущение незащищенности усугублялось болезнями президента Эйзенхауэра.

В ночь на 24 сентября 1955 года у Эйзенхауэра случился инфаркт, или, говоря языком медиков, острый тромбоз коронарных сосудов — сгусток крови закупорил сердечную артерию. Первые две недели никто не знал, сумеет ли он вернуться к исполнению своих обязанностей. Многие поспешили его похоронить как политика. Тогда был принят закон, предусматривающий передачу власти вице-президенту в случае, если глава исполнительной власти не в состоянии осуществлять свои полномочия. Несколько месяцев Эйзенхауэра заменял вице-президент Ричард Никсон.

Едва Эйзенхауэр выкарабкался, как через полгода у него возникла кишечная непроходимость. Консилиум принял решение немедленно положить президента на операционный стол. Эйзенхауэру сделали серьезную полостную операцию, она продолжалась два часа. После операции он выглядел очень плохо, страдал от сильной боли. Президент жаловался, что физически не в состоянии нести бремя своей должности и пора подавать в отставку.

Но президент оправился. Отказался от мысли досрочно покинуть Белый дом. И даже решил баллотироваться на второй срок. Пока Эйзенхауэр болел и готовился к выборам, внешнюю

политику страны определял государственный секретарь Джон Фостер Даллес.

Даллес не пользовался популярностью — из-за его суховатых манер и воинственных взглядов. Англичане его не любили как человека, который перед войной был сторонником политики умиротворения Гитлера и Муссолини.

Эйзенхауэр просто объяснил назначение Даллеса государственным секретарем:

— Есть только один человек, который объездил больше стран, чем он. Это я.

Мышление Даллеса несло на себе печать пуританского воспитания. Хмурое выражение лица и замкнутость соответствовали его взглядам и характеру. Даллес считал, что успешная политика может основываться только на прочных религиозно-этических принципах. Он видел в коммунизме угрозу христианству. Такого же мнения придерживался и его брат, Аллен, которого сделали директором ЦРУ.

Общего у братьев было немного. Джон Фостер походил на священника. Аллен наслаждался жизнью во всех ее проявлениях. Джон Фостер полагался на веру, Аллен — на свои мозги. Джон Фостер выдвигал идеи. Аллен был исполнителем. В высшем обществе Джона Фостера уважали, Аллена любили. Присутствие Аллена на ужине было мечтой любой хозяйки салона, Джон Фостер наводил тоску. Взаимоотношения братьев составляли человеческую ткань холодной войны. Джон Фостер определял принципы, Аллен превращал их в практическую политику. Как в шахматах, Фостер предпочитал начинать партию, Аллен передвигал фигуры в изощренной борьбе.

Холодная война психологически была тяжким испытанием для генералов. Они знают два состояния — войну или мир. Холодная война, то есть нечто среднее, заставляла генералов нервничать. Они хотели определенности. Но государственный секретарь Даллес не желал ни войны, ни ослабления напряженности. Он предпочитал балансировать на грани прямого столкновения, чтобы давить на коммунистические державы и тем самым сдерживать распространение коммунизма в мире.

«Моя попытка открыть вашингтонским политикам глаза на реальности советской политики, — писал Джордж Кеннан, — оказалась более успешной, чем я ожидал. Мне удалось продать больше товара, чем у меня было. Наши люди настолько поверили во враждебность советского руководства, что теперь полностью отбрасывали идею о сотрудничестве с Москвой. Такие деятели, как Джон Фостер Даллес, верили, что мы можем добиться чего-либо от Москвы только путем создания огромной военной мощи.

Холодная война мыслилась исключительно в военных терминах. Меня все это привело в ужас. Я был поражен тем, как упрощенно рассуждали в нашей стране: они думали о Сталине так же, как о Гитлере, полагали, что советская угроза мало чем отличается от угрозы со стороны нацистов».

В конце пятидесятых главным раздражителем для Соединенных Штатов стал Китай. Конфронтация с Советским Союзом бывала весьма острой, но реальная война могла разразиться между США и КНР. Два самых опасных кризиса — из-за Берлина и Кубы — созревали достаточно долго, великие державы имели время подумать и сообразить, что им делать. На Ближнем Востоке и на Дальнем Востоке штормы начинались без предупреждения и потому были более опасны. Китай, считали на Западе, еще менее предсказуем, чем Советский Союз.

В апреле 1944 года на встрече в Думбартон-Оксе советские представители согласились включить Китай в пятерку постоянных членов Совета Безопасности ООН, обладающих правом вето. На следующий год в Ялте президент Рузвельт уговорил Сталина считать китайского президента Чан Кайши союзником, хотя он вел борьбу с коммунистами Мао Цзэдуна. В августе 1945 года Сталин и Чан Кайши подписали договор о дружбе и союзе.

Узнав о договоре между Сталиным и Чан Кайши, Мао уверенно сказал:

— Мы можем собственными силами победить и Чан Кайши, и всех иностранных реакционеров.

Разгромив японскую Квантунскую армию, советские войска заняли Маньчжурию. Американцы, в свою очередь, создали военно-морскую базу в Цзинтао. К концу сорок пятого в Китае находилось пятьдесят тысяч американских морских пехотинцев.

В ноябре 1945 года отозванный для консультаций в Вашингтон посол в Китае Патрик Херли неожиданно заявил, что уходит в отставку, потому что Государственный департамент США сотрудничает с китайскими коммунистами. И тогда Трумэну посоветовали отправить в Китай специальным представителем генерала Маршалла — причем немедленно, чтобы перебить неприятное впечатление от заявления посла.

Трумэн позвонил Джорджу Маршаллу и попросил его поехать в Китай. Маршалл участвовал в переговорах между компартией Китая и Гоминьданом, партией Чан Кайши. 10 января 1946 года представители обеих сил подписали соглашение о прекращении гражданской войны, сокращении и реорганизации вооруженных сил, демократизации политической жизни Китая. Маршалл стал председателем «комиссии трех», в которую помимо него вошли

представители компартии и Гоминьдана.

Но дальше соглашения дело не пошло. Генерал Маршалл безуспешно пытался добиться реального перемирия и создания коалиционного правительства, в котором ведущая роль принадлежала бы Чан Кайши. Для Маршалла китайская миссия оказалась большим разочарованием.

Чан Кайши попытался использовать свои новые отношения со Сталиным, чтобы установить контроль над всей страной. Сталину это не понравилось. Он позволил коммунистам захватить запасы трофейного японского оружия, чтобы они могли успешно сопротивляться разбросанным по всей стране войскам Гоминьдана. С японским оружием и ограниченной поддержкой Москвы войска Мао начали брать верх.

В ноябре 1946 года 7-й американский флот получил приказ вывести из Китая морских пехотинцев. 29 января 1947 года Маршалл, теперь уже государственный секретарь США, заявил, что отзывает из Китая всех американских представителей.

«Наша подлодка провела два месяца, патрулируя вдоль берегов Китая от Гонконга до Циндао, — вспоминал будущий президент Джимми Картер, в ту пору молодой флотский офицер. — Это было необыкновенно интересное время. Войска китайских коммунистов окружали города, и в горах были видны костры их лагерей. Витрины магазинов были заколочены. Люди нервничали. Войска националистов под угрозой штыка мобилизовали всех молодых и старых «добровольцев».

Вашингтон предоставил Чан Кайши экономическую и военную помощь на два миллиарда долларов, но это не помогло. Чан проиграл войну и с остатками своих войск бежал. Мао провозгласил создание Китайской Народной Республики 1 октября 1949 года, а в декабре на поезде отправился в Москву. Он провел в Советском Союзе два месяца, пока готовился договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. Но договор требовал совместных военных действий только в случае нападения Японии или другой страны, которая объединится с Японией. Поскольку Япония перестала представлять военную опасность, военная составляющая договора не имела практической ценности.

Договор не обязывал Советский Союз вмешаться в случае военного столкновения с войсками Чан Кайши, которые укрылись на острове Формоза (Тайвань) и пользовались американской поддержкой. А вот Соединенные Штаты взяли на себя обязательство поддерживать правительство Чан Кайши, от которого не могли отказаться, и это привело к длительному конфликту с Китаем из-за Тайваня.

Англия в 1949 году признала коммунистическое

правительство в Пекине, рассчитывая прежде всего на масштабные экономические отношения. Это отражало стремление Лондона признавать те правительства, которые обладают реальной властью. Британский премьер Клемент Эттли не хотел быть втянутым в большую войну из-за Китая. Англичане понимали, что им не удержать Гонконг.

24 января 1955 года президент Эйзенхауэр потребовал у конгресса предоставить ему особые полномочия и на следующий день получил право принимать меры, «которые могут предусматривать применение вооруженных сил в случае, если возникнет необходимость обеспечить безопасность Формозы и Пескадорских островов».

Это была демонстрация силы. Но никто не знал, насколько далеко способны зайти Соединенные Штаты и как долго можно оборонять острова. Тем более что с точки зрения международного права невозможно было отрицать, что они принадлежат континентальному Китаю.

Начальник штаба американской авиации генерал Натан Твайнинг грозно говорил:

— Я не думаю, что три небольшие атомные бомбы, если их положить точно в цель, принесут слишком много неприятностей. Зато они преподадут китайцам хороший урок.

Поскольку американское правительство не признало Китайскую Народную Республику, дипломатам и разведчикам пришлось покинуть Пекин. Главным разведцентром, который занимался Китаем, стало генеральное консульство в Гонконге — самое большое генконсульство в мире: сорок два вице-консула и сотни человек вспомогательного персонала.

Один из разведчиков получил из Вашингтона телеграмму: проверить подлинность информации о том, что презервативы западного производства через Гонконг уходят в коммунистический Китай. Он бросился выяснять, сколько презервативов поступает в Гонконг, сколько использует местное население, сколько может отправляться в Китай? Тут поступила вторая телеграмма, объясняющая, почему ему поручена задача первостепенной важности: «Есть информация о том, что китайские коммунисты используют презервативы, чтобы прикрывать дуло автомата от влаги».

Вице-консул задумался над тем, как же помешать отправке презервативов военного значения в Китай. Но задание отменили. Специалисты объяснили разведчикам: если завертывать дуло в презерватив, оно очень быстро ржавеет…

ЦРУ проводило тайные операции прежде всего на юге Китая. Беженцы, устремившиеся в Гонконг, помогали американцам

понимать настроения внутри китайского общества. Особенно важным этот пост стал в шестидесятых годах, когда в КНР началась культурная революция и китайцы искали убежище в Гонконге. Никогда еще, вспоминали ветераны американской разведки, у них не было так много информации из Китая.

Поскольку в 1949 году не было подписано перемирие между КНР и Тайванем, правительство Чан Кайши считало себя вправе вести тайную войну против коммунистов. С Тайваня на континент перебрасывались диверсионные подразделения иногда численностью до батальона. ЦРУ обучало тайваньский спецназ.

Однажды на континент высадили четыре тысячи пехотинцев и тысячу спецназовцев. Они успешно вернулись назад с семьюстами пленными. Спецназовцы участвовали в параде по случаю дня рождения Чан Кайши. Однако попытки продвинуться в глубь континента приводили к гибели отрядов. Поднять население против коммунистического режима не удалось. Ограничились распространением пропагандистских материалов и короткими рейдами.

Внутри ЦРУ оказалось достаточное количество полковников и майоров с опытом боевой работы, их тянуло к полувоенным операциям, которые проводились по периметру китайских границ. Где спецслужбы — там нарушение закона. В 1952 году проверка бангкокской резидентуры показала, что под видом тайных операций против китайских коммунистов там занимались контрабандой опиума. ЦРУ на Тайване располагало собственной авиакомпанией — «Сивил эйр транспорт», которая сбрасывала над территорией КНР боевые группы. Среди агентов были попавшие в плен солдаты китайской армии, которые не захотели возвращаться в КНР и предпочли Тайвань.

Один из самолетов С-47, принадлежавших ЦРУ, был сбит. Пилоты погибли, а два молодых сотрудника ЦРУ выжили. Они провели в китайских тюрьмах два десятилетия, пока президент Ричард Никсон не договорился об их освобождении.

Полувоенные и подрывные акции проводились для того, чтобы держать Китай в напряжении: если Мао Цзэдун будет считать, что у него дома неспокойно, он не развяжет большую войну. Интенсивные конфликты вокруг Китая в любую минуту могли сдетонировать в большую войну.

Серьезный кризис разразился 11 апреля 1955 года.

В Бандунге (Индонезия) собрались лидеры неприсоединившихся государств. Местные резидентуры ЦРУ предложили взорвать самолет с главой китайской делегации Чжоу Эньлаем, чтобы это послужило предупреждением другим коммунистическим лидерам. Вашингтон предложение отверг. А

на Тайване решили воспользоваться благоприятной возможностью.

В ответ на артиллерийский обстрел островов агенты тайваньской разведки подложили бомбу в индийский самолет, который вез китайских журналистов в Индонезию. Бомбу подложили во время дозаправки в Гонконге. Экипаж и пассажиры погибли. Говорили, что глава правительства Чжоу Эньлай тоже собирался лететь этим самолетом…

Расследование закончилось ничем — к разочарованию Пекина. Рассекреченные в 1999 году документы показали: премьер-министру Энтони Идену доложили, что сотрудник аэропорта в Гонконге, на которого указали китайцы, действительно был завербован тайваньской разведкой. Иден тогда промолчал и лишь потребовал выслать из Гонконга шестерых сотрудников тайваньской разведки, причастных к теракту.

Американская разведка пыталась установить тайные отношения с Индией, чтобы сделать ее союзницей в противостоянии с Китаем.

Индия получила независимость в 1947 году, коммунисты пришли к власти в Пекине в 1949 году. Казалось, отношения между ними станут теплыми. Премьер-министр Индии Джавахарлал Неру был расположен к Мао Цзэдуну. Но позиции Индии изменились, когда осенью 1950 года китайские вооруженные силы разгромили небольшую тибетскую армию и вошли в Лхасу, изгнав оттуда индийских дипломатов.

Тибет был религиозным государством, страной правил регент Радинг Ринпоче. Далай-ламе Тензину Гьяцо было тогда всего пятнадцать лет. Тибету обещали автономию. Мао Цзэдун пригласил к себе далай-ламу, тот даже вступил в компартию Китая. Но потом началась коллективизация, за ним голод — умерли триста с лишним тысяч человек. Жестокость китайских властей в Тибете перечеркнула добрые чувства и симпатию, которые Неру питал к Китаю. Он создал Северную армию для защиты прежде не охранявшейся гималайской границы и взял под протекторат расположенные между Индией и Китаем три княжества — Непал, Бутан и Сикким.

Публично Индия критиковала американскую политику в холодной войне, но неофициально поддерживала линию Соединенных Штатов в Азии. ЦРУ помогало тибетским националистам — с явного одобрения Индии. В марте 1951 года в Вашингтоне было подписано секретное соглашение с Индией о сотрудничестве в оказании тибетцам военной помощи. Но в 1953 году Неру увидел, что Соединенные Штаты хотят сблизиться с

Пакистаном, и поехал в Москву. А китайцы одержали полную победу над тибетцами, и в 1955 году ЦРУ временно прекратило свою работу на Тибете.

В 1957 году Вашингтон восстановил отношения с Неру. Его пригласили в Вашингтон. Индия стала получать военную и разведывательную помощь — тридцать восемь миллионов долларов. Часть денег пошла на борьбу за освобождение Тибета. Сотрудничая с пакистанской и индийской разведками, ЦРУ снабжало и обучало тибетскую армию в четырнадцать тысяч человек. Тибетцев учили средствам радиосвязи, чтению карт и владению современным оружием. Готовили их на острове Сайпан, потом в Колорадо. Причем тибетцев уверяли, что они находятся в районе Гималаев, а вовсе не на территории Соединенных Штатов.

Крупное восстание началось в Тибете 10 марта 1959 года. Холодная война в Гималаях могла перерасти в горячую. Повстанцы довольно уверенно вели борьбу против китайских войск. Пекину пришлось отправить в Тибет подкрепление. Но тибетцы не пожелали учиться искусству партизанской борьбы, которая могла быть успешной. Они верили, что амулеты спасут их от пуль. Пытались вести настоящую войну с превосходящими силами Народно-освободительной армии Китая и потерпели поражение.

17 марта 1959 года далай-лама и духовенство бежали в Индию. За ним последовали сто двадцать тысяч беженцев. Автономия была уничтожена. Монастыри закрывались, монахов отправляли на перевоспитание. Тибетцев выселяли, а переселяли китайцев из других районов страны. Тибет имел стратегическое значение для Пекина, потому что здесь нашли около двухсот урановых месторождений и разместили заводы по переработке урана. Неру и его министр иностранных дел Кришна Менон уговаривали далай-ламу требовать автономии, а не полного суверенитета Тибета. Но далай-лама настаивал на полной независимости, считая иной вариант «предательством интересов народа».

Индия помогала тибетским повстанцам, это привело к войне с Китаем, которую Неру проиграл… Нападал Китай, который не признавал линию Мак-Магона, границу, проведенную британцами. Воевали из-за двух спорных пограничных районов площадью около ста двадцати пяти тысяч квадратных километров. Москва заняла нейтральную позицию. Китай возмущался: Советский Союз в любом случае обязан поддержать социалистическую страну.

Американская и британская разведка тщетно пытались раздобыть информацию о китайской ядерной программе.

Руководитель резидентуры в Гонконге Джон Коллинз потратил большие деньги и докладывал, что с помощью сети информаторов и агентов создал досье на важнейших китайских чиновников. Но выяснилось, что надежной информацией он не располагает. Попытки заслать агентов в КНР не удались. Все переброшенные по ту сторону бамбукового занавеса агенты или исчезали, или возвращались с пустыми руками.

Запад поздно понял, что ситуация в социалистическом блоке меняется: дружба Москвы и Пекина оказалась недолговечной. Китай был недоволен слишком малыми объемами советской помощи. Встревожен желанием Хрущева добиться разрядки напряженности. Мао желал полной экономической самостоятельности, чтобы обходиться без помощи иностранных государств.

В 1957 году артиллерия Народно-освободительной армии Китая стала обстреливать прибрежные острова, занятые тайваньскими войсками. На следующий год Мао Цзэдун попытался захватить архипелаги Цзиньмыньдао и Мацзу. 23 августа 1958 года вечером начался артиллерийский обстрел островов. Затем последовали авиационные налеты и атаки торпедных катеров.

Главная задача Тайваня состояла в том, чтобы снабжать острова всем необходимым. Это удалось с помощью американцев. 7-й флот перебросил на острова тайваньское подкрепление, доставил артиллерию. Бои продолжались до 30 сентября 1958 года. Потери были немалыми с обеих сторон. Но выбить гоминьдановцев Народно-освободительной армии Китая не удалось.

В Пекине обижались на Москву, которая не пришла на помощь. ЦРУ не знало, что Мао Цзэдун просил Хрущева дать ему ядерное оружие. Осторожный Хрущев ограничился обещанием прийти на помощь, если американцы вмешаются. Мао счел это предательством. Он мечтал о своем ядерном оружии и сделал все, чтобы его получить.

Вот тут американцы оценили возможности разведывательных спутников.

В 1964 году директор ЦРУ Джон Маккоун (он сменил Даллеса) объехал руководителей европейских государств, чтобы их предупредить — вскоре Китай испытает ядерную бомбу. Он вспоминал: «Я рассказывал им, что Китай может взорвать свою бомбу в течение ближайших месяца-двух. Китайцы провели испытание через месяц. Европейцы смотрели на меня, как на пророка».

Первое ядерное испытание вызвало у китайцев невероятный

восторг. Солдат без колебаний бросили прямо в эпицентр взрыва, чтобы доказать: китайская армия готова к войне с применением ядерного оружия. Испытание китайской ядерной бомбы сделало баланс сил еще менее предсказуемым. Через три месяца, в январе 1965 года, в Вашингтон прилетел премьер-министр Японии Эйсаку Сайто. Его приняли президент Линдон Джонсон и министр обороны Роберт Макнамара. Сайто умолял Соединенные Штаты в случае войны Японии с Китаем прийти на помощь и пустить в ход ядерное оружие.

Мао Цзэдун считал возможным начать ядерную войну во имя окончательной победы над западным капитализмом. На встрече в Кремле вождь итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти спросил китайского вождя:

— Что же останется от Италии после такой войны?

Мао холодно ответил:

— А кто сказал, что Италия должна выжить? Триста миллионов китайцев останется, и этого достаточно, чтобы человеческая раса продолжила свое существование.

Советские руководители никак не могли определиться: можно или нельзя вести ядерную войну.

Георгий Максимилианович Маленков, возглавляя правительство, хотел добиться в жизни страны позитивных перемен. Он сделал упор на производство товаров широкого потребления, за что потом — когда дойдет до него очередь — его будут жестоко критиковать. 12 марта 1954 года, выступая накануне выборов в Верховный Совет перед избирателями, Маленков сказал, что новая мировая война «при современных средствах ее ведения означает гибель цивилизации». То есть он отказался от прежних представлений советского руководства о неизбежности войны и от того, что она поможет уничтожению мирового империализма.

Но эта идея не прижилась. Слова Маленкова о возможности гибели мировой цивилизации в случае третьей мировой войны стали желанным поводом для Хрущева избавиться от соперника. Никита Сергеевич обвинил главу правительства в отказе от основных принципов советской политики.

— Своим неправильным утверждением о гибели цивилизации, — настаивал Хрущев, — товарищ Маленков запутал некоторых товарищей… Теоретически неправильное и политически вредное положение способно породить настроения безнадежности усилий народов сорвать планы агрессоров…

Хрущева поддержали военные, уверенные в том, что и в ядерной войне можно победить. На Маленкова обрушился и Молотов:

— Не о «гибели мировой цивилизации» и не о «гибели человеческого рода» должен говорить коммунист, а о том, чтобы подготовить и мобилизовать все силы для уничтожения буржуазии… Разве можем мы так настраивать народы, что в случае войны все должны погибнуть? Тогда зачем же нам строить социализм, зачем беспокоиться о завтрашнем дне? Уж лучше сейчас запастись всем гробами…

Мысль о том, что ядерная война станет катастрофой, отвергли как ошибочную. Маленкову, снятому с должности главы правительства, пришлось опровергать самого себя. При первом удобном случае он заявил, что нападение на Советский Союз закончится тем, что «агрессор будет подавлен тем же оружием и подобная авантюра неизбежно приведет к развалу капиталистической общественной системы».

Хрущев говорил об использовании ядерного оружия как о чем-то вполне реальном. Сын Никиты Сергеевича рассказывал: его отец не хотел, чтобы мир понял, насколько он слаб. Был только один способ вселить если не уважение, то страх — напугать Запад бомбой. Хрущев блефовал, рассказывая, что у него больше оружия, чем на самом деле.

Зять первого секретаря, главный редактор «Известий» Алексей Иванович Аджубей вспоминал, как Хрущев принимал редакторов западногерманских газет. Один из них спросил: сколько ракет нужно для полного уничтожения ФРГ? Хрущев позвонил в Генштаб. Выслушал ответ, положил трубку и сказал:

— Всего семь штук.

5 августа 1961 года Хрущев выступал на совещании первых секретарей ЦК коммунистических и рабочих партий стран Варшавского договора:

— Мы вчера и позавчера беседовали с итальянцем Фанфани… Я вызвал начальника Генерального штаба и сказал: «Покажите, как мы подготовлены и какими будут наши ответные действия, если на нас нападет противник». Он мне докладывает, берет карту Италии, показывает, где находятся базы. Хотя мы знаем, говорю я Фанфани, где у вас находятся базы, но вы можете уточнить их расположение, и мы тогда по базам ударим, а не будем бить по всей территории Италии. Наши базы, отвечает он, как раз там, где цитрусовые. Что же, говорю, цитрусы нужны, но ударить придется по ним… Я Фанфани сказал: «Америка может развязать войну через военные базы, которые имеются на вашей территории. Поэтому мы рассматриваем вас как своих заложников. Вы наши заложники. Если Америка навяжет нам войну, мы вас сотрем с лица земли, мы разрушим, уничтожим Европу»… Послу Англии я сказал: «Знаете, сколько нужно

взорвать атомных бомб над Великобританией, чтобы вывести ее из строя? Я слышал, что у вас в Англии по этому вопросу идет спор. Одни говорят — шесть, это пессимисты, и вы к ним относитесь. Другие, оптимисты, говорят — не шесть, а девять бомб. Я вам выдам секрет Генерального штаба: мы больше ценим Великобританию, и у нас заготовлено несколько десятков атомных бомб, которыми ударим по Великобритании…

Хрущев принял британского министра по вопросам науки и техники лорда Хэйлшема. В записи беседы говорится: «Никита Сергеевич спрашивает Хэйлшема, где он живет, и говорит, что даст указание командующему ракетными войсками в случае войны не посылать в этот район ракету с боевым зарядом. Хэйлшем говорит, что если начнется новая война, то он предпочитает умереть. Никита Сергеевич соглашается с министром: выжить ему не удастся».

На новогоднем приеме в Кремле в конце 1960 года Хрущев сказал американскому послу, что у него пятьдесят ядерных бомб заготовлено для Франции, по тридцать на Англию и Западную Германию. Наверное, Никита Сергеевич шутил. Но кто воспринимал это как шутку? Фактически Хрущев оправдывал и подогревал гонку вооружений. Грозил он европейцам, но его стрелы были нацелены в американцев.

— Нет ничего в мире, ради чего коммунисты готовы рискнуть потерей Кремля, — считал Эйзенхауэр.

Это не совсем так. Руководители Советского Союза, как и Соединенных Штатов, могли отступать только до определенной черты, чтобы не потерять лица. Конечно, ни Хрущев, ни Эйзенхауэр не были готовы к последнему шагу — отдать приказ о применении ядерного оружия. Но по соображениям личного и государственного престижа им также трудно было и дать задний ход.

Ядерное оружие должно было защищать главные, основополагающие интересы государства. Сложность заключалась в том, чтобы определить, в чем состоит главный интерес противника. Задача дипломатии в холодную войну состояла в том, чтобы выяснить, какими территориями или союзниками Запад и Восток дорожат настолько, что готовы рискнуть Кремлем или Белым домом. И не заходить за красные флажки.

Одно из достоинств Эйзенхауэра состояло в том, что, как человек военный, он редко паниковал и умел сохранять хладнокровие. Ему докладывали, что советская экономика растет с невиданной скоростью, что советское машиностроение опережает американское, что советская ракетная технология превосходит американскую. Мозговой центр военной авиации —

«РЭНД корпорейшн» — пугал президента внезапной советской атакой, предсказывая, что американские стратегические бомбардировщики могут быть уничтожены первым ракетным ударом. «РЭНД корпорейшн» была создана военно-воздушными силами для проведения исследований стратегического характера. Там работали математики, физики, историки, специалисты по компьютерам. Они разрабатывали планы использования стратегического оружия.

Президенту предлагали на пятьдесят процентов увеличить американский военный бюджет. Но Эйзенхауэр благодаря разведке знал, что советский ядерный арсенал невелик и пока что уступает американскому. Он отказался разрушать экономику неоправданными военными тратами и, прощаясь со страной в январе 1961 года, говорил о том, что холодная война сформировала в стране военно-промышленный комплекс, который стал слишком влиятельным.

— До второй мировой войны, — рассказывал телезрителям уходящий в отставку Эйзенхауэр, — Соединенные Штаты сами не создавали оружия. Теперь мы вынуждены иметь мощную военную промышленность. Объединение огромного военного истеблишмента с индустрией вооружений является чем-то новым в американской жизни. Правительству следует быть начеку и не допускать неоправданного роста власти военно-промышленного комплекса. Мы не должны позволить ему подвергнуть опасности наши свободы.

Об Эйзенхауэре, бывшем генерале, говорили как об опасном для страны президенте, называли «современным Кромвелем». Его предшественник Трумэн считал, что поскольку Эйзенхауэр всю жизнь прослужил в армии, то плохо представляет себе реальную жизнь.

За восемь лет президентства Эйзенхауэра произошло множество международных кризисов. Но ни один американский солдат не был убит и никого не убил сам. Это была не просто удача. Эйзенхауэр знал, как просто начать войну. Но как только прозвучал первый выстрел, события выходят из-под контроля. Поэтому не раз говорил министру обороны и начальникам штабов:

— Доведите до сведения всех командиров — ни одного выстрела без моего приказа.

При Эйзенхауэре американская экономика процветала, инфляция опустилась до полутора процентов. В середине пятидесятых годов две трети американских семей обзавелись автомобилями, три четверти домов имели телефоны. Американцы быстро раскупали телевизоры. Дуайт Эйзенхауэр подарил

Америке восемь лет мира и процветания. Ни одному президенту в XX столетии такого не удавалось.

А вот у сменившего его на посту президента молодого политика Джона Кеннеди было ощущение, что Запад терпит поражение в холодной войне. Он выиграл президентские выборы в 1960 году, обвинив предшественника в том, что он позволил Хрущеву обогнать Америку в создании современного оружия. Джон Кеннеди пришел в Белый дом с ястребиной программой:

— Нашим врагом является сама коммунистическая система, неостановимо стремящаяся к мировому господству. Это не борьба за превосходство вооружений. Это борьба двух непримиримых идеологий, свободы против безжалостной и безбожной диктатуры.

Кеннеди пообещал перевооружить армию:

— Мы вновь станем первыми. Я хочу, чтобы мир не поражался тому, что делает господин Хрущев. Я хочу, чтобы мир поражался тому, что делают Соединенные Штаты.

Никита Сергеевич в присущей ему манере утверждал, что советские заводы выпускают ракеты, как сосиски. Но трудно было и с ракетами, и с сосисками. Советский Союз располагал достаточным количеством ракет средней дальности, чтобы угрожать Европе. Советские военные обзавелись немалым числом бомбардировщиков дальнего радиуса действия. Но всего несколько ракет могли долететь до американской территории.

Американские военные, как и советские, считали ядерную войну возможной, исходили из того, что в ней можно победить. Командующий стратегической авиацией генерал Томас Пауэрс издевался над учеными, которые предупреждали об опасных последствиях ядерного излучения для генофонда человека:

— Еще никто не доказал мне, что две головы хуже, чем одна.

Генералу Пауэрсу не нравились разговоры политиков о том, что, если уж война разразится, следует наносить удары по военным объектам и щадить города.

— Ограничивать себя? — возмущался генерал. — Что вы так заботитесь о сохранении их жизней! Задача состоит в том, чтобы убивать этих сукиных детей. Если в конце войны останется один русский и двое американцев, значит, мы победили.

В Великобритании на парламентских выборах осенью 1959 года Консервативная партия осталась у власти благодаря очевидным успехам в экономике. Консерваторы наняли за полмиллиона фунтов стерлингов рекламную фирму, которая по всей стране расклеила плакаты: «Жизнь стала лучше при консерваторах — не позвольте лейбористам ее разрушить». Поздравляя через год Джона Кеннеди с победой на президентских

выборах, британский премьер Гаролд Макмиллан напомнил о важности экономических успехов: холодная война есть форма экономического соревнования.

Новый американский президент знал от разведчиков, что у Советского Союза нет превосходства в ракетах. Тем не менее Кеннеди распорядился вдвое увеличить производство своих ракет. Он хотел, чтобы половина стратегических бомбардировщиков была готова к взлету через пятнадцать минут. В 1960 году в океан вышла первая лодка с ракетами «Поларис». Через два года в океанской толще появятся еще восемь подлодок, это сто сорок четыре ракеты, оснащенные ядерными боеголовками и нацеленные на Советский Союз.

Такая политика неминуемо вела к столкновению двух держав. И конфликт разразился. Сначала из-за Берлина. Потом из-за Кубы.

«Нас ждет холодная зима, господин председатель»

Молодой американский президент был амбициозен и самоуверен. И все-таки перед встречей с советским лидером Никитой Хрущевым поехал в Париж советоваться с опытным Шарлем де Голлем. Президента сопровождала его элегантная, стильная и красивая спутница. Эта пара волновала воображение Старого Света. Американский президент казался суперменом. Сколько мужчин ему завидовали! Сколько женщин мечтали занять место Жаклин! Мало кто знал, что и в Париже, и в Вене Кеннеди чувствовал себя очень плохо. Иногда он не мог без чужой помощи подняться по лестнице или надеть носки. Ныла поврежденная на войне спина.

12 апреля 1961 года канцлер Федеративной Республики Германии Конрад Аденауэр приехал к Джону Кеннеди в Белый дом.

«Перед завтраком мы вышли в сад, — вспоминал Аденауэр. — К президенту подбежал его двухлетний сын. Взяв его на руки, я сказал Джону Кеннеди, что он может считать себя счастливым, имея впереди еще так много лет жизни, необходимых для проведения прозорливой политики и претворения в жизнь своих идей. Я добавил, что в этом отношении мое положение гораздо хуже. В ответ на это Кеннеди заметил, указывая на своего сына, которого я держал на руках:

— А я не могу даже так вот взять его на руки.

Он страдал от тяжелого ранения, полученного на войне».

Ночью 2 августа 1943 года японский эсминец «Амагири» направлялся на Соломоновы острова, чтобы доставить пополнение. В темноте эсминец протаранил американский торпедный катер. Машинное отделение взорвалось. Катер развалился надвое. Выжившие поплыли в сторону кораллового атолла. Командир катера плыл, зажав в зубах нейлоновый шнур, и тащил за собой плот с тяжелораненым мотористом.

На атолле Науро не было пресной воды. Передохнув, командир катера поплыл к другому островку. Там он обнаружил кокосовые орехи и брошенный транспортный корабль: нашлись канистры с питьевой водой, аптечка и консервы. Он что смог прихватил с собой и поплыл назад. Он проделывал это несколько раз, чтобы поддержать своих моряков.

9 августа его заметили полинезийцы, ловившие рыбу. Они согласились отвезти на остров, занятый войсками союзников,

скорлупу кокосового ореха, на которой командир катера нацарапал: «Науро. Одиннадцать живы. *Кеннеди*». Моряки были спасены. Командиром катера, который спас своих людей, был лейтенант Джон Фицджеральд Кеннеди. В его наградном листе написали: «Действовал в соответствии с лучшими флотскими традициями ответственности и заботы о людях».

Модель его торпедного катера провезли по Вашингтону в день инаугурации нового президента. Военные подвиги помогли молодому политику добиться поддержки избирателей, но сказались на его здоровье.

«Ему нужны были болеутоляющие, чтобы успокоить спину, — пишет биограф Джона Кеннеди. — Антиспазмолитики, чтобы снять боли от хронического колита. Антибиотики, чтобы гасить инфекции в мочеполовой системе. Антигистаминные средства, чтобы избавиться от аллергии. Иногда приходилось выводить его из депрессии, которая, как считала Жаклин, стала результатом приема амфетаминов».

Кеннеди страдал редким эндокринным заболеванием, когда кора надпочечников не производит достаточного количества гормонов. Симптомы — низкое давление, хроническая усталость, раздражительность, тревога, беспричинное недовольство. Без лечения больной может потерять сознание. Президенту ежедневно кололи кортизон, это препарат, обладающий серьезным побочным действием.

Его лечил модный доктор Макс Якобсон. Пациенты называли его «доктор Хорошее настроение» и были благодарны ему за уколы, которые поднимали настроение и наполняли энергией. Знаменитости сидели в его приемной, ожидая очереди. Писатель Трумэн Капоте вспоминал: «После его уколов ощущаешь эйфорию. Чувствуешь себя суперменом. Словно летаешь. Новые идеи возникают с быстротой молнии. Заряжен на трое суток, и никакой кофе не нужен».

Доктор вкалывал пациентам большую дозу амфетаминов. Это сильные стимуляторы. Беда в том, что длительное применение амфетаминов могло закончиться психическим расстройством. Друзья привели доктора к Джону Кеннеди во время избирательной кампании 1960 года. Первый же укол поднял его настроение. Отныне накануне больших выступлений требовались услуги доктора.

Кеннеди получал коктейли, состоявшие из витаминов, гормонов, энзимов, амфетаминов и стероидов — сочетание, внушающее более осторожным врачам тревогу.

Роберт Кеннеди просил брата прекратить эти уколы. Джон Кеннеди ответил:

— Мне плевать, даже если это лошадиная моча. Это действует!

«Доктор Хорошее настроение» сопровождал Кеннеди в Вену на встречу с Хрущевым.

Разговор в Вене шел о Западном Берлине. Расколотый город оставался полем битвы холодной войны.

После создания двух германских государств в Берлине сохранялся оккупационный режим четырех держав-победительниц. Юридически город не принадлежал ни ГДР, ни ФРГ. Потсдамские соглашения продолжали действовать. Не немцы, а только четыре державы имели право управлять Берлином. Берлин представлял собой особую административную единицу, власть формально принадлежала четырехсторонней комендатуре в Далеме. Правда, советский комендант был отозван и располагался в Карлсхорсте.

Экономически Западный Берлин был привязан к быстро развивавшейся и богатевшей Федеративной Республике. С каждым годом процветающий Западный Берлин становился все более притягательным для восточных немцев. Высококвалифицированная рабочая сила утекала, даже если не бежала, — примерно пятьдесят тысяч жителей Восточного Берлина работали в Западном. Они пользовались дешевым жильем и дешевыми продуктами на Востоке, но помогали развитию Запада.

«Западный Берлин действовал деморализующе на восточногерманский режим, — писал один из журналистов. — Более высокий жизненный уровень, беспрепятственный доступ к западной прессе, театрам, фильмам, сам факт, что рядом существует иной образ жизни, делал отсутствие свободы в Восточной Германии еще более тягостным. И все же возможность ездить в Западный Берлин и наслаждаться этими запретными благами сама по себе действовала успокаивающе. Коль скоро такие блага находятся в пределах досягаемости, не обязательно покидать Восточную Германию. Открытая граница одновременно представляла собой и приманку, побуждающую уехать из Восточной Германии, и как бы взятку за то, что люди не уезжали».

Граница между ФРГ и ГДР давно была закрыта. А перебраться из одной части Берлина в другую не составляло труда. Через эту лазейку каждый год на Запад уходило примерно четверть миллиона человек.

Еще в марте 1948 года Вильгельм Пик просил Сталина удалить союзников из Берлина.

— Давайте общими усилиями попробуем, — откликнулся вождь, — может быть, выгоним.

Но Сталину этого не удалось.

До возведения Берлинской стены 13 августа 1961 года Восточная Германия потеряла три миллиона человек. Руководитель социалистической ГДР Вальтер Ульбрихт рисковал остаться один. Если выкинуть из Западного Берлина союзников, считал он, город можно будет объединить. Если не получится присоединить западную часть Берлина к ГДР, ее нужно отсечь.

ГДР была форпостом социализма. Хрущеву хотелось, чтобы этот форпост производил сильное впечатление, чтобы преимущества социализма были очевидны с первого взгляда. ГДР, как страна с открытыми границами, казалась самым надежным аргументом в пользу социализма. Поэтому Хрущев сопротивлялся возведению стены.

Вальтер Ульбрихт сам понимал, что слабое место его страны — экономика. На V съезде партии в июле 1958 года он обещал, что к 1961 году потребление в ГДР на душу населения превзойдет уровень ФРГ. Ему было бы легче, если бы люди перестали бежать из Восточной Германии.

28 августа 1958 года заведующий отделом ЦК КПСС по соцстранам Юрий Андропов составил своему руководству записку о бегстве интеллигенции из ГДР. Он отметил, что в Восточном Берлине считают, что люди бегут по материальным соображениям, в реальности бегут по политическим. Андропов предложил объяснить товарищу Ульбрихту важность этой проблемы. Советские руководители втолковывали Ульбрихту, что ГДР нужно сделать упор на легкой промышленности и добиваться подъема уровня жизни. Так же считали и некоторые руководители ГДР.

Член политбюро ЦК Социалистической единой партии Германии Фред Эльснер сказал то, что не решались произнести другие:

— Из республики бегут главным образом рабочие. Это критика нашей работы. Они критикуют ногами. Мы ставили перед собой задачу завоевать большинство рабочего класса. Мы должны сегодня спросить себя: выполнили ли мы эту задачу? Нет.

Фред Эльснер не был одинок. Член политбюро Карл Ширдеван, заведовавший кадровым отделом ЦК, в эмиграции не был, поэтому меньше других пропагандировал ценный советский опыт и, напротив, чаще призывал к утверждению в партии демократических начал. Он выдвинулся на роль второго секретаря ЦК и рассчитывал на помощь Москвы. Его даже тайно привозили на встречу с советским послом Георгием Пушкиным. Это происходило поздно вечером, присутствовал только переводчик посла. Георгию Максимовичу идеи Ширдевана

нравились.

Советский посол, информируя Москву о бегстве из ГДР, отмечал не только экономические причины, но и бездушное отношение властей к собственному народу. Пушкин предложил Москве поставить Ширдевана вместо догматика Ульбрихта. Посол докладывал в Москву, что в ГДР очень заметен культ личности. Это означало преувеличение роли некоторых лидеров СЕПГ в жизни страны, прежде всего Ульбрихта. На пленумах ЦК большинство выступающих считают своим долгом цитировать Ульбрихта. Посол сообщил, что первого секретаря в стране считают «сталинистом номер один».

Опытнейший аппаратчик Ульбрихт видел, откуда ему грозит опасность. Его крайне огорчила антисталинская речь Хрущева на XX съезде. Он считал, что ящик Пандоры следовало держать закрытым. Тем более что речь Хрущева вдохновила многих восточных немцев. Они требовали перемен в политической жизни страны.

Ульбрихт с тревогой наблюдал за проявлениями свободомыслия в ГДР, за дискуссиями среди студентов Гумбольдтского университета, за попытками интеллигенции установить отношения с «Кружком Петёфи» в Венгрии, считавшимся центром непозволительного для социалистической системы либерализма. Два лидера духовной оппозиции внушали ему особые опасения — Вольфганг Хариш, профессор философии в Гумбольдтском университете, и Вальтер Янка, главный редактор издательства «Ауфбау» в Берлине. Хариш написал платформу «особого пути Германии к социализму», что предполагало либерализацию системы. Некоторые работники партаппарата пытались заговорить об ошибках Ульбрихта, но он сделал все, чтобы сорвать эти попытки.

Венгерские события усилили позиции Ульбрихта, который с большим основанием мог требовать увеличения помощи. В Москве понимали, что слабый режим может в любую минуту рухнуть. Накал холодной войны помогал Ульбрихту легко отбивать любые предложения о либерализации: политическая обстановка не позволяет.

Ульбрихт шантажировал Хрущева. Доказывал, что никакие дискуссии в ГДР невозможны ввиду особого положения его страны на передовой холодной войны. И не может быть мирного сосуществования с такой агрессивной страной, как ФРГ.

8 ноября 1956 года, через четыре дня после ввода советских войск в Венгрию, на политбюро ЦК СЕПГ образовали комиссию под председательством Ульбрихта с задачей «не допустить повторения в стране венгерских событий». На пленуме ЦК 12

ноября выступал Карл Ширдеван. Он считал, что не допустить повторения венгерской трагедии можно путем широкого обсуждения существующих в стране проблем и поиска решений.

У Ширдевана нашлись сторонники. Министр госбезопасности Эрнст Вольвебер сказал, что это самый открытый, самый честный пленум, какой он видел.

3–8 января 1957 года в Москве находилась делегация ГДР: Ульбрихт, Гротеволь, Ширдеван и другие. Ширдеван перед отъездом в Москву сказал послу Пушкину, что немецкие товарищи рассчитывают на открытую дискуссию. Но когда Хрущев попросил Ульбрихта рассказать о внутрипартийных проблемах, тот ответил, что СЕПГ сама справится. Хрущев не стал настаивать. После Венгрии и Польши и в Москве либеральные идеи были не в ходу. Так что, вернувшись из Москвы, Ульбрихт атаковал Ширдевана на пленуме ЦК 30 января 1957 года. Преданный Ульбрихту Альфред Нойман сменил Ширдевана на посту руководителя отдела руководящих партийных органов.

Карл Ширдеван утратил важнейшую позицию внутри аппарата, но не хотел сдаваться. 11 ноября 1957 года он сказал министру госбезопасности Вольвеберу, что намерен говорить о положении в партии, о том, что результаты XX съезда КПСС постепенно перечеркиваются, что бегство людей из ГДР требует пересмотра внутренней политики.

Ширдеван поделился с Вольвебером своей уверенностью, что его поддержат другие члены политбюро и секретариата ЦК, включая главу правительства Отто Гротеволя. И что Пушкин приветствовал бы замену Ульбрихта на Ширдевана.

Опытный Вольвебер заметил, что поддержка посла — это еще не поддержка Москвы, а осторожный Гротеволь избегает любых конфликтов.

7 декабря 1957 года два сторонника реформ в правительстве Герхард Циллер и Фриц Зельбман рассказали коллегам, что на следующем пленуме Ширдеван намерен поставить вопрос о переменах в руководстве. От Ширдевана потребовали раскаяния.

11 января 1958 года на политбюро десять человек проголосовали за его вывод из ЦК. Фред Эльснер и Отто Гротеволь высказались против. Решение отложили.

В Москву опять поехала делегация во главе с Ульбрихтом. Он пожаловался советским руководителям на самовольство посла Пушкина, объяснил, что Карл Ширдеван и его сторонники ведут в партии раскольническую работу.

Хрущев не любил Ульбрихта, но видел, что он держит страну в руках, поэтому в ГДР не было событий, которые потрясли Венгрию и Польшу. Он не хотел расставаться с Ульбрихтом и

оставил восставшего Ширдевана первому секретарю на съедение.

Юрию Владимировичу Андропову поручили объяснить Гротеволю, что Москва вовсе не поддерживает Ширдевана: Пушкин превысил полномочия.

«Ширдеван — человек очень партийный, образованный и смелый, — записывал в дневнике заместитель министра иностранных дел СССР Владимир Семенов. — Пушкин поддерживал Ширдевана против Ульбрихта. В результате скандала, устроенного Ульбрихтом, погорел Пушкин (его отозвали) и был исключен из партии Ширдеван».

Георгия Максимовича Пушкина отозвали. Но показали Восточному Берлину, что к нему претензий нет. Его вернули даже не в МИД, а в партийный аппарат — назначили заведующим отделом информации ЦК КПСС, это должность выше министерской. Но составляемые в отделе бумаги не понравились Хрущеву, и в феврале 1959 года Хрущев отдел распустил. Георгий Пушкин занял прежнюю должность заместителя министра иностранных дел.

31 января 1958 года Ширдевана вывели из политбюро и секретариата ЦК. Через несколько дней всю «оппортунистическую фракционную группу» — Ширдевана, Эльснера, Вольвебера и Зельбмана — вывели из ЦК. Единомышленник Ширдевана Герхард Циллер покончил с собой. Эта кадровая операция в газетах именовалась «разоблачением оппортунистической группы». Ширдевана исключили из партии за то, что он «искажал роль партии в рабоче-крестьянском государстве» и «недооценивал вражескую подрывную деятельность». Заодно Ульбрихт избавился от старого коммуниста Фреда Эльснера. В нацистские времена он эмигрировал в Советский Союз, работал в немецкой редакции московского радио. Его не только вывели из политбюро, но и сняли с поста заместителя председателя правительства.

После пленума решили вычистить «провокационные элементы» из партии. Профессора Вольфганга Хариша арестовали 29 ноября 1956 года, руководителя издательства «Ауфбау» Вальтера Янку — 6 декабря.

К чему стремились оппоненты Ульбрихта? Они хотели социализма с человеческим лицом, как сказали бы позже. Карл Ширдеван и его единомышленники были искренними коммунистами. Они желали большего демократизма в партии, считали, что социализм будет легче построить, если снизить уровень противостояния с Западной Германией.

Возможно ли это было? Трудно однозначно ответить на этот вопрос. События 1989 года, когда рухнула ГДР, показали, что коммунистическая система была обречена с самого начала. Более

мягкий, либеральный стиль руководства едва ли бы превратил ГДР в процветающее государство. Но это улучшило бы жизнь в Восточной Германии, смягчило бы напряженность холодной войны. И не появилась бы Берлинская стена в 1961 году.

Вторым человеком в партии стал Эрих Хонеккер.

Эрих Хонеккер в четырнадцать лет вступил в Коммунистический союз молодежи. Когда ему исполнилось восемнадцать, в 1930 году его отправили в СССР учиться в Ленинской школе. Он руководил земельными организациями коммунистической молодежи до прихода Гитлера. В декабре 1935 года он попал в гестапо, прокурор требовал его расстрелять. Имперский суд приговорил к десяти годам заключения. Хонеккер провел в заключении девять лет. Его освободила Красная армия. Он окончил Высшую комсомольскую школу в Москве и возглавлял Союз свободной немецкой молодежи, пока Ульбрихт не забрал его в ЦК партии.

В этой операции Ульбрихту помог ловкий Эрих Мильке, заместитель министра госбезопасности. Он мечтал избавиться от Эрнста Вольвебера, чтобы занять его место.

Первым органом госбезопасности в Восточной Германии был так называемый «пятый комиссариат» (К-5) внутри народной полиции, прообраз политической полиции. Службу государственной безопасности формировали советники из СССР. 7 октября 1949 года появилась Германская Демократическая Республика. 8 февраля 1950 года образовали министерство государственной безопасности — по образу и подобию советских карательных органов. В 1952 году сотрудники МГБ получили воинские звания, как и в СССР.

После берлинского восстания 1953 года Ульбрихт сменил министра госбезопасности. Ульбрихт уже тогда обратил внимание на заместителя министра Эриха Мильке, который демонстрировал безграничную верность генеральному секретарю.

— С Мильке я впервые столкнулся в пятьдесят третьем, — рассказывал мне один из руководителей представительства КГБ при МГБ ГДР Виталий Геннадиевич Чернявский. — Это хитрый и коварный человек с мышлением типичного великогерманского националиста. Он с трудом скрывал свою неприязнь к русским — и чем дальше, тем больше. Мне он сразу был несимпатичен. Впрочем, и он мне отвечал тем же.

По совету Москвы новым руководителем госбезопасности назначили не Мильке, а старого коммуниста Эрнста Вольвебера. Он имел кличку «красный матрос», потому что участвовал в восстании матросов в Киле в 1918 году. В 1921 году вступил в компартию Германии. Он был депутатом прусского ландтага,

руководил подпольной разведывательной и контрразведывательной структурой компартии. После прихода нацистов к власти эмигрировал. По заданию советской военной разведки занимался в Европе диверсиями против немецкого флота.

Министр Вольвебер был мрачен, и его испуганно сторонились. На приемах в советском посольстве он выпивал три больших фужера «Столичной», закуривал сигару и только после этого вступал в беседы. Впрочем, Эрих Мильке достиг вожделенной цели — стал министром госбезопасности. Он провернул ловкую интригу.

Карл Ширдеван дружил с одним профессором, с которым они в нацистские годы вместе сидели в концлагере Заксенхаузен. Этот же профессор поддерживал добрые отношения с западногерманским политиком, которого Ульбрихт считал английским шпионом. Мильке доложил руководителю партии, что Ширдеван через профессора выдает секретные сведения британской разведке, а министр Вольвебер его покрывает.

«Интрига, затеянная Мильке против Вольвебера, — вспоминал Маркус Вольф, — сомкнулась с амбициями Эриха Хонеккера, восхождению которого препятствовал Ширдеван. Нашептывания обоих воздействовали на Ульбрихта, отличавшегося хронической подозрительностью. Ширдеван и Вольвебер были соседями, но, насколько мне известно, никогда не поддерживали близких отношений».

Министра Вольвебера за «фракционную деятельность» вывели из ЦК, лишили мандата депутата Народной палаты и отправили на пенсию. Советское руководство за своего бывшего разведчика не вступилось. Министром госбезопасности стал Эрих Мильке. Он будет занимать этот пост до конца существования Германской Демократической Республики.

Столичный житель Ульбрихт считал Хрущева деревенщиной, который не понимает потребностей большого города. Холодный, контролирующий себя Ульбрихт был шокирован непредсказуемостью Хрущева и его эмоциональными всплесками. Хрущева же раздражала агрессивная, напористая манера Ульбрихта, который постоянно требовал от него помощи. Но в конце концов он оценил приверженность Ульбрихта общему делу.

Политическая судьба Вальтера Ульбрихта складывалась в ожесточенной борьбе, поэтому он привык к тому, что люди вокруг него с ним не согласны, но это не имеет значения — он должен добиваться своего любой ценой. И он давил на Хрущева, требуя во что бы то ни стало решить берлинскую проблему.

Ульбрихт первым публично занял жесткую позицию в

надежде подтолкнуть Хрущева. В речи, произнесенной в октябре 1958 года и опубликованной в главной партийной газете «Нойес Дойчланд», он сказал:

— Берлин находится на территории ГДР… Западные державы разрушили юридические основания для своего присутствия в Берлине; больше у них нет ни законных, ни моральных, ни политических оснований для продолжения оккупации Западного Берлина.

Хрущев не мог до бесконечности уклоняться. Он занялся Берлином с присущей ему напористостью и энтузиазмом. Весь ноябрь 1958 года Никита Сергеевич посвятил берлинским делам. Он дважды выступал на эту тему — 10 ноября и 26 ноября. Хрущев утверждал, что западные державы используют Западный Берлин для агрессивных действий против ГДР и других социалистических стран. Терпеть это невозможно. Ситуация в Берлине, столице ГДР, должна быть нормализована.

А 27 ноября западным державам был предъявлен ультиматум: они должны подписать мирный договор или с единой Германией, или с двумя германскими государствами и предоставить Западному Берлину статус демилитаризованного вольного города, то есть вывести оттуда свои войска. Хрущев дал западным державам шесть месяцев. Если западные державы откажутся, Советский Союз в одностороннем порядке подпишет мирный договор с ГДР и передаст ей контроль над всеми транспортными коридорами, которые соединяют ФРГ с Западным Берлином. И даже откровенно предупредил:

— Власти ГДР не будут такими же гибкими в этих вопросах, как мы.

Это было самое неприятное для Запада.

Военный персонал четырех держав имел полную свободу передвижения во всех четырех секторах Большого Берлина. Советский Союз был обязан обеспечить доступ западным державам в Берлин, где находились их воинские контингенты. В Центре воздушной безопасности в Западном Берлине дежурил советский представитель, которого союзники информировали о своих полетах через советскую зону. Машины и поезда союзников, следовавшие в Западный Берлин через территорию Восточной Германии, проверялись советскими офицерами, а не пограничниками ГДР. Западные державы хотели сохранить свободный доступ к Западному Берлину и не собирались показывать свои документы пограничникам ГДР, которую они не признавали.

Идеи Хрущева оказались неожиданностью для братских стран и для самой ГДР. Восточногерманского посла в Москве Йоханнеса

Кёнига 10 ноября, за несколько часов до первой речи Хрущева, предупредил заведующий 3-м европейским отделом Иван Иванович Ильичев:

— Слушайте выступление повнимательнее, будут важные заявления по германскому вопросу.

Хрущеву нравилась эта простая схема: оккупационный режим отменяется, западные войска выводятся, Западный Берлин оказывается во власти ГДР. Ульбрихт не выразил особой радости. Он хотел не свободный город под боком, а полный контроль над всем Берлином. Идея Хрущева была компромиссом между требованием Ульбрихта получить весь Берлин и нежеланием Москвы устраивать опасный скандал с Западом.

Впрочем, Хрущев был уверен в себе и своих возможностях. Он говорил членам Президиума ЦК:

— Войны не будет. Пять лет назад соотношение сил было иным, тогда у нас не было водородной бомбы, мы не могли достичь территории США. Теперь Америка стала ближе, наши ракеты могут нанести прямой удар.

Разумеется, никто в Президиуме ЦК не возразил Хрущеву. Только когда Никиту Сергеевича отправили в отставку, Громыко поделился с помощниками:

— Войска западных держав были введены в Западный Берлин в 1945 году в обмен на вывод американских войск из Тюрингии и по договоренности сторон. Это означало, что их выдворение из Западного Берлина в обход соглашения было бы произволом. Товарищ Хрущев относился к ультиматумам безответственно, легкомысленно. В результате, мягко говоря, страна попадает в неловкое положение…

Никита Сергеевич жаждал не конфликта, а победы в дипломатической схватке. Он хотел быть в центре мировой политики, хотел, чтобы от него зависело решение главных проблем, верил в свое дипломатическое искусство. Он считал, что захватил Запад врасплох и тем самым обеспечил себе неплохие шансы на победу.

Хрущев хотел участвовать в переговорах с западными лидерами, в первую очередь с американским президентом, и добиться от них важных уступок. Он отправил первого заместителя главы правительства Анастаса Ивановича Микояна в Соединенные Штаты с предложением провести встречу на высшем уровне по Берлину и германскому вопросу.

Единой позиции у Запада не было.

Для Соединенных Штатов Западный Берлин был уязвимым форпостом, который трудно, но необходимо защищать. Если США не смогут защитить Западный Берлин, союзники утратят доверие

к Америке.

— На кону, — говорил Эйзенхауэр, — судьба двух миллионов свободных немцев, которые нам верят и к которым мы не можем повернуться спиной.

А вот англичане не считали Западный Берлин таким уж важным и уж точно не были готовы за него воевать. На эти противоречия в Москве тоже рассчитывали.

Западные страны были готовы к большим уступкам. Британский министр иностранных дел Селвин Ллойд соглашался заменить войска западных держав в Западном Берлине контингентом войск ООН. Государственный секретарь США Джон Фостер Даллес был готов иметь дело с ГДР. Канцлер Аденауэр был категорически против — не собирался уступать Хрущеву и Ульбрихту ни пяди земли. Его поддержал французский президент Шарль де Голль, он не считал возможным уступать советскому давлению и был главным сторонником Аденауэра во время берлинского кризиса.

Никита Сергеевич призывал Ульбрихта к терпению:

— Западникам надо дать время отойти от прежней позиции. Через год они будут слабее, а мы сильнее. В 1961 году ГДР превзойдет ФРГ по уровню жизни. Это будет иметь большое политическое значение. Это будет бомба для них. Американцы не могут признать ГДР по соображениям престижа. Они нас не признавали шестнадцать лет, а вы хотите, чтобы они вас признали через десять лет. Надо подождать.

Возник спор и об отношении к ФРГ. Громыко заметил Ульбрихту, что печать ГДР называет ФРГ незаконным государством, что расходится с советской позицией:

— Федеративная Республика — суверенное государство. Мы ее можем критиковать за милитаризм, но не считать суверенным государством — это вредит нашей тактике.

Ульбрихт стоял на своем:

— ГДР — законное государство, потому что оно выполнило Потсдамские соглашения, а ФРГ — нет.

Хрущев заключил:

— Как ГДР смотрит на эти вопросы — это ваше внутреннее дело. Мы остаемся на своих позициях. Мы не должны повторять вашу позицию. Мы установили дипломатические отношения с двумя германскими государствами и оба считаем суверенными.

Никита Сергеевич рассчитывал на многое, играя с Западом. Ульбрихт же опасался, что в какой-то момент Советский Союз пожертвует ГДР ради большой сделки с Соединенными Штатами. Холодная война ощущалась и внутри одного лагеря. Младший партнер побаивался, что старший за его спиной сговорится с

другой стороной. Этот страх никогда не покидал руководителя ГДР.

«Ульбрихт втайне не доверял Москве, сомневался в ее верности, — вспоминал начальник восточногерманской разведки генерал-полковник Маркус Вольф. — Ульбрихт боялся, что Советский Союз в случае военного конфликта между немецкими «братьями» может предоставить ГДР ее участи».

В Восточном Берлине знали, что Молотов не хотел включать ГДР в Варшавский договор, вопрошал:

— Почему мы должны сражаться с Западом из-за ГДР?

Почему же Хрущев иначе отнесся к Восточной Германии? Почему решил ей помогать? Он действительно верил в коммунизм. Он хотел продемонстрировать всему миру, что ГДР, которая находится на передовой холодной войны, победит ФРГ в соревновании, что коммунизм привлекательнее капитализма. Он видел в ГДР важнейшего участника этого соревнования. Это определило его отношение к Восточной Германии и самому Ульбрихту. Он верил, что мировой социализм настолько окреп, что может одержать победу над капитализмом мирным путем.

К тому же Хрущеву приходилось доказывать всему миру, и прежде всего социалистическим странам, что Советский Союз, а не Китай лидер соцлагеря и что Советский Союз способен защитить всех союзников и о них позаботиться. Эта мысль позже повлияет на его решение отправить ракеты на Кубу.

Сближение Китая и ГДР было неприятным для Москвы. Пекин и Восточный Берлин сошлись на почве неприятия курса XX съезда, критики Сталина и концепции мирного сосуществования. Ульбрихт и Мао Цзэдун опасались, что Хрущев проявит мягкость, уступчивость Западу и не поддержит их усилия в борьбе за возвращение территорий. У них были общие проблемы: враги контролировали их территории — Западный Берлин и Тайвань. Китайцы советовались с восточными немцами, как прекратить бегство из страны — китайцы бежали в Гонконг, находившийся под британским управлением. Китай поставлял ГДР продовольствие.

Ульбрихту даже не надо было заходить слишком далеко в отношениях с Китаем, потому что китайская проблема и так не отпускала Хрущева. С каждым днем это становилось заметнее.

Канцлер ФРГ Конрад Аденауэр говорил приехавшему в Бонн французскому президенту Шарлю де Голлю:

— Моя надежда основывается на том, что Россия будет вынуждена отвести вооруженные силы с Запада и выставить их против красного Китая. Мое убеждение таково, что проблема красного Китая может в один прекрасный день стать величайшей

проблемой для всего человечества. Я считаю, что нужно использовать все способы, чтобы по возможности превратить Россию в плотину против Китая.

Запад шел на уступки. Хрущев считал, что фактор времени на его стороне, что он выигрывает схватку с Западом.

— Смотрите, как все изменилось, — радовался Никита Сергеевич. — Они не хотели нам руки подавать. А теперь Макмиллан приехал. Вице-президент Никсон приезжает.

Президент Эйзенхауэр перестал причинять Советскому Союзу неприятности. Джон Фостер Даллес, самый жесткий оппонент ослабления напряженности, лежал в больнице. И британский премьер-министр Гаролд Макмиллан, к неудовольствию бойцов холодной войны, в феврале 1959 года съездил в Советский Союз и остался очень доволен.

Никита Сергеевич верил, что растущий ядерный арсенал поможет ему взять верх в берлинском кризисе. Хрущев в декабре 1958 года принял решение разместить в ГДР ракеты средней дальности. Восточных немцев в известность не поставили.

Из Новгородской области тайно перебазировали 72-ю инженерную бригаду Резерва Верховного главнокомандующего. На вооружении бригады состояли ракеты Р-5М (по натовской классификации СС-3). Радиус полета — тысяча двести километров, то есть в зоне поражения были Франция, Англия и американские базы на территории Западной Европы. Так, впервые (и за три года до Карибского кризиса) Хрущев разместил ракеты с атомными боеголовками за пределами советской территории.

Все работы велись ночью, чтобы не заметили американские самолеты-разведчики. Но западногерманская агентура следила за железнодорожными перевозками и получила достаточно точную информацию о появлении советского ядерного оружия в ГДР. В мае 1959 года командующий Группой советских войск в Германии маршал Захаров доложил Хрущеву, что ракеты готовы к боевому применению.

23 июня 1959 года бывший американский посол Аверелл Гарриман посетил Хрущева в Сочи и обсуждал с ним берлинский вопрос. Хрущев хотел напугать Гарримана, и ему это удалось. В журнале «Лайф» Гарриман цитировал советского руководителя:

— Ваши генералы говорят, что удержат свои позиции в Западном Берлине с помощью силы. Это блеф. Если вы пошлете танки, они будут сожжены, не сомневайтесь в этом. Если вы хотите войны, вы ее получите, но помните, что это будет ваша война. Наши ракеты взлетят автоматически.

Но тут Хрущева пригласили в Соединенные Штаты. Он воспринял приглашение как свидетельство успеха его политики.

72-ю бригаду так же тайно вывели из ГДР в Калининградскую область. Тем более что уже началось развертывание новых ракет Р-12 с дальностью полета в две тысячи километров, что позволяло нанести удар по целям в Западной Европе непосредственно с советской территории.

Летом 1959 года в Москву приехал тогдашний вице-президент Ричард Никсон. 24 июля он открыл в парке Сокольники первую американскую выставку. Хрущев сам пришел на открытие выставки. Они с Никсоном остановились в павильоне, где были выставлены образцы кухонной техники. Здесь и состоялся знаменитый кухонный спор о преимуществах двух систем.

Никсон пришел к выводу, что Хрущев вовсе не таков, каким он хочет казаться. Большая ошибка считать его человеком, который способен начать войну в припадке гнева. Когда обсуждаются серьезные вопросы, он трезв, холоден и невозмутим. Хрущев маневрировал. То угрозы в адрес империалистов, то оливковая ветвь.

Поездка Хрущева в сентябре 1959 года в Соединенные Штаты была личным успехом советского лидера. Двенадцать дней он путешествовал по стране, встречался с огромным числом людей, многие встречали его восторженно, и это стало своего рода вторым признанием Советского Союза Америкой. Похоже, Никита Сергеевич пришел к выводу, что советскому колхознику лучше учиться у фермеров штата Айова, которые разводят кукурузу, а не у народного академика Лысенко.

Хрущеву представили и директора ЦРУ Аллена Даллеса.

— Наверное, время от времени вам показывают мои разведывательные сводки, — предположил Даллес.

— Я думаю, мы получаем одну и ту же информацию, — немедленно отреагировал Хрущев. — И вероятно, от одних и тех же людей.

— Стоит объединить усилия, — предложил Даллес.

— Нам надо вместе покупать разведывательную информацию, — подхватил Хрущев, — сэкономим деньги.

Потом Хрущев, конечно, пренебрежительно заметил американским журналистам, что он вынужден, разумеется, читать то, что пишет Даллес, но вообще-то предпочитает хорошие романы.

На переговорах в Кэмп-Дэвиде руководители двух стран договорились о встрече в верхах по берлинским делам в Париже в мае 1960 года и об ответном визите Эйзенхауэра в Советский Союз.

Правда, хорошее настроение Хрущева испарилось, когда в

октябре он поехал в Пекин разговаривать с Мао Цзэдуном. 2 октября в Пекине Никита Сергеевич по просьбе Эйзенхауэра поднял вопрос об освобождении из китайских тюрем пяти американских «шпионов». Мао возмутился тем, что Хрущев позволяет себе исполнять поручения американского президента.

Вся затеянная Хрущевым сложная игра зависела от его способности добиться успеха, то есть заставить западников отступить и пойти на уступки. И все рухнуло 1 мая 1960 года, когда его ракетчики сбили американский самолет-разведчик У-2.

Хрущев расставил американцам ловушку, в которую они угодили.

5 мая он сказал, что сбили американский самолет, но ни словом не обмолвился о судьбе пилота, которого взяли живым. Когда американцы сообщили, что это был гражданский самолет, который вел метеорологические исследования и сбился с курса, 7 мая Хрущев сообщил, что пилот жив, all мая добавил, что летчик будет отдан под суд.

Хрущев и Эйзенхауэр должны были увидеться в Париже на встрече лидеров четырех великих держав. На эту встречу возлагались большие надежды.

Пятидесятые годы стали временем, когда казалось, что все ужасное осталось позади. В середине пятидесятых воцарился мир. Кончено, постоянно что-то происходило, и все-таки жили в мире. Это было время экономического подъема и создания того, что назовут социальным государством. В прошлое ушли карточки и нехватки. Выросла продолжительность жизни. Больших успехов достигла медицина. Лучше всего об этом свидетельствовало повышение уровня выживания новорожденных. В Англии в 1935 году из тысячи младенцев пятьдесят семь умирали, в 1950-м цифра сократилась до тридцати, в конце пятидесятых не выживали только двадцать два.

Вообще было ощущение, что худшее позади и больше не вернется. Изменился облик европейских городов. Вечерами они заливались ярким электрическим светом. Люди выходили на улицы погулять и наслаждались жизнью. То, что сегодня кажется естественным, тогда было в новинку и производило сильное впечатление.

Стремление к комфортной жизни объединяло Запад и Восток. Выступая на расширенном заседании президиума Совета министров СССР, Хрущев говорил:

— Товарищ Новиков ездил за границу и мне рассказывал, что ему американцы показывали, какой прочности они делают ткани… Надо поговорить с американцами. Если это поддается продаже, давайте купим, а если не продадут, давайте

разведчикам нашим поручим…

14 мая Хрущев вылетел в Париж. Он считал, что разведывательные полеты — унижение его страны. Если первый секретарь ЦК КПСС не займет жесткой позиции, ястребы внутри страны вцепятся в него. На Хрущева давила жесткая позиция Китая. Он предпочел торпедировать четырехсторонние переговоры, которых так желал, но не показаться слабым и уступчивым.

Хрущев требовал от американского президента извинений, хотя главы государств никогда не принимают на себя ответственность за своих шпионов — именно для того, чтобы нормальные межгосударственные отношения могли продолжаться. Эйзенхауэр же продолжал отстаивать свою правоту: закрытость советской системы делает необходимыми разведывательные полеты. Это еще больше разозлило Хрущева.

Президент Франции Шарль де Голль очень рассчитывал на успех совещания в верхах, надеялся, что оно поможет снизить напряженность между Востоком и Западом. Как хозяин де Голль уговаривал Хрущева успокоиться, говорил, что есть смысл умерить свои претензии к американцам:

— Ну, видите, все меняется, вот ваш спутник летает над Землей, пролетает над территорией Франции — мы же не обижаемся на вас за это.

Но уговоры были бесполезны.

Едва все собрались, Хрущев заявил, что, если президент Соединенных Штатов отказывается принести извинения, то Советский Союз не станет участвовать в переговорах. Встреча закончилась не начавшись.

Премьер-министр Британии Макмиллан считал сбитый самолет У-2 несчастьем, а срыв встречи в верхах в Париже «самым трагическим моментом» в своей жизни.

«Не думаю, что Хрущев приехал в Париж с намерением сорвать совещание в верхах, — считал Аденауэр. — Скорее, наоборот, полагал, что ему удастся добиться от Эйзенхауэра публичного заявления об отказе от дальнейших разведывательных полетов над территорией Советского Союза. Только натолкнувшись на сопротивление Эйзенхауэра, а также на отказ от посредничества де Голля и Макмиллана, он впал в безудержное и бессмысленное бешенство. Он производил впечатление человека, утратившего чувство меры, как это с течением времени происходит со всеми диктаторами…»

Андрей Андреевич Громыко на склоне лет писал в своей книге: «Я иду за Хрущевым, а в голове одна мысль: «Чистый выпендреж!» Хрущев теряет контроль над собой, что для

государственного деятеля недопустимо».

Но тогда министр иностранных дел не посмел возразить первому секретарю ЦК.

«Когда отпадает нужда в обаянии и подтрунивании, — писал о Хрущеве в 1961 году знаменитый американский писатель, лауреат Нобелевской премии Сол Белоу, — он предстает жестким, своевольным и трудным человеком. На переговорах с хорошо информированными людьми, пытающимися оказывать на него давление, он становится груб и агрессивен — привычка к власти лишила его всякой гибкости. Он, похоже, не умеет играть ни по каким правилам, кроме своих собственных…

Фактическое признание своей оплошности для него вещь немыслимая. Он живет с железной необходимостью никогда не ошибаться. Людей, которые ошиблись, он, возможно, ярче всего помнит лежащими в гробу. Для него черта между невозможным и возможным проведена кровью, и иностранцы, которые этой крови не видят, должно быть, кажутся ему большими чудаками».

Обсудить (и, может быть, решить) берлинскую проблему в Париже не удалось. И Хрущев продолжал требовать от западных держав: отмените оккупационный режим и выведите войска. Западные державы отказывались уходить из Берлина.

Когда в Вашингтоне Джон Кеннеди сменил Эйзенхауэра, Хрущев решил, что пора действовать. Новый американский президент произвел впечатление человека неопытного и нерешительного. Но все-таки Никита Сергеевич хотел посмотреть на Кеннеди и увериться в том, что новый президент не пустит в ход армию.

Поздравляя Кеннеди с избранием, Хрущев писал ему: «Мы… готовы развивать самые дружественные отношения между советским и американским народами, между правительствами СССР и США. Мы убеждены, что нет таких препятствий, которые нельзя было бы преодолеть на пути к сохранению и упрочению мира».

Вступая в должность, Кеннеди ответил: «Начнем же все заново, и пусть обе стороны помнят, что вежливость — не признак слабости, а искренность всегда должна подтверждаться делами. Давайте вести переговоры не из страха, но и не страшиться переговоров».

Хрущев стал намекать на желательность встречи. Он действовал через Аверелла Гарримана, через советское посольство, использовались разведывательные каналы, которые вели к брату президента Роберту Кеннеди, назначенному министром юстиции.

22 февраля 1961 года Джон Кеннеди написал Хрущеву,

выразив надежду, что они встретятся в ближайшем будущем. Кеннеди велел американскому послу в Москве Ллевеллину Томпсону предложить Хрущеву встречу в каком-нибудь нейтральном европейском городе.

1 апреля Хрущев назвал Томпсону два города — Стокгольм и Вену. Кеннеди выбрал Вену.

Переговоры начались 3 июля 1961 года в резиденции американского посла в Вене.

Хрущев говорил горячо и темпераментно. Он пытался надавить на молодого президента. У Никиты Сергеевича за спиной был триумфальный полет Юрия Гагарина, а американские астронавты еще ждали на земле, когда будет готова их ракета. Хрущев считал, что его позиция дает ему преимущество.

Никита Сергеевич, видя перед собой молодого президента, начал разговор шуткой:

— Меня тоже в свое время принимали за очень молодого человека, и я еще обижался, что меня считают таким молодым. А теперь я бы с удовольствием поменялся с вами возрастом или поделился бы излишками возраста.

Президент Кеннеди шутки не принял. Он заговорил о главной теме, которая его тревожила, о наступлении мирового коммунизма, который теперь еще обладает ракетно-ядерным оружием. Кеннеди, обращаясь к Хрущеву, сказал:

— Меня больше всего беспокоит то, что вы хотите уничтожить нашу капиталистическую систему, что вы хотите уничтожить наше влияние там, где оно всегда было, что вы вообще хотите уничтожить свободную систему.

Хрущев не только чувствовал себя старше Кеннеди — по возрасту и опыту, он ощущал себя вождем более мощной державы. И разговаривал с Кеннеди не как с политиком, а так, как он привык отвечать на вопросы иностранного журналиста.

— Господин президент, — ответил Хрущев, — я гарантирую вам, что Советский Союз не станет навязывать свои интересы с помощью войны, — вообще смешно навязывать идеи, приносить идеи на кончиках штыков, или, как сейчас можно было бы сказать, на кончиках ракет. Но это не будет означать, что мы, как в школе, сядем за парту сложа руки. Мы уважаем свои идеи, мы поддерживаем свои идеи и не можем гарантировать вам, что они останутся только в пределах наших границ.

Первый день переговоров ни к чему не привел. Два руководителя беседовали между собой на разных языках в прямом и переносном смысле. Провожая Хрущева, президент Кеннеди сказал тоскливо:

— Да, господин председатель, похоже, с вами еще труднее

договариваться, чем с президентом Шарлем де Голлем.

Никита Сергеевич хотел быть в центре мировой политики, чтобы без него ничего не решалось. Он не сомневался, что Кеннеди придется уступить.

«Кеннеди — молодой, энергичный, интеллигентный, — вспоминал советский дипломат Валентин Фалин. — Такие приемы Хрущева, как «я старше вас, надеюсь, вы не сочтете неуместным, если, исходя из своего жизненного опыта, дам совет…», как в вату. Джон Кеннеди пропускает их мимо себя».

На следующий день переговоры продолжились в здании советского посольства в Вене. Американские дипломаты предупреждали президента:

— Хрущев, несомненно, не хотел бы рисковать большой войной. Но реальная опасность состоит в том, что он может не сознавать, что дело идет к войне. Его необходимо недвусмысленно предупредить, что Соединенные Штаты не позволят выставить себя из Берлина.

Джон Кеннеди понимал, что должен продемонстрировать твердость, но не знал, как это сделать. В Париже Шарль де Голль объяснил американцу:

— Важно, чтобы Хрущев поверил в твердость западной позиции. Но существует опасность, что он вам не поверит.

Разговор зашел о Берлине и сразу же приобрел очень жесткий характер. Президент Кеннеди объяснял свою позицию:

— Господин председатель, Соединенные Штаты находятся в Западном Берлине по праву победителя в войне, это право не может быть отменено в одностороннем порядке. Кроме того, каждый американский президент подтверждает те гарантии, которые наша страна дала другим государствам. Если мы откажемся от этих гарантий, нам же никто не будет верить. Если нас вытеснят из Западного Берлина, гарантии, которые мы дали Европе, ничего не будут стоить.

Но Хрущев держался очень твердо:

— Господин президент, если вы будете настаивать на праве доступа в Западный Берлин после того, как мы подпишем мирный договор с Германской Демократической Республикой, то вы рискуете. Имейте в виду, если ваши войска пересекут границу ГДР, мы ответим на вашу агрессию.

Кеннеди уточнил:

— Господин председатель, вы готовы пойти на военное столкновение Соединенных Штатов и Советского Союза из-за статуса Западного Берлина? Господин председатель, начать войну легко, значительно сложнее сохранить мир.

Хрущев был уже вне себя:

— Господин президент, мы войны не хотим, но если вы ее начнете, то будет война. Только имейте в виду, что мы от своего решения не отступимся и в декабре подпишем договор с Германской Демократической Республикой.

И тогда Кеннеди произнес фразу, которая вошла в историю:

— В таком случае, господин председатель, зима в этом году будет холодной.

Молодой Джон Кеннеди не произвел впечатления на Хрущева. Вернувшись в Москву, Никита Сергеевич пренебрежительно заметил:

— Да, если сейчас у американцев такой президент, то мне жаль американский народ.

Министр иностранных дел Громыко, выступая на партактиве Министерства иностранных дел, сказал:

— Если попытаться образно выразиться, то это была встреча гиганта и пигмея.

Поэт и главный редактор журнала «Новый мир» Александр Трифонович Твардовский, прочитав материалы встречи в Вене, записал в дневнике: «Порядочно смущен заключительной беседой Никиты Сергеевича с Кеннеди. Не может же быть, чтобы мы впрямь напрашивались на войну».

Обмен язвительными выпадами между двумя руководителями продолжился заочно.

— Говорят, что Западный Берлин невозможно защитить, — заявил публично Кеннеди. — То же в войну говорили и о Сталинграде. Любую позицию можно сделать неприступной, если люди — храбрые люди — берутся за это. Мы не хотим воевать, но мы не позволим коммунистам выбросить нас из Берлина.

Но Хрущев не верил в готовность американцев сражаться за Берлин. На своей даче на Черном море Никита Сергеевич принял американского дипломата Джона Макклоя и сказал ему:

— Если западные войска попытаются силой проложить себе путь в Берлин, мы будем противостоять вам силой. Война будет термоядерной. Вы и мы, вероятно, выживем. Но все ваши европейские союзники будут уничтожены.

Никита Сергеевич так расписывал мощь термоядерного оружия, что маленькая дочь Макклоя расплакалась.

Даже если что-то не получалось, Хрущев мог утешить себя, что он стал одним из главных игроков на мировой сцене. Вальтер Ульбрихт не имел такой компенсации. Он не мог остановить бегство сограждан, особенно молодых и образованных.

Бегство из ГДР принимало пугающие масштабы. В феврале 1960 года убежало около десяти тысяч человек, а в мае вдвое больше. Ульбрихт жаловался, что Федеративной Республике

помогают Соединенные Штаты и западноевропейские страны, поэтому западные немцы восстановили свои города, платят рабочим высокую зарплату и сокращают рабочий день. Учителя и врачи получают на Западе вдвое больше. И промышленное производство в ФРГ растет более быстрыми темпами. Ульбрихт втолковывал Хрущеву:

— Мы понимаем, что наши просьбы требуют больших жертв от вас, но вы понимаете, что нашей экономике необходимо помочь.

Хрущев не мог бесконечно отмахиваться от просьб и требований ГДР. Его собственная репутация тоже зависела от ситуации в Восточной Германии. Поэтому он удовлетворял просьбы Ульбрихта, говорил:

— Ваши заботы — это и наши заботы.

Когда Хрущев осознал, в каком бедственном положении находится ГДР, он сказал Ульбрихту:

— Мы и не подозревали, что ГДР так экономически уязвима.

Он принял решение оказать масштабную помощь, чтобы ГДР победила в соревновании с ФРГ. Тем не менее он призвал немецких товарищей тоже работать активно, учиться стоять на двух ногах, а не во всем полагаться на Москву. Он отказался дать Ульбрихту золото, чтобы он расплатился с долгами Западу:

— Вы просите шестьдесят восемь тонн золота. Это неприемлемо. Не должно быть ситуации, когда вы покупаете товары, а мы за них платим. У нас не так много золота, мы должны держать его на случай крайней необходимости.

Ульбрихту нужно было заставить Хрущева сделать то, чего советский лидер в общем не хотел, — согласиться на стену. Поле маневра для Хрущева между позицией Запада и требованием Ульбрихта перекрыть границу с Западным Берлином сужалось.

В сентябре 1960 года Ульбрихт начал действовать.

Власти ГДР потребовали от западных дипломатов, аккредитованных в Бонне, получать разрешение на посещение Восточной Германии и Восточного Берлина. Проверить серьезность намерений решил американский посол в Бонне Уолтер Даулинг. 21 сентября он прилетел в Западный Берлин, 22 сентября попытался въехать в Восточный Берлин.

Его остановил пограничник:

— Дипломаты, аккредитованные в Бонне, не могут въезжать в демократический сектор Берлина. Вам придется развернуться и ехать назад.

Посол настаивал, поскольку одновременно он был главой американской миссии в Берлине. Пограничник потребовал предъявить документы, хотя посол находился в лимузине с

дипломатическими номерами и флажком. Посол показал свою дипломатическую карточку, тем самым признав право пограничников ГДР требовать документы от представителей стран-победительниц. Американца в конце концов пропустили. Он покатался по Восточному Берлину и вернулся назад.

Для Москвы инициатива Ульбрихта оказалась малоприятным сюрпризом. Посла ГДР пригласили в Министерство иностранных дел и попросили все рассказать. Советские дипломаты отметили, что их не просят предъявить документы, когда из Восточного Берлина они переезжают в Западный.

Никита Сергеевич пытался одновременно играть на нескольких досках — хотел и проблему Западного Берлина решить, и добиться торжества социализма над капитализмом на немецкой земле, и улучшить отношения с Западом. Ульбрихт же считал, что победа социализма возможна только при условии полного закрытия западноберлинского вопроса. Ульбрихт делал все, чтобы обратить Хрущева в свою веру.

4 января 1961 года на заседании политбюро ЦК СЕПГ было принято решение найти способ прекратить бегство из республики. Образовали рабочую группу в составе второго секретаря ЦК Эриха Хонеккера, министра внутренних дел Карла Марона и министра госбезопасности Эриха Мильке.

Вальтер Ульбрихт хотел получить свою часть выгоды от советско-китайского конфликта и в январе 1961 года отправил в Пекин делегацию во главе с членом политбюро Германом Матерном. Делегация сделала остановку в Москве. Удивленным советским друзьям восточные немцы сказали, что тема переговоров — экономика. В реальности говорили о том, как похожи проблемы Тайваня и Западного Берлина. Китайский премьер Чжоу Эньлай сказал в июне 1961 году восточногерманскому послу:

— Социалистический лагерь ведет борьбу на два фронта — один на Востоке, другой на Западе. Стратегический фронт — западный. Мы понимаем, какой тяжелый груз лежит на ГДР. Германия — это главная проблема. Мы поддерживаем вашу борьбу.

Хрущеву приходилось доказывать, что он более надежный партнер, чем Мао.

15 июля Ульбрихт провел пресс-конференцию. Корреспондентка газеты «Франкфуртер рундшау» поинтересовалась у Ульбрихта, намерен ли он возвести стену.

— Я так понимаю ваш вопрос, — ответил Ульбрихт, — что в Западной Германии есть люди, которые хотят, чтобы мы мобилизовали строителей на возведение стены. Мне ничего не

известно о таких намерениях. Строители в нашей стране заняты возведением домов, свободных рук нет. Нет и намерения строить стену.

На следующий день люди в ужасе побежали из ГДР, зная привычку социалистических руководителей опровергать то, что уже делается. В июле 1961 года каждый день в Западный Берлин убегала тысяча человек.

29 июня в Москве Президиум ЦК КПСС обсуждал просьбу Ульбрихта собрать руководителей стран Варшавского договора. Встречу назначили на 3 августа.

Хрущев пришел к выводу, что нельзя позволить ГДР истечь кровью — если ее и дальше будут покидать самые образованные и толковые молодые люди, у социалистической Германии нет будущего. Он поручил советскому послу Михаилу Георгиевичу Первухину немедленно встретиться с Ульбрихтом и сообщить о согласии.

Страны Варшавского договора не уведомили заранее, зачем их представителей срочно собирают в Москве. Громыко и Андропов 28 июля доложили в Президиум ЦК, что любая информация «может стать известной западным державам».

20 июля председатель КГБ Александр Николаевич Шелепин информировал Хрущева, что советская разведка выявила признаки подготовки Запада к военному конфликту и эти меры «могут представить серьезную угрозу безопасности Советского Союза». Президент Кеннеди увеличил военный бюджет на три с половиной миллиарда долларов, призвал резервистов. Он попросил конгресс выделить двести миллионов долларов на гражданскую оборону, в том числе на строительство убежищ.

25 июля Джон Кеннеди выступил с речью, которая транслировалась по радио и телевидению. Он сказал, что в Берлине проверяются мужество и сила воли Запада:

— Мы не можем и не позволим коммунистам выбросить нас из Берлина — постепенно или силой. Мы должны выполнить обязательства перед свободными людьми Западного Берлина — обеспечивать их права и их безопасность даже перед лицом грубой силы — ради того, чтобы поддержать уверенность других свободных людей в нашем мире.

Если Хрущев и его окружение внимательно читали речь Кеннеди, то, должно быть, обратили внимание на то, что американский президент говорил исключительно о Западном Берлине. Кеннеди заметил своему помощнику Уолтеру Ростоу:

— Хрущев теряет Восточную Германию, а он не может себе это позволить. Он должен что-то предпринять, чтобы остановить поток бегущих из страны. Возможно, построить стену. И мы не в

силах это предотвратить.

В определенном смысле Хрущев, столкнувшись с решительной позицией Кеннеди по берлинскому вопросу, отступил. Он отказался от попытки получить весь Берлин и удовлетворился восточной частью города.

Считается, что решение воздвигнуть Берлинскую стену приняли на встрече в Москве 3–5 августа 1961 года. В реальности к тому времени решение уже было принято. Ульбрихт прилетел в Москву 1 августа в сопровождении шестидесяти человек. Он попросил о встрече с Хрущевым. Сказал ему, что самое удобное время для строительства стены — ночь с субботы на воскресенье, когда на улицах меньше всего людей. Договорились, что это будет ночь с 12 на 13 августа.

Совещание провели не только для того, чтобы оповестить товарищей по Варшавскому договору. Ульбрихт описал, какой ущерб его стране наносит бегство людей. В частности, рассказал, что приходится повышать уровень жизни, хотя экономика этого не позволяет, и закупать товары на Западе, за которые нечем расплатиться. Если результатом стены станет экономическая блокада, всем придется помогать ГДР.

Хрущев сильно сомневался, что экономический бойкот возможен. Но выступавшие после Ульбрихта руководители Чехословакии Антонин Новотный и Польши Владислав Гомулка были весьма встревожены такой перспективой. Гомулка говорил, что у Польши тоже серьезные проблемы и она в долгу у Запада. Заметил, что в случае экономической блокады Восточная Германия должна продавать свои товары высокого качества не на Запад, а братским странам. Новотный был еще более пессимистичен. Он произнес ритуальную фразу, что ГДР надо помогать, но заговорил о собственных экономических проблемах, особенно в сельском хозяйстве, объяснил, что продуктами помочь восточным немцам не сможет.

Хрущев пришел на помощь Ульбрихту:

— Запад, как выяснилось, не такой уж твердый, как мы полагали. Конечно, никто не может дать гарантии, что войны не будет. Всегда надо готовиться к худшему.

Никита Сергеевич призвал помочь немцам:

— Сейчас наши военные по согласованию с ГДР принимают некоторые меры. Думаем танки поставить в оборону по всей границе. Надо везде крепко закрыть, так как противник может искать слабое место… Я считаю, что нам надо помочь ГДР. Я говорил нашим экономистам и Госплану, сколько раз говорил, но, видимо, пока гром не грянет, мужик не перекрестится… Если сейчас со вниманием не отнестись к нуждам ГДР и не пойти на

жертвы, немецкие товарищи не выдержат, внутренних сил у них не хватит. А что это значит, если будет ликвидирована ГДР? Это значит, бундесвер подойдет к польской границе, выйдет на границу с Чехословакией, это значит, бундесвер подойдет ближе к нашей советской границе и к границам других стран.

Хрущев был раздражен жалобами руководителей Польши и Чехословакии. Он сказал, что готов отправить в ГДР пятьдесят — сто тысяч человек, чтобы они работали, раз экономике Восточной Германии не хватает рук.

В эти дни в советскую группу войск в Германии дополнительно перебросили еще четыре тысячи солдат. На границу с Федеративной Республикой скрытно выдвинули танки.

12 августа 1961 года в четыре часа дня Вальтер Ульбрихт подписал приказ о закрытии границы между секторами. Операция началась в полночь.

Стена рассекла семьдесят шесть улиц, пять железнодорожных веток, четыре линии подземки. К утру 13 августа город был разделен. Вальтер Ульбрихт пригласил советского посла Первухина и попросил:

— Доложите товарищу Хрущеву: приказ выполнен, все в порядке.

13 августа появилось распоряжение советских военных властей о закрытии сообщения между Восточным и Западным Берлином и о запрещении жителям Восточного Берлина работать в западной части города. 15 августа три западных коменданта отправили письма протеста советскому коменданту по поводу заградительных мер на секторальной границе.

19 августа в Западный Берлин прилетел вице-президент Соединенных Штатов Линдон Джонсон. Он заявил, что изоляция Восточного Берлина — признание слабости коммунизма. 20 августа в Западный Берлин был переброшен американский контингент численностью в полторы тысячи солдат. Ни советские военные власти, ни полиция ГДР не чинили им никаких препятствий. Появление американской военной колонны было эмоциональной реакцией в надежде поддержать моральный дух западноберлинцев.

23 августа Советский Союз направил ноту трем западным державам, указав на злоупотребление воздушными коридорами для переброски в Западный Берлин «западногерманских агентов, реваншистов и милитаристов».

24 августа последовала ответная нота американского правительства: представители западных держав имеют право на беспрепятственный доступ в Берлин и на полную свободу передвижения в городе.

Вальтер Ульбрихт все равно был недоволен тем, что Москва сохранила представителям оккупационной администрации трех западных держав беспрепятственный доступ в Восточный Берлин. Советские дипломаты докладывали в Москву, что власти ГДР постоянно чинят препятствия американцам, словно желая повредить отношениям СССР с США. Маршал Конев безуспешно жаловался Ульбрихту и Хонеккеру на беспорядочный огонь на границе, который открывают восточные немцы. Министры иностранных дел Громыко и обороны Малиновский просили Хрущева поговорить с Ульбрихтом, чтобы избежать перестрелки на границе.

Ульбрихт явочным порядком пытался сорвать любое советское сотрудничество с западными странами в Берлине.

Сначала власти ГДР оставили внутри города тринадцать контрольно-пропускных пунктов. 23 августа сократили до семи. Пять для граждан ФРГ, один — для западных берлинцев на Инвалиденштрассе и один для иностранцев — чек-пойнт Чарли (чек-пойнт Альфа неподалеку от города Хельмштедта служил для пересечения границы между двумя частями Германии, чек-пойнт Браво использовался для въезда в Западный Берлин со стороны ГДР).

Министр иностранных дел ГДР Отто Винцер вновь предложил требовать от всех западных дипломатов предъявлять документы, несмотря на дипломатические номера на машине, — иначе они будут нелегально вывозить в своих машинах граждан ГДР. На сей раз это едва не привело к войне.

22 октября 1961 года сотрудник народной полиции ГДР потребовал документы от заместителя руководителя американской миссии в Западном Берлине Алана Лайтнера. Он собирался с женой в оперу в Восточном Берлине. Когда его не пропустили, дипломат позвонил генералу Люциусу Клею, которого Кеннеди отправил в Западный Берлин для поднятия духа. Генерал решил доказать, что он добьется права американских дипломатов свободно ездить по Берлину.

Машину дипломата окружил военный эскорт на трех джипах, и колонной они въехали в Берлин. В следующий раз, когда Алан Лайтнер собрался в Восточный Берлин, к контрольно-пропускному пункту подъехали четыре американских танка.

Советские дипломаты снова уверили американцев, что произошла ошибка — официальные представители трех держав имеют право беспрепятственно ездить по Берлину. Но власти ГДР объявили, что гражданскому персоналу союзников все равно придется показывать на КПП документы. Генерал Клей был готов с помощью силы доказать, что эти правила не будут действовать.

Напряженность росла.

В Москве шел XXII съезд партии. Валентин Фалин рассказывал, что Хрущев устроил совещание с военными и дипломатами.

— Получены данные, — говорил Хрущев, — что американцы затевают в Берлине пробу сил. Они собрались пройти танками, оснащенными бульдозерными ножами, по пограничным сооружениям ГДР. Вопрос стоит так: или мы дадим отпор, или утратим контроль над ситуацией. Решено командировать в ГДР маршала Конева, чтобы он принял на себя командование советской группой войск. Если американцы выведут на исходные позиции свои танки, наши в полной боевой готовности выдвинутся навстречу. Если американские машины начнут крушить погранзаслоны, приказываю стрелять по ним на поражение.

27 октября на КПП уже стояли по десять танков с каждой стороны. Они оставались там долгие шестнадцать часов. Это был первый и единственный случай прямого советско-американского военного противостояния за всю историю холодной войны. Столкновение могло автоматически перейти в третью мировую войну.

Несколько американских танков были оснащены бульдозерными экскаваторами. Советские военные решили, что генерал Люциус Клей и в самом деле намерен снести Берлинскую стену. Но в Вашингтоне советские разведчики и дипломаты вступили в диалог с американскими коллегами. Джон Кеннеди попросил отвести советские танки и обещал, что немедленно вслед за этим уберет и американские. Хрущев согласился.

Утром 28 октября советские танки отошли от КПП, на столько же отошли американские. Советские машины сдали еще назад, тот же маневр повторили американские танкисты. Так в несколько приемов танки покинули чек-пойнт Чарли.

Хрущев уверенно говорил, что американцы ни за что не вмешаются. Но некая настороженность не покидала советских политиков и военных: а вдруг молодой президент все-таки решится?

Офицер американской военно-морской разведки коммандер Джон Фэйи входил в число четырнадцати западных военных наблюдателей, которые имели право инспектировать советские войска на территории Восточной Германии (такая же группа советских офицеров действовала на территории ФРГ). Он вспоминал, как советские военные совершенно неожиданно пригласили его на прием по случаю дня Советской армии и Военно-морского флота 23 февраля 1962 года. Тост следовал за

тостом, звучали одни и те же пожелания:

— Мы войны не хотим, так и передайте, пожалуйста, вашему президенту.

Джон Кеннеди почувствовал нечто вроде облегчения: может быть, теперь, после появления стены, кризис вокруг Берлина закончится. Президент сказал помощникам:

— Это не самое приятное решение, но это лучше, чем война. Если бы Хрущев хотел захватить Западный Берлин, зачем ему строить стену?

Все, что мог сделать американский президент, — это приехать в Западный Берлин и морально поддержать жителей города. Выступление оказалось столь впечатляющим, что ему посвящена мемориальная табличка на здании сената Западного Берлина.

Самые поразительные слова Кеннеди нашел за несколько минут до начала выступления. В кабинете правящего бургомистра Западного Берлина Вилли Брандта он наскоро заучил их немецкий перевод.

Джон Кеннеди, выражая солидарность с жителями города, разделенного стеной, произнес свои знаменитые слова:

— Все свободные люди на Земле, где бы они ни жили, ощущают себя гражданами Западного Берлина. И я, как свободный человек, с гордостью заявляю: «Я — берлинец!»

Последние слова он произнес по-немецки, и огромная толпа отозвалась благодарными аплодисментами.

«Интерес к Берлину стал ослабевать, — констатировал британский журналист Джон Мэндер, автор книги «Берлин. Заложник Запада». — Стена стала предметом шуток, ее часто осматривали многочисленные знатные путешественники, ее без конца фотографировали. В конце концов к ней привыкли…

Меня поразила невзрачность стены, когда я впервые ее увидел. Она словно просила, чтобы ее сломали; танк или бульдозер мог бы сровнять ее с землей скорее, чем вы успеете произнести «Вальтер Ульбрихт». В таком виде стена наносила оскорбление Западу и провоцировала его. Великая Китайская стена не просто обозначала границу — она защищала от вторжения врага. Стена Ульбрихта была иного сорта, поначалу ее легко было сломать. Сама непрочность этой стены давала основание думать, что коммунисты считали, что Запад и не попытается ее разрушить»…

В ГДР стену называли «антифашистским защитным валом». На Западе — «стеной позора». Стена подчеркнула разницу между двумя немецкими государствами. Восточные немцы смирились: значит, нужно жить здесь. Существование ГДР продлилось еще на

тридцать лет. Те, кто мечтал уехать на Запад, почувствовали себя заключенными в большом лагере, обнесенном колючей проволокой. Кому было невмоготу, пытались бежать.

«Детей и стариков спускали из окон домов, стоявших на линии границы, на «канатах», связанных из простыней, — вспоминал генерал-полковник Маркус Вольф. — Многие падали на полотнища, расстеленные западноберлинскими пожарными. Были прорыты десятки примитивных тоннелей, по которым сотни людей, рискуя жизнью, искали путь на Запад, а некоторые пытались уползти по канализационным трубам, пока и их не перегородили решетками».

Берлинская стена прошла через Потсдамскую площадь, исторический центр Берлина, где в 1924 году появился первый светофор. Площадь превратилась в безлюдное поле боя — минные поля, сторожевые вышки, противотанковые надолбы, собаки и пограничники с приказом стрелять на поражение. Бегство из социалистической ГДР продолжалось — только теперь это стало смертельно опасным.

К 20 сентября 1961 года четыреста семнадцать человек ускользнули в Западный Берлин. 15 августа пограничник стрелял в супружескую пару, которая переплывала Тельтов-канал, но промахнулся. 29 августа убили человека, который тоже пытался уплыть в Западный Берлин. Второй секретарь ЦК Эрих Хонеккер приказал сделать побег невозможным. За двадцать восемь лет существования стены застрелили сотни граждан ГДР, пытавшихся покинуть социалистическое государство.

После возведения стены советское руководство отправило самодовольное письмо китайским товарищам: «Мероприятия 13 августа 1961 года еще раз убедительно подтвердили правильность вывода о том, что в наше время империализм уже не всесилен, что он утратил возможность определять мировую политику и навязывать ее народам. Ему пришлось проглотить горькую берлинскую пилюлю, хотя весь мир увидел, что эта акция нанесла серьезный удар по престижу западных держав, и прежде всего США».

А в секретном решении Президиума ЦК КПСС записали: «Поручить Госплану СССР и Министерству внешней торговли изучить возможности дополнительной поставки мяса в ГДР и свои предложения доложить ЦК КПСС».

Отравленные сигары и ракеты на Кубе

3 января 1961 года в половине десятого утра президент Соединенных Штатов Дуайт Эйзенхауэр вместе со своими советниками обсуждал ситуацию на Кубе. Эйзенхауэру оставалось пробыть всего восемнадцать дней на посту президента, но ему предстояло принять решение, которое будет иметь далекоидущие последствия.

Ситуация на Кубе давно внушала Вашингтону беспокойство. Партизанское движение с конца пятидесятых угрожало власти диктатора Фульхенсио Батисты, который вполне устраивал американцев. Руководитель резидентуры ЦРУ на Кубе уговорил своего директора Даллеса прилететь и помочь убедить Батисту создать контрразведку, которая бы сражалась с коммунистическими подрывными элементами, а не с его политическими конкурентами.

Аллен Даллес прилетел, но выяснилось, что Батиста вышел на яхте в море, отдыхает и никто не знает, когда он вернется. Даллес погулял по Гаване и вернулся во Флориду. У него было свободное время, и Даллес согласился навестить старого знакомого — бывшего посла в Лондоне Джозефа Кеннеди.

Дверь открыла очаровательная женщина, выяснилось, что это жена одного из его сыновей — Жаклин. В кабинете на софе на спине лежал молодой человек, в котором Даллес узнал младшего сенатора от Массачусетса. У Джона Кеннеди болела спина, но он встал, чтобы поговорить с директором ЦРУ. Но тут выяснилось, что Батиста ждет Даллеса. Вместо беседы с сенатором Кеннеди директор ЦРУ опять полетел на Кубу.

Фульхенсио Батиста, в белом костюме, угостил его сигарами и согласился с помощью ЦРУ создать на Кубе Бюро по борьбе с коммунистической активностью. Это ему не помогло, и он лишился власти. Теперь Кубой руководил Фидель Кастро, в Вашингтоне не знали, как к нему относиться. Поговорить с Кастро взялся государственный секретарь Кристиан Гертер, который занял этот пост после смерти Джона Фостера Даллеса.

Гертер был дипломатом, издателем, дважды избирался губернатором Массачусетса. Гертеру было шестьдесят два года, но проблема состояла в том, что он страдал остеоартритом и передвигался на костылях. Он отказывался от назначения, ссылаясь на недомогание. Эйзенхауэр настаивал. Он попросил Гертера пройти полный медосмотр, чтобы врачи сказали,

позволяет ли его состояние исполнять обязанности государственного секретаря, которому постоянно приходится путешествовать по миру. Врачи пришли к выводу, что Гертер может стать государственным секретарем, копию заключения прислали президенту страны.

Фидель Кастро приехал. Кристиан Гертер позавтракал с ним, а вице-президент Ричард Никсон провел с кубинским лидером три часа, пытаясь убедить его двинуться в сторону демократического пути. Гертер сообщил Эйзенхауэру: «Кастро — загадка. Трудно представить, чтобы он отказался от своего радикального курса». Президент пометил: «Оставить в архиве. Через год проверим».

В Москве Фиделя Кастро тоже не знали.

В декабре 1958 года Прага обратилась в Москву за советом: никому не известные кубинские партизаны во главе с Фиделем Кастро просят продать им оружие через подставную костариканскую фирму. Разрешение было дано: правда, продавали только остатки трофейного, немецкого оружия и то, что чехи делали сами. Чехословакия традиционно продавала оружие тем, кому нельзя было — по соображениям высокой политики — напрямую передавать советские образцы.

Через год, в сентябре 1959 года, Варшава сообщила в Москву, что новые кубинские власти через польского посла в Швейцарии просят продать им оружие. Для этого они готовы использовать контролируемую ими австрийскую фирму.

Министерство иностранных дел и международный отдел ЦК КПСС были против: зачем злить американцев? Но Хрущев распорядился оружие отправить. Он словно чувствовал, что победа партизан на Кубе открывает перед ним новые возможности. Фидель Кастро стал первым союзником Москвы в Латинской Америке.

Теперь уже директор ЦРУ уверял, что вождь кубинских партизан Фидель Кастро «похож на кубинского Гитлера». Подчиненные рекомендовали Даллесу убрать Кастро. Даллесу не нравилась идея покушения. Он предпочитал давить на кубинский режим с помощью экономических санкций. Но заместитель директора ЦРУ по оперативной работе Ричард Биссел считал, что иначе от Кастро не избавиться.

Наняли мафию убить Фиделя — организованная преступность готова была помочь, потому что в результате революции потеряла на Кубе деньги, вложенные в индустрию азартных игр. ЦРУ снабдило мафию отравленными шоколадом и сигарами, предназначенными для Кастро. Но, разумеется, ничего из этих планов не вышло. Кастро от души веселился, читая в

газетах, что его хотят убить.

Британский премьер-министр Гаролд Макмиллан посочувствовал президенту Эйзенхауэру:

— Кастро — это ваш Насер. Поскольку Куба у вас под боком, стратегические последствия его прихода к власти важнее экономических. Я чувствую, что от Кастро следует избавиться. Но это опасная операция, и я только надеюсь, что вам это удастся.

Дуайт Эйзенхауэр был обеспокоен тем, что на Кубе все еще находятся две-три тысячи граждан Соединенных Штатов. А что, если их начнут расстреливать? Президент приказал ЦРУ свергнуть революционный режим.

Во время предвыборных дебатов кандидат в президенты Джон Кеннеди призывал провести военную операцию, чтобы сбросить Фиделя Кастро. Его соперник Ричард Никсон, как действующий вице-президент, знал, что операция уже готовится и на тренировочной базе в Гватемале началось обучение эмигрантов-кубинцев. Но Никсон не мог об этом сказать, и получилось, что Кеннеди занимает более твердую позицию.

«Я завтракала в Белом доме с человеком, которого знала с детства, — с Джоном Кеннеди, — вспоминала журналистка Клэр Бут Люс. — Речь зашла о Кастро.

— Господин президент, — сказала я, — каким бы великим ни был любой человек, история отведет ему не более одной фразы. Джордж Вашингтон основал нашу страну. Авраам Линкольн освободил рабов и сохранил единство страны. Уинстон Черчилль спас честь Европы.

— Как вы думаете, Клэр, — спросил Джон Кеннеди, — что история скажет обо мне?

— Господин президент, история оценит вас как человека, который либо сумеет остановить коммунистов, либо не сумеет».

17 апреля 1961 года у берегов Кубы появились суда, на которых находились антикастровские повстанцы. Обученные ЦРУ эмигранты высадились в заливе Свиней. Для Джона Кеннеди, который сменил Эйзенхауэра на посту президента, это была чужая операция. Одно дело призывать к свержению Кастро во время предвыборных дебатов, другое — отдать приказ вооруженным силам сделать это.

Он чувствовал себя неуверенно, потому что победил кандидата от Республиканской партии Ричарда Никсона с минимальным перевесом. Он не имел внушительного мандата американского народа. И ему не хватало административного опыта. В сенате он не написал ни одного заметного законопроекта и не возглавлял ни одного важного комитета. Джон Кеннеди не раз говорил:

— Это отличная мысль. Нужно подумать, как нам получить согласие аппарата на ее принятие.

В первый день президентства Джон Кеннеди пришел в Овальный кабинет без десяти девять утра. Стол пустой, ящики пустые — кроме инструкции о том, что делать в случае ядерной атаки. Он вызвал помощника и улыбнулся:

— И что же, черт побери, я должен делать?

На совещании, где окончательно решался вопрос, высаживаться ли на Кубе, он ничего не обсуждал, а только спрашивал, за или против все присутствующие. Большинство поддержали высадку, несогласные на совещании не присутствовали. Ему следовало бы просить не простого ответа, а сложного. Тогда он бы понял всю опасность намеченного.

И все же его обуревали сомнения. Кеннеди приказал своему флоту не участвовать в этих делах. Он запретил высаживаться в районе города Тринидад, велел сделать это ночью в пустынном местечке залив Свиней. В последний момент отказался отправить самолеты прикрытия с американского авианосца. Это обрекло высадку на неудачу.

Американская разведка недооценила военные возможности Кастро. Англия еще в 1958 году продала Батисте семнадцать истребителей с ракетами класса «воздух — земля». Эти самолеты Кастро бросил в бой.

18 апреля 1961 года полторы тысячи кубинских эмигрантов из бригады № 2056 под командованием коммандера Хосе Переса Пепе Сан-Романа попали под удар кубинских войск. У него кончались боеприпасы, и он обращался по радио за помощью:

— Пожалуйста, не бросайте нас. Вы понимаете, что ситуация безнадежная? Утром нас раздавят танки. Нам нечем сражаться. Как вы могли нас бросить?

Армия и милиция Кастро действовали быстро и умело. За три дня с повстанцами было покончено. Сто четырнадцать человек были убиты, тысячу сто взяли в плен.

Кеннеди обвиняли в том, что он бросил людей умирать.

— Если бы я отправил на Кубу хотя бы одного морского пехотинца, — отвечал президент, — мы бы мигом увязли. Я не хотел втягивать Соединенные Штаты в войну, которую бы мы проиграли. Это бы превратилось в кровопролитие. Понятно, джентльмены?

По всему миру прошли демонстрации протеста.

— В нашу страну вторглись наемники из Гватемалы и Флориды, — говорил на заседании Совета Безопасности ООН министр иностранных дел Кубы.

Американский представитель Эдлай Стивенсон все отрицал:

— Эти обвинения абсолютно безосновательны. Соединенные Штаты не совершали агрессивных действий в отношении Кубы. Ни с территории Флориды, ни из каких-либо иных районов США.

Неудачная акция сильно повредила репутации Джона Кеннеди, который пытался завоевать симпатии третьего мира.

— Все загадки, связанные с заливом Свиней, уже решены, — возмущался Кеннеди. — Кроме одной. Как могли те, кто планировал эту операцию, рассчитывать на успех? Я этого не понимаю и не знаю, кто понимает.

По соображениям безопасности бумаг не составляли, все держал в голове заместитель директора ЦРУ Ричард Биссел. Ему пришлось уйти первому. Чтобы сбить накал критики, президент пожертвовал и директором ЦРУ Алленом Даллесом, заменив его бывшим руководителем комиссии по атомной энергии Джоном Маккоуном.

Уволенный Даллес оправдывался перед журналистами:

— Мы знали, что кубинских пилотов готовили в Чехословакии. Мы знали, что скоро их будет очень много. Я уверен, что это надо было сделать именно тогда.

Советник президента по национальной безопасности Макджордж Банди 16 мая 1961 года отправил Кеннеди записку: «Надеюсь, вы сейчас в хорошем настроении. У нас проблема с системой управления. Главный вопрос в том, как вы используете время. Трумэн и Эйзенхауэр начинали утро с международных дел. Пару недель назад вы попросили меня начать работать по этой схеме. Мне удалось трижды поймать вас — в общей сложности на восемь минут, и я понял, что вы не хотите так начинать рабочий день. Сейчас вас невозможно поймать. Половину бумаг, которые вы хотели увидеть, вы никогда не видите, потому что, когда вас удается выловить, бумаги уже не актуальны».

— Мы получили пинок в зад, — признал Кеннеди, — и мы его заслужили. Но может быть, мы чему-то научились.

После высадки в заливе Свиней президент обсуждал вопросы национальной безопасности более серьезно, скептически относился к рекомендациям экспертов и задавал достаточно вопросов, чтобы хорошенько уяснить себе существо дела.

Публичное унижение, испытанное ЦРУ после провала операции в заливе Свиней в 1961-м, свидетельствовало о наступлении новой эры в истории спецслужб — эры громких разоблачений. Интерес широкой публики к спецслужбам стал очень заметным. Прежняя готовность журналистов воздерживаться от разоблачительных публикаций в сфере национальной безопасности уступила место стремлению удовлетворить общественный интерес.

Во время холодной войны разведка конечно же помогала политикам делать более точный выбор. Но спецслужбы становились проблемой сами по себе. Тайные операции таили в себе значительный риск. Разведки Запада и Востока не только предупреждали свои правительства о новых угрозах, но и усугубляли напряженность тех лет. Непросто судить, какие спецоперации были оправданны, а какие нет. Но теперь ясно, какими опасными и рискованными они были.

Никита Сергеевич Хрущев не страдал шпиономанией, но и ему иногда казалось, что где-то в госаппарате засели иностранные разведчики. Читая сводки зарубежной прессы, Хрущев с удивлением видел, что американцам точно известен и состав нашей армии, и ее вооружение. Он возмущенно спросил министра обороны маршала Малиновского:

— Что же это такое? Может, их агенты имеются в нашем Генеральном штабе? Как противник столь быстро узнает все наши новости?

Флегматичный Родион Яковлевич пожал плечами:

— Видимо, тут заслуга воздушной разведки и других технических средств.

Расположившись в Овальном кабинете, Кеннеди узнал, что советского ядерного превосходства, о котором он говорил во время предвыборной кампании, не существует.

Данные самолетов-разведчиков У-2 о небогатом пока ядерном арсенале СССР подтвердил полковник ГРУ Олег Пеньковский, завербованный английской и американской разведками. В сентябре 1961 года Объединенный комитет начальников штабов доложил президенту Кеннеди, что в распоряжении Советского Союза всего от десяти до двадцати пяти межконтинентальных ракет. Среди них нет ни одной на твердом топливе, следовательно, все требуют большого времени для подготовки к запуску.

Кеннеди решил, что Хрущев не только делает капитал на своем блефе, заявляя о советском стратегическом превосходстве, но и, возможно, сам верит в свои иллюзии. В Вашингтоне пришли к выводу, что Соединенные Штаты должны сделать заявление, что они способны выдержать первый советский удар и потом уничтожить врага. Один из сотрудников Пентагона предложил послать Хрущеву точные координаты всех его межконтинентальных ракет или даже копии снимков, сделанных самолетами-разведчиками, пролетевшими над советскими военными объектами…

Ограничились тем, что во время работы в Москве XXII партийного съезда министр обороны Роберт Макнамара заявил,

что Соединенные Штаты располагают столь мощным потенциалом ответного удара, что Советскому Союзу нелепо было бы думать о нанесении первого удара.

Отношения Москвы и Вашингтона ухудшились настолько, что в марте 1962 года Джон Кеннеди заявил, что Соединенные Штаты должны быть готовы первыми нанести удар по Советскому Союзу. Президент сказал журналистам с расчетом, что его услышат в Москве:

— Хрущеву не стоит думать, что США никогда не ударят первыми. Если возникнет угроза нашим жизненным интересам, мы можем взять на себя инициативу.

Советские граждане, читая в газетах о милитаристских приготовлениях на Западе, наверное, догадывались, что это означает лично для них: пушки вместо масла. 1 июня 1962 года газеты сообщили, что цены на масло и мясо повышены примерно на тридцать процентов. Это вызвало возмущение в различных городах. Рабочие сталелитейного цеха крупнейшего в Новочеркасске Электровозостроительного завода имени С.М. Буденного прекратили работу. Забастовка переросла в мятеж и закончилась трагически — расстрелом, погибли двадцать три человека.

Попытка американцев свергнуть Фиделя Кастро возмутила советское руководство. Кастро был надежным союзником Москвы в Латинской Америке, и им дорожили.

Идея отправить ядерные ракеты на Кубу принадлежит Хрущеву. Он хотел защитить союзника и придать себе больший вес как ключевому игроку в мировой политике. К тому же Советский Союз со всех сторон окружали американские военные базы. В 1963 году по всему миру было разбросано двести три американских военных базы. Пусть теперь Соединенные Штаты, решил Хрущев, лишатся привычного чувства безопасности и почувствуют, каково находиться под прицелом чужих ракет.

Хрущев жил европейскими понятиями. В Европе привыкли, что враг стоит на границах твоего государства. А у Соединенных Штатов Америки не было врагов рядом с их территорией. Когда американцы увидели на Кубе советские ракеты, они готовы были умереть, но уничтожить их.

Никита Сергеевич был уверен, что ему удастся втайне провернуть эту операцию, а уж потом, когда американцы будут поставлены перед фактом, они увидят, что деваться им некуда. Он собирался в ноябре 1962 года сам приехать на Кубу, подписать с Фиделем Кастро договор о военном сотрудничестве и тогда с полным основанием заявить, что отныне кубинцы могут не бояться американцев.

Никто в руководстве не возразил Хрущеву. Промолчал и министр иностранных дел Громыко. Он должен был объяснить Никите Сергеевичу, как поведут себя американцы, да не посмел. Хрущев — в отличие от Брежнева — ко всем обращался только на «вы», но Андрей Андреевич перед ним робел.

Сооружение стартовых позиций и сборка ракет на Кубе шли полным ходом, американская разведка ни о чем не подозревала. В конце августа отправленная на Кубу группа специалистов из службы астрономо-геодезического обеспечения ракетных войск стратегического назначения уже рассчитала координаты точек установки ракет Р-12 и спешно определяла азимуты для прицеливания ракет, предназначенных для удара по Соединенным Штатам.

19 сентября 1962 года ЦРУ предсказывало, что Советский Союз, скорее всего, разместит на Кубе базу подводных лодок. Впоследствии было изучено три с половиной тысячи донесений американской разведки; выяснилось, что восемь из них содержали в себе намеки на размещение на острове ракет. Только новый директор ЦРУ Джон Маккоун что-то заподозрил. Это был результат простого умозаключения. Если советские военные разместили на Кубе так много зенитных ракет, то какие именно объекты они собираются прикрывать? Но в сентябре 1962 года Джон Маккоун женился и отправился на юг Франции наслаждаться медовым месяцем.

Агентурой на Кубе располагала французская разведка. Ее интересовали отношения Кастро с алжирскими повстанцами, которых обучали кубинские инструкторы. Французский резидент в Вашингтоне считал, что он первый представил американцам агентурную информацию о ракетах в Сан-Кристобале, после чего обследовать этот район отправили разведывательный самолет У-2.

Советские ракеты на острове были обнаружены во время полета У-2 утром в воскресенье 14 октября. Аналитики легко опознали на фотографиях знакомые очертания. Доложили своему начальству, а в понедельник информировали советника президента по национальной безопасности Макджорджа Банди. Последующие тринадцать дней были самым опасным периодом в истории холодной войны.

16 октября о советских ракетах на Кубе доложили президенту Кеннеди.

Когда утром Банди приехал к Кеннеди, президент был в халате и тапочках.

— Господин президент, мы получили фотографии, надежно свидетельствующие о том, что русские разместили

наступательные ракеты на Кубе.

Первое заседание Совета национальной безопасности началось без десяти двенадцать. Кеннеди, познакомившись с фотографиями, потребовал решения. Предложение военных — нанести по советским ракетам упреждающий удар, затем высадиться на Кубе, чтобы полностью устранить угрозу.

Министр обороны Роберт Макнамара пояснил:

— Удар с воздуха надо нанести до того, как ракеты будут готовы к запуску.

— Если вы разбомбите Кубу, их аэродромы, самолеты, ракеты, — мрачно произнес Роберт Кеннеди, — вы убьете множество людей…

— Сколько времени нужно для подготовки вторжения на Кубу? — поинтересовался Джон Кеннеди. — Месяц? Два месяца?

Макнамара:

— Нет, понадобится семь дней после воздушной бомбардировки, если она будет проведена через неделю…

— Я не думаю, что у нас есть много времени, — заметил Джон Кеннеди. — Возможно, мы не можем ждать две недели, пока мы будем готовы действовать.

В половине седьмого вечера собрались вновь.

Джон Кеннеди хотел знать, кто виноват в кризисе:

— Это Хрущев создал опасность, верно? Это ведь он играет с богом, не мы…

— Я не думаю, что они пустят в ход ядерное оружие, — заметил государственный секретарь Дин Раск, — если они не готовы развязать ядерную войну. Я не думаю. Я не вижу такой возможности.

Военные говорили, что дело не только в ядерном оружии. Советский военный кулак на острове в любом случае крайне опасен.

— Я должен выделить важный пункт, господин президент, — сказал председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал Максуэлл Тэйлор. — Мы очень уязвимы для обычной атаки с воздуха в районе Флориды. Наша противовоздушная оборона ориентирована на другие направления. Мы не готовились к отражению воздушной атаки на низких высотах с этой стороны. МиГи могут прорваться и причинить нам ущерб.

В Москве не подозревали, что Кеннеди уже все известно. 18 октября министр Громыко, приглашенный в Белый дом, убежденно говорил Кеннеди, что на Кубе размещено только оборонительное оружие. Эта ложь исключила возможность договориться втихую, не ставя в известность общественность,

решить проблему дипломатическими средствами.

Министр обороны Макнамара и брат президента призывали к осторожности.

— Бомбардировка пусковых установок советских ракет на Кубе, — объяснял Макнамара, — приведет к гибели находящихся там советских специалистов. Это, несомненно, вызовет ответные меры Москвы. Эскалация конфликта приведет к настоящей войне. К тому же бомбардировка с воздуха не гарантирует уничтожения всех ракет. Оставшиеся ракеты могут быть запущены, и они взорвутся над американскими городами…

Но военные призывали Кеннеди к «хирургическому удару» по ракетным позициям на Кубе. Генерал Максуэлл Тэйлор сказал, что надо дать кубинцам сутки на эвакуацию населения, а потом уничтожить ракеты.

19 октября на совещании в Белом доме в 9.45 командующий стратегической авиацией генерал Куртис Лемэй произнес:

— Я согласен со всем, что говорит генерал Тэйлор. Я бы даже сказал сильнее — у нас нет иного выбора, помимо прямой военной акции… Я не вижу иного решения. Блокада и политические акции все равно ведут к войне. Повторяю — не вижу иного решения. Это ведет нас прямиком к войне. Это почти так же плохо, как умиротворение в Мюнхене.

Воцарилась мертвая тишина.

В Москву министр Громыко, который не понял, что происходит в Белом доме, благодушно доложил, что напряжение в Вашингтоне спадает и военная акция американцев против Кубы исключена. И тут грянул гром. Пресс-секретарь Кеннеди предупредил, что президент сделает важное заявление:

— Президент Кеннеди сегодня выступит по радио и телевидению с речью, в которой расскажет о той опасности, которая угрожает нашей стране. Это произойдет в семь часов вечера.

22 октября в семь вечера Кеннеди сообщил, что на Кубе обнаружены советские ракеты, и потребовал их убрать. Речь Кеннеди — один из важнейших документов холодной войны, малоизвестный в нашей стране, поэтому я хотел бы ее процитировать.

— Добрый вечер, мои сограждане.

Наше правительство, как и обещано, пристально наблюдало за советским военным присутствием на острове Куба. На прошлой неделе было неопровержимо доказано, что ряд наступательных ракетных комплексов находится на этом превращенном в тюрьму острове. Целью их развертывания является не что иное, как ядерный шантаж Западного полушария. Мы обязаны сообщить

вам об этом новом кризисе. Размещенные на Кубе баллистические ядерные ракеты средней дальности способны достичь Вашингтона, Панамского канала, мыса Канаверал, Мехико, любого города в юго-восточной части Соединенных Штатов, в Центральной Америке или в Карибском бассейне. Еще не собранные баллистические ракеты дальнего радиуса действия способны нанести удар по большинству городов в Западном полушарии от Гудзонова залива в Канаде до Лимы в Перу. Кроме того, реактивные бомбардировщики, способные нести ядерные боеголовки, в это время перебазируются на Кубу, авиабазы для них уже готовы.

Это стремительное превращение Кубы в советскую стратегическую военную базу путем размещения там наступательного оружия дальнего действия и массового поражения представляет собой явную угрозу миру и безопасности обеих Америк. Это действие также противоречит заверениям советских представителей, высказанных как публично, так и конфиденциально, что размещение оружия на Кубе носит оборонительный характер и что Советский Союз не имеет никакой потребности и желания размещать стратегические ракеты на территории любой другой страны.

11 сентября советское правительство заявило, что, я цитирую, «оружие и военное снаряжение, находящееся на Кубе, предназначено исключительно для обороны, Советский Союз имеет настолько мощные ядерные ракеты, что нет никакой необходимости искать базы для них за пределами Советского Союза». Это была ложь. В прошлый четверг, когда у меня на руках были все доказательства присутствия советских наступательных вооружений на Кубе, министр иностранных дел СССР Громыко сказал мне, что советская помощь Кубе, я цитирую, «ставит перед собой целью внести вклад в обороноспособность Кубы, оружие, поставляемое на Кубу, никоим образом не является наступательным». Господин Громыко сказал, что «советское правительство никогда бы не пошло на развертывание на Кубе оружия массового поражения». Это тоже было ложью.

Ядерное оружие является настолько разрушительным, а баллистические ракеты настолько быстры, что любая возможность их использования или любое изменение их развертывания вполне могут быть расценены как угроза миру. Много лет и Советский Союз, и Соединенные Штаты, признавая этот факт, никогда не нарушали сомнительное статус-кво, которое гарантировало, что это оружие не будет использоваться без жизненно важных причин. Наши собственные стратегические ракеты никогда не передавались на территорию другой страны

под покровом тайны и обмана.

Это тайное размещение советских ракет вне советской территории, на Кубе в нарушении советских гарантий является преднамеренно провокационным и необоснованным изменением статус-кво, которое не может быть принято нашей страной.

Тридцатые годы преподали нам урок: агрессивное поведение, если ему не воспрепятствовать, в конечном итоге приводит к войне. В целях защиты нашей собственной безопасности и всего Западного полушария, властью, полученной мною в соответствии с конституцией, я распорядился:

первое: осуществлять строгий карантин — все суда, направляющиеся на Кубу из любой страны или порта, перевозящие оружие массового поражения, будут возвращены в порт отправки. Это не относится к грузам, носящим жизненно важный характер;

второе: вести наблюдения за Кубой и ее военными приготовлениями. Если эти наступательные военные приготовления продолжатся, усиливая угрозу Западному полушарию, любые наши дальнейшие действия будут оправданны;

третье: запуск ядерной ракеты с Кубы против любой страны в Западном полушарии мы будем расценивать как нападение Советским Союзом на Соединенные Штаты и нанесем полномасштабный ответный удар по Советскому Союзу;

четвертое: я укрепил нашу базу в Гуантанамо и эвакуировал сегодня оттуда обслуживающий персонал;

пятое: сегодня вечером на заседании Организации Американских Государств мы вынесем в повестку дня вопрос об этой угрозе, чтобы получить поддержку любых наших действий, направленных на ее нейтрализацию;

шестое: сегодня вечером мы потребуем незамедлительного созыва Совета Безопасности ООН, чтобы принять меры против этой советской угрозы миру. Мы потребуем немедленного демонтажа и изъятия всего наступательного оружия на Кубе под контролем наблюдателей ООН;

седьмое, и последнее: я призываю председателя советского правительства Хрущева остановиться и устранить эту угрозу миру и устойчивым отношениям между нашими двумя странами. Он может, чтобы спасти мир от катастрофы, вспомнить свои собственные слова, что нет никакой надобности размещать ракеты вне территории Советского Союза, и забрать их с Кубы. Мы готовы обсудить все предложения, направленные на устранение напряженности, включая развитие действительно независимой Кубы, самостоятельно определяющей свою судьбу.

Мы не хотим войны с Советским Союзом, мы желаем жить в мире со всеми народами. Но трудно решать или даже обсуждать эти проблемы в атмосфере страха и запугивания. Любая враждебная акция в любой точке мира, направленная против безопасности и свободы народов, наших союзников, в первую очередь это касается мужественных жителей Западного Берлина, вызовет необходимые ответные меры.

Наконец, я хочу сказать несколько слов порабощенным жителям Кубы, которых непосредственно касается мое обращение. Я говорю с вами как друг, как тот, кто знает о вашей глубокой любви к вашей родине, как тот, кто разделяет ваши стремления к свободе и равноправию для всех. Американцы с горечью наблюдали, как ваша революция была предана и как ваша родина попала под иностранное влияние. Теперь ваши лидеры — марионетки и агенты международного заговора, направившего Кубу против ее друзей и соседей в Америке и превратившего ее в первую латиноамериканскую страну, на чьей территории размещено ядерное оружие.

Ядерное оружие, размещенное на Кубе, не приносит вам мир и благосостояние, напротив, оно может только их разрушить. Мы знаем, что народ и земля Кубы используются в качестве заложников теми, кто отрицает свободу и преследует инакомыслие. В прошлом жители Кубы не раз восставали, чтобы сбросить тиранов. И я не сомневаюсь, что большинство кубинцев сегодня с нетерпением ждут того времени, когда они будут свободны от иностранного влияния, свободны в выборе своих лидеров, свободны в выборе своего пути развития, смогут свободно говорить и писать, не опасаясь за собственную безопасность.

Мои сограждане, никто не может с точностью предугадать, какие шаги придется сделать и на какие затраты или жертвы придется пойти, чтобы ликвидировать этот кризис. Но самая большая опасность сейчас состояла бы в том, чтобы не делать ничего. Дорога, которую мы выбрали, полна опасностей, цена свободы всегда высока, но американцы всегда были готовы платить за это. Наша цель — не мир за счет свободы, а и мир, и свобода. И видит бог, эта цель будет достигнута. Спасибо и доброй ночи…

Британский посол посоветовал американцам представить фотографии, сделанные самолетом-разведчиком, в Организацию Объединенных Наций. Эта перебранка на заседании Совета Безопасности вошла в историю.

— Разрешите мне задать вам простой вопрос, посол Зорин, — обратился представитель США в ООН Эдлай Стивенсон к

советскому коллеге, — вы отрицаете, что СССР установил и устанавливает ракеты средней дальности на Кубе? Да или нет? Не ждите перевода! Ответьте: да или нет?

— Я не в американском суде, — возмутился Валериан Зорин. — И не собираюсь отвечать на вопрос, который задан мне так, как его задал бы прокурор.

— Вы можете ответить: да или нет? — продолжал наседать Стивенсон. — Или вы станете отрицать, что установили на Кубе ракеты? Я хочу быть уверен, что понял вас правильно!

— Продолжайте вашу речь, господин Стивенсон, — все, что мог ответить Зорин, не имевший инструкций из Москвы. — Вы получите ответ на свой вопрос! Не волнуйтесь!

— Я готов ждать вашего ответа до тех пор, пока ад не замерзнет!

Советское руководство не предполагало, что история с ракетами всплывет так быстро, и не знало, что говорить. Первая реакция Хрущева и Президиума ЦК была агрессивно-возмущенной. На Кубу ушло распоряжение ускорить постановку ракет на боевое дежурство.

23 октября появилось заявление советского правительства:

«В связи с провокационными действиями правительства США Советское правительство заслушало министра обороны СССР Маршала Советского Союза товарища Малиновского о проведенных мероприятиях по повышению боевой готовности в Вооруженных Силах и дало министру обороны необходимые указания:

1. Задержать увольнение в запас из Советской Армии военнослужащих старших возрастов в Ракетных войсках стратегического назначения, в войсках противовоздушной обороны и на подводном флоте.

2. Прекратить отпуска всему личному составу.

3. Повысить боеготовность и бдительность во всех войсках».

23 октября госсекретарь Дин Раск, проснувшись, увидел солнечные лучи.

«Ага, значит, я еще в этом мире, — подумал он. — Не все так плохо».

23 октября Кеннеди установил вокруг Кубы карантинную зону и предупредил, что американский флот получил приказ останавливать и досматривать все суда, идущие с грузом на Кубу, дабы не допустить поставки на остров наступательного оружия.

Утром 24 октября советские суда подошли к карантинной зоне. Приказ из Москвы советским капитанам гласил: прорываться. «Я почувствовал, — вспоминал Роберт Кеннеди, — что мы стоим на краю пропасти и обратного пути нет…»

В последний момент Хрущев приказал судам развернуться. Если бы суда попытались прорваться к Кубе, американские боевые корабли открыли бы огонь. И как бы тогда повели себя Хрущев и Кеннеди?

25 октября в Соединенных Штатах провели учебную атомную тревогу. Обычно в воздухе находилось десять — пятнадцать американских стратегических бомбардировщиков Б-52 с ядерным оружием на борту. В дни Кубинского кризиса в небе постоянно кружились одновременно около ста самолетов. Им нужно было всего несколько часов, чтобы через Арктику долететь до Москвы.

В случае, если президент не в состоянии отдать приказ, право пустить в ход ядерное оружие переходило к командующему стратегической авиацией генералу Томасу Пауэрсу, который считал Джона Кеннеди трусом. Кто примет более точное решение, говорил генерал: те, кто готовился к войне всю жизнь, или гражданский человек, который всего несколько месяцев назад переехал в Белый дом?

У Томаса Пауэрса в арсенале было три тысячи ядерных зарядов, и даже товарищи по службе сомневались, можно ли ему их доверять. Даже его собственный начальник Лемэй считал генерала садистом. Генерал принадлежал к той кровожадной породе ковбоев, которых надо силой удерживать от стрельбы всякий раз, когда какой-нибудь подозрительный недруг нахально взглянет на них или на кого-либо из их друзей.

Кеннеди, опасаясь, что у кого-то из военных не выдержат нервы, приказал снять взрыватели с ядерных боезарядов. Приказ применить ядерное оружие будет исходить только из Белого дома, предупредил своих военных президент.

Кризис подтвердил готовность Джона Кеннеди управлять страной. В момент сложнейшего кризиса он придерживался рациональной линии, не позволяя эмоциям взять верх. Он создал условия для своих помощников, которые могли говорить открыто без страха быть наказанными.

Самую миролюбивую позицию занял министр обороны Макнамара. Он говорил на совещаниях, что русские уже обладают межконтинентальными баллистическими ракетами, которые способны долететь до территории Соединенных Штатов. Поэтому установка советских ракет на Кубе принципиально ничего не меняет, просто Хрущев получает возможность нанести удар на несколько минут быстрее. Макнамара советовал президенту вообще ничего не предпринимать. Кастро и Хрущев не совершили ничего противозаконного, Кастро имел право попросить другую страну установить ему ракеты.

Но для правительства Кеннеди появление ракет на Кубе было

смертельным вызовом. В ноябре предстояли выборы в конгресс. Политические противники не простили бы Кеннеди, если бы он не сумел заставить Хрущева убрать ракеты. Боялись, что ядерное оружие рано или поздно перейдет в руки Фиделя Кастро, который не остановится перед тем, чтобы ударить по ненавистной Америке.

Кеннеди предложил формулу выхода из кризисной ситуации: Советский Союз убирает ракеты, Соединенные Штаты обязуются не нападать на Кубу.

27 октября, в субботу, развернутая на Кубе ракетная дивизия уже была готова нанести удар по территории США двадцатью четырьмя ракетами. Вашингтон они точно могли уничтожить. Теперь любой пустяк мог привести к войне.

Во Флориде раскупали охотничьи ружья и пистолеты. В Лос-Анджелесе руководители местной гражданской обороны предупредили, что в случае начала войны магазины будут закрыты. В одном из магазинов вспыхнула драка из-за мясных консервов.

Вооруженные силы США по всему миру были приведены в состояние боевой готовности. Причем помощник президента по национальной безопасности Макджордж Банди не знал, что генерал Пауэр передает приказ о боевой готовности прямым текстом, не шифруя. Так что Москве все было известно.

Мощный десантный кулак формировался во Флориде — армия вторжения на Кубу. На аэродромы Флориды перебросили тысячу истребителей. Американские войска ждали приказа высадиться на острове. Если бы приказ был отдан, битва была бы жестокой. На Кубе находились сорок две тысячи советских солдат (вдвое больше, чем считали в ЦРУ) и тактическое ядерное оружие, которое местные командиры могли пустить в ход, не запрашивая Москву.

Фидель Кастро жаждал схватки. Он хотел поставить американцев на место и приказал сбивать американские самолеты. Кубинские зенитчики стреляли, но не попадали. Зато дивизион зенитно-ракетных комплексов С-75 «Десна» сбил американский самолет-разведчик. По иронии судьбы его пилотировал Рудольф Андерсон, который первым увидел ракеты над Кубой.

Наверное, в этот момент Хрущев понял, что ситуация стала настолько опасной, что мир семимильными шагами движется к войне. Что делать, если Соединенные Штаты нанесут удар по Кубе? Ответить ядерным ударом по Америке? То есть начать глобальную ядерную войну? Но во имя чего? Отправив ракеты на Кубу, Хрущев не просчитал возможные варианты развития

событий. А теперь получалось, что есть один выход — отступить, вернуть ракеты назад. И чтобы это не выглядело полной капитуляцией, надо получить у американцев хоть что-нибудь взамен.

Хрущев приказал без его личного разрешения по американским самолетам больше не стрелять. Американцы, разумеется, не знали о его приказе. Они исходили из обратного: сбив американский самолет, русские уже пустили в ход оружие.

Федеральное бюро расследований сообщило, что советские дипломаты и сотрудники разведывательной резидентуры в посольстве в Вашингтоне жгут полученные из Москвы телеграммы и уничтожают шифры — процедура, за которой обыкновенно следует объявление войны.

Кеннеди распорядился подготовить ответные меры для уничтожения советских зенитных установок на Кубе. И тут ему доложили, что еще один У-2 направляется в глубь советской территории.

Военно-воздушное командование продолжало облеты советской территории. Это были рутинные миссии — на большой высоте брались пробы воздуха, чтобы следить за ходом советских ядерных испытаний. Поскольку самолеты держались более чем в ста километрах от советского воздушного пространства, полеты не приостановили. Но в тот день у машины, взлетевшей с Аляски, вышла из строя навигационная система. Пилот сорок минут находился над Чукоткой, не подозревая об этом. Когда пилот понял, что произошло, он радировал в панике:

— Я потерялся. Видимо, я над Сибирью. Ради бога, скажите, как мне вернуться!

С авиабазы в западной части Аляски ему на выручку взлетел перехватчик F-102A. Таким образом над советской территорией оказались уже два нарушителя. Им на перехват вылетели МиГи.

Когда об этом узнал министр обороны Роберт Макнамара, у него не выдержали нервы. Он воскликнул:

— Это же война с Советским Союзом!

Президент Кеннеди хмыкнул и произнес свою знаменитую фразу:

— Всегда найдется сукин сын, способный испортить все дело.

Поскольку авиация на Аляске находилась в высокой степени боевой готовности, американские самолеты несли на борту ракеты «Фалькон» с ядерными боеголовками. Решение о применении ядерного оружия имел право принять сам пилот.

У заблудившегося самолета У-2 кончалось топливо, он стал снижаться, но, к счастью для всех, над Беринговым проливом его увидел перехватчик и увел за собой потерявшего ориентацию

пилота. Они покинули советское воздушное пространство раньше, чем подоспели МиГи. Министр обороны Макнамара запретил полеты. Но приказ не успел вовремя достичь Аляски, и следующий У-2 был уже в воздухе. Его вовремя вернули. Опасность состояла в том, что в Москве могли расценить разведывательные полеты как прелюдию к американской ядерной атаке.

Ситуация уже явно выходила из-под контроля Хрущева и Кеннеди.

В самый разгар кризиса оператор радиолокатора в Нью-Джерси доложил, что с Кубы запущена ракета, она летит в сторону Тампы во Флориде. Командование вооруженных сил было предупреждено, что ядерная атака, похоже, началась. Чуть позже стало ясно, что это ложный сигнал — следствие сбоя программного обеспечения.

В Вашингтоне этот день запомнился как «черная суббота». Министерство обороны представило президенту план удара по позициям советских ракет на Кубе.

«Мы ожидали, — вспоминал Роберт Кеннеди, — что вот-вот начнется война». Министр Макнамара вышел вечером из кабинета на свежий воздух (был чудный вечер) и подумал, что это последняя суббота в его жизни.

Президент Кеннеди попросил своего брата поговорить с советским послом Анатолием Добрыниным. Роберт сказал простым языком: «Если вы не ликвидируете свои базы на Кубе, то мы сделаем это за вас».

«Сегодня поздно вечером меня, — телеграфировал в Москву советский посол, — пригласил к себе Роберт Кеннеди. Разговор шел наедине.

Кубинский кризис, начал Р. Кеннеди, продолжает быстро усугубляться. Только что получено сообщение о том, что сбит американский невооруженный самолет, осуществлявший наблюдательный полет над Кубой. Военные требуют от президента вооружить такие самолеты и отвечать огнем на огонь. Правительству США придется это сделать…

Нынешняя серьезная ситуация, к сожалению, складывается таким образом, что времени для решения всего вопроса остается весьма мало. К несчастью, события развиваются слишком быстро…

Нужно сказать, что в течение нашей встречи Р. Кеннеди был весьма взволнован, во всяком случае, я его видел в таком состоянии впервые. Он, правда, раза два пытался вернуться к теме «об обмане» (о чем он так настойчиво говорил во время нашей предыдущей встречи), но делал он это вскользь и без какого-либо

задира. Он даже не пытался вступать, как ему обычно свойственно, в спор по тому или иному вопросу, а лишь настойчиво возвращался к одной теме: время не терпит, нельзя его упускать.

После встречи со мной он сразу же поехал к президенту, с которым, как сказал Р. Кеннеди, он сейчас, по существу, проводит вместе почти все время».

В тот же день в Гавану, командующему советской группировкой генералу армии Плиеву, пошла шифртелеграмма от Хрущева: «Категорически подтверждается, что применять ядерное оружие без санкции из Москвы запрещается».

На следующий день, 28 октября, на Кубу ушла другая телеграмма: «Мы считаем, что вы поторопились сбить разведывательный самолет США У-2, в то время как наметилось уже соглашение мирным путем отвратить нападение на Кубу. Мы приняли решение демонтировать ракеты Р-12 и их эвакуировать — приступайте к исполнению этого мероприятия».

Вслед еще одна шифровка: «В дополнение к приказанию не применять зенитно-ракетный комплекс С-75 — не поднимать истребительную авиацию во избежание столкновения с разведывательными самолетами США».

Историки полагают, что полезную роль сыграла информация, полученная американцами от своего агента — полковника советской военной разведки Олега Пеньковского. В Вашингтоне реалистично представляли себе советский военный потенциал и настроения в Москве. Начальник британской разведки Дик Уайт считал, что во время Карибского кризиса США не нанесли ядерного удара именно потому, что Пеньковский их правильно информировал.

В реальности точные данные о состоянии советского ракетного потенциала давали У-2, а потом спутники-шпионы. Главная ценность сведений, полученных от Пеньковского, состояла в том, что они помогали понять настроения советской элиты, механизмы принятия решений.

Холодные головы в этой истории взяли верх.

Никита Сергеевич Хрущев представляется человеком неуравновешенным, неспособным справиться с эмоциями, но это поверхностное впечатление. Его ближайшие помощники знали, что Хрущев почти всегда держал себя в руках, а если выходил из себя, то это было актерство. Он обещал вывести ракеты с Кубы, но просил в ответ убрать американские ракеты из Турции.

Кеннеди легко согласился.

Американские ракеты были размещены в Турции при Эйзенхауэре. Это были устаревшие ракеты на жидком топливе —

ненадежные, неточные и уязвимые. Они потеряли свое значение после того, как США обзавелись ракетами на твердом топливе. Когда Кеннеди стал президентом, он сам сказал, что ракеты из Турции надо убрать. Но Государственный департамент уговорил его отложить этот вопрос, чтобы не раздражать турок, которые считали американские ракеты гарантией безопасности.

28 октября Хрущев сообщил американцам, что приказал демонтировать ракеты и вернуть их домой. Все кончилось. Кризис миновал. В нашей стране многие вообще даже и не узнали о том, что произошло.

Кеннеди обещал не нападать на Кубу и убрать из Турции ракеты «Юпитер». Это была победа Хрущева, но об этом знали только посвященные. В обмен Хрущев обещал забрать с Кубы ракеты. И весь мир увидел, как советские корабли разворачиваются и уходят. Это было зримое свидетельство поражения. Карибский кризис подточил власть Никиты Сергеевича. Товарищи по партийному руководству видели, как он признал свою ошибку и пошел на попятный. Советские военные были крайне недовольны тем, что им пришлось отступить, считали это унижением и полагали, что Хрущев просто струсил.

Никита Сергеевич не мог этого не ощутить и стал искать повода продемонстрировать жесткость и непримиримость. Через три недели Хрущев сорвался на выставке работ столичных живописцев в Манеже, кричал:

— Такое искусство народу не нужно! У меня внук лучше рисует.

17 декабря в доме приемов на Ленинских горах устроили встречу руководителей страны с деятелями литературы и искусства. Разгромный доклад прочитал секретарь ЦК по идеологии Леонид Федорович Ильичев.

Хрущева несло, туалетная тематика захватила его воображение. Скульптору Эрнсту Неизвестному (который со временем поставит памятник на могиле Никиты Сергеевича) первый секретарь ЦК говорил:

— Ваше искусство похоже вот на что: вот если бы человек забрался в уборную, залез бы внутрь стульчака и оттуда, из стульчака, взирал бы на то, что над ним, ежели на стульчак кто-то сядет… Вот что такое ваше искусство. И вот ваша позиция, товарищ Неизвестный, вы в стульчаке сидите.

Так же по-хамски Хрущев говорил о других талантливых писателях и художниках, словно доказывая после Карибского кризиса свою идеологическую непримиримость. С нескрываемым раздражением он откликнулся на вполне невинную инициативу нескольких писателей.

На сессии Верховного Совета СССР три видных писателя (и депутата) — Алексей Александрович Сурков, Николай Семенович Тихонов и Илья Григорьевич Эренбург — решили обратиться к коллегам по Союзу писателей с предложением прекратить внутренние конфликты и обвинения. Сурков сказал Эренбургу, что письмо подпишут также вполне правоверные писатели Леонид Сергеевич Соболев и Максим Фадеевич Рыльский, с которыми он разговаривал, и попросил составить черновик.

«Мы считаем, — говорилось в письме, — что пришла пора покончить с холодной войной в писательской среде и установить в ней мирное сосуществование».

Слова о прекращении холодной войны и мирном сосуществовании вызвали приступ озлобления в партийном аппарате: такие мысли даже в голову не должны приходить советскому человеку!

Сначала письмо осудил секретарь ЦК Ильичев. Этого показалось мало. В первых числах марта в Кремле устроили встречу с писателями. Вновь вспомнили злополучное письмо. В первый день Ильичев критиковал Эренбурга, на следующий день Хрущев:

— Прошлый раз товарищ Эренбург говорил, что идея сосуществования высказана в письме в виде шутки. Допустим, что так. Тогда это злая шутка… Товарищ Эренбург совершает грубую идеологическую ошибку, и наша обязанность помочь ему это понять.

Слова первого секретаря ЦК относительно «грубой идеологической ошибки» были равносильны обвинительному приговору, за которым должно было последовать серьезное наказание.

27 апреля 1963 года Илья Эренбург отправил Хрущеву письмо с просьбой его принять. Уже немолодой писатель принужден был каяться за преступление, которого не совершал, и хотел оправдаться:

«Одно недоразумение я должен выяснить — вопрос о письме, в котором были слова «мирное сосуществование».

Говоря о «мирном сосуществовании», мы думали о товарищеских отношениях между советскими писателями, о ликвидации «групповщины», подписи показывали, что на этом положении сошлись очень разные люди. Жалею, что мы составили это письмо…

Должен прямо сказать — я никогда не придерживался идеи мирного сосуществования идеологий и не раз писал, что всеобщее разоружение не будет ни в коем случае означать идеологического разоружения, напротив, конец «холодной войны»

поможет нам доказать превосходство нашей системы, наших идей над капиталистическим Западом. Да если бы я стоял за отказ от борьбы против идеологии капитализма, я был бы попросту изменником. Таким я себя не считаю. Я верю, что и Вы, Никита Сергеевич, относитесь ко мне как к товарищу и поможете мне выйти из создавшегося положения».

В Москве не подозревали, что американские военные тоже винили своего президента в слабости. Командующий стратегической авиацией генерал Куртис Лемэй говорил Кеннеди:

— Это самое крупное поражение в нашей истории, господин президент. Мы должны ударить по Кубе.

Этой ракетной историей Хрущев причинил Соединенным Штатам массу неудобств, но не добился никаких выгод для собственной страны. Он умел начинать кризисы, но не знал, как их разрешить. Результатом подобной внешней политики была растрата ресурсов.

«Что ж Хрущев? — писал знаменитый режиссер Михаил Ромм. — Что-то было в нем очень человечное и даже приятное. Но вот в качестве хозяина страны он был, пожалуй, чересчур широк. Эдак, пожалуй, ведь и разорить целую Россию можно. В какой-то момент отказали у него все тормоза, все решительно. Такая у него свобода наступила, такое отсутствие каких бы то ни было стеснений, что, очевидно, это состояние стало опасным — опасным для всего человечества…»

Советские военные получили компенсацию за отступление с Кубы: началось ускоренное развитие ядерного потенциала с задачей — догнать и перегнать Америку.

В ноябре 1962 года министр иностранных дел Громыко говорил своим дипломатам:

— Необходим был шок, чтобы Соединенные Штаты почувствовали запах ядерной войны.

Его заместитель Василий Васильевич Кузнецов сказал своему партнеру на переговорах американцу Джону Макклою:

— Вы, американцы, никогда больше не сможете поступить с нами подобным образом.

Тем не менее из Карибского кризиса были извлечены уроки. Выступая в Американском университете, Джон Кеннеди заговорил о необходимости сотрудничать с коммунистическими странами, призвал к созданию системы контроля над гонкой вооружений и объявил односторонний мораторий на надземные ядерные испытания.

Мировая общественность давно требовала их прекратить. В 1958 году в Советском Союзе провели серию взрывов и объявили о моратории на ядерные испытания. Когда Хрущев на сессии

Верховного Совета СССР предложил мораторий, президент Эйзенхауэр ответил:

— Если Советский Союз готов к переговорам, Соединенные Штаты могут остановить испытания атомной и водородной бомбы на один год.

Начались переговоры о полном запрещении ядерных взрывов. Но не договорились из-за разногласий относительно системы контроля. Ни Советский Союз, ни Соединенные Штаты всерьез не хотели отказываться от испытаний. Ядерщики в обеих странах разрабатывали новые взрывные устройства для разделяющихся головных частей индивидуального наведения, их надо было проверить. Поэтому от моратория отказались.

Американский представитель в ООН Эдлай Стивенсон обрушился на Советский Союз:

— Товарищ Хрущев создал свою гигантскую бомбу, цинично пренебрегая интересами Объединенных Наций. Тем самым Советский Союз еще и нарушил мораторий на ядерные испытания, отравляя окружающую среду. В Москве начали новую гонку смертоносных вооружений, попирая интересы Объединенных Наций и всего свободного мира. Угроза человечеству, которую представляют радиоактивные осадки, их совершенно не волнует. Это печальная новость для человечества. Сегодня мир сделал шаг к хаосу и катастрофе.

В Советском Союзе и в Соединенных Штатах постепенно переходили на подземные взрывы, потому что атмосферные пробы после каждого испытания в воздухе позволяли довольно точно устанавливать характеристики новых взрывных устройств. Так что от взрывов в воздухе вполне можно было отказаться. Когда Кеннеди 10 июня 1963 года предложил запретить испытания в трех сферах — в атмосфере, в космосе и под водой, это всех устроило. Через полтора месяца министры иностранных дел заинтересованных государств — от Советского Союза — Андрей Громыко, от Великобритании — лорд Хьюм и государственный секретарь США Дин Раск подписали первое соглашение о запрете ядерных испытаний.

— Впервые, — сказал президент Джон Кеннеди, — мы согласились установить международный контроль над ядерными вооружениями. Этот договор радикально сократит количество ядерных испытаний с обеих сторон. Он дает миру знак надежды и открывает возможность для будущих соглашений, которые остановят производство ядерного оружия.

Выступая в Американском университете в Вашингтоне, Кеннеди призвал американцев пересмотреть отношение к холодной войне. Он хотел смягчить тональность взаимных

обвинений.

Вскоре последовало еще одно важное событие — Советский Союз впервые закупил в Соединенных Штатах зерно и согласился, что его доставят американские суда. С одной стороны, это говорило о плохом урожае — в шестьдесят третьем году с прилавков исчезли мясо, гречка, белый хлеб, кондитерские изделия, с другой — свидетельствовало об определенном уровне доверия между США и СССР.

Возможно, Хрущев и Кеннеди были готовы продолжить сближение, но 22 ноября 1963 года в 14.32 телетайпы информационных агентств сообщили, что президент Соединенных Штатов Америки Джон Фицджеральд Кеннеди скончался в больнице в городе Далласе. В него стреляли, ранение оказалось смертельным.

Прямо в самолете после убийства Кеннеди вице-президент Линдон Джонсон был приведен к присяге и стал новым хозяином Белого дома.

Произнося свою первую речь в роли президента, Джонсон сказал:

— Это горькое время для всех. Мы понесли невосполнимую утрату. Для меня это еще и глубокая личная трагедия. Я уверен, что мир разделяет горе миссис Кеннеди и ее семьи. Я сделаю все, что смогу. И прошу помощи у вас и у Бога.

На президентских выборах в ноябре 1964 года Линдону Джонсону противостоял сенатор-республиканец Барри Голдуотер. Сенатор, пользовавшийся репутацией ястреба, легко отпускал фразы, недопустимые для политика:

— Я б хотел зашвырнуть одну из наших бомб в мужской туалет в Кремле и убедиться в том, что я попал.

«Наша страна, друзья мои, всегда должна сохранять свое превосходство и способность отвечать ударом на удар, — говорил Барри Голдуотер. — Мы должны убедить их в том, что они совершат самоубийство, если нажмут на кнопку».

В разгар избирательной кампании предвыборный штаб Линдона Джонсона запустил ролик об опасности ядерного оружия.

«Таковы ставки, — звучал голос за кадром. — Вы создаете мир, где все дети Божьи могут жить. Или отправиться в темноту. Мы должны либо любить друг друга, либо умереть. Голосуйте за президента Джонсона 3 ноября. Ставка слишком высока для того, чтобы вы остались дома».

Барри Голдуотер проиграл выборы, и президентом остался Линдон Джонсон. 15 октября 1964 года в Лондоне власть перешла к лейбористам, премьером стал Гаролд Вильсон. И в этот

же день мир узнал о свержении Никиты Хрущева.

В Кремле, Белом доме и на Даунинг-стрит почти одновременно обосновались руководители, которые больше занимались внутренними делами и не были склонны к опасным акциям на мировой арене. Соединенными Штатами, Англией и Советским Союзом управляли люди одного типа: прагматики, которые ценили стабильность. Линдон Джонсон, Гаролд Вильсон и Леонид Брежнев, может быть, не слишком любили друг друга, но вполне понимали партнеров.

Проигравшим в Карибском кризисе считал себя только Фидель Кастро, которому хотелось, чтобы мир крутился вокруг него. Кубинский вождь был чудовищно разочарован, когда узнал, что ракеты с острова уберут. Хотя если бы их не убрали и разразился военный конфликт, больше всего пострадали бы кубинцы…

На этом дружба Фиделя с Советским Союзом закончилась. Впоследствии он рассматривал Москву как корову, которую надо доить во имя продолжения кубинской революции. Многие развивающиеся государства извлекали пользу из противостояния Запада и Востока.

Европа, где вспыхнула холодная война, жила в мире. Реальные битвы, в которых лилась кровь, разыгрывались в Азии, на Ближнем Востоке, в Африке и Латинской Америке. Люди с черной, коричневой и желтой кожей расплачивались своей жизнью за конфликт белых политиков.

Холодная война перенеслась в третий мир. Здесь она носила менее идеологический и более прагматично-циничный характер.

Президент застрелился из «калашникова»

Немецкий военный теоретик Карл Клаузевиц считал, что война есть продолжение политики иными средствами. Перефразируя Клаузевица, можно сказать, что мирное сосуществование двух лагерей было продолжением холодной войны иными, чем ядерное оружие, средствами. И в иных регионах.

Великие державы очертили зоны своего влияния и бдительно охраняли их внешний периметр. Появление чужаков в своей зоне или побег из нее — по идеологическим или экономическим соображениям — считались поражением в холодной войне. Конвой стрелял без предупреждения.

26 мая 1908 года англичане обнаружили в Персии нефть.

Англичане искали нефть несколько лет и вложили в поиски немалые деньги. Первый нефтяной фонтан ударил в четыре часа утра 26 мая 1908 года. Осенью 1908 года образовалась Англо-персидская нефтяная компания (ныне это «Бритиш петролеум»). В 1914 году британское правительство усилиями первого лорда адмиралтейства Уинстона Черчилля за два миллиона фунтов стерлингов приобрело больше половины акций компании, чтобы обеспечить военный флот недорогим и надежным источником нефти. С этой минуты интересы нефтяной компании и Англии тесно переплелись. В Абадане построили крупнейший в мире нефтеперерабатывающий завод. Главным покупателем был британский военный флот, который получал горючее с большой скидкой.

Находка нефти изменила страну, которая влачила жалкое существование из-за бездарной династии, правившей в Тегеране.

Четыре десятилетия Ираном правил шах Назир эль-Дин. Гарем, где он проводил большую часть времени, состоял из тысячи шестисот жен, любовниц и прислуживавших им евнухов. У него были сотни детей, которые уверенно залезали в государственную казну. Чтобы ее пополнить, шах торговал государственными должностями, вводил непомерные налоги, конфисковывал имущество богатых торговцев. Он продавал концессии иностранным государствам и компаниям. Русские купцы получили исключительное право торговать икрой. Право выращивать табак и торговать табачными изделиями он продал англичанам. Это вызвало волну протеста, потому что множество крестьян жило тем, что выращивало табак. В 1896 году шах был

убит, когда приехал в мечеть. Его сын продолжил отцовскую политику, что только усилило возмущение.

В стране формировались тайные общества, которые клялись избавить страну от тирании. На Иран произвел впечатление пример соседней России, где царю пришлось в 1905 году ввести парламент. В конце года волнения начались в Иране, и шах тоже согласился на парламент. Проект конституции составили по бельгийскому образцу, который считался самым прогрессивным в Европе.

Одни члены 200-местного меджлиса избирались прямым голосованием, другие представляли цеховые корпорации — по одному депутату от мясников, печатников, бакалейщиков, часовщиков, врачей, портных. Первая сессия меджлиса открылась 7 октября 1906 года.

30 декабря была принята конституция.

Многие требовали свободы вероисповедания, введения светских школ. Муллы сопротивлялись: «Не приведет ли это к отказу от ислама? Не ослабят ли уроки иностранных языков, химии и физики веру учеников?» Эти споры светских реформаторов и исламистов продолжаются всю новейшую историю Ирана.

Русско-английское соглашение 1907 года поделило Персию на три зоны. На севере все политические и торговые привилегии получили русские. На юге — англичане. В нейтральной зоне концессии могли получать представители любой страны.

Большевики после революции отказались от своих особых прав и простили Ирану долг перед Россией. Англичане спешили заполнить вакуум. В 1919 году Англия навязала слабому правительству шаха Ахмада кабальное соглашение, которое наделяло Англо-персидскую компанию исключительным правом разрабатывать и продавать иранскую нефть.

В Иране появились части Красной армии — для борьбы с английской интервенцией, 4 июня 1920 года была образована Советская республика Гиляна. Сепаратисты брали верх в разных уголках страны. Казалось, страна разваливается, и тут появился сильный человек по имени Реза. Он родился в горном районе неподалеку от границы с Россией, юношей оставил дом, чтобы по семейной традиции посвятить себя военной службе. Он служил в казачьей бригаде, сформированной белыми офицерами, бежавшими от революции. Это была лучшая часть в иранской армии.

Воинственный и склонный к авантюрам, Реза стал заметным человеком в стране. На него делали ставку те, кто мечтал о сильной центральной власти, в том числе англичане. Вечером 20

февраля 1921 года Реза во главе двух тысяч бойцов приблизился к Тегерану. На следующий день он арестовал правительство. Через три месяца страна была у него в руках. Реза называл себя националистом, но он взял власть с помощью англичан и помнил, чем им обязан. Он следовал примеру популярного тогда турецкого властителя Кемаля Ататюрка. Реза тоже объявил Иран республикой, а себя президентом.

Он был необразованным и малограмотным человеком, но понимал, как делается политика в Иране. Он как по нотам разыграл небольшую театрализованную драму. Удалился в деревню, чтобы думать и молиться, и объявил, что отказывается от всех постов. Меджлис пришел в ужас. Депутаты объявили прежнюю династию Каджаров низложенной и предложили трон Резе. 25 апреля 1926 года он провозгласил себя шахом.

Шах был невероятно жесток, но это многим нравилось. Однажды он приехал в город в западной части Ирана, и ему пожаловались, что булочники задрали цены и люди голодают. Первого же попавшегося ему на глаза булочника он приказал бросить в горящую печь живым. На следующий день во всем городе торговали дешевым хлебом.

В 1935 году он заявил, что не потерпит, чтобы страну называли Персией — это название придумали иностранцы. Новое название — Иран, так иранцы называют свою страну. Как и его предшественники, он брал взятки в особо крупных размерах, в основном от иностранных компаний. Конфисковывал земли и стал самым богатым землевладельцем.

— Шах Реза ликвидировал всех воров и бандитов в стране, — высказался один британский депутат. — Иранцы поняли, что в стране может быть только один вор.

От экспорта нефти страна получала копейки. Когда в мире началась Великая депрессия, доходы еще уменьшились. Шах Реза требовал от своих министров пересмотреть договор с англичанами, но это оказалось невозможно. Тогда шах бросил все документы в огонь и 27 ноября 1932 года заявил, что разрывает договор о концессии. Это означало, что нефтяная компания должна прекратить работы.

Британские власти обратились в Лигу Наций, но Иран сделал то же самое, заявив, что компания систематически нарушала условия договора и обманывала иранцев. Пришлось англичанам идти с шахом на компромисс. Договорились, что компания будет платить Ирану не менее 975 тысяч фунтов стерлингов в год, улучшит условия труда в Абадане. Шах согласился продлить срок действия концессии на тридцать два года. Заодно компанию переименовали — в Англо-иранскую.

Шаху нравились фашистские режимы в Европе. Симпатия к нацистам ему дорого обошлась. Британские и советские войска вошли в Иран с двух сторон. 16 сентября 1941 года он оставил престол и покинул страну. Он умер в Йоханнесбурге через три года.

Новым шахом стал его сын Мохаммад Реза, ему было двадцать один год. Он учился в Швейцарии, окончил военное училище в Тегеране и весной 1939 года поступил на военную службу. Молодой шах больше всего интересовался спортивными автомобилями, скачками и женщинами.

После того как старший Реза отрекся от трона, из тюрем выпустили посаженных им политических заключенных. На свободу вышли левые интеллектуалы. Молодые идеалисты приняли участие в создании первой настоящей политической организации — Народной партии, Туде. Партия, состоявшая в основном из коммунистов, приняла прогрессивную программу, требуя защитить народ от эксплуатации.

1 мая 1946 года она вывела на улицы Тегерана и Абадана десятки тысяч демонстрантов. Несколько лидеров партии прошли в меджлис на выборах в 1946 году. Они помогли провести несколько социальных законов.

Партия Туде, которая была против любых концессий иностранным компаниям, заявила, что нефтяные месторождения Северного Ирана должны быть сданы в концессию Советскому Союзу. Это подорвало союз Туде с иранскими националистами. Националисты никогда не простят партии Туде и то, что она поддержала попытки Иранского Азербайджана и Курдистана отделиться. Партия была запрещена, ее лидеры нашли убежище в Москве и Восточном Берлине.

И тогда в иранской политике появилась новая фигура — Мохаммад Мосаддык. Его мать принадлежала к шахской семье. Его род давал стране губернаторов, министров и послов, отец был министром финансов. Мальчик пошел по стопам отца. Он учился в Париже в Школе политических наук. Во Франции у него впервые проявилась болезнь, от которой он будет страдать всю жизнь. Точный диагноз поставить так и не удалось. У него периодически открывалась язва желудка, случались тяжелые кровотечения.

Несомненно, болезнь носила психосоматический характер. Когда он произносил речи, слезы бежали по его щекам. И это не была игра. Иногда он падал в обморок от нервного истощения. В мире его поведение казалось, мягко говоря, странным. Но в шиитском Иране открытое проявление чувств, даже наигранное, казалось соответствующим умонастроениям его граждан, которые считали, что страдают от несправедливости.

Проболев год, он вернулся к занятиям наукой. На сей раз в Швейцарии, куда он приехал с матерью, женой и тремя детьми. В 1914 году он защитил диссертацию по юриспруденции и стал первым иранцем, получившим докторскую степень в иностранном университете. Он решил просить швейцарское гражданство. А пока поехал на родину — собрать материал для книги об исламском праве.

Это были годы, когда группы интеллектуалов в Иране задумывались над будущим страны. Мосаддык вовлекся в эти дискуссии и решил остаться. Через год его дядя — премьер-министр Фарман Фарма предложил ему занять пост министра финансов. Он отказал — ся. В 1917 году ему предложили пост заместителя министра. Дядя уже не руководил правительством, и он принял пост. Он поразил коллег тем, что требовал наказывать за коррупцию. Через два года его освободили от должности.

Он вернулся в Швейцарию, считая, что Иран не нуждается в нем. Однако иммиграционные законы Швейцарии ужесточились, и ему отказали в паспорте. А тут шах Реза пришел к власти, начались новые времена, возникли большие надежды. Мосаддык принял пост министра финансов. Это было место для него, но антикоррупционные меры угрожали Резе и шахскому окружению, и Мосаддыка заставили уйти. Он стал губернатором Иранского Азербайджана, но Реза отказался подчинить ему войска, стоявшие в провинции, и он отказался от этой должности. Несколько месяцев был министром иностранных дел, пока окончательно не разочаровался в Резе. Тогда он легко добился избрания в меджлис.

Мосаддык был высокого роста, но с опущенными плечами, казалось, на него давит невыносимая тяжесть. Он производил впечатление осужденного, которого ведут на казнь. Он говорил с трибуны парламента, что иранцы сами должны определять свою судьбу, и возражал против той роли, которую в стране играли иностранцы. Он плохо относился и к коллегам-депутатам, обвинял их в трусости, отсутствии инициативы, патриотизма.

Когда Резу выбирали шахом, Мосаддык высказался против возвращения к институту монархии и призвал Резу, если он желает служить стране, самому возглавить правительство. Шах предлагал ему разные посты. Мосаддык отказывался. Его болезнь прогрессировала. У него были сильные кровотечения. Он поехал в 1936 году в Германию лечиться, но и немецкие врачи не могли найти причину его недомогания. И при всем при этом шах его боялся. В 1940 году Мосаддыка арестовали и повезли в тюрьму. По пути в тюрьму он наглотался транквилизаторов — в очевидной попытке совершить самоубийство. В камере он

пытался перерезать себе вены бритвой, объявил голодовку. Через несколько месяцев его выпустили и поместили под домашний арест.

Мосаддык считал шаха Резу главным врагом Ирана. Его уход в сентябре сорок первого многое изменил. В 1943 году в стране впервые прошли свободные выборы. Мосаддык вышел из своего укрытия и вновь был избран в меджлис. В Иране сформировалась легальная оппозиция в форме Национального фронта, которую возглавил Мосаддык и которая пользовалась широкой поддержкой.

После Второй мировой доходы Англо-иранской нефтяной компании имели огромное значение для британской экономики. Компания платила налоги в Англии и только после этого отчисляла десять — двенадцать процентов прибыли правительству Ирана. В 1950 году компания перечислила в Лондон сто миллионов фунтов. Вместе с малайским каучуком иранская нефть поддерживала курс слабеющего фунта стерлингов. Как признавался министр иностранных дел Эрнест Бевин:

— Без иранской нефти мы никогда не сможем добиться такого уровня жизни, к которому мы стремимся.

Иранцы считали, что англичане их грабят. Но британские управляющие нефтяной компанией отказывались что-либо менять. Это сплотило против англичан все слои общества. Меджлис сформировал комитет по нефтяным делам во главе с Мосаддыком. Его поддержала даже немалая часть исламского духовенства. Кроме таких радикалов, как молодой священнослужитель Рухолла Хомейни, который считал, что Мосаддык и другие забыли об исламе.

Когда Арабо-американская нефтяная компания, Арамко, в декабре 1950 года договорилась с Саудовской Аравией о разделе прибылей пополам, британский посол в Тегеране телеграфировал в Лондон: иранцам надо предложить такие же условия. Министерство иностранных дел и нефтяная компания отвергли эту идею. Они упустили еще один шанс решить проблему.

В 1951 году начались демонстрации с требованием национализировать нефтяную отрасль. Эту идею поддержало духовенство. Они читали в мечетях фетву (заключение, приобретающее силу закона), в которой говорилось, что пророк Мохаммад из рая заклеймил шахское правительство за то, что оно продает природные ископаемые Ирана неверным иностранцам.

19 февраля 1951 года председатель комиссии меджлиса Мохаммад Мосаддык внес предложение о национализации нефтяной промышленности.

7 марта в Тегеране прошла демонстрация под лозунгом «Смерть британцам!». В результате покушения погиб премьер-министр. Полиция схватила убийцу. Он признался, что состоит в религиозной группе «федаины ислама» и убил главу правительства, потому что он был пешкой в руках англичан.

Заседание меджлиса 15 марта стало историческим. Присутствовали девяносто шесть депутатов, даже те, кто накануне обещал шаху не приходить. Все проголосовали за национализацию. Через несколько дней столь же единодушно проголосовал и сенат, половину членов которого назначил сам шах. Мосаддык стал национальным героем эпических масштабов. Им восхищались все — от духовенства до партии Туде. Мосаддык был избран премьер-министром. Совершилось немыслимое. Власть в стране оказалась в руках человека, который символизировал иранский национализм.

Шах неохотно согласился с его назначением. 1 мая 1951 года шах подписал закон о создании национальной иранской нефтяной компании. Англичане возмутились. Они считали, что иранцы должны быть им благодарны: они получают от нефтяной компании работу, деньги да еще и «навыки благородного и культурного общения».

В Англии министром иностранных дел вместо ушедшего по состоянию здоровья Бевина стал Герберт Моррисон. Он тридцать лет пробивался наверх внутри Лейбористской партии, в международной политике не разбирался. Моррисон на заседании кабинета высказался за военную интервенцию в Иране. Его оборвал премьер-министр Клемент Эттли, который вопрос о применении силы потребовал снять с повестки дня. Он придерживался другой линии:

— Ждем, пока нищим не понадобятся деньги, — это поставит их на колени.

Клемент Эттли писал в мемуарах, что назначение Моррисона на пост министра иностранных дел было его «худшей кадровой ошибкой». В какой-то момент Эттли был расположен к компромиссу. Он все же был социалистом и сторонником национализации некоторых важных отраслей в самой Англии.

31 мая президент Гарри Трумэн телеграфировал Эттли, настоятельно советуя вступить в переговоры с Ираном, чтобы избежать ухудшения ситуации.

15 июля 1951 года в Тегеран прилетел известный американский дипломат Аверелл Гарриман, надеясь сыграть роль посредника. Ему устроили своеобразную встречу. Десять тысяч человек кричали: «Смерть Гарриману!» Митингующих по всему городу разгоняла конная полиция и бронеавтомобили. Гарриман

поехал к Мосаддыку. Премьер-министра он застал в постели. Мосаддык сказал, что хотел бы понять: Соединенные Штаты — друг или марионетка англичан. Гарриман заметил, что он работал в Лондоне и знает много хороших англичан.

— Вы их не знаете, — пробормотал Мосаддык. — Вы их не знаете.

Гарриман поинтересовался его внуком, спросил, где тот учится.

— В Англии, конечно, — ответил Мосаддык. — Где еще?

В трудные минуты Мосаддык демонстрировал беспомощность. Когда на него давили, он укладывался в постель в розовой пижаме и складывал руки на груди. Впрочем, он мог быть вполне галантным. Когда его познакомили с Мэри Гарриман, он принялся с большим удовольствием целовать ей руку и смог остановиться, когда почти достиг локтя.

Переговоры не задались. Мосаддык жил шиитскими представлениями. Он готов был добиваться справедливости даже ценой собственной жизни. Разговоры о деталях нового соглашения о добыче и продаже нефти его мало интересовали. Он постоянно говорил об англичанах:

— Вы не знаете, какие они изобретательные. Вы не знаете, сколько в них зла.

Гарриман пытался объясниться с аятоллой Кашани, спикером парламента, ставшим одной из самых влиятельных фигур в стране. Гарриман говорил о том, что решить нефтяной кризис можно только путем какого-то соглашения между Ираном и Англией. Аятолла отвечал, что ни один уважающий себя иранец не стал бы разговаривать с британскими «собаками» и напрасно Соединенные Штаты это предлагают. Что касается иранской нефти, то пусть она остается в земле:

— Если Масаддык уступит, прольется его кровь.

Не удовлетворенный этими угрозами, аятолла попытался прощупать самого Гарримана. Он спросил американца, известна ли ему судьба майора Эмбри. Гарриман ответил отрицательно. Аятолла пояснил:

— Он тоже был американцем, интересовался нашей нефтью и возбудил к себе ненависть народа. Когда он шел по улице, в него стреляли. Но не убили. Его отправили в больницу, тогда толпа ворвалась в больницу и растерзала его прямо на операционном столе. Понимаете?

Не без усилий Гарриман сдержался:

— Вы должны понимать, что я побывал во множестве опасных ситуаций. И меня так просто не запугаешь.

Аятолла как ни в чем не бывало заметил:

— Ну что ж, во всяком случае, я должен был попробовать.

Англичане отправили к берегам Ирана боевые корабли. В середине апреля 1951 года три фрегата и два крейсера встали на рейд напротив нефтеперерабатывающего завода в Абадане. Англичане вели себя в Иране как колонизаторы XIX века.

Государственный секретарь США Дин Ачесон пригласил британского посла, чтобы сообщить: американское правительство категорически возражает против использования власти. Ачесон симпатизировал национализму в третьем мире, видя в нем освобождение от несправедливостей прошлого.

Высокий, стройный, он носил отлично сшитые костюмы, бабочку и выглядел патрицием, хотя вырос в маленьком городке в Коннектикуте. Его мать была наследницей денег, заработанных на канадском виски. Его отец, англичанин, был священником. Он часто говорил сыну: «Держи нос выше!»

Дин Ачесон учился в Йельском университете и на юридическом факультете Гарварда. Блистательный юрист, он рано начал работать в Государственном департаменте. Ни один из девяти членов кабинета не имел такого влияния на президента Трумэна, как Дин Ачесон. У Трумэна не было ни личных советников по национальной безопасности, ни специальных представителей, каким был при Рузвельте Гарри Гопкинс. Все международные дела он передал Ачесону.

Ачесон знал, что Трумэн сентиментален и чувствителен к красивым жестам. Президент однажды написал Ачесону короткую записку: «Хорошо, что вы пришли нас проводить. Вы всегда поступаете правильно. Я все еще ощущаю себя деревенским парнем, и, когда государственный секретарь крупнейшего государства приезжает в аэропорт, чтобы проводить меня в отпуск, я не могу не почувствовать себя большой шишкой».

Все происходящее в мире рассматривалось под углом холодной войны. Трумэн и Ачесон пытались показать странам третьего мира, что Соединенные Штаты, а не Советский Союз их настоящий друг.

Разницу в политике Лондона и Вашингтона символизировали послы. Американский посол в Тегеране Генри Грейди считал Иран нищей страной, из которой англичане высасывают все соки, да еще и обращаются с шахом как со слугой. Британский посол сэр Фрэнсис Шеперд считал, что иранцы должны быть благодарны англичанам.

Встретиться с Мосаддыком британское правительство отправило лорда — хранителя печати сэра Ричарда Стоукса. Премьер-министр первым делом поинтересовался, не католик ли его гость. Стоукс кивнул: да, он католик.

— Тогда вы не годитесь для переговоров, — ответил Мосаддык, — католики не признают развода, а Иран разводится с британской нефтяной компанией.

Лорд Стоукс заметил, что происходящее больше похоже на убийство, чем на развод.

Британское правительство ввело санкции против Ирана. Запретило экспорт в Иран важных товаров, например сахара и стали. Потребовало вернуть весь британский персонал из нефтяной отрасли. Блокировало все счета Ирана в британских банках.

Мосаддык назначил получившего образование во Франции инженера Мехди Базаргана управляющим иранской нефтяной компанией. Базарган полетел в Абадан и объяснил британским инженерам, что он теперь их начальник. Англичане отказались с ним сотрудничать и стали уезжать. Иранская нефтяная компания пыталась нанять специалистов в других странах. Но британское правительство убедило европейские правительства не давать им выездные визы.

Соединенные Штаты и Англия организовали бойкот иранской нефти. Семь крупнейших нефтяных компаний (из них пять американских) контролировали практически всю мировую добычу, большую часть нефтеперерабатывающих заводов и торговлю нефтепродуктами. Они отказались покупать национализированную иранскую нефть. Им не составило труда увеличить добычу в других странах Ближнего Востока, чтобы заместить иранскую нефть на мировом рынке.

В конце июня 1951 года англичане прекратили загрузку танкеров. Капитаны уже заправленных танкеров получили приказ перекачать нефть назад и покинуть порт. Иран входил в четверку самых крупных экспортеров нефти, но не владел ни одним танкером и сам не мог продать ни капли. Ограниченные емкости хранилищ быстро заполнились. Иранская нефтяная промышленность остановилась.

Частная итальянская компания отправила в Иран танкер, чтобы заработать на дешевой иранской нефти. Британские корабли перехватили танкер. Британские юристы доказали, что танкер везет ворованную нефть. Это был удар по правительству Мосаддыка. Больше ни одна компания не решалась вести бизнес с Ираном.

8 октября 1951 года Мосаддык прилетел в Нью-Йорк. Прямо из аэропорта он отправился в больницу на консультацию. Он готовился выступить в ООН. 15 октября Совет Безопасности собрался, чтобы послушать Мосаддыка. Он был профессиональным юристом, он был европейски воспитанным

человеком и свободно говорил по-французски. Может быть, дипломаты впервые услышали голос третьего мира.

Англия внесла жесткий проект резолюции в Совет Безопасности с осуждением Ирана. Но Мосаддык настаивал на том, что вообще никакой резолюции в данном случае Совет Безопасности принимать не должен. И к нему прислушались. Это было серьезное дипломатическое поражение Великобритании. Мосаддык стал фигурой мирового масштаба, человеком, к которому прислушивались.

В Англии шла предвыборная кампания. Уинстон Черчилль боролся за свое прежнее место и обвинял своего соперника премьер-министра Клемента Эттли, что он недостаточно твердо противостоит Мосаддыку.

Трумэн решил вмешаться. Он пригласил Мосаддыка в Вашингтон. Премьер приехал на поезде 23 октября. Он играл. Говорил американскому президенту:

— Я представляю очень бедную страну, страну пустынь — у нас только песок, немного верблюдов и овец…

— Да, и очень много нефти, — добавил Ачесон.

Но и переговоры в Вашингтоне ничего не дали.

— Доктор Мосаддык, — сказал ему американский дипломат Вернон Уолтерс, — с вашим визитом было связано столько ожиданий. Но вы возвращаетесь домой с пустыми руками.

Мосаддык удивленно посмотрел на него:

— Неужели вы не понимаете, что, вернувшись с пустыми руками, я создаю себе более сильную позицию дома? А вот если бы я вернулся с соглашением, мне бы пришлось доказывать его полезность своим фанатикам.

В Лондоне к власти вернулись консерваторы во главе с Уинстоном Черчиллем. Он всю жизнь держал оборону против национализма в третьем мире, и на закате своей карьеры ему предстояла последняя схватка. Министр иностранных дел в правительстве консерваторов Энтони Иден, в отличие от других дипломатов, был хорошо знаком с Ираном. В Оксфорде он изучал персидский язык. Он считал его красивым, как итальянский, и читал поэму «Шахнаме» на языке оригинала. Иден, как и Черчилль, был защитником колониальной системы. Он свысока относился к интеллектуальным способностям народов развивающихся стран и не мог этого скрыть.

Иден с Черчиллем были убеждены, что Мосаддыка надо убрать, но не знали, как это сделать. Мешала позиция Соединенных Штатов. Администрация Трумэна считала, что Мосаддык прав и англичане должны платить.

Государственный секретарь Дин Ачесон опасался серьезного

хаоса в Иране. Экономика Ирана разваливалась из-за невозможности продавать нефть. Американцы опасались, что Мосаддык обратится за помощью к Советскому Союзу и важный союзник в холодной войне будет утерян.

Дин Ачесон внушал Энтони Идену:

— Мы ведь имеем дело со страной, которая находится рядом с Советским Союзом. Это критически важный район.

В Лондоне больше думали о сохранении империи и поддержании курса фунта стерлинга.

— Нации, угнетаемые вероломными и алчными колониалистскими державами, — призывал иранцев к терпению Мосаддык, — должны проявить большую самоотверженность для того, чтобы обеспечить себе полную свободу и независимость, вырвать свои природные богатства из рук чужеземцев и использовать для своих нужд те доходы, которые ныне идут в карман иностранцев.

В 1952 году левая партия Туде была на подъеме. Англичане докладывали из Тегерана: левые добились того, что портреты шаха исчезли из витрин магазинов. Туде давила на Мосаддыка слева. 12 июня 1952 года начальник штаба иранской армии предупредил своих офицеров, что Туде может попробовать совершить военный переворот, но превентивные меры против коммунистов крайне опасны.

В июле 1952 года Мосаддыка пригласил к себе шах. Разговор был тяжелым. Иран был слишком мал, чтобы выдержать двоих. Мосаддык потерял сознание и упал к ногам шаха. Мосаддык требовал контроля над военным министерством. Шах понимал, что без армии он превратится в номинальную фигуру.

— Да я лучше соберу вещи и уеду, — сказал шах премьер-министру.

По конституции шах являлся главнокомандующим, но был обязан в политических вопросах сотрудничать с правительством. Считалось, что шах имеет право сам назначать военного министра. Мосаддык нарушил это правило. Когда шах отказался пойти ему навстречу, Мосаддык 17 июля подал в отставку. Он хотел видеть, кого поддержит Иран. А страна была в кризисе. Остановка нефтяной промышленности привела к тому, что десятки тысяч людей потеряли работу.

Шах попытался назначить главой правительства другого человека, предложенного англичанами. Но иранцы восстали. Они ценили Мосаддыка не только как патриота, выступившего против британского засилья, но и как премьер-министра, который провел важные социальные законы. Он освободил крестьян от рабского труда на крупных землевладельцев, заставил работодателей

платить больным рабочим и рабочим-инвалидам, разработал систему пособий безработным.

21 июля Национальный фронт призвал к всеобщей забастовке в знак поддержки Мосаддыка. Шаху пришлось пойти на попятный. Вечером он пригласил Мосаддыка. Он согласился с тем, что премьер-министр будет контролировать военное министерство. Он только спросил, намерен ли он сохранить монархию. Мосаддык ответил утвердительно.

— Вы войдете в историю как невероятно популярный монарх, если будете сотрудничать с демократическими и националистическими силами.

На следующий день меджлис переизбрал Мосаддыка главой правительства. Он мог тогда легко избавить страну от династии Пехлеви и провозгласить республику. Но этому человеку часто не хватало решимости.

Англичане понесли тяжелое поражение. Их планы были сорваны новой силой — толпой. В Лондоне подумывали о военной операции, но Трумэн был категорически против. Оставался только заговор. Но Мосаддык в октябре 1952 года закрыл британское посольство, всем англичанам — дипломатам и разведчикам — пришлось покинуть Иран. Англичане попросили американцев о помощи. ЦРУ еще никогда не свергало премьер-министра, и Трумэн не хотел начинать.

Когда президентом стал Дуайт Эйзенхауэр, отношение к Ирану изменилось. Только один человек в новой американской администрации все еще надеялся на компромисс с Мосаддыком: сам президент. Он говорил Уинстону Черчиллю, что не хочет влезать в иранские дела. Черчилль не стал спорить. Он знал, что братья Даллес на его стороне. Братья мыслили категориями холодной войны и видели во всем происки коммунистов.

Эйзенхауэра переубедили сообщениями о насилии в Тегеране и о том, что там власть может попасть в руки коммунистов: Иран не должен перейти на сторону Советского Союза. Эйзенхауэр пришел к выводу, что Иран распадается и спасти его не удастся, пока Мосаддык у власти.

18 марта заместитель директора ЦРУ Фрэнк Визнер сообщил англичанам о готовности сотрудничать в свержении Мосаддыка. Он предупредил англичан, что американская военная миссия продала Ирану радиопеленгующее оборудование, которое позволяет находить нелегальные передатчики.

25 июня 1953 года государственный секретарь Соединенных Штатов Джон Фостер Даллес дал зеленый свет операции по свержению «безумца Мосаддыка».

11 июля его решение одобрил президент Эйзенхауэр.

Резидент ЦРУ в Тегеране Роджер Гойрэн проработал в Иране пять лет. У него была мощная агентурная сеть — больше ста человек, она обходилась в миллион долларов. Это была немалая сумма, если сравнить с тем, что весь бюджет тайных операций ЦРУ составлял восемьдесят два миллиона долларов. Резидент скептически отнесся к новому поручению: переворот приведет к тому, что иранцы будут считать американцев такими же колониалистами, как и англичан.

Директор ЦРУ Аллен Даллес приказал отозвать его из Тегерана и поручил операцию специалисту по Ближнему Востоку Кермиту Рузвельту. Внук президента Теодора Рузвельта, он, как и многие представители этого семейства, был склонен к решительным действиям. Кермит Рузвельт родился в Буэнос-Айресе, где его отец занимался бизнесом. Он учился в Гарварде и представлял собой тип разведчика-бизнесмена.

Врачи требовали, чтобы Рузвельт срочно сделал операцию на почке, а он в июле 1953 года улетел в Тегеран, прихватив с собой на сто тысяч долларов мелких иранских денег — раздавать протестующим на улицах. В то время в американских паспортах указывались особые приметы его владельца. Малограмотный инспектор иранской пограничной стражи с трудом ознакомился с паспортом и решил, что имя американца звучит так: «Мистер Шрам на лбу».

Кермит Рузвельт решил, что это неплохое начало для его миссии.

Когда Мосаддык закрыл британское посольство в Тегеране, Кермит Рузвельт подумал, что это благоприятный момент для ЦРУ. Англичане столько лет выстраивали здесь подпольную сеть, и теперь она осталась без руководства. Кто-то должен ее возглавить. Сотрудники ЦРУ поехали на Кипр, где обосновались изгнанные из Тегерана британские разведчики. Те не хотели раскрывать имена своих агентов и доверенных лиц, но все же сообщили, что их главные агенты — братья Рашидян, с которыми они связываются три раза в неделю по радио и которые получают десять тысяч фунтов в месяц — очень большие деньги. Они делали все, чтобы дестабилизировать ситуацию в Иране. Муллы, политики, журналисты резко критиковали премьер-министра.

Кермит Рузвельт разработал такой план. Сначала массированная кампания критики Мосаддыка, потом верные шаху офицеры требуют его отставки, толпа захватывает улицы, и тогда новый премьер-министр устанавливает порядок.

Проблема у Рузвельта возникла с тридцатидвухлетним шахом, нерешительным от природы. Он ненавидел принимать решения. Ему не хватало морального мужества, и его легко

можно было запугать. Большие усилия были потрачены на то, чтобы пробудить мужество в самом шахе. Натравили на него его сестру — решительную принцессу Ашраф, которая вовсе не была похожа на брата.

Поначалу Кермит Рузвельт терпел неудачи. Мосаддык обещал, что Иран станет «сражаться до конца». Его поддержала вся страна. И левые, и священнослужители повторяли, что иранцы готовы умереть, защищая свою честь. Но контраст между амбициозными мечтами и жестокой реальностью нищей жизни становился все более очевидным.

«Мосаддык был честным, но сумасбродным и непредсказуемым человеком, — вспоминают современники. — По большей части из-за болезни он руководил делами либо лежа в постели, либо с балкона обращаясь к толпе, собравшейся у его дома. Обличая западный империализм, Мосаддык имел склонность плакать и переходить на крик».

Шах согласился сделать новым главой правительства отставного генерала Фазлолла Захеди, который получил большие деньги от ЦРУ.

Шах честно предупредил Кермита Рузвельта:

— Если по несчастливому стечению обстоятельств дела пойдут не так, мы с императрицей улетим в Багдад.

15 августа 1953 года после полуночи на двух джипах и с грузовиками, полными солдат, командир императорской гвардии полковник Нематолла Назири отправился к Мосаддыку с фирманом — шахским повелением отправить его в отставку. Полковник, который командовал семьюстами солдатами, был лоялен шаху. Полковник должен был блокировать начальника Генерального штаба, чтобы армия не выступила на защиту премьер-министра. Но начальник штаба отсутствовал в своем доме. Там было пусто: ни слуги, ни швейцара у входа. Полковник почему-то не насторожился. А начальник штаба уже поднял по тревоге своих солдат. Когда полковник прибыл к дому Мосаддыка, его разоружили. Начальник Генерального штаба назвал его предателем и отправил в тюрьму.

Мосаддык выступил по радио и сообщил, что сорвана попытка государственного переворота, организованная шахом и иностранными элементами. Услышав это, испуганный шах в сопровождении шахини Сорейи, собрав вещи, сел в двухмоторный «бичкрафт». Шах занял кресло пилота и взял курс на Багдад. Оттуда они улетели в Рим, где нашли убежище. Министр иностранных дел Ирана Хусейн Фатеми на митинге назвал шаха предателем.

Начальник иранского отдела в ЦРУ Джон Уоллер отправил

Кермиту Рузвельту шифровку: возвращайтесь. Рузвельт мог улететь вместе с генералом Захеди и другими на самолете американского военно-воздушного атташе. Но он не хотел покидать поле боя. Он не считал кампанию проигранной. У него в руках была мощная агентурная сеть, и генерал Захеди был вполне популярным среди военных. Рузвельт решил распространить широко по городу шахский фирман о назначении генерала Захеди. В Вашингтоне никто не разделял его оптимизма. Фактически он продолжал действовать в одиночку.

Мосаддык был уверен, что победил. А люди вновь и вновь выходили на улицы, протестуя против правительства, которое ничего не делает, чтобы жизнь стала лучше. Ему и в голову не приходило, что может последовать вторая попытка его свергнуть. Он наивно велел полиции не мешать людям выходить на демонстрации.

Искренний по натуре Мосаддык по-детски верил другим людям. Его не сложно было растрогать. Однажды к нему пришел американский посол и стал жаловаться, что демонстранты угрожают даже семьям американцев. К тому времени вместо Грейди, который поддерживал иранских националистов, в Тегеран отправили послом Лоя Гендерсона. Он считал Мосаддыка «сумасшедшим, вступившим в союз с русскими».

Мосаддык возмутился и прямо в присутствии посла отправил полицию разогнать демонстрацию, которая на сей раз состояла из его верных сторонников. Потом он вообще запретил все демонстрации и приказал военным исполнить его приказ.

19 августа на улицы вышли только противники Мосаддыка. Его сторонники, исполняя его приказ, остались дома. Единственная партия, готовая защищать правительство, Туде, весь день совещалась: что делать? Один из лидеров партии позвонил Мосаддыку и предложил выдать им оружие.

— Если я когда-нибудь соглашусь вооружить политическую партию, — ответил Мосаддык, — пусть Аллах лишит меня правой руки!

Но не по этой причине Туде осталась дома. Она, как считается, ждала указаний из Москвы и не получила их. Тем временем военные освободили полковника Назири, который немедленно мобилизовал императорскую гвардию против правительства. Большинство военных хранило верность шаху. Военные придали путчу ореол законности. В атаке на правительственные здания участвовали танк и артиллерия. Настоящая битва шла за резиденцию Мосаддыка. Восставшие захватили телеграф и сообщили всей стране, что правительство Мосаддыка низложено.

А шах ни о чем не подозревал. Он обедал в своем отеле в Риме вместе с женой и двумя адъютантами. Внезапно ворвалась группа репортеров. Они хотели знать мнение шаха о том, что происходит в Тегеране. Шах не сразу поверил этим сообщениям. Потом он вскочил на ноги:

— Мой народ любит меня!

В ту среду погибли примерно три сотни человек, половина в бою за дом Мосаддыка. Резиденцию Мосаддыка захватили. Но самого премьер-министра не нашли. Его увезли его помощники. В американском посольстве пили шампанское. Во временном штабе генерала Захеди в офицерском клубе Кермита Рузвельта приветствовали как героя. Новый глава правительства Захеди приказал запретить все демонстрации, закрыть границы и вычистить всех сторонников Мосаддыка из армии и полиции.

Мосаддык не смог бы долго скрываться, даже если бы захотел. Вечером он позвонил в офицерский клуб, чтобы договориться об условиях сдачи. Его привезли в пижаме. Генерал Захеди больше всего боялся, что бывшего премьера попытаются убить.

А шах нанял голландский авиалайнер, чтобы прилететь в Тегеран. Его сопровождали восемь иракских истребителей. На аэродроме его встречал военный оркестр. Шесть дней изменили его жизнь! В воскресенье шах бежал из страны. Вернулся он триумфатором.

Шах пригласил к себе Кермита Рузвельта. Налили ледяной водки. Шах сказал:

— Я обязан своим троном Аллаху, моему народу, моей армии и вам.

Мосаддыка перевели в военную тюрьму. Он предстал перед военным трибуналом.

— Мое единственное преступление, — сказал Мосаддык своим судьям, — это то, что я национализировал иранскую нефтяную промышленность и избавил страну от колониализма, политического и экономического влияния великих империй.

Приговор: три года тюрьмы и домашний арест до конца жизни. Мосаддык отсидел срок от звонка до звонка. Летом 1956 года его отвезли домой. Его стерегли агенты шахской спецслужбы САВАК. К нему не допускали никого, кроме родственников и ближайших друзей.

Арестовали шестьсот офицеров, близких к нему. Примерно шестьдесят расстреляли. В 1965 году умерла его жена. Через несколько месяцев у него самого нашли рак горла. Шах предложил ему полечиться за границей. Он отказался. Приехала бригада итальянских врачей. Мосаддыка привезли в Тегеран, где

он лечился. Опухоль ему удалили, но подвергли слишком сильному облучению кобальтом. Это принесло больше вреда, чем пользы. 5 марта 1967 года в возрасте восьмидесяти пяти лет он умер. Публичные похороны не разрешили…

Однако Великобритании едва ли стоило торжествовать. 5 декабря 1954 года шах восстановил дипломатические отношения с Лондоном. Но англичане утратили свои позиции в Иране. Им пришлось поделиться с американскими нефтяниками. Англо-иранская компания была переименована в «Бритиш петролеум», за ней оставили только сорок процентов прежней доли в иранской добыче нефти. Остальное получили американские нефтяные компании. Этим занимался заместитель Джона Фостера Даллеса — Герберт Гувер-младший, который прибыл в Тегеран улаживать нефтяные дела. 30 октября 1954 года экспорт иранской нефти был поручен Международному нефтяному консорциуму, в который вошли девять нефтяных компаний.

Эта история стала поворотным пунктом в истории стран — экспортеров нефти. Впервые иностранную компанию лишили собственности. Все имущество отныне принадлежало Ирану, который начал путь к нефтяной независимости.

Джордж Янг, руководивший в британской разведке ближневосточным направлением, в 1955 году откровенно беседовал с шахом. Тот сказал, что после Второй мировой войны, подталкиваемый британским и американским послами, он пытался стать конституционным монархом. В результате он вынужден был бежать в Рим, а Иран едва не превратился в республику. Так что он сыт по горло демократией и теперь намерен «править сам». Он понимает, что погибнуть от руки террориста — его судьба, но он верит в превентивные меры и не станет легкой целью для убийц. Уже прибыла первая группа американцев, чтобы готовить сотрудников его новой спецслужбы — САВАК…

Американцы уверились, что Англия дряхлеет на глазах. Физическое нездоровье Черчилля и Идена словно символизировало слабость распадающейся империи. После удачи в Иране Кермит Рузвельт в августе 1953 года пришел повидать британского премьер-министра. В два часа дня он нашел Черчилля еще лежащим в постели. Тот перенес несколько ударов. В Бостоне ему сделали операцию. Он жил на лекарствах, страдал лихорадкой и внезапными переменами настроения. Сэр Уинстон плохо слышал и с трудом говорил. Черчилль сказал, что, если бы был помоложе, охотно вместе с Рузвельтом принял бы участие в иранском деле.

Кермит Рузвельт в 1958 году покинул ЦРУ. Шесть лет он работал одним из директоров нефтяной компании «Галф ойл». Потом он успешно работал на «Нортроп корпорейшн», помогая получить ей ценнейшие контракты в Иране. Он умер в 2000 году. Государственный переворот пятьдесят третьего был звездным часом его карьеры.

Мохаммад Мосаддык оставался премьер-министром всего двадцать шесть месяцев. Но в каком-то смысле он изменил мир. Журнал «Тайм» в 1951 году назвал его человеком года, предпочтя его Трумэну, Черчиллю и Эйзенхауэру.

Партия Туде действовала в подполье и пользовалась полной поддержкой ЦК КПСС. Но в середине пятидесятых деньги Туде практически перестали давать, потому что советские руководители наладили отношения с правительством Ирана. В пятьдесят шестом году в Москву приехал шах Ирана Мохаммад Реза Пехлеви с шахиней Сорейей. Шах, как он пишет в своих воспоминаниях, говорил достаточно резко: «Я напомнил гостеприимным хозяевам о том, что русские на протяжении нескольких веков беспрестанно пытались продвинуться через Иран к югу. В 1907 году они вступили в Иран. Во время Первой мировой войны они вновь попытались захватить нашу страну. В 1946 году создали марионеточное правительство, чтобы отторгнуть от Ирана богатейшую провинцию — Азербайджан».

Хрущев отвечал, что они не несут ответственность за то, что делалось до того, как они приняли на себя руководство страной. Хрущев хотел подвести черту под старым. Иранские коммунисты лишились поддержки…

Свержение Мосаддыка не пошло на пользу стране. Шах установил единоличную диктатуру, которая закончилась исламской революцией в 1979 году. Американцы не могли понять причины ненависти к ним со стороны иранцев, а это было в немалой степени порождением переворота 1953 года.

Но тогда, в пятидесятых годах, переворот в Иране вдохнул новую жизнь в американскую разведку. Она увидела новую сферу приложения сил — третий мир.

Осенью 1950 года на выборах в Гватемале президентом был избран полковник Арбенс, профессиональный военный, министр в прежнем правительстве. Он сформировал умеренно социалистическое правительство и объявил широкую программу реформ. Арбенс установил дипломатические отношения с Советским Союзом, пригласил коммунистов присоединиться к его коалиционному правительству. В 1952 году он национализировал банановые плантации, принадлежавшие американской Объединенной фруктовой компании.

Владельцам президент Арбенс предложил компенсацию. Компания отвергла предложение. Она доказывала Вашингтону, что Арбенс — марионетка в руках коммунистов. В условиях холодной войны долго убеждать не пришлось. В Белом доме решили свергнуть гватемальского президента. Операцию поручили ЦРУ.

В Гондурасе были сформированы отряды, которые в июне 1954 года подняли мятеж. Армия Гватемалы не захотела защищать своего президента. Через неделю Арбенс подал в отставку и покинул страну, жил на Кубе, потом в Мексике. Он так и не вышел из депрессии, сильно пил. Когда-то его отец покончил с собой. Самоубийство совершила и его старшая дочь. Сам бывший президент Арбенс в 1971 году был найден мертвым в собственной ванной. Причина смерти так и осталась неизвестной.

Две удачные операции подряд — и Центральное разведывательное управление вошло во вкус. В начале шестидесятых Англия осознала, что не располагает достаточными ресурсами, чтобы эффективно влиять на события в третьем мире. Зато ЦРУ стало активно проводить тайные акции в третьем мире.

В шестидесятых годах роль ЦРУ сильно изменилась. В некоторых странах резиденты были очень близки к местным властителям, как минимум они вместе выпивали. Сбор разведывательной информации и прямые политические действия тесно переплелись. Иные резиденты поддерживали с руководителями государства слишком тесные отношения. Рэй Клайн, резидент ЦРУ на Тайване, верный сторонник Гоминьдана, установил тесные отношения с сыном Чан Кайши — Цзян Цзинго и его женой. Они вместе выпивали в баре резидентуры ЦРУ.

В Вашингтоне поверили в фантастические возможности спецслужб как надежного инструмента в холодной войне. Соединенные Штаты считали необходимым вести непримиримую борьбу против коммунистической экспансии, в каких бы дальних уголках мира ни возникала коммунистическая угроза.

30 июня 1960 года Республика Конго, бывшая африканская колония, провозгласила независимость от Бельгии. Правительство возглавил лидер национально-освободительного движения Патрис Лумумба. Он принял решение, предопределившее его гибель: поднял зарплату всем государственным служащим, кроме военных. 5 июля возмущенные солдаты взбунтовались. Страна вышла из-под контроля.

11 июля Морис Чомбе, глава провинции Катанга, богатой медью, алмазами и урановой рудой, перестал подчиняться центральному правительству. Страна начала разваливаться.

Бандитизм грозил перерасти в хаос. Бельгия вернула в Конго армейский контингент, чтобы эвакуировать своих соотечественников. Генеральный секретарь ООН отправил в Конго миротворческие силы в надежде стабилизировать положение.

Патрис Лумумба заявил, что готов пригласить в Конго советские войска, чтобы заставить бельгийцев уйти. Когда в Конго прибыла первая команда советских специалистов для оказания помощи правительству, в Вашингтоне решили избавиться от Лумумбы.

Через две недели после ухода бельгийцев на заседании Совета национальной безопасности в Белом доме директор ЦРУ Аллен Даллес сказал, что Лумумба — это второй Кастро, если не хуже…

На следующем заседании 1 августа Даллес предупредил, что Соединенные Штаты должны быть готовы противодействовать советской военной интервенции в Конго.

Он отправил шифровку резиденту в Леопольдвилле: «Если Лумумба останется на своем посту, то результатом в лучшем случае станет хаос, в худшем он позволит коммунистам взять власть в Конго. Поэтому мы пришли к заключению, что его устранение является первейшей и неотложной задачей».

18 августа резидент ЦРУ в Леопольдвилле телеграфировал, что «остается мало времени, чтобы принять необходимые действия для того, чтобы избежать появления еще одной Кубы». Резидентом был Лоуренс Девлин. А руководитель африканского отдела ЦРУ Бронсон Твиди ответил, что ждет санкции на проведение операции, которая «основана на вашем и моем убеждении, что Лумумба должен быть устранен».

На следующий день заместитель директора ЦРУ по оперативной работе Биссел отправил в Леопольдвилль шифротелеграмму: «Вы уполномочены провести операцию».

25 августа Даллесу представили план: с помощью взяток провести в парламенте Конго вотум недоверия правительству Лумумбы. На следующий день резидент в Леопольдвилле получил телеграмму, подписанную самим Даллесом, что было редкостью. Телеграмма требовала устранить Лумумбу. Резиденту ЦРУ не пришлось ничего делать.

14 сентября Лумумбу сверг полковник Жозеф Мобуту, командующий конголезской армией. Бывшего премьер-министра арестовали. Но в ЦРУ по-прежнему считали его опасным: Лумумба очень популярен, если он выйдет на свободу, народ его поддержит. Резидент телеграфировал в Вашингтон: «Лумумба в оппозиции так же опасен, как и у власти».

Пришел приказ отравить Лумумбу. В Конго отправили специалиста. Резидента предупредили, что 27 сентября он прилетит, позвонит по телефону и назовется: «Джо из Парижа». Это был уже упоминавшийся в этой книге Сидни Готлиб, который в ЦРУ занимался и ядами. В его багаже, который числился как дипломатический, был яд, маска, шприцы, медицинские перчатки. Но резидент не сумел добраться до зубной щетки Лумумбы, еды или каких-то других личных вещей, чтобы отравить его. Яд не понадобился. В хаосе, последовавшем за отделением Катанги, Лумумба попал в руки другого племени.

Пока великие державы обсуждали судьбу Конго в Совете Безопасности ООН, Патриса Лумумбу 17 января 1961 года расстреляли. Руководили расстрелом оставшиеся в стране сотрудники бельгийской разведки. Тело убитого премьер-министра растворили в серной кислоте.

Один из сослуживцев Эйзенхауэра, встретив Даллеса в Белом доме, сказал:

— Я вижу, вы наконец добрались до Лумумбы.

— Мы этого не делали, — ответил Даллес.

В холодной войне противники противостояли друг другу по всему миру. Любой успех противника воспринимался как собственная неудача.

В 1965 году пролилась кровь в Индонезии. Первый президент страны Сукарно, лидер движения за независимость, противник империализма и капитализма, считал, что западная демократия Индонезии не подходит. Ему нравилась идея «управляемой демократии». В марте 1960 года он распустил парламент и сам стал назначать депутатов. В июле 1962 года Сукарно провозгласили пожизненным президентом. Он предпочитал называть себя отцом нации.

Президент Сукарно рассорился с западными странами. Зато укрепил связи с Китаем и после поездки в Москву получал советскую военную помощь. Компартия Индонезии стала мощной политической силой. Сукарно ввел коммунистов в правительство.

В Соединенных Штатах Индонезия воспринималась как часть коммунистического лагеря. В ЦРУ делали все, чтобы подорвать власть Сукарно. На него было совершено несколько покушений. Сотрудники американской разведки подняли против Сукарно восстание. Но индонезийские войска его подавили.

Считалось, что некоторые спецслужбы охотно знакомят президента Индонезии, падкого на женскую красоту, с девушками без комплексов. Но попытки ЦРУ распространять компрометирующие видеоматериалы окончились ничем. Выяснилось, что соотечественникам Сукарно очень даже нравятся

подвиги президента, который укладывал в постель белых женщин. Это воспринималось как компенсация за колониальное прошлое.

В ночь на 30 сентября 1965 года шесть индонезийских генералов были убиты солдатами батальона президентской гвардии. Осталось невыясненным, кто и зачем это сделал. Считается, что крайне левые пытались взять власть в стране.

Командование армией принял на себя генерал Сухарто. Военные сразу заявили, что это компартия по указанию Советского Союза и Китая пытается совершить государственный переворот. Генерал Сухарто был героем войны за независимость. 1 марта 1949 года он атаковал голландские войска и овладел столицей Джакартой. Это был звездный час Сухарто. Второй звездный час наступил, когда он взял власть в стране.

В 1965 году президент сам выдвинул генерала на первые роли.

— Я, президент и Верховный главнокомандующий, — провозгласил Сукарно, — назначаю генерал-майора Сухарто командующим войсками по восстановлению безопасности и порядка.

В стране началась вакханалия насилия. Коммунистов хватали и расстреливали. Военные залили страну кровью. Считается, что без суда и следствия убили полмиллиона человек и еще полтора миллиона посадили. Положение в стране контролировала армия. Президент спохватился слишком поздно. Сукарно пытался вернуть власть, но время ушло. Компартия, которая его поддерживала, перестала существовать, а военные вышли из повиновения. Генерал Сухарто сам стал президентом, а Сукарно держал под домашним арестом до самой его смерти…

Страх перед экспансией коммунизма приобрел в Соединенных Штатах острый характер после того, как на Кубе взял власть Фидель Кастро. Остров воспринимался как форпост Советского Союза у самого порога Соединенных Штатов.

Руководители Соединенных Штатов были намерены любыми средствами искоренить коммунистическую заразу в Латинской Америке, в опасной близости от своих границ. В апреле 1965 года в Доминиканской Республике произошел очередной военный переворот. Не разобравшись, американские разведчики донесли в Белый дом, что там идет революция, устроенная кубинскими коммунистами, и что кубинская разведка переправила в республику оружие.

Президент Линдон Джонсон заявил:

— Мы не потерпим марксистское правительство так близко от нашей страны.

В Доминиканской Республике высадились американские морские пехотинцы. Советник президента по национальной безопасности Макджордж Банди признал впоследствии, что следов кубинского вмешательства найти не удалось. ЦРУ напрасно втянуло Соединенные Штаты в гражданскую войну…

Когда во время каникул в 1961 году студент из Парижа Режи Дебре взял билет до Нью-Йорка, пересел там на самолет до Майами и направился на Кубу, он, вероятно, и не подозревал, что поездка определит всю его дальнейшую жизнь.

Молодым человеком он выступал против попыток Франции силой оружия удержать колониальный режим в Алжире. Теперь Дебре прилетел на Кубу и предложил революционному правительству Фиделя Кастро свои услуги в качестве учителя. Кубинцы радовались каждому человеку, который хотел им помогать. Острый ум и готовность служить революции привлекли к нему внимание Фиделя Кастро и Эрнесто Че Гевары, который был после революции вторым человеком на Кубе.

В марте 1967 года Дебре последовал за Че Геварой, который отправился в Боливию поднимать народ на восстание.

Эрнесто Че Гевара родился в Аргентине. «Че» — это междометие, обращение друг к другу, так часто называют аргентинцев. Вместе с кубинцами Че Гевара участвовал в партизанской борьбе в горах Сьерра-Маэстра, командовал одной из партизанских колонн, вошедшей в Гавану. После победы он стал начальником департамента промышленности Института аграрной реформы, затем президентом Национального банка и министром промышленности. Но мирная и спокойная жизнь была не для него. Он решил, что совершит такую же, как на Кубе, революцию в Боливии. Это была нищая страна. Боливийцы страдали одновременно от военной диктатуры и отсталой экономики.

Преимущество партизана, считал Че Гевара, состоит в том, что у него решительно ничего нет. А противнику есть что терять: собственность, блага, привилегии, безопасность, собственную жизнь. Но его замысел провалился. Никто из боливийцев Че Гевару не поддержал. А вот в Соединенных Штатах Че считали очень опасным. Пожалуй, только американцы и верили в его обещание устроить революцию в Боливии. Поисками партизанского отряда занималось ЦРУ.

Режи Дебре провел в боливийском лагере Че Гевары всего шесть недель. 20 апреля 1967 года Дебре схватили боливийские солдаты, брошенные на поиски партизан. 7 октября отряд был разгромлен. Боливийцы, которыми руководили агенты ЦРУ, взяли Че Гевару живым. Но поступил приказ убить Че. Приказ был

выполнен. Его труп выставили напоказ и демонстрировали журналистам.

Командир отряда с гордостью говорил репортерам:

— Я не жалею о том, что мы сделали, я этим горжусь. Я считаю, что он был профессиональным солдатом, хорошим человеком. Он верил в свой путь, а мы верили в свой.

В последние месяцы своей жизни Че Гевара был одиноким человеком, которого все бросили. Но после успешной операции ЦРУ он стал для всего мира мистической фигурой, героем, которым молодежь всего мира восхищается и по сей день. Узнав о смерти Че, Режи Дебре сказал, что готов разделить судьбу погибших партизан.

— Они подыскали свидетелей, — рассказывал он журналистам, — которые не имели никакого морального права быть свидетелями. Они подобрали какие-то документы, а что-то просто выдумали. Они сказали, что я исполнял задание коммунистической партии Боливии. Но это не так. Я мог бы много рассказать о партизанском движении, о роли ЦРУ и янки. Это интервенция. Меня допрашивал агент ЦРУ.

Дебре приговорили к тридцати годам тюрьмы. Но ему повезло. Правящий режим в Боливии был свергнут, новое правительство освободило его из застенков, а президент Чили социалист Сальвадор Альенде предоставил Дебре политическое убежище.

Режи Дебре много беседовал с Альенде. Он считал «неразумным оптимизмом» уверенность чилийского президента в том, что революция способна победить без вооруженной борьбы. Когда в 1973 году правительство Альенде свергнут, многие вспомнят пророческие слова Режи Дебре…

Основатель Социалистической партии Чили сенатор Сальвадор Альенде три раза проигрывал президентские выборы. 4 сентября 1970 года, возглавив блок «Народное единство», в который вошли Коммунистическая, Социалистическая и Радикальная партии, Альенде добился успеха.

Многие чилийцы вспоминают тысячу дней его президентства как счастливейшее время своей жизни. Альенде был одновременно романтиком и гедонистом. Революционером в костюме от лучшего портного. Он наслаждался жизнью и пользовался успехом у женщин. В молодости взгляды у него были сомнительные. Врач по профессии, он защитил диссертацию, в которой утверждал, что душевные болезни, криминальное поведение и алкоголизм носят наследственный характер. Будучи министром здравоохранения Чили в начале сороковых, предлагал принять закон о насильственной стерилизации людей,

страдающих душевными заболеваниями.

Через неделю после победы Альенде на выборах президент Соединенных Штатов Ричард Никсон сказал директору ЦРУ Ричарду Хелмсу, что еще один марксистский режим в Латинской Америке недопустим. Никсон фактически отстранил от проведения политики посла США в Чили Эдварда Корри, потому что тот был демократом, поклонником Джона Кеннеди и его политики поддержки стран третьего мира.

Директор ЦРУ записал указания Никсона:

«Возможно, есть только один шанс из десяти, но надо спасти Чили!

Риск не имеет значения. Выделить десять миллионов долларов и еще — если будет нужно. Выделить лучших людей. Пусть чилийская экономика взвоет».

Резидентура ЦРУ в Сантьяго получила указание из штаб-квартиры: «Наша линия состоит в том, чтобы свергнуть Альенде с помощью переворота».

ЦРУ рассчитывало, что чилийские военные не позволят прийти к власти человеку, который называет себя марксистом. Но командующий сухопутными войсками генерал Рене Шнайдер считал, что армия должна хранить верность законному правительству.

Сотрудники ЦРУ связались с военными, которым Альенде не нравился, и передали им оружие. Устранить Шнайдера взялись две группы. Одна сложилась вокруг отставного генерала Роберта Вио, который уже пытался поднять мятеж против республики и потому был уволен из армии. Другой фигурой был генерал Камило Валенсуэла, командующий столичным гарнизоном.

Они оба взялись похитить Шнайдера. Имелось в виду вывезти его из страны и воспользоваться исчезновением генерала для того, чтобы помешать Альенде вступить в должность. Вместо этого утром 22 октября 1970 года группа Вио расстреляла Шнайдера в собственном автомобиле. События развивались совсем не так, как рассчитывали в Вашингтоне. Вмешательство ЦРУ привело к обратному результату. Вио был арестован, армия осталась в казармах. 23 октября парламент утвердил Альенде в роли нового президента.

3 ноября 1970 года Сальвадор Альенде вступил в должность. Через девять дней он установил отношения с Кубой и обещал дружить с Северной Кореей и Северным Вьетнамом. Фидель Кастро был воодушевлен избранием Альенде: теперь он не один в Латинской Америке! Кубинцы составили личную охрану президента Чили.

Президент Никсон прежде всего попытался надавить на Чили

экономически и отказал стране в помощи. Альенде получил от социалистического блока кредитов на шестьсот миллионов долларов. Но лишился денег, которые могли бы прийти из промышленно развитых стран Запада. Испугались и сами чилийцы — они бросились забирать вклады из банков. Премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай расскажет позже, что уговаривал Альенде действовать менее доктринерски. Но Альенде игнорировал советы китайцев. Он провел через парламент поправки к конституции, которые позволили правительству национализировать медные шахты, принадлежавшие трем американским компаниям.

Вмешательство государственного аппарата в экономику Чили не пошло ей на пользу. Производство падало. Сальвадор Альенде не понимал, почему национализированные предприятия не приносят такую же прибыль, какую они приносили капиталистам. К тому же Альенде не повезло. В 1971 году мировые цены на медь рухнули. А экспорт меди давал три четверти валютных поступлений страны. Не на что было закупать продовольствие. В январе 1973 года Альенде ввел систему распределения основных продуктов — такого в Чили еще не знали. Начались забастовки. Альенде закрыл штаб-квартиру главной оппозиционной партии — Христианско-демократической.

По указанию Белого дома ЦРУ поддерживало политических противников Сальвадора Альенде и обещало военным поддержку, если они возьмут власть в стране. С помощью денег ЦРУ организовали забастовку водителей грузовиков, которая подорвала экономику страны. Альенде делал один ошибочный шаг за другим.

Забастовку президент подавил с помощью армии. Четыре представителя вооруженных сил вошли в состав кабинета министров. Генерал Аугусто Пиночет был малоизвестным в стране человеком, но Альенде сам поставил его на высший военный пост. Он не принял в расчет того, что военные были на стороне оппозиции.

Военный переворот в Чили начался 11 сентября 1973 года приблизительно в половине седьмого утра. Командующие сухопутными войсками, авиацией и флотом и начальник национальной полиции потребовали от президента Альенде немедленно уйти в отставку. Ему предложили самолет, чтобы он покинул страну. Через час Альенде в окружении нескольких десятков охранников прибыл в президентский дворец Ла-Монеда. Он объявил по радио, что отказывается уйти в отставку, и призвал рабочих занимать заводы и сопротивляться.

— Друзья мои, это моя последняя возможность обратиться к

вам, — говорил Сальвадор Альенде. — Я не уйду в отставку. На этом перекрестке истории я заплачу жизнью за верность народа. На их стороне сила. Они могут уничтожить нас. Но не смогут остановить социальные процессы. История принадлежит нам…

Генерал Пиночет поднял в воздух авиацию. После бомбардировки президентского дворца в него ворвались войска. Сальвадор Альенде был мертв. Как удалось установить, он покончил с собой, застрелившись из «Калашникова», подаренного Фиделем Кастро. Он поступил мужественно: пожертвовал собой, а не своими сторонниками.

Власть перешла к военной диктатуре. Начались облавы и аресты.

Национальная комиссия правды и примирения представила в 1991 году доклад, из которого следует, что во время военного правления убили две тысячи человек и еще тысяча сто пропали без вести — после ареста. В это число включены те, кого казнили по приговору военного трибунала, убили во время акций протеста или при попытке к бегству, те, кто умер в заключении, в основном от пыток…

Это официальная цифра. Вероятно, убили большее число людей, но их судьбу не удалось установить. В первые дни после военного переворота убивали, не делая никаких записей. Свидетели рассказывали, как трупы сбрасывали с вертолетов в океан…

Почему же диктатура Пиночета все еще пользуется симпатиями многих людей? — задается вопросом известный перуанский писатель Марио Варгас Льоса. Ответ кажется очевидным. Чилийцы помнят хаос при Альенде и экономический рост при Пиночете. Но вот что странно: если бы военные перевороты были самым верным путем к экономическому процветанию, то вся Латинская Америка должна была бы процветать. Однако же все остальные диктатуры привели свои страны не только к кровопролитию, но и к нищете. Без демократии, без социального развития экономический успех рано или поздно заканчивается. Только демократия придает рыночным отношениям необходимую устойчивость.

Пиночет сделал лишь один разумный шаг — согласился принять услуги чикагских экономистов, которые принесли с собой программу, опробованную во всех развитых странах. Но там не понадобилось совершать военный переворот, чтобы реализовать разумные экономические идеи!

Ностальгия по Пиночету скрывает презрительное отношение к народу, неспособному, дескать, распорядиться своей судьбой и нуждающемуся в надсмотрщике, который кнутом погонит его к

счастью. А демократия — роскошь, ее могут себе позволить другие страны, а на нашей почве она не приживется. История это опровергает. Сомоса, Трухильо, Перон, Пиночет, Кастро — если брать латиноамериканских властителей, то они лишь задержали нормальное развитие своих стран.

А в ЦРУ тогда были довольны: свержение марксистского режима — победа в холодной войне. Но Америка не простила своим политикам переворота в Чили. Сенат сформировал специальную комиссию по расследованию деятельности ЦРУ и других правительственных учреждений в организации заговоров с целью убийства некоторых лидеров иностранных государств.

Комиссия под руководством сенатора Фрэнка Чёрча вытащила на белый свет такие секреты собственной разведки, о которых в других странах предпочитают молчать: предали гласности историю политических покушений в Чили, Конго и Южном Вьетнаме, истории с ядами и попытками влиять на разум человека…

Сенатор Фрэнк Чёрч, держа в руке экзотического вида пистолет, прилюдно спрашивал директора ЦРУ:

— Вы принесли с собой какие-либо устройства, которые позволяли ЦРУ использовать яды для убийства людей? Этот пистолет стреляет дротиками?

Директор ЦРУ Уильям Колби:

— Да.

Сенатор:

— Какая у него дальность?

— Примерно сто метров.

— Это эффективное орудие убийства?

— Это серьезное оружие, очень серьезное, — подтвердил директор разведки.

Конгресс обязал ЦРУ обсуждать любые секретные операции с шестью различными комитетами сената и палаты представителей.

Конец Пражской весны

В социалистическом лагере порядок наводили еще более жесткой рукой.

Утром 20 августа 1968 года советский посол в Соединенных Штатах Анатолий Добрынин получил указание из Москвы встретиться с американским президентом Линдоном Джонсоном. Посол был уполномочен сообщить президенту Джонсону, что по просьбе правительства Чехословакии советские войска вступили на территорию страны, чтобы оказать ей помощь в борьбе с заговором внутренней и внешней реакции. Москва просила американцев понять, что эта акция не затрагивает интересы Соединенных Штатов и не должна нанести ущерба советско-американским отношениям.

Линдон Джонсон, судя по всему, просто не понял, что произошло. Он угостил посла хорошим виски и рассказал несколько смешных случаев. Судьба Чехословакии президента, похоже, нисколько не интересовала. Потом, конечно, американские дипломаты спохватились, и Запад резко осудил вторжение в Чехословакию. Но американцы не могли понять, почему Советский Союз вообще ввел войска в Чехословакию, которая была ему верным и преданным союзником.

Руководитель Чехословакии Александр Дубчек родился в семье коммунистов, которая в двадцатых и тридцатых годах жила в Советском Союзе. Они оказались на родине после подписания Мюнхенского соглашения, решившего судьбу Чехословакии. В марте 1939 года страна была оккупирована и расчленена. Словакия превратилась в профашистское государство. Александр Дубчек и его брат вступили в компартию, когда на это решались немногие. За коммунистами охотились. Отец Дубчека был арестован.

Летом 1944 года в Словакии вспыхнуло восстание, поддержанное из Москвы и из Лондона. Александр Дубчек участвовал в восстании вместе с братом. Его брата убили немцы, Александр был ранен. После войны Дубчека взяли на партийную работу. В 1955 году отправили на учебу в Москву — в Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Советские чиновники считали его надежным товарищем. Но Дубчек, честный и простой человек, абсолютно не был похож на обычного партработника.

«Высокий, с интеллигентным лицом и фигурой царевича Алексея, нервный, подвижный, не то неуверенный в себе, не то с особой манерой обращения» — таким увидел руководителя Чехословакии заместитель министра иностранных дел Владимир

Семенов.

Александр Дубчек делал то, что он считал нужным, и искренне не мог понять, почему в Москве почти сразу насторожились. 5 апреля 1968 года пленум ЦК компартии Чехословакии одобрил «Программу действий КПЧ». Прежде всего речь шла об экономических реформах. Радован Рихта придумал формулу — «социализм с человеческим лицом». Он включил ее в одну из речей, написанных для Дубчека. Привлекательная формула стала лозунгом обновления.

Дубчек искренне верил, что его реформы служат социализму. Он отменил цензуру и требовал, чтобы партийные органы информировали страну о том, чем они занимаются.

Перемены в стране совпали с приходом весны. И это обновление вошло в историю как Пражская весна. Она избавила страну от страха. Люди получили право свободно высказываться, исчезла цензура, и страна изменилась. Народ поверил Дубчеку. Впервые лидер компартии стал народным лидером.

В шестидесятых годах в Западном Берлине, Париже и Лондоне восстала левая молодежь. Эта волна захватила американские и японские университеты. В Китае это было восстание хунвейбинов против собственной политической элиты.

После этого мир стал иным. Не изменилось социально-экономическое устройство ни одного государства, но изменился химический состав атмосферы, в которой живет общество. Справедливо назвать те события революцией. Но это была, если можно так выразиться, революция духа. Ломая стену молчания, лжи, ханжества, унижения, сокрушая закоснелые формы существования общества, взбунтовавшаяся молодежь помогла осознать ценность и достоинство человеческой жизни.

Парижские студенты в мае 1968 года сооружали баррикады, но не хватались за оружие и ни в кого не стреляли. Они добились своей цели. Им не только разрешили слушать любую музыку, носить длинные прически и одеваться так, как кому заблагорассудится. Они заставили общество задуматься над такими проблемами, как противоречие между духом и властью. Чехословацкое общество тоже переживало обновление.

Леонид Ильич Брежнев долго не мог сформулировать своего отношения к Пражской весне. Он был растерян, столкнувшись с непонятным явлением. Когда восставали восточные немцы, венгры или поляки, они ненавидели свою власть. А в Чехословакии власть и народ были заодно. Восемьдесят процентов населения поддерживают политику коммунистической партии и безоговорочно высказываются за социализм. От всего этого московских лидеров просто оторопь брала.

С 28 июля по 1 августа 1968 года в здании железнодорожного клуба чехословацкой пограничной станции Чиерна-над-Тисой политбюро КПСС выясняло отношения с руководством Чехословакии.

— Вы односторонне оцениваете наше положение, не считаетесь с мнением народа, — отвечал Дубчек на предъявленные ему обвинения. — Мы пробуем идти своим путем, а вы другим. Что же, у вас нет трудностей и ошибок? Но вы о них умалчиваете, а мы не боимся сказать правду своему народу.

Посольство и представительство КГБ в Праге трактовали происходящее в Чехословакии как процесс, опасный для интересов Советского Союза. Спецслужбы доказывали, что происходящее в Чехословакии — это результат действий ЦРУ и армии НАТО уже готовы войти на территорию страны.

Ранним утром 18 августа 1968 года на втором этаже старого здания Министерства обороны маршал Андрей Антонович Гречко провел секретное совещание.

— Что-либо записывать запрещаю, — сказал министр. — Я только что с заседания политбюро. Принято решение на ввод войск Варшавского договора в Чехословакию. Это решение будет осуществлено, даже если оно приведет к третьей мировой войне.

Но в Москве точно знали, что Запад не вмешается: Восточная Европа — это советская зона влияния.

Гречко сообщил, что разговаривал с министром обороны Чехословакии генералом Дзуром. Андрей Антонович предупредил его, что если со стороны чехословацкой армии прозвучит хотя бы один выстрел, то Дзур будет повешен на первом же дереве.

Чехи оказали пассивное сопротивление: убирали указатели населенных пунктов, чтобы запутать советских солдат, писали на стенах домов: «Отец — освободитель. Сын — оккупант». В некоторых населенных пунктах в танки и бронетранспортеры бросали камни или цветочные горшки. Около четырех утра 21 августа 1968 года здание ЦК окружили советские бронетранспортеры и танки. Десантники ворвались в кабинет первого секретаря, где заседал Президиум ЦК.

Один из соратников Дубчека с ужасом подумал: да это же те самые солдаты, которых ты с восторгом встречал в мае сорок пятого! Это они сейчас нацелят на тебя свои автоматы. Секретарь ЦК Зденек Млынарж вспоминал, как во время немецкой оккупации Чехословакии патрули вермахта прочесывают Прагу. И с этой минуты, говорил он, для меня исчезла разница между теми и этими солдатами — все они были оккупантами…

Первоначальный план — полностью сменить руководство и завоевать страну на свою сторону — не удался. Утром 22 августа

в столовой одного из пражских заводов открылся чрезвычайный XIV съезд партии. Съезд потребовал вывести иностранные войска из Чехословакии и вернуть законно избранным руководителям страны возможность исполнять свои обязанности.

«Почти катастрофическое положение, — записал в дневнике член политбюро и партийный руководитель Украины Петр Ефимович Шелест. — Наши войска в Чехословакии, а ЦК, правительство, Национальное собрание выступают против нас, наших действий, требуют немедленного вывода наших войск из страны…»

Брежневу не оставалось ничего иного, кроме как вступать в переговоры с Дубчеком и заставить чехословацкое руководство «узаконить» пребывание советских войск.

Советским солдатам объясняли, что «войска НАТО угрожают захватить Чехословакию и свергнуть народную власть». Но московские лидеры собственную пропаганду никогда не принимали всерьез. Сейчас, когда открылись документы политбюро, видно, что в своем кругу партийные лидеры не говорили, что это дело рук Запада. Они понимали, что против социалистической власти восстал народ.

Брежнев откровенно говорил Дубчеку и его соратникам:

— Вы делаете то, что вам заблагорассудится, не обращая внимания на то, нравится нам это или нет. Нас подобное не устраивает. Чехословакия находится в пределах тех территорий, которые в годы Второй мировой войны освободил советский солдат. Границы этих территорий — наши границы. Мы имеем право направить в вашу страну войска, чтобы чувствовать себя в безопасности в наших общих границах. Тут дело принципа. И так будет всегда…

В Москве исходили из того, что отмена цензуры, свободные выборы, отказ от всевластия партии ведут к разрушению режима. Следующим шагом станет выход из Варшавского договора. Москву не интересовала судьба социализма. Советские руководители хотели сохранить контроль над Восточной Европой. Уход Чехословакии из соцлагеря означал поражение в холодной войне.

— Никаких неожиданностей в связи с вводом войск не было, — говорил Громыко. — Был поднят шум, истерия в западной печати. Но у нас уже был опыт 1956 года, было ясно, что других действий со стороны Запада не будет.

В последний раз пражане вышли на улицы, чтобы проводить в последний путь студента Карлова университета Яна Палаха. Он покончил с собой 16 января 1969 года в знак протеста. В самом центре Праги он облил себя бензином и зажег спичку. У него

обгорело восемьдесят пять процентов кожи. Но он жил еще четыре дня.

Его протест был направлен не против власти чужой державы, с которой он ничего не мог поделать, а против инертности собственной страны, против медленного привыкания к тому, что произошло. Он был убежден, что единая воля народа заставит чужие войска уйти. До последней минуты Ян Палах хотел знать, что изменил его поступок. Зашевелились ли люди, правительство?

Руководители страны еще у власти, но уже сдались, и поступок Яна Палаха их только пугает. Они искренне верят, что единственное, что нужно стране, — это порядок, спокойствие, нормализация. Цензура усиливается. Советские войска со всеми удобствами устраиваются в стране, где много дешевого хрусталя, бочкового пива и свежей ветчины. «Нормализация» будет продолжаться двадцать лет…

«Чехословацкие реформы, Пражскую весну, испугавшись, решили задавить вводом наших войск, — писал помощник генерального секретаря ЦК КПСС профессор Вадим Александрович Печенев, — а задавили последнюю серьезную попытку реформировать социалистическую систему у нас, в Советском Союзе. В принципе реформы на «китайский манер» были возможны, но до августа 1968 года, а после — вряд ли».

Малая война и большая кровь

Президента Соединенных Штатов Линдона Джонсона обуревали сильные страсти. В нем словно сосуществовали два человека. Один был невероятно обаятелен, другой — жесток и злобен. Окружающие считали, что он сошел со страниц романа Достоевского — грешник и святой, шут и государственный деятель, циник и сентиментальный человек; он будто разрывался между стремлением к вечности и саморазрушением. Твердая воля и огромная жизненная сила сочетались в нем с уверенностью в собственном всемогуществе и уверенностью в том, что ему все позволено.

Бывали времена, когда он пил каждый день. Казалось, что он просто алкоголик. И вдруг он останавливался. У него было животное чутье на слабости других людей. Джонсон любил унижать своих помощников. Как заметил один из них, «иногда мне казалось, что он, как и мой отец, может в любую минуту взять ремень и выпороть меня».

Техасский политик Линдон Джонсон рано заявил о себе и очень молодым стал лидером демократов в сенате. Он точно знал, где власть: в Техасе — у нефтяных баронов, в сенате — у консерваторов. Он мастерски устанавливал личные отношения, умел ладить с людьми и манипулировать ими. Он знал слабости людей, с которыми имел дело, и понимал, на какие кнопки следует нажимать.

Линдон Джонсон считал себя самым влиятельным лидером демократов. Они столкнулись с Джоном Кеннеди в 1960 году в борьбе за право баллотироваться в президенты. На партийном съезде в Лос-Анджелесе Кеннеди выиграл. В определенном смысле Джонсон даже ощущал облегчение, хотя в душе считал себя более подходящим кандидатом, чем юный Кеннеди. Его жена леди Бёрд плакала.

На следующее утро позвонил Кеннеди. Трубку взяла секретарь. Она разбудила леди Бёрд, та поговорила с Кеннеди и пошла будить мужа:

— Поговоришь с ним?

— Да, — сказал он.

Южане давили на Кеннеди, чтобы он пригласил Джонсона на роль вице-президента. Братьям Кеннеди не нравился Джонсон.

— Я хочу заглянуть и поговорить, — сказал Кеннеди.

— Джек, я сам к вам поднимусь. Я должен вас поздравить.

Но Кеннеди настоял, что зайдет. Джонсон выпрыгнул из постели и велел все прибрать. Кеннеди появился около

одиннадцати. Он завел речь о том, что ему нужен сильный вице-президент. Он хотел, чтобы Джонсон сам предложил себя. Но Джонсон предложил на выбор сенаторов Губерта Хэмфри или Стюарта Саймингтона. Разошлись ни с чем. На протяжении нескольких часов друзья Джонсона несколько раз беседовали с Робертом Кеннеди, который говорил, что либералы против Джонсона.

Джонсону передали, что Бобби изъявил желание с ним поговорить. Джонсон отказался и ответил, что примет только прямое предложение от Джона Кеннеди. Без пятнадцати три дня Джон Кеннеди позвонил и сделал Джонсону предложение баллотироваться в вице-президенты. Отказываться было нелепо, но и большой радости Джонсон не испытывал, считал, что вице-президентство — худшая работа в стране.

На юге страны протестанты предсказывали катастрофу, если изберут католика Кеннеди, говорили, что он станет подчиняться только своей церкви, то есть будет получать указания непосредственно от папы римского. Джонсона это вывело из себя. Он защищал католика Кеннеди уже не по обязанности, а потому, что считал это справедливым.

На предвыборном собрании в Техасе он напомнил о старшем брате Джона Кеннеди Джозефе, военном летчике, который погиб во Вторую мировую во время боевого вылета:

— Отправляя его на боевое задание, никто не спрашивал Джо Кеннеди, к какой церкви он принадлежит.

Две тысячи человек, как один, встали. На следующий день все газеты напечатали эти слова Джонсона. Больше Кеннеди не напоминали о его католицизме. Он победил. На юге — благодаря Джонсону.

Вице-президентство было тоской для Джонсона. Он скучал по Капитолию. Он выпивал, лежал на диване и смотрел в потолок. Особенно его не любили в аппарате президента и вычеркивали его имя из списка приглашенных в Белый дом. Отношения с братьями Кеннеди у него не сложились, они ему не доверяли. Два клана не ладили. Джонсоны считали семейство Кеннеди снобами, а те — Джонсона деревенщиной и провинциалом. Джонсона мучил комплекс неполноценности — рядом с фантастически популярным Джоном Кеннеди. В 1963 году Линдон Джонсон обреченно сказал:

— Мое будущее уже в прошлом.

Выстрелы в Далласе в ноябре 1963 года все изменили. Новый президент Соединенных Штатов Линдон Джонсон унаследовал от Джона Кеннеди Белый дом и войну во Вьетнаме.

После Второй мировой Хо Ши Мин, лидер борьбы за

независимость Вьетнама, воспользовался удачной ситуацией для завоевания независимости. Его лозунг гласил: «Побольше друзей, поменьше врагов». 2 сентября 1945 года в Ханое была провозглашена Демократическая Республика Вьетнам. В Декларации независимости говорилось: «Французы бежали, японцы капитулировали, император Бао Дай отрекся от престола».

Но Франция не хотела терять свои колонии, французские войска высадились в Сайгоне и попытались вновь завоевать страну. Хо Ши Мин просил американского президента Гарри Трумэна помочь вьетнамскому народу. Американцы оказались в ловушке. Симпатии их были на стороне национальных движений, требовавших свободы.

В декабре 1953 года Аллен Даллес потребовал от своих подчиненных материалы о Хо Ши Мине. На докладе в Белом доме он рассказывал Эйзенхауэру о ходе боев, в которых французы терпели поражение. Когда Даллес пытался привлечь внимание президента Эйзенхауэра к вьетнамским делам, президент его прервал:

— Вы думаете, что меня должно волновать это богом забытое место?

Но вовсе отказать европейским союзникам в помощи Соединенные Штаты не решились — поставили французам оружия на миллиард с лишним долларов, отправили им в помощь советников и авиацию.

Потери французской армии составили сорок с лишним тысяч солдат и офицеров. 7 мая 1954 года в джунглях Вьетнама пала оборонявшаяся французами крепость Дьен-Бьен-Фу. Во время осады Дьен-Бьен-Фу госсекретарь Даллес, вице-президент Никсон, руководители вооруженных сил уговаривали Эйзенхауэра помочь французам — нанести авиационный удар по вьетнамцам. Эйзенхауэр видел, что дело проиграно, и не стал втягиваться в заведомо обреченную историю.

Французский министр иностранных дел Жорж Бидо обсуждал с госсекретарем Джоном Фостером Даллесом идею ядерного удара по вьетнамцам, чтобы раз и навсегда покончить с сопротивлением. Даллес пересказал свой разговор президенту. Дуайт Эйзенхауэр сказал своим помощникам:

— Вы, должно быть, сошли с ума. Мы не можем дважды на протяжении десяти лет бросать бомбы на Азию.

21 июля 1954 года в Женеве французские представители подписали соглашение о прекращении боевых действий в Индокитае. Договорились временно, как в Корее, разделить Вьетнам по 17-й параллели. На юге у власти осталось

прозападное полуавторитарное правительство. Коммунистам достался север.

Регулярная вьетнамская армия передислоцировалась на север. Но компартия не смирилась с потерей половины страны. На юге остались партизанские отряды и партийные ячейки, которые ушли в подполье.

В январе 1959 года расширенный пленум ЦК Партии трудящихся Вьетнама принял решение: «Основной путь развития революции на юге — это путь насилия». Докладывал на пленуме Ле Зуан, который руководил подпольными партийными организациями. Так началась самая крупномасштабная партизанская война в новейшей истории, ее вел Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама.

Соединенные Штаты пришли на помощь Сайгону.

Холодная война перекинулась в страны третьего мира, где Запад и Восток вели войну чужими руками. Никита Хрущев говорил, что полномасштабная война между Западом и Востоком невозможна, но предупреждал, что Соединенные Штаты потерпят поражение в третьем мире, где развернутся национально-освободительные войны. Джон Кеннеди услышал слова Хрущева. Он обнаружил на карте Юго-Восточной Азии коммунистическую зону и решил, что здесь одержит показательную победу. Но именно Вьетнам, который он выбрал для демонстрации силы, стал местом полного поражения Соединенных Штатов.

Президент Франции Шарль де Голль и британский премьер Гарольд Макмиллан советовали Кеннеди не влезать в Индокитай.

— Чем больше вы боретесь против коммунизма, — предупреждал де Голль, — тем скорее коммунисты воспринимаются как глашатаи национальной независимости и тем большую поддержку получают.

Джон Кеннеди перегружал свою политику риторикой, и не всегда можно было понять его подлинные намерения. Его помощники так и не сумели прийти к единому мнению, что же он собирался делать во Вьетнаме. Кеннеди был убит в ноябре 1963 года и не увидел, что потом переживала Америка, которую он оставил Линдону Джонсону.

Джонсон сохранил в Белом доме практически всю команду Кеннеди и считал, что в его распоряжении «лучшие, самые блестящие умы». Во вьетнамской войне Джонсон полагался на советы этих молодых людей, а они верили в свою способность выиграть.

2 августа 1964 года находившийся в Тонкинском заливе американский эсминец «Мэддокс» радировал в штаб, что подвергается в международных водах атаке вьетнамских катеров.

Эсминец потребовал поддержки с воздуха. Американские самолеты один вьетнамский катер уничтожили, два повредили.

— Наш корабль обстрелян в Тонкинском заливе, — возмущенно говорил Джонсон. — Это было неспровоцированное нападение.

Инцидент в Тонкинском заливе имел далекоидущие последствия.

Обе палаты конгресса проголосовали за то, чтобы Соединенные Штаты — если президент сочтет это необходимым — помогали Южному Вьетнаму отражать агрессию извне всеми средствами, включая военные. В палате представителей за проголосовали все, в сенате только двое были против. Президент получил право использовать вооруженные силы, не испрашивая всякий раз разрешения у конгресса. Со временем многим сенаторам и конгрессменам война во Вьетнаме перестала нравиться, но они уже ничего не могли поделать.

Американская авиация нанесла удар по базам северовьетнамского флота, причем президент Джонсон уведомил Кремль, что это ограниченная во времени акция, а не попытка изменить баланс сил в регионе. Но, выступая по телевидению, Линдон Джонсон сказал, что во Вьетнаме открылся еще один фронт холодной войны:

— В Юго-Восточной Азии мы сталкиваемся с теми же вызовами, что и в Греции и Турции, в Берлине и Корее, в Ливане и на Кубе.

Соединенные Штаты хотели остановить наступление коммунизма. Пекин и Москва помогали вьетнамцам, и в Вашингтоне считали, что имеют дело со сплоченным коммунистическим блоком. В реальности, если бы не американское вмешательство, Хо Ши Мин, скорее всего, стал бы азиатским Тито и проводил бы очень самостоятельную линию.

В Ханое держались независимо и мало думали о том, что скажут в Москве или в Пекине. У вьетнамских руководителей была одна цель — объединение страны.

Сталина заинтересовал Вьетнамом Мао Цзэдун в 1949 году. В январе 1950 года в Москве побывал сам Хо Ши Мин. Но до 1954 года советское руководство Вьетнамом почти не занималось. До 1965 года вьетнамцам поставляли большей частью немецкое трофейное оружие. В те годы враждебность между Москвой и Пекином достигла апогея. В Советском Союзе пристально следили за отношениями вьетнамцев с Китаем, подозревая Ханой в излишней любви к Пекину, что тоже было большой ошибкой. Между китайцами и вьетнамцами существовала давняя неприязнь.

Советское руководство не так сильно радовалось тому, что Соединенные Штаты погрузились во вьетнамскую трясину, потому что понимало: это чревато большим конфликтом. Но логика холодной войны толкала к противостоянию. С 1965 года во Вьетнам пошло современное оружие, в первую очередь средства противовоздушной обороны, зенитные ракетные комплексы для борьбы с американской авиацией. При этом командование Советской армии использовало вьетнамскую войну для испытания новых образцов оружия. Вьетнамское руководство это раздражало.

В июле 1965 года во Вьетнаме служило семьдесят пять тысяч американцев. Несмотря на предупреждения о том, что Соединенные Штаты идут гибельным путем, который уже привел Францию к поражению, Джонсон принял решение американизировать конфликт: через полгода число американских военных увеличилось более чем вдвое. Выступая в конгрессе, президент Джонсон уверенно произнес:

— Во Вьетнаме мы будем стоять твердо. И мы намерены победить.

В своем кругу он говорил:

— Не знаю, как мне быть с чертовым Вьетнамом. Хоть бы кто-нибудь сказал мне, что делать… Ситуация с Вьетнамом — как лететь в самолете, где отказали двигатели, без парашюта. Прыгнешь — разобьешься. Останешься в кабине — сгоришь.

Джонсон отдал приказ бомбить Вьетнам, чтобы помочь южнокорейскому правительству, но сам говорил военным:

— Бомбить, бомбить, бомбить. Вот все, что вы знаете… А мне нужны идеи и решения, что делать с этой чертовой страной.

21 июня 1965 года президент позвонил Макнамаре:

— Я не думаю, что мы оттуда выберемся — при том договоре, что мы подписали, и при тех обязательствах, которые дали. Мы потеряем лицо перед всем миром, и представляю, что о нас станут говорить….

В тот же день Джонсон собрал всю политическую и военную верхушку. Он задавал правильные вопросы, он нуждался в разумных советах.

— Я хочу, чтобы мы все обсудили. Детально. Кто еще может нам помочь? Мы что, единственные защитники свободы в мире? Какие есть альтернативы?

Он спросил председателя Комитета начальников штабов:

— Почему вы думаете, что, если мы отправим туда сто тысяч, Хо Ши Мин не выставит против нас сто двадцать тысяч? Могут ли вообще западные люди при отсутствии разведки эффективно противостоять восточным людям в джунглях?

Против отправки солдат во Вьетнам высказывался только заместитель госсекретаря Джордж Болл, и Джонсон не раз просил его высказаться. Но его аргументы разбивались железной логикой министра обороны Макнамары. Он был кронцпринцем в команде, которую Джонсон унаследовал от Кеннеди. Он высоко ценил Макнамару, считал его мессией. Он хотел сделать Макнамару следующим президентом. Министр выстреливал из себя цифры быстрее любого пулемета, у него был ответ на любой вопрос.

Карьера Роберта Макнамары началась в Гарвардской школе бизнеса и продолжилась в автомобильной компании Форда. Кеннеди пригласил его в правительство через месяц после того, как стал президентом. Финансист Макнамара руководствовался в военных делах бухгалтерским анализом затрат и издержек. Сенатор Барри Голдуотер называл его «ходячим компьютером». Он действительно преобразовал систему управления вооруженными силами. Но он позволил стране втянуться во вьетнамскую войну, поэтому на посту министра обороны ошибки Макнамары исчислялись человеческими жизнями, а не упущенным доходом держателей акций.

В феврале 1966 года Джонсон полетел на Гонолулу, где беседовал с генералом Уильямом Уэстморлендом, командующим американским контингентом во Вьетнаме. Он обещал президенту к концу года добиться перелома в войне, если получит подкрепление. Джонсон приказал за полгода увеличить американский контингент и пожелал генералу удачной охоты.

Идея состояла в том, что американские войска поддерживают стабильность, пока Сайгон обучает свою армию. Но американцам пришлось остаться во Вьетнаме и умирать, потому что южновьетнамские войска так и не стали серьезной силой. К тому же в 1971 году началась переброска на юг частей регулярной вьетнамской армии. На вооружении у них состояла советская артиллерия, танки и ракеты. Вьетнамцы навязали Соединенным Штатам кровавую войну на истощение, стараясь убить как можно больше американцев, которые обыкновенно стараются находиться вне досягаемости врага.

Макнамара это понял и в декабре 1966 года признался президенту Джонсону:

— Победа едва ли возможна… Мы были слишком оптимистичны.

Президент Джонсон разрешил генералам отвечать на атаки вьетнамцев бомбардировками. Было сброшено больше взрывчатки, чем во всей Европе во время Второй мировой войны. Погибло множество людей. Но Северный Вьетнам не был индустриальной страной, чью экономику можно разрушить с

воздуха. Вьетнамцы зарывались в землю, сводя к нулю эффект авианалетов, и продолжали понемногу брать под контроль Южный Вьетнам.

— Никакие воздушные атаки вплоть до полного уничтожения Северного Вьетнама и его населения, — а эта мера не может вызвать одобрения ни у одного нормального человека, — не сократят потоки людей и снаряжения, идущие на юг, — сообщил сенату в октябре 1967 года министр обороны Макнамара. — Бомбардировки севера не сломят волю Ханоя. Воздушная война не заменит наземную, и бомбардировки не помогут нам выиграть войну малой кровью.

Линдон Джонсон не хотел лишних жертв, он не хотел провоцировать советское или китайское вмешательство, поэтому наложил массу ограничений на бомбардировки, что только раздражало летчиков. По ночам, часа в три, Джонсон вскакивал с постели, в халате и в тапочках с фонариком шел в ситуационную комнату, чтобы лично распорядиться относительно бомбовых ударов на другой стороне мира.

За несколько месяцев до отставки секретарь часто заставала Макнамару стоящим у окна, плечи его тряслись. Министр плакал. В конце концов у Макнамары случился нервный срыв, и он ушел. Он так и не смог объяснить ни себе, ни американцам, почему он два года не уходил в отставку уже после того, как признался коллегам, что война во Вьетнаме проиграна? Почему продолжал вести войну, в которую сам не верил?

В войне погибли три миллиона вьетнамцев, и пятьдесят восемь тысяч американских солдат вернулись домой в мешках для трупов. На карту был поставлен престиж Америки. Пентагон не знал, как выиграть войну, а президент Джонсон — как ее окончить.

Жена Линдона Джонсона, леди Бёрд, записала в дневнике слова, сказанные мужем: «Я не могу оттуда уйти. Я не в состоянии закончить то, что начал. Я просто не знаю, что мне предпринять».

Соединенные Штаты требовали помощи от союзников. Скажем, австралийцы не смогли отказать Вашингтону и отправились воевать во Вьетнам. А британский премьер-министр Гарольд Вильсон наотрез отказался отправить во Вьетнам символический воинский контингент. Государственный секретарь Дин Раск мстительно заметил:

— Когда русские высадятся на Британских островах, не рассчитывайте на нашу помощь.

Страна ввязалась в конфликт на высокой волне самоуверенности. Но общество не выдержало бесконечной войны,

потока трупов и кадров жестокого противостояния.

1 ноября 1967 года Джонсон собрал в Госдепартаменте ветеранов холодной войны. Пришли Дин Ачесон, Кларк Клиффорд, Аверелл Гарриман, Дуглас Дилон, который работал в администрациях Эйзенхауэра и Кеннеди, генерал Омар Брэдли, генерал Максуэлл Тэйлор — любимец Кеннеди, бывший посол США в Сайгоне Генри Кэбот Лодж. Все они поддержали политику Джонсона.

— Мы можем и должны победить, — уверенно сказал Ачесон.

Бывший государственный секретарь Дин Ачесон писал старому другу, бывшему британскому премьер-министру Энтони Идену: «Линдон Джонсон в беде. Дело не только во Вьетнаме. К Вьетнаму надо прибавить мятежи у нас дома. Все клянут США. Желтые в Азии, черные у нас на родине, этот странный де Голль в Европе. Насер грозит, что арабские страны захватят всю нефть, на которую мы рассчитываем. Американцы к этому непривычны. И все винят Джонсона».

Джонсон видел, что война съедает ресурсы и деньги, которые нужны ему для социальных и экономических программ. Но он не знал, как выбраться из Вьетнама без того, чтобы правые республиканцы не спустили на него всех собак: «Ты трус, ты первый президент, из-за которого Америка проиграла войну». Решение ускользало от него на каждом шагу.

Леонард Маркс был юристом Линдона Джонсона двадцать пять лет. Он получил пост директора Информационного агентства Соединенных Штатов. Однажды на правах старого друга Маркс предложил, чтобы Джонсон объявил, что во Вьетнаме одержана победа, и вывел войска.

Президент закричал:

— Пошел вон! Иди отсюда!

Изумленный Маркс собрал бумаги и ушел. Никто не звонил ему из Белого дома. Его перестали приглашать на совещания. Он сказал жене, что подаст в отставку. Жена посоветовала ему быть терпеливым. Через несколько дней леди Бёрд пригласила его на маленькую вечеринку по случаю дня рождения президента. Улучив момент, Маркс спросил Джонсона, почему тот с ним так разговаривал.

Тот мотнул головой и сказал:

— Видишь ли, я понимаю, что ты прав. Но я ничего не могу сделать.

И он отправлял и отправлял войска во Вьетнам.

30 января 1968 года коммунисты организовали наступление в праздник Тет, вьетнамский Новый год. Это была серия удачных атак.

В Сайгоне отряд из четырех тысяч человек атаковал американское посольство, девятнадцать партизан проникли в здание и шесть часов сопротивлялись, пока их не убили американские парашютисты, которые высадились на крыше. Для американского общественного мнения это был удар, поддержка войны закончилась. Новый министр обороны Кларк Клиффорд сказал:

— Стало ясно, что мы не видим света в конце тоннеля.

4 марта 1968 года на совещании в Белом доме министр обороны Клиффорд рекомендовал президенту отвергнуть просьбу военных отправить во Вьетнам еще двести тысяч солдат, потому что это приведет только к увеличению американских потерь, и принять все меры, чтобы закончить войну. И он уговорил президента.

Это была первая телевизионная война. Зрители видели, что там происходило, и ужасались. Первыми вьетнамской войной возмутились студенты. Некоторые философы полагают, что каждые двадцать лет новое поколение заявляет о себе на полях сражений или в демонстрациях протеста. Очередная смена поколений произошла в 1967–1968 годах, когда во многих странах восстала молодежь.

Леди Бёрд пыталась создать вокруг Джонсона климат тепла и лояльности, когда к нему бумерангом вьетнамской войны вернулась ненависть страны. Газеты печатали письма видных американцев: «Уважаемый господин президент! Вы убили столько северных и южных вьетнамцев. Как вы можете спать по ночам?»

Она просила друзей и родственников не задавать Джонсону вопросов о Вьетнаме. Ее дневники свидетельствуют об отчаянии ее мужа. Ранним утром, если ему не спалось, президент приходил в ее комнату и жаловался на то, что его никто не поддерживает.

— Мы не можем уйти, — говорил президент, — и мы не можем закончить войну.

Он нервничал и плохо себя контролировал. С теми, кто с ним не соглашался относительно Вьетнама, он прощался: ушли Макджордж Банди, советник по национальной безопасности, Джордж Болл, заместитель госсекретаря, пресс-секретарь Билл Мойере, который так нравился леди Бёрд. Остались только те, чьи советы президент хотел слышать.

31 марта 1968 года в Белый дом приехала их дочь Линда. Она была беременна. Ее муж ждал отправки во Вьетнам. Она спросила отца:

— Почему мы должны отправляться во Вьетнам?

Джонсон уставился на дочь. Леди Бёрд подумала, что никогда не видела такую боль в его глазах после смерти его

матери.

Антивоенные настроения охватили столь значительные слои общества, что Линдон Джонсон не рискнул баллотироваться на следующий срок. Разочарованный и преданный теми, кто был ему обязан, Джонсон объявил в марте 1968 года:

— Я сам не буду добиваться и не приму от моей партии выдвижения кандидатом в президенты.

20 января 1969 года, когда Джонсоны покинули Белый дом, леди Бёрд сказала мужу, что ни о чем не жалеет, она счастлива вернуться домой и желает им еще двадцать лет счастливой жизни на ранчо. Но когда они взлетели, Джонсон вытащил сигарету и сделал несколько глубоких затяжек. Дочь напомнила, что врачи запретили ему курить, к тому же она с маленьким ребенком.

— Убери ребенка! — приказал Джонсон.

Дочь в изумлении смотрела на отца.

— Послушай, четырнадцать лет я курил, когда хотел курить. Четырнадцать лет у меня была страна, которой я должен был служить, дети, которых надо вырастить, и работа, которая должна делаться. Сейчас работа сделана, дети выросли.

Покинув Белый дом, Джонсон впал в депрессию. Он должен был давать кому-нибудь указания — хотя бы водителю, как ехать. Жизнь была для него невыносима. Если жены не было рядом, он начинал говорить о вьетнамской войне, Бобби Кеннеди, либералах с восточного побережья, пить виски, курить и много есть.

Линдон Джонсон сыграл важнейшую роль в том, чтобы темнокожие американцы добились равноправия, он больше всего был занят социальными реформами. Если бы не вьетнамская война, он бы считался выдающимся президентом.

На президентских выборах в 1968 году победил Ричард Никсон, который во время предвыборной кампании говорил:

— Я не сброшу атомную бомбу на Вьетнам. Я не введу войска ни в Северный Вьетнам, ни в какую-либо другую страну региона.

Его избрали для того, чтобы он покончил с войной. Опросы общественного мнения свидетельствовали о том, что население даже не знало, был ли Никсон «голубем» или «ястребом». Но это не имело значения. Он представлял республиканцев, а не демократов, которые втянули Америку в войну.

Переговоры о мире во Вьетнаме он поручил своему советнику по национальной безопасности профессору Генри Киссинджеру. Тот играл совершенно необычную роль в администрации Никсона, который гордился тем, что у него работает такой человек.

— Генри Киссинджер, — сказал журналистам Никсон,

представляя нового сотрудника, — согласился войти в состав моей администрации в качестве советника по национальной безопасности. Он — один из самых выдающихся ученых Америки и всего мира. Он принесет с собой свежий подход.

Никсон желал войти в историю в качестве миротворца и считал, что этот человек, который все еще говорил с сильным немецким акцентом (Киссинджер родился в Германии, его привезли в Америку ребенком), не может составить ему конкуренцию. Но вопреки ожиданиям Никсона Киссинджер стал популярной фигурой в стране и мире.

Никсону понадобилось пять лет, чтобы вывести войска из Вьетнама. На все решения великих держав влияла холодная война. В Вашингтоне боялись, что, если они бросят Южный Вьетнам, все решат, что Соединенные Штаты — ненадежный союзник.

— Для президента и всех, кто занят переговорами, нет задачи важнее, чем покончить с вьетнамской войной. Нас нельзя шантажировать, — грозно говорил Киссинджер. — Мы не подпишем соглашения, пока его условия не будут разумными.

Никсон скептически относился к идее переговоров с Вьетнамом. Считал, что сначала надо нанести сильные удары по северовьетнамским войскам и тогда только договариваться.

Личный военный опыт Никсона исчерпывался опытом тыловика, который на службе занимался снабжением и играл в покер. В 1944 году Никсон получил назначение в 8-е авиакрыло военно-морской авиации, базировавшееся в Аламедо, штат Калифорния. «Моя первейшая обязанность заключалась в том, чтобы в случае инспекции все блестело. Офицер, проводивший инспекцию, несколько раз устраивал нам разнос из-за недостаточно чистых унитазов в туалете».

19 мая 1972 года президент жаловался Киссинджеру на то, что военные не исполняют его приказов:

— Пентагон просто саботирует все мои указания. Я не критикую ЦРУ. Они не поддерживают мою политику, потому что они в основном высоколобые, из высшего общества. Нет, Пентагон значительно виновнее. Они обязаны выполнять приказы главнокомандующего. Проблема в том, что на верхних этажах осталось много людей Макнамары и они сознательно саботируют наши приказы. Военные думают только о том, как не проиграть. Но они не в состоянии думать о том, как выиграть!

Только убедившись в том, что он тоже не в состоянии выиграть эту войну, Никсон всерьез захотел мира.

Во Вьетнаме погибли пятьдесят восемь тысяч американцев, двести тысяч были ранены, две с половиной тысячи пропали без

вести. Вьетнамцы потеряли три миллиона человек. Америка потратила на войну полтриллиона долларов.

Скорейшего заключения мира требовала и проблема пленных — в основном это были сбитые американские летчики. Среди них оказался будущий сенатор Джон Маккейн, который в 2008 году баллотировался в президенты от Республиканской партии, но проиграл Бараку Обаме.

Кандидат в президенты родился 29 августа 1936 года на базе военно-морской авиации в Панаме — в зоне Панамского канала, который находился под контролем американских вооруженных сил. Его полное имя Джон Сидни Маккейн-третий. Он — третий, потому что и отца, и деда тоже звали Джон Маккейн. В этой семье не задумываются над тем, какое имя дать старшему из сыновей.

Его отец и дед были адмиралами. В их честь назван ракетный эсминец. Первый Джон Маккейн закончил военно-морскую академию в Аннаполисе в 1906 году, получил боевое крещение еще в Первую мировую, а во Вторую мировую командовал авианосцами и присутствовал при подписании капитуляции Японии на авианосце «Миссури». Второй Маккейн отличился, командуя подводной лодкой во время Второй мировой, а пика карьеры достиг во время вьетнамской войны.

Отца переводили с одной базы на другую, и Джон сменил два десятка школ. Его тоже приняли в академию в Аннаполисе, хотя он не был прилежным учеником. И окончил в 1958 году академию в числе последних — 790-м из 795 слушателей академии. Еще два с половиной года проучился в летной школе. Его специальность — летчик-истребитель палубной авиации. Он служил на авианосцах, счастливо пережил две авиакатастрофы. Во время Кубинского кризиса 1962 года он находился в Карибском море. Если бы тогда разразилась война, участвовал бы в налетах на позиции советских ракет на Кубе.

Его первая жена — Кэрол Шепп, манекенщица из Филадельфии. Они поженились 3 июля 1965 года. Маккейн усыновил двоих ее детей от первого брака. В сентябре 1966 года Кэрол родила ему дочь Сидни. Счастливый отец, которому исполнилось тридцать, попросил его отправить во Вьетнам. Его перевели на авианосец «Форрестол», который базировался в Тонкинском заливе. С весны 1967 года он принимал участие в бомбардировках Северного Вьетнама.

29 июля 1967 года, когда капитан-лейтенант Маккейн готовился к взлету, на палубе авианосца внезапно разорвалась ракета, случайно запущенная другим самолетом. На авианосце возник огненный ад. Погибли сто тридцать четыре человека, сотни моряков были ранены. Пострадали два десятка самолетов.

Осколками Маккейн был ранен в ноги и живот, но сумел выбраться из поврежденной машины сам и вытащил другого пилота.

«Форрестол» отправили ремонтироваться. Маккейн вполне мог вернуться на родину и продолжить службу в более безопасном месте, но он предпочел остаться и был переведен на другой авианосец, который участвовал в программе уничтожения «стратегически важных целей на территории Северного Вьетнама». На самом деле это были гражданские объекты, и от американских бомб гибло мирное население.

«Перечень целей был небольшим, — вспоминал Маккейн, — поэтому нам приходилось вновь и вновь бомбить одни и те же цели.

Большинство пилотов считало, что наши бомбардировки практически бесполезны. Мы думали, что наши гражданские командиры — полные идиоты, которые не имеют ни малейшего понятия о том, как выигрывают войны».

Выиграть войну в Вашингтоне уже не рассчитывали. Но не знали, как уйти из Вьетнама, чтобы сохранить престиж, и потому упрямо продолжали бомбить страну.

Осенью шестьдесят седьмого в Париже начались тайные переговоры о мире с представителями Северного Вьетнама. Вел переговоры Генри Киссинджер, который еще не занимал должности в государственном аппарате, а был просто профессором. Киссинджер просил Пентагон прекратить бомбардировки Ханоя хотя бы на время переговоров. Но военные не хотели ломать утвержденный график бомбовых ударов.

Для Джона Маккейна это стало роковым. 26 октября 1967 года, во время двадцать третьего боевого вылета, над Ханоем ракета советского производства попала в его истребитель А-4 «Скайхок».

Советский Союз поставлял во Вьетнам зенитные ракетные комплексы С-75 «Двина». Американцы боролись с ними как могли: устанавливали активные и пассивные помехи, обстреливали самонаводящимися ракетами «воздух — земля». Но С-75 были эффективны, американцы несли потери. К 1967 году во Вьетнаме уже находились семь полков ракетных комплексов. Генерал-полковник Юрий Бошняк командовал одним из них:

«На меня произвел особое впечатление уровень подготовки палубников. Это, несомненно, были летчики-уникумы, летчики высочайшего класса, которые имели баснословные налеты, исчисляемые не сотнями, а тысячами часов. Они использовали различные маневры, в том числе по высоте, в составе группы, один относительно другого самолета, вокруг продольной оси,

изменяя отражающую поверхность, которая заставляла пульсировать отраженные сигналы.

Все это создавало почти невозможную ситуацию для обстрела этих целей. Вот почему я убежден, что даже то количество авиации, которое потеряли американцы, это порядка тысячи самолетов, — даже эта цифра была величайшей победой и нашего оружия, и вьетнамского умения использовать это оружие».

Советская ракета попала в правое крыло. Самолет Маккейна сорвался в штопор. Он катапультировался и потерял сознание. Не сразу понял, что сломал правую ногу в районе колена и обе руки, причем правую в трех местах.

«Сознание, — вспоминал он, — вернулось ко мне, когда, спускаясь на парашюте, я угодил прямо в озеро. Летный костюм и снаряжение тянули меня на дно. Но озеро было неглубоким, я оттолкнулся и всплыл на поверхность. Несколько северных вьетнамцев вытащили меня на берег и сорвали с меня одежду. Собралась толпа, все плевали в меня и старались ударить. Я сел, это, видно, напугало вьетнамцев. Один из вьетнамцев ударил меня прикладом в плечо, второй штыком в ногу. Потом появился человек, который приказал толпе замолчать. Принесли носилки, и на грузовике меня доставили в тюрьму.

Меня несколько раз допрашивали. Я отказывался называть что-либо помимо моего имени, военного звания, личного номера и даты рождения. Они били меня, и я терял сознание. Они повторяли: пока не заговоришь, не получишь медицинской помощи.

На четвертый день пришли двое тюремщиков. Один откинул одеяло и осмотрел мое колено. Оно распухло и походило на футбольный мяч. Я вспомнил, как один из наших пилотов катапультировался и сломал бедро. Он умер от обширного кровоизлияния. Мы тогда были потрясены: парень умер из-за сломанной ноги. Теперь я понял, что нечто подобное происходит со мной.

Они позвали начальника, это был мучитель-психопат, один из худших в тюрьме. Он приказал привести врача. Он пощупал мне пульс и что-то сказал начальнику».

— Вы отправите меня в госпиталь? — спросил Маккейн.

— Слишком поздно, — ответил начальник, который говорил по-английски.

— Если отправите в госпиталь, я поправлюсь.

— Слишком поздно, — повторил он и ушел.

Когда вьетнамцы выяснили, что отец сбитого летчика — адмирал, Джону Маккейну не позволили умереть. Его посадили в камеру с двумя другими американцами, которые думали, что он

не протянет и недели. Маккейн потерял двадцать килограммов и полностью поседел. «Тяжело раненные во вьетнамском плену не выживали, вьетнамцы просто не считали нужным их лечить. Нам, выросшим в Америке, трудно было в этой грязи. Когда шел дождь, вода стояла на полу».

К нему пришел какой-то вьетнамский чиновник и объяснил:

— Тебе нужно сделать две операции. Если поговоришь с французским журналистом, тебе сделают операции, а если откажешься — не будет операций. Ты должен сказать, что благодарен вьетнамскому народу и просишь прощения за свои преступления.

«Француз пришел вместе с двумя операторами, — рассказывал Маккейн. — Вьетнамцы стояли рядом и говорили, что я должен сказать. Надо отдать должное французскому журналисту, он передал копию пленки моей жене. Ее показали по Си-би-эс. Через две недели мне сделали операцию на ноге. Сломанной левой рукой они не занимались. Она срослась сама.

Когда сидишь в одиночке, важно чем-то занять мозг. Кто увлекался математикой, производили в уме сложные вычисления. Я перебирал в памяти исторические события, рассуждая о том, когда и почему та или иная страна совершила крупные ошибки, а также думал о том, как следует Соединенным Штатам поступать в международных делах. Однажды я стал вспоминать имена всех трехсот тридцати пяти американцев, которые попали во вьетнамский плен. Я до сих пор их помню.

Меня часто спрашивают, как мне удалось запомнить все детали моей жизни в плену. Это не сложно, если сидишь в одиночке и у тебя нет иных впечатлений… И еще надо уметь противостоять дурному настроению. Однажды меня мучил геморрой, три дня я был в дурном настроении. А потом сказал себе: «Послушай, Маккейн, ты же никогда не слышал о том, чтобы человек умер от геморроя». Так что я просто забыл о нем, а потом все прошло само собой».

В июле 1968 года его отец-адмирал был назначен командующим всеми американскими силами на Вьетнамском театре военных действий. В Ханое решили освободить сына адмирала Маккейна. Это был бы заметный политический жест.

Ночью его повели на допрос и спросили:

— Хочешь вернуться?

«Они хотели отправить меня домой в тот день, когда мой отец займет пост командующего войсками, — вспоминал Маккейн. — Это выглядело бы очень гуманно. И кроме того, появлялась возможность сказать другим пленным: «Видите, сын человека, который ведет войну против нас, ушел домой и бросил

вас тут. О вас, простых парнях, американское правительство так не заботится».

Я страдал от дизентерии и думал: выживу ли? Но я помнил свой долг офицера, который не имеет права принимать от врага подарки. Быть освобожденным из плена раньше товарищей — значит принять подарок. Через три дня ночью меня опять повели на допрос. На вопрос «Хочешь домой?» я ответил «Нет».

Они страшно разозлились. Меня повели к начальнику лагеря. В комнату набилось человек десять. Они стали меня избивать и дико веселились. Потом меня связали, и ночь я провел связанный. Четыре дня подряд они меня избивали и опять сломали левую руку. Они требовали, чтобы я подписал заявление о том, что я прошу прощения за преступления, совершенные против вьетнамского народа, и благодарен за гуманное обращение со мной…

Если ты попал в плен, ты не можешь осуждать свою страну. Ты ведь не сам по себе, ты представляешь вооруженные силы Соединенных Штатов и обязан хранить верность Верховному главнокомандующему. Но это были худшие дни в моей жизни. Я находился на грани самоубийства. И я согласился подписать текст».

В этом тексте он называл себя «гнусным преступником и воздушным пиратом». Потом Маккейн осуждал себя за эту слабость, считал, что совершил бесчестный поступок, но объяснял:

«Я понял то, что сознавали мы все, попавшие в плен: у каждого человека есть предел возможностей. Я достиг этого предела. Я был доведен до животного состояния. На две недели они оставили меня в покое. Я получил возможность отдохнуть и был готов противостоять им. Когда на тебя давят, со временем ты или больше поддаешься, или, наоборот, становишься крепче. Я ненавидел их так сильно, что стал крепче. Тюремщики хотели, чтобы я встретился с делегациями, их было много — кубинцы, русские. Иногда приезжали «борцы за мир» из Америки. Я отказывался с ними встречаться. Меня избивали. Я говорил: хорошо, я с ними поговорю, но скажу, как с нами обращаются…

Весной и летом 1969 года было особенно плохо. Двое пленных пытались бежать, но их поймали. Одного вьетнамцы забили до смерти. Убили бы и второго, но он был крепкий парень, в прошлом борец и боксер. Он выжил».

Пленные тоже были пропагандистским инструментом в холодной войне. Сначала в руках северных вьетнамцев, которые заставляли их публично каяться в преступлениях против человечности. Потом американцы подняли тему издевательств

над сбитыми летчиками как пример бесчеловечности ханойского режима.

В октябре 1969 года содержание пленных улучшилось, потому что в мире заговорили о пытках, которым подвергают американских летчиков. Администрация президента Линдона Джонсона придерживалась линии: «Не говорим о положении военнопленных, чтобы им не повредить». Отношение администрации Ричарда Никсона было иным.

Министр обороны Мелвин Лэйрд продемонстрировал на пресс-конференции фотографии пленных и обратился к вьетнамским властям:

— В соответствии с Женевскими конвенциями вы обязаны отпустить всех больных и раненых пленных. Эти люди больны и ранены. Почему вы их не отпускаете?

Кое-кого отпустили. Когда на пресс-конференции летчики рассказали, как вьетнамцы обращаются с пленными, это произвело тягостное впечатление на общественное мнение.

«Вьетнамцы это учли, — вспоминал Маккейн. — Еды давали больше, не били. Раз в год нам разрешали получать посылку с витаминами. Можно было делать гимнастику в камере, и это помогало окрепнуть. Я мог сорок пять раз отжаться от пола и пару сотен раз сесть из положения лежа. Чем еще хороши физические упражнения? Устаешь и хорошо засыпаешь. А когда ты спишь, ты свободен.

Наступил день, который я никогда не забуду, — 18 декабря 1972 года. Все словно взорвалось — это по приказу Никсона начались бомбардировки. Мы видели, как горело небо. От взрывов наше здание трясло. Включились сирены. Мы были счастливы».

«13 декабря 1972 года переговоры в Париже был сорваны северовьетнамской стороной, — рассказывал Генри Киссинджер. — Ханой фактически решил прервать переговоры и продолжить войну в надежде на безоговорочную победу. Никсон и я вынуждены были вернуться к военному решению проблемы. Никсон выбрал стратегию непрерывных массированных бомбардировок с использованием самолетов Б-52.

Бомбардировки продолжались двенадцать дней. Принято считать, что бомбардировки ничего не дали. Это не так. 26 декабря, в день одного из наиболее мощных налетов, мы получили из Ханоя согласие возобновить переговоры на наших условиях».

Вот тогда впервые пересеклись судьбы Джона Маккейна и Генри Киссинджера, который во время избирательной кампании 2008 года консультировал его в международных делах. А тогда

помощник президента Никсона по национальной безопасности Генри Киссинджер вел в Париже переговоры с северными вьетнамцами об условиях окончания войны.

«Я восхищался мужеством президента Никсона, — говорит Маккейн. — Его есть за что критиковать — за Уотергейт, например. Но у него были силы принять непопулярные решения — минировать порты, ввести морскую блокаду, бомбить Камбоджу. Я понимаю, что это было трудно для него, но именно так можно было закончить войну. Он знал, когда пустить в ход морковку, а когда палку. Вьетнамцы думали, что побеждают. Они полагали, что большинство американцев не желает войны. Но они недооценили президента Никсона. Он знал, что чем мы сильнее, тем с большей готовностью коммунисты идут на переговоры. Они понимают только язык силы».

Джон Маккейн провел в плену пять с половиной лет и вернулся на родину после заключения мира в Париже. Соглашения были подписаны 27 января 1973 года. Маккейна отпустили 15 марта. Он вернулся на родину героем. Его принял президент Ричард Никсон. Фотография Маккейна на костылях обошла всю страну. Он получил высшие награды, которых удостаиваются американские военнослужащие, в том числе медаль, которой отмечают мужество солдат, прошедших через вражеский плен.

— Что касается моих планов на будущее, — говорил тогда Маккейн журналистам, — то я хотел бы остаться на флоте, если я смогу вновь летать. Это зависит от успехов хирургов, которым предстоит заняться моими руками и ногой. Если придется уйти с флота, я надеюсь послужить правительству в каком-нибудь ином качестве. Я имел возможность о многом подумать и пришел к выводу, что одна из самых важных вещей в жизни — помимо заботы о семье — это быть полезным своей стране.

Он лечился девять месяцев. Курс реабилитации был очень болезненным. Он терпел, потому что хотел, чтобы врачи признали его годным к действительной военной службе. Он окончил курс в национальном военном колледже, продолжил службу и вновь летал. В 1977 году героя войны прикомандировали к комитету сената по делам вооруженных сил. Потолкавшись в Капитолии, Маккейн стал говорить, что он не глупее сенаторов, которых наблюдает каждый день. Почему бы ему самому не заняться политикой?

Конечно, он хотел бы стать адмиралом, как отец и дед. Но, во-первых, из-за травм он с трудом сдавал ежегодный экзамен по физической подготовке. Во-вторых, он никогда не командовал морскими соединениями. Когда речь идет о прохождении службы,

исключения не делаются даже для героев. Он второй раз женился, переехал к жене в Аризону и выставил свою кандидатуру в конгрессе.

В округе его именовали чужаком. Но он объяснил избирателям:

— Друзья, я двадцать два года прослужил на флоте. Мой отец служил на флоте. Мой дед служил на флоте. Если ты военный, тебя постоянно переводят с места на место. Мы жили во всех концах нашей страны. Конечно, мне бы хотелось всю жизнь провести вместе с вами в таком чудесном месте, как Аризона, но моя судьба сложилась иначе. Честно говоря, дольше всего на одном месте я жил в Ханое, когда попал в плен…

После подписания соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме Соединенные Штаты могли оправдать свой уход тем, что теперь противостоящие вьетнамские стороны займутся поисками согласия. На самом деле мир не наступил.

Руководитель Северного Вьетнама Ле Зуан объяснил товарищам на юге:

— Для нас самым важным в Парижском соглашении является не признание существования двух администраций на юге и не продвижение к созданию коалиционного правительства, а то, что американские войска должны уйти, а наша армия остается.

Пленум ЦК поставил задачу: «уничтожить врага и освободить Южный Вьетнам».

После ухода американских войск у Южного Вьетнама не было шансов. 30 апреля 1975 года партизанские отряды и части регулярной Вьетнамской народной армии взяли Сайгон. Боявшиеся коммунистов вьетнамцы умоляли американцев вывезти их из страны. Эвакуироваться удалось немногим. Сайгон ненадолго оказался во власти мародеров, но ушлые торговцы, потрафляя новой власти, уже вовсю торговали портретами Хо Ши Мина. После поражения юга из страны бежало полтора миллиона человек. Восемьсот пятьдесят тысяч обосновались в США. Американцы не имели ни сил, ни желания вмешиваться. Они были благодарны Никсону за то, что он ушел из Вьетнама.

В детстве Ричард Никсон хотел стать железнодорожником. Он вырос в поселке Йорба-Линда, где жили три сотни человек. Раз в день через поселок проходил поезд. Свисток паровоза, тормозящего у переезда, будил в нем грезы о тех местах, в которых он мечтал побывать…

Его отец Фрэнк Никсон построил дом и открыл автозаправку. Спальня детей была над гаражом. Потом он превратил заправку еще и в магазин. Ричард Никсон работал в лавке отца и рано

утром ездил с ним на рынок, чтобы к открытию лавки доставить свежие фрукты и овощи. Это приносило неплохой доход.

Ричард очень хотел учиться. Еще он занимался на фортепиано и на скрипке. Но в июле 1923 года на семью обрушилось первое несчастье — заболел младший сын Артур. Точного диагноза поставить тогда не удалось, врачи говорили, что у мальчика энцефалит или менингит и он вряд ли выживет. Мальчик скончался 10 августа 1925 года в семь лет.

Фрэнк Никсон решил, что смерть младшего сына, возможно, кара Господня за то, что семья слишком увлеклась зарабатыванием денег. Он закрывал заправку и магазин по воскресеньям, стал чаще ходить в церковь, ездил слушать известных проповедников. Ричард играл на пианино во время церковных служб. Впоследствии он считал, что он добился всего не в результате стечения обстоятельств, удачи. Он считал это триумфом его воли, благословленной Всевышним.

В 1939 году Ричард Никсон хотел стать специальным агентом ФБР, но его кандидатура была отвергнута по причине «недостатка агрессивности». Возможно, кадровики ошиблись. Политик Никсон проявил себя на фронте борьбы с коммунистами. В тридцать девять лет, молодой и напористый, он был сочтен подходящим кандидатом, чтобы баллотироваться в вице-президенты вместе с Эйзенхауэром.

Но тут пресса сообщила, что Никсону кое-что перепало лично из предвыборного фонда, созданного одним богатым калифорнийцем. Заговорили о том, что кандидатуру Никсона придется снять. Но он сделал неожиданный шаг. Он выступил по телевидению и подробно рассказал о состоянии своих финансов. Такого еще никто не делал. Он признался, что один поклонник из Техаса прислал его детям щенка.

— И вы знаете, — говорил Никсон, — наши дети, как все дети, привязались к щенку. И вот что я хочу вам сказать сейчас: что бы там об этом ни говорили, со щенком мы не расстанемся!

Эта фраза растрогала зрителей. Люди оценили его откровенность. Он неожиданно встал со стула и продолжал говорить без бумажки:

— Я не считаю, что должен снять свою кандидатуру. Я не капитулянт. И, между прочим, моя жена Пэт тоже не капитулянтка. Ирландцы никогда не отступают. Я предлагаю, чтобы национальный комитет Республиканской партии решил вопрос, должен я оставаться кандидатом или нет. А вас я хочу попросить помочь найти правильное решение — пишите и телеграфируйте ваше мнение. И я ему подчинюсь.

Ричард Никсон победил. Он стал вице-президентом и

оставался им восемь лет. Он рассчитывал завоевать Белый дом после Дуайта Эйзенхауэра. Но в 1960 году проиграл Джону Кеннеди. После такой успешной карьеры проигрыш казался ударом.

— Труднее всего расставаться с машиной, — говорил один из бывших вице-президентов. — Еще сегодня меня поджидают автомобиль, шофер и агент секретной службы. А завтра я лишен всего этого. Требуется время, чтобы свыкнуться с новым положением.

В 1962 году Никсон потерпел поражение на выборах губернатора Калифорнии.

— Я полагал, что, проиграв двое выборов кряду, политически я кончился, — вспоминал Никсон. — Все списали меня, и я сам себя списал.

Но в 1968 году он победил на президентских выборах. Ричард Никсон сделал карьеру на антикоммунизме. Он был классическим рыцарем холодной войны. На съезде Республиканской партии в 1960 году Никсон заявил:

— Если господин Хрущев уверяет, что наши внуки будут жить при коммунизме, давайте ответим ему, что его внуки будут жить в условиях свободы. Я верю в американскую мечту, потому что она реализовалась в моей собственной жизни…

В этом историческом споре Никсон выиграл. Сын Хрущева в перестроечные времена перебрался в Америку и даже получил гражданство Соединенных Штатов.

Брожение умов и эпоха разрядки

Именно Никсон повел Америку к разрядке, которой желал и его советский партнер Леонид Ильич Брежнев. В начале семидесятых открылась возможность для сближения двух супердержав. Соединенные Штаты завязли во Вьетнаме, Советский Союз столкнулся с открытой враждебностью Китая. Между СССР и США образовался необычный симбиоз, который выражался в том, что Советский Союз, неспособный себя прокормить, покупал зерно у Америки. Иногда казалось, что у двух держав больше общего между собой, чем со своими союзниками, которых надо было удерживать в своем лагере. Стабильность и предупреждение ядерного конфликта стали важнее идеологических разногласий.

Администрация Никсона в результате брожения умов в конгрессе обрела необыкновенную свободу политического маневра. В результате вьетнамской войны либералы на Капитолийском холме стали сторонниками компромиссов во внешней политике и разрядки напряженности, а правые хотели сокращения расходов на оборону.

Как ни странно это звучит, Никсон был очень стеснительным и предпочитал иметь дело с бумагами, а не с людьми. Один журналист писал о Никсоне, что он установил беспрецедентную одностороннюю связь с народом: «Он может связаться с нами, но мы с ним связаться не можем. Мы можем его видеть, но он не может нас слышать. Он всегда с нами, но диалог не получается».

Ричард Никсон не устраивал совещаний с коллегами, с которыми был не согласен, и не хотел встречаться с друзьями, которые не одобряли его действий. Он любил тайную дипломатию.

20 апреля 1972 года в Москву с секретным визитом прилетел советник президента по национальной безопасности Генри Киссинджер. Он сумел установить деловые отношения с советским руководством. Андрей Громыко иногда называл Киссинджера «чертом», но очень серьезно относился к нему и доверял его обещаниям.

Еще в марте 1968 года Никсон предсказал, что Советский Союз станет более сговорчивым из-за плохих отношений с Китаем. В определенном смысле Никсон оказался прав. Киссинджер вспоминал, что советские партнеры даже интересовались, какой будет реакция Вашингтона в случае советского ядерного удара по Китаю.

В 1949 году свергнутый коммунистами президент Чан Кайши

вместе с остатками своих войск бежал с материкового Китая на остров Тайвань. Соединенные Штаты признавали режим на Тайване, управлявший семнадцатью миллионами человек, в качестве подлинного правительства всего Китая. Миллиардный Китай в дипломатическом отношении просто не существовал для США и его союзников. На протяжении двадцати лет Вашингтон не позволял Китаю занять место в ООН и изолировал его практически от всего мира.

При Никсоне Соединенные Штаты изменили политику и признали, что Китай един и Тайвань является его частью. Поначалу американцы не думали, что примирение с Пекином, где полыхала культурная революция, возможно.

«Американский империализм находится при последнем издыхании, — писал центральный орган компартии Китая газета «Жэньминь жибао». — Хотя он дошел уже до своего конца, Никсон имеет наглость говорить о будущем. Человек, стоящий одной ногой в могиле, пытается утешиться мечтами о рае».

Первый сигнал о желательности сближения пришел в Вашингтон из Китая после ввода советских войск в Чехословакию в августе 1968 года. Китайцы хотели избавиться от угрозы войны на два фронта — против Советского Союза и против Соединенных Штатов, выйти из международной изоляции и продемонстрировать всему миру свою значимость.

В 1969 году вражда между Москвой и Пекином приобрела зловещий военный аспект. Когда произошли столкновения советских и китайских войск, Вашингтон без колебаний повернулся лицом к Китаю. Некоторые американские дипломаты говорили, что сближение с Китаем подорвет отношения с Советским Союзом. Киссинджер, напротив, считал, что это заставит Москву искать взаимопонимания с американцами.

В 1971 году Никсон полетел в Китай. Перед поездкой французский писатель Андре Мальро сказал Никсону о Мао:

— Вам предстоит встреча с колоссом, но с колоссом, стоящим одной ногой в могиле. Знаете, о чем подумает Мао, когда увидит вас? Он подумает: «Вот человек намного моложе меня». Вы будете считать, что он говорит с вами, на самом же деле он будет беседовать со смертью… В Мао есть что-то колдовское. Его снедают видения, они поглощают его.

При всем своем обаянии китайские лидеры — самые несентиментальные проводники политики равновесия сил. С древних времен китайцам приходилось противостоять сильным соседям. Часто, будучи слабыми в военном отношении, они побеждали, так как понимали и использовали в своих целях психологию и предрассудки чужеземцев. Китай, когда ему грозит

опасность, умело сталкивает своих противников друг с другом.

«На первом официальном обеде в Пекине в 1972 году, — вспоминал Никсон, — Чжоу Эньлай, чтобы продемонстрировать крепость «маотая», китайской водки, налил ее в блюдце и поднес спичку. Водка вспыхнула, как церковная свечка. Представляете, что случится, если этот напиток попадет в желудок».

В Москве визит Никсона в Пекин в феврале 1972 года восприняли как поражение, как неудачу. В реальности Китай перестал быть непредсказуемым и опасным соседом. Он превращался в нормального игрока, который подчиняется определенным правилам.

Советские руководители спешили показать, что они — более серьезный партнер, чем китайцы. В мае 1972 года Никсон прилетел в Москву, и это было огромное событие для обеих стран.

Эпоха разрядки началась 26 мая 1972 года, когда в Москве подписали два советско-американских соглашения — бессрочный договор об ограничении систем обороны против межконтинентальных ракет и договор об ограничении ядерных стратегических вооружений (ОСВ-1), который предусматривал прекращение строительства новых шахтных установок для межконтинентальных баллистических ракет и замораживание числа пусковых установок на подводных лодках на момент подписания.

В разговоре с глазу на глаз Леонид Ильич сказал Никсону, что хотел бы установить с ним личные, доверительные отношения. Они подписали первые соглашения об ограничении ядерных вооружений. И Никсон пригласил Брежнева совершить ответный визит.

Брежнев, побывав в Америке, весьма впечатлился. Он хотел создать условия, которые сделали бы немыслимой войну между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Тем более что встречали его доброжелательно, подарили «линкольн». Американское правительство не располагало средствами для покупки такой дорогой машины, попросили нескольких бизнесменов скинуться во имя укрепления отношений с Россией. Брежневу понравилось в Америке, он вел себя уверенно и свободно. Поскольку жену он с собой не брал, то два дня с ним провела стюардесса его личного самолета. Брежнев даже представил ее президенту Никсону, тот и бровью не повел.

Во время ужина с Никсоном была выпита заботливо припасенная американским президентом бутылка «Столичной». Брежнев жаловался на то, как трудно ему в вопросах разоружения и установления хороших отношений с Соединенными Штатами

убеждать коллег по руководству — особенно Подгорного и Косыгина.

Это могло быть как проявлением искренности, желанием объяснить ситуацию в Кремле, так и своего рода игрой: я-то обеими руками за, но не я один решаю… «Брежнев, — вспоминал Никсон, — хлопал собеседника по коленке, толкал локтем в ребра или обнимал, чтобы придать особое значение моменту».

Советские лидеры испытывали в отношении американцев сложные чувства — уважение и презрение, зависть и пренебрежение. В Москве тяжело переживали президентские выборы в Соединенных Штатах, не зная, как наладятся отношения с новым хозяином Белого дома.

Брежнев же стал считать себя человеком, который сделал разрядку реальностью. Ему нравилось, когда в западной печати писали о нем как о миротворце. Другие члены политбюро либо совсем ничего не понимали в мировых делах, либо находились в плену каких-то фантастических мифов. Они воспринимали разрядку как хитрый шаг в борьбе с империализмом, а Брежнев все-таки заставлял военных соглашаться на ограничение ядерных вооружений.

В Москве и не подозревали, что американские генералы тоже противились любым ограничениям и винили Генри Киссинджера и его дипломатов в том, что они подписали документ, выгодный Советам. Оппозиция возникла и в конгрессе, потому что Никсон и Киссинджер действовали в одиночку и даже не старались обзавестись союзниками на Капитолийском холме.

Разрядка пошла под откос после вынужденного ухода Никсона из Белого дома. Все началось с того, что в Вашингтоне в жилом комплексе Уотергейт, где находилась штаб-квартира Демократической партии, произошла кража со взломом. Взломщики попались. Запирались они недолго. Выяснилось, что их наняли соперники из Республиканской партии — с одобрения президентского аппарата.

«Над Никсоном, — считает Генри Киссинджер, — довлели его отношения с семьей Кеннеди. Никсон все бы отдал за то поклонение, которое досталось Джону Кеннеди. Зачем Никсон и его люди пошли на подслушивание разговоров противника, когда победа на выборах была уже в их руках? Да разве мог Никсон считать победу полной, если она не превзошла успеха ненавистных, страшных и в то же время обожаемых Кеннеди? Это был акт возмездия за воображаемые травмы…»

— Я, разумеется, не знал о том, что готовится взлом в Уотергейте, — говорил Никсон по телевидению. — И я не имел никакого отношения к последующим попыткам спрятать концы в

воду.

В реальности Никсон пытался помешать расследованию, чтобы след от взломщиков не привел к Белому дому. Но в Соединенных Штатах остановить следствие не под силу даже президенту. Хуже того, эта попытка погубила его. Никсон считал, что его правление станет выдающимся, поэтому каждое слово должно быть сохранено для истории. И он не хотел, чтобы помощники его надували, меняя свое мнение. В Белом доме установили автоматическую систему записи разговоров. Она включалась, едва кто-то начинал говорить. Никсону не надо было заботиться о том, чтобы запустить магнитофон. Но он не мог и отключить его. Он же первый и забыл, что запись идет, и в тиши Овального кабинета откровенно говорил, как надо спасать положение.

Когда по решению Верховного суда ему пришлось передать конгрессу магнитофонные пленки с записью своих разговоров с ближайшими помощниками относительно Уотергейта, стало ясно, что президент врал. Его ждал импичмент, то есть отстранение от должности.

Даже соратник по партии сенатор Барри Голдуотер возмущенно говорил:

— Он самый бесчестный человек, которого я встречал в своей жизни. Президент Никсон лгал своей жене, своей семье, друзьям, коллегам в конгрессе, товарищам по партии, американскому народу и всему миру.

Когда в конгрессе началась процедура подготовки импичмента, у Никсона произошел нервный срыв. В полном отчаянии он сказал Киссинджеру:

— Они хотят меня убить. И у них это может получиться. Я могу просто умереть.

Чтобы избежать позора, Никсон отказался от президентского поста. 8 августа, выступая по телевидению, он отрицал какую-либо свою вину, но объяснил:

— Я никогда не был человеком, который уходит. Тому, что я покидаю Белый дом до того, как закончится мой срок, противится каждая клеточка моего тела. Но как президент я должен думать в первую очередь об интересах Америки. Поэтому я слагаю с себя полномочия президента завтра в полдень.

9 августа он покинул Белый дом. Прощаясь со своим аппаратом, гордо сказал:

— Мы уходим в прекрасном настроении.

Почетный караул в последний раз отсалютовал Ричарду Никсону. Поднимаясь по трапу, он обернулся и помахал своим коллегам. Этот жест, задуманный, очевидно, как ободряющий, на

самом деле свидетельствовал о том, что его физические и духовные силы исчерпаны.

Никсон был умным и серьезным стратегом. Он изменил политическую карту мира, когда поехал в Китай, когда улучшил отношения с Советским Союзом и заключил первые соглашения о контроле над ядерными вооружениями. Но его погубила та привычка к интригам и запутанным ходам в большой политике, те же приемы в стиле Макиавелли, которые сделали возможными неожиданные поездки в Пекин и Москву.

Им руководило стремление расквитаться с противниками — надо заставить других бояться, иначе разорвут. Он подобрал помощников под стать своей личности, и они дали волю дурным сторонам его души. У него не было адвоката дьявола, только его собственные дьяволы, и они его поглотили.

Первые месяцы после отставки бывший президент страдал от депрессии. Потом постепенно вернулся в общественную жизнь. Он много ездил и выступал. Написал несколько книг. Казалось, страна простила ему Уотергейт.

Джеральд Форд неожиданно для самого себя занял кресло вице-президента, а потом столь же внезапно стал хозяином Белого дома, потому что его предшественникам одному за другим пришлось уйти из политики.

Вице-президентом у Ричарда Никсона был Спиро Эгню. Но вдруг выяснилось, что он недоплатил налоги. Эгню подал в отставку.

— Я невиновен, — утверждал вице-президент Спиро Эгню, — но ухожу, потому что это в национальных интересах.

После долгих размышлений Никсон предложил конгрессу утвердить новым вице-президентом опытного законодателя Джеральда Форда. Приняв присягу, новый вице произнес фразу, которая стала знаменитой:

— Я Форд, а не Линкольн.

Он хотел подчеркнуть, что понимает свое место. Возможно, он поскромничал. Вскоре и Никсону пришлось уйти из-за уотергейтского скандала, и Джеральд Форд внезапно стал президентом Соединенных Штатов.

Внешне простоватый Форд был умелым администратором. Добросердечный и доброжелательный, он обладал еще и здравым смыслом. С ним можно было говорить откровенно. Он не терял спокойствия и не был эгоистом. Джеральд Форд вставал в половине шестого утра, приговаривая, что «есть и спать — пустая трата времени». Делал гимнастику и в восемь уже сидел в рабочем кабинете.

Форд профессионально играл в футбол, во Вторую мировую

служил в армии, окончил юридический факультет Йельского университета. Он тринадцать раз избирался в палату представителей. Никто не решался назвать его большим интеллектуалом, но, видимо, это не главное качество для президента. По мнению его помощника Брента Скаукрофта, руководителю страны необходимо мужество принимать решения и не отступать от них; этими качествами Форд обладал.

— Если говорить о том, с кем лучше всего было работать, — вспоминал государственный секретарь Генри Киссинджер, — так это с Фордом. Можете мне поверить, я видел многих президентов.

Джеральд Форд в определенном смысле спас Америку, впавшую в отчаяние из-за уотергейтского скандала. Но проблема самого Форда состояла в том, что на эту должность его не выбирали, а назначили. И он не считал себя облеченным доверием народа. Или, точнее, не верил, что способен быть полноценным президентом. Когда Форд поверил в себя, было поздно. Иногда президент должен быть безжалостным, хладнокровным и жестоким. Таких талантов у Форда не было.

Осенью 1975 года президента Форда дважды пытались убить. Оба раза — женщины.

Сэйра Мур ждала Форда три часа и уже собиралась уйти, чтобы забрать девятилетнего сына из школы, как вдруг президент появился. Она выстрелила, когда Форд шел от дверей гостиницы к своему лимузину. Секретная служба попросила его не подходить к толпе и не пожимать руки. Это его и спасло.

Сэйра Мур стреляла с близкого расстояния, но ее руку толкнул стоявший рядом ветеран вьетнамской войны, и пуля прошла мимо. Джеральда Форда запихнули в машину и увезли. Агенты практически лежали на президенте, прикрывая его своими телами. Он потом сказал:

— А вы, ребята, очень тяжелые.

Сэйра Мур была разведена и воспитывала в одиночку сына. Она была осведомительницей ФБР и при этом симпатизировала крайне левым. Ничего в жизни не получалось. Накануне покушения полиция задержала ее с пистолетом, но отпустила, конфисковав оружие. Она мечтала обратить на себя внимание, ее желание сбылось, но ей это дорого обошлось…

Линетт Фромм, которая тоже хотела убить Форда, входила в банду психопата Мэнсона, приговоренного к пожизненному заключению за зверское убийство беременной актирисы Шарон Тэйт и еще шести человек. Она любила Мэнсона и часто говорила: «Я за него готова умереть и убить кого угодно». Линетт Фромм собиралась уничтожать всех, кто загрязняет мир отходами.

Пистолет одолжила у друзей. Пока она вытаскивала пистолет, агенты секретной службы заметили оружие и окружили президента со всех сторон. Она нажимала на спусковой крючок, но даже не сумела выстрелить, потому что забыла загнать пулю в патронник.

Секретная служба арестовала еще пять человек, которые хотели убить Форда. Почему на него ополчилось столько людей? Форда в стране считали хорошим парнем — в отличие от Джонсона и Никсона. Объяснить это невозможно. Иногда в мире возникает настоящая эпидемия покушений.

В Советском Союзе Джеральда Форда воспринимали как продолжателя никсоновской политики разрядки и ему благоволили. В ноябре 1974 года президент Форд прилетел во Владивосток, чтобы встретиться с Леонидом Ильичом Брежневым. Переговоры велись на очень сложную тему — обсуждалось новое соглашение по ограничению стратегических наступательных вооружений.

Когда Брежнев уехал на Дальний Восток, старшим в Москве остался член политбюро Николай Подгорный. Он позвонил Брежневу во Владивосток и сказал, что, по мнению военных, предложения американцев неприемлемы. Подгорный предложил отложить встречу до следующего года, а за это время поднажать на Вашингтон. Но Брежнев и Громыко считали, что с американцами необходимо идти на компромисс. Брежнев настоял на своем, но эти споры с членами политбюро ему дорого обошлись. Во время переговоров у него случился спазм сосудов головного мозга.

После Владивостока здоровье Брежнева резко ухудшилось. Политическое здоровье Джеральда Форда было еще хуже. Он не мог противостоять своему сопернику-демократу Джимми Картеру. Поражение Форда стало неизбежным, когда на дебатах разгоряченный президент выпалил:

— При администрации Форда Советский Союз не доминировал и не будет доминировать в Восточной Европе.

Его соперник Джимми Картер только усмехнулся. Журналист, который вел дебаты, вцепился в Форда: неужели президент и в самом деле так думает?

«В ходе предвыборной кампании Картер критиковал разрядку, — вспоминает американский дипломат и историк Строуб Тэлбот. — Он назначил своим советником по национальной безопасности Збигнева Бжезинского, одно лишь имя которого с типично славянскими шипящими звуками воплощало в себе особую озлобленность эмигранта из восточноевропейских стран. В глазах Москвы он был самой

опасной разновидностью рыцаря холодной войны…»

Разбитый горшок президента Картера

Вместо Форда президентом выбрали Картера, самого неподходящего президента для установления хороших отношений с Советским Союзом.

— Настало время возрождения, — говорил Джимми Картер. — Мы должны вновь обрести веру, мы хотим снова гордиться, мы снова хотим правды. Настало время, когда правительство будет подчиняться людям, а не наоборот.

Будущий президент Соединенных Штатов Джимми Картер родился в деревянном доме на маленьком железнодорожном полустанке. Комната, в которой спал будущий президент, не отапливалась. Картеры разводили кур, цесарок, уток и гусей. Его отец был фермером, мать медсестрой. В детстве Джимми Картера несколько раз пороли и вообще держали в ежовых рукавицах.

Летом Картер ходил босиком и надевал рубаху, только когда шел в церковь. Будущий президент таскал воду для поливки поля, окучивал сладкий картофель, ухаживал за бахчой, где росли арбузы, таскал дрова для плиты, подметал двор, задавал корм свиньям, стриг овец, доил коров, ощипывал гусей. Картер помогал отцу торговать в лавке сахаром, солью, мукой, кофе, табаком, мылом, касторовым маслом и керосином. Лавка работала по субботам, а в другие дни ее открывали, когда появлялся покупатель.

Картер хотел учиться в военно-морской академии в Аннаполисе. Это была возможность получить прекрасное образование за казенный счет. Денег, чтобы учиться в колледже, у семьи не было. Джимми поступил в академию с помощью конгрессмена, которого отец Картера поддерживал на выборах.

В военно-морской академии царило то, что у нас называется дедовщиной. Старшие курсанты измывались над первокурсниками. Если кто-нибудь выказывал слабость, его вынуждали уйти из академии.

«Один из наиболее распространенных видов наказания, — вспоминал Картер, — заключался в том, что наказанный должен был принять позу сидящего на стуле, не касаясь при этом стула. Лишение пищи было более суровым наказанием. За дурные манеры заставляли есть под столом. А кое-кто из старшекурсников приказывал нам нагнуться и бил по мягкому месту метлой, тяжелой алюминиевой миской и — что хуже всего — разливательным черпаком с длинной ручкой».

Каждое лето курсанты ходили в учебное плавание по Карибскому морю, чаще всего на старых линкорах. Спали на палубе. Сразу же после сигнала подъема палубу начинали поливать морской водой из шлангов. Чтобы сохранить одеяла и одежду сухими, курсанты должны были вставать очень быстро и мгновенно покидать палубу.

«Денег у нас было мало, — вспоминал Картер. — Моя лейтенантская зарплата составляла триста долларов в месяц. Из них за квартиру мы платили сто долларов, за мое питание на корабле пятьдесят четыре доллара и за облигации военного займа — семьдесят пять долларов. На все остальные расходы на месяц оставался, таким образом, семьдесят один доллар. Но моя жена Розалин всегда хорошо справлялась со своими обязанностями по ведению хозяйства».

Молодой морской офицер Картер плавал на старых дизельных подлодках, а мечтал служить на новых, атомных. Он подал рапорт начальству. Отбором офицеров для атомного подводного флота занимался знаменитый адмирал Хаймэн Риковер, создатель американского атомного подводного флота, человек резкий и жесткий.

Он поинтересовался у Джимми Картера:

— На каком месте вы были по успеваемости на своем курсе в военно-морской академии?

Картер с гордостью ответил:

— Сэр, я был по успеваемости пятьдесят девятым из восьмисот двадцати человек на курсе!

Картер ожидал похвалы и ошибся. Адмирал хмуро спросил его:

— А почему вы не были первым?

Слова адмирала подействовали на будущего президента. А почему, в самом деле, он позволяет кому-то обгонять себя, почему не он — первый?

Ему пришлось демобилизоваться после смерти отца, чтобы помочь семье. Он выращивал на своей ферме арахис, преуспел в бизнесе и решил заняться политикой. Его первым политическим жестом был отказ вступить в союз белых граждан, противников равенства черных и белых. Соседи устроили Картерам небольшой бойкот, отказывались от покупок в его лавке, но будущий президент был тверд: он не считал, что люди одной расы лучше других. Он ездил по городкам, подходил к людям и говорил:

— Меня зовут Джимми Картер, и я хочу, чтобы вы меня поддержали на выборах.

Картер был человеком упрямым и привык добиваться цели, которую считал справедливой. Когда он впервые баллотировался

в сенат штата Джорджия, в одном из избирательных участков местный политический босс, поддерживавший соперника Картера, велел каждому избирателю голосовать за нужного человека и сам вытаскивал бюллетени из урны, чтобы проверить, исполнена ли его воля. В результате бюллетеней в урне оказалось больше, чем избирателей. Картер опротестовал результаты выборов, дело разбиралось в суде, борьба продолжалась долго, но в конце концов Картер получил место в сенате.

Потом он победил на губернаторских выборах. Политика его не испортила. Очень набожный, он поклялся никогда не врать людям.

Готовясь к президентским выборам, Картер с утра работал у себя на ферме, а после обеда отправлялся куда-нибудь выступать. За четыре года он произнес тысячу восемьсот речей. Вместе с женой они за это время пожали руки шестистам тысячам избирателей.

«Мы с Розалин, — вспоминал Картер, — пожимали руки толпам, приходившим на распродажу скота и табака, на выставки лошадей, на родео, посмотреть футбольные матчи или другие спортивные состязания. Мы заходили в городе в каждую парикмахерскую, косметический кабинет, ресторан, магазин, на каждую заправочную станцию. Часами мы стояли у вращающихся дверей крупнейших торговых центров и общались с каждым покупателем.

Если было слишком рано, чтобы застать людей на работе, мы встречались с ними на остановках автобусов или отправлялись на пункты сбора местных полицейских, пожарных, ремонтников и мусорщиков».

В двенадцать лет будущий президент Картер, прочитав «Войну и мир» Толстого, увидел в романе подтверждение собственной убежденности в том, что историю делают не вожди, а простые люди. Джимми Картер также пришел к выводу, что принимающие решения политики и чиновники изолированы от тех граждан, которых эти решения больше всего затрагивают. Он свято верил в правоту того, что делает, и серьезно относился к своим обязанностям.

В 1976 году американцы решили, что губернатор Джорджии самый подходящий человек для того, чтобы стать президентом страны: честный, простой, религиозный, не столичная штучка и не юрист. Картер легко одолел Форда.

Президент Гарри Трумэн говорил о Вашингтоне: «Если вы хотите иметь друга в этом городе, заведите себе собаку». У Картера было мало друзей. Он работал с утра до вечера. Один только министр обороны Гаролд Браун приносил ему толстенные

пачки документов. Картер прочитывал сотни страниц и требовал еще. Он пребывал в уверенности, что в состоянии разобраться в любом самом сложном деле.

«Картер бывал крайне педантичным, — вспоминал его советник по национальной безопасности Збигнев Бжезинский. — Он возвращал адресованные ему записки, исправив в них грамматические ошибки».

Картер вел себя нарочито скромно, чтобы покончить с роскошью имперского президентства Никсона. Он сам носил свой портфель, отправил дочь в муниципальную школу, продал президентскую яхту, сократил количество автомобилей в гараже Белого дома и срезал своим сотрудникам зарплату на десять процентов.

Во время энергетического кризиса Картер старался сократить потребление бензина, чтобы сохранить запасы нефти для будущих поколений. На Белом доме установили солнечные батареи. Он распорядился понизить температуру в Белом доме и, выступая по телевидению, призвал сограждан последовать его примеру и не растрачивать энергию понапрасну.

Как правило, в половине шестого утра Джимми Картер уже входил в рабочий кабинет и просиживал над бумагами до позднего вечера. Подчиненные считали, что Картер занимается мелочами, которые экономят казне сотни долларов, хотя его выбирали для того, чтобы он экономил миллионы и миллиарды. Пригласив на завтрак в Белый дом руководителей конгресса, президент ограничил меню печеньем и кофе. Законодатели взбунтовались и потребовали добавить в меню яйца. Эта история испортила отношения Картера с законодателями.

Джимми Картер, как человек очень совестливый и религиозный, считал, что все правительства в мире обязаны соблюдать права человека. Для него это был вопрос принципа. Картер попросил конгресс прекратить помощь латиноамериканским диктаторам, прежде всего генералу Аугусто Пиночету. Потом выступил в поддержку академика Андрея Сахарова и принял в Белом доме высланного из Советского Союза известного диссидента Владимира Буковского.

— Если мы видим, что людей несправедливо сажают, мучают, лишают прав, — говорил Картер, — Соединенные Штаты не вправе молчать. Наша приверженность правам человека является фундаментом внешней политики Соединенных Штатов.

Эти речи вызывали в Москве нескрываемое раздражение. Советские руководители не верили в искренность американского президента. Считали, что Джимми Картер сознательно проводит антисоветскую политику. Начался упадок разрядки. Отношения

Запада и Востока портились на глазах.

«Картер, — считают американские историки, — был уверен, что казавшиеся непреодолимыми препятствия исчезнут, как только он и Брежнев смогут взглянуть друг другу в глаза и по-мужски обсудить проблемы мира и войны. Но Брежнев и другие советские руководители с большим подозрением относились к Картеру, которого считали до нелепости наивным человеком».

Как отражение настающего противостояния возник так называемый «микроволновый скандал», детали которого остались неизвестными. Американские дипломаты в Москве жаловались на то, что советские спецслужбы облучают посольство. Вероятно, речь шла об усилиях контрразведывательной службы, которая то ли активировала оставленные в здании посольства радиопередающие устройства, то ли пыталась по вибрации оконных стекол определить, о чем говорят дипломаты…

«То, что советские власти, — вспоминала Ребекка Мэтлок, — бомбардировали микроволнами посольство США и занимались этим в течение нескольких лет, повергло американцев в смятение и страх.

Начались переговоры о прекращении облучения микроволнами. Выясняли, сколько американцев, работавших в посольстве в Москве, умерли от рака. Государственный департамент провел полную диспансеризацию всех, кто работал или жил в Москве, и утверждал, что заболеваемость раком среди них не превышает среднего уровня».

Американские дипломаты считали, что облучение прекратилось после того, как случился пожар в здании через улицу, откуда шло облучение. Тогдашний посол Уолтер Дж. Стессел умер в 1987 году от лейкемии, рака крови.

На взаимоотношения Советского Союза и Соединенных Штатов серьезное влияние оказывал третий крупный игрок — Китай.

В конце января 1979 года в Вашингтон по случаю восстановления дипломатических отношений приехал заместитель премьера Госсовета КНР Дэн Сяопин. На первые роли он выдвигал других людей, а сам руководил как бы со стороны. Но все знали, что это Дэн принимает в Пекине все ключевые решения.

Жизненный путь Дэн Сяопина — это мечта биографа, это фантастическая история, включающая в себя войну, революцию, взлеты и падения, поразительные успехи и личные трагедии. Он родился в семье отнюдь не бедного человека. Прекрасно учился в школе. В 1920 году он отправился учиться во Францию. Некоторое время работал на автомобильном заводе «Рено». Во

Франции он полюбил круассаны и пристрастился к игре в бридж. Здесь он вступил в компартию Франции. В 1925 году из Франции Дэн перебрался в Москву, чтобы учиться в университете имени Сунь Ятсена. Это было время ленинского НЭПа.

Дэн Сяопину было двадцать один год. В Москве его и других иностранных учащихся-коммунистов хорошо кормили, каждый получил пальто, ботинки, плащ, зимнюю одежду. Каждому студенту в Москве давали русскую фамилию. Дэн значился под именем Дозорова. Он был парторгом группы. Он пробыл в Советском Союзе шесть месяцев. В конце 1926 года его отозвали на родину.

В Китае Дэн сразу оказался в подполье. В 1943 году в зоне, которую контролировала китайская Красная армия, Дэн впервые начал борьбу за повышение урожая. Он предложил платить премии тем, кто собирал больший урожай, и добился успеха.

В 1955 году Дэна избрали членом политбюро. Когда через два года Мао Цзэдун приехал в Москву, он показал Хрущеву Дэна:

— Посмотрите на этого маленького человека. Он очень умный, и у него большое будущее.

Когда речь шла о политике, о роли партии, Дэн оставался доктринером. Он поддерживал Мао во всем, кроме экономики. Он поддержал идею большого прыжка, что закончилось катастрофой для экономики страны. Но в начале шестидесятых Дэн уже задумался над тем, как привести экономику в порядок, и это оттолкнуло от него Мао.

В разгар культурной революции Дэну пришлось на митинге в Пекине каяться в проведении буржуазной линии:

— Мои ошибки — не случайность, а проявление определенного стиля в работе.

Самокритика не помогла. В 1967 году его убрали со всех постов. Дэна с женой отправили работать на тракторный завод. Его младший брат, не выдержав издевательств со стороны хунвейбинов, покончил с собой. Старшего сына хунвейбины превратили в инвалида. Потом Дэну разрешили забрать детей к себе. Он жил в небольшом доме, много читал. Целыми днями он ходил по двору и думал. Видимо, тогда в нем и созрели идеи, которые потом помогли Китаю ожить.

В 1973 году Дэн вдруг появился в Пекине в роли вице-премьера. Он был реабилитирован, потому что кто-то должен был заниматься экономикой. Но через три года его вновь сняли со всех постов — старая гвардия не принимала его идей модернизации. На сей раз ему грозила серьезная опасность. Он уехал в Кантон, где укрылся у старого друга, командующего военным округом. Смерть Мао в сентябре 1976 года открыла Дэну

путь наверх.

Дэн никогда не выражал сомнений в верности марксизма-ленинизма, но был прагматиком до мозга костей. Не так-то просто разобраться в его взглядах. Он жестко выступал против буржуазной либерализации, но позволил начаться послаблениям. Он поддерживал политиков, которые хотели либерализации, сам же их убирал и назначал новых, которые вели куда более консервативную линию.

Китайские реформы ведут отсчет от третьего пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва. Пленум был созван 18 декабря 1978 года для утверждения разработанного Дэном после кончины Мао плана реформ и открытости. Сохраняя полный контроль над страной, сохраняя идеологический аппарат, Дэн повернул экономику от плановой к рыночной. Вот тогда китайцам разрешили обогащаться. Тогда китайцы мечтали о трех колесах и о звуке — часах, велосипеде, швейной машинке и радио.

Мао был реакционным утопистом, который тянул Китай назад к мотыге, к ручному труду, питал ненависть к интеллигентам. Дэн, напротив, повернул к научно-технической революции, он требовал от Китая уважать науку. Мао пытался изолировать Китай от мира, от внешнего влияния. Дэн повернул Китай лицом к западному миру.

Но главное состоит в том, что Дэн повернул Китай лицом к самому себе. Он заставил китайцев понять, что они живут в отсталой, нищей стране, которая отнюдь не идет в авангарде человечества, в стране, которую можно преобразовать только упорным трудом. Он заставил китайцев повернуться от абстрактных идей к практическим делам. Он требовал, чтобы люди работали с полной отдачей и строили не утопическое царство, а реальный Китай. Мао обещал народу построить счастье за несколько лет. Дэн такие сроки не ставил. Он понимал, что сделать народ богатым в сжатые сроки невозможно. Для него минимальный срок — это сто лет.

Когда Дэн приехал в Соединенные Штаты, ему показали автомобильный завод и космический центр. Его усадили в кабину управления космическим кораблем, где имитировался реальный полет. Руководитель народного Китая увлекся игрой и не хотел уходить… Он и на родео побывал с интересом. Не отказал себе в удовольствии покрасоваться в ковбойской шляпе.

Дэн Сяопин обладал одним фантастически важным качеством. Он смотрел на мир незашоренным взглядом. Увидев, что рыночная экономика способна накормить людей, сделать страну процветающей, он безжалостно отбросил все догмы социалистического хозяйства.

— Если бы я мог родиться снова, — сказал Дэн в узком кругу после поездки в Америку, — в Китае уже сейчас существовала бы рыночная экономика.

Один венгерский философ заметил когда-то, что ленинизм есть приспособление марксизма к решениям очередного пленума ЦК. Дэн Сяопин приспособил маоизм к фактическому разрушению социализма в том виде, в котором он существовал при Мао Цзэдуне. В отличие от иных марксистских лидеров Дэн не считал себя теоретиком, открывателем вечных истин. Самого Дэна идеологические формулы не волновали. Он хотел, чтобы народ жил лучше, а государство было крепким, способным охранять свои границы от всякого рода посягательств извне.

Во время визита Дэн Сяопин всячески демонстрировал свое расположение к Соединенным Штатам.

— Мы приехали, — говорил Дэн, — чтобы выразить дружбу китайского народа к американскому народу, и здесь, на вашей земле, мы ощущаем ваше дружеское отношение к нашей стране.

Одновременно Дэн Сяопин не упускал случая пройтись насчет Советского Союза. На одном приеме Дэн прямо обвинил Москву в агрессивности и вероломстве. Да и в самом Китае, когда приезжали американцы, звучали зловещие тосты:

— Долой нашего общего врага полярного медведя!

Президент Картер записал в дневнике: «Дэн сказал, что КНР не желает войны. Китайцам нужен длительный мир, чтобы осуществить модернизацию. Советский Союз в конце концов развяжет войну. Но мы можем оттянуть войну до конца столетия. Дэн не считает, что нужен формальный союз, но мы должны координировать свои усилия, чтобы сдерживать Советский Союз».

В конфиденциальном разговоре Дэн предупредил американцев, что Китай намерен «преподать урок» вьетнамцам. Отношения двух стран, между которыми всегда существовали сильные противоречия, приняли откровенно враждебный характер после того, как вьетнамские войска вошли в Камбоджу. Тогда она называлась Кампучией, и у власти находились красные кхмеры во главе с Пол Потом.

Его настоящее имя — Салот Сар. Он получил стипендию для поездки на учебу в Париже. Во Франции он должен был получить диплом инженера, а стал марксистом. Он не сдал экзамены и вернулся домой, не закончив учебу. Присоединился к подпольному движению против французов, в 1963 году стал секретарем компартии. В 1968-м красные кхмеры начали партизанскую борьбу против полиции и армии. В 1975 году они взяли власть в стране.

Окружение Пол Пота состояло в основном из его друзей по

учебе в Париже — все, как на подбор, люди, лишенные элементарных человеческих добродетелей. Его неулыбчивые бойцы с холодными глазами приступили к чистке столицы от врагов. Врагов оказалось много. Уничтожали всех, кто служил свергнутому режиму: учителей, инженеров, врачей, буддийских монахов. Его идеи представляли собой горючую смесь национализма и коммунизма. Он создавал коллективную экономику без денег. Страна осталась без еды и погибала.

Пол Пота называли «брат номер один». Он был похож на привидение — мало кто его видел, но все и всегда боялись. Те, кто разговаривал с ним, говорили, что был мягок в обращении и вежлив, всегда улыбался. Но за три года и восемь месяцев у власти он превратил страну в кладбище. Красные кхмеры убили около двух миллионов человек в стране с семимиллионным населением.

Красные кхмеры, как и нацисты, аккуратно вели записи об уничтожении. Рядом с палачами работали клерки. Сохранились следственные дела, в которых арестованные признают себя одновременно американскими, советскими и вьетнамскими шпионами. Сохранились папки с отчетами партсобраний аппарата тюрем и лагерей, где следователи и надзиратели подвергали себя самокритике такого, например, содержания:

— Мы должны правильно применять пытки, потому что иногда они говорят нам не правду, а то, что мы хотим от них услышать.

Сохранились автобиографии служащих спецслужб красных кхмеров: «Мои братья служили в армии Лон Нола, американской марионетки. Они работали на врага. У меня нет к ним никаких добрых чувств». Такое признание означало уничтожение родственников.

Красные кхмеры отгородились от всего мира. Какие-то отношения они поддерживали только с Китаем и с Северной Кореей. Инструкторы, отправленные в Пномпень Ким Ир Сеном, обучали камбоджийские спецслужбы.

В определенном смысле красные кхмеры — тоже порождение холодной войны. Это одна из самых позорных страниц истории. Советские руководители с раздражением следили за их деятельностью, считая, что Пол Пот компрометирует мировое коммунистическое движение. Но Москва блокировала все попытки мирового сообщества вмешаться и даже не хотела осуждать красных кхмеров, потому что они строили социализм. Китай же вообще безоговорочно поддерживал красных кхмеров, потому что Пекин, как и другие крупные державы в годы холодной войны, нуждался в сателлитах.

Соседний Вьетнам красные кхмеры ненавидели и у себя в стране устраивали настоящие вьетнамские погромы. Ненависть маленькой Камбоджи к большому Вьетнаму имеет глубокие исторические корни.

Упадок империи Ангкор после XIV столетия привел к тому, что соседние Сиам (Таиланд) и Вьетнам стали делить территорию Камбоджи. Французская интервенция в XIX столетии помогла вернуть земли, отрезанные Таиландом. Но дельту Меконга и деревню рыбаков, которая со временем превратилась в Сайгон, французы оставили Вьетнаму. В 1856 году камбоджийский король обратился к французскому императору с просьбой о понимании: «Я надеюсь, ваше величество посочувствует мне и моему народу, и закончатся наши потери, которые сжали нас в нашем тесном королевстве».

Страх быть зажатыми со всех сторон с тех пор не покидает камбоджийцев. Вьетнамцы переселялись в Камбоджу и занимались торговлей. К тому же французы назначали вьетнамцев на разные должности, в том числе и на каучуковых плантациях. К 1970 году число вьетнамцев в стране превысило полмиллиона.

Камбоджа подписала с существовавшим тогда Южным Вьетнамом соглашение о репатриации всех вьетнамцев. Красные кхмеры говорили, что «ни один вьетнамец не имеет права жить в Камбодже». Вьетнамцы бежали из страны. Оставшиеся жили в страхе.

Ханой 25 декабря 1978 года отправил в Камбоджу вьетнамские войска, которые выбили красных кхмеров и сформировали в Пномпене лояльное Вьетнаму правительство Хенг Самрина. 10 января 1979 года была провозглашена Народная Республика Кампучия. С одной стороны, вторжение в соседнее государство было совершенно империалистической акцией, с другой — вьетнамцы скинули красных кхмеров.

Ханой ввел войска в Камбоджу, не предупредив Москву. Вьетнамцы исходили из того, что Москва в любом случае вынуждена будет им помогать. Но китайцы, которые поддерживали красных кхмеров, были уверены, что Вьетнам действует по указке Советского Союза, и решили наказать вьетнамцев. Кроме того, теперь уже в бедственном положении оказались не вьетнамцы в Камбодже, а жившие во Вьетнаме хуацяо — около двухсот тысяч этнических китайцев.

В середине февраля 1979 года, менее чем через две недели после поездки в Америку, Дэн Сяопин двинул китайские войска на Вьетнам.

Фронты холодной войны перевернулись. Одно

социалистическое государство напало на другое. Идеология отошла на задний план. По всему миру проросли зерна ненависти, посеянные холодной войной. Она продолжалась так долго, что стала жесткой структурой, определявшей все события в мире. Американцы, русские, европейцы, да и все остальные стали заложниками этого противостояния.

Вместе с тем холодная война служила своеобразной гарантией от всеобщей катастрофы, не позволяла локальным конфликтам приобретать глобальный характер. Великие державы поставляли своим вассалам оружие, чтобы они могли воевать, но сами определяли масштабы конфликта.

17 февраля 1979 года одиннадцать армейских корпусов Народно-освободительной армии Китая вошли на территорию Вьетнама. Они захватили несколько приграничных уездов и провинциальных центров. Главный удар — пятью корпусами — китайцы нанесли в направлении города Лангшон, от которого сорок километров до Ханоя. 4 марта китайцы взяли город. Им противостояли всего две вьетнамские дивизии, основные силы находились в Камбодже.

19 февраля группа советских военных советников во главе с генералом армии Геннадием Ивановичем Обатуровым прилетела в Ханой. Обатуров командовал войсками Прикарпатского военного округа, с 1973 года был первым заместителем главного военного инспектора Министерства обороны. Ему было шестьдесят четыре года, но он занимался гимнастикой по системе йогов, стоял на голове, крутил «солнце» на турнике, играл в теннис. На курсах «Выстрел» сам водил танки и боевые машины пехоты, стрелял из стрелкового оружия. В Ханое его назначили главным военным советником при министре национальной обороны.

Преподать урок вьетнамцам Пекин не сумел. Это была крайне неудачная кампания для плохо обученной китайской армии. Вьетнамцы, имевшие большой боевой опыт, легко отразили нападение. Китайские войска заняли несколько городов, затем объявили себя победителями и ушли. Потери составили шестьдесят тысяч солдат и офицеров.

Советские войска на Дальнем Востоке были приведены в состояние полной боевой готовности, но в конфликт не вмешались.

— Мы не знаем, какого следующего шахматного хода ждать от китайской стороны, — внушал министр иностранных дел Громыко своим подчиненным. — Средняя норма терпения, умноженная на тысячу, — вот что нам нужно. Запас выдержки у нас есть. Не следует поддаваться наскокам, личным выпадам. Эта

линия остается в силе.

Очевидная слабость народно-освободительной армии Китая несколько успокоила советских генералов, встревоженных ростом военных расходов КНР. В Министерстве обороны предлагали развернуть на Дальнем Востоке мощную группировку сухопутных сил и построить там сеть укрепленных районов. Осуществление этого проекта потребовало бы от десяти до двадцати миллиардов долларов — непосильные деньги для советского бюджета.

«Ученые Академии наук, — вспоминал профессор Георгий Геннадьевич Малинецкий, заместитель директора Института прикладной математики имени М.В. Келдыша (научный центр, много работавший на оборону), — проанализировав экономику, демографию, военностратегический потенциал страны, пришли к выводу, что до 2000 года развитие Китая не позволяет создать угрозу, устранение которой потребовало бы предложенных военными мер. Результаты математического моделирования исторических процессов в Кремле приняли во внимание, что позволило избежать неоправданно огромных затрат».

Война на Дальнем Востоке не помешала Картеру и Брежневу встретиться в 1979 году. По протоколу встреча должна была состояться на американской территории, потому что американские президенты уже дважды приезжали в Советский Союз, а в дипломатии действует принцип взаимности. Но советские дипломаты объяснили американцам: политбюро считает нецелесообразным, чтобы Леонид Ильич летел через океан. Американцы с пониманием отнеслись к состоянию здоровья Брежнева. Они видели, в каком состоянии он приезжал во Францию.

«Брежнев движется мне навстречу, — вспоминал президент Валери Жискар д'Эстен. — Он ступает нерешительно и нетвердо, словно на каждом шагу уточняет направление движения. Я вижу, с каким усилием он произносит слова. Когда его губы двигаются, мне кажется, я слышу постукивание размякших костей, словно его челюсти плавают в жидкости».

Для подписания договора об ограничении стратегических вооружений Картер и Брежнев встретились в Вене. Процедура подписания проходила в Редутном зале дворца Хофбург. Советский министр иностранных дел вполголоса спросил маршала Устинова:

— Как думаешь, расцелуются они или нет?

— Нет, незачем целоваться, — твердо ответил Устинов.

— Не уверен, — заметил многоопытный Громыко.

Брежнев и Картер поцеловались. Потом Брежнев спросил своего переводчика Виктора Суходрева:

— Скажи, Витя, а ничего, что я с Картером расцеловался? Но ведь это он первый…

Суходрев подтвердил, что все было совершенно нормально.

— Господин председатель, — говорил на пресс-конференции после подписания договора Джимми Картер, — у нас с вами есть дети и внуки, и мы хотим, чтобы они жили в мире. Мы с вами немало поработали для того, чтобы обеспечить нашим собственным детям и детям наших стран эту безопасность.

Но 1979 год оказался для Картера крайне неудачным. В Иране вспыхнула исламская революция, которая будет иметь огромные последствия для всего мира. Шах Реза Пехлеви был важнейшим союзником и опорой Соединенных Штатов на Среднем Востоке, но американцы не заметили перемены, происходившие в стране. Они слепо верили во всемогущество шаха. Американские дипломаты и разведчики в Тегеране не интересовались настроениями оппозиции. Они не спасли шаха и не спасут себя…

Падение цен на нефть во второй половине семидесятых нанесло тяжелый удар по экономике Ирана. Столь же неприятным для шаха стало избрание президентом Соединенных Штатов Джимми Картера с его вниманием к правам человека. Картер требовал от шаха демократизации, просил унять тайную полицию САВАК. Когда в Вашингтоне перестали безоговорочно поддерживать шаха, его враги почувствовали себя уверенно.

«Шах был возвращен на трон в 1953 году благодаря американской поддержке, — писал Киссинджер. — Он никогда этого не забывал. В этом, может быть, и заключалась причина его исключительной веры в американские намерения и в добрую волю американцев, а также его психологического краха, когда он почувствовал, что эта дружба улетучивается…»

Во время визита в Тегеран президент Картер выдавил из себя ритуальный тост: «За великого лидера Ирана и иранский народ!» — и произнес фразу, которую ему не забудут и не простят:

— Иран — островок стабильности в этом неспокойном регионе.

Шах был доволен словами дорогого гостя, но в Тегеране уже начались антишахские выступления. Священнослужители организовывали демонстрации, подставляя под огонь полиции молодежь. Потом устраивались пышные похороны, на базаре собирали деньги семьям погибших. Мечети, учебные исламские заведения превратились в центры подпольного антишахского движения.

10 и 11 декабря 1978 года по Ирану прокатились демонстрации с криками «Аллах акбар!». Когда народ восстал,

шах обнаружил, что он сокрушил все политические партии и легальную оппозицию, ему не с кем договариваться о компромиссе. В отчаянии он назначил премьер-министром Шахпура Бахтияра, который был в правительстве свергнутого шахом Мосаддыка заместителем министра труда.

Наверное, шах почувствовал дыхание истории, когда сразу после назначения новый премьер отправился на могилу Мосаддыка и поклялся в верности его идеям.

Видя, что народ не успокаивается, Реза Пехлеви покинул Иран 16 января 1979 года. Никто еще не мог предположить, что в стране начинается революция.

— Надеюсь, мы успокоим волнения и восстановим отношения между шахом и народом, — говорил премьер-министр Шахпур Бахтияр.

Но через две недели, 2 февраля, в страну триумфально вернулся аятолла Рухолла Хомейни, ненавидевший шаха за его реформы.

В ноябре 1964 года Хомейни отправили в изгнание. Он обосновался в Ираке — в городе Эн-Наджафе. Это одно из священных для шиитов мест. В 1978 году в Ираке побывала жена иранского шаха. Она посетила святые для шиитов места и выразила неудовольствие тем, что иракские власти позволяют Хомейни произносить антишахские проповеди. В сентябре президент Саддам Хусейн распорядился выставить Хомейни из Ирака. В октябре аятоллу доставили на границу с Кувейтом и попросили не возвращаться в Ирак. Это была колоссальная ошибка шахского режима. Пока аятолла находился в Ираке, он был безопасен для Ирана.

Хомейни нашел убежище во Франции, откуда записи его проповедей повезли в Иран, и они скоро наводнили страну. А иностранные корреспонденты, окружавшие его во Франции, превратили аятоллу в фигуру мирового масштаба.

Когда Рухолла Хомейни вернулся на родину, его встречали пять миллионов восторженных иранцев. На экранах телевизоров мир увидел беснующуюся толпу, женщин с безумными глазами.

Если премьер Бахтияр вспоминал Мосаддыка, Хомейни реагировал очень жестко:

— Почему он говорит о шахе, Мосаддыке, деньгах? Этого ничего больше нет. Есть только ислам.

Тем не менее в первом правительстве при Хомейни доминировали люди Мосаддыка. Премьер-министром стал Мехди Базарган, которого Мосаддык когда-то поставил руководить нефтяной промышленностью. Заместителем премьер-министра и министром иностранных дел стал Ибрагим Язди, лидер

небольшой партии, которая клялась в верности идеям Мосаддыка.

Но Язди уже понял, что надо меньше говорить о Мосаддыке. У Ирана есть только один герой — Хомейни. Он восхищенно рассказывал об аятолле:

— Он летом читал лекции в Куме. Было очень жарко, ученики хотели поставить в его комнате вентилятор. Но он наотрез отказался: «Я смогу пользоваться вентилятором только тогда, когда вентиляторы будут у каждой семьи».

4 ноября 1979 года было воскресенье. В исламских странах отдыхают по пятницам, так что в американском посольстве в Тегеране начался обычный рабочий день. С раннего утра у посольства собралась толпа, выкрикивавшая антиамериканские лозунги. В этом не было ничего необычного. Такие митинги после исламской революции устраивались чуть не каждый день. 14 февраля тегеранская толпа даже на несколько часов захватила американское посольство, но толпу быстро разогнали.

После этой истории посольские архивы эвакуировали в Западную Германию. Потом решили, что опасность миновала, и документы вернули в Тегеран, чтобы посольство могло полноценно работать. Более того, сотрудникам посольства разрешили вернуть в Тегеран жен и детей. Именно в тот день семьи дипломатов в аэропорту Франкфурта-на-Майне ждали вылета в Тегеран.

Но 4 ноября толпа численностью примерно в три тысячи человек неожиданно вломилась в ворота американского посольства. Исламская милиция толпе не препятствовала. Толпа разоружила малочисленную охрану и ворвалась в главное здание.

Резидент ЦРУ первым делом приказал уничтожить документы. До прихода Хомейни резидентура состояла из ста двадцати пяти человек. Практически всех эвакуировали. Несколько молодых оперативников перевели на нелегальное положение руководить агентурой — в их распоряжении осталось большое хозяйство: восемьдесят автомобилей, двести пятьдесят конспиративных квартир и радиопередатчики.

Резидентура же теперь состояла из нескольких аналитиков и техников управления шифросвязи, которые работали вахтовым методом, то есть приезжали на несколько месяцев и уезжали. Основная часть телеграмм уничтожалась сразу после прочтения, только самые важные документы хранились три месяца. По инструкции запрещалось хранить больше документов, чем можно уничтожить в течение получаса.

Но главный дезинтегратор бумаг сломался через несколько минут. Пустили в ход ручной измельчитель. Шифровки не уничтожались, а только разрезались на мелкие полоски.

Разведчики покинули помещение резидентуры, оставив кучу нарезанной бумаги на полу. Хотели ее поджечь, но подумали, что надежная сейфовая дверь продержится до появления сил порядка. Вот почему многие секретные документы, найденные в посольстве, иранцы сумели восстановить и опубликовать.

Американского посла уже отозвали в Вашингтон. Работой посольства руководил временный поверенный в делах. Он с утра вместе с помощником и охранником отправился в иранское министерство иностранных дел. Туда ему и позвонили из посольства и сообщили, что происходит. Он заявил протест министру иностранных дел Ирана Ибрагиму Язди. Министр обещал урезонить толпу. Но не правительство руководило страной.

Сотрудники посольства укрылись на втором этаже, где за мощной стальной дверью должны были ждать помощи. Попытки толпы взломать дверь оказались безуспешными. У иранцев ушли бы многие дни на то, чтобы ее вскрыть. Но они пригрозили убить уже захваченных американцев, если дверь не откроют. Поверенный в делах приказал своим сотрудникам по телефону: сдавайтесь. В руки толпы попали шестьдесят шесть американцев — весь остававшийся в Тегеране дипломатический персонал, морские пехотинцы из охраны, а также люди, случайно оказавшиеся в посольстве.

Поначалу непонятно было, кого представляют захватившие посольство студенты и чего они, собственно, хотят. Думали, что это произошло спонтанно, как уже было в феврале. Тогда через несколько часов поступил приказ отпустить дипломатов, и иранцы очистили посольство. На сей раз толпа явно действовала по приказу свыше, и аятолла Хомейни превратил захват посольства в символ борьбы за независимость страны.

По всему Ирану жгли американские флаги, чучела дяди Сэма, кричали: «Смерть Америке!» Когда захваченные сотрудники посольства спрашивали, когда их освободят, студенты отвечали: «Когда ваш президент Картер отдаст нам шаха».

Аятолла Рухолла Хомейни потребовал от Америки выдать бежавшего из страны шаха Мохаммада Резу Пехлеви, который находился в Нью-Йорке, вернуть Ирану все деньги шаха, принести народу Ирана извинения за вмешательство в его внутренние дела и обещать больше этого не делать.

Судьба захваченных дипломатов была в руках человека, на которого внешний мир взирал со смесью страха и отвращения. И с каждым днем положение заложников казалось все более безнадежным. Встретиться с Хомейни удалось только знаменитой итальянской журналистке Ориане Фаллачи, женщине

бесстрашной и откровенной.

«Предо мной предстал глубокий старик, — вспоминала Ориана Фаллачи. — Вблизи он не вызывает страха. Может, потому, что у него столь усталый вид и мистическая печаль меняет черты его лица? Или мистический гнев?

Я почти с симпатией рассматриваю его белую, льняную бороду, его влажные и чувственные губы, губы человека, с трудом подавляющего искушения тела, его большой волевой нос, смотрю в его ужасные глаза, в которых светится вся его вера, та вера, при которой нет места сомнению.

Я смотрю в глаза, в которых светится безжалостная сила того, кто посылает людей на смерть, не проронив ни слезинки».

Ориана Фаллачи спросила: куда идет Исламская Республика Иран? Мир этого не понимает.

— Если вы, иностранцы, не понимаете нас, то тем хуже для вас, — ответил Хомейни. — Во всяком случае, это вас не касается. Наш выбор вас не касается. Если же некоторые иранцы не понимают, то тем хуже для них. Значит, они не поняли ислама.

— Вы восстанавливаете законы и обычаи более чем тысячелетней давности, — спрашивала итальянская журналистка. — Не кажется ли вам, что мир с тех пор изменился? Вы откопали установление о запрете музыки. Но почему грех слушать музыку, имам Хомейни?

— Музыка мешает разумно мыслить, потому что она вызывает радость и экстаз, близкие к тем, которые вызывают наркотики, — ответил Хомейни. — Ваша, западная, музыка, разумеется. И она отвлекает, отравляет нашу молодежь, которая больше не интересуется судьбой своей страны.

— Даже музыка Баха, Бетховена, Верди? — с изумлением уточнила Ориана Фаллачи.

— Мне неизвестны эти имена, — сказал Хомейни. — Если они не приводят разум в замешательство, то они не будут запрещены. Есть у вас такая музыка, которая не будет запрещена: например, марши и гимны. Нам нужна музыка, которая воодушевляет, марши, которые побуждают молодых людей, даже парализованных, идти вперед.

— Правда ли, что вы, имам, — поинтересовалась Ориана Фаллачи, — приказали убить шаха и сказали, что исполнивший приказ будет считаться героем, а если погибнет, исполняя приказ, то пойдет в рай?

— Нет, — ответил Хомейни. — Я? Нет. Я хочу, чтобы шах был возвращен в Иран и публично судим за совершавшиеся им в течение пятидесяти лет преступления против персидского народа. Если он будет убит за границей, то все украденные им деньги

будут потеряны. Если мы будем судить его здесь, то сможем вернуть эти капиталы. Я хочу, чтобы он был здесь. И для этого я молюсь за его здоровье.

Бежавшего из страны шаха приютил в Каире Анвар Садат. Для радикальных исламистов это было уже второе преступление египетского президента, заключившего мир с Израилем. Это стоило ему жизни. Во время военного парада в Каире исламисты расстреляли Садата. Покинув Египет, шах нигде не мог найти убежища. Никто не хотел ссориться с аятоллой Хомейни. Обращаться за помощью к Соединенным Штатам шах не хотел, надеялся, что старые друзья сами о нем вспомнят.

28 сентября 1979 года заместителю государственного секретаря Дэвиду Ньюсому сообщили, что шах серьезно болен. Вероятно, у него малярия, и ему понадобится медицинская помощь, которую можно получить только в Соединенных Штатах. Государственный секретарь Сайрус Вэнс предупредил президента Картера, что, если состояние шаха действительно ухудшится, к нему могут обратиться с просьбой разрешить шаху въезд в страну.

В Мексику командировали доктора Бенджамина Кина, руководителя отделения тропических болезней нью-йоркской больницы. Он не нашел у шаха малярии, а предположил, что он болен раком. Доктор Кин сказал, что только в Соединенных Штатах можно и поставить правильный диагноз, и помочь пациенту.

Опытный доктор Кин был прав. За пять лет до этого, еще в 1974 году, врачи обнаружили у шаха лимфому — рак лимфоузлов, но никто об этом не знал. Французские врачи лечили его тайно.

Влиятельный американский банкир Дэвид Рокфеллер и бывший государственный секретарь Генри Киссинджер считали, что давний и надежный союзник имеет право на политическое убежище в Америке. Но президент Картер не хотел впускать шаха в Соединенные Штаты, опасаясь за судьбу американцев, все еще остававшихся в Иране.

Американское посольство в Иране предупредило Вашингтон, что приезд шаха в Соединенные Штаты крайне опасен: «В атмосфере ненависти к шаху и в условиях роста влияния исламского духовенства реакция Ирана будет даже острее, чем она могла быть еще несколько месяцев назад».

19 октября 1979 года президент Картер, как обычно по пятницам, устроил деловой завтрак со своей внешнеполитической командой. За приезд шаха высказались вице-президент Уолтер Мондейл, государственный секретарь Сайрус Вэнс и министр обороны Гаролд Браун. Сопротивлялся только сам Картер.

Руководитель президентской администрации Гамильтон Джордан сказал президенту:

— Если шах умрет в Мексике, представляете себе, что скажет журналистам Генри Киссинджер? Что сначала вы позволили свергнуть нашего верного союзника, а затем просто его убили.

— К черту Киссинджера! — вспылил Картер. — Я президент этой страны!

«Картер ходил по комнате, — вспоминал вице-президент Уолтер Мондейл, — а мы все уговаривали его впустить в страну шаха. И вдруг он произнес: «А если иранцы возьмут наших людей в посольстве в заложники, что вы мне тогда скажете?» В комнате повисла мертвая тишина».

Когда-то молодой политик Джимми Картер выступил в законодательном собрании штата Джорджия против положения о том, что человек обязан верить в Бога. Очень набожный, сам читающий проповеди, Картер считал, что свобода выбора важнее всего. Вот почему, став президентом, он все-таки разрешил бывшему иранскому шаху приехать в страну, хотя сознавал, что принимает крайне опасное решение. Он не мог отказать больному шаху в медицинской помощи.

«Ни в конституции Соединенных Штатов, — говорил Джимми Картер, — ни в Декларации независимости, ни в Билле о правах, ни в Новом и Ветхом Заветах вы не найдете таких слов, как «экономность» или «эффективность». Но вы обнаружите другие слова, такие как честность, чистота, справедливость, свобода, законность, мужество, патриотизм, сострадание, любовь и многие другие, которые говорят о том, каким должен быть человек. Эти же слова относятся к тому, каким должно быть правительство».

20 октября 1979 года посольство Соединенных Штатов в Тегеране получило шифровку из Вашингтона: информируйте иранские власти, что шаху разрешено въехать в Соединенные Штаты. Но разрешение временное — для проведения диагностики и курса лечения. Дипломаты и разведчики были поражены. Они считали, что надо дистанцироваться от шаха, раз уж Вашингтон пытается наладить отношения с революционным режимом.

Временный поверенный в делах посетил премьер-министра Мехди Базаргана и министра иностранных дел Ибрагима Язди, которые считались умеренными политиками. Но и они ответили, что иранцы не верят в мнимую болезнь шаха и воспринимают решение Вашингтона как враждебный иранскому народу шаг.

22 октября на личном самолете Дэвида Рокфеллера шах был доставлен в Нью-Йорк. Через неделю, 1 ноября, в Алжире премьер-министр Мехди Базарган и министр иностранных дел Ибрагим Язди тайно встретились с советником американского

президента по национальной безопасности Збигневом Бжезинским. Они хотели обсудить вопрос, как действовать в этой кризисной ситуации.

Но сохранить встречу в секрете не удалось. Хомейни и окружавшие его исламисты желали полного разрыва отношений с Соединенными Штатами, чтобы в стране не осталось ни одного американца. Они боялись, что американцы, как это произошло в 1953 году, сговорятся с прозападными (как они считали!) политиками.

О встрече руководителей правительства с Бжезинским сообщило радио Тегерана. В истерической атмосфере, сложившейся в Иране, это было воспринято как сговор правительства с Соединенными Штатами с целью вернуть шаха к власти. В манифестации протеста по улицам столицы прошли больше миллиона человек.

Для Хомейни Соединенные Штаты были главным врагом, и он готов был вести против американцев священную войну во имя ислама. Его враждебность впервые проявилась в октябре 1964 года, когда он произнес перед своим домом в Куме речь против особого статуса, который получали сотрудники американской военной миссии и их семьи. Такие же особые права и иммунитет получили американские военные во время Второй мировой войны в Англии. Но Хомейни ловко использовал эту тему для возбуждения ненависти к американцам. После этой речи, 4 ноября 1964 года, Хомейни выслали из страны. После возвращения в Иран 1 февраля 1979 года он стал называть Америку «большим сатаной». Президентов Египта Анвара Садата и Ирака — Саддама Хусейна он именовал слугами американцев.

Почему же американцы сразу не эвакуировали дипломатов из Тегерана? В Вашингтоне и думать об этом не хотели: Иран — такое большое и важное государство, как же можно остаться без посольства в Тегеране?

Через две недели после захвата посольства Хомейни объявил, что негры (афроамериканцы, как их называют в Соединенных Штатах), женщины и не граждане США будут освобождены. В общей сложности иранцы отпустили тринадцать человек. Осталось пятьдесят три заложника. Через полгода отпустили еще одного человека с трагическим диагнозом: рассеянный склероз.

Остальные пятьдесят два человека (в том числе две женщины и один афроамериканец) провели в неволе четыреста сорок четыре дня.

В руки толпы не попали поверенный в делах Брюс Лэйнген, его помощник и офицер безопасности, которые в момент захвата посольства находились в здании министерства иностранных дел.

Там они и остались. Поверенный в делах мог покинуть Иран в любую минуту, но отказался бросить своих коллег.

И еще шестеро американцев в Тегеране избежали участи своих коллег. Сельскохозяйственный атташе Ли Шатц в тот день находился в другом здании. Боб Андерс, который руководил консульским отделом, и две супружеские пары, работавшие под его началом, выскользнули через заднюю дверь, когда в посольство ворвались студенты. Все шестеро нашли убежище в канадском посольстве в Тегеране, но было ясно, что долго они не могут там скрываться. Их надо было как можно быстрее вывезти из страны. Поручили это ЦРУ.

«Я пришел к выводу, — вспоминал сотрудник ЦРУ Антонио Мендес, — что в данном случае надо разработать настолько экзотическое прикрытие, чтобы никто из иранцев ничего не заподозрил… Я решил отправить в Тегеран канадскую киносъемочную группу. Появление киношников ни у кого не вызовет подозрений».

Сотрудники ЦРУ зарегистрировали в Канаде мнимую кинокомпанию, поместили в газетах рекламные объявления. Написали сценарий, съемки которого требуют поездки в Иран, — смесь средневековой мистики и научной фантастики. Обратились в иранское консульство в Сан-Франциско и попросили визы для шестерых канадцев, одного европейца и одного латиноамериканца, который представлял инвесторов.

Визы были получены.

Но вместо восьми человек в Тегеран прилетели только двое оперативных сотрудников ЦРУ. Шесть канадских паспортов с иранскими визами предназначались для американцев, которых предстояло спасти. Паспорта были подлинные. Парламент Канады разрешил использовать паспорта в гуманитарных целях. Сотрудникам ЦРУ оставалось только на месте проставить в паспортах фальшивые штампы о въезде в Иран.

Американских дипломатов переодели и несколько изменили им внешний облик. Сотрудники разведки вновь и вновь обговаривали с ними детали их легенды. Иностранные дипломаты, которые помогали американцам скрываться, устроили прощальную вечеринку — на столе появились уже запрещенные в Иране вино, шампанское и более крепкие напитки.

Вся группа вылетала ранним утром 28 января 1980 года. В пять утра они уже были в аэропорту. Сонные иранские чиновники отштамповали паспорта не глядя. Когда самолет швейцарской авиакомпании поднялся в воздух, все наперебой заказывали у стюардесс коктейль «Кровавая Мэри».

12 марта 1980 года директор ЦРУ адмирал Стэнсфилд

Тернер, отправляясь к президенту, прихватил с собой руководившего операцией Антонио Мендеса. Занятый другими делами президент Картер забыл, зачем этого человека привели в Овальный кабинет, и Мендесу пришлось рассказывать, как именно он вывозил дипломатов из Тегерана. Ему было отведено две с половиной минуты, но разговор продолжался девять минут. На Картера эта история произвела сильное впечатление. В тот же день Антонио Мендес был назначен начальником управления технической разведки ЦРУ.

Но остальные дипломаты оставались в руках иранцев!

Над американцами глумились, им связывали руки и завязывали глаза. Держали в подвале. Кормили захваченными в посольстве запасами консервов, но их срок годности закончился, и еда стала опасной. Соединенные Штаты ощущали полнейшее бессилие перед лицом обезумевших фанатиков. Выступления Хомейни наводили на американцев страх, иранцы требовали казнить «шпионов» из захваченного посольства.

Президент Картер пытался договориться с Тегераном. Несколько месяцев государственный секретарь Сайрус Вэнс тщетно пытался договориться с иранскими властями об освобождении заложников. Руководитель президентской администрации Гамильтон Джордан провел тысячи часов в секретных переговорах. Но поскольку администрация ничего не предприняла после нападения на посольство, иранцы решили, что Картер слаб и бояться нечего. Переговоры ни к чему не привели. Глава иранского правительства умеренный политик Мехди Базарган, который не в силах был выпустить заложников, подал в отставку.

В Тегеран с посреднической миссией отправился Генеральный секретарь ООН Курт Вальдхайм.

— Моя цель, — объяснил журналистам Вальдхайм, — прежде всего урегулировать кризис.

С ним беседовал новый министр иностранных дел Ирана Садек Готб-заде, но и он ничего не решал в стране. Миссия Вальдхайма провалилась. Сказав, что «мы провели обмен мнениями», генсек ООН покинул Тегеран. Тогда президент Картер приказал министру обороны Гаролду Брауну силой освободить заложников.

В Вашингтоне готовились к спасению заложников всю зиму 1980 года. Отправить в Тегеран решили отряд войск специального назначения «Дельта» под командованием полковника Чарлза Бекквита, воевавшего во Вьетнаме. Многие офицеры считали операцию невыполнимой, говорили, что успеха можно добиться только чудом. Тегеран находится в глубине страны, на

значительном расстоянии от дружественных американцам стран. К тому же иранцы ожидали нападения, захваченное посольство охраняло множество вооруженных стражей революции.

Разработали такой план.

Транспортные вертолеты Си-130 «Геркулес» и вертолеты «Морской жеребец» с десантниками на борту входят в воздушное пространство Ирана и садятся в трехстах километрах от Тегерана. Точка — Пустыня-1.

После дозаправки вертолеты перебрасывают спецназ на площадку у заброшенных соляных шахт. Точка — Пустыня-2, в восьмидесяти километрах от Тегерана. Здесь спецназ пересаживается на машины и едет в сторону Тегерана. Ночью они атакуют посольство и освобождают заложников. Вертолетчики прикрывают спецназ с воздуха.

На всю операцию отводилось тридцать шесть часов. На штурм посольства и освобождение заложников — сорок пять минут. С территории посольства вертолеты должны были доставить спецназ и заложников к старому аэродрому, который мог принять большие транспортные самолеты. Аэродром должна была заранее захватить и удерживать вторая группа спецназа.

Подготовку не решились проводить на обычной базе спецназа в Форт-Брагге, потому что за ней постоянно следили советские разведывательные спутники. Тренировались в пустыне в штате Юта, которая напоминает иранские пустыни. Слабым звеном оказались вертолетчики, которые плохо ориентировались в ночных условиях. Но времени на их дополнительную подготовку не оставалось.

7 апреля 1980 года президент Картер приказал разорвать дипломатические отношения с Ираном. 11 апреля на заседании Совета национальной безопасности президент Картер разрешил проведение военной операции «Коготь орла». Он принял двух полковников и благословил их на подвиг.

Изучая любую проблему, Картер требовал все больше и больше справок. Он был уверен, что справится, если разберется во всех деталях. Однажды президент Картер заметил, что рядом с Белым домом из крана бежит вода. Он остановил сантехника и стал его расспрашивать: почему вода выливается? Сколько это стоит? Почему деталь оказалась дефектной?

Его помощники считали, что Картер напрасно тратит энергию на пустяки. Ему бы сосредоточиться на главном…

Госсекретарь Сайрус Вэнс не согласился с планом освободить заложников в Иране и сказал, что уйдет в отставку вне зависимости от того, будет ли спасательная операция успешной или провалится.

Джимми Картер связал с освобождением заложников свою политическую судьбу. «Мой недостаток: я не иду на компромисс в отношении принципа, который считаю верным, — говорил о себе Картер. — Один политик как-то сказал обо мне — «упрям, как черепаха из южной Джорджии». Бездумный отказ от компромиссов, конечно, глуп; но, может быть, пришло время отказаться от компромиссов по принципиальным вопросам».

За три недели до начала операции сотрудник американской военно-воздушной разведки проехал на мотоцикле через район приземления американского десанта. Он установил наземные огни для облегчения посадки.

В операции участвовали восемьдесят бойцов «Дельты» и тринадцать «зеленых беретов» из 10-й группы спецназа, расквартированной на базе в Бад-Тельце (Западная Германия). Всех одели в джинсы и куртки защитного цвета. На рукавах нашивки с изображением американского государственного флага, заклеенные пластырем. Пластырь предстояло сорвать уже во время штурма, чтобы не задеть своих. Бойцам «Дельты» предстояло освободить заложников, которых держали в самом посольстве, а «зеленым беретам» — вытащить троих американцев, которые оставались в здании министерства иностранных дел Ирана.

Эскадрилью транспортных самолетов С-130 перебросили в Египет будто бы для совместных маневров. Из Египта летчики перелетели в Оман, где находился старый аэродром британских военно-воздушных сил и где они дозаправились перед дальнейшим полетом. Восемь «Морских жеребцов» поднялись вечером в воздух с палубы авианосца «Нимитц», находившегося в Оманском заливе. Эти вертолеты выбрали по той причине, что в каждый из них можно было посадить тридцать человек.

Вечером 24 апреля 1980 года три американских транспортных самолета, три самолета-заправщика и восемь вертолетов без предупреждения вошли в воздушное пространство Ирана. Система противовоздушной обороны страны после исламской революции находилась в плачевном состоянии, так что иранские военные появления американской авиации просто не заметили.

По плану, составленному в Пентагоне, американские десантники должны были ночью тайно войти в Тегеран. Им предстояло освободить взятых в заложники полсотни американских дипломатов — весь наличный состав посольства Соединенных Штатов в Иране. Первая фаза операции называлась «Горшок риса».

Одновременно американская агентура внутри иранской

столицы получила задание устроить нечто вроде маленького восстания — и действительно в Тегеране началась стрельба, вспыхнули пожары, нарушилась телефонная связь…

Но дальше все пошло из рук вон плохо.

Специалисты считают выбор вертолетов главной ошибкой — пилоты из морской пехоты не имели опыта длительных полетов и дозаправки. Пилотам приказали лететь на минимальной высоте — около шестидесяти метров. В результате вертолеты попали в пыльную бурю. У одного сразу начались технические проблемы. Пилоты еще двух машин потеряли ориентировку, то есть заблудились в условиях плохой видимости, и совершили вынужденную посадку.

До места посадки — с часовым опозданием — добрались только шесть машин, из них одна при посадке повредила гидравлическую систему.

Дозаправка вертолетов проходила уже на иранской территории. Вдруг американцы заметили на шоссе машину. Это был рейсовый автобус. Автобус остановили, пассажиров вывели и уложили на песок. Тут на шоссе появилась автоцистерна с горючим. Водитель не подчинился приказу остановиться. Машину подорвали, она вспыхнула. В полной темноте пожар был виден издалека…

Дозаправка проходила в полной темноте. Один из вертолетов налетел на самолет-заправщик и пропорол ему брюхо. Обе машины вспыхнули. Сгорело все топливо, предназначенное для операции.

Восемь человек — пять пилотов самолета и трое вертолетчиков — погибли. Обломки взорвавшихся машин повредили еще четыре вертолета. В огне рвались боеприпасы. Бойцы спецназа, решив, что на них напали иранцы, открыли беспорядочную стрельбу.

С командного пункта, развернутого в Египте, требовали продолжать операцию. Но у полковника Чарлза Бекквита, который находился в пустыне вместе со своими бойцами, оставалось всего пять вертолетов. Во время штурма и они могли быть повреждены, что делало операцию невозможной. На двух-трех вертолетах немыслимо эвакуировать больше ста семидесяти человек — то есть всех заложников и спецназ.

Полковник Бекквит, видя, что продолжение бессмысленно, приказал бросить технику, оружие, погрузил всех в транспортные самолеты и дал приказ взлетать. На следующий день иранские солдаты обнаружили четыре брошенных вертолета и остатки сгоревших машин. Американцы так торопились, что даже не уничтожили оставшиеся на земле вертолеты и находившиеся в

них секретные документы, что позволило иранским спецслужбам выявить и арестовать американских агентов внутри страны.

Операция по спасению американских дипломатов в Тегеране, которых стражи исламской революции взяли в заложники, провалилась.

Президент Картер обреченно сказал: «Все пошло к черту!» Он нашел в себе мужество выступить по телевидению и рассказать о неудаче:

— Считая необходимым спасти заложников, я принял решение о спасательной операции. Когда во время дозаправки мы потеряли вертолеты, я принял решение прекратить операцию. Я один отвечаю за все, что произошло.

Иранцы торжествовали. Аятолла Али Хаменеи сказал:

— Мы не какие-нибудь либералы, вроде Альенде или Мосаддыка, которых ЦРУ смогло прикончить.

6 мая 1980 года Картер объявил днем траура по погибшим военнослужащим. Полковника Бекквита отправили в отставку. В историю эта неудачная операция вошла как самый скандальный провал американских спецслужб.

Иранское руководство рассредоточило заложников, чтобы исключить возможность повторения спасательной операции. Заложников развезли по разным тюрьмам, часто меняли их местонахождение. Шанс на спасение появился, когда изменилась политическая ситуация.

Неизлечимо больной шах скончался. А Иран втянулся в кровавую войну с Ираком, которая будет продолжаться восемь лет. Напав на Иран, Саддам Хусейн говорил о желании освободить братьев-арабов, томящихся под властью персов. В реальности он хотел реализовать давнюю мечту — разгромить исторического противника и рассчитывал расширить свою империю за счет иранской нефти и иранской плодородной земли.

Информация о происходящем в Иране, казалось, сулила Саддаму быструю победу. Разведка сообщала ему о послереволюционном хаосе, о распаде армии. И поначалу войска Саддама Хусейна брали верх, иранская армия отступала.

Иранские политики с удивлением обнаружили, что решительно никто в мировом сообществе не намерен становиться на их сторону в войне с Саддамом Хусейном.

Аятолла Хомейни счел, что заложники ему больше не нужны. Накал антиамериканских эмоций и настроений в стране и так был высок. А введенные Соединенными Штатами санкции все-таки вредили иранской экономике. Говорят, тогда Хомейни произнес:

— Мы выжали их как лимон. Они нам больше не нужны.

Отправьте их назад.

Иранцам пришлось вступить в переговоры. С американской стороны их вел заместитель госсекретаря Уоррен Кристофер. Переговоры шли через посредство Алжира. Иранские исламисты жаждали только денег. К удивлению алжирцев, представители революционного Ирана отчаянно торговались за каждую копейку, как на базаре. Потребовали по четыре миллиарда долларов за каждого заложника. Согласились на восемь миллиардов за всех. Деньги взяли с иранских же счетов, замороженных в американских и европейских банках. Американцы вычли из этой суммы иранские долги и три миллиарда перевели в Иран.

Кризис с заложниками в Тегеране погубил Джимми Картера. Он воспринимался как плохой руководитель, который не в состоянии справиться с проблемой. Захват заложников президент воспринял как личную трагедию. Он превратил Овальный кабинет в штаб по спасению американских дипломатов. Но у него ничего не получалось. Американцы видели, что Картер измотан и истощен. Он не мог выиграть избирательную кампанию. Ее исход был написан на его лице.

Президентские выборы в Соединенных Штатах в ноябре 1980 года приходились на первую годовщину захвата американских дипломатов в Тегеране. Картер мечтал освободить их до дня выборов. Это бы прибавило ему симпатий в глазах избирателей. Но иранцы не торопились. Картер проиграл выборы.

Американцы хотели видеть во главе страны более твердого человека, чем Джимми Картер. Так что аятолла Хомейни тоже внес свой вклад в избрание президентом Рональда Рейгана. Иранцы считали, что поладят с Рейганом лучше, чем с Картером. Наверное, они сильно удивились, когда через несколько дней после избрания новый президент назвал иранцев «варварами», с которыми он вообще не желает иметь дело.

Картеру хотелось освободить заложников, пока он остается в Белом доме, то есть до 20 января 1981 года, дня вступления в должность нового президента. Последние два дня своего президентства Картер провел в бесконечных переговорах о процедуре вывоза заложников из Ирана. Четыре года Картер запрещал снимать себя в Овальном кабинете. Теперь он снял запрет.

Картеру сообщили, что самолет с заложниками готов к взлету в тегеранском аэропорту. Всю ночь уходящий президент и его команда ждали, что заложников освободят. Под утро стали одеваться — пора освобождать Белый дом. Одного человека оставили у телефона на тот случай, если что-то произойдет. Но в Тегеране отпустили дипломатов только через сорок минут после

того, как Рональд Рейган принес присягу. Это была последняя месть аятоллы Джимми Картеру.

Заложников вывезли из Тегерана на алжирском самолете. Причем в воздух одновременно взлетели два самолета. Иранцы не знали, в каком находятся бывшие заложники. Алжирцы не хотели, чтобы у иранцев в последний момент возник соблазн сбить самолет с американцами.

Рейган любезно предложил Картеру отправиться в ФРГ, куда доставили освобожденных американцев, в качестве личного представителя президента. 21 января 1981 года уже бывший президент вместе со своей командой посетил освобожденных заложников, которых поместили в американский военный госпиталь. Руководитель его аппарата Гамильтон Джордан вспоминал:

— Картер выглядел таким старым и усталым, каким я его никогда не видел.

Глубоко верующий человек, Джимми Картер оказался не слишком удачливым президентом и продержался в Белом доме только один срок. Но жизнь в Вашингтоне его не испортила. Внутренне Картер остался тем, кем он был, — фермером и учителем в воскресной баптистской школе.

Новый президент Рональд Рейган устроил в Белом доме прием в честь освобожденных американцев и предупредил, что международный терроризм становится главной опасностью современного мира. Впрочем, мало кто тогда отдавал себе отчет в том, какое влияние иранская революция окажет на весь мир.

Отнюдь не все иранское духовенство одобряло желание Хомейни создать теократическое государство, которым бы управляли сами священнослужители. Многим муллам достаточно было получить автономию и гарантии государственного невмешательства в религиозные дела. Они объединились вокруг аятоллы Шариат-Мадари. Они полагали, что священнослужителям не стоит брать власть — нужно в соответствии с шиитскими представлениями ждать возвращения последнего, двенадцатого имама Мохаммада ибн аль-Хасана, который шестилетним мальчиком в 874 году бесследно исчез в пещере возле столицы халифата города Самарры. Шииты верят, что он должен вернуться и избавить мир от зла.

Хомейни вел себя очень осторожно. Он не говорил в те месяцы о теократическом государстве. Вокруг него сплотились молодые иранские интеллектуалы, вроде будущего президента страны Банисадра, которые увидели в Хомейни своего лидера. Он до поры до времени их не разочаровывал. Его поддержала и партия Туде. Хомейни говорил, что его цель — «Исламская

республика, которая принесет Ирану независимость и демократию». Придя к власти, он назовет демократию «чуждой исламу».

Победа стала возможной благодаря умению аятоллы Хомейни объединить различные силы и движения, которых объединяла только ненависть к шаху и его правительству. Хомейни позволил каждой группе и каждому движению участвовать в революции со своими лозунгами и идеями. После того как власть оказалась в его руках, начались чистки.

Хомейни организовал временное правительство, которое возглавил Мехди Базарган, инженер по профессии, учившийся во Франции. Правительство составили священнослужители и профессионалы, которые могли справиться с управлением государством. Но реальная власть оказалась в руках Исламского революционного совета. А на местах всем руководили исламские комитеты.

Движущей силой революции был народ, простые иранцы освоили прежде закрытые для них районы Тегерана, где обитала привилегированная публика. Люди рассчитывали, что свержение шаха принесет им более высокие зарплаты, что они получат новое жилье. Провели референдум, иранцы поддержали превращение страны в исламскую республику. Вслед за этим высшие исламские священнослужители приняли новую конституцию, которая наделяла высшей властью Хомейни.

Средний класс, образованная публика, либералы, студенчество оказались отстранены от процесса принятия решений. Аятолла Шариат-Мадари, который объединял священнослужителей — противников Хомейни, был помещен под домашний арест. Он так и оставался под арестом до своей смерти в 1986 году.

Многочисленное студенчество (сотни тысяч молодых иранцев учились за границей, в основном в Соединенных Штатах) было захвачено крайне левыми, марксистскими идеями, иранская молодежь восхищалась Мао Цзэдуном и Че Геварой. Некоторые марксисты попытались сформулировать принципы социалистического шиизма. Но эти идеи не находили отклика в массах, которые все равно оставались под влиянием исламского духовенства. Священнослужители с подозрением относились к любым попыткам модернизировать страну.

Шиитское духовенство всегда было независимо от государственного аппарата. В отличие от суннитского, которое получало деньги от государства и с ним ладило. Шиизм возник как форма протеста против трехвековой арабской оккупации Персии, против суннизма арабов-захватчиков. При шахе шиизм

был орудием борьбы против власти, за социальную справедливость. Персы никогда не считались фанатично религиозными. Исламская революция была протестом древней культуры, силу которой никто толком не представлял, против модернизации. Еще одна традиция шиизма — традиция насилия и мученической смерти. Это готовность к войне и к смерти в защиту угнетаемой веры.

— Ислам означает все, — учил Хомейни, — в том числе то, что на Западе называют свободой и демократией. Да, в исламе содержится все. Ислам включает в себя все.

Хомейни не желал усиления представителей активной молодежи, которые находились под влиянием социалистических идей. Хомейни устранил их так же, как и правительство Базаргана. Сначала дал им власть, позволил развернуться, а потом убрал с помощью Корпуса стражей исламской революции.

На первых президентских выборах в январе 1980 года Хомейни позволил победить Абольхасану Банисадру, еще одному поклоннику Мосаддыка и лидеру левых исламистов. А уже в апреле левые, обосновавшиеся в студенческих городках, были выброшены оттуда стражами исламской революции. Тегеранский университет вообще закрыли. В июне 1981 года Банисадр покинул страну. В 1982 году левых исламистов просто уничтожили. В 1983 году руководителей партии Туде заставили публично, перед телевизионными камерами, «сознаться» в том, что они советские шпионы.

Вся оппозиция была уничтожена.

По всей стране шли чистки — уничтожались сначала те, кто занимал видные посты при шахе, затем либералы. Молодые исламисты не только убивали «американских шпионов», но и грабили их имущество. Публикация документов, найденных в американском посольстве, оказалась роковой для многих видных иранцев. Любые контакты с американскими дипломатами приравнивались к предательству.

Врагов режима уничтожали и за границей. Сестра шаха принцесса Ашраф несколько лет была председателем комиссии ООН по правам человека и отвергала все обвинения в адрес тайной полиции САВАК. Ее личная жизнь не сложилась, она трижды была замужем, и все три раза неудачно. После исламской революции ее сына расстреляли в Париже — киллеры прибыли из Тегерана.

Когда 22 сентября 1980 года президент Ирака Саддам Хусейн вторгся в соседний Иран, он дал Хомейни возможность левую молодежь, которая представляла опасность для теократического режима, отправить на фронт. Плохо обученную молодежь

отправили умирать под иракскими танками советского производства. Восьмилетняя война с Ираком была прекрасным оправданием, ответом на вопрос, почему исламская революция ничего не принесла народу, ее совершившему.

В завещании имама Хомейни можно прочитать: «О борющийся народ, ты идешь под знамя, которое веет над всем материальным и нравственным миром. Путь, по которому ты идешь, единственный путь к абсолютному счастью. И это тот стимул, который побуждал всех имамов с радостью встречать мученическую гибель и считать ее слаще меда. Наша молодежь вкусила его на фронтах и пришла в восторг…»

Революция в Иране вызвала подъем в исламском мире. Иранская революционная пропаганда апеллировала к народным массам, призывала их восставать против лидеров, правящих не по законам шариата. 20 ноября 1979 года главную мечеть в Мекке захватили несколько сотен суннитских диссидентов. Их выбили из мечети только через две недели. Это были ваххабиты, нашедшие вдохновение в иранском примере. Восстание в Мекке было ударом для Саудовской Аравии, которая с конца шестидесятых установила свое лидерство в исламском мире как самая религиозная страна.

Пример Хомейни показал исламскому миру, что религия может стать мощным политическим оружием. Арабские властители стали демонстрировать свою религиозность — учли опыт шахского семейства, почти открыто демонстрировавшего пренебрежение священнослужителями. Саудиты стали вкладывать большие деньги в распространение ислама во всем мире, но вовсе не хотели стать жертвой революции у себя дома.

Они акцентировали внимание на шиитском характере иранской революции, рассчитывая, что она станет менее привлекательной для суннитов, составляющих восемьдесят процентов исламского мира. Заговорили о персидском гегемонизме. Во всяком случае, этот аргумент использовал Саддам Хусейн, когда напал на Иран. За исключением Сирии, арабские страны поддержали Саддама против Ирана.

Последствием иранской революции стала исламизация Ливана и палестинского движения. Организация Освобождения Палестины прежде считала необходимым предоставлять равные права и христианам, и мусульманам. В начале восьмидесятых палестинские лидеры понесли тяжелые поражения, искали новые средства пробуждения энтузиазма и нашли их в политическом исламизме. Братья-мусульмане заговорили о том, что исламская революция в Иране показала путь, который ведет к победе. Не светская идеология, а ислам как знамя, джихад — вот что

поможет вернуть Палестину и создать всемирный халифат…

В Соединенных Штатах мало кто мог предвидеть последствия иранской революции. Тревожились только из-за нефти.

«Шах обеспечивал безопасность Персидского залива, где находится треть разведанных нефтяных ресурсов, — писал Александр Хейг, который при Рейгане стал государственным секретарем. — Теперь Иран — самое важное в стратегическом отношении государство Малой Азии, где на смену шаху пришел теократический режим, — провозгласил свое намерение создать исламское государство по образцу Арабского халифата VII века.

Поставки нефти оказались под угрозой. Широко распространились опасения, что нефтяные ресурсы Персидского залива будут потеряны. Правительства западных стран, опасаясь, что в мире вновь возникнет нехватка нефти, сознательно или подсознательно перестраивали свою политику таким образом, чтобы умиротворить тех, кто контролирует поставки нефти…»

Центральное разведывательное управление предсказывало, что из-за трудностей с добычей Советский Союз может стать импортером нефти. Боялись, что нехватка нефти приведет Москву к более агрессивной политике на Среднем Востоке и Советская армия попытается захватить Иран. Этого не произошло. Но советское руководство совершило не менее тяжкие ошибки на Среднем Востоке.

Когда Брежнев тяжело заболел и выпустил вожжи из рук, внешнюю и военную политику стала определять тройка — председатель КГБ Юрий Андропов, министр обороны Дмитрий Устинов и министр иностранных дел Андрей Громыко.

Власть триумвирата была хуже, чем единоличное правление Брежнева. Уверенный в себе лидер способен пойти на уступки и компромиссы. А каждый из тройки стремился продемонстрировать свою непоколебимость и стойкость, загоняя страну в жесткую конфронтацию с внешним миром. Андропов, Устинов и примкнувший к ним Громыко затеяли афганскую авантюру.

27 апреля 1978 года в Кабуле просоветски настроенные офицеры совершили государственный переворот. Президента Дауда и его семью расстреляли. 30 апреля Советский Союз признал новую власть. Один из участников заговора заранее поставил в известность советских разведчиков. Если бы советская разведка предупредила президента Дауда, судьба Афганистана пошла бы иным путем. Остались бы живы сотни тысяч афганцев и пятнадцать тысяч советских солдат. При Дауде Афганистан был прекрасным соседом нашей стране…

Страна сопротивлялась социалистическим преобразованиям.

Афганцы не спешили становиться марксистами. В марте 1979 года вспыхнул антиправительственный мятеж в крупном городе Герате. К мятежникам присоединились части воинского гарнизона, был убит один из наших военных советников. Кроме того, началась грызня в афганском руководстве. Вожди революции убивали друг друга.

«Советский Союз, — считает один из руководителей международного отдела ЦК КПСС Карен Брутенц, — поддержал новую власть по идеологическим соображениям, следуя логике холодной войны. Но главное — подчинились соблазну иметь послушного союзника на южной границе, в стратегически важном районе. Но афганское правительство не могло существовать самостоятельно.

12 декабря 1979 года приняли решение ввести войска. Доводы все были фальшивые. Ссылка на приглашение афганского правительства — беспредельно циничной, ведь приглашал Хафизулла Амин, которого убили.

Пьянил, побуждая переоценивать свои возможности, достигнутый именно в 1979 году стратегический паритет с Соединенными Штатами. Это кульминация военного могущества, что заставляло верить в военную силу при решении проблем».

— Смотрите, товарищи, — говорил министр Громыко своим подчиненным, — как радикально переменилось соотношение сил в мире. Не так давно мы были вынуждены вновь и вновь прикидывать на политбюро, прежде чем предпринимать какой-либо внешнеполитический шаг, какова будет реакция США, что сделает Франция и так далее. Эти времена закончились. Если мы считаем, что что-либо надо обязательно сделать в интересах Советского Союза, мы это делаем. Что бы они там ни кричали, соотношение сил таково, что пошевелиться больше уже не смеют. Мы стали действительно великой державой…

Войска в Афганистан ввели, когда Брежнев был уже совсем болен. Если бы Брежнев был в порядке, он, скорее всего, не позволил втянуть страну в афганскую авантюру. Как выразился Валентин Фалин, близкий к Брежневу, «все дела обделывались за спиной генерального». Точнее сказать, генеральный секретарь лишился способности трезво оценивать ситуацию. Леонид Ильич «переживал упадок разрядки — своего любимого внешнеполитического детища, но ничего поделать уже не мог».

Советские руководители плохо понимали, во что ввязались. Последствия ввода войск были для Советского Союза очень тяжелыми. Это одна из крупнейших неудач советской внешней политики. В Вашингтоне опасались, что советские войска не удовлетворятся Афганистаном и их подлинная цель — нефть

Ирана. На картах Персидский залив казался совсем рядом — несколько танковых бросков.

— Просто осуждения недостаточно, — говорил возмущенный президент Картер. — Советский Союз должен заплатить цену за то, что он сделал. Мы обязаны показать Советам, что они не имеют права вторгаться в соседние страны.

«С начала семидесятых годов, — вспоминал американской посол в Москве Джек Мэтлок, — Соединенные Штаты ежегодно продавали Советскому Союзу до двадцати миллионов тонн зерна, главным образом пшеницу и кукурузу. После советского вторжения в Афганистан Картер разрешил продавать только восемь миллионов тонн, на которые Советский Союз имел право по долгосрочному соглашению, однако продажа дополнительных партий была запрещена».

«Картер поразился, когда Советский Союз ввел войска в Афганистан, — вспоминал Фрэнк Карлуччи, заместитель директора ЦРУ. — Нас это не удивило — мы предупреждали его, что дело идет к этому. Но он просто не мог поверить, что русские на это решатся».

— Я уведомил Международный олимпийский комитет, — сообщил Картер конгрессу, — что из-за советского вторжения в Афганистан я возражаю против участия американской команды в московской Олимпиаде.

Картер запретил продажу Советскому Союзу современных технологий и провел через конгресс закон об увеличении военных расходов на пять процентов в год. Так началось большое американское перевооружение восьмидесятых. Картер и его министр обороны Браун с их интересом к новейшим военным технологиям помогли будущему оснащению армии высокоточным оружием. Картер вообще заложил многое из того, что станет потом политикой Рональда Рейгана.

В Москве опасались Китая, который дружил с Пакистаном, поэтому с удвоенной силой помогали оружием Индии. Кремль боялся, что афганские лидеры сблизятся с Пакистаном и тогда образуется единый фронт против СССР. Страхи Москвы, казалось, подтверждались, когда через месяц после вторжения, в январе 1980 года, в Пекин прибыл американский министр обороны Гаролд Браун. Он предложил совместно организовать поставки оружия в Афганистан. Пекин отказался от переговоров с Москвой, на которые только что согласился, и пообещал поставлять оружие через Пакистан. Пекин радовался окончанию разрядки между СССР и США. Обе супердержавы нуждались в Китае, а у Пекина были свободные руки.

Роковые решения 1979 года привели к тому, что агрессивный

фундаментализм пришел к власти в Иране и Афганистане. Фанатики, исповедующие эти взгляды, намерены создать халифат, который будет объединять все новые и новые страны и расширяться до момента создания всемирного исламского государства.

Но великие державы не сразу осознали, какая опасность им грозит. Они все еще вели между собой холодную войну не на жизнь, а на смерть.

Ракеты на старте

Лидер Консервативной партии Маргарет Тэтчер стала премьер-министром Великобритании в 1979 году. Тэтчер отказалась от привычки карьерных женщин носить костюмы мужского покроя, что делало их похожими на лесбиянок тридцатых годов. Она умудрялась выглядеть одновременно женственной и сильной.

Женщина на посту главы правительства — тогда это было в новинку. Британские газеты писали: «Это маленький шаг для Маргарет, но огромный шаг для женщин всего мира». Сама она недолюбливала женщин и предпочитала мужское общество. Она желала быть единственной женщиной, которой восхищаются.

— Я хочу оправдать доверие, которое мне оказали, — сказала Маргарет Тэтчер, став премьер-министром, — и намерена делать то, что я считаю правильным.

Появлению Тэтчер на Даунинг-стрит в Москве не порадовались. Тэтчер была сторонницей укрепления НАТО и противостояния Советскому Союзу. В отличие от своих предшественников она не верила в «мирное сосуществование». Тэтчер считала, что Запад должен вести с коммунистическим Советским Союзом войну не на жизнь, а на смерть. И она не сомневалась в победе Запада.

— Русские называют меня железной леди, — торжествующе произнесла Маргарет Тэтчер в парламенте. Она сделала паузу и добавила: — Они правы!

Маргарет Тэтчер исходила из того, что именно ядерное оружие позволяет сохранить мир в Европе, и резко увеличила ядерный потенциал страны. Четыре британские подводные лодки «Поларис» несли в общей сложности шестьдесят четыре ядерные боеголовки. После модернизации в семидесятых годах они могли нести уже сто девяносто две боеголовки. Тэтчер приняла решение о покупке более современной американской ракетной системы «Трайдент». Теперь британский подводный флот мог обрушить на противника девятьсот шестьдесят боеголовок.

Отвечая радиослушателю, который был недоволен тем, что она тратит деньги на ядерные ракеты, когда миллионы британцев сидят без работы, Тэтчер сказала:

— Я не могу с вами согласиться. Разве можно отказываться от наших ядерных сил, когда огромный арсенал ядерных ракет остается в руках наших заклятых врагов, которые не колеблясь сокрушили Венгрию, Чехословакию и Афганистан?

После сорок пятого европейцы стали первыми заложниками

холодной войны, зато в шестидесятых годах они начали выигрывать от войны. Западные страны удачно сочетали свободное предпринимательство и государственные капиталовложения, поэтому денег хватало и на оборону, и на личное потребление.

Американский воинский контингент на территории ФРГ внес немалый вклад в подъем западногерманской экономики. Возвращающиеся на родину американские солдаты проложили в Соединенные Штаты путь «фольсквагенам». На американских военно-морских и военно-воздушных базах неплохо зарабатывала Япония. Вместе с американскими солдатами распространялись американская музыка, сигареты, автомобили, фильмы и кока-кола.

Во время португальской революции 1974 года, когда казалось, что натовская страна вот-вот станет социалистической, европейцев поражало полное отсутствие советской помощи португальским коммунистам, которые вышли из подполья. А ведь это было своеобразным следствием противостояния великих держав. Запад не вмешивался, когда восстали восточные немцы, венгры, чехи. И Москва воздержалась от активных действий, когда Испания и Португалия расставались со своим фашистским прошлым.

Вершиной европейской разрядки стало Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Общеевропейский акт был подписан в 1975 году в Хельсинки. Для Советского Союза главным было признание послевоенных границ. Для остального мира — защита прав и свобод человека.

Холодная война вновь вспыхнула в Европе, когда началось размещение новых советских ракет средней дальности. Эта история растянулась на десятилетие…

В 1976 году в Советском Союзе на вооружение приняли мобильный ракетный комплекс средней дальности РСД-10 «Пионер». Натовцы именовали новую советскую ракету СС-20. Она имела разделяющиеся головные части индивидуального наведения с тремя ядерными боезарядами. Дальность полета превышала пять тысяч километров.

В январе 1977 года Леонид Ильич Брежнев выступал в Туле и говорил, что абсурдно полагать, будто Советский Союз стремится к военному превосходству. А через несколько месяцев началась установка новых ракет. Они сменили устаревшие модели, подготовка которых к запуску занимала слишком много времени.

По мнению натовских военных, новые ракеты меняли баланс сил в Европе в пользу Советского Союза. Европейские державы не понимали логики советских руководителей: зачем Москве новые

ракеты средней дальности? Считалось, что в сфере ядерных вооружений Советский Союз конкурирует с Соединенными Штатами. Но эти ракеты были нацелены на Западную Европу. Не намерен ли Советский Союз нанести превентивный удар по военным объектам НАТО, разрушить порты и аэродромы, чтобы не позволить американской армии прийти европейцам на помощь и после этого захватить весь континент?

Ракеты СС-20 напугали и сплотили Западную Европу. Впервые с послевоенных времен против Советского Союза объединились лидеры Франции, Англии и Западной Германии.

Во время холодной войны Франция играла роль, которую пыталась играть Германия при канцлере Бисмарке: балансировала между Западом и Востоком. При Шарле де Голле Париж флиртовал с Москвой и держался твердо с Вашингтоном. Французы любили блеснуть антиамериканской фразой и позлить Соединенные Штаты, чтобы показать свою самостоятельность. Советские руководители старались перетащить французского президента на свою сторону, рассчитывая на его нелюбовь к американцам.

Обычно говорят, что Шарль де Голль был националистом. Точнее было бы сказать, что он был экономическим националистом. Он боялся не только вторжения советских танков во Францию, но и американской экономической экспансии. Опасался, что американцы за свои доллары скупят всю французскую экономику.

Шарль де Голль родился в Лилле в 1890 году. Роста в нем было сто девяносто два сантиметра. Учился в колледже иезуитов, но выбрал карьеру военного. Летом 1940 года, в разгар войны с немцами премьер-министр Поль Рейно отправил генерала де Голля в Лондон для переговоров с британскими союзниками.

Из Лондона после капитуляции Франции де Голль призвал соотечественников продолжить борьбу с нацистами. Он совершил поступок, который сделал его исторической фигурой.

«Будущее длится долго, — говорил де Голль. — В один прекрасный день может случиться все; тот или иной поступок, продиктованный честью и честностью, может вдруг оказаться хорошо помещенным политическим капиталом».

Британское правительство поддерживало де Голля как союзника в антигитлеровской войне, признало генерала главой французского правительства в изгнании. Американцы же его не любили. Президент Франклин Рузвельт презирал Францию из-за ее капитуляции в 1940 году, а де Голля называл «капризной примадонной».

Генерал платил американцам той же монетой, сознательно

вел себя с ними высокомерно, жестко и даже грубо.

8 мая 1943 года Рузвельт жаловался Черчиллю: «Де Голль, может быть, и честный человек, но он одержим манией мессианского комплекса. Я не знаю, что с ним делать».

Де Голль не остался в долгу. Он рассказывал о своей встрече с Рузвельтом: «Президент, подобно кинозвездам, хмурился, видя, что другие тоже могут играть роль. Рузвельт не особенно благосклонно взирал на мою персону, хотя прятал свои чувства под галантным обхождением патриция».

В 1945 году Франклин Рузвельт, возвращаясь домой после встречи «Большой тройки» в Ялте, предложил де Голлю встретиться в Алжире. Обиженный генерал не захотел, потому что его самого в Ялту не пригласили. Американский президент резюмировал: де Голль — это «примадонна, которая из-за своего каприза кинозвезды пренебрегла полезной встречей».

Еще одна причина развела США и Францию после войны. Американцы считали, что с колониями должно быть покончено и все народы имеют право обрести самостоятельность. Де Голль не хотел оставлять империю без колоний: «Разве сможет Франция восстановить свою роль в мире, если ее держат вне великих мировых решений, если она потеряет свои африканские и азиатские владения, если война будет завершена таким образом, что внушит ей психологию побежденных».

Если президент Рузвельт считал де Голля и его правительство в изгнании тайными фашистами, которые намерены проводить крайне правую политику, то после войны в Вашингтоне французов подозревали в том, что все они — тайные агенты коммунистов. Англичане и американцы считали французов нацией предателей, полагали, что ни Франции, ни Бельгии с Люксембургом доверять нельзя. В первых переговорах о создании НАТО в Вашингтоне участвовали только Соединенные Штаты, Англия и Канада.

Американцы даже не считали нужным скрывать своих подозрений. В августе 1948 года американский военный атташе в Париже генерал Тейт выступал перед офицерами французского Генерального штаба:

— Франция получила миллиарды долларов в соответствии с планом Маршалла и программами военного сотрудничества. Но результат разочаровывает. Мы не станем вас вооружать, раз вы не хотите сражаться. Вы уже никогда не станете великой военной державой. Мы лучше вооружим немцев.

Под давлением Соединенных Штатов и Великобритании во Франции осенью 1950 года поднялась антикоммунистическая волна. Французские спецслужбы были реорганизованы с тем,

чтобы «иметь силы и средства для борьбы с коммунистической пятой колонной в случае чрезвычайных обстоятельств». 7–9 сентября французская полиция арестовала и выслала из страны почти три сотни иностранных коммунистов, большинство которых составляли костяк военного аппарата компартии. Из страны выставили такие левые организации, как Всемирная федерация профсоюзов, Международная демократическая федерация женщин и Всемирная федерация демократической молодежи.

Французским спецслужбам все равно не доверяли. Британская разведка сумела установить во французском посольстве в Лондоне подслушивающие устройства, что помогло взломать некоторые дипломатические коды. Операция продолжалась три года. Это позволило англичанам проникнуть в мысли французских дипломатов. Во время крупнейших дипломатических конференций американский Государственный департамент больше всего интересовался расшифрованными телеграммами французов, потому что считал, что Париж за спиной американцев и англичан ведет двойную игру с Москвой.

В 1959 году президент Эйзенхауэр предложил протянуть «горячую линию» связи между Вашингтоном, Лондоном и Парижем. В трех столицах установили секретный телефон KY-9, гарантирующий абонентов от прослушивания. Пользоваться им было непросто — надо было не забывать нажимать правильные кнопки во время разговора. Во время обострения отношений между Соединенными Штатами и Францией американцы переставали им пользоваться, опасаясь, что с помощью этого аппарата французы могут подслушивать разговоры американцев и англичан.

Генерал Шарль де Голль возглавил временное правительство после освобождения Франции, а в январе 1946 года ушел в отставку. Двенадцать лет он был вне политики, жил в поместье далеко от Парижа. В мае 1958 года его убедили вернуться к власти, когда страна решала, что делать с Алжиром: позволить колонии обрести независимость или продолжать силой сохранять свою власть над алжирцами.

Из-за этой войны кабинет Ги Молле пал, двадцать два дня страна оставалась без правительства. Забастовки и демонстрации против войны прокатились по всей стране. Подожгли здание газеты «Монд». Марсельские докеры отказались разгружать гробы убитых солдат, прибывающие из Северной Африки.

«Спасти положение мог только общенациональный авторитет. Он должен был взять власть в свои руки и восстановить государство. Ни у кого, кроме меня, такого авторитета не

было», — скромно скажет о себе позднее сам генерал де Голль.

Общество надеялось, что де Голль утихомирит армию. Армия надеялась, что генерал разрешит им огнем и мечом подавить восстание алжирцев.

Приняли новую конституцию, и он стал президентом страны с неограниченными полномочиями. Можно сказать, что де Голль спас демократию, но при этом стал своего рода диктатором. Как минимум, ощущение собственного всевластия определило его внешнюю политику.

«У генерала де Голля, — говорил бывший премьер-министр Антуан Пинэ, — есть тенденция видеть вещи такими, какими они ему кажутся, и, кроме того, генерал крайне высокомерен. Его преследует мания необходимости подчинить себе все».

Впрочем, есть и иные точки зрения. Де Голль, по мнению госсекретаря Соединенных Штатов Генри Киссинджера, хотел восстановить ощущение собственной значимости у страны, охваченной чувством проигрыша и уязвимости. Франция понесла страшные потери в Первую мировую, была разгромлена в сороковом, проиграла безнадежные колониальные войны в Индокитае и Алжире. Де Голль после стольких разбитых вдребезги надежд и мечтаний, рассеявшихся словно дым, счел необходимым компенсировать глубоко укоренившееся в обществе чувство непрочности и неуверенности высокомерно-властным поведением.

Заняв президентское кресло, он вызвал к себе американского генерала, командовавшего войсками на территории Франции, чтобы выяснить дислокацию его частей и соединений. Генерал доложил.

— А ядерное оружие? — спросил де Голль.

— Господин президент, мы можем обсуждать этот вопрос только один на один.

Все вышли. Генерал извиняющимся тоном сказал:

— Господин президент, этого я не могу сообщить даже вам.

Де Голль выпрямился во весь свой рост и произнес:

— Это последний раз, когда американский генерал позволяет себе так разговаривать с президентом Французской Республики.

Многих европейских руководителей — не только де Голля — мучило страшное видение: когда-нибудь Москва и Вашингтон договорятся, подпишут договор о ненападении, американские войска уйдут из Европы и заберут с собой атомный зонтик. Свой континент они надежно прикроют межконтинентальными ракетами. А Европе придется защищать себя самой.

Лондон и Вашингтон понимали, что им нужно перетащить де Голля на свою сторону. В мае 1961 года президент Джон Кеннеди

поехал в Париж. Этой встрече предшествовал неудачный путч во Франции.

Крайне правые офицеры, которые решили не допустить ухода Франции из Алжира, создали Организацию секретной армии (ОАС) и подняли восстание. К ним присоединилось примерно пятнадцать полков. Руководители восстания пригрозили, что «лица, непосредственно принимавшие участие в отказе от Алжира и Сахары, предстанут перед военным трибуналом, специально созданным для рассмотрения преступлений против безопасности государства».

Первым мятежники собирались наказать де Голля. Франция растерялась и, возможно, была готова капитулировать перед мятежниками. Но де Голль действовал жестко и уверенно. Он ввел чрезвычайное положение, прекратил морское и воздушное сообщение с Алжиром. Приказал арестовать тех военных, которые могли бы поддержать мятежников. Генерал выступил по телевидению. Он надел военную форму и потребовал не подчиняться приказам мятежников. Речь была несколько патетической, но де Голлю она удалась. «Француженки и французы! Помогите мне!» — говорил он.

Генерала услышали. Его твердая позиция произвела впечатление на тех, кто присоединился к бунтовщикам. Мятеж быстро подавили. Мятежники, которым удалось ускользнуть от правосудия, попытались отомстить де Голлю.

9 сентября 1961 года ночью в Париже на дороге, которая ведет из Елисейского дворца в Коломбэ, мятежные офицеры из Организации секретной армии попытались взорвать машину де Голля. В автомобиле находились еще и жена де Голля, его адъютант и охранник. Машину охватил огонь — это воспламенилась детонирующая смесь, но десять килограммов взрывчатки по счастливой случайности не взорвались.

Мятежные генералы придерживались проамериканских позиций и были сторонниками тесного сотрудничества с НАТО. Озабоченный развитием событий американский посол в Париже предложил французскому президенту военную помощь в борьбе с повстанцами. Шарль де Голль отверг предложение. Президент был возмущен попыткой посольства вмешаться в его дела. Но возмущение было не по адресу. Как раз американский посол потребовал от резидентуры ЦРУ не поддерживать противников де Голля. Но было поздно. Визит Джона Кеннеди в Париж прошел плохо потому, что французский президент был во власти своего раздражения.

13 февраля 1960 года на полигоне в Реггане в пустыне Сахара, неподалеку от города Алжира, была испытана первая

французская ядерная бомба. Там, во Французской Сахаре, проводились и дальнейшие испытания. В апреле 1961 года, когда французские военные подняли мятеж и потребовали от правительства не предоставлять независимость Алжиру, полным ходом шли приготовления к очередному испытанию на полигоне. Ученые предложили генералу, который руководил работами, провести испытание немедленно, чтобы мятежники не попытались захватить оружие. Через три дня пришел приказ президента провести испытания.

(Так же поступят и США в 1975 году, накануне падения Южного Вьетнама. Там находился исследовательский реактор: американцы вывезли на самолете все ядерные материалы, чтобы они не достались северным вьетнамцам.)

Шарль де Голль был невероятно доволен успешными испытаниями. Рассказывают, что президент кричал:

— Да здравствует Франция!

Напрасно США и Англия пытались его остановить, ООН пугала опасностью заражения атмосферы, а Нигерия даже разорвала с Францией дипломатические отношения. Де Голль отнесся к этому высокомерно-иронично:

— Забавно, что эти страны, которые так резко выступили против Франции, молчали, пока США и СССР осуществляли больше двухсот ядерных испытаний. Франция сумела доказать, что способна самостоятельно совершить ряд научных, технических и промышленных подвигов, необходимых для создания атомного оружия. Теперь Франция обрела независимость.

Ради бомбы Шарль де Голль был готов ссориться с американцами.

Французов раздражала американская монополия в политических и стратегических органах НАТО. Шарль де Голль требовал, чтобы европейские страны на равных правах с американцами участвовали в принятии стратегических решений. Зная настроения де Голля, канцлер ФРГ Конрад Аденауэр внушал Джону Кеннеди, что НАТО являет собой жалкое зрелище, парализовано и медленно умирает. Члены Североатлантического блока не выполняют свои обязательства. Консультаций мало. В НАТО нет жизни. Для поднятия духа необходимо, чтобы Вашингтон консультировался с союзниками по важнейшим вопросам обороны и безопасности. Для начала Соединенные Штаты должны понять, какое значение НАТО имеет для них самих.

Кеннеди приехал в Париж и попытался уговорить де Голля отказаться от собственного ядерного оружия. Кеннеди предложил

в порядке компенсации передать под командование НАТО подводные лодки, вооруженные ядерными ракетами «Поларис», что создаст европейские средства сдерживания. Кроме того, американский президент твердо обещал пустить в ход ядерное оружие, чтобы защитить Западную Европу от Советского Союза.

Но Джон Кеннеди не смог ответить на конкретный вопрос де Голля: в каком именно случае американцы нанесут ядерный удар по целям в Советском Союзе.

— Я не удивляюсь тому, что не могу получить конкретный ответ, — заметил де Голль, — хотя этот вопрос имеет для моей страны важнейшее значение. Что касается передачи подводных лодок с «Поларисами» в ведение Североатлантического блока, то это ничего не изменит. Военными силами НАТО тоже командуют американцы, так что решение о запуске ракет все равно принимает Вашингтон.

НАТО, говорил французский президент, создали в тот момент, когда все было просто. Считалось, что американской сдерживающей мощи достаточно для защиты Западной Европы, поэтому все согласились, чтобы Америка командовала объединенными вооруженными силами и решала основные политические вопросы.

Теперь ситуация изменилась. Даже если у Советского Союза меньше ядерного оружия, чем у Соединенных Штатов, все равно советские ядерные арсеналы способны парализовать Америку. Американцы говорят, что не бросят Европу в беде, и, возможно, сами в это верят. Вдруг в Вашингтоне испугаются? А войну с применением обычного оружия Европа проиграет. Поэтому Франция создает собственное ядерное оружие — как средство сдерживания. Тогда СССР будет знать, что Европа в любом случае сможет ответить ударом на удар.

Де Голль еще раз повторил, что Франция должна стать ядерной державой:

— Для нашей страны это единственное средство обеспечить такое положение, чтобы никто не мог попытаться уничтожить нас, не опасаясь погибнуть сам.

Кеннеди продолжал уговаривать французского президента, но де Голль к нему не прислушался. Во-первых, из соображений национальной гордости — де Голль хотел, чтобы Франция обрела атрибуты великой державы. Во-вторых, его не устраивало, что американское ядерное оружие могло быть применено лишь по приказу американского президента. Но каждые четыре года в США к власти приходит новый человек. Вдруг очередной президент пожелает рисковать своей страной ради Европы?

— Конечно, — вновь и вновь объяснял де Голль, — Франция

не хочет и не может создать атомную мощь, которая могла бы в количественном отношении конкурировать с американской или советской. Но количество при сдерживании, пожалуй, не является существенным. Кто обладает ядерной мощью, тот может оказать влияние на моральное состояние противника, ибо атомные бомбы несут с собой разрушение и уничтожение, на которые не может пойти ни одно государство. Поэтому Франции нужна собственная сдерживающая мощь.

Французский президент не верил в партнерство и в союзы и считал, что каждое государство должно позаботиться о себе. Заполучив бомбу, Шарль де Голль исполнился уверенности в собственных силах. Он давно искал повода выйти из Североатлантического блока. Еще 14 сентября 1958 года он отправил президенту США и британскому премьер-министру письма, в которых говорилось, что участие Франции в военной Организации Североатлантического договора не соответствует интересам страны.

3 ноября 1959 года де Голль, выступая в высшей военной школе, заявил, что с военной интеграцией покончено. После этого ушел в отставку премьер-министр Антуан Пинэ, который сказал де Голлю, что французский народ чувствует себя в безопасности, лишь сознавая, что американцы рядом и что нападение Советского Союза на Западную Европу означает агрессию против Соединенных Штатов. Таким образом, в случае нападения не придется, как во время Второй мировой, ждать три-четыре года, когда французов освободят, потому что американцы немедленно вмешаются…

В мае 1959 года французский флот в Средиземном море перестал подчиняться командованию НАТО. В июне де Голль запретил американцам ввозить на территорию Франции ядерное оружие и переподчинил себе систему противовоздушной обороны.

Зато он поладил с недавними заклятыми врагами и установил партнерские отношения с Западной Германией. Де Голль говорил об отношениях с немцами:

— Мы и немцы многое пережили вместе. Мы прошли сквозь чащобы, полные диких зверей. Мы прошагали обожженные солнцем пустыни. Мы взбирались на покрытые снегом горные пики в постоянных поисках скрытых сокровищ — обычно соперничая, а в самое последнее время сотрудничая друг с другом. И теперь мы узнали, что никаких скрытых сокровищ нет и что нам остается одна только дружба.

29 июля 1960 года президент де Голль сказал прибывшему в Париж канцлеру ФРГ Конраду Аденауэру:

— Когда народы уверены, что ответственность за оборону лежит на американском генерале, они равнодушны к обороне, а это плохо.

Чтобы вновь стать великой державой, считал президент, Франция не должна питать сомнений в своей способности обеспечить собственную оборону.

В марте 1966 года правительство Франции отправило памятные записки всем странам — членам НАТО, в которых сообщало, что с 1 июля 1967 года восстанавливает национальное командование над своими вооруженными силами. Для Москвы эти слова звучали как сладкая музыка. Французского президента пригласили в Советский Союз.

Шарль де Голль старался балансировать между Америкой и Россией, которую неизменно включал в число европейских держав. 12 ноября 1953 года он впервые употребил выражение «Европа от Атлантики до Урала», прочно вошедшее в лексикон политиков и журналистов. Правда, в первый раз оно прозвучало как «Европа от Гибралтара до Урала». Ровно через шесть лет, в ноябре 1959 года, де Голль, крайне не одобрявший гегемонистские устремления США, заявил:

— Именно Европа — вся Европа, от Атлантики до Урала, — определяет судьбы мира!

А позже генерал употребил это выражение в контексте долгосрочного политического прогноза: «Когда-нибудь Европа будет единой — от Атлантики до Уральских гор».

Однажды эта формула попалась на глаза Хрущеву. Никита Сергеевич не оценил широты взглядов французского президента, а воспринял его слова как покушение на территориальную целостность Советского Союза: куда же делась вторая половина страны — от Уральских гор до Тихого океана? Он возмутился и позвонил первому заместителю министра иностранных дел Василию Васильевичу Кузнецову. Эту историю рассказал Юрий Владимирович Дубинин, бывший посол во Франции (см. журнал «Новая и новейшая история», № 2/2008).

Василий Кузнецов вызвал Дубинина:

— Хрущев возмущен высказываниями де Голля насчет создания какой-то «Европы от Атлантики до Урала». Дал указание срочно выяснить у французов, что имеет в виду их президент, выступая с такими идеями, и не помышляет ли он расчленить Советский Союз.

Французскому послу в Москве вручили памятную записку, в которой говорилось: «Подобные рассуждения не могут не вызывать аналогии, не напоминать о печальном прошлом, когда в гитлеровской Германии тоже говорилось о планах организации

Европы от Атлантического океана до Урала».

Впоследствии Дубинину объяснили, что де Голль не имел в виду отрезать от Советского Союза половину территории, он просто плохо знал географию и считал, что Уралом Россия и заканчивается.

Никита Хрущев, встретившись с французским президентом де Голлем, пытался переманить его на свою сторону. Он убеждал де Голля: Россия и Франция дважды в этом столетии вместе воевали против Германии. Сейчас Западная Германия угрожает России, а потом будет угрожать также Франции! Нельзя позволять Германии создавать собственную армию и возрождать свою мощь. Президент де Голль холодно ответил, что ФРГ не угрожает ни Франции, ни России…

— Де Голль — это наибольший противник, — раздраженно рассуждал Хрущев. — Это человек, который живет, так сказать, как промотавшийся барин, какой-нибудь граф или князь. Он привык так жить, чтобы лакеи его окружали, чтобы земли у него были, чтобы на охоту со сворой выезжать. А теперь и своры нет, и землю промотал, но живет воображением старого времени…

Шарль де Голль считал, что в общем и целом может ладить с Москвой. Не без иронии замечал, что «Франция не подвергается слишком резким нападкам со стороны России и время от времени нам даже адресуются улыбки».

— Хрущев — натура не воинственная, — считал де Голль. — Во-первых, он вышел из того возраста, когда жаждут войны, во-вторых, он слишком тучен, и, в-третьих, ведение войны вообще не в его натуре. Но бывают обстоятельства, при которых одно желание ничего не значит, в том числе для Хрущева. Поэтому надо действовать с чрезвычайной осторожностью.

Диалог с Москвой диктовался нуждами внутренней политики. Политикам в Париже приходилось считаться с влиятельной коммунистической партией. Французские руководители принимали в расчет привязанность компартии к Москве и исходили из того, что активная политика в отношении Советского Союза принесет им голоса левых избирателей. Партнерские отношения с СССР одновременно способствовали тому, что компартия постепенно утратила свой радикальный характер и стала больше походить на обычную парламентскую партию.

Шла маленькая игра. Париж подавал сигнал Кремлю: «Можете на нас рассчитывать, мы не пристегнемся к американской колеснице и будем вести с вами диалог». Москва отвечала Елисейскому дворцу взаимностью: «С помощью наших друзей-коммунистов мы поможем вам контролировать положение

в стране».

Правда, когда 19 марта 1962 года Советский Союз признал независимый Алжир, де Голль отозвал французского посла из Москвы. Но этот конфликт не испортил отношения между двумя державами. Шарль де Голль приехал в Советский Союз уже при Брежневе. Он путешествовал по нашей стране с 20 июня по 1 июля 1966 года. Побывал в Москве, Ленинграде, Новосибирске, Киеве, Волгограде. Ему показали космодром в Байконуре и даже пригласили на военные учения.

«Он интересно держится, — записывал в дневнике заместитель министра иностранных дел Владимир Семенов, — просто и сложно, с достоинством и даже величаво, а вместе с тем доступно и располагающе. Как оратор очень оригинален — я еще не встречал такой манеры рассуждать во время речи, останавливая внимание на отдельных словах, рефреном подчеркивая основные положения…

Речь де Голля — выученная наизусть, с аффектацией на многих словах, с театральными жестами. А в конце по-русски: «Да здравствует Россия!» Довольно необычно. Потом он здоровался со всеми нами. Маленькие глаза желтоватые и красноватые белки, привычные любезности каждому. И поход в толпу, где он жал многим руку.

На следующий день переговоры. Иногда острые, иногда спокойные, но всякий раз с имитацией прямоты и откровенности. В отличие от других, быть может кроме Кеннеди, де Голль как бы вглядывается в даль истории».

И Леонид Ильич Брежнев совершил свой первый визит на Запад именно во Францию. Москва поддерживала дружеские отношения с наследниками де Голля Жоржем Помпиду и Валери Жискаром д'Эстеном. Но при Жискаре уже возникло ощутимое разочарование политикой разрядки. Жискар перестал говорить о «привилегированных отношениях» между Францией и Советским Союзом.

Лидер социалистов Франсуа Миттеран ждал своего часа двадцать три года. Он сам назвал себя «рекордсменом оппозиции». Его настойчивость была вознаграждена 10 мая 1981 года, когда он выиграл президентские выборы. В Москве торжествовали. Если дружили с президентами-голлистами, что же будет теперь, когда власть перешла к социалисту, который к тому же ввел в правительство нескольких коммунистов?

Миттеран заявил, что не станет оглядываться на мнение Соединенных Штатов:

— Меня не интересует, соответствует ли мое решение пожеланиям этой страны. Я даже не задаюсь таким вопросом. Как

будет реагировать Америка — это ее дело. А я принимаю решения, которые считаю правильными. Чем более независимо ведет себя Франция, тем больше ее уважают.

Но в Москве не успели порадоваться его антиамериканизму.

Франсуа Миттерану, считал известный французский журналист Мишель Татю, не нужно было заигрывать с Москвой для того, чтобы казаться левым, поскольку он и был левым. Ему не нужна была советская помощь в налаживании отношений с компартией, потому что коммунисты и так вошли в его правительство. Если ему и надо было кого-то успокаивать, то не Брежнева, а Рональда Рейгана, встревоженного участием французских коммунистов в кабинете министров.

Политический инстинкт Миттерана подсказал ему, что время разрядки и привилегированных отношений с Москвой миновало. К тому же его Социалистическая партия всегда интересовалась соблюдением прав человека, что побудило его сурово осуждать и ввод войск в Афганистан, и военное положение в Польше.

Новый министр внешних сношений Клод Шейсон объявил:

— Отношения французского правительства с Москвой не могут быть нормальными, пока советские войска находятся в Афганистане. Пока продолжается оккупация Афганистана, мы не сможем регулярно встречаться с советскими руководителями.

Президент Миттеран отказался от политики де Голля и решил вернуть Францию в военную организацию Североатлантического договора. Миттеран приказал своим генералам и адмиралам приготовиться к тому, чтобы в случае возникновения военной угрозы французская армия перешла под командование НАТО. Он занял жесткую позицию в отношении Советского Союза и встал в один строй с Маргарет Тэтчер и канцлером Западной Германии Гельмутом Шмидтом.

Правительство Федеративной Республики Гельмут Шмидт возглавил только потому, что этот пост вынужден был покинуть его предшественник Вилли Брандт, который подписал договоры с Польшей и Советским Союзом, что стало важнейшим элементом разрядки на Европейском континенте.

Брандт совершил еще один переворот в политике — признал существование Германской Демократической Республики. 19 марта 1970 года в Эрфурте Вилли Брандт встретился с председателем Совета министров ГДР Вилли Штофом. Брандта ждал большой успех. Его с энтузиазмом приветствовали толпы восточных немцев, которые скандировали: «Вил-ли, Вил-ли!» Сообразив, что у обоих участников одинаковые имена, стали выкрикивать: «Вил-ли Брандт!» Вилли Штоф с огорчением убедился, что среди собственных сограждан он не так популярен,

как канцлер Западной Германии.

После взаимного признания обе Германии были приняты в ООН. Занимая свои места в зале заседаний, восточногерманский министр Отто Винцер и западногерманский Вальтер Шеель пожали друг другу руки. А у Советского Союза возникла новая головная боль. Столько лет Москва добивалась международного признания ГДР, а теперь советские руководители стали опасаться сближения двух Германий.

Советские теоретики доказывали, что в ГДР складывается новая социалистическая немецкая нация, поэтому вопрос об объединении Германии снимается с повестки дня. Но в Восточной Германии так не считали. В Москве забеспокоились: а ну как национальные чувства восточных немцев возьмут верх над блоковыми интересами и Бонн с Берлином объединятся? Тем более что в Восточном Берлине происходили большие перемены. Молодые члены ЦК пожелали убрать Вальтера Ульбрихта, который управлял Восточной Германией с 1945 года.

Вся власть принадлежала партийному аппарату, который перешел под контроль второго секретаря ЦК Эриха Хонеккера. Он решил, что Ульбрихт ему больше не нужен.

«Старик Ульбрихт, — вспоминает дипломат Юлий Квицинский, — который совсем недавно вывел Хонеккера из бравого руководителя Союза свободной немецкой молодежи в синей блузе и кожаных штанах в политические деятели, явно проглядел бурный рост амбиций своего питомца. Вокруг Хонеккера сложилась многочисленная группа членов политбюро и секретарей ЦК, которая все более настойчиво подвергала Ульбрихта критике и требовала его ухода в отставку».

Эрих Хонеккер в ту пору был прост в отношениях с людьми, дружил с товарищами по Союзу свободной немецкой молодежи. Любил петь старые песни немецкого рабочего движения, сыграть вечером в скат, поохотиться.

«Хонеккер, — записывал в дневнике свои впечатления Владимир Семенов, — произвел впечатление зрелого и что-то про себя обдумывающего паренька. Держался откровенно и прямо. Рукаст. Вечером в посольстве мы сильно подвыпили. Я старался высказать ему мысль, что мы имеем на него надежду. Силен ли он? Вилли Штоф не то более ограничен, не то менее влиятелен».

Примерно год ушел на сложные интриги с деятельным участием Леонида Брежнева и председателя КГБ Юрия Андропова. Ключевую роль сыграл советский посол в ГДР Петр Андреевич Абрасимов, профессиональный партийный работник, недавний секретарь ЦК компартии Белоруссии.

«Абрасимову, — вспоминал работавший в Берлине Юлий

Квицинский, — было пятьдесят лет, он был в расцвете сил и энергии и был человеком, который быстро шел в гору. Вопросы решал быстро и напористо… Активность в работе он всячески поощрял, хотя был очень строг и требователен, а иногда и непредсказуем в своих решениях и поступках. Со временем я начал понимать, что, имея за плечами огромный опыт партийно-аппаратной работы, он «вычисляет» зачастую такие возможные коварные замыслы и ходы у других, до каких мне сразу было бы и не додуматься».

Петра Абрасимова называли смесью интеллигента и бульдозера. В Берлине его персона вызвала отторжение едва ли не с момента приезда. Его обвиняли в высокомерии, пренебрежительном отношении к руководителям Восточной Германии, злоупотреблении служебным положением. Посол звонил по правительственному телефону главе правительства ГДР, даже если речь шла о покраске забора.

Посол был активным сторонником смены руководства в Восточном Берлине. Возможно, полагал, что новый человек, обязанный ему своим возвышением, будет в большей степени поддаваться влиянию, чем старый догматик Ульбрихт. Вот пример активного вмешательства в политику ГДР. После приема в советском посольстве задержались несколько членов политбюро, включая Штофа и Хонеккера. Абрасимов пригласил всех в курительный салон. Пошел откровенный разговор о том, что по состоянию здоровья Ульбрихту пора уходить. Абрасимов неожиданно спросил Штофа:

— А кто, по вашему мнению, мог бы занять этот пост?

Отступать было некуда, вспоминал сам Абрасимов, Вилли Штоф не мог назвать себя. Сделав над собой усилие, глава правительства произнес:

— Я думаю… товарищ Хонеккер.

Но в Москве не все хотели перемен. Излишняя активность посла тоже смущала.

«Над головой Абрасимова сгущались тучи, — вспоминает Юлий Квицинский. — Дела его были очень плохи. К такому заключению я пришел после того, как однажды очень осторожный в кадровых делах Громыко вдруг в моем присутствии сказал, что он, видимо, ошибся в Абрасимове как в человеке и коммунисте. Вместо осуществления линии ЦК КПСС в ГДР он занялся совершенно неуместными интригами, и за это ему придется отвечать».

Андропов вызвал для доклада руководителя представительства КГБ в ГДР генерал-лейтенанта Ивана Анисимовича Фадейкина. Эрих Хонеккер приложил немало сил,

чтобы завоевать поддержку советского политбюро. Когда Хонеккер готовил устранение Ульбрихта, его доверенные лица вылетали в Москву на военных самолетах Группы советских войск в Германии. В конце концов он добился своего.

«Решающая схватка между Ульбрихтом и Хонеккером, — рассказывал генерал Маркус Вольф, — произошла во время беседы с глазу на глаз в летней резиденции генерального секретаря. Хонеккер приказал охране сопровождать его. Сотрудников главного управления охраны удивил необычный приказ — на встречу друзей взять с собой не только обычное оружие, но и автоматы.

Прибыв к резиденции Ульбрихта, Хонеккер в разговоре с начальником охраны сослался на свои полномочия секретаря ЦК, отвечающего за вопросы безопасности. Он приказал занять все входы и выходы и прервать связь. Выходит, Хонеккер казался исполненным решимости арестовать своего «приемного отца», если тот отказался бы выполнить его требования.

Так далеко дело не зашло. После жесткой полуторачасовой дискуссии Ульбрихт, покинутый Москвой и большинством членов политбюро, сдался. Он написал заявление в адрес ЦК с просьбой об отставке, чего от него требовал Хонеккер…»

3 мая 1971 года на четырнадцатом пленуме ЦК Вальтер Ульбрихт покорно попросил освободить его от обязанностей первого секретаря:

— Мой возраст и моя ответственность перед Центральным комитетом, перед партией и народом не позволяют мне далее заниматься столь напряженной деятельностью. Пришло время передать эти функции в более молодые руки.

Хонеккера избрали генеральным секретарем. Вальтер Ульбрихт, отметив свое восьмидесятилетие, через два года умер. Похороны ему устроили пышные.

Хонеккер сильно изменился. От былой демократичности не осталось и следа. К Брежневу и его соратникам Хонеккер относился без всякого пиетета. Он стал улучшать жизненный уровень ГДР за счет денег, получаемых от Западной Германии. Причем советские представители заметили, что о контактах с Западом их ставят в известность постфактум.

Глава правительства Вилли Штоф предупреждал Москву, что Хонеккер — националист и думает только о том, как укрепить связи с Западной Германией. Доверенные люди Штофа часто беседовали на сей счет с советским послом и с главой представительства КГБ в ГДР. Фактически они просили помочь сменить генерального секретаря. Помощники Штофа передавали в посольство и представительство КГБ секретные материалы —

для того, чтобы показать гибельность линии Хонеккера.

Эрих Хонеккер об этом знал. Он, в свою очередь, несколько раз пытался отправить Вилли Штофа в отставку. Но Москва не хотела нарушать баланс сил в Восточном Берлине и не позволяла Хонеккеру избавиться от Штофа. Советских руководителей устраивала такая ситуация в руководстве ГДР, при которой члены политбюро вынуждены были за помощью и советом обращаться к Москве…

В Советском Союзе очень дорожили Восточной Германией, которая находилась на передовой холодной войны. Группа советских войск в Германии в шестидесятых годах состояла из десяти танковых и десяти стрелковых дивизий — триста пятьдесят тысяч солдат и офицеров, семь с половиной тысяч танков, девятьсот самолетов.

Министр обороны маршал Родион Малиновский, выступая на партийной конференции Группы советских войск, сравнил ее со стрелой туго натянутого лука:

— Если возникновение угрозы войны заставит метнуть стрелу, то остановить ее сможет только пролив Ла-Манш, и то на время…

Национальная народная армия ГДР считалась в Организации Варшавского договора самой боеспособной после советской и занимала первую линию обороны против Запада.

За надежность армии отвечало первое главное управление министерства госбезопасности ГДР. Военные контрразведчики сопровождали заботливым вниманием каждого немца в военной форме — от первого медосмотра до демобилизации. Еще во время призыва решался вопрос, где будет служить новобранец. Если призывник казался «ненадежным», его отправляли в глубь страны. Надежным доверяли службу на границе с капиталистической ФРГ.

Некоторое время советский посол сохранял влияние на генерального секретаря. В выходные дни Петр Абрасимов приезжал к Хонеккеру на его двухэтажную дачу в поселке Вандлиц. Хонеккер сам открывал гостю калитку, его жена Марго угощала чаем.

Хонеккер научился выступать и вести переговоры без шпаргалки, непринужденно, казался открытым, компетентным и убежденным в своих идеях. За ним была репутация отважного борца с нацизмом, человека, сидевшего в концлагере. С годами Хонеккер становился все более самоуверенным. Ему докладывали о потрясающих успехах экономики ГДР, и он верил.

Советские дипломаты и разведчики знали, что руководитель братского государства Вальтер Ульбрихт вел себя очень уверенно

и безжалостно. Если советский дипломат делал или говорил нечто, что ему не нравилось, он добивался отправки советского товарища домой. Эрих Хонеккер был еще жестче. Тогдашний советский посол в ФРГ Валентин Фалин пишет, как после его несколько критических замечаний в адрес линии Хонеккера за ним установили слежку спецслужбы ГДР. Генерал Фадейкин предупреждал Фалина: будь поаккуратнее, помни, что находишься под прицелом.

«Существование в изоляции, — считает Валентин Фалин, — обострило у властей ГДР комплекс неполноценности. И невольно влечет к жестким выражениям».

Министерство госбезопасности ГДР возглавлял Эрих Мильке, его считали преданным Ульбрихту. В реальности он был служакой, который верно служит хозяину — пока он не меняется. Когда Ульбрихт был руководителем партии, Мильке второму секретарю ЦК Хонеккеру ничего не докладывал. Министр госбезопасности вообще долгое время скептически относился к Хонеккеру, себя считал более значительным деятелем рабочего движения. А жену Хонеккера Марго просто ненавидел.

Министр госбезопасности на всех собирал материалы. В частности, Мильке пытался выяснить, при каких обстоятельствах в нацистские времена Хонеккер бежал из тюрьмы, — не означает ли это, что он был завербован гестапо? Когда надо было произнести тост в честь генерального секретаря, Мильке первоначально имя Хонеккера опускал, потом привык и верно служил новому хозяину.

Спецслужбы ГДР сломали карьеру канцлера ФРГ Вилли Брандта, которому Восточная Германия была столь многим обязана. Брандт вынужден был уйти в отставку, когда выяснилось, что его личный референт Гюнтер Гийом вместе со своей женой много лет работали на разведку ГДР. Вот так в результате успешной работы восточно-германской разведки новым канцлером стал Гельмут Шмидт, занявший более жесткую позицию в отношении Советского Союза и ГДР. В годы Второй мировой обер-лейтенант вермахта Шмидт воевал на Восточном фронте. Его танковая дивизия пыталась взять Ленинград. Ему повезло, он остался жив.

Гельмут Шмидт в августе 1945 года был отпущен из британского лагеря для военнопленных. Ему было двадцать шесть лет, из них восемь он прослужил в вермахте.

— Я ничего не знал о мире, — вспоминал он много позже, — я не слышал слово «демократия». В конце войны я сказал своему командиру: «Мы делаем глупость. Нам надо сдерживать Советы и позволить американцам продвинуться как можно дальше».

Командир ответил: «Шмидт, я сделаю вид, что ничего не слышал». Я никогда не воспринимал американцев и англичан как врагов, хотя я из Гамбурга, где за неделю англичане убили тридцать тысяч человек. Но гамбуржцы — англофилы со времени Наполеоновских войн и возмущались не столько англичанами, сколько Герингом, который не сумел их защитить.

В Социал-демократической партии Гельмут Шмидт считался экспертом по военным вопросам и три года был министром обороны. Он и стал бить тревогу по поводу новых советских ракет средней дальности, нацеленных на Западную Европу.

Советские военные хотели разместить «Пионеры» еще и на Чукотке, чтобы под ударом оказалась территория Соединенных Штатов. Но там вечная мерзлота, необжитая территория. На такие непосильные для страны расходы все же не пошли. А вот установка «Пионеров» вдоль западных границ шла стремительными темпами. Американцы фиксировали, что каждую неделю появляются две новые ракеты. Всего было поставлено на вооружение шестьсот пятьдесят ракет. У каждой три боеголовки.

Начальник Генштаба маршал Ахромеев показал дипломату Юлию Квицинскому карту объектов НАТО в Европе, по которым должен быть нанесен ядерный удар; на ней значилось девятьсот с лишним целей. На каждую цель для верности было наведено несколько ядерных боезарядов.

Канцлер Шмидт просил Москву прекратить развертывание СС-20. Он пытался объяснить советскому руководству, что оно играет в опасную игру:

— Эти ракеты нарушают баланс сил в Европе, и я обязан предпринять какие-то меры. Если вы будете продолжать установку ракет, я потребую от американцев принять меры.

Советские руководители пропустили слова канцлера мимо ушей. Шмидт вспоминал:

— Я спрашивал потом Михаила Горбачева: «Разве вы не были членом политбюро, когда размещали ракеты СС-20? Каждая несла три боеголовки индивидуального наведения. Одной ракетой вы могли стереть с лица земли три немецких города — Гамбург, Бремен, Ганновер. Зачем вам нужно было нам угрожать?» Горбачев ответил — и у меня нет оснований сомневаться в его словах: «Политбюро этого не решало. Старик сделал это сам вместе с армией». Старик — это Брежнев. Новые советские ракеты средней дальности меняли баланс сил, большинство из них были нацелены на ФРГ.

— Вы боялись, что русские пустят их в ход? — спрашивали журналисты Шмидта.

— При Брежневе, скорее всего, этого бы не произошло. Я

знал, что он действительно боялся войны. Но я понимал, что при другом советском руководителе события могут пойти иначе. Особенно если учесть крайне нервное состояние немецкого населения, которое может не выдержать давления и выбросить лозунг: «Лучше был красным, чем мертвым».

Гельмут Шмидт проявил настойчивость, и в декабре 1979 года НАТО сделало ответный ход: приняло решение разместить в Западной Европе четыреста шестьдесят четыре новые крылатые ракеты наземного базирования «Томагавк» и заменить сто восемь устаревших ракет «Першинг» модернизированными ракетами «Першинг-2».

В Москве очень рассчитывали на антивоенное движение, надеялись настроить общественное мнение Западной Европы против Соединенных Штатов. Предупреждали, что в случае войны Советскому Союзу придется нанести удар по густонаселенной Европе, которая неразумно разрешает американцам размещать у себя новые ракеты. Но это только породило всплеск антисоветских чувств. И страх.

Вновь, как в пятидесятых годах, заговорили о том, можно ли спастись от ядерной бомбы, каковы возможности гражданской обороны. Военные всегда исходят из того, что способны выиграть любую войну, в том числе ядерную. Развитая система гражданской обороны спасет население и сохранит промышленный потенциал, надо лишь научить людей вести себя правильно.

Впрочем, более трезвые голоса звучали пессимистически:

— Какая гражданская оборона может защитить от взрыва шести тысяч ядерных боеголовок? Выбор здесь только один — погибнуть на открытом месте или в норе, быть зажаренным или сваренным заживо. Невозможно защититься против того количества боеголовок, которое СССР и США развернули друг против друга.

В Москве надеялись расколоть Запад, поладить с Европой и оставить Соединенные Штаты в изоляции. Но в трех ключевых столицах — в Бонне, Париже и Лондоне — на первых ролях оказались сторонники жесткой линии.

Премьер-министр Маргарет Тэтчер решила разместить на территории своей страны сто сорок четыре крылатые ракеты и тем самым доказала, что Англия — самый надежный американский союзник в Европе. Антиядерные и антиракетные настроения ее не смутили. Она считала, что одностороннее разоружение опасно и делает ядерную войну более вероятной.

— Нам нужно иметь в нашем распоряжении столько же ядерного оружия, сколько есть у Советского Союза, — говорила

она в палате общин, — столько же ядерных ракет средней дальности, сколько имеет Советский Союз.

Президент Франции социалист Франсуа Миттеран точно так же сразу поддержал размещение американских ракет в Европе — как ответ на новые советские ракеты:

— Советы с их ракетами СС-20 нарушают баланс сил в Европе. Я не могу этого принять. Мы обязаны вооружаться, чтобы восстановить баланс. Тот, кто пытается оторвать Европу от Америки, мешает сохранению мира.

В 1983 году началось размещение американских ракет. Оно поставило Советский Союз в весьма невыгодное положение. Советские военные забили тревогу.

«Першинг-2» — высокоточные ракеты, способные уничтожать подземные пункты управления страной и вооруженными силами. Крылатые ракеты «Томагавк» летят сравнительно медленно, но на сверхмалых высотах, применяются к складкам местности и легко уходят от огня системы противовоздушной обороны.

Новое американское ядерное оружие в Европе усилило в нашей стране ощущение уязвимости. Министр обороны Дмитрий Федорович Устинов мрачно объяснял на политбюро: подлетное время ракеты «Першинг» — меньше шести минут. Советское руководство даже не успеет укрыться в бункере. А наши баллистические ракеты будут лететь до территории Соединенных Штатов через Северный полюс значительно дольше. Если вообще будет кому отдать приказ и их успеют запустить…

Получилось, что установка огромного количества ракет «Пионер» не только не укрепила безопасность нашей страны, как уверяли военные, а, напротив, подорвала ее.

Уже тяжелобольной Юрий Андропов говорил в своем кругу:

— Американцы хотят сломать стратегический паритет, чтобы иметь возможность нанести первый обезоруживающий удар. А наша экономика в плачевном состоянии, ей нужно придать ускорение, но наши руки связаны афганской войной. Нам не удалось помешать размещению их ракет в Европе. Тут нужно честно сказать — мы проиграли.

Руководство Советской армии не сомневалось: американцы готовят войну. Все экономические возможности государства были мобилизованы для ответных военных усилий. Дополнительные ракеты предполагалось установить на территории Чехословакии и ГДР. Советский военный флот — надводный и подводный с ядерными ракетами на борту — готовили выдвинуть поближе к американским берегам.

На совместных учениях стран Варшавского договора «Союз-83» отрабатывались планы войны с Западом. После

массовой обработки ядерным оружием районов дислокации войск НАТО ударные группы пяти фронтов должны были взломать западногерманскую оборону. За две недели предполагалось сокрушить ФРГ и дойти до французской границы. Если НАТО не капитулирует, начнется второй этап операции — разгром Франции. Один фронт продолжит наступление к Ла-Маншу, второй повернет на юг и выйдет к границе Испании. Продолжительность второго этапа — месяц.

24 ноября 1983 года от имени Андропова было сообщено, что на территории ГДР и Чехословакии будут развернуты пусковые установки оперативно-тактических ракет «Темп-С», а советские подводные лодки и корабли с ядерным оружием будут выдвинуты к берегам Америки.

Одно из соединений ракетных подводных крейсеров стратегического назначения Северного флота получило особое задание. Подлодки проекта 667А с баллистическими ракетами несли боевое дежурство поближе к территории Соединенных Штатов, в районе Бермудского треугольника. Запущенные с этих лодок ракеты должны были долететь до США так же быстро, как «Першинги» и «Томагавки» до советских городов.

Началось создание нового мобильного ракетного комплекса «Скорость», который собирались установить поближе к границам западных держав. Задача — уничтожить стартовые позиции американских ракет в Европе раньше, чем они взлетят.

Начальник ракетных войск и артиллерии Сухопутных войск генерал-лейтенант Владимир Михайлович Михалкин получил приказ развернуть две ракетные бригады на территории ГДР и одну в Чехословакии. В ноль часов по московскому времени 25 июня 1984 года он доложил с заглубленного командного пункта одной из стартовых батарей начальнику Генштаба маршалу Николаю Васильевичу Огаркову, что «ракетчики сухопутных войск к боевому дежурству по охране границ Союза Советских Социалистических Республик и стран социалистического содружества приступили».

Разработали зенитно-ракетный комплекс с ядерной боеголовкой, который гарантированно уничтожал американские «Першинги». Правда, получалось, что для этого надо устроить ядерный взрыв над Москвой… Этому ужаснулись только потом, при Горбачеве, а пока военная промышленность осваивала выделяемые ей миллиарды.

Но на самом деле главная опасность для социалистического лагеря исходила не извне, а изнутри. Восточный блок только внешне казался несокрушимым монолитом.

Смертельный укол зонтиком

В холодной войне открылся новый фронт — внутри самой социалистической системы. Когда инакомыслящих перестали расстреливать, а стали всего лишь сажать, высылать за границу или помещать в психиатрические клиники, нашлось немало мужественных людей, открыто выступивших против системы.

В силовом поле холодной войны проблема инакомыслящих приобрела особую остроту. С одной стороны, пристальное внимание мирового общественного мнения, попытки западных стран помочь им иногда спасали диссидентов от расправы. С другой — они воспринимались не как критики системы, а как агенты Запада, и, как следствие, их нужно заставить замолчать.

7 января 1974 года на заседании политбюро ЦК КПСС обсуждалась судьба писателя Александра Исаевича Солженицына. Публикация документального исследования «Архипелаг ГУЛАГ» — о системе террора в Советском Союзе — переполнила чашу терпения членов политбюро. Рассматривались два варианта — посадить или выслать из страны. Члены политбюро склонялись к первому варианту, но Брежнев с Андроповым пришли к выводу, что избавиться от лауреата Нобелевской премии проще, чем его сажать. Солженицына выслали.

Долго не знали, что делать с академиком Сахаровым, который возмущался нарушениями прав человека в стране. Трижды Герой Социалистического Труда, создатель водородной бомбы Сахаров сделал для страны больше, чем вся армия чекистов и цекистов, которые преследовали его многие годы и укоротили ему жизнь. Андрея Дмитриевича Сахарова отправили в ссылку в закрытый для иностранцев Горький, где над ним просто измывались. А на Запад, чтобы показать, что академик жив и о нем заботятся, чекисты переправили кадры оперативной съемки медосмотра Сахарова в Горьком.

Диссиденты появились и в других социалистических странах. В январе 1977 года в Праге либеральная интеллигенция основала движение в защиту прав человека «Хартия-77», чтобы помочь несправедливо преследуемым людям. Одним из руководителей движения был драматург Вацлав Гавел, будущий президент республики.

Свою жизнь Гавел провел в театре, в литературных кафе, в пражских пивных, в страстных литературных спорах и в дружеском застолье. Олицетворением чешского национального характера кажется герой известного романа бравый солдат Швейк. Вацлав Гавел при всем своем изощренном

интеллектуализме и есть подлинно народный тип. Он очень органичный и естественный человек. Он прекрасно вписывается не только в богемную жизнь Праги, но в чешскую провинцию. Его жизнь никак не назовешь простой, веселой и легкой, но аресты, тюрьма его не ожесточили. Он умеет наслаждаться жизнью.

В 1948 году семья Гавел как буржуазный элемент была лишена всей собственности и превращена в объект классовой борьбы. Гавелов должны были выселить в пограничную деревеньку, но потом все-таки оставили в Праге. Вацлав Гавел пошел работать — с его происхождением не брали в гимназию, служил в армии. Демобилизовавшегося солдата опять не приняли учиться, он поступил в театр рабочим сцены и сделал изрядную карьеру, став осветителем.

Он был опьянен воздухом свободы в 1968 году, когда началась Пражская весна. Исчез страх, люди могли свободно собираться, говорить, спорить. После 1969 года Гавел был отовсюду изгнан, объявлен врагом. Он писал пьесы и нашел себе место рабочего на пивоваренном заводе. В течение двадцати лет на родине не вышло ни одно его произведение. Его книги распространялись в самиздате, пьесы ставились за границей.

Единственное, что не менялось в его жизни, — это была его жена Ольга — при поразительной разности характеров. Он — выходец из буржуазной семьи, вечно стесняющийся интеллектуал. Она — пролетарская девушка, несентиментальная, трезво мыслящая, языкастая, их тех, кого на мякине не проведешь. Гавел признавался, что, как застенчивый интеллектуал, нуждался в том, чтобы рядом была энергичная женщина, с которой можно советоваться и которую одновременно слегка побаиваешься…

Для властей создание общественного комитета «Хартия-77» грянуло как гром среди ясного неба. Гавела арестовали. Власти были уверены, что арест напугает драматурга, который не был похож на политического бойца. Но Гавел оказался упрямым человеком. В тюрьме он работал на сварке вместе с будущим министром иностранных дел Чехословакии Иржи Динстбиром. Начальник лагеря, видя их, обыкновенно говорил:

— Гитлер это решал иначе. Он бы такую сволочь сразу отправил в газовую камеру.

«Я кажусь веселым парнем, — Гавел предпочитает отзываться о себе иронически, — кутилой, который любит радости и грехи жизни. Но при этом вся моя жизнь — это постоянное бегство в одиночество и тихую сосредоточенность. Я робкий и застенчивый и при этом имею репутацию бунтаря.

Для многих я являюсь постоянным источником надежды, хотя

я сам постоянно впадающий в состояние депрессии, неуверенный и сомневающийся в себе человек.

Я слыву человеком твердым, мужественным, почти жестоким, который, не задумываясь, выбрал тюрьму, хотя мне предлагались более заманчивые альтернативы.

А ведь я постоянно чего-то боюсь. И даже моя воображаемая отвага и выдержка порождены страхом — страхом перед собственной совестью, которая так любит мучить меня за измену действительную и мнимую. Но при всем этом и вопреки всему этому я знаю, что, если бы было нужно, я бы снова пошел в тюрьму и вновь выдержал все испытания…»

Судьба некоторых диссидентов складывалась трагически.

Болгарский писатель Георгий Марков бежал из Софии в Англию. Он работал на Би-би-си, женился на англичанке. 7 сентября 1978 года, когда Марков шел домой, незнакомец уколол его зонтиком. Жена Маркова вспоминала: Георгий вернулся домой здоровым, а на следующий день уже был в критическом состоянии. Через несколько дней Марков скончался в страшных муках.

Пытались убить и другого болгарского диссидента, Владимира Костова, но он выжил. Покушение на его жизнь помогло британской полиции понять, как отравили Маркова. Считается, что убийство организовала болгарская госбезопасность при технической поддержке советского КГБ.

В Лондоне знаменитый Сева Новгородцев, обозреватель русской службы Би-би-си, рассказывал мне:

— Марков сидел рядом с нами. Он был очень успешный болгарский журналист, встречался с генеральным секретарем ЦК коммунистической партии Тодором Живковым, но то, что он про Живкова знал, для Би-би-си оказалось слишком соленым и перченым. Руководство нашей радиостанции сказало: извини, мы этого передавать не будем. Тогда он отнес материалы на радио «Свобода». Он выпустил четырнадцать программ… Теперь задним числом мы знаем, что Живков обратился за помощью в Москву. В Москве ответили, что приводить в исполнение этот приговор мы не будем, это ваши дела, но поможем техникой. И помогли. Появился зонтик в виде пневматического ружья, который выстрелил в Маркова невидимый глазу шарик с рицином. Все это было настолько технологически совершенно, что никому и в голову не могло прийти, что его убили. И только подобное же покушение в Париже навело полицию на след. Еще одна проверка, и нашли вот этот самый яд… Сами понимаете, чтобы такую операцию провести, надо было точно знать, когда он выйдет на улицу. Теоретически у них должен быть человек

внутри Би-би-си. Детективное агентство прислало сюда к нам на полгода здорового мужика. Ну и что? Он ходил по коридорам, разговаривал со всеми, играл в шахматы, завел шашни с ведущей музыкальной программы, по-моему, так ничего и не нашел и через полгода растворился. Но для нас это было предупреждение…

Советское руководство крайне болезненно реагировало на перебежчиков. А на Западе поначалу не понимали их ценности в холодной войне.

После войны два офицера Красной армии перебежали к американцам в Вене. Им оказали прием по высшему разряду. Потом офицеры передумали и сказали, что хотят вернуться. Их отвезли в Вену и столь же торжественно передали советским властям.

Еще один перебежчик, когда его доставили в Лондон, вдруг сказал, что просит отправить его домой. Директору британской разведки МИ-6 Стюарту Мензису возившиеся с перебежчиком разведчики в сердцах посоветовали дать перебежчику наркотик и утопить в Северном море. Но его вернули, сообразив, что это была подстава.

Офицер венгерской разведки бежал в Австрию и просил связать его с резидентурой ЦРУ. Австрийцы опасались, что советские чекисты его найдут, и поместили под охрану. Но за два дня до отправки в Соединенные Штаты венгра нашли лежащим на полу. Он был в агонии. Его отравили. Поскольку о нем знали немногие, расследование оказалось успешным: помогавший американцам офицер австрийской полиции безопасности был агентом чехословацкой разведки.

В 1948 году директор МИ-6 Стюарт Мензис сформировал комитет по перебежчикам из трех разведчиков, потребовав, чтобы они каждые три месяца составляли справку — что сделано для вербовки. На американской стороне за души перебежчиков сражались разведки трех родов войск и ЦРУ. В конце концов создали межведомственный комитет по перебежчикам в Вашингтоне.

Перебежчиков в Германии и в Австрии скопилось немало. Но любой из них мог оказаться советским агентом. К тому же содержание перебежчиков — это серьезные расходы, особенно обременительные для британской разведки с ее сравнительно небольшим бюджетом. Англичане пытались сократить расходы. Перебежчикам обещали солнечную Австралию, но там их помещали в малопривлекательные лагеря для перемещенных лиц. На советской стороне скоро стало известно, что на Западе можно угодить не только в лагерь, но и просто за решетку…

В определенном смысле все, кто тогда бежал на Запад, жили в страхе, потому что считались злейшими врагами советской власти. Некоторые из них исчезали или умирали при странных обстоятельствах.

— Я сам был свидетелем того, как вылавливали людей в Париже — невозвращенцев, — рассказывал мне Никита Струве, сын известного эмигранта из России. — Похитили молодого человека, невозвращенца, который жил в нашем доме на первом этаже — кстати, в квартире внука Льва Толстого, который его пригрел. Мы жили на втором. Мне было четырнадцать лет, я слышу крики — «помогите, спасите». Кинулся к окну и увидел: уезжает черная машина. Тут же спустились, взломали дверь — кровь и так далее. Человек исчез. Интересно, где он покоится — в Париже или его вывезли в Россию? Мы поместили эту историю в газеты, было расследование, установили, что его похитили советские военные. Этим советская военная миссия занималась в разных углах Франции. Люди пропадали бесследно… Некоторые так спасались — вербовались во французскую армию и отправлялись воевать во Вьетнам. Но они военную миссию послали во Вьетнам вылавливать людей, записавшихся в иностранный легион. Даже там находили. Это одно из самых страшных воспоминаний, как выкрали человека из нашего дома.

В начале 1954 года советская разведка отправила боевую группу, чтобы уничтожить руководителя исполнительного бюро Народно-трудового союза в Западной Германии Георгия Сергеевича Околовича, эмигранта, родившегося в Елгаве. Он руководил оперативным сектором по подготовке и заброске агентуры в Советский Союз.

Но руководитель боевой группы капитан Николай Евгеньевич Хохлов из 13-го отдела первого главного управления КГБ передумал убивать Околовича. 18 февраля 1954 года капитан пришел к Околовичу домой (тот жил во Франкфурте-на-Майне) и представился:

— Георгий Сергеевич, я — Хохлов Николай Евгеньевич, сотрудник органов госбезопасности. ЦК КПСС приказал вас ликвидировать. Убийство поручено моей группе.

Околович позвонил своему куратору в британской разведке и сказал, что у него только что побывал советский чекист, который сообщил, что приехал из Москвы, чтобы его убить. Вместо того чтобы выполнить задание, он пил с Околовичем чай. Оперативная группа британской разведки перехватила двух помощников Хохлова.

— Мы познакомились с их оружием, — рассказывали британские разведчики. — Патроны с цианистым калием

выстреливались из электрического пистолета, замаскированного под пачку сигарет. Выстрел был практически бесшумным. На расстоянии в три метра пуля входила в дерево на десять сантиметров. С тех пор, когда мне предлагали сигарету, я инстинктивно отшатывался.

Британская разведка не располагала тогда такими изощренными средствами убийства. В распоряжении агентов МИ-6 был массивный пистолет, которым можно было стрелять из рукава пальто, но выстрел звучал настолько громко, что для тайных операций он мало подходил. Лаборатории советской разведки опередили британцев.

История с Хохловым поставила Лондон в трудное положение накануне совещания в верхах в Женеве. 1 мая капитана Хохлова переправили в Англию. Некоторые британские чиновники хотели бы устроить ему пресс-конференцию, которая, несомненно, вызвала бы всплеск эмоций. За пять месяцев это было пятое бегство сотрудника советских спецслужб. Руководители МИ-6 объяснили премьер-министру Уинстону Черчиллю, что хороший прием, оказанный перебежчикам, соблазнит и других чекистов. Это среди прочего позволит выяснить имена предателей, которые могут работать в британской разведке и министерстве иностранных дел.

Но Черчиллю не хотелось мешать встрече в Женеве. Он запретил пресс-конференцию Хохлова. Единственное, на что согласился Черчилль, — выслать из Англии двух сотрудников советской разведки, которые слишком грубо вели вербовочную работу.

Советские граждане, просившие политического убежища, создавали массу неприятностей западным правительствам.

Один такой случай произошел в апреле 1944 года. Виктор Андреевич Кравченко, работавший в Вашингтоне, решил остаться в Соединенных Штатах.

Он родился в Днепропетровске; инженер по профессии, сделал неплохую карьеру в Главметалле и был отправлен в Вашингтон для работы в советской закупочной комиссии, которая заказывала все необходимое для Красной армии в рамках программы ленд-лиза. Через эмигрантов он стал зондировать американские власти — нельзя ли остаться? Заняться его делом поручили директору ФБР Эдгару Гуверу, для него это было в новинку. Он потребовал санкции президента.

Для американских дипломатов история с Кравченко был крайне неприятным инцидентом, угрожавшим испортить отношения с Советским Союзом. Они не могли скрыть своего раздражения. Чарлз Болен, занимавшийся советскими делами в

Государственном департаменте, надеялся, что Виктора Кравченко удастся уговорить вернуться в Советский Союз. Дипломаты искренне сожалели, что его нельзя выслать и что он имеет законное право попросить убежища.

— Впрочем, — говорили они в своем кругу, — вполне возможно, что НКВД избавит иммиграционные власти от проблем и заберет его сам.

Виктору Кравченко удалось остаться, и в конце сороковых его книга «Я выбрал свободу» стала желанным аргументом в войне идей. Книга разошлась по всему миру миллионными тиражами. Это он познакомил мир с аббревиатурой ГУЛАГ. Он не походил на других перебежчиков — не разведчик и не представитель творческой интеллигенции.

Книга Кравченко стала ударом для многих коммунистов. Во Франции коммунистическая газета «Леттр Франсез» подала в суд на Кравченко, заявив, что написанное в книге — клевета. Кравченко приехал во Францию и предстал перед судом.

Кто-то тогда верил, что Кравченко — американский агент и книжка написана по заказу ЦРУ. Но его адвокаты пригласили в качестве свидетеля Маргарет Бубер-Нойман, вдову Хайнца Ноймана, второго человека в ЦК компартии Германии. Его расстреляли в Москве в 1937 году. Маргарет сама просидела в Советском Союзе несколько лет. В 1940 году вдову второго человека в компартии, как и некоторых других немецких коммунистов, НКВД выдал гестапо. Может быть, это ее спасло. Она приехала в Париж, чтобы рассказать о ГУЛАГе то, что она видела и пережила сама…

31 июля 1948 года из Нью-Йорка уходил советский пароход «Победа». Среди пассажиров не оказалось возвращавшихся на родину двух преподавателей школы для детей советских сотрудников — Оксаны Степановны Касьенкиной, учительницы химии, и Михаила Ивановича Самарина, учителя математики. Они сдали багаж, но к отходу судна не явились. Не оказалось их и дома. Причем Самарин исчез с женой Клавдией Михайловной и детьми Татьяной, Еленой и Владимиром.

Все они попросили политического убежища. Приняла их младшая дочь Льва Толстого Александра Львовна, которая помогала беженцам из Советской России. Самарины жили на «толстовской ферме» в штате Нью-Йорк и ждали, когда американские власти решат их участь. Самарин заявил американским журналистам, что просит разрешить ему остаться в США. А вот Оксана Касьенкина, судя по всему, испугалась неопределенности — не так-то просто порвать со всей прежней жизнью и остаться в другой стране, где нет ни родственников, ни

друзей.

Неожиданно она дала о себе знать советскому консульству, за ней приехали и вернули в консульство. Она рассказывала, что стала жертвой похищения. Прямо на улице, когда она шла за билетом на пароход, ее схватили какие-то подозрительные люди, сделали ей укол и насильно запихнули в машину. Ее увезли на ферму Толстой, где уговаривали не возвращаться на родину. Но ей удалось тайком отправить записку в консульство…

Нота советского посольства Государственному департаменту США от 9 августа 1948 года:

«6 августа с. г. Генеральный Консул СССР в Нью-Йорке Я.М. Ломакин получил от О.С. Касьенкиной письмо, в котором она умоляет вырвать ее из рук организации так называемого «Толстовского фонда», на ферму которого она была насильственно увезена.

На следующий день Генеральный Консул СССР в Нью-Йорке выехал по указанному О.С. Касьенкиной адресу, и О.С. Касьенкина при его содействии покинула ферму… Как сообщила О.С. Касьенкина, члены организации преследовали ее задолго до дня отъезда в Советский Союз, пытаясь запугиванием и угрозами склонить ее к невозвращению на Родину. При этом они не остановились даже перед применением наркотического подкожного вспрыскивания с очевидной целью ослабить ее сознание и волю…

Посольство СССР в США по поручению Советского Правительства заявляет решительный протест против насильственного захвата членами организации «Толстовского фонда» советских граждан О.С. Касьенкиной и М.И. Самарина с семьей, а также против допущения со стороны правительственных органов США преступной деятельности этой организации, явно направленной против СССР…»

Оксану Касьенкину поселили в здании консульства и ждали оказии, чтобы отправить ее на родину. Вот тут она, вероятно, поняла, какой прием ждет ее дома. Это в дипломатических нотах говорилось о «похищении», а советские товарищи понимали, что она хотела остаться…

12 августа от отчаяния она выпрыгнула из окна своей комнаты на третьем этаже генконсульства. Упав во внутренний двор консульства, она осталась жива, но сильно разбилась. Консульским работникам не оставалось ничего иного, кроме как вызвать карету скорой помощи и объяснить полиции, что советская гражданка Касьенкина пыталась покончить с собой.

Посольство СССР в США отправило ноту Государственному департаменту США:

«12 августа 1948 года в 16 час. 20 мин. два полицейских города Нью-Йорка, воспользовавшись тем, что сотрудники Генконсульства открыли дверь во двор здания, занимаемого Генконсульством, куда выпрыгнула из окна О.С. Касьенкина, самочинно ворвались в здание Генконсульства. В 16 час. 30 мин. в Генконсульство прибыли четыре инспектора Нью-Йоркской полиции во главе с заместителем главного инспектора полиции Конрадом Ротингаст для выяснения у Генерального Консула Я.М. Ломакина обстоятельств покушения на самоубийство Касьенкиной.

Однако вместо переговоров с Генконсулом инспекторы полиции, несмотря на протест последнего, силой захватили с собой личное письмо Касьенкиной, находившееся в ее личном чемодане. Эти же лица пытались учинить обыск в комнате Касьенкиной и произвести допрос сотрудников Генконсульства…»

В больнице к Оксане Касьенкиной приставили охрану. Полиция ее допросила. Она заявила, что в генконсульстве ее удерживали силой.

Нота посольства СССР в США Государственному департаменту США от 24 августа 1948 года:

«Поскольку в настоящее время Касьенкина содержится в больнице фактически в условиях тюремного режима и свободное общение с ней советских представителей не допускается, приписываемые ей заявления не могут быть признаны заслуживающими какого-либо доверия, особенно принимая во внимание тяжелое состояние ее здоровья…

Что касается обвинений, выдвигаемых Госдепартаментом против Генерального Консула СССР в Нью-Йорке Я. Ломакина в том, что его действия будто бы представляли собой «злоупотребление прерогативами его положения и грубое нарушение повсеместно принятых правил», то Советское Правительство отвергает эти обвинения как совершенно необоснованные и не соответствующие фактам…»

На следующий день, 25 августа, Оксана Касьенкина подписала заявление, в котором говорила, что хотела бы остаться в Соединенных Штатах, потому что не согласна с советской политикой.

Эта история имела серьезные политические последствия. Ухудшились отношения между двумя странами, сократились и без того немногочисленные каналы общения Советского Союза и Соединенных Штатов.

«Советское Правительство констатирует, — говорилось в новой ноте, — что за последнее время в Соединенных Штатах Америки создана обстановка, при которой нормальное

выполнение советскими консульствами в США их функций становится невозможным…

Ввиду указанных обстоятельств Советское Правительство приняло решение:

а) немедленно закрыть оба Советских Консульства в США — в Нью-Йорке и в Сан-Франциско;

б) в соответствии с принципом взаимности считать подлежащим немедленному закрытию Консульство США во Владивостоке.

По тем же основаниям считать утратившей силу достигнутую ранее между Правительством СССР и Правительством США договоренность об открытии Консульства США в Ленинграде».

В те годы ездить за границу мог узкий круг советских людей. Решили еще больше ужесточить порядок оформления загранкомандировок. 26 мая 1949 года решением политбюро образовали комиссию по выездам за границу при ЦК ВКП(б) под председательством Михаила Андреевича Суслова.

Круг задач:

«Комиссия проверяет политическую надежность лиц, командируемых министерствами, ведомствами и организациями, их подготовленность к командировке, а также целесообразность самих командировок.

В отношении лиц, ходатайствующих о выездах за границу и въездах в СССР по частным делам, Комиссия, кроме политической проверки их, определяет также обоснованность и практическую целесообразность удовлетворения таких ходатайств.

Комиссия разъясняет каждому выезжающему за границу советскому гражданину правила его поведения за границей и под личную роспись отбирает от него соответствующее письменное обязательство. Для этой работы Комиссия привлекает работников Министерства государственной безопасности и Комитета информации.

Комиссия ведет учет всех советских граждан, выехавших за границу как по служебным, так и по частным делам, изучает поведение советских людей за границей по материалам МГБ СССР и Комитета информации, обобщает эти материалы и свои выводы и предложения докладывает ЦК ВКП(б)».

В каждой социалистической стране сами решали, как им поступать с перебежчиками.

Министерство госбезопасности ГДР в некоторых случаях уничтожало врагов системы и за границей. План каждой ликвидации писался от руки в одном экземпляре, его подписывал сам министр Эрих Мильке.

— Тот, кто выступит против нас, — говорил на совещании

Мильке, — не может рассчитывать на снисхождение. Такие элементы должны почувствовать всю твердость нашей власти. И под этим я понимаю не только наши правовые возможности.

Если Мильке не был в отпуске или на охоте, только одно событие могло отвлечь его от важных дел — футбольный матч с участием команды «Динамо», которую опекало министерство. Однажды на ежегодном балу спортивного общества «Динамо-Берлин» он взял микрофон из рук самого известного телеконферансье ГДР и сам вел вечер. Министр был фанатичным болельщиком. Когда судья назначал пенальти в ворота динамовцев, Мильке, случалось, в гневе топтал собственную шляпу. Его сын не любил сидеть рядом с отцом на матче, ему было неудобно — так громко он кричал. Подчиненные Мильке не всегда видели его, но всегда слышали:

— Ага, шеф тоже здесь.

Известнейший в ГДР футболист Лутц Айгендорф, член национальной сборной от общества «Динамо», в 1979 году остался на Западе после товарищеской встречи в ФРГ и стал играть за команду «Айнтрахт Брауншвайг». Через четыре года он погиб в результате дорожно-транспортного происшествия. На опасном повороте он на своей «альфа-ромео» врезался в дерево. Он умер через два дня в больнице. Выяснилось, что в тот день из-за травмы он не играл, сидел на скамейке запасных, а потом пропустил пару кружек пива.

Дело казалось ясным и было закрыто. Но поползли слухи, что по правому колесу машины стреляли, поэтому Айгендорф не справился с управлением. В футбольную команду пришло письмо без подписи, в котором говорилось: «Неужели вы не понимаете, что за этим делом стоит МГБ ГДР? Проведите тщательную экспертизу автомашины вашего погибшего товарища, обратите внимание на тормозную систему».

Эксперты Федерального ведомства уголовной полиции не обнаружили следов выстрела и сознательных повреждений тормозной системы.

Один из перебежчиков рассказал, что на дверную ручку машины Лутца Айгендорфа был нанесен контактный яд, от которого футболист должен был минимум на десять минут потерять сознание и лишиться способности управлять машиной. Полицейские токсикологи, специалисты по змеиным ядам и прочей экзотике, сказали, что ни из практики, ни из литературы не известно ни одного случая, когда яд, попавший на неповрежденную кожу, за столь короткое время привел бы человека к смерти или обмороку. Яд, добываемый из коры растения кураре или дистиллируемый из голубого аконита,

должен быть введен под кожу жертвы. То, что Айгендорф потерял сознание от простого прикосновения голой рукой, невероятно.

Проверить эту версию не удалось. Футболист был давно похоронен, и эксгумация трупа, по словам экспертов Института судебной медицины, ничего бы не дала — доказывать присутствие яда слишком поздно. Так и осталось неясным, то ли Мильке действительно сумел наказать своего бывшего любимца, то служба активных мероприятий (дезинформация) министерства госбезопасности просто воспользовалась случаем и путем распространения слухов лишний раз доказала свою вездесущность…

В 1959 году конгресс Соединенных Штатов принял резолюцию, в соответствии с которой одна неделя в году выделялась для «молитв о благе народов, находящихся под коммунистическим господством». Исполняя этот закон, президент Дуайт Эйзенхауэр объявил каждую третью неделю июля «неделей порабощенных народов». Государственный секретарь Джон Фостер Даллес обещал «порабощенным народам» Восточной Европы помочь избавиться от «советского гнета».

Освобождение народов из-под советского контроля только провозглашалось главной целью американского крестового похода против Москвы. Соединенные Штаты пальцем не пошевелили, чтобы помочь восточным немцам в пятьдесят третьем, венграм в пятьдесят шестом, чехам и словакам в шестьдесят восьмом. Все, что возможно было предпринять, — это выражать солидарность с порабощенными нациями и поддерживать моральный дух тех, кто не согласен с политикой Москвы. Поэтому поддерживали не только югославского президента Йосипа Броз Тито, занявшего особую позицию между Западом и Востоком, но и румынского самодержца Николае Чаушеску, который ловко получал свои дивиденды от холодной войны.

Высокомерный и самовлюбленный, Николае Чаушеску вставлял палки во все начинания Варшавского договора, чтобы его все уговаривали и упрашивали. А на Западе полагали, что Чаушеску — демократ, и принимали его с почетом. Британская королева даже наградила его орденом. И только после его свержения стало известно, что с санкции Чаушеску спецслужбы нанимали террористов для уничтожения политических противников. В 1978 году глава румынской разведки Михай Пачепа бежал в США. Это был шок для Чаушеску. Секуритате пыталась взорвать станцию «Свободная Европа» в Мюнхене. Чаушеску боялся разглашения документов, которые Пачепа мог передать этой радиостанции. Через несколько месяцев редактор

румынской редакции «Свободной Европы» был найден мертвым в своем гараже.

Американцы с тревогой следили за попытками масштабной пропаганды в восточном блоке. Летом 1951 года в Восточном Берлине устроили фестиваль молодежи, организованный Союзом свободной немецкой молодежи. Участвовало два миллиона молодых людей со всего мира. Британская разведка получила копию документального фильма о фестивале. Его просмотрели видные политики. По оценкам англичан, это стоило Советскому Союзу двадцать миллионов фунтов стерлингов. В Лондоне и Вашингтоне пришли к выводу, что нужны ответные меры. В ближайшие пять лет были организованы две тысячи различных мероприятий только для молодежи и студентов на американские деньги. Деньги поступали от ЦРУ и от частных жертвователей.

Американские политики, испуганные ростом левых настроений, считали полезным способствовать сплочению Европы. Объединение Европы решало и вопрос перевооружения Германии: ее нужно было включить в какой-то прочный союз, чтобы она больше не представляла опасности для мира.

В начале пятидесятых годов через каналы ЦРУ финансировалось Европейское движение. Это была общественная организация, которая добивалась, в частности, создания Совета Европы. В 1948 году организация была на грани банкротства. Через каналы ЦРУ было перечислено примерно четыре миллиона долларов. На эти деньги пропагандировались идеи европейского единства.

В октябре 1948 года Британия, Франция и страны Бенилюкса объявили о создании Совета Европы. Он выработал хартию прав человека, которая, в частности, высветила самые непривлекательные стороны советского режима. Сторонники единой Европы и не подозревали, что получают помощь по каналам разведки. В большинстве своем это были люди весьма либеральных убеждений. Им бы сильно не понравилось, узнай они, откуда идут деньги.

Точно так же получали американские субсидии некоммунистические партии Западной Европы. Самой дорогостоящей операцией ЦРУ в послевоенной Европе были вложения в итальянскую политическую жизнь, чтобы не допустить на выборах 1948 года успеха компартии. Помогли правым профсоюзам подорвать влияние Всемирной федерации профсоюзов, чья штаб-квартира располагалась в Париже. Тайно финансировали интеллектуальную элиту, художественную интеллигенцию путем создания печатных органов и различных фондов.

К информационной войне были привлечены бывшие сотрудники спецслужб, которые перешли в журналистику. Одни работали за деньги. Другие — за идею, такие как британский писатель Джордж Оруэлл, автор знаменитых антиутопий «1984» и «Скотный двор». Во время войны эти авторы в силу своих взглядов занимались антинацистской пропагандой, теперь антисоветской. Оруэлл к тому же по собственной инициативе представил британским спецслужбам список в тридцать пять видных коммунистов и их сторонников.

Уинстон Черчилль говорил в Нью-Йорке 29 марта 1949 года:

— Мира не будет, пока десять стран Восточной Европы остаются в руках советского коммунистического правительства. Мы поддерживаем отношения с народами за железным занавесом. Они присылают свои делегации на наши встречи, и мы знаем, что они чувствуют. Мы знаем, что они хотели бы войти в новую единую Европу. Вот почему наша цель и наш идеал — это объединение всей Европы.

В годы холодной войны американской разведкой финансировались различные эмигрантские организации. ЦРУ через различные фонды поддерживало эмигрантов, выпуск журналов и книг, начиная с Библии и различной религиозной литературы. Интерес американской разведки состоял в том, чтобы эти издания каким-нибудь путем попадали за железный занавес. Можно заключить, что не без помощи ЦРУ сохранилась русская литература в изгнании.

Западные разведки поддерживали беженцев из-за железного занавеса. В Гуверовском институте в Стэнфорде, где хранятся крупнейшие коллекции документов русской эмиграции, я обнаружил бумаги послевоенных перебежчиков, пребывавших в бедственном положении. Единственная их надежда состояла в том, что они понадобятся как бойцы в холодной войне.

Обосновавшиеся в западной части Германии недавние советские граждане обращались к более удачливым и, как они полагали, более обеспеченным соотечественникам в Соединенных Штатах с просьбой о помощи:

«*Председателю Общества послевоенных беженцев*

Наше объединение создано на конференции послевоенных беженцев из Советского Союза. Необходимость создания такой организации была продиктована главным образом тем тяжелым положением, в котором оказывались наши люди по приходе «оттуда». Они были в буквальном смысле слова предоставлены сами себе. Не зная языка и условий Западной Германии, они часто доходили до последней степени отчаяния. Мы имеем

случаи самоубийств и вынужденных возвращений назад на верную гибель. Некоторые вынуждены были воровать, чтобы не умереть с голоду, и попадали в тюрьму иногда совершенно безвинно.

Основной поток новейших шел, как ни странно, в английскую зону. Это объяснялось главным образом тем, что английские власти меньше выдавали людей, чем американские. Поэтому беглецы больше надеялись на англичан, чем на американцев. После в поисках работы они рассеивались и просачивались в американскую зону…

С большим трудом мы нашли небольшие средства и пригласили выбранных новейшими делегатов со всей британской зоны на конференцию с участием прессы и гостей. Было создано «Объединение послевоенных беженцев в Западной Германии» и избран исполнительный комитет для британской зоны.

Наше объединение — это политическая организация, но надпартийная. Конференция решила поддерживать всю демократическую эмиграцию, кроме реставраторов монархии. Наряду с политическими задачами у нас имеется очень острая проблема — это материальная поддержка наших коллег, больных туберкулезом и других остро нуждающихся.

Мы прилагаем при сем пока маленький список с адресами наших коллег и особенно убедительно просим оказать им посильную помощь в возможно короткий срок… Все остальные детали Вы узнаете от бывшего председателя нашего объединения подполковника Мирошникова И.С., который находится на пути в США… Сейчас для нас особенно важно издание маленького печатного органа, хотя бы ротаторным способом. По меньшей мере раз в месяц мы должны информировать наших людей о положении в объединении и других насущных вопросах. Делать это путем простой переписки невозможно. Печатать на машинке сотни писем мы не можем по чисто материальным соображениям.

Заместитель председателя

исполнительного комитета

П. Павловский

Секретарь

В. Григорьев

8 ноября 1951 года».

Составили смету расходов на содержание Общества послевоенных беженцев из СССР: зарплата одного сотрудника — 225 долларов в месяц, оплата помещения — 100 долларов, почтовые расходы, канцелярские принадлежности и телефон — 100 долларов, приобретение пишущей машинки (русской и английской) — 60 долларов, покупка литературы — 50 долларов, выпуск ежемесячного бюллетеня — 750 долларов…

Перебежчики-военные тоже старались объединиться и создать Общество бывших военнослужащих Советской армии. Подготовили устав общества:

«Крушение надежд российских народов и советской армии на изменение рабских условий жизни на Родине после дорого стоившей Победы привело к массовому бегству советских солдат и офицеров.

Демократический мир не понял причин, заставивших вчерашних героических защитников Родины покидать ее после победы над общим врагом. Поэтому тысячи перебежчиков были встречены на Западе с недоверием, подозрительно и даже враждебно. Мир стал свидетелем величайшей несправедливости — политических беглецов демократические правительства выдавали, как преступников, на смерть…

Большинство наших товарищей до сих пор находятся в Западной Германии и Австрии, где продолжают жить в положении политического бесправия, нужды, бесперспективности.

Общее протрезвление в мире в настоящее время от иллюзий о природе и целях коммунистов привело к росту понимания нашего положения и значения как антикоммунистов, недавно бежавших от общего врага.

Конечной целью нашего общества является содействие освобождению народов России от коммунизма.

Мы сознаем, что лидирующим государством мира Свободы в настоящее время являются демократические США, которые оказывают помощь мировым силам сопротивления империалистическому коммунизму. Поэтому Общество считало необходимым заручиться поддержкой правительства США.

Фактом своего существования Общество неизбежно будет содействовать решению солдат, офицеров и генералов советской армии рвать с тираническим советским режимом и переходить на сторону демократии.

Общество будет связываться с новобегущими и помогать им уже в Германии и других странах.

Послевоенный беженец — живой свидетель того, что творится сейчас на нашей Родине. Он в большинстве своем ровесник советской власти, но он и активный противник ее — фактом своего побега с риском для жизни он это доказал.

Членом Общества может быть каждый бывший военнослужащий советской армии, бежавший на Запад после войны (после 4 мая 1945 года) по мотивам политического характера. Член Общества не имеет удостоверения и не платит членских взносов…»

Общество послевоенных беженцев из Советского Союза искало поддержки у властей, у общественных организаций, у спецслужб. Большинство эмигрантов не могли найти никакой работы.

«Все члены нашего Общества бежали из-за железного занавеса после войны. Все они приняли решение пойти на этот шаг, связанный с риском и требующий не только физического мужества, но гораздо больше художественного мужества…

Поэтому главная духовная цель нашей организации — это овладение свободой Запада, выращивание из каждого из нас демократа, верящего в свободу. Только это можно противопоставить жестокому коммунизму в нынешней России, только под этим знаменем мы можем бороться с настоящим режимом на нашей Родине.

На общем фоне русской эмигрантской жизни появился после войны новый значительный фактор — это послевоенный беглец. Каждый из нас довоевал до последнего дня с нацистской армией, а это значит, и до конца переносил разочарование в конце войны, когда нам стало ясно, на что кремлевские политики употребили победу настрадавшегося народа…

Общее число послевоенных беглецов, считая только бывших военнослужащих и служащих советской военной администрации, по нашему мнению, превосходит цифру в 1200–1400 человек. Мы считаемся с возможностью, что это число сильно занижено, ибо многие беглецы и по сей день продолжают скрываться в западных зонах, не давая никому о себе знать. В США находится около пятидесяти человек, часть которых и по сей день не установила с нами контакта. Причиной такой осторожности, как ни странно, является боязнь — даже в этой стране — преследования и актов террора со стороны агентов Советского Союза…

Список людей, привлеченных к работе над организацией съезда: бывший подполковник Лев Волков — США; бывший майор Василий Денисов — Гамбург, Германия; бывший майор Григорий Климов — Мюнхен, Германия; бывший подполковник Иван Григорьев — Сантьяго, Чили». Подполковник советской армии

Лев Волков в 1946 году попросил политического убежища в Соединенных Штатах. Он свободно писал по-английски, поэтому у него не было проблем с работой. Он обосновался в Нью-Йорке и как эксперт по советским вооруженным силам много лет сотрудничал с журналом «Ньюсуик», выступал с лекциями в американских учебных заведениях.

Бывший подполковник Волков создал специальное исследовательское бюро и работал по контрактам с министерством обороны США.

14 ноября 1951 года Волков писал в Пентагон капитан-лейтенанту Джеймсу Моузелю:

«Дорогой Джим!

Посылаю Вам список тем, о которых я говорил Вам во время последнего приезда в Вашингтон. Мы готовы приступить к работе в феврале.

Тем временем нам удалось найти нескольких бывших офицеров советского военно-морского флота: бывшего капитана разведки; бывшего лейтенанта Черноморского флота; бывшего капитана из главного штаба флота.

Мы продолжаем искать остальных — в Америке и Европе, полагаем, что найдем еще десятерых бывших советских моряков».

Лев Волков создал из знакомых ему эмигрантов группу аналитиков, которые составляли портреты членов политбюро, высшего руководства советских вооруженных сил, анализировали советские радиопередачи. Среди бумаг Волкова хранится погашенный чек на пятьсот долларов, который 12 сентября 1952 года ему прислал подполковник Эдвард Реймонд, руководитель отдела в управлении психологической войны штаба Сухопутных войск США.

Холодная война перешла в сферу культурного и информационного обмена. Американским ракетам Москва могла противопоставить свои ракеты, а откровенной информации советским пропагандистам противопоставить было нечего. На этом фронте социалистический лагерь терпел поражения с первого дня противостояния.

С началом холодной войны в Кремле вновь и вновь принимались меры для того, чтобы перекрыть информационные каналы, связывающие страну с внешним миром. Как правило, это делалось под предлогом экономии валюты.

Еще 14 сентября 1946 года политбюро приняло решение «О выписке и использовании иностранной литературы»:

«ЦК ВКП(б) устанавливает, что в закупке и использовании иностранной литературы сложилась порочная антигосударственная практика. Как показала проверка,

иностранную литературу выписывают много организаций, которые не имеют надобности в ней по характеру своей работы. В результате неправильной организации дела выписки иностранной литературы различные ведомства и учреждения расходуют крайне много валюты на приобретение ненужных для них и не имеющих ценности зарубежных книг, журналов и газет.

Неправильная практика… наносит ущерб интересам государства, ведет к растранжириванию валюты и распространению среди части населения антисоветской пропаганды, содержащейся в зарубежных газетах, журналах и книгах».

Западные политики быстро установили уязвимые места советской системы — прежде всего страх перед свободным словом, перед реальной информацией.

В годы существования антигитлеровской коалиции договорились, что в Англии и Соединенных Штатах будет выходить журнал о советской жизни на английском языке, а в Москве появятся журналы «Америка» и «Британский союзник» на русском.

11 апреля 1946 года заместитель министра иностранных дел Соломон Абрамович Лозовский составил отчет о разговоре с американским послом Уолтером Беделлом Смитом:

«Смит сказал, что ему хотелось бы поговорить со мной об увеличении тиража журнала «Америка»… Смит предложил отделу информации Госдепартамента сделать журнал «Америка» менее роскошным, выпускать его на менее дорогой бумаге, с меньшим количеством красочных фото, но увеличить его тираж с 20 000 до 50 000 экземпляров. Если тираж будет увеличен таким образом, а стоимость его будет уменьшена, то можно будет издавать журнал без дотации правительства.

Смит просил меня учесть, что журнал этот представляет собой настолько безопасную пропаганду, что Советскому Союзу нечего его бояться.

Я сказал, что мы не боимся никакой пропаганды и советуем американцам также не бояться ее. Мы так же, как и американцы, заинтересованы в том, чтобы наши народы лучше знали друг друга, так как каждый лишний грамм осведомленности и взаимопонимания послужит улучшению отношений между нашими народами. Я пообещал заняться этим вопросом и дать в ближайшее время послу ответ».

23 апреля 1946 года заместитель министра Лозовский отправил письмо послу Смиту: «Центральное Управление распространения и экспедирования печати (Союзпечать) сообщило мне, что может взять на себя распространение с

первого июня 1946 года 50 000 экземпляров журнала «Америка».

Издания союзников носили нарочито неполитический характер, но статьи о жизни в Соединенных Штатах и Англии в любом случае подрывали советскую пропаганду. Купить журналы было очень сложно, но кому-то это удавалось. Чекисты и идеологические чиновники забили тревогу.

2 ноября 1946 года министр госбезопасности Виктор Семенович Абакумов отправил Сталину и Жданову докладную записку:

«В Министерство Государственной Безопасности СССР поступают данные об отрицательном влиянии издающегося в Советском Союзе журнала «Британский Союзник» на некоторые контингенты советских читателей.

На страницах этого журнала систематически публикуются статьи, прямо или косвенно преследующие цель — создать у советского читателя впечатление о преимуществах быта, культуры и «демократии» в «британском содружестве наций» по сравнению с советским…

В журнале систематически публикуются подробные отчеты о выступлениях руководителей английского правительства и некоторых реакционных членов парламента, содержащих искаженное освещение внешней политики Советского Союза… Содержание статей, публикуемых в журнале, зачастую получает неправильную оценку со стороны отдельных читателей, и в ряде случаев некоторые из них, оперируя сведениями, почерпнутыми из этого журнала, фактически способствуют распространению среди своего окружения пробританской пропаганды…

Может быть, было бы целесообразным поручить Управлению пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) рассмотреть вопрос о журнале «Британский Союзник» и наметить практические мероприятия по пресечению вредного влияния этого журнала на советских читателей и ограничению распространения его в розничной продаже».

Задача состояла в том, чтобы отрезать советских людей от остального мира.

Работа в этих журналах стала смертельно опасной. 26 июля 1947 года министр госбезопасности Абакумов представил Сталину сводку о первых допросах арестованного советского журналиста, официально сотрудничавшего с союзниками.

Вождю докладывали:

«Арестованный показал, что в 1943 году он установил шпионскую связь с бывшим начальником информационного отдела редакции «Британский союзник» — англичанином Болсовером и до последнего времени снабжал его

разведывательными сведениями о внутреннем положении Советского Союза. В большинстве случаев он извращал положение в СССР и преподносил все это в клеветническом, враждебном советской власти духе.

Так, зимой 1944–1945 гг. передал подробную информацию о мероприятиях Советского правительства по переселению калмыков и ингушей. Он мотивировал переселение боязнью Советского правительства возможных восстаний внутри страны в связи с освобождением этих территорий от немецких захватчиков…

Желая выслужиться перед своими иностранными хозяевами и нанести вред Советскому правительству, он извратил действительное положение вещей и сообщил, что Советы депутатов трудящихся являются лишь формальными органами, поскольку вся власть как в центре, так и на местах принадлежит партийным руководителям, которые в последние годы превратились, по существу, в диктаторов. Касаясь свободы выборов в Советском Союзе, сообщил Болсоверу, что никакой демократии в СССР нет и весь руководящий состав партии и советского аппарата снизу доверху назначается…»

Распространение английского и американского журналов настолько затруднили, что прочитать их стало совершенно невозможно. Теперь западные страны рассчитывали только на радио.

«Даже клоуны в Московском цирке отпускают как минимум одну антиамериканскую репризу во время любого представления, — докладывал в Вашингтон посол Смит. — Потребность в передачах «Голоса Америки» на русском языке давно ощущалась и Государственным департаментом, и посольством.

Первая передача на русском языке вышла в эфир 17 февраля 1947 года. За несколько дней до этого я оповестил советское министерство иностранных дел, направил письма в «Правду» и «Известия» с просьбой поместить расписание передач. Письма были проигнорированы…

Вещание на русском языке позволило нам ознакомить советских граждан с речью президента Трумэна о готовности помочь Греции и Турции. В мае 1947 года я информировал членов комитета палаты представителей по иностранным делам, что в Советском Союзе есть примерно полмиллиона радиоприемников, которые могут принимать передачи «Голоса Америки»… К моему удивлению, Кремль ждал до весны 1949 года, чтобы начать интенсивную программу глушения «Голоса Америки»…»

В сорок девятом году «Голос Америки» вещал только на

русском и украинском. В пятидесятом решили приступить к вещанию на армянском, азербайджанском, грузинском, татарском и узбекском языках. Работа радиостанций считалась настолько важной и полезной, что денег на строительство ретрансляторов вдоль границ советского блока не жалели.

В социалистическом лагере передачи иностранного радио — американского, британского, западногерманского — воспринимались как враждебные акции. Даже обычные новости о том, что происходит в мире, уже считались опасными — настолько они расходились с советской пропагандой. Передачи глушились — по мере возможности. Но это не значит, что о содержании не знали в Москве. Все программы записывали и рассылали крупным идеологическим чиновникам по списку, утвержденному ЦК. Чиновники читали расшифровку радиопрограмм и пугались: неужели советские люди все это узнают?

Постоянно возникал вопрос: нельзя ли полностью заглушить иностранное радиовещание? Особенно тревожились руководители Гостелерадио — именно они должны были решать, что именно позволить советским людям услышать, а что глушить. Они хотели избавиться от этой ответственности.

26 сентября 1962 года руководители отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС доложили своему начальству:

«Государственный комитет Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению вносит предложение о переходе от выборочного к сплошному глушению радиопрограмм «Немецкой волны», передающихся с 1 августа с. г. радиостанциями ФРГ из гор. Кёльна на русском языке. Необходимость этого мотивируется тем, что передачи «Немецкой волны» носят ярко выраженный антисоветский и антикоммунистический характер.

В соответствии с указанием ЦК КПСС от 7 августа с. г. Госкомитету поручено применять по отношению к передачам из Кёльна на русском языке порядок выборочного глушения клеветнических материалов, действующий в настоящее время в отношении передач «Голоса Америки» и «Би-Би-Си». Переход к сплошному глушению потребовал бы значительных дополнительных технических средств.

Полагаем, что нет необходимости изменять установленный порядок по отношению к радиопередачам «Немецкой волны».

В то же время считаем нужным обратить внимание Госкомитета на необходимость строгого контроля за этими передачами с тем, чтобы заглушить все клеветнические антисоветские материалы.

Просим согласия».

Секретарь ЦК по идеологии Михаил Андреевич Суслов написал на записке: «Согласиться».

25 апреля 1963 года Президиум ЦК одобрил предложения секретаря ЦК Леонида Федоровича Ильичева, изложенные в записке, которую он представил 30 марта:

«Глушение зарубежных передач как средство защиты от враждебной радиопропаганды было введено с 1949 года. Тогда вещание на Советский Союз из капиталистических стран составляло всего около трех часов в сутки. В настоящее время пропаганду на Советский Союз ведет 131 радиостанция на 21 языке народов СССР…

На создание помех враждебным передачам в настоящее время используется почти половина мощностей всех радиостанций Советского Союза… Как показала жизнь, глушение передач из-за рубежа полностью не достигает цели и носит скорее символический характер. Практически заглушаемые радиопередачи из капиталистических стран слышны по всей стране (за исключением крупных административных центров)…

Возможно ли заглушить все иностранные передачи? Практически нет…»

Леонид Ильичев считал необходимым прекратить выпуск радиоприемников с коротковолновым диапазоном, «оставив временно выпуск таких приемников только для экспорта, служебных целей, а также для продажи населению Севера страны и районов с отгонными пастбищами в Казахстане и республиках Средней Азии».

Ильичев предложил не глушить официальные радиостанции — «Голос Америки», Би-би-си, «Немецкую волну», но глушить музыкальными программами неофициальные — радио «Свобода», радиостанцию НТС и другие. Разница состояла в том, что государственные радиокомпании в основном переводили на русский обычные программы своих новостей, где о Советском Союзе говорилось не так часто. А такие радиостанции, как «Свобода» и «Свободная Европа», специализировались на освещении жизни по ту сторону железного занавеса, изо дня в день рассказывали о нарушениях прав человека, о диссидентах и о советском руководстве.

Некоторые западные радиостанции, вещавшие на социалистические страны, даже пытались взорвать.

Сева Новгородцев:

— У нас до этого не дошло, может, потому, что Би-би-си проводит более сглаженную политику. Мне приходили одно время угрожающие письма из Москвы. А я в тот момент на велосипеде ездил на работу, так что из предосторожности всякий

раз выбирал разные маршруты. Но дальше этого дело не пошло.

Бодо Кирш, по профессии преподаватель русского языка, приехал в Москву в апреле 1960 года корреспондентом двух крупных западногерманских газет. Когда он вернулся домой, ему предложили возглавить русскую редакцию «Немецкой волны».

— Однажды моя секретарь, — вспоминал Кирш, — обратила внимание на присланный в редакцию пакет, в котором что-то тикало. Обратились за помощью в бундесвер. Приехали военные на джипе, забрали пакет. Обнаружили в нем ржавый будильник с надписью — «Будильники — для того, чтобы будить». Надо понимать, это была попытка запугать.

Леонид Владимиров — в ту пору главный редактор русской службы радио «Свобода» — сам был перебежчиком. Советский журналист, он поехал за границу в туристическую поездку и остался.

— Я не боялся, — уверяет Владимиров, — даже не потому, что такой смелый. Просто факты. Советский Союз давно прекратил террористическую деятельность за границей. Последним киллером был Богдан Старшинский, который уничтожил Степана Бандеру и Льва Ребета. Кстати, у нас в библиотеке работала вдова Ребета. После этого ничего было не слышно. Правда, внезапно умер Кравченко, который написал книгу «Я выбираю свободу». Он умер как-то неожиданно. Трудно сказать. Были какие-то сомнения. И по поводу Саши Галича были разговоры, что его убили. Это дело вел лично прокурор Франции. Галич получил удар током от своего аудиокомбайна. Он не знал, как его включить, а у него уже было два инфаркта. И он умер от удара тока. Я знал, что опасались всяких неожиданностей только бывшие сотрудники КГБ. Вот они боялись обоснованно. А я понимал, что я им не нужен, я им ни к чему. Я не боялся. Жил открыто. Меня, когда я приехал, британцы стали учить, как себя вести: в метро не стоять на краю платформы, когда входишь в комнату, надо резко открыть дверь и посмотреть, что там творится. Я поблагодарил, но урока не усвоил…

Благосостояние на Западе росло очень быстро. Особенно в Соединенных Штатах. В 1947 году в стране было тридцать миллионов автомобилей. В 1960-м — шестьдесят миллионов, в 1970-м — девяносто два. А экономическое положение социалистического лагеря с конца семидесятых быстро ухудшалось. С годами идеологический багаж Москвы до абсурдности устарел. Советский вариант социализма казался смешным — и уж точно непривлекательным.

Некоторые восточноевропейские страны достигли такого уровня жизни, который для советских людей был недостижим.

Венгрия при Яноше Кадаре добилась некоторой независимости во внутренних делах. В Будапеште говорили о приверженности идеалам социализма, но позволяли либерализм в экономической и культурной областях. Румыния, как тогда говорили, тоже получила лицензию на определенную свободу рук, потому что ересь Чаушеску ограничивалась внешней политикой.

Николае Чаушеску строил свою политику на том, что демонстрировал определенные разногласия с Москвой. За свою самостоятельность Чаушеску требовал наличных.

Государственный секретарь Соединенных Штатов Александр Хейг, прилетев в Бухарест, увидел плохо освещенный город, кишевший вооруженными солдатами и милицией. Его жена, побывав на рынке, не обнаружила там мяса и никаких овощей — кроме вялой капусты и лука.

Чаушеску заявил, что Румыния нуждается в срочной американской помощи в миллиард долларов. Хейг пустился в объяснения о том, что средства для помощи иностранным государствам выделяет конгресс. Чаушеску, погрозив ему пальцем, грубоватым тоном спросил:

— У вас есть другие альтернативы?

Бывший генерал Хейг не выдержал:

— Будьте реалистом, господин президент. Посмотрите в окно, и вы увидите, что это за альтернатива.

Реализм не был сильной стороной румынского президента, возможно, поэтому из всех восточноевропейских руководителей именно Николае Чаушеску был казнен — вместе с женой — после того, как социалистический режим был буквально сметен восставшим народом.

Москва позволяла какие-то реформы, только если они осуществлялись диктаторскими методами, если партия полностью сохраняла контроль над положением. Ткань восточноевропейской политики была очень чувствительной. Москва по тактическим соображениям могла зайти довольно далеко в своей снисходительности к Восточной Европе. Советские руководители не терпели стихийные реформы, инициативу снизу, действовали жестоко, когда возникала угроза самой системе. Сформировалась самодовольная советская элита, каста, преисполненная имперского высокомерия и стремления поучать весь мир.

Но восточноевропейские братья становились самостоятельными. Некоторые из них по части высокомерия кому угодно могли дать сто очков вперед.

Германская Демократическая Республика считалась самой успешной в соцлагере, но восточные немцы сравнивали свою

страну с Западной Германией. ГДР оказалась первой страной, которая в 1971 году не смогла обеспечить воспроизводство собственного населения. Пугала высокая смертность среди младенцев, сокращение средней продолжительности жизни. Восточные немцы шептались о том, что страна вымирает. По количеству чистого алкоголя, потребляемого на душу населения, ГДР занимала второе место в Европе.

Закрытые опросы общественного мнения, проводившиеся Академией общественных наук при ЦК СЕПГ, показывали, что подавляющими чувствами в социалистической Германии были скептицизм и пессимизм. Три четверти опрошенных жаловались на трудности со снабжением. Две трети говорили, что жизнь становится только хуже.

Страх перед тем, что мелочно опекаемый народ ГДР может подняться против власти, становился все более заметным. На городских праздниках, церковных церемониях, на всех массовых мероприятиях присутствовали сотни неприметных мужчин, сотрудники местного аппарата госбезопасности. Если приезжали футбольные сборные с Запада или чемпионат проходил у соседей, скажем в Чехословакии, то в обозе болельщиков из ГДР приезжали десятки сотрудников госбезопасности. Они брали на карандаш каждого, кто размахивал западногерманским флагом или пил за здоровье западных соотечественников.

Приходилось быть осторожными даже перед телевизором. Включать программы западного телевидения, которые принимались на территории ГДР, было строжайше запрещено. Не верили даже самим сотрудникам госбезопасности. Главное управление кадров постоянно расширяло масштаб проверок на благонадежность среди товарищей по министерству госбезопасности. За вызывающими сомнения следили. Управление кадров, по словам одного из бывших офицеров, «вело себя так, как мы себе представляли нацистское гестапо».

После крушения ГДР в архиве МГБ обнаружили шесть миллионов досье. Люди подозревали, что агенты и осведомители рядом — в учебной аудитории, на рабочем месте, в автобусе или поезде. Это действовало парализующе, как взгляд змеи. Люди боялись говорить откровенно. Угроза террора ничуть не менее эффективна, чем сам террор. Но, разумеется, немногие сознавали истинные масштабы доносительства. И лишь единицы понимали, что осведомителем может оказаться любимый человек.

Интенсивность осведомительской сети превосходила гитлеровскую: один осведомитель приходился на сто граждан Германской Демократической Республики. Стукачами были соседи, друзья и родственники. Они доносили из чувства страха

или по собственной воле, потому что были запуганы или потому что делали карьеру. Система МГБ разрушила нормальные взаимоотношения между врачом и пациентом, студентом и профессором, священнослужителем и верующим, между друзьями, соседями, иногда даже любовниками.

Министерство госбезопасности прослушивало все международные телефонные разговоры. Внутренние разговоры слушали по мере желания. Не хватало сил. Например, в Лейпциге одновременно можно было прослушивать не более тысячи номеров.

С 1963 по 1989 год правительство Федеративной Республики Германии выкупило у социалистической ГДР тридцать три тысячи человек — это были политические заключенные, диссиденты и члены их семей. Западная Германия спасала невинно осужденных. За каждого заключенного Восточный Берлин получил в среднем около ста тысяч западных марок. На продаже политзаключенных социалистический режим заработал три с половиной миллиарда полновесных западногерманских марок.

Торговать людьми — это был верх цинизма. Торговые операции такого рода свидетельствовали о полной моральной деградации социалистических вождей. Основные деньги — три миллиарда марок — осели на специальном счете генерального секретаря ЦК СЕПГ Эриха Хонеккера. Это была своего рода заначка, запас на трудные времена. Эрих Хонеккер использовал этот фонд в особых случаях. Скажем, помпезные празднества по случаю тридцатилетия ГДР обошлись ему в дополнительную тысячу заключенных, которые обрели свободу и отправились на Запад.

Руководство ГДР само сделало предложение продавать политических заключенных через молодого западноберлинского адвоката Юргена Штанге, который согласился обсудить конфиденциально этот щекотливый вопрос с властями ФРГ. Не без колебаний в Бонне согласились. Восточный Берлин предложил представить список людей, которых Бонн желал извлечь из ГДР с помощью свободно конвертируемой валюты.

Занимался этим статс-секретарь правительства ФРГ по внутригерманским отношениям. В его канцелярии собралась картотека на двенадцать тысяч восточных немцев, считавшихся политическими заключенными. Начался мучительный отбор: кого выручить первым, учитывая тяжесть наказания, состояние здоровья, семейное положение.

В Восточном Берлине больше всего боялись, что Бонн раскроет перед всем миром карты и ГДР будет опозорена. Партнером со стороны Восточной Германии выступал не

государственный чиновник, а адвокат Вольфганг Фогель, уже упоминавшийся в этой книге.

Первый список ограничивался восемью узниками. Всех внезапно переодели в обычную одежду и привели к начальнику тюрьмы, который объявил, что их освобождают. До станции метро на Фридрихштрассе недавних узников доставили на машине с частными номерами. Один из них был приговорен еще советским военным трибуналом к пожизненному заключению и просидел десять лет. Он был потрясен:

— Я никогда не думал, что обо мне кто-то вспомнит.

Возник вопрос: как будет происходить расплата? Перевести деньги на банковский счет? В Восточной Германии жаждали наличных. Решили, что деньги передаст тот же адвокат Юрген Штанге. В ноябре 1963 года они вместе со статс-секретарем приехали на станцию Лерт в Западном Берлине — без багажа, чтобы таможенники не обратили на них внимания. Перед самым отходом электрички высокий государственный чиновник сунул адвокату сверток с деньгами — триста сорок тысяч марок из федеральной казны.

Несколько минут езды, и Юрген Штанге уже в Восточном Берлине. На станции Фридрихштрассе его встретили сотрудники госбезопасности и провели в небольшую комнату. Там находились адвокат из ГДР Вольфганг Фогель и восемь взволнованных заключенных. Юрген Штанге выложил деньги на стол. Пересчитывать не стали. Через несколько минут адвокат и восемь заключенных уже ехали в электричке на Запад. Всего одна станция — и они на свободе.

Следующий список составили в восемьсот человек. На сей раз вместо наличных ГДР запросила нужные ей товары и материалы: масло, растворимый кофе, тропические фрукты, удобрения.

Власти ГДР вычеркивали из списка тех, кого не хотели отпускать. Западной Германии приходилось со всем соглашаться. Действовать по принципу «все или ничего» было нельзя. В Восточном Берлине долго не выпускали на свободу бывшего студента графа Бенедикта фон Хенсбреха, который переоборудовал мебельный фургон и вывозил на нем желающих бежать на Запад. В ГДР это считалось тяжким преступлением. Ходатайства влиятельных родственников, в частности королевы Бельгии, не помогли. Потом с отца потребовали два миллиона марок. Родителям это было не под силу, сторговались на четырехстах пятидесяти тысячах марок.

Но как переправить на Запад такую большую группу?

В 1964 году прямого авиасообщения между двумя Германиями еще не существовало. Поезд? Много нежелательных

свидетелей. Остановились на автобусе. Первый транспорт с людьми должен был отправиться 14 августа 1964 года. В последний момент позвонил адвокат Юрген Штанге и потребовал дополнительный транспорт. Выяснилось, что заключенные заработали какие-то деньги, которые нельзя было ни забрать с собой, ни обменять на западногерманские марки. Сотрудникам министерства госбезопасности пришлось в универмагах купить им какие-то вещи.

Покинуть ГДР можно было еще одним путем: оставив социалистическому государству хорошее имущество. Такова была инструкция — перед выездом граждане должны были продать или — лучше — подарить свою собственность государству. Одна супружеская пара из Лейпцига, захотев уехать, обратилась к адвокату Вольфгангу Фогелю.

— У вас есть хороший земельный участок, — мгновенно сообразил он. — Я думаю, все будет в порядке.

Скоро к ним пришел покупатель, назвавшийся сотрудником народного предприятия «Роботрон», и предложил за участок балансовую стоимость — десять тысяч триста марок. Это были копейки, но супружеская пара все правильно поняла и согласилась. Через полгода семья перебралась в ФРГ. Человек из «Роботрона» был на самом деле сотрудником МГБ. Он зарегистрировался в качестве владельца участка и домика, который использовался госбезопасностью в оперативных целях.

Для адвоката Фогеля, чья канцелярия оформила двести тысяч выездов из ГДР, сделка «недвижимость в обмен на загранпаспорт» была обычной. Уезжавших заставляли продавать дома и имущество за бесценок. Когда Вольфганг Фогель появлялся во втором главном управлении министерства внутренних дел, которое оформляло выезд, и упоминал о наличии большого земельного участка, он понимал, что это дело пойдет значительно быстрее.

Помимо торговли заключенными между двумя Германиями возникла разветвленная сеть отношений — экономических, политических, личных, межпартийных, о чем они советским товарищам не говорили. Это был высший секрет ГДР.

Началось с незаконных операций для получения вожделенной твердой валюты.

Занимался этим похожий на быка и весящий около центнера (в молодости он увлекался спортивной борьбой) статс-секретарь министерства внешней торговли ГДР и по совместительству полковник госбезопасности Александр Шальк-Голодковский. Он обеспечивал иностранной валютой партийное руководство СЕПГ и проворачивал с ФРГ миллионные сделки.

Александр Шальк-Голодковский был человеком с большими амбициями, и на него обратили внимание офицеры главного разведывательного управления министерства госбезопасности. Они вместе выдвинули идею, которая страшно понравилась начальству.

«Я считаю вполне реальным, — докладывал Шальк, — заработать три-четыре миллиона западных марок уже в следующем году, если будут даны соответствующие полномочия от министерства внешней торговли и министерства государственной безопасности. Эта помощь и поддержка необходимы, потому что ряд операций, таких как нелегальные перевозки товаров и страховые манипуляции, должны проводиться узким кругом людей».

Шальк предложил ввести в состав таможенной службы замаскированных сотрудников госбезопасности — «офицеров по особым поручениям», которые обеспечивали бы секретность подобных операций, а также выискивать среди западных партнеров людей, согласных пойти на незаконные операции.

Идея понравилась. Для него в министерстве внешней торговли создали специальную структуру — отдел коммерческой координации. В начале 1967 года Шальк был утвержден на эту должность решением секретариата ЦК и распоряжением Президиума Совета министров. Фактически он был возведен в ранг заместителя министра. Одновременно он был аттестован как «офицер по особым поручениям» МГБ, и ему присвоили звание подполковника.

Во время Лейпцигской ярмарки, служившей важнейшей площадкой для установления разнообразных контактов с Западом, к Шальку обратился Хорст Крумке, западноберлинский оптовый торговец мясом. Он спросил, нет ли желания познакомиться с сенатором Западного Берлина по экономике Карлом Кенигом.

Впервые они встретились в последних числах мая 1967 года. Социал-демократ Карл Кениг сидел при нацистах в тюрьме, участвовал в Сопротивлении. В Восточном Берлине решили, что это удачная кандидатура для тайных контактов. «Мы оба берлинцы, — докладывал Шальк, — и, разумеется, довольно скоро нашли общий язык».

Обо всех переговорах Шальк писал отчеты для политбюро. Сенатор Кениг сказал Шальку, что о переговорах поставил в известность только видного деятеля Социал-демократической партии Герберта Венера, и просил держать все в секрете.

Герберт Венер — бывший коммунист, он перешел в ряды социал-демократов, поэтому публично его называли предателем.

Но именно с ним Восточный Берлин вел тайные игры. В тридцатых годах он, как и другие немецкие коммунисты-эмигранты, жил в Москве. По требованию НКВД, опять же как и другие, писал на товарищей по компартии доносы. В 1967 году председатель КГБ Владимир Ефимович Семичастный передал их коллегам из МГБ ГДР. Отношениями с Венером, видной фигурой в правлении Социал-демократической партии, ведала разведка ГДР.

В 1966 году Герберт Венер занял в правительстве Федеративной Республики ключевую позицию — стал министром по общегерманским вопросам. Отныне посланцы ГДР встречались с ним при соблюдении всех правил конспирации.

«Министр госбезопасности Мильке сам редактировал сообщения о беседах с Венером для Хонеккера, — не без раздражения вспоминал начальник восточногерманской разведки Маркус Вольф. — Вряд ли что-либо другое было окружено в ГДР большей тайной, чем эти сообщения. Кроме трех экземпляров, предназначавшихся для Хонеккера, Мильке и меня, имелась еще одна специально отредактированная и подвергнутая цензуре версия протоколов, которая шла советским партнерам».

В советской колонии в Восточном Берлине отчаянно завидовали черному «мерседесу» Шальк-Голодковского, который свободно пересекал границу с ФРГ, закрытую для других. Шальк занимал совершенно особое место в восточноберлинской иерархии. В столице ГДР было немало людей выше его по положению, но только он один мог беспрепятственно наслаждаться всеми благами капитализма. Шальк зарабатывал для ГДР валюту — любыми путями.

В штаб-квартире Шальк-Голодковского на Вальштрассе, дом 9, хранились миллионы западногерманских марок и американских долларов. Деньги выплачивались и принимались без квитанций и без подписи. Сам Шальк за один год получил полтора миллиона марок и истратил их, не представив никаких оправдательных документов. Курьеры Шалька циркулировали между Западным и Восточным Берлином, привозя все, что требовалось самому Шальку и обитателям поселка членов политбюро Вандлиц под Берлином. Поселок восточные немцы называли «Домом престарелых» (из-за преклонного возраста членов политбюро) и «Вольвоградом», поскольку руководство ГДР предпочитало лимузины этой марки.

Свободно конвертируемая валюта большей частью шла на удовлетворение заказов «Дома престарелых в Вандлице». Виллы и дачи для начальства оснащались с помощью конторы Шалька импортной техникой. Сами дачи строились на деньги, которые

выделялись министерству строительства на экспериментальные работы и научные разработки. Другим представителям элиты тоже кое-что доставалось: машины, цветные телевизоры, видеоаппаратура, вещи, ювелирные изделия.

Шальк закупал импортные автомобили, распределением которых ведал его заместитель Манфред Зайдель. Деньги брались из фонда, образуемого за счет поступлений от продажи политических заключенных. Обычные граждане ГДР стояли в очереди за отечественной машиной «трабант» десять с лишним лет.

Покровитель Шалька — секретарь ЦК СЕПГ по экономике Гюнтер Миттаг попросил генсека Хонеккера «в знак признания чрезвычайных заслуг в деле всемерного укрепления Германской Демократической Республики передать в качестве подарка товарищу Александру Шальк-Голодковскому дачный дом из готовых строительных блоков импортного производства».

Александр Шальк-Голодковский занимался по поручению политбюро всеми незаконными операциями, приносившими выгоду. Он создал внешнеторговую фирму «Имес импорт-экспорт ГмбХ», занявшуюся торговлей оружием. В 1984 году задерживалась поставка автоматического оружия одному африканскому торговцу. Шальк отправил в Африку все автоматы Калашникова, которые были на вооружении охранного полка МГБ имени Дзержинского. На несколько недель полк остался без оружия.

Шальк перепродавал западноевропейское оружие арабским государствам и террористическим группам. Контроль за этими операциями осуществляли сотрудники 18-го (обеспечение народного хозяйства) и 22-го (борьба с терроризмом) управлений министерства госбезопасности ГДР.

Благодаря своим связям с западногерманским финансово-промышленным миром Шальк помог президенту Ирака Саддаму Хусейну, когда тот решил вооружить свою армию ракетным оружием — нашел компании, готовые продать Ираку необходимые чертежи и комплектующие. ГДР действовала отнюдь не только в силу антиимпериалистической солидарности. Хусейн выделил на эту сделку восемнадцать с половиной миллионов западногерманских марок. Шальк-Гол од ковский сразу решил, что из этих денег западногерманские фирмы получат только три миллиона. Остальные пошли немецким чекистам.

Шальк когда-то писал в своей диссертации: «Наш классовый долг состоит в том, чтобы с помощью всех имеющихся в нашем распоряжении средств легальной и нелегальной борьбы использовать имеющиеся у противника финансовые и

материальные средства для развития ключевых отраслей промышленности ГДР».

Он получал деньги за переданных в ФРГ политических заключенных, торговал оружием и пускал получаемые в Бонне кредиты в оборот. Он делал это с тайного согласия западногерманских властей. Голодковский опасался не следователей прокуратуры ФРГ, а советских разведчиков, которые тщетно пытались разузнать подробнее о его деятельности.

Во всех странах, кроме социалистических, советская разведка располагала легальной и нелегальной резидентурами. В соцстранах находились официальные представительства КГБ, в их штат включались разведывательные отделы, но они должны были вести работу не против братского государства, а совместно с ним — против Запада. О положении внутри страны работников КГБ должны были информировать местные чекисты. В семидесятых годах этого стало недостаточно.

Министр госбезопасности Эрих Мильке и его аппарат покровительственно разговаривали с сотрудниками представительства КГБ, которые постоянно что-то выпрашивали у восточных немцев — от орденов для московского начальства до приглашений на бесплатный отдых.

Восточные немцы свели к минимуму сообщения о своих секретных операциях и стали заниматься деятельностью, которую они хотели бы утаить прежде всего от советских друзей. А Москва желала знать то, что от нее пытались скрыть. Поэтому в социалистических странах создали разведывательные подразделения, о которых друзьям ничего не рассказывали. Андропов распорядился перевести на это направление лучших работников первого главного управления КГБ. Им приходилось действовать в крайне трудных условиях.

В западной стране разоблачение разведчика, в конце концов, опасно только для него самого — его могут посадить в тюрьму. В социалистическом государстве разведчику ничего особенного не угрожало, но скандал достигал уровня политбюро.

Восточные немцы реагировали довольно жестко. Известны случаи, когда Восточный Берлин заставлял возвращать в Москву наиболее активных сотрудников разведки. Однажды немецкая полиция задержала офицера из представительства КГБ. Руководитель представительства генерал Анатолий Иванович Лазарев пожаловался на Хонеккера в Москву, но проиграл, потому что Хонеккер сам пожаловался на него, и генерала отозвали.

Советская разведка чувствовала, что за сделками Шалька-Голодковского прослеживается опасная для Москвы политическая

линия. Видные западные немцы из числа самых последовательных антикоммунистов, например премьер-министр Баварии Франц Йозеф Штраус, охотно содействовали Шальку — просто потому, что немцы должны помогать немцам.

До 1968 года в Западной Германии в научных и правительственных изданиях вместо ГДР писали «советская оккупационная зона». В конце шестидесятых западные немцы решили, что ГДР будет существовать долго, если не всегда. Некоторые западные немцы считали, что у восточных братьев есть чему поучиться: Восточная Германия лучше хранит немецкие традиции, чем американизировавшаяся ФРГ, и вообще ГДР — бедная, но счастливая страна, где отношения между людьми более теплые, сердечные. Так что надо давать восточным немцам деньги уже сейчас, не дожидаясь объединения, рассуждали они. Чем лучше будут жить восточные немцы, тем с большим презрением станут относиться к социалистическому блоку.

Тщательно скрываемое ощущение общегерманской общности, которое стало проявляться в высших эшелонах ГДР, более всего и тревожило Москву.

«В 1983 году, — рассказывал Шальк, — я познакомился с Францем Йозефом Штраусом. Его курьер передавал мне списки политических заключенных, которые должны быть выпущены на свободу, или фамилии граждан ГДР, которые хотели воссоединиться со своими семьями в ФРГ. Письма были в запечатанных конвертах.

Диаконическая служба Штутгарта была уполномочена заключать товарные соглашения. После освобождения людей я или мой заместитель получали сообщение от Диаконической службы, что к ним поступил кредит от федерального правительства на такую-то сумму и в этих пределах может быть заключено соглашение о приобретении нужных ГДР товаров».

Александр Шальк-Гол од ковский получил повышение — его сделали статс-секретарем министерства внешней торговли, произвели в полковники. Они с женой Зигрид всегда были желанными гостями в ФРГ. Шалька встречали на границе и везли к Францу Йозефу Штраусу. Влиятельнейший политик из Баварии последовательно заботился о соотечественниках по ту сторону железного занавеса. Он добился выделения в 1983 году миллиардного кредита для ГДР.

Эрих Хонеккер был лучшим учеником в марксистском классе. Нигде реальный социализм не был таким успешным, как в ГДР, — но за счет советской помощи и денег ФРГ. Прежде всего это видела партийно-государственная элита. 24 февраля 1984 года в посольство ФРГ в Чехословакии обратились близкие

родственники члена политбюро ЦК СЕПГ Вилли Штофа. Его племянница Ингрид Брег вместе с мужем, двумя детьми и свекровью хотели бежать на Запад. После долгих переговоров договорились, что они вернутся в ГДР и там получат разрешение на выезд. 1 марта семья вернулась домой, а 20 марта уже прибыла в лагерь для беженцев в Западной Германии.

На прогулке министр госбезопасности ГДР Эрих Мильке иногда пускался в откровенность с сыном. Он говорил о своем разочаровании, о том, что граждане социалистического государства бегут на Запад, о тяжком положении в экономике:

— Посмотри на руководителей производства на Западе. Как они держат в руках свои концерны! И какую прибыль приносят! Разве наши так не могут? Что они, глупее? Нет, все дело в том, что мы не даем им возможности добиться той же производительности труда. Но я ничего не могу изменить!

Однажды он сказал членам политбюро:

— Если вы не примете всерьез то, что я вам сейчас сказал, не знаю, долго ли еще просуществует ГДР.

Никто не понял, шутит Мильке или нет.

Один из лучших знатоков немецкого языка Александр Яковлевич Богомолов, который попеременно работал то в аппарате ЦК КПСС, то в посольстве в Восточном Берлине, считал, что Эрих Хонеккер никогда не был другом Советского Союза.

— Никто на Западе не знает, как живут советские люди, — говорил Хонеккер своим помощникам. — И всем наплевать, как они живут, а мы на виду, на стыке социализма и капитализма. Поэтому СССР обязан нам помогать.

Летом руководителей социалистических стран собирали в Крыму. Многие первые секретари жаждали пообщаться с советскими вождями для поднятия авторитета. Но не хозяин Восточной Германии, считавший себя политиком более крупного уровня. В своем кругу тщеславный Хонеккер презрительно замечал:

— Зачем мне ездить в Крым, где я должен выслушивать какие-то лекции?

В Москве изо всех сил пытались помешать прямым и неконтролируемым контактам двух Германий. Летом 1984 года генеральный секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии Эрих Хонеккер собрался в ФРГ. Советские руководители возражали: не время. Это была настоящая ссора между вождями двух соцстран.

Делегация во главе с Хонеккером тайно прилетела в Москву. Вразумлять немцев взялись генеральный секретарь Константин Устинович Черненко, второй человек в партии Михаил Сергеевич

Горбачев, министр обороны Дмитрий Федорович Устинов и секретарь ЦК по соцстранам Константин Викторович Русаков.

22 августа 1984 года заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС Анатолий Сергеевич Черняев, прочитав стенограмму беседы, записал в дневнике: «Выламывание рук: рановато немцы решили, что они уже не вассалы, а партнеры. И обещания не ехать в Бонн не дали…»

После отъезда немцев заседало политбюро.

«Обсуждалась информация для партактива о «германо-германском казусе», — записал в дневнике Черняев. — Секретарь ЦК Зимянин попытался смягчить формулировки. Но на него насели, особенно министр обороны Устинов. Логика такая: не только Хонеккер, но и Кадар, и Живков, и даже чехи «паршиво» себя ведут. Мы, мол, твердим, что ситуация все ухудшается из-за «Першингов» в Европе, а они как ни в чем не бывало обнимаются и с ФРГ, и с Италией, и с Англией. Мы же интеллигентничаем, боимся им прямо сказать… а мы имеем право им сказать, что так не пойдет.

Устинова поддержал председатель КГБ Чебриков, на пятьдесят процентов Горбачев, и всё, за исключением одной фразы, было оставлено, как предложено. Смысл: мы, мол, еще в июне, в беседе Черненко с Хонеккером, сказали, что в Бонн ехать не надо, а нас не слушают и продолжают готовить визит…»

Зависимость от СССР ослабла. Советский Союз по-прежнему боялись, но видели, что он мало что может дать. Соревнование с Западом было проиграно.

Советский Союз щедро снабжал нефтью Восточную Европу. Западные экономисты фиксировали: советская экономика не характеризуется эффективностью и, вероятно, теряет впустую большое количество энергоносителей. Из-за роста внутреннего спроса Советский Союз вынужден был уменьшить поставки, что усугубило серьезные экономические проблемы социалистических стран.

В ходе холодной войны выиграли страны, минимально тратившиеся на военные нужды. Советский Союз, который ориентировал экономику на оборону, пострадал больше всех. В стране нарастало глухое раздражение. Некоторые продукты исчезли вовсе. В городах вводили талоны на мясо и масло. Все становилось дефицитом. Экономика возвращалась к средневековому прямому обмену товарами и услугами.

В начале XX века ожидаемая продолжительность жизни в России была на пятнадцать лет меньше, чем в Соединенных Штатах. При Хрущеве произошел столь быстрый подъем продолжительности жизни, что разрыв с Соединенными Штатами

был почти полностью ликвидирован. Однако при Брежневе началось снижение продолжительности жизни у мужчин, и разрыв быстро нарастал. Модернизация экономики не происходила. Политическое руководство — клуб пенсионеров — не соответствовало потребностям страны.

Очевидно было и разочарование советским опытом среди братских социалистических стран, которые не хотели жить так же плохо, как и старший советский брат. Советский опыт перестал быть привлекательным для мирового коммунистического движения. Генеральный секретарь ЦК компартии Италии Энрико Берлингуэр выразился так:

— Импульс Октябрьской революции иссяк.

Эту же мысль руководство итальянской компартии сформулировало и на бумаге: «Фаза социализма, которая началась с Октябрьской революции, исчерпала свою движущую силу».

Социалистический лагерь во главе с Советским Союзом шел к упадку.

В холодную войну великие державы защищали свои империи любыми средствами, отвергая обвинения в лицемерии. Но когда началась эра телевидения, великие державы оказались под пристальным и пристрастным наблюдением мирового общественного мнения, от которого и США, и СССР зависели. Обе державы прикладывали большие усилия, чтобы склонить общественное мнение на свою сторону.

Диссидентское движение в социалистическом лагере изменило моральный климат в мире. Поражение, которое Соединенные Штаты потерпели во Вьетнаме, уступило место возмущению тем, что происходило внутри Советского Союза. В мировом общественном мнении СССР превратился в архипелаг ГУЛАГ, в страну лагерей, которую новый американский президент Рональд Рейган назвал «империей зла».

Настроения менялись довольно быстро. В феврале 1977 года президент Франции Валери Жискар д'Эстен отказался принять в Елисейском дворце советского диссидента Андрея Амальрика и публично осудить преследования по политическим мотивам в Советском Союзе. А уже через год, в мае 1978 года, министерство иностранных дел Франции выразило официальный протест против судебного приговора, вынесенного в Советском Союзе физику-диссиденту Юрию Орлову. Через месяц последовало еще одно заявление Парижа о нарушении прав человека, которые «не могут не вызывать глубокого беспокойства».

Холодная война была не только столкновением супердержав, повторением того, что происходило и прежде. Это была война

идей. Социалистический лагерь не смог сохранить власть над умами. Ядерное оружие в советских арсеналах создавало лишь иллюзию власти и успеха. Лес ракет и танковые армады затмевали все и мешали видеть истинное положение дел.

Польская интрига

В начале восьмидесятых Польша превратилась в еще одно поле битвы холодной войны. Американский философ польского происхождения профессор Анджей Валицкий отмечает, что период господства подлинного тоталитаризма в Польше был недолгим. Польская Народная Республика была создана для строительства коммунизма, однако «она плохо справилась с этой задачей». Поляки чаще других восточноевропейских народов восставали против социалистической власти.

В декабре 1956 года тысячи людей собрались перед зданием городского милицейского управления в Познани и потребовали отпустить двух лидеров рабочего совета, арестованных накануне. Рабочие советы по всей стране поднимали восстание против коммунистов, что было особенно обидно для партии, называвшей себя рабочей. Во время демонстрации в Познани кто-то выстрелил и бросил учебную гранату в сторону советских солдат, которые стояли рядом. Через минуту на площади начался настоящий ад. Официально было убито сорок шесть человек. По словам свидетелей, большинство погибло от осколков гранат, которыми забросали площадь советские солдаты.

17 декабря 1970 года милиция и солдаты открыли огонь при подавлении забастовки рабочих Гданьской судоверфи имени В.И. Ленина. Сорок четыре человека погибли, больше тысячи получили ранения. В тот день стреляли в демонстрантов сразу в нескольких городах — поляки протестовали против тридцатипроцентного повышения цен на продовольствие, строительные материалы и мебель. Повышение цен накануне Рождества вызвало особое возмущение поляков.

После этой трагедии, 20 декабря 1970 года, Владиславу Гомулке пришлось уйти с поста первого секретаря ЦК Польской объединенной рабочей партии. Его сменил Эдвард Терек, который пытался сделать жизнь в стране лучше. Но социалистическая экономика для этого плохо приспособлена. Он набрал кредитов на Западе. Наступил момент, когда их надо было отдавать.

Генерал Виталий Григорьевич Павлов в решающие для Польши годы — с 1973 по 1984 год — возглавлял представительство КГБ СССР в Варшаве. Павлов перед войной окончил в Омске автодорожный институт и Школу особого назначения НКВД в Москве. В 1943 году отправился в первую загранкомандировку — в Канаду. Он был резидентом политической разведки, когда бежал шифровальщик Игорь Гузенко. Виталию Павлову эта история не повредила, поскольку

это был провал военной разведки.

Когда генерал-лейтенант Павлов вышел на пенсию, он довольно много рассказывал мне о польских событиях.

«Уверенность советского руководства в том, что в Польше и в партии все в порядке, была абсолютной, — вспоминал генерал Павлов. — Из посольства в ЦК КПСС шла успокаивающая информация. Тревожным прогнозам представительства КГБ не желали верить. Докладывая председателю КГБ о назревавших неприятностях в Польше из-за позиций Терека, я получил от Андропова резкую отповедь:

— Терека не трогайте. Мы знаем его как хорошего коммуниста, и не смейте его критиковать!

Когда я прибыл в Варшаву, мне открылось то, о чем до этого имел весьма смутное представление по скудным материалам, имевшимся в центре: внутренние интриги, борьба за первое место. Многие из известных мне деятелей социалистической Польши поражали своей ограниченностью, убожеством, узостью кругозора, отсутствием способностей, избытком амбиций и притязаний.

Посол СССР в Польше принципиально общался только с Эдвардом Тереком и его сторонниками. Целый спектр политической жизни, люди, критически относившиеся к отдельным сторонам политики первого секретаря, выпадали из поля зрения посольства.

Самым удачливым участником соревнования за первое место в жизни страны был генерал Войцех Ярузельский. На примере политической карьеры Ярузельского я увидел все сложности пребывания человека на высших постах, его постоянную уязвимость и, как следствие, необходимость бдительности, маневров с тем, чтобы нейтрализовать появляющиеся опасности и претендентов на свое место, а также завоевывать новых друзей, партнеров и сторонников.

Советские военные полагали, что ему не хватает решительности. Для Ярузельского была характерна исключительная осмотрительность, взвешенность, скупость реакций, осторожность, порой создававшая ложное впечатление о его нерешительности и колебаниях. Как говорят в народе, на рожон он никогда не лез».

14 августа 1980 года на гданьской судостроительной верфи началась забастовка из-за того, что уволили раздражавших начальство Анну Валентинович и Леха Валенсу. 15 августа забастовка распространилась на другие предприятия. В ночь на 17 августа образовался межзаводской забастовочный комитет, председателем избрали электрика Леха Валенсу. Бастующие

бригады потребовали создания независимых профсоюзов.

Забастовка оказалась для города важнейшим событием. У ворот собирались толпы, забастовщикам приносили еду, одеяла, лекарства. Приходили врачи, священники служили мессу. Вспыхнула забастовка и в Щецине.

Властям пришлось вступить в переговоры с забастовавшими рабочими на судоверфях Щецина и Гданьска. Правительственные комиссии возглавили заместители председателя Совета министров Польши. После подписания 31 августа соглашения с рабочими в Гданьске возник первый в социалистическом лагере свободный профсоюз «Солидарность». Его право на существование подтвердил в ноябре суд.

«Солидарность» — это был не просто профсоюз. Он сразу превратился в широкое социальное движение. Руководитель партии Эдвард Герек не сумел этого предотвратить. 6 сентября Терек вынужден был уйти с поста первого секретаря.

Перед уходом Герек пытался убедить члена политбюро и секретаря ЦК Станислава Каню в необходимости обратиться к Москве с просьбой ввести войска для «наведения порядка». Герек же рекомендовал на свое место Стефана Ольшовского, считавшегося сторонником твердой линии.

«Член политбюро Ольшовский, — рассказывал генерал Павлов, — сам активно за себя лоббировал, не стесняясь утверждать, будто его «поддерживают советские и другие союзники». Он ссылался на телефонный разговор с послом СССР в ГДР Петром Абрасимовым, а также с самим Эрихом Хонеккером. Хонеккер якобы заявил, что он и «другие союзники» считают Ольшовского самой подходящей кандидатурой, и уже пожелал ему успеха.

На самом деле Ольшовский вызывал большие сомнения в Москве. Андропов через министра внутренних дел Польши Чеслава Кищака передал Ярузельскому: никакой поддержки Ольшовскому не оказывалось и оказываться не будет. Что касается звонка посла Абрасимова, то ему уже объяснили, что не надо вмешиваться в чужие дела.

Ольшовский вовсе не был нашим другом. Я знал, что на одном из заседаний польского руководства кто-то заметил:

— Если мы не решимся пресечь действия распоясавшихся экстремистов, то кончится тем, что нас всех эти экстремисты повесят на телеграфных столбах.

И тут Ольшовский бросил реплику:

— Или в Польшу придут советские войска, и мы опять-таки окажемся на тех же столбах».

Кресло первого секретаря ЦК в Варшаве занял Станислав

Каня, несмотря на очевидную скромность его талантов. Именно тогда распространилась сомнительная шутка: «Лучше Каня, чем Ваня». Лучше сделать приятное Москве и терпеть слабую фигуру, чем вызвать недовольство советского старшего брата.

На события в католической Польше, где костел играет такую важную роль, сильно повлияло избрание папой римским поляка Кароля Войтылы.

Предшественник Иоанна Павла II — Иоанн Павел I, он же венецианский кардинал Альбино Лучани, провел на ватиканском троне всего тридцать три дня. Казавшийся крепким, здоровым человеком, папа скоропостижно скончался во сне. По официальной версии, от инфаркта миокарда. В Ватикане поговаривали, что он был отравлен.

Когда 16 октября 1978 года в Ватикане кардинал Феличи объявил: «Мы обрели папу!» — за пределами Польши имя кардинала Войтылы, который стал главой католической церкви, мало было известно.

В контексте холодной войны появление папы-поляка было большой неприятностью для социалистического лагеря. Он был наделен талантом влиять на аудиторию, притягивать к себе людей. Ни одному из его предшественников не удавалось столь эффектно использовать телевидение. В Москве и других восточноевропейских столицах с тревогой наблюдали за тем, как восторженно встречали поляки Иоанна Павла II.

15 января 1981 года папа принял в Ватикане вождя «Солидарности» Леха Валенсу.

13 мая, в день явления Богородицы, турок Мехмет Али Агджа дважды стрелял в папу Иоанна Павла II, который вышел к верующим, собравшимся на площади Святого Петра. Папа был ранен, но пуля прошла рядом с аортой, и он выжил.

Так и не удалось выяснить, почему Агджа стрелял в Иоанна Павла II, был ли убийца одиночкой, или ему кто-то помогал? Американцы утверждали, что покушение устроили советская и болгарская спецслужбы: хотели избавиться от папы-поляка, поддержавшего польский профсоюз «Солидарность».

Без избрания кардинала Войтылы на Святой престол «Солидарность» едва ли была бы возможна. Это был вызов системе. Рабочие отстаивали не только право на забастовки, но и требовали транслировать по воскресеньям католическую проповедь по радио. Стало ясно, что социалистической Польша остается только внешне.

К рабочим присоединились представители интеллигенции, которые видели, что «Солидарность» возвращает то, чего они были лишены: свободу выражения и действия.

Среди них был будущий премьер-министр Польши Тадеуш Мазовецкий, юрист по образованию, один из основателей клуба католической интеллигенции. Долгие годы Мазовецкий редактировал католический журнал «Вензь». Мазовецкий не был сторонником резких высказываний, но упорно отстаивал свои статьи, сражался с цензурой, несмотря на постоянные угрозы закрыть журнал. Он пришел к Валенсе, когда в Гданьске рабочие заняли судостроительную верфь, и остался с ним.

Специалист по средневековой истории Франции и Польши, выпускник Сорбонны Бронислав Геремек был советником Валенсы с первых дней «Солидарности». Геремек стал работать среди польских рабочих, хотя еще долгое время пытался совмещать научную деятельность с политикой.

— Когда мы познакомились с Валенсой в 1979 году, я был в восхищении, — рассказывал мне еще один советник «Солидарности» журналист Адам Михник. — Это был сон большевика, прекрасный сон — настоящий рабочий поднимает восстание против этого режима! Я из коммунистической семьи. Мой отец был членом ЦК распущенной Сталиным компартии Западной Украины, моя мать вступила в Польскую объединенную рабочую партию. В юности я был идеалистом, я думал, что общество можно реформировать. Меня всегда спрашивают: почему ты был такой храбрый, почему ты не боялся, когда все боялись? Если бы в юности я мог предположить, что система будет двадцать пять лет меня травить, давить, сажать в тюрьму, еще не известно, решился ли бы я на борьбу… Конец моему идеализму пришел в августе 1968 года, когда советские войска были введены в Чехословакию. Я понял, что в государстве, где у власти бандиты, реформировать нечего. Мы испытали вкус победы в августе 1980 года, когда создали «Солидарность» и заставили власти считаться с нами. Мы вышли из тьмы, избавились от чувства униженности и почувствовали себя нормальными людьми. Раньше власти с нами не разговаривали. Они называли нас агентами ЦРУ, и я тогда думал: они идиоты, да с ними просто невозможно иметь дело…

Власти пришлось подписать соглашение с руководством профсоюза, предоставив «Солидарности» официальный статус. Соглашение подписывалось на глазах всей страны, под объективами телевизионных камер. Когда настала очередь Леха Валенсы ставить подпись, он достал яркую сувенирную ручку, оставшуюся от визита в Польшу папы Иоанна Павла II, величиной с морковку. Взъерошенный электрик являл контраст с надутой важностью партийных чиновников, которым пришлось сесть с ним за один стол.

Ясно было, что, если реформы в Польше будут продолжаться, бациллы демократии распространятся на другие социалистические страны.

— Для Москвы и советского блока, — говорил коллегам западно-германский министр иностранных дел Ганс Дитрих Геншер, — это самая драматическая ситуация, с которой когда-либо им приходилось сталкиваться, в большей мере драматическая, нежели отход Югославии и даже раскол с Китаем.

Западные политики не сомневались, что Москва сокрушит «Солидарность». Вопрос состоял в том, когда это произойдет и с какой степенью жестокости. В марте 1981 года сотрудники госбезопасности стали расправляться с активистами профсоюза. Первой жертвой стали трое представителей крестьянской «Солидарности».

Власть пугало то, что в профсоюз вступало все больше членов партии. Забастовки приобретали политический характер — рабочие требовали свободы печати и честных выборов.

«При каждой встрече с министром Громыко и послом Добрыниным, — вспоминал государственный секретарь Соединенных Штатов Александр Хейг, — я постоянно подчеркивал, что всякая надежда на прогресс в решении любого вопроса, затрагивающего наши две страны, зависит от поведения Советов в отношении Польши».

— Мы не будем вмешиваться, — обещал Хейг советскому послу в Вашингтоне Анатолию Добрынину в начале весны 1981 года, — и хотим, чтобы все поступали таким же образом.

Помощь «Солидарности» шла через частные каналы. В основном этим занимались религиозные организации и профсоюзы, в первую очередь американские.

23 сентября 1981 года в Нью-Йорке Хейг беседовал с Громыко и повторил:

— Любое вмешательство извне во внутренние дела польского народа будет иметь серьезные последствия применительно ко всему, о чем мы говорили и чего мы надеемся достичь.

Громыко не ответил.

Польша в 1981 году была близка к банкротству. Варшаве, которая набрала иностранных займов, предстояло вернуть двенадцать миллиардов долларов. Министерство финансов Польши не могло заплатить и половины. Импорт упал, и в стране ощущалась нехватка продовольствия. Забастовки привели к сокращению промышленного производства. Без финансовой помощи Запада полякам было не обойтись.

«Что делать или делать ли что-то вообще? — записывал в дневнике новый президент Соединенных Штатов Рональд

Рейган. — Это первый прорыв в красном королевстве — Польша отходит от советского коммунизма. При этом ее экономика в беде. Можем ли мы позволить, чтобы Польша потерпела катастрофу? Я не могу представить себе, что мы станем помогать правительству деньгами, но я за то, чтобы отправить продовольствие польскому народу».

В Москве тоже готовились оказать помощь Польше — другого рода. Комиссия политбюро попросила у генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева разрешения «на случай оказания военной помощи Польской Народной Республике» привести в полную боевую готовность три танковые дивизии и одну мотострелковую. Из запаса предлагалось призвать сто тысяч военнообязанных.

«При дальнейшем обострении обстановки в Польше, — говорилось в записке, — потребуется доукомплектовать также дивизии постоянной готовности Прибалтийского, Белорусского, Прикарпатского военного округов до штатов военного времени, а при выступлении на стороне контрреволюционных сил основных сил Войска Польского увеличить группировку наших войск еще на пять — семь дивизий».

Леонид Ильич Брежнев не подписал бумагу, сказал: повременим. Он хотел, чтобы поляки сами навели порядок у себя дома. В феврале 1981 года Войцех Ярузельский согласился возглавить правительство. Образовался тандем Каня — Ярузельский. 27 марта первый секретарь ЦК Каня и глава правительства Ярузельский подписали «Основные соображения по введению военного положения».

3 апреля 1981 года американская разведка зафиксировала, что вокруг территории Польши происходит передвижение советских войск. Двенадцать советских дивизий, постоянно дислоцировавшихся на территории страны, приведены в состояние повышенной боевой готовности, а советские самолеты уходят от наблюдения польских радаров, залетая в воздушное пространство Польши на малой высоте.

В оперативном центре Государственного департамента американские дипломаты задавались вопросом: советские войска уже входят в Польшу или это меры запугивания? В конце казавшегося очень длинным дня, вспоминал госсекретарь Хейг, создалось впечатление, что активность советских войск пошла на убыль. Какими бы ни были намерения Москвы, в ту пятницу вторжение в Польшу не намечалось.

14 августа 1981 года Брежнев принял в Крыму Каню и Ярузельского, сказал им:

— Надежда защитить социализм путем переговоров, без

использования всех возможностей власти, вплоть до арестов — иллюзия… Не требует ли нынешняя обстановка введения военного положения?

Но Станислав Каня ничего не смог или не захотел сделать, и ему пришлось уйти. 18 октября на внеочередном четвертом пленуме ЦК ПОРП Ярузельский был избран первым секретарем ЦК ПОРП. Он сохранил посты премьера и министра обороны. Вся власть концентрировалась в руках одного человека.

«Главное в характере Ярузельского, — считал генерал Павлов, — состояло в нетипичной для эмоциональных поляков внутренней сдержанности, скупости эмоций. Выражение его лица было всегда одинаково бесстрастным. Когда мы впервые встретились, ему было пятьдесят лет, но он выглядел значительно моложе. Гладкие, розовые, слегка припухшие, почти детские щеки. И в шестьдесят лет он почти не изменился, разве что залысины превратились в настоящую лысину. Но при прежней сдержанности в выражении лица, в скупых жестах стала ощущаться солидность, значительность».

Теперь Ярузельскому предстояло решать, что делать. 19 октября его поздравил Брежнев и обещал помощь и поддержку. А экономическая ситуация в стране ухудшалась.

Западные немцы снизили оплату наличными поставок продовольствия в Польшу с пятнадцати процентов до пяти. Но поляки не могли выплачивать и таких сумм. Французы снизили оплату наличными до нуля и направляли Польше мясо, зерно, сахар, растительное масло. В конце августа Соединенные Штаты и Европа предоставили Польше кредиты, чтобы она могла расплатиться по долгам. В Вашингтоне рассчитывали, что полтора миллиарда добавит Советский Союз, но Москва денег не дала. Тогда Польше вообще позволили на четыре года отложить выплату долгов.

Став хозяином страны, Ярузельский медлил, не спешил давить «Сол ид арность».

Польское руководство раскололось. Одни требовали уничтожить «Солидарность», а несколько генералов предложили Москве организовать смещение Ярузельского. Другие не хотели выступать против собственного народа и предупреждали, что в случае вмешательства Советской армии выступят против нее с оружием в руках.

Ярузельского подозревали в том, что он ведет двойную игру. Он сделал своим заместителем в правительстве редактора либерального еженедельника «Политика» Мечислава Раковского, который вел переговоры с «Солидарностью» и был противником жестких мер. В советском посольстве в Варшаве он был в черном

списке, как и секретарь ЦУ ПОРП Казимеж Барчиковский, который жаловался друзьям, что за ним следят офицеры госбезопасности.

В начале ноября Ярузельский два часа беседовал с главой Польской католической церкви архиепископом Юзефом Глемпом и Лехом Валенсой, обсуждая идею фронта национального согласия. Ни о чем не договорились.

5 декабря 1981 года Ярузельский сказал на политбюро, что деваться некуда: после тридцати шести лет народной власти в Польше не остается ничего иного, кроме как применить полицейские меры против рабочего класса. Он опасался церкви, говорил: если архиепископ Юзеф Глемп выступит против введения военного положения, он превратится во второго Хомейни и власть не удержать.

Нерешительность Ярузельского беспокоила Москву. 10 декабря ситуация в Польше обсуждалась на заседании политбюро ЦК КПСС: «Из того, что говорит Ярузельский, ясно следует, что он нас водит за нос… Из переговоров с Ярузельским следует, что они не имеют твердого решения о введении военного положения… Ярузельский заявляет: «Мы примем решение об операции «Х» тогда, когда ее нам навяжет «Солидарность». Это очень опасный симптом… Похоже, что Ярузельский либо скрывает от своих товарищей план конкретных действий, либо попросту уклоняется от проведения этого мероприятия».

Руководитель Польши понял, что больше оттягивать решение невозможно.

12 декабря Ярузельский соединился с Москвой, сообщил о своих планах и получил полную поддержку. Он не до конца верил в успех. Сказал мелодраматически:

— Если план провалится, мне останется только пустить себе пулю в лоб.

Министр внутренних дел Чеслав Кищак познакомил представительство КГБ с детальным планом действий.

13 декабря, в воскресенье, в шесть утра телевидение передало обращение Ярузельского к стране. Он сообщил о введении военного положения и создании Совета национального спасения. Его обращение повторяли весь день, перемежая произведениями Шопена и патриотической музыкой. В половине двенадцатого отключили всю телефонную связь и закрыли границы.

Подчиненные министра Кищака к тому времени задержали многих руководителей «Солидарности». Некоторые, правда, ускользнули — самые популярные: Збигнев Буякиз Варшавы, Владислав Франсынюк из Вроцлава и Богдан Лис из Гданьска. Из подполья они бросили вызов власти: «Зима — ваша, весна будет

нашей». Они даже пытались организовать подпольное радиовещание.

Леха Валенсу военные увезли из дома. С ним разговаривали вполне уважительно, называли «пан председатель». Он был в шоке. Никто из руководителей «Солидарности» не верил, что власти на это решатся.

Архиепископа Глемпа в половине шестого утра посетил Казимеж Барчиковский. Вернувшись, доложил Ярузельскому, что Глемп не намерен объявлять священную войну и становиться вторым Хомейни. В тот день, в воскресенье, Глемп выступал с проповедью и призвал подчиняться властям, чтобы избежать кровопролития:

— Нет ничего важнее человеческой жизни. Вот почему я призываю к здравомыслию. Даже если мне придется стать для этого на колени, я буду просить вас — не беритесь за оружие.

Многие были разочарованы его готовностью соглашаться с властью. Сравнение с его предшественником покойным кардиналом Вышинским было не в пользу Глемпа.

Впоследствии Войцех Ярузельский объяснял, что его решение было вынужденным: если бы он этого не сделал, Польша повторила бы судьбу Чехословакии.

Многие поляки не согласны с Ярузельским, считают, что советское руководство не собиралось силой «наводить порядок» в Польше. Не хотело — это точно. Но если бы власть в Варшаве перешла к профсоюзу «Солидарность», позиция Москвы бы наверняка изменилась. Потеря коммунистами власти над Польшей воспринималась бы как тяжелое поражение в холодной войне. В Чехословакию Брежнев поначалу тоже не хотел вводить войска…

Войцех Ярузельский, которого в новой Польше привлекли к суду за введение военного положения, считая его виновным в гибели многих людей, довольно подробно объяснил свои мотивы (см. журнал «Новая и новейшая история», № 4/2008):

«Ситуация в Польше вызывала у Советского Союза и стран Варшавского договора огромное беспокойство. Существовала возможность военного вторжения, а также экономических санкций, чего не следует забывать. Нас резко критиковали, предупреждали, на нас оказывалось политическое и психологическое давление. В СССР проводилась генеральная репетиция перед вторжением — беспрецедентные по своим масштабам сентябрьские учения «Запад-81»…

Как на дрожжах разрасталась от пополнений Северная группа советских войск, расположенная в нашей стране. Наши радиолокационные службы регистрировали до двухсот

пятидесяти перелетов в сутки с советских аэродромов на аэродромы в Польше; дополнительно были созданы штабы в Легнице и Рембертове; разворачивалась сеть радиорелейной и тропосферной связи. В конце ноября — начале декабря на пограничных с СССР железнодорожных узлах образовались многодневные заторы.

Как с этой точки зрения оценивать адресованное мне послание Л.И. Брежнева, утвержденное на политбюро ЦК КПСС 21 ноября 1981 года? В нем были такие слова: «Теперь уже абсолютно ясно, что без решительной борьбы с классовым противником спасение социализма в Польше невозможно»…

В этой ситуации последней каплей явилось постановление Общепольской комиссии «Солидарности» о проведении 17 декабря многотысячных уличных демонстраций протеста в Варшаве и других городах Польши…

Руководители «Солидарности» теряли контроль над действиями профсоюза. В разных регионах Польши начинало закипать. В заявлении польского епископата 26 ноября говорилось: «Наша страна стоит перед лицом многих опасностей, нависают над ней черные тучи, несущие угрозу братоубийственной войны». Другими словами — гражданской войны…

В воззвании 13 декабря я сказал:

— Нельзя, мы не имеем права допустить, чтобы намечаемые демонстрации стали искрой, от которой может заполыхать вся страна.

Во что мог вылиться выход на улицы сотен тысяч людей в условиях политически напряженной, нервной атмосферы того времени? В наших польских генах сохранилась глубоко романтическая и трагическая мифология народных восстаний. Познань — 1956 год, Побережье — 1970 год, а главное — Будапешт — 1956 год…

Говорят, это была другая историческая эпоха, «Солидарность» не разбила ни одного окна. Это правда, но часто «Солидарность» не была в состоянии овладеть народной стихией, что подтверждают многочисленные «дикие» забастовки и эксцессы… 17 декабря на улицах городов должны были появиться огромные толпы — «легковоспламеняющийся материал». Неужели не было понятно, что готовится рискованное, крайне опасное мероприятие?..

Один из руководителей «Солидарности» говорил:

— Если бы даже дошло до советской интервенции, то это, очевидно, было бы злом. Но народы и не такое переживали… Если в случае интервенции все общество, весь народ смогут

продемонстрировать солидарность, единство, то в перспективе через несколько десятилетий со стратегической точки зрения все может быть оценено положительно…

Мое, наше понимание было совершенно иным. Судьбой народа, страны нельзя играть в рулетку. Нельзя допустить создания экстремальной ситуации. Даже ценой меньшего зла, непопулярных решений нужно предотвратить наихудшее. Поэтому 12 декабря 1981 года и было принято решение о введении военного положения».

Войцех Ярузельский всегда объяснял свои действия тем, что у него не было выбора: или он вводит военное положение, или страну оккупируют советские войска. Некоторые польские историки считают, что у генерала был третий путь: спокойное и разумное сотрудничество с «Солидарностью», церковью, собственным народом не дало бы повода для советского вмешательства. А страна бы медленно шла к демократии.

Американские политики уверяли, что введение военного положения оказалось для них сюрпризом. В декабрьские дни 1981 года территория Польши была накрыта густой облачностью и не просматривалась разведывательными спутниками. Но у многих историков возникают сомнения: разве правительство США не располагало точными сведениями о том, как и когда будет введено военное положение?

Летом 1986 года представитель польского правительства по печати Ежи Урбан рассказал американскому журналисту Майклу Доббсу, заведовавшему корреспондентским пунктом «Вашингтон пост» в Варшаве, о том, что ЦРУ располагало агентом внутри польского Генштаба, который раскрыл все планы введения военного положения. За месяц до этих драматических событий, 8 ноября, агента — полковника Генерального штаба Рышарда Куклинского — вместе с семьей вывезли в Соединенные Штаты.

На следующий день после разговора с Урбаном в «Вашингтон пост» появилась сенсационная статья. Теперь уже Ежи Урбан с нескрываемым удовольствием прокомментировал ее на пресс-конференции в Варшаве. Он сказал, что польское правительство было уверено: получив такую информацию, Соединенные Штаты предупредят своих друзей и союзников из «Солидарности».

— Но Вашингтон, — саркастически заметил Урбан, — промолчал и не поставил в известность своих друзей. Администрация Рейгана лгала своему народу и своим польским друзьям, когда заявляла, что не знала о готовящемся введении военного положения. Куклинский — живое тому доказательство. Президент Рейган мог предупредить аресты и интернирование, но он хотел, чтобы в Польше произошло кровопролитие. Для него

«Солидарность» была пешкой в геополитическом соперничестве с Советским Союзом.

В ЦРУ полковника Куклинского называли «вторым Пеньковским», чтобы подчеркнуть важность получаемой от него информации. Куклинский работал дольше Олега Пеньковского и передал много больше информации — тридцать пять тысяч страниц различных документов. Это прежде всего оперативные планы Варшавского договора и тактико-технические данные двухсот видов оружия, принятых на вооружение армиями социалистических стран.

Полковник Куклинский выдал точное расположение трех подземных командно-штабных бункеров (а также их внутреннее устройство и системы связи) — на территории Советского Союза, Польши и Болгарии, откуда намеревались вести войну с НАТО. Эта информация позволила бы в случае начала конфликта одним ударом нарушить управление войсками Варшавского договора.

Генерал Чеслав Кищак, министр внутренних дел, признавался:

— Когда мы стали анализировать документы, к которым он имел доступ, стало ясно, что даже нет смысла что-то менять в наших военных планах — их надо менять целиком.

Рышард Куклинский рассказал, что подготовка военного положения началась еще в 1980 году, когда руководители государства заявляли о желании сотрудничать с профсоюзом «Солидарность» и епископатом и при этом сформировали небольшую группу доверенных офицеров, которым поручили разработать все необходимые планы. Последнее донесение он передал ЦРУ 14 сентября 1981 года — это был план введения в Польше военного положения.

По свидетельству тогдашнего заместителя директора ЦРУ Бобби Рэя Инмэна, два десятка высших чиновников администрации, начиная с президента Рейгана, ставились в известность об информации, получаемой от полковника Куклинского. Но его информация не могла изменить политику страны.

Бывший государственный секретарь Александр Хейг объяснил позицию Вашингтона: даже если бы в Белом доме знали точную дату введения военного положения и стопроцентно верили своему агенту, «Солидарность» не поставили бы в известность, чтобы не подтолкнуть активистов профсоюза к самоубийственному вооруженному сопротивлению и не вселять в них необоснованных надежд — потому что американцы не станут проливать кровь за Польшу.

В ноябре 1999 года в мемориальной библиотеке бывшего

президента Джорджа Буша-старшего в Техасе была устроена церемония в честь разведчиков, погибших в годы холодной войны. Присутствовали четыре человека, которые возглавляли ЦРУ в разные годы: Ричард Хелмс, Уильям Уэбстер, Роберт Гейтс и Джордж Тенет. В конце церемонии появился бывший полковник польской армии Куклинский. Он сказал:

— Мне важно сознавать, что наша долгая и тяжелая борьба принесла мир, свободу и демократию не только нашей стране, но и другим.

Тогдашний руководитель американской политической разведки Тенет назвал Рышарда Куклинского «настоящим героем холодной войны».

История полковника Куклинского породила множество споров и дискуссий. В каком-то смысле в его деле все ясно. В отличие от многих других агентов секретных служб он сам рассказал, что больше десяти лет работал на американскую разведку. Так что спор шел о его мотивах: он предатель или патриот — и последствиях его действий — он помог Польше или повредил ей?

Еще в 1984 году Куклинского заочно приговорили к смертной казни с конфискацией имущества. Лидер «Солидарности» и первый президент постсоциалистической Польши Лех Валенса отказался его помиловать:

— В армии надо подчиняться приказам. Невозможно, чтобы каждый полковник сам решал, кого считать союзником, и служил этому союзнику.

Только в 1995 году Военная коллегия Верховного суда отменила приговор, в 1996 году Куклинский был исключен из списка разыскиваемых преступников. В 1997 году против него сняли все обвинения. В апреле 1998 года бывший полковник приехал в Польшу. Мнения поляков разделились: тридцать четыре процента сочли его предателем, двадцать девять процентов — героем.

Но мы забежали вперед.

Военное положение — это бронетранспортеры на улицах, повсюду солдаты, телефонную связь отключили, школы и институты закрыли, ввели комендантский час, разослали военных комиссаров на предприятия и запретили ездить по стране без нужды. 12 декабря 1981 года интернировали двадцать три тысячи человек, в столкновениях с полицией погибли девяносто человек.

В воскресенье 13 декабря государственный секретарь Александр Хейг находился в Брюсселе. В его номере в гостинице «Хаятт реджинси» установили аппарат защищенной от прослушивания линии связи. Рональд Рейган отдыхал в Кэмп-

Дэвиде. Его советник по национальной безопасности Билл Кларк сказал, что намеревается немедленно созвать Совет национальной безопасности. Хейг был против: если президента срочно доставят в Вашингтон на вертолете, это вызовет напряженность, а сейчас важнее всего сохранять спокойствие. Хейг позвонил вице-президенту Джорджу Бушу-старшему. В Вашингтоне было около двух часов ночи.

— Ничего не будет, — успокоил госсекретаря Буш. — Все еще спят.

Польша была отрезана от внешнего мира, и никакой информации не поступало. Связаться с американским посольством в Варшаве по спутниковой линии связи не удавалось. Ничего не знали и в Ватикане. Все были застигнуты врасплох.

Гостиничные апартаменты Хейга были набиты его помощниками, повсюду пустые чашки с остатками кофе, густой табачный дым. Хейг надел пальто и вышел прогуляться в парк. Утро было солнечное и холодное. Прогулка освежила государственного секретаря.

«Я знал, как мало может сделать Запад, чтобы помочь польскому народу. Больше всего мы должны были избегать любых действий, которые позволили бы обвинить нас в том, что мы подтолкнули события к кровопролитию».

15 декабря Брежнев позвонил Ярузельскому, чтобы подбодрить его:

— Вы приняли хотя и трудное, но, безусловно, правильное решение. Иного способа спасти социализм в Польше, как твердой рукой подавить контрреволюцию, не существует.

На шахте «Вуек» неподалеку от Катовице две тысячи шахтеров начали забастовку в знак протеста против введения военного положения и отказались покинуть шахту. После неудачных переговоров 16 декабря с вертолетов пустили слезоточивый газ, и войска министерства внутренних дел при поддержке танков разогнали шахтеров. Несколько горняков погибло.

Ярузельский приехал в министерство внутренних дел, чтобы поблагодарить ведомство госбезопасности:

— Вы защитили социализм в Польше. Вооруженные силы тоже внесли свой вклад, но вы сделали главную работу.

В Вашингтоне заседал Совет национальной безопасности, рассказывал тогдашний сотрудник президентского аппарата Ричард Пайпс. Рейган негодовал: военное положение уничтожило надежду на развитие коммунизма в сторону демократии. Он вспоминал тридцатые годы, когда западные демократии не сумели остановить германскую и японскую агрессию. Президент

говорил своей внешнеполитической команде: мы должны «выступить против этой проклятой силы». Требовал изолировать Советский Союз, сведя отношения с Москвой к абсолютному минимуму…

Госсекретарь Хейг возражал против экономических санкций. Если Запад откажет Восточной Европе в кредитах, соцстраны вынуждены будут обратиться за помощью к Советскому Союзу. Тогда поляки станут еще более зависимыми от Москвы.

Рейган же исходил из того, что дополнительное бремя только истощает советскую экономику. И когда-нибудь советская система надорвется.

Как раз тогда обсуждался вопрос о строительстве газопровода от полуострова Ямал до Западной Европы. Соединенные Штаты считали, что опасно зависеть от советских энергоносителей. Но европейские страны высказались за ускоренное строительство газопровода и обеспечили выделение Советскому Союзу дешевых кредитов.

На Рождество, 25 декабря 1981 года, удивленный Рейган записал в дневнике: «Пришло письмо от Брежнева. Можно подумать, будто это мы вмешиваемся в польские дела, а он огорчается по этому поводу. Я попросил в ответном письме напомнить ему, что мы хотим только одного — чтобы польский народ имел право голоса».

29 декабря Рейган объявил перечень санкций против Советского Союза: прекращается обслуживание самолетов «Аэрофлота» в американских аэропортах, перестает действовать советская закупочная комиссия, прекращаются переговоры о новом долгосрочном соглашении относительно продажи зерна и морского судоходства, не будут возобновлены соглашения о научном и культурном обмене, в СССР не будут экспортироваться электроника, компьютеры, газовое и нефтяное оборудование.

В середине января 1982 года Хейг и Громыко встретились в Женеве.

— Польша, — предупредил заранее американский госсекретарь, — единственный вопрос повестки дня.

— У нас, — заочно ответил ему советский министр, — нет намерения обсуждать вопросы, связанные с Польшей.

В конце концов Громыко сам заговорил о Польше. Утверждения о концентрации советских войск и советском вмешательстве — ложь. Введение военного положения — мера сугубо конституционная. Соединенные Штаты пытаются скрыть собственное вмешательство в польские дела, например ведя провокационные радиопередачи, которые он, Громыко, к сожалению, в силу служебной необходимости вынужден иногда

слушать. Советскому Союзу нечего извиняться… Министр повторял это вновь и вновь.

Хейг сказал Громыко, что даже не станет вступать с ним в спор. Положение в Польше стало опасным для всего мира и для советско-американских отношений в будущем. Громыко, хотя он, конечно, понимал каждое слово, подождал, пока переводчик закончит перевод, после чего сказал госсекретарю, что он абсолютно заблуждается — положение в Польше улучшается и улучшается…

2 марта 1982 года «Правда» поместила заявление Брежнева: «Если бы коммунисты отступили перед контрреволюцией, дрогнули перед бешеными атаками врагов социализма, стабильность в Европе, а также во всем мире оказалась бы под угрозой».

В реальности советские руководители были не очень довольны линией Ярузельского, считали, что, совершив первый правильный шаг, надо идти дальше. Им не нравились попытки Ярузельского смягчить режим военного положения.

7 мая 1982 года Брежнев отправил ему новое послание:

«В какой степени оправданны принятые недавно меры — освободить значительные массы интернированных, полностью отменить комендантский час, снять ограничения на выезд и перемещения по стране иностранных журналистов и дипломатов?

Ведь за видимыми плюсами здесь таятся непредвиденные минусы, способные свести на нет все, чего Вы уже добились. Тем более если сделанные уступки придется брать назад».

Советским руководителям не нравилось, что Ярузельский отказался посадить Леха Валенсу на скамью подсудимых, не нравилось, что он оставил в руководстве Раковского и Барчиковского.

Давление на Варшаву не прекращалось.

9 июля 1982 года Ярузельскому передали послание Брежнева:

«Как представляется, условия военного положения были использованы в борьбе с противниками социализма далеко не полностью. Различные послабления позволили им, оправившись от первого шока, возобновить свою подрывную работу и организовать довольно крупные выступления против власти…

Обещание отменить военное положение может расхолодить и другую вашу главную опору — силы МВД, дезориентировать кадры… Самое важное заключается в том, как такая мера, как преждевременная отмена военного положения, могла бы отозваться на решении задач стратегического порядка».

В августе прошли сразу несколько демонстраций, которые разгонялись. 31 августа силы безопасности задержали в разных

городах в общей сложности четыре тысячи человек. Такого масштаба протестов не было ни в одной иной социалистической стране. В ноябре отпустили Леха Валенсу. Польское руководство считало, что он больше не опасен. В Москве этого не понимали.

Сменивший Брежнева в Кремле Юрий Владимирович Андропов 29 ноября 1982 года пытался подтолкнуть Ярузельского к ужесточению режима: «Среди мер, которые Вы принимаете, важнейшее место должно занимать поддержание готовности армии и органов безопасности в любой момент нанести удар по контрреволюции… Важно довести до конца судебные процессы над главарями контрреволюции…»

В Варшаве не хотели усугублять положение. У польских руководителей была иная история и иной менталитет. 16 июня 1983 года в страну приехал папа римский. Спустившись по трапу, он поцеловал родную землю.

Иоанна Павла II принял Ярузельский. Он вспоминал, как от волнения у него тряслись ноги и подгибались колени. Через месяц, 22 июля, он отменил военное положение. А в октябре Лех Валенса получил Нобелевскую премию мира. Но цензура сохранялась, «Солидарность» была запрещена, политических заключенных не выпустили, скрывавшихся лидеров профсоюза искали, чтобы посадить.

Заместитель главы правительства Мечислав Раковский в сопровождении телевизионных журналистов приехал на судоверфь в Гданьске, где вновь приступил к работе электрик Лех Валенса, и публично сказал ему:

— Настанет время, когда западная пресса потеряет к вам интерес, и тогда вы останетесь в полном одиночестве.

Глава польской католической церкви кардинал Глемп публично ответил Раковскому: образованный человек, позволяющий себе оскорблять простого рабочего, сам останется в одиночестве, а рабочий ощутит поддержку тысяч таких же, как он, людей, которые воспримут это оскорбление столь же болезненно.

Режим продолжал давить тех, кого считал врагами. Одна из трагедий произошла осенью 1984 года. Во время военного положения право говорить свободно осталось только у священнослужителей. Вот тогда вся страна и услышала имя ксендза Ежи Попелюшко. В тяжкие часы его проповеди вселяли надежду.

Попелюшко создал центр помощи нуждающимся, собирал пожертвования, из-за границы ему присылали гуманитарную помощь. В отличие от некоторых отцов церкви Попелюшко, худой, почти истощенный, но равнодушный к мирским благам, сам

иностранной помощью не пользовался. Он называл себя отцом Ежи и с милой улыбкой спрашивал, чем он может быть полезен.

Ежи Попелюшко родился 14 сентября 1947 года в очень простой семье, где было пятеро детей. Родители назвали его Альфонсом, но это имя ему не нравилось, и он захотел стать Ежи. Его родители вспоминают, что он с детства очень тянулся к религии. Когда вырос, захотел поступить в семинарию. Его не хотели брать по причине слабого здоровья. В июне 1965 года семнадцатилетний Попелюшко поехал в Варшаву и опустился на колени перед ректором семинарии, который не смог ему отказать.

Будущему священнику пришлось послужить в армии. Семинаристов отправляли в казарму в надежде на перевоспитание в социалистическом духе. Он и без того был слабым от рождения, армейская служба подорвала его здоровье. В институте гематологии ему поставили диагноз — анемия. Он вынужден был постоянно принимать лекарства и находиться под медицинским контролем.

28 мая 1972 года Ежи Попелюшко был посвящен в сан, ему не было и двадцати пяти.

Молодого священника приметил сам глава Польской католической церкви кардинал Вышинский. Ксендз Ежи служил столь ревностно, что епископы опасались за его здоровье. От него требовали, чтобы он побольше отдыхал, и даже перевели в менее посещаемый костел. Но для Попелюшко не было иной жизни, кроме служения Богу.

31 августа 1980 года рабочие металлургического комбината в Варшаве, которые объявили забастовку, чтобы поддержать товарищей в Гданьске, пришли к кардиналу Вышинскому и попросили прислать им священника. Отслужить мессу попросили Попелюшко. Он внезапно ощутил, как он нужен этим людям. Так он стал капелланом на огромном металлургическом заводе в Варшаве, где быстро завоевал сердца рабочих.

Для него большой потерей была смерть кардинала Вышинского 28 мая 1981 года.

— Долг христианина — следовать правде, даже если правда нам дорого обходится, — говорил Попелюшко своим прихожанам. — Попросим Бога помочь нам сохранять достоинство каждый день нашей жизни.

После введения военного положения его проповеди в костеле Святого Станислава Костки привлекали огромное количество верующих. Попелюшко поддерживал живой дух «Солидарности». Его поведение раздражало и руководство церкви, которое считало введение военного положения меньшим злом. Большим злом было вторжение частей Советской армии. Но Попелюшко не

делал попыток быть сдержанным и не прислушивался к предупреждению епископов.

Имя Ежи Попелюшко значилось в списке шестидесяти девяти священников, которых социалистическое правительство обвинило в том, что они пересекли опасную линию, отделяющую политику от религии.

«Я сознаю, — записывал Ежи в дневнике, — что они могут интернировать меня или арестовать, но не могу отказаться от того, что делаю, потому что так я служу церкви и отчизне. Я очень, очень устал. У меня не бывает и дня отдыха. Но я никуда не могу уехать, потому что не прощу себе, если не окажусь на месте, когда кому-то понадобится моя помощь».

Он стал известен всей Польше. После одной из проповедей познакомиться к нему пришли Тадеуш Мазовецкий, Бронислав Геремек и Януш Онышкевич. Кто же мог тогда предположить, что священника навестили будущий глава правительства Польши и будущие министры иностранных дел и обороны.

Ежи Урбан, представитель правительства по печати, написал очень резкую статью, в которой называл молодого ксендза «современным Распутиным», «Савонаролой», «фанатиком». Урбан был известен своим едким умом, острым языком и изощренным сквернословием.

Сотрудники службы безопасности следовали за Попелюшко буквально по пятам. Если он куда-то уезжал, его останавливали, обыскивали и допрашивали. Это была стратегия устрашения. После богослужений он обращался к сотрудникам госбезопасности, которые неизменно присутствовали среди верующих:

— И если вы, братья, которые находятся здесь по приказу других, хотите служить правде и сохранить достоинство, позвольте вернуться всем домой в мире.

В министерстве внутренних дел собирали материалы для того, чтобы посадить Попелюшко на скамью подсудимых. Этим занимался следственный отдел МВД, которым руководил подполковник Адам Адамский. Прокуратура возбудила дело.

В декабре 1983 года полиция заявила, что нашла в комнате Попелюшко взрывчатку и запрещенную антикоммунистическую литературу. Сам он утверждал, что эти бумаги ему подсунули. Его задержали и отвезли в полицию. Вмешался глава Польской католической церкви кардинал Глемп. Намечалась встреча Глемпа с Ярузельским. Епископат обратился к министру внутренних дел Кищаку: встреча станет невозможной, если Попелюшко останется за решеткой.

На следующее утро Ежи Попелюшко отпустили. Его не

посадили, но вся Польша знала, что в костеле укрылся враг. Ксендза пригласил к себе кардинал Глемп и сделал ему выговор. Глава католической церкви избегал неприятностей с властью. Попелюшко записал в дневнике: «Его обвинения совершенно выбили меня из колеи. Даже на допросах в службе безопасности ко мне относились с большим уважением…»

На Рождество он вновь обратился с проповедью к своим прихожанам. Послушать его собралось двадцать тысяч человек.

— Не может быть подлинной свободы, — говорил Попелюшко, — если власть в руках одного класса, одной группы, одной партии, которая считает, что представляет все государство.

Ответ последовал. В январе 1984 года его стали вызывать на допросы. Он отказывался отвечать. Ему угрожали, что рано или поздно его посадят. Зато когда он выходил после допроса, его встречали с цветами. Его постоянно сопровождали люди, которые вновь и вновь обнаруживали в его квартире подброшенные госбезопасностью листовки.

Между церковью и государственным аппаратом существовали сложные отношения. В церковь ходило все больше членов партии. Власть вынуждена была считаться с тем, что в Польше было более двадцати тысяч священнослужителей и семь тысяч молодых людей учились в семинариях, готовясь к посвящению в сан, существовало пятнадцать тысяч действующих костелов и еще шестьсот строились. И это не считая папы-поляка…

Готовился большой процесс над советниками Валенсы, которых собирались обвинить в попытке государственного переворота, и вдруг 21 июля 1984 года сейм принял указ об амнистии. Свободу получили шестьсот пятьдесят политических заключенных. Толпы собирались у ворот тюрем, ожидая родных и друзей. 24 августа Попелюшко получил извещение, что дело в отношении его прекращено по амнистии.

Но в четвертом департаменте службы безопасности министерства внутренних дел были недовольны тем, что Ежи Попелюшко ускользнул. Департамент занимался разработкой католической церкви. Его сотрудники интересовались каждым молодым человеком, поступившим в семинарию. Для начала с ним пытались установить доверительные отношения. Молодой лейтенант госбезопасности когда-то приглашал и Попелюшко побеседовать один на один. Попелюшко отказался.

20 сентября 1984 года отгулявший отпуск подполковник Лешек Вольский, начальник четвертого отдела варшавской службы безопасности, был вызван в министерство. Его ждал капитан Гжегож Пиотровский. Ему было тридцать три года, и он делал успешную карьеру. Сын и зять офицеров госбезопасности,

он отслужил шесть лет в Лодзи до перевода в центральный аппарат. Они отправились в кабинет заместителя начальника четвертого департамента полковника Адама Петрушки.

Полковник заговорил о том, что пора прекратить игры с ксендзом Попелюшко, о том, что католическая церковь вредит государству.

— Настало время принять решительные меры, — распорядился полковник Петрушка. — Надо его так напугать, чтобы у него случился сердечный приступ.

Первым хотели убрать другого священника — Станислава Малковского, который тоже доставлял властям массу неприятностей. Но капитан Пиотровский убедил начальство в том, что Попелюшко политически значительно опаснее, потому что он всегда находит защиту и приходится его отпускать. К тому же, если с Малковским что-то случится, Попелюшко станут охранять особенно тщательно.

Полковник Петрушка обещал, что с начальством он сам договорится. Потом отдельно сказал капитану Пиотровскому:

— Я не думаю, что должен объяснять — решение принято на самом верху.

Подполковник Лешек Вольский получил указание следить за Попелюшко день и ночь. Пиотровский выделил ему машину с аппаратурой связи.

25 сентября устроили второе совещание. На сей раз присутствовал начальник четвертого департамента генерал Зенон Платек. Он получил это кресло в декабре 1981 года, когда ввели военное положение. Полковник Петрушка был раздражен отсутствием результатов, кричал на подчиненных:

— Хватит разрабатывать планы! Сделайте что-нибудь!

Подполковник Вольский ссылался на сложные отношения с руководством городского управления полиции. Петрушка отмахнулся:

— Им вообще ничего не надо знать.

После совещания Пиотровский отвел Вольского в свой кабинет и сказал:

— Сделаем все сами.

Офицеры обсуждали различные варианты устранения ксендза. Капитан Пиотровский и его офицеры были уверены, что сумеют все сделать тихо и аккуратно. О последствиях они не беспокоились. Естественно, никто их наказывать не станет, раз это приказ генерала Платека и полковника Петрушки. Они рассчитывали на награду.

Гжегож Пиотровский выбрал себе в помощь двух лейтенантов — Вальдемара Хмелевского и Лешека Пекалу. Хмелевский, как и

его начальник, был потомственным чекистом и тоже женился на дочери сотрудника службы безопасности. В четвертый департамент его взял Петрушка, друг его отца. У Лешека Пекалы не было таких знакомств, зато он знал ксендза Ежи Попелюшко — лейтенант участвовал в обыске его квартиры.

Пиотровский придумал такой план: они похитят Попелюшко и увезут в безлюдное место. Там допросят, чтобы выведать все секреты. Они собирались привязать священника к дереву в лесу или закопать по горло в песок. Через два-три дня его напоят допьяна и оставят в каком-нибудь людном месте, что его навсегда скомпрометирует.

И еще Пиотровский сразу сказал: если Попелюшко ничего не скажет и запугать его не удастся, придется сбросить ксендза в реку. Это не была его инициатива. Пиотровский поинтересовался у полковника Петрушки: что делать, если болезненный Попелюшко умрет от сердечного приступа?

— Если у него слабое сердце, — ответил Петрушка, — значит, ему не повезло.

На этот самый случай припасли мешок и камни, чтобы утопить тело. Капитан Пиотровский обещал лейтенантам повышение, велел им подыскать подходящее место для допроса и купить все необходимое. Он взяли служебный автомобиль и фальшивые номера, предназначенные для оперативных целей. Полковник Петрушка отдал им свой спецталон, который запрещал дорожной полиции осматривать машину, и пожелал удачи.

Ежи Попелюшко охраняли друзья, понимая, что ему грозила опасность. Дежурили у его дома по ночам. Когда он куда-то ездил, его сопровождали рабочие с металлургического комбината, которые его очень любили.

В первый раз офицеры из четвертого департамента пытались захватить Попелюшко 13 октября 1984 года, когда он ездил в Гданьск. Вечером на дороге лейтенант Пекала бросил камень в машину Попелюшко. Он надеялся попасть в стекло, чтобы заставить автомобиль остановиться. Но лейтенант промахнулся, а сидевший за рулем друг священника Вальдек Хростовский умело его объехал и умчался.

На следующий день Пиотровский доложил полковнику Петрушке, что первая попытка не удалась: им пришлось отказаться от своего плана, потому что в машине было слишком много людей.

19 октября Попелюшко повезли на другой машине. За рулем сидел Марек Вилк, Вальдек Хростовский тоже поехал со своим другом. Марек обратил внимание на машину, которая явно

следила за ними. Он не ошибся. В ней сидели лейтенанты госбезопасности Хмелевский и Пекала.

В этот день Попелюшко очень плохо себя чувствовал. Ему даже пришлось прилечь перед мессой, когда он в последний раз обратился к пастве.

— Чтобы победить зло, — говорил Попелюшко, — необходимо сохранять человеческое достоинство, избегать насилия. «Солидарность» потрясла мир именно тем, что она не прибегала к насилию. Давайте помолимся за освобождение от страха и угроз, но еще больше — от стремления к мести и насилию.

На обратном пути за руль сел профессиональный водитель Вальдек Хростовский. Он шел на большой скорости, пока не увидел, что их догоняет машина с полицейскими. Он не хотел тормозить, но Попелюшко настоял:

— Иначе будут неприятности.

Они остановились на безлюдной дороге возле небольшого городка. В полицейскую форму переоделись офицеры госбезопасности. Один из них забрал у водителя ключи и документы и велел пройти в другую машину, чтобы проверить его на алкоголь. Надел на него наручники и держал под дулом пистолета. Двое других вытащили из машины Попелюшко. Он не хотел идти. И тогда капитан Пиотровский сразу стал избивать священника, выплескивая запас ненависти и злобы к этому беззащитному человеку.

На суде капитан давал показания спокойно и почти откровенно:

— Я ударил Попелюшко несколько раз. Наверное, впервые в своей взрослой жизни я бил человека. Не помню, сколько раз я его ударил. Может быть, три раза или четыре. Кажется, по голове. Потом он упал. Потом я что-то засунул ему в рот.

Священнику связали руки, засунули в багажник и поехали. Хростовский на полном ходу выскочил из машины. Офицеры не стали останавливаться, потому что на дороге были люди. Хростовский добежал до рабочего общежития, оттуда позвонили в местную полицию и сообщили, что похищен ксендз Ежи Попелюшко.

Обстоятельства смерти Ежи Попелюшко известны только со слов его убийц. Они уверяли, что, когда они открыли багажник, священник пытался бежать. Тогда они его вновь избили, засунули в мешок и поехали дальше. Затем они связали священника, набили камнями мешок и бросили в воду. Это произошло в полночь, 19 октября 1984 года. В этот день их начальник министр внутренних дел Чеслав Кищак отмечал день рождения.

На обратном пути трое офицеров напились. Они понимали, что находятся в опасности — их может опознать водитель Попелюшко, но верили, что начальство не даст их в обиду — они же выполняли приказ.

О похищении сообщили по телевидению. Представитель правительства Ежи Урбан назвал похищение провокацией против власти. Надежда, что Ежи Попелюшко скоро вернется, исчезла. Вскоре его труп выловили из Вислы, в ста с лишним километрах от Варшавы. Почти сразу же поползли слухи, что с Попелюшко разделалась служба госбезопасности. Сразу после того, как было сообщено о смерти Попелюшко, тысячи поляков собрались возле церкви Святого Станислава, где последние четыре года служил ксендз Ежи.

— Он умер не потому, что думал о себе, а потому, что думал о других, — сказал тогда ксендз Феликс Полевски. — Он умер во имя любви и правды.

Опасаясь, что весть о смерти Попелюшко приведет к массовым демонстрациям и столкновениям с полицией, священники и лидеры «Солидарности» призвали к спокойствию.

Убийство Попелюшко произвело такое гнетущее впечатление на страну, что Ярузельский распорядился провести расследование. Распоряжение было выполнено; расследованием руководил начальник четвертого департамента генерал Зенон Платек…

Но начальник следственного управления полковник Збигнев Яблонский быстро выяснил, что машина похитителей числится за четвертым департаментом министерства внутренних дел и брал ее капитан Пиотровский. Чтобы откреститься от этого преступления, власти сразу же сдали исполнителей. Офицеров госбезопасности арестовали и судили. Власть даже не попыталась спасти их от наказания.

Полковник Петрушка на суде клялся, что капитан Пиотровский неправильно его понял. Полковник разразился обвинительной речью против Польской католической церкви. Он обвинил ее в разжигании ненависти к марксизму и социалистическому государству. Он сказал, что сотрудники секретной полиции вынуждены были много работать, не знали, что такое воскресенье, дети не видели отцов.

Поговаривали, что вся эта история была затеяна для того, чтобы скомпрометировать генерала Ярузельского и его министра внутренних дел генерала Кищака, заставить их действовать более жестко против «Солидарности». Но доказательств этому не нашли. Польская госбезопасность действовала в духе указаний партии и правительства.

На похороны Попелюшко собралось четыреста тысяч человек, они заполнили все прилегающие к костелу улицы. В первый раз после введения военного положения выступил Лех Валенса. И когда люди услышали его имя, они подняли вверх два пальца — знак «Мы победим».

— Если у Польши есть такие священники, — сказал Лех Валенса, — Польша не погибнет.

Они хотели убить не только человека, поляка и священника. Они хотели убить надежду на то, что в Польше можно обойтись без насилия в политической жизни.

Облачка дыма от горящего воска поднимались над варшавским кладбищем в тот ноябрьский день. Это был День Всех Святых, и тысячи поляков собрались над кладбищем, чтобы зажечь свечи в память умершего. Большая фотография молодого человека в белом воротничке католического священника высилась над толпой. Под фотографией крупными буквами было написано: «Убит службой госбезопасности». Собравшиеся на кладбище поминали всех, кто умер после введения военного положения в декабре 1981 года. В основном это были активисты «Солидарности».

После похорон тысячи поляков прошли по улицам Варшавы с транспарантами «Солидарности». Запрещенный и, казалось, уничтоженный властями профсоюз показал, что он жив и что народ верит «Солидарности». Полиция не вмешивалась. Это было начало конца социалистического режима.

Собор Святого Станислава, в котором служил когда-то ксендз Ежи Попелюшко, стоит на площади имени американского президента Вудро Вильсона. Еще недавно площадь носила имя Парижской коммуны. Возле костела памятник самому Попелюшко, сбоку трогательная скульптура, изображающая детей, участвовавших в 1944 году в Варшавском восстании. Вдоль всей стены костела установлены мемориальные плиты с названиями тех мест, где полвека назад убивали поляков, — от концлагеря Майданек до Катынского леса. Убитый ксендз Ежи Попелюшко остается символом борьбы с коммунистическим режимом. У памятника Попелюшко лежат живые цветы и горят свечи.

Это политическое убийство привело к тому, чего его организаторы больше всего хотели избежать, — к крушению социализма. Так оно чаще всего и бывает, когда спецслужбы берутся не за свое дело. И эта история особенно поучительна для потенциальных исполнителей мокрых дел. Опасно подчиняться таким приказам. Исполнителей потом сажают, а их начальники делают вид, будто они ничего не знали.

16 августа 2001 года, отсидев пятнадцать лет, вышел на свободу бывший капитан службы безопасности Гжегож Пиотровский, убийца Попелюшко. На процессе в Торуне Пиотровский и обвиненный в подстрекательстве и содействии убийству Адам Петрушка были приговорены к двадцати пяти годам тюремного заключения. Двое других обвиняемых получили пятнадцать и четырнадцать лет тюрьмы. Срок заключения Пиотровскому сократила амнистия. Когда все они вышли на свободу, им изменили внешность и выдали новые документы…

После похорон Ежи Попелюшко, когда вся Польша была взбудоражена этой трагедией, 13 декабря 1984 года Войцеху Ярузельскому передали устное послание от имени генерального секретаря ЦК КПСС Константина Устиновича Черненко:

«Откровенно говоря, складывается впечатление, что процесс стабилизации стал давать сбои… Вы предпринимаете усилия, чтобы исправить положение, но ощущение такое, что пока решительного перелома не происходит.

В чем же причина этого?..»

Через несколько месяцев в Москве пришел к власти Михаил Сергеевич Горбачев, и давление на Варшаву ослабло.

Но споры о том, как оценивать политику Ярузельского, не прекращаются.

У генерала есть очень авторитетные защитники.

«Всю жизнь ему приходилось скрывать рефлексию, наступать на гордость, прятать интеллектуальное и нравственное превосходство — и чем дальше, тем больше, — пишет в защиту Ярузельского известный журналист Александр Пумпянский. — В последние, критические годы этот разрыв был абсолютно невыносим. Быть вассалом — несладкая участь. Но иметь таких сюзеренов!

Его визави на советской стороне были зомби — нам ли этого не помнить? При этом абсолютно безапелляционные зомби. Несогласие исключалось. А согласие было смерти подобно. И он искал и находил каждый раз эту тонкую, готовую порваться в любой момент нить согласия-несогласия… Объявление военного положения было именно такой мерой. Компромисс между невозможным и необходимым».

Я спрашивал Адама Михника, главного редактора самой популярной в Польше «Газеты выборчей», как он теперь относится к генералу Войцеху Ярузельскому, который во время военного положения отправил его в тюрьму?

— Теперь мы друзья. Иногда ходим вместе с Ярузельским в ресторан. Скандал! Наши радикалы-антикоммунисты злобствуют: «Михник — предатель!» Они не понимают, что, если бы

Ярузельский не ввел военное положение, порядок в Польше наводил бы командующий войсками Варшавского договора маршал Куликов. И это был бы совсем другой порядок. Я ошибался насчет Ярузельского. И он тоже был не прав. Сейчас издали секретные протоколы заседаний секретариата ЦК ПОРП в 1979–1980 годах. Тогда Ярузельский говорил: у нас не может быть ничего общего с такими людьми, как Михник, они контрреволюционеры, работают против Польши на американские деньги. Но когда Ярузельский созвал круглый стол в 1989 году, на котором коммунисты и мы были на равных, я сказал: «Если Ярузельский сдержит свое слово, я буду защищать его всю оставшуюся жизнь». Ярузельский бескровно вывел Польшу из социализма. Никто не думал, что это возможно.

«Империя зла» и последние залпы

В семидесятых годах у американских политиков было ощущение тотального проигрыша. Журналы печатали карты мира, на которых союзники СССР закрашивались в красный Свет, и американцам становилось страшно. В Азии — Вьетнам и Камбоджа, на Ближнем Востоке — Сирия и Ирак, в Африке — Ангола и Мозамбик. Казалось, в холодной войне Соединенные Штаты повсюду терпят поражение — даже у себя под боком. В марте 1979 года марксистский епископ Морис Бишоп взял власть на Карибском островке Гренада. В Никарагуа свергли режим Сомосы.

Задача, поставленная Хрущевым: догнать и перегнать Соединенные Штаты — осуществилась. В 1984 году Советский Союз выплавлял стали на восемьдесят процентов больше, чем США, цемента выпускал на семьдесят восемь процентов больше, нефти добывал на сорок два процента больше и в пять раз больше выпускал тракторов. В 1961 году это были показатели индустриальной державы. Если бы мир не развивался, Советский Союз считался бы экономическим гигантом. Но в восьмидесятых годах Запад жил в совершенно иной экономической системе, в постиндустриальном мире, где микрочипы важнее выплавки чугуна, а сохранение минеральных ресурсов — более важная задача, чем их добыча.

В 1982 году в сфере стратегических технологий Соединенные Штаты опережали Советский Союз по десяти позициям. СССР отставал в компьютерах, системах наведения ракет, обнаружения подводных лодок, технологии создания невидимых для радаров самолетов «Стеле»… По пяти позициям СССР и США были равны. В создании обычных боеголовок и силовых установок СССР опережал США.

«Энергия» конструктора Валентина Глушко была самой мощной ракетой в мире, межконтинентальная баллистическая ракета четвертого поколения РС-20 (по натовской классификации СС-18 «Сатана) — самой тяжелой. Это были ракеты такой разрушительной силы и точности, что позволяли уничтожать подземные шахтные стартовые позиции ракет противника.

Договор ОСВ-2 разрешал Советскому Союзу иметь триста восемь таких ракет. Каждая могла нести четырнадцать боеголовок. Этого количества было достаточно для гарантированного уничтожения всех американских ракет прямо в шахтах. Конструктор ракеты академик Владимир Уткин говорил:

— Нам удалось дать стране самое мощное оружие в истории.

Но в создании систем наведения, быстродействующих компьютеров, высокоточного оружия Советский Союз уступал западным странам. Не хватало обширного потребительского рынка, который на Западе стимулировал технологические разработки и инновации. В 1985 году, когда генеральным секретарем стал Горбачев, Советский Союз уже ни в чем не опережал Соединенные Штаты.

«Все 70-е годы и начало 80-х, — писал Александр Солженицын, — я бессомненно ожидал новых побед коммунизма. В те, дорейганские, годы Америка только проигрывала и отступала везде, и брежневская клика имела все силы успешно кинуться на Европу, и Форд, и Картер сплошали бы. Но наши постаревшие вожди еще хотели пососать жизнь в свое удовольствие, а тем временем Рейган укрепил Америку, — и перед новой гонкой вооружений советская экономика спасовала».

«Понимание непосильности соревнования с Вашингтоном приобретало иной раз неожиданное и страшноватое выражение, — вспоминает один из работников ЦК КПСС Карен Брутенц. — На лекциях в военной аудитории нередко звучал такой вопрос-реплика:

— Хорошо, что мы вышли на паритет с Соединенными Штатами. Но наше производство — только пятьдесят процентов американского, а еще есть Европа, есть Япония. Сколько лет мы удержим этот паритет; может быть, стоит начинать сейчас, пока не поздно?»

Но только военные чувствовали в себе такую уверенность. Политическое руководство, напротив, боялось первого удара со стороны главного противника.

Когда в Москву прилетели министр госбезопасности ГДР Эрих Мильке и его заместитель по разведке Маркус Вольф, Юрий Владимирович Андропов лежал в больнице. Но он принял дорогих гостей. «Никогда еще я не видел Андропова столь серьезным и подавленным, — вспоминал генерал Вольф. — Он обрисовал очень мрачный сценарий развития событий, считая, что атомная война становится реальностью».

В конце мая 1981 года председатель КГБ Андропов поставил перед разведкой задачу — на ранней стадии распознать подготовку противника к ядерному нападению. В КГБ разработали систему предупреждения о ракетно-ядерном нападении, которая включала контроль не только за активностью натовских штабов. Следили даже за закупками медикаментов и запасов крови для больниц и госпиталей. Это была самая крупномасштабная разведывательная операция послевоенного времени.

Ощущение приближающейся войны возникло в Москве после того, как в январе 1981 года вступил в должность новый американский президент Рональд Рейган. Хозяин Белого дома занял во внешней политике жесткую позицию, от которой в Москве отвыкли. Тогда писали: американский президент Рональд Рейган и британский премьер-министр Маргарет Тэтчер пришли к власти, чтобы укрепить Запад и остановить наступление Советского Союза.

Отец Рональда Рейгана, католик-ирландец, был гордым человеком, вынужденным вести тоскливое существование на грани нищеты. Он придерживался либеральных взглядов, не выносил ку-клукс-клан, расистов и антисемитов и так же воспитывал детей. Он запретил сыну смотреть фильм «Рождение нации», потому что там восхвалялся ку-клукс-клан. А это классика американского кинематографа. Сюжет таков: после изнасилования двух белых женщин неграми ку-клукс-клан сплачивает ослабленную Войной за независимость страну, американцы объединяются перед лицом общей угрозы…

Рональд Рейган вспоминал, как однажды служащий гостиницы, где хотел остановиться его отец, сказал, что гостям здесь наверняка понравится, потому что нет евреев. Отец Рейгана возмутился:

— А в следующий раз вы католиков не пустите?

Он предложил переночевать в машине, но не снимать комнату в таком отеле.

Мать будущего президента, протестантка из Шотландии, была добропорядочной женщиной, заботилась о заключенных и пациентах местной туберкулезной больницы. Она хотела, чтобы ее дети выросли благочестивыми людьми и привыкли упорно трудиться. Она учила сына, что десятая часть заработанного — Божья доля. Когда Рейган стал зарабатывать, то ежемесячно посылал деньги брату, учившемуся в колледже. И каждое утро подавал милостыню первому, кто к нему обращался.

«Мы были очень бедны», — вспоминал детство Рональд Рейган. Он донашивал одежду, которая переходила к нему от старшего брата. Понимал, что только высшее образование поможет выбраться из полунищенской жизни. Брался за любую работу, чтобы оплатить учебу. Начинал спортивным комментатором на радио. За четверть века сыграл в полусотне фильмов. Уйдя из кино, занялся политикой.

С послевоенных времен Рональд Рейган вел борьбу против коммунизма. Причем он выступал не просто за сдерживание коммунизма, а за победу в холодной войне.

— Никита Хрущев, — возмущался Рейган, — позволяет себе

так разговаривать с нами потому, что он слышит голоса: «мир любой ценой», «лучше быть красным, чем мертвым». Но так думают не все американцы. Мир не настолько сладок, чтобы ради него становиться рабами.

В октябре 1964 года, накануне президентских выборов, Рейган произнес по телевидению пламенную речь в поддержку кандидата республиканцев Барри Голдуотера. Это историческое выступление не помогло Голдуотеру, но принесло Рейгану известность как самому многообещающему политику-консерватору, ненавидящему коммунизм.

— Перед нами, — восклицал Рейган, — злейший враг, с каким когда-либо приходилось сталкиваться человечеству на пути его тяжкого подъема из тьмы к звездам… Нам внушают: если мы будем уклоняться от прямой конфронтации с врагом, он научится нас любить. На всех, кто придерживается иной точки зрения, вешают ярлык поджигателей войны. В ход идет дешевая демагогия насчет того, что кто-то желает посылать на войну чужих сыновей… Но если кто-то желает стопроцентно избежать войны, то надежный путь только один — сдаться врагу…

Привлекательная внешность Рейгана, его доброжелательный тон произвели впечатление на зрителей, которым надоели безликие политики. Его голос звучал уверенно и авторитетно и при этом излучал теплоту. Его богатый по тембру голос был даром Небес, бесценным достоянием для политика.

В октябре 1965 года Рейган поддержал решение президента Линдона Джонсона вести войну во Вьетнаме:

— Соединенные Штаты были обязаны объявить войну Северному Вьетнаму. Мы заасфальтируем всю эту страну, устроим там достаточное количество автомобильных стоянок и успеем вернуться домой к Рождеству.

Его спрашивали, поддержит ли он применение во Вьетнаме ядерного оружия.

— Никто не решится с легким сердцем прибегнуть к ядерному оружию, — ответил он. — Но наименее уверенным в том, что мы не применим его, должен быть враг. Он должен каждую ночь засыпать в страхе, что мы это сделаем.

Президент Джеральд Форд дважды предлагал ему министерские посты, но Рейган отказывался. Он сам хотел стать хозяином Белого дома.

Рональд Рейган был умен, но без интеллектуального блеска. Остроумен, но не любознателен. Он казался простоватым, но за его голливудской внешностью скрывалась сложная натура. Глупцы его раздражали. Рейган был очень уверенным в себе человеком, он не боялся, что его недооценивают. У него были

твердые убеждения. Актер по профессии, он часто был совершенно искренен.

Его волосы и в преклонные годы сохранили природный каштановый цвет и густоту. Никаких признаков двойного подбородка или брюшка. Высокий и стройный, он всегда безукоризненно одевался. Рейган был очень популярен у женщин. Один из его помощников называл это «голосом гормонов». Это выражение родилось во время одной из предвыборных поездок, когда высокая блондинка с жаром обняла Рейгана.

— Мы заручились ее голосом, — рассказывал помощник, — хотя, возможно, потеряли голос ее мужа.

В 1980 году он довольно легко одолел на выборах Джимми Картера, утратившего свою популярность.

— Я вам скажу так, — снисходительно говорил Рейган о Картере, — человек, который уверяет нас, что он получает удовольствие, когда утром принимает холодный душ, врет во всем.

В нашей стране выбору американцев поражались: как они могли избрать главой государства актера? Но Рейган восемь лет — два срока — был губернатором крупнейшего промышленного штата Калифорния. Если бы Калифорния обрела государственную самостоятельность, то стала бы седьмой по значению экономической державой мира. За годы губернаторства он превратился в закаленного и умелого руководителя.

Рейган был человеком осторожным. Он продумывал и планировал каждый шаг. И понимал, что принимает страну в состоянии экономического кризиса. Новый президент считал, что его предшественник Картер показал, как не надо руководить страной: пытался все сделать сразу и слишком многое брал на себя. А надо устанавливать приоритеты. Каждый день определять главную задачу и добиваться ее решения. Рейган полагался на умелых управленцев и помощников. Привык к коротким справкам, которые заканчивались четким предложением, как решить проблему. Говорил помощникам:

— Если вы не в состоянии уложить все в одну страницу, значит, вы не разобрались в проблеме.

«Как все выдающиеся политические деятели, — писал один из его помощников, — он инстинктивно понимал, что имеет значение, а что нет, что хорошо, а что плохо для его страны. Этому качеству невозможно научить. Как и абсолютный слух — это врожденный дар. Если речь шла о деталях исполнения, к ним он был равнодушен, если же затрагивались принципиальные вопросы, он был непоколебим…»

Белый дом при Рональде Рейгане походил на Колизей, где

сражались гладиаторы. Рейган подбирал в команду сильных и жестких людей и хладнокровно наблюдал за тем, как они пытаются перерезать друг другу горло. Но в этой системе было преимущество: президент слышал разные мнения. Он не наказывал за откровенность, поэтому получал полную информацию. Он редко критиковал подчиненных, никогда не распекал и вообще не терял контроля над собой. Ненавидел увольнять людей.

— Рейган, — вспоминал руководитель его аппарата, — не мог заставить себя посмотреть человеку в глаза и сказать: «Ты, сукин сын, этого хотел — ты это получил, ты уволен».

В каком-то смысле Рональд Рейган так и остался мальчиком со Среднего Запада. Он полагал, что простые решения времен его юности применимы к любым ситуациям взрослой жизни. Твердо верил в то, что любой человек, проявив упорство и настойчивость, способен достичь успеха без помощи правительства, чьи полномочия должны быть ограничены. И он добился успеха. При нем экономика вышла из кризиса и началась эпоха процветания.

«Его избрание, — считает нынешний президент Соединенных Штатов Барак Обама, — отвечало стремлению американцев к порядку, нашему желанию верить, что мы не игрушка в руках высших сил, а сами способны определять свою и общую судьбу, нашей вере в наши традиционные ценности, такие как упорный труд, патриотизм, личная ответственность, оптимизм…»

Рейган обещал:

— Мы будем все ужимать, урезать и упорядочивать до тех пор, пока не добьемся сокращения расходов на государственный аппарат.

Рейган говорил, что предпочел бы вообще отказаться от кабинета министров. Для страны достаточно иметь государственного секретаря, министра обороны, министра юстиции и министра финансов. Таким был первый кабинет министров США, только в его состав входил еще начальник почтовой службы.

Президент Рейган резко сократил налоги. Он был убежден, что прогрессивный подоходный налог придумали марксисты. С его точки зрения, это глупость — почему больше зарабатывающие, то есть более работящие и умелые люди должны платить больше, а бездельники и неумехи — меньше?

— Прогрессивная шкала налогообложения досталась нам от Карла Маркса, — убеждал избирателей Рейган. — С помощью этой системы налогообложения он хотел уничтожить средний класс, потому что средний класс мешает строить социализм.

Рейган тщательно оберегал себя и свою личную жизнь от

внешнего мира. Он был замкнут и холоден в разговорах с незнакомыми. Держал их на расстоянии. Внешняя благожелательность, замечал его сотрудник, служила щитом, защищавшим его от более дружественных отношений с людьми. Он прибегал к своему неистощимому запасу шуток и анекдотов, чтобы избежать серьезного разговора. Лошади, ковбойские сапоги, шляпа — в этом весь Рейган. Он обожал бывать на природе. Ранчо было самым его любимым местом на земле. При первой же возможности сбегал из Вашингтона вместе с женой.

Его первый брак оказался неудачным — жена от него ушла, хотя у них была любовь с первого взгляда. Джейн Уайман, звезда Голливуда, подала на развод, обвинив Рейгана «в исключительной душевной жестокости». Она рассказала, что интерес мужа к политике поглощает все его время, что он заставлял ее ходить с ним на митинги, в то время как у нее есть свои интересы:

— Мои мысли он никогда не считал важными. В конечном счете у нас не осталось ничего общего, ничего, что могло бы сохранить брак.

Один из журналов процитировал ее слова, сказанные мужу:

— Уходи, мне с тобой скучно. Ступай и занимайся наведением порядка в мире; может быть, когда-нибудь мы возобновим наш разговор.

Зато ему повезло во второй раз. Нэнси Дэвис, хорошенькая и миниатюрная бывшая актриса, всегда стояла рядом и смотрела на него влюбленными глазами. И для него не существовало другой женщины. Его брак с Нэнси был более чем удачным. Это была сердцевина его жизни. Ничего не было для него важнее отношений с женой.

«Сегодня день рождения Нэнси! — записывал он в дневнике. — Жизнь была бы тоскливой, если бы она не родилась. Что бы произошло со мной, если бы она не появилась на свет? Я даже не хочу думать об этом».

Рональд Рейган пришел в Белый дом с твердым пониманием того, что он намерен делать. Осуществления этой миссии он ждал двадцать лет. Ни у кого из президентов не было такого исторического оптимизма. Во-первых, он хотел восстановить военное могущество Америки, во-вторых, возродить экономическую мощь. Все остальное имело второстепенное значение. Его обаяние, улыбка, отличный загар, большие окна и много света создавали ощущение, что при Рейгане в Овальном кабинете всегда сияет солнце.

— Я не помню случая, — вспоминал его помощник Майкл Дивер, — когда бы американский солдат погиб при исполнении

своего долга и Рейган не встретился с его вдовой, мужем, родителями или, как минимум, не позвонил им домой. Когда случались катастрофы, он сидел и часами обзванивал родственников погибших.

Рейган не был ни циником, ни безразличным к чужим страданиям человеком. Это видно, когда читаешь его дневник, который он вел все восемь лет президентства и который не предназначался для публикации. Вот записи разных лет:

«Вручал сегодня медали молодежи за достойную службу и героизм. Горло перехватило, когда отмечали подвиг восемнадцатилетнего юноши, который пополз по трубе, чтобы вытащить из цистерны двух медиков, которым угрожала смерть от отравления газом. Я вручил его медаль родителям — он погиб…

После обеда позвонил миссис Нельсон — ее сын, «зеленый берет», погиб во время учебного задания в Панаме. Ему было двадцать пять лет. Он сказал матери, что хочет служить в армии, чтобы помочь мне. Передо мной лежит газетная вырезка с его фотографией. Красивый парень. Хотел бы я найти слова, которые могли бы хоть как-то утешить его мать. Когда она передала мне его слова, я смутился. Как бы я желал заслуживать такого доверия…

В 18.15 отправились на авиабазу Эндрюс — на церемонию встречи тел шестнадцати погибших в Бейруте. Нэнси и я поговорили со всеми семьями погибших. Мы оба были в слезах. Все, что я мог, — это пожимать руки. Говорить не мог — горло сжималось».

Рональд Рейган хранил материнские заветы и старался помогать людям. Причем занимался этим не за казенный счет. Это была его личная благотворительность. Вот выдержки из президентского дневника за разные годы:

«В утренней «Нью-Йорк тайме» прочитал историю двадцатидевятилетнего человека (уже год без работы, жена и восемь детей). Он ездил договариваться о работе. На обратном пути увидел, как слепой и пожилой (ему семьдесят пять лет) человек упал в метро между вагонами. Мистер Эндрюс без колебаний прыгнул и спас его. Я позвонил ему. Спросил, получил ли он работу. Он сказал, что пока не знает результата собеседования. Я позвонил в эту компанию. Оператор сказал, что на линии и менеджер, и его мать. Я спросил их, читали ли они статью в газете. Они читали. Мистер Эндрюс получил работу…

Днем позвонил Карлу Россоу и его жене в Коннектикут. Они взяли на воспитание двенадцать детей-инвалидов, тех, кто обычно не выживает. Я поговорил с ними и со всеми детьми. Я почувствовал любовь и радость, царящие в этом доме. Если кто-то

хочет удостовериться в том, что у Бога есть замысел в отношении каждого из нас, надо встретиться с этой парой…

Отправил чек (пятьсот долларов) Шейле Петерсен, которая создала программу помощи семьям, в которых детям требуется куда более серьезная медицинская помощь, чем они в состоянии оплатить…

Вечером телевидение рассказало о молодом темнокожем мужчине, который спас десятилетнего ребенка от преступника с ножом. Томас Локс — так его зовут, ему двадцать пять лет, он безработный. Он получит работу, когда выйдет из больницы. Я позвонил ему самому и человеку, который даст ему работу…

Получил письмо от миссис Гарднер из Индианы. Она мне уже писала. Ей сорок два года, она лишилась ног, ездит в коляске. Она не жалуется. Ее семнадцатилетний сын Кевин, похоже, отличный парень. Он работает, чтобы помогать, и учится одновременно. После прошлого письма я отправил ему чек на сто долларов. Но кто-то ему сказал, что на самом деле я не хотел, чтобы он получил деньги. Я позвонил ей и попросил, чтобы ее сын обязательно получил деньги по чеку, а погашенный чек вернул мне на память. Пока говорил, у меня комок стоял в горле. Разговор был чудесный. Какой хороший день».

Еще будучи губернатором, он очень жестко отзывался о Советском Союзе:

— Каждый год мы отмечаем День порабощенных народов. Было время, когда у нас, в Соединенных Штатах, по этому случаю выражалась надежда на будущую свободу тех, кто ныне порабощен. Но мы все больше выхолащиваем эту тему и теперь дошли до того, что используем эту дату, чтобы говорить о мире, не упоминая свободы. Можно ли жалеть взятых в плен и в то же время не обижать захватчиков?

Видя, что происходит за железным занавесом, Рейган говорил:

— Нам надо прекратить все дела с русскими. Пусть их система рухнет сама, а тем временем надо скупать пшеницу у наших фермеров и держать ее под рукой, чтобы накормить русских, когда они наконец обретут свободу.

Во время предвыборной кампании 1980 года Рейган объяснил своим помощникам, что у него будет простая политика в отношении Советского Союза:

— Мы победим, а они проиграют.

За две недели до избрания президентом Рейган заявил:

— Я думаю, фермеры были бы в первых рядах, если бы в интересах национальной безопасности мы в один прекрасный день сказали Советскому Союзу: «Хватит! Изоляция, и никакой

торговли! Мы больше не станем торговать с вами, пока вы не сделаете то-то и то-то». За каждой провокацией должно следовать эмбарго. И это могло бы стать ответной мерой на любую агрессию, ставящую под угрозу нашу национальную безопасность.

На первой же пресс-конференции в Белом доме Рейган, отвечая на вопрос корреспондента, сказал:

— Советские лидеры присвоили себе право совершать любые преступления, лгать и обманывать. У нас другие моральные принципы.

Все были поражены — так откровенно президенты не высказываются. Рональд Рейган от души пожелал:

— Марксизм-ленинизм должен превратиться в пыль истории, как и все другие тирании, которые лишали людей свободы.

Выступая перед национальной ассоциацией евангелистов, Рейган назвал Советский Союз «средоточием зла в современном мире». Он обратился к антивоенному движению:

— Избегайте соблазна стать над схваткой и уравнять обе стороны, забывая недавнюю историю и агрессивные устремления империи зла. Называя гонку вооружений просто недоразумением, вы отказываетесь участвовать в борьбе между правотой и ложью, между добром и злом.

Автором знаменитого выражения «империя зла» был сотрудник президентского аппарата Тони Дилан, который писал Рейгану речи. Президенту это выражение понравилось. При этом он не путал выступления на митингах с повседневной практической политикой.

В начале шестидесятых Рейган возмущался:

— Нас уверяют, что мы можем сесть за стол переговоров с нашим противником, что обе стороны в чем-то немного правы и в чем-то немного не правы. Но как примирить добро со злом? Как можно примирить нашу веру в Бога с диалектическим материализмом нашего противника? Как прийти к соглашению с людьми, которые утверждают, что у нас нет души, что не существует загробного мира, что нет Бога?

Став президентом, Рейган пытался наладить диалог с советскими руководителями. За фасадом любителя образной антикоммунистической риторики скрывался гибкий и прагматичный переговорщик, уверенный в своей способности договориться об окончании гонки вооружений. В частности, он рассчитывал на тихую дипломатию, с помощью которой старался вытащить из советских тюрем и лагерей политических заключенных.

Он сам писал письма в Москву. После того как Рейган едва не погиб в результате покушения на его жизнь, он набросал

послание, адресованное Леониду Ильичу Брежневу:

«Дорогой г-н президент!

Я прошу извинить меня за то, что промедлил с ответом на Ваше письмо. Единственное объяснение — не так просто вернуться к нормальному ритму жизни после больницы…

Есть одна проблема, на которую я считаю своим долгом обратить Ваше внимание…

Я изучил всю информацию, связанную с человеком по фамилии Щаранский, который сидит в одной из Ваших тюрем. Я могу заверить Вас, что он никогда не был связан ни с одним правительственным учреждением Соединенных Штатов. Я видел сообщения в советской прессе, что он занимался шпионажем в пользу нашей страны. Я могу Вас заверить, что это ложь.

Недавно меня посетила его жена. Они поженились и провели вместе один день перед тем, как она эмигрировала в Израиль, полагая, что он вскоре последует за ней. Я верю, что будет справедливым освободить его и позволить ему присоединиться к его жене.

Если Ваше сердце велит Вам сделать это, то эта история останется только между нами, поэтому я пишу это письмо от руки.

Продолжая эту тему, могу ли я замолвить слово за две семьи, которые три года живут в самых некомфортабельных условиях в нашем посольстве в Москве? Это семьи пятидесятников, которые опасаются преследований из-за их религиозной принадлежности. Представители этой церкви в Америке, как мне известно, позаботятся о них, если им разрешат уехать в США.

И это точно так же останется между нами, я не буду говорить, что обращался к Вам с такой просьбой. При этом я уверен, что Вы понимаете, как такие шаги уменьшили бы мои проблемы на будущих переговорах между нашими странами».

Две семьи пятидесятников прорвались через охрану и укрылись в американском посольстве. Пять лет они жили в подвальной квартире, пока советские власти не разрешили им выехать за границу.

Анатолий Щаранский — физик, пытавшийся уехать в Израиль. Вместо того чтобы его отпустить, КГБ устроил процесс, на котором его обвинили в шпионаже и посадили. Обвинения были очевидно фальсифицированы, и резонанс оказался более широким, чем рассчитывали на Лубянке.

«Супруга Щаранского, — записал в дневнике Рейган, — посетила меня вместе с молодым беженцем из ГУЛАГа (отсидел десять лет). Госпожа Щаранская получила разрешение на выезд в Израиль на следующий день после свадьбы. Она уехала — власти

сказали, что вскоре и он уедет. Теперь он в ГУЛАГе, его назвали американским шпионом, каким он не был. Проклятые бесчеловечные монстры! Он сильно похудел в заключении и очень болен. Я обещал, что сделаю все, что в моих силах, чтобы его освободить. И я это сделаю».

Ответ из Москвы был отпечатан на машинке, и Рейган решил, что Брежнев, возможно, вообще не видел его письма. После смерти Леонида Ильича президент с тем же энтузиазмом попытался наладить диалог с новым советским руководителем Юрием Владимировичем Андроповым.

Западные газеты с надеждой писали об увлечении Андропова американским джазом, шотландским виски и британскими шпионскими романами. Первые месяцы Андропова у власти знаменовались своего рода мирным наступлением — от его имени появлялись разнообразные предложения относительно сокращения вооружений. Но все идеи были упакованы в обычную советскую пропагандистскую риторику, поэтому не воспринимались на Западе всерьез.

Иностранные разведки мало что знали о недавнем председателе КГБ. В ЦРУ и не догадывались о бедственном состоянии его здоровья. Юрий Владимирович Андропов был по существу инвалидом, который с трудом ходил, а в Вашингтоне готовились к его приезду в Соединенные Штаты.

«13 мая 1983 года, пятница, Совет национальной безопасности, — пометил Рейган в дневнике, — обсуждали вопрос о встрече в верхах. Андропов, возможно, приедет в ООН. Если так, мы должны пригласить его в Вашингтон».

Между двумя лидерами началась переписка.

Рональд Рейган:

«7 августа, воскресенье, день на солнышке. Вечером вернулся в Белый дом. Билл Кларк пришел с ответным письмом от Андропова на мое письмо, написанное от руки. Он выражает желание продолжить общение на личном уровне и обсуждать важные вопросы».

Но диалог не состоялся. В 1983 году советско-американские отношения оказались в низшей точке со времен Карибского кризиса. В ночь с 31 августа на 1 сентября южнокорейский пассажирский самолет, который вылетел из Анкориджа (на Аляске), вошел в советское воздушное пространство. Советский самолет-перехватчик Су-15 двумя ракетами сбил южнокорейский гражданский самолет «Боинг-747», экипаж и все пассажиры — двести шестьдесят девять человек — погибли.

Сначала советское руководство вообще отрицало, что южнокорейский самолет был сбит. Потом в Москве сообщили, что

по самолету стреляли, но не попали. И только с третьего раза, через неделю, признали, что самолет был сбит, и выразили сожаление «по поводу гибели ни в чем не повинных людей». Но было уже поздно. Мир возмущался не только тем, что погибли невинные люди, но и беспардонным враньем.

Рейган обвинил советское руководство в массовом убийстве: это «преступление против человечности, которое никогда не должно быть забыто».

Советский посол в Соединенных Штатах Анатолий Добрынин отдыхал в Крыму. Его вызвал Андропов, который уже стал главой партии и государства. Распорядился:

— Поезжай обратно в Вашингтон и постарайся сделать все возможное, чтобы приглушить этот совершенно ненужный нам конфликт. Наши военные допустили колоссальную глупость. Теперь нам долго придется расхлебывать эту оплошность.

Андропов, по словам посла Добрынина, был зол на «тупоголовых генералов, поставивших наши отношения с Соединенными Штатами на грань полного разрыва». Андропов считал, что полет «Боинга» — провокация американских спецслужб, но самолет надо было не сбивать, а заставить сесть на один из советских аэродромов. Сбитый южнокорейский «Боинг» стал жертвой запаниковавшего командования Советской армии.

При Рейгане полным ходом шла разработка новых систем оружия: создавались тяжелая ракета МХ с десятью разделяющимися боеголовками самонаведения — она воспринималась советскими военными как оружие первого удара; ракета «Миджитмен» с одной маневрирующей боеголовкой; стратегический бомбардировщик В-1, ядерная подводная лодка стратегического назначения «Трайдент».

Больше всего Москву тревожила рейгановская Стратегическая оборонная инициатива. Рейган был искренним сторонником ядерного разоружения. Консерваторы высмеивали его за наивность. Либералы не верили в его искренность. А Рейган был уверен, что избавление от ядерного оружия вполне осуществимо.

14 сентября 1982 года Рейган записал в дневнике: «Приходил доктор Теллер. Он излагает поразительную идею — использовать ядерное оружие вместе с лазерами для перехвата и уничтожения вражеских ракет высоко над землей».

Эдвард Теллер — отец американской водородной бомбы. Он считал, что в Советском Союзе давно разрабатывается оружие нового типа, которое позволит сбивать межконтинентальные баллистические ракеты и военные спутники. Поэтому русских нужно опередить. Вот эту идею изложил в обращении к американцам президент Рейган 23 марта 1983 года. Рейган

выдвинул Стратегическую оборонную инициативу, рассчитанную на то, чтобы наводящую ужас советскую ракетную угрозу отразить мерами оборонительного характера, прикрыть страну противоракетным щитом.

— Наша безопасность, — объяснял Рейган, — должна быть основана не на возможности нанести ответный удар, а на способности перехватить и уничтожить советские баллистические ракеты раньше, чем они обрушатся на нас и на наших союзников.

Рейган призвал ученых «сделать территорию Соединенных Штатов неуязвимой для любого нападения противника», создать лазеры, которые будут размещены на спутниках и в случае ядерной войны собьют советские ракеты на стадии подъема, когда скорость еще невелика. Он верил, что это сделает ядерное оружие ненужным и мир избавится от страшной угрозы.

Рейгановская военно-космическая программа стала неприятным сюпризом для советских военных. Столько лет создавали арсеналы баллистических ракет с ядерными боеголовками, способными уничтожить Соединенные Штаты! Неужели американцы смогут запросто сбивать их в космосе и многолетние усилия пойдут прахом?

От военных и ученых потребовали найти «асимметричный ответ» на развертывание американской противоракетной обороны. Советские стратегические силы должны сохранить способность нанести противнику «неприемлемый ущерб». Ставка делалась на то, чтобы повысить боевую устойчивость пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет и ракетных подводных крейсеров стратегического назначения и способность боеголовок с разделяющимися головными частями преодолевать противоракетную оборону.

«На Совете национальной безопасности, — записал в дневнике Рейган, — обсуждали успехи Советского Союза в создании оборонительного оружия против ядерных ракет. Они устроили дьявольский шум вокруг наших исследовательских работ, а сами занимаются этим уже двадцать лет. А мы только начали».

Рейган говорил об оборонительном оружии. Он не собирался нападать. Он хотел гарантировать своей стране безопасность от ядерного удара. Рейган пытался установить личный контакт с Андроповым, чтобы обсудить пути улучшения двухсторонних отношений. Но генеральный секретарь видел в американском президенте человека, готового поднять градус конфликта до прямой конфронтации, и, по существу, готовился к войне. Юрий Владимирович даже допустить не мог, что Рейган искренне пытается сделать шаг ему навстречу. Это была характерная для

Андропова подозрительность, воспитанная в нем долгим жизненным опытом.

Осенью 1983 года проходили учения НАТО. Отрабатывалась координация действий штабов в случае ядерной войны. Учения предусматривали радиомолчание, затем изменение радиочастот и смену кодов. Это всегда вызывает озабоченность у другой стороны. А еще предполагалось участие в маневрах президента Рейгана, вице-президента Буша и Комитета начальников штабов. Советник президента по национальной безопасности Роберт Макфарлейн пришел к выводу, что нельзя провоцировать Москву, и вычеркнул этот пункт из плана.

Макфарлейн оказался прав. Советская разведка решила, что маневры могут быть маскировкой и использованы для нанесения ядерного удара по СССР. Когда учения начались, вооруженные силы получили приказ повысить степень боеготовности. А разведка должна была выяснить, не объявлена ли тревога на американских базах в Западной Европе. Советские руководители верили, что Рейган готов нанести первый удар.

В начале восьмидесятых половина радиотехнических подразделений Советской армии несла боевое дежурство с включенными радиолокационными станциями. Личный состав постоянно поднимали по тревоге — появление самолетов США и стран НАТО у границ считалось поводом для объявления готовности номер один.

— Наши станции, — рассказывал начальник радиотехнических войск генерал-лейтенант Александр Шрамченко, — располагались на арктических островах — на Земле Франца-Иосифа (остров Греэм-Белл), на северной оконечности Новой Земли (мыс Желания), на острове Визе в Карском море, на островах Северная Земля, Вайгач, Врангеля, Диксон. Это была тяжелейшая жизнь. Некоторые роты получали запас продовольствия и горюче-смазочных материалов раз в год. А рота — это тридцать человек, шесть-семь офицеров, пять-шесть прапорщиков, восемнадцать — двадцать сержантов и солдат. Жены офицеров тоже военнослужащие. Это обходилось недешево, но там пролегал самый удобный маршрут для американских бомбардировщиков. Советские перехватчики должны были перехватить бомбардировщики до того, как они успеют пустить крылатые ракеты. Для этого их надо было обнаружить как можно быстрее.

ЦРУ докладывало президенту, что в Москве царит страх перед внезапным американским ядерным ударом. Рейган сказал Роберту Макфарлейну:

— Я не понимаю, как они могут в это верить, но надо

задуматься над тем, что это означает.

«Русские параноидально боятся, что мы на них нападем, — записал Рейган в дневнике. — Мы должны как-то довести до них мысль, что не собираемся этого делать. Я обедал с канцлером ФРГ Гельмутом Колем. Он подтвердил мою убежденность в том, что Советами — как минимум частично — движет чувство незащищенности. Они все еще сохраняют противотанковые надолбы и колючую проволоку, чтобы помнить, как близко немцы подошли к Москве».

Президент пытался понять, что происходит за железным занавесом. ЦРУ еженедельно доставляло ему толстые пачки разведывательных донесений о ситуации внутри СССР. Его поражали сообщения об очередях за продуктами, об отсутствии самых необходимых товаров, о том, что советские заводы стоят из-за нехватки запчастей. ЦРУ доложило Рейгану, что советская экономика в беде, ее рост замедлился и она не сможет удовлетворять запросы военных и повышать уровень жизни. Если Запад помешает Москве получать кредиты и крайне важные для советской экономики технологии, советскому режиму придется приступить к реформам.

Правительство ФРГ, напротив, стимулировало экспорт советских энергоносителей. Как раз тогда обсуждался вопрос о строительстве газопровода от полуострова Ямал до Западной Европы. Администрация Рейгана предупреждала, как опасно впадать в такую зависимость от Москвы, но европейские страны в сентябре 1981 года высказались за ускоренное строительство и обеспечили выделение Советскому Союзу дешевых кредитов. В декабре в Вашингтоне хотели наказать СССР за военное положение в Польше запретом на продажу Москве нефтегазового оборудования. Европейцы возражали.

Рейган был уверен, что Соединенные Штаты в состоянии позволить себе гонку вооружений, а Советский Союз — нет. Он считал, что у Москвы есть только два варианта — или выйти из гонки, или потерпеть полное банкротство.

«Беседовал с нашим послом в России, — пометил в дневнике Рейган. — Он подтвердил многое из того, что я думал о Советах: экономика в стагнации, коррупция, циничное отношение к коммунизму и власти. Надо заново осмыслить нашу стратегию. Их социализм — это экономическая неудача. Не поможем ли мы советским людям, если просто позволим их экономической системе провалиться? Советская экономика в очень плохом состоянии. Если мы лишим их кредитов, они запросят о помощи, чтобы не умереть от голода».

Советская экономика выглядела лучше благодаря росту цен

на нефть после октябрьской войны семьдесят третьего года на Ближнем Востоке. Нефтедоллары позволили Советскому Союзу импортировать почти все, что было нужно, — от зерна до новых технологий. Добыча нефти в Западной Сибири за десять лет, с 1970 по 1980 год, увеличилась в десять раз, добыча газа — в пятнадцать. Советский Союз превратился для Запада в огромный рынок сбыта. За семь лет СССР закупил оборудования и технологий на пятьдесят миллиардов долларов. Потребность в реформировании экономики исчезла, когда в страну потоком потекли нефтедоллары.

Деньги так же быстро и уходили — в виде прямой денежной помощи или поставок нефти странам Варшавского договора, Афганистану, Кубе, Монголии, Южному Йемену, Алжиру, Эфиопии… Точные цифры установить не удается, но в восьмидесятых годах общий объем помощи союзникам в Восточной Европе и третьем мире составлял от пятнадцати до двадцати миллиардов долларов в год. Это съедало больше половины доходов от экспорта.

Сердцевиной рейгановской стратегии был сложный замысел — использовать слабости советской системы, особенно неэффективность экономики.

Вот основные пункты этой программы:

1) тайная финансовая поддержка «Солидарности» в Польше;

2) финансовая и военная поддержка афганского сопротивления;

3) сотрудничество с Саудовской Аравией в надежде снизить цену на нефть и ограничить экспорт советского газа на Запад, чтобы снизить советские запасы твердой валюты;

4) ограничение доступа СССР к высоким технологиям путем эмбарго на поставки за железный занавес современных разработок, которые можно использовать в военной сфере;

5) финансовая и военная помощь антикоммунистическим силам в третьем мире;

6) милитаризация США, чтобы усилить давление на советскую экономику.

Рональд Рейган получил от избирателей в 1980 году мандат на восстановление военной неуязвимости. С 1974 года опросы общественного мнения фиксировали непрерывный ежемесячный рост поддержки американцами увеличения расходов на оборону. Американцы хотели, чтобы президент наращивал военную мощь для защиты от растущей советской угрозы. Одновременно усиливалась враждебность в отношении Советского Союза. Происходил именно рост антисоветизма, а не антикоммунизма вообще. Отношение к Китаю и Польше, где возникла

«Солидарность», улучшилось.

В Америке активизировались крайне правые. Создалась Организация по борьбе с левыми идеями в средствах массовой информации. Бюджет составлял почти два миллиона долларов. Изучали телепрограммы и газеты, выискивая журналистов, которых считали «коммунистическими пропагандистами». Группа «Аккуратность в образовании» заявила, что намерена выставить из системы образования «десять тысяч известных марксистов», распространяющих в студенческих аудиториях «политическую ложь, основанную на неправильной информации». Правда, вызывало удивление количество предполагаемых марксистов в университетах.

Студентов просили, не привлекая к себе внимания, ходить на лекции и сообщать все, что покажется подозрительным, выявлять среди преподавателей либералов, радикалов и коммунистов-преподавателей. В офисе повесили большую карту Соединенных Штатов и завели список сомнительных профессоров. Деньги на эту работу находились, потому что полным-полно было консервативных фондов, готовых финансировать борьбу с мировым коммунизмом…

Когда в феврале 1983 года американская делегация прилетела на похороны Юрия Андропова, эксперты по Советскому Союзу даже не знали, был ли он женат, — настолько мало было о нем известно. На похоронах они впервые увидели его вдову.

Нового генерального секретаря Черненко в Вашингтоне знали еще хуже. И опять же не подозревали о том, как сильно он болен. Рейган строил планы в отношении Константина Устиновича: «*22* февраля 1984 года, среда. Мы с госсекретарем Шульцем обсуждали дела с Советами: как мы должны реагировать на мягкий тон Черненко в беседе с Шульцем. У меня есть хорошее ощущение, что я должен обсудить с ним наши проблемы один на один и попытаться убедить его в том, что Советы много приобретут, если присоединятся к семье народов».

Через десять дней, 2 марта, записал в дневнике: «Секретное совещание с участием посла в Москве Хартмана. Обсуждали план установления контактов с Советами. Я убежден, что настало время мне встретиться с Черненко в июле. Мы собираемся начать с контактов на министерском уровне — обсуждать темы, которые были заморожены после того, как сбили корейский самолет».

Рональд Рейган писал письма трем руководителям Советского Союза — Брежневу, Черненко и Андропову. С каждым хотел встретиться и поговорить. Не удалось, все трое были слишком больны, чтобы найти в себе силы для поездки в Соединенные Штаты на переговоры. Как он выразился, «они

умирают, не дождавшись встречи со мной».

«Меня разбудили в четыре часа утра и сообщили, что умер Черненко, — пометил в дневнике Рейган 11 марта. — Я задумался над тем, надо ли мне ехать на похороны. Инстинкт говорит: нет. Джордж Шульц пытался меня переубедить, но не сумел. Не думаю, что он на самом деле хочет, чтобы я ехал…

Есть сообщения, что Горбачев возглавит Советский Союз».

1 апреля 1985 года Рейган принимал Джеймса Бакли, президента радиостанции «Свободная Европа». Бакли принес Рейгану письмо от женщин, которых держали в советских лагерях за правозащитную деятельность. Они сумели передать на свободу послание, написанное на крохотных листочках бумаги, которые можно было прочитать только под микроскопом.

— Черт побери, Советский Союз — это империя зла! — взорвался Рейган. — Надо сказать об этом вновь.

— Я могу вас процитировать? — уточнил Джеймс Бакли.

— Конечно! Я уверен, что русский народ — дружелюбный, симпатичный, теплый народ. Но система — варварская!

Особенно в Москве возмутились, когда Рональд Рейган позволил себе «шутку» сомнительного свойства.

«Во время подготовки моего обычного субботнего радиообращения, — вспоминал президент, — когда проверяли уровень звука, я, полагая, что никто меня не услышит, пошутил насчет Советов. Но радиостанция уже включила запись, вывела ее в эфир, и возник международный скандал».

Президентская «шутка» звучала так:

— Я только что подписал распоряжение, объявляющее Советский Союз вне закона…

Появление в Кремле Михаила Сергеевича Горбачева все изменило. Горбачев поставил перед собой задачу покончить с холодной войной, помириться со вчерашними врагами, сократить ядерные вооружения и не тратить на армию столько денег. Ему нужны были добрые отношения с теми, кто раньше считался главным врагом, чтобы создать условия для прогресса внутри страны, вывести Советский Союз из враждебного окружения, уменьшить давление на него, дать возможность заняться внутренними делами.

Вот поэтому Рейган и Горбачев, хотя и не сразу, поняли друг друга.

Во время первой встречи в ноябре 1985 года в Женеве элегантный Рональд Рейган в одном костюме вышел навстречу немного провинциальному Михаилу Горбачеву, который появился в шапке, шарфе, теплом пальто и даже выглядел старше Рейгана.

Разговор в Женеве был пристрелочным. Встреча в октябре

1986 года в исландском городе Рейкьявике обрела исторический характер.

Рейган считал аморальным держать мир на крючке ядерного противостояния и был готов к радикальному сокращению ядерных арсеналов. Ко времени встречи Горбачева и Рейгана ядерное оружие существовало уже сорок лет. Обе страны привыкли к нему, строили на ядерном основании свою военную и внешнюю политику. Рейган отправил Горбачеву написанное от руки письмо в семь страниц с предложением вообще избавиться от ядерного оружия.

В Рейкьявике руководители Советского Союза и Соединенных Штатов фактически договорились идти к миру без ядерного оружия с серьезным сокращением обычных вооружений.

«За полтора дня, — вспоминал Рейган, — мы с Горбачевым добились такого прогресса в сокращении вооружений, от какого и сейчас дух захватывает. Мы с Джорджем Шульцем просто не верили тому, что происходит. Мы приходили к потрясающим договоренностям. Я ощущал, что происходит нечто значительное».

Помощники не были готовы к такому повороту событий и сомневались в правоте своих лидеров. Всю ночь они пытались перевести эти исторические договоренности на дипломатический язык. Впервые царила атмосфера сотрудничества. Секретарь ЦК Александр Николаевич Яковлев вспоминал, как он был на стажировке в Колумбийском университете. Начальник Генерального штаба маршал Сергей Федорович Ахромеев рассказал советнику президента по национальной безопасности Джону Пойндекстеру, как во время Второй мировой он ел американские консервы и ездил на американских грузовиках «студебеккер», поставленных по ленд-лизу.

Государственный секретарь Джордж Шульц считал, что Рейган не прав, но не посмел ему возразить: «Он — президент. Он дважды побеждал на выборах. Он никогда не скрывал своего взгляда на ядерное оружие. Как я могу останавливать его, если он высказывает те мысли, в которые он верит и которые помогли ему победить на выборах?»

Окончательного соглашения не достигли из-за Стратегической оборонной инициативы. Горбачев требовал запретить разработку противоракетного оружия. Рейган столь же упрямо отстаивал право вести разработку и проводить испытания. Выступая по телевидению, он говорил:

— Господин генеральный секретарь хотел убить стратегическую оборонную инициативу. Но я обещал нашему народу, что никогда на это не пойду и никогда не лишу нашу

страну противоракетного щита.

Но беспокоиться Горбачеву было не о чем. За три недели до приезда Горбачева в США, в декабре 1987 года, конгресс, принимая военный бюджет, на треть сократил расходы на противоракетную оборону и запретил испытания в космосе.

Премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер забеспокоилась, когда узнала, что в Рейкьявике Рейган почти отказался от ядерного оружия. Она, как и другие европейские лидеры, испугалась, что в результате этих договоренностей Соединенные Штаты оставят Западную Европу один на один с огромной сухопутной армией Советского Союза. Простые цифры показывали, что СССР с населением почти в триста миллионов человек всегда выставит больше призывников, чем Англия, Франция и Западная Германия, вместе взятые, — население каждой из трех стран не превышало шестидесяти миллионов.

— По правде сказать, твердой гарантии недопущения обмена ядерными ударами никогда не существовало, — вспоминала Маргарет Тэтчер. — Мы знали, что не начнем войну против стран Варшавского договора. И у нас было основание рассчитывать на то, что Советы тоже будут остерегаться развязывания ядерной войны против Запада. Однако до конца исключить возможность ошибки или технического сбоя, способных инициировать обмен ударами, мы не могли.

Практического результата достичь в Рейкьявике не удалось. Попытка одним махом решить все военно-стратегические вопросы едва ли была возможна. Но эта встреча заложила основу для решения важнейших проблем, разделявших две страны.

Михаил Горбачев был полон решимости закончить холодную войну, прекратить военное соперничество с Соединенными Штатами и освободить страну от гонки вооружений. Весь мир завалили оружием, а своим гражданам не смогли обеспечить сносную жизнь. Продажа нефти принесла стране миллиарды долларов, а в магазинах пустовали полки, в городах вводили талоны, за самым необходимым стояли очереди.

Внешняя политика, которую проводил Горбачев, перевернула всю птолемееву картину мира. Если США и НАТО не собираются нападать, если Запад не враг, а друг, то зачем содержать такую армию и самоедскую военную экономику? Зачем пугать страну неминуемой войной и призывать людей затягивать пояса?

«Холодная война не могла быть закончена без фундаментального изменения советской политики, — пишет недавний государственный секретарь США Кондолиза Райс в книге «Звездный час дипломатии». — Еще долго будут спорить о том, почему Советский Союз начал новый курс и какую роль

играли в этом Соединенные Штаты и другие страны. Но никто не может отрицать, что Михаилу Горбачеву и его команде принадлежит выдающееся место в истории окончания холодной войны».

18 сентября 2008 года американский Национальный центр конституции наградил Горбачева медалью Свободы за то, что «он дал надежду и свободу миллионам людей, которые жили за железным занавесом». Награду Горбачеву вручил бывший президент Джордж Буш-старший. На родине Михаилу Сергеевичу достались в основном проклятия, хотя избавление от холодной войны выгодно было прежде всего нашему народу.

Но сближение Запада и Востока шло медленно и трудно. Прежде всего мешало презрительное отношение советского руководства к правам человека, на что болезненно реагировала западная общественность.

Весной 1987 года в Москву приехал государственный секретарь Джордж Шульц. В Спасо-Хаусе устроили прием по случаю еврейской Пасхи и пригласили евреев, которым советские власти не разрешали эмигрировать. Кошерную еду привезли из Америки. Шульц появился перед гостями в ермолке и каждому сказал:

— Никогда не отчаивайтесь!

Договорились, вспоминала Ребекка Мэтлок, что пианист Владимир Фельцман (сын известного композитора) даст концерт на фортепьяно в Спасо-Хаусе для посла и дипломатического корпуса. Младшему Фельцману к тому времени запретили концертировать, потому что он добивался выезда из страны. Вечером накануне концерта выяснилось, что перерезаны струны на рояле «Стейнвей» в Спасо-Хаусе, но их починили, и концерт состоялся.

Концерт Фельцмана в американском посольстве был предметом большого беспокойства органов госбезопасности. Именно в эти дни в здании Союза писателей РСФСР на Комсомольском проспекте устроили встречу узкого круга московских писателей с одним из руководителей пятого (идеологического) управления КГБ. Рассказывал он об идеологических диверсиях империализма так, словно никакой перестройки и не было. С нескрываемым раздражением говорил о концерте Владимира Фельцмана в резиденции американского посла. В его речи игра на «Стейнвее» приравнивалась к предательству родины. Похоже, компетентные органы и в самом деле пытались помешать концерту, но он состоялся потому, что в Москве все-таки наступали новые времена.

6 августа 1987 года президент Рональд Рейган записал в

дневнике: «Еще до того, как мы встали, телефонный звонок. Джордж Шульц позвонил, чтобы сказать: российский пианист Фельцман вылетел из Москвы и прибыл в Вену с женой и ребенком. Мы занимались этим два года».

Горбачев и Рейган подписали договор об уничтожении целого класса вооружений — ракет средней дальности с ядерными боеголовками. Закончилась длительная история с ракетами, которая столько лет отравляла отношения Советского Союза с Европой.

Рональд Рейган, обожавший пословицы и поговорки, не упустил случая блеснуть своими лингвистическими познаниями.

— Я хочу напомнить одну русскую мудрость, — сказал американский президент на торжественной церемонии подписания. — Господин генеральный секретарь, вас, конечно, смутит мое произношение…

И Рейган, заглядывая в бумажку, не без труда выговорил по-русски:

— Доверяй, но проверяй.

Горбачев не без раздражения заметил:

— Вы всякий раз это повторяете.

— Мне нравится эта поговорка, — рассмеялся Рейган.

Лето 1988 года было пиком горбачевской эры. Отметили тысячелетие Крещения Руси. В мае прилетел Рейган. Он выступил перед студентами Московского университета, гулял вместе с Горбачевым по Красной площади. Американского президента спросили: вы все еще считаете Советский Союз империей зла?

— Нет, — ответил Рейган.

«Поразительно, — записал он в дневнике, — как быстро улица заполнилась людьми — сердечными, дружественными, искренними. Помимо нашей секретной службы были люди из КГБ — я никогда не видал такого жесткого обращения с собственным народом…»

Событием стала первая речь Горбачева в ООН 7 декабря 1988 года.

Михаил Сергеевич объявил, что в течение двух лет в одностороннем порядке сократит армию на полмиллиона человек, выведет из Восточной Европы пятьдесят тысяч солдат (в том числе десантно-штурмовые и десантно-переправочные соединения) и пять тысяч танков, причем шесть танковых дивизий будут расформированы. Он обещал существенно уменьшить группировку вооруженных сил в азиатской части страны и вернуть домой значительную часть советских войск, расквартированных в Монголии.

Горбачев с надеждой говорил о продолжении переговоров с

Соединенными Штатами:

— Мы признаем и ценим вклад президента Рональда Рейгана и членов его администрации, прежде всего господина Джорджа Шульца… Будущая администрация США во главе с вновь избранным президентом Джорджем Бушем найдет в нас партнера, готового — без долгих пауз и попятных движений — продолжить диалог…

«Шульц и другие рассказали о выступлении Горби в ООН, — записал в дневнике Рейган. — Мы с Джорджем Бушем встретились с Горби втроем. Затем обед — присутствовало человек двадцать, включая переводчиков и стенографов. Обед и переговоры закончились в три часа. Считаю встречу большим успехом. Отношения лучше, чем во время прежних встреч. Горби говорил так, словно считает нас партнерами в создании лучшего мира. Потом втроем поехали к заливу, осмотрели статую Свободы и нью-йоркские небоскребы. Я улетел в Вашингтон. Рад был тому, что Нэнси была дома».

Михаил Сергеевич отказался от применения силы, это было расставание с доктриной Брежнева, обещание не вмешиваться в дела Восточной Европы. Его речь в ООН стала предвестием фантастических перемен в Восточной Европе, наступивших в 1989 году.

В январе 1989 года парламент Венгрии разрешил свободу собраний и союзов. В феврале власти согласились на многопартийность. В марте сто тысяч будапештцев прошли по городу, требуя вывода советских войск. 2 мая венгерские войска начали сматывать колючую проволоку на границе с Австрией. В железном занавесе образовалась дыра. Через нее устремились на Запад восточные немцы, которые приехали в братскую социалистическую Венгрию. Несмотря на требования властей ГДР, венгры отказались их задерживать.

Американская администрация не поспевала за происходящим в Восточной Европе. Рональда Рейгана в Белом доме сменил Джордж Буш-старший. Он не привык делать крупные ставки или оспаривать традиционные истины, и это наложило отпечаток посредственности на его президентство. Буш, как и Рейган, тоже не любил читать длинные бумаги. Ведомства шли на разные ухищрения, печатали бумаги мелким шрифтом, чтобы больше поместилось. Он предпочитал выслушивать людей. Буш верил в личную дипломатию. Часто говорил по телефону с лидерами других государств. Не любил эмоциональных и непредсказуемых политиков. Предпочитал солидных, надежных, с кем можно договариваться.

Администрации Буша было не по силам оценить масштабы

революционных преобразований, происходивших на Востоке. Лидер «Солидарности» Лех Валенса внушал Джорджу Бушу, что Польше нужна серьезная экономическая помощь. Президент ничего не ответил.

4 июня представители «Солидарности» победили на первых после войны выборах в сейм, и компартия добровольно отдала власть. Талантливый польский публицист Адам Михник назвал американских руководителей сомнамбулами.

Впрочем, и западноевропейцы полагали, что Европа кончается на Эльбе, и желали держаться подальше от Востока. Раскол Европы, произведенный холодной войной, был вполне приемлем для большинства европейцев.

Во время встречи на Мальте в декабре 1989 года Буш и Горбачев договорились, что конфронтация между Западом и Востоком осталась в прошлом. Восемьдесят девятый вообще казался годом чудес — особенно когда рухнула Берлинская стена.

Еще в январе 1987 года Рейган из Западного Берлина обратился к Горбачеву:

— Если вы хотите мира и стабильности, если вы желаете мира и процветания вашей стране, господин Горбачев, снесите эту стену!

Берлинскую стену в ноябре 1989 года снесли сами берлинцы, когда увидели, что ни Горбачев, ни руководство ГДР не решатся остановить их силой.

Престарелый Эрих Хонеккер утратил представление о том, что происходит. И группа членов политбюро сговорилась убрать генсека, как в свое время сам Хонеккер избавился от своего предшественника Вальтера Ульбрихта. Казалось, история повторяется. Против Хонеккера ополчился его любимый воспитанник — второй секретарь ЦК Эгон Кренц, тоже в прошлом руководитель Союза свободной немецкой молодежи. Разница состояла в том, что попытка либерализации режима осенью 1989 года привела к исчезновению социалистического государства с политической карты мира. ГДР держалась только жесткостью режима.

18 октября 1989 года Эрих Хонеккер, которому сделали операцию на желчном пузыре, открыл заседание политбюро. И тут его старый соперник Вилли Штоф поставил вопрос о смене генсека и еще двух секретарей ЦК, отвечавших за экономику и пропаганду. Никто не вступился за Хонеккера. Проголосовали единогласно, и его эпоха закончилась. Единственным надежным союзником Хонеккера был секретарь ЦК Гюнтер Миттаг, отвечавший за экономику, но его накануне крушения ГДР положили в больницу…

Граждане ГДР требовали права свободно ездить в Западную Германию. Новое руководство подготовило и опубликовало робкий проект закона, который никого не устроил. Тогда решили открыть границу явочным порядком. Когда вечером 9 ноября первый секретарь столичного горкома партии Гюнтер Шабовски объявил об этом на пресс-конференции, социалистическая система рухнула.

«Конечно, были отдельные руководители, которые в последний момент хотели прибегнуть к китайскому варианту (подавление выступлений студентов на площади Тяньаньмэнь), — вспоминал Клаус Гизи, бывший министр культуры ГДР. — Члена политбюро Миттага, который был правой рукой Хонеккера, я считал способным на это, но в общем, по моим впечатлениям, никто не был готов пойти на это. Режим пал сам, как подточенный термитами дом. Он высится перед вами в полном великолепии, но стоит к нему прикоснуться, как сыплется штукатурка, все рушится, и вы, онемев, стоите перед кучей мусора».

Никто не ждал этого! Недавний канцлер ФРГ Гельмут Шмидт еще 22 сентября 1989 года, выступая от имени Социал-демократической партии, говорил:

— Беспорядки в Восточной Германии могут поставить под угрозу весь процесс реформ в Восточной Европе. Немецкий вопрос решится только в следующем столетии.

Диктатуры всегда кажутся сильнее, чем они есть на самом деле.

В глазах Запада, прежде всего для людей того поколения, ГДР немногим отличалась от Федеративной Республики. Более того, социалистическое государство было свободно от общества потребления и считалось высокоморальным обществом. Вместе с тем западные немцы высокомерно посмеивались над авторитарной устарелостью социалистической системы. На этом фоне они лучше смотрелись.

9 ноября 1989 года было первым днем, когда весь мир впервые в послевоенные времена испытал симпатию к немцам. Мир даже удивился, что и немцы способны испытывать какие-то искренние человеческие чувства. Для большинства берлинцев это была бессонная ночь счастья. Никогда еще — ни до этого дня, ни после — восточные и западные берлинцы не были так рады друг другу. Эйфория — так можно было сказать о настроениях берлинцев.

Днем 10 ноября берлинцы собрались на площади перед сенатом Западного Берлина, где когда-то Джон Кеннеди произнес свою знаменитую речь. Теперь выступали канцлер Гельмут Коль,

министр иностранных дел Ганс Дитрих Геншер, правящий бургомистр Вальтер Момпер. Самым знаменитым оратором был Вилли Брандт, который был бургомистром Западного Берлина во время возведения Берлинской стены.

В городе творилось нечто невообразимое. Никто не работал. Народ ликовал. Улицы были забиты машинами. Все ехали в сторону Западного Берлина. Каждый гражданин ГДР получал в Западной Германии сто марок (тогда это было пятьдесят пять долларов) в подарок. Оттуда возвращались поздно вечером с подарками и грошовыми покупками. Дети сладостно жевали бананы — то был символ западной роскошной жизни. Все урны были забиты банановой кожурой.

Западный Берлин был благодушен и спокоен. В кондитерских пили кофе с пирожными пожилые дамы, демонстрирующие завидную осанку. Восточные немцы зачарованно разглядывали жизнь другого Берлина. Они столько лет жили словно за глухим забором и не знали, что там, у соседа, за стеной. Они приникали к витринам, прикидывая, что купят в первую очередь, когда у них появятся настоящие западные марки.

Несколько служащих пограничной полиции, которых оставили у Бранденбургских ворот, индифферентно наблюдали за полчищами туристов, которые фотографировались для семейных альбомов. Стену больше никто не охранял. Наблюдательные вышки опустели. Злобных служебных собак заперли в вольерах.

Когда Бог создал немцев, Он дал им в компаньоны немецкую овчарку. И каждый критический поворот в немецкой истории как-то отражался на судьбе немецких овчарок. Когда Гитлер, недовольный немецким народом, застрелился в бункере, он не только оставил народ без фюрера, но и немецкую овчарку без хозяина. Это обстоятельство вдохновило Гюнтера Грасса на роман «Собачьи времена».

Когда рухнула ГДР и бывший генеральный секретарь ЦК уже несуществующей партии Эрих Хонеккер, спасаясь от суда, уехал в Советский Союз, он оставил не только семнадцать миллионов немцев, но тысячи немецких овчарок. Они охраняли и дачный поселок политбюро в Вандлице, и все государство. Овчарки лишились всего из-за объединения Германии. На службе социалистическому государству находилось около пяти тысяч собак, правда, наряду с овчарками были и ротвейлеры, и шнауцеры. Что делать с этими собаками? Западные немцы решили, что собаки опасны для человека, поскольку они воспитывались без социального контакта с людьми.

В начале ноября 1989 года, когда в Восточной Германии начались первые демонстрации против режима Хонеккера, я

разговаривал со знаменитой писательницей из ГДР Кристой Вольф. Ее дочь участвовала в такой демонстрации, даже попала в полицию. Уже было ясно, что ГДР на пороге больших потрясений. Я спросил у Кристы Вольф:

— Что теперь будет? Вы объединитесь с Западной Германией?

Она искренне возмутилась:

— Это вы в Москве только об этом и думаете. ГДР — это наше государство. Мы его сами создали и не откажемся от него.

Она вступила в Социалистическую единую партию Германии в 1949 году, но она не была коммунисткой. Она была патриоткой ГДР. Криста Вольф, или глава Союза писателей ГДР бывший солдат вермахта Герман Кант, взятый в плен на Восточном фронте, или некоторые другие интеллектуалы, видя все недостатки социалистической ГДР, верили в возможность ее развития и превращения в действительно гуманное общество. Они считали, что сумели освободить Восточную Германию от фашизма, от нетерпимости, от яда национального социализма.

Заместитель министра культуры ГДР Клаус Хёпке, который в нацистские времена был членом юнгфолька — детской нацистской организации, с изумлением рассказывал мне, что в Москве крупные советские чиновники его часто спрашивали:

— А правда, что у вас в политбюро есть евреи?

Клаус Хёпке отвечал:

— Гитлер отучил нас задавать такие вопросы.

До падения ГДР некоторые восточногерманские прозаики и поэты причислялись, возможно слишком поспешно, к числу оппозиционеров и диссидентов. После открытия архивов МГБ от них в ужасе отшатнулись, увидев, что их имена фигурируют в материалах госбезопасности. Ценители восточногерманской литературы чувствовали себя обманутыми и мстили недавним кумирам.

В социалистической Германии такие писатели, как Криста Вольф или Хайнер Мюллер, балансировали между истеблишментом и диссидентством. Читатели угадывали в их книгах скрытую критику режима, а начальство радовалось внешним проявлениям лояльности. В Восточном Берлине хотели иметь литературу мирового класса — еще одно доказательство своей правоты, еще один прорыв в мир. Успешные писатели удостаивались высших привилегий — квартир, дач, поездок за границу.

Восточногерманские либералы не ставили под сомнение право партии управлять страной, они только хотели подправить партию и ограничить ее всевластие. Они были не против абсолютизма, они хотели просвещенного абсолютизма.

Самым выдающимся драматургом и режиссером нынешнего поколения многие немцы считали Хайнера Мюллера, который жил в ГДР, а ставился в ФРГ. Даже те, кто не ходил на его пьесы, знали этого человека, потому что он щедро раздавал оскорбления: «Национальная идентичность немцев — это марка», «Пять немцев глупее одного». Молодежь, родившаяся после Гитлера, ему аплодировала.

Хайнер Мюллер родился 9 января 1929 года в саксонском городке Эппендорф. На ночь отец напевал ему «Интернационал». Ему было четыре года, когда Гитлер пришел к власти. Штурмовики ворвались в дом, избили его отца, социал-демократа, и отправили в концлагерь. Потом выпустили, посоветовав держать свои демократические взгляды при себе. Но работу он долго не мог найти. Хайнер состоял в гитлерюгенде. В сорок пятом, когда ему было шестнадцать лет, его послали на рытье окопов.

В 1951 году его родители переехали в Западную Германию. Хайнер Мюллер остался в ГДР. Молодого драматурга приметил живой классик Бертольт Брехт, но он слишком рано умер, чтобы успеть ему помочь. Одна из первых же пьес Мюллера «Переселенка» была запрещена. Режиссера, который ее поставил, отправили на полгода на исправительные работы.

— Я хотел написать пьесу, которая послужит делу социализма, — каялся Мюллер. — После долгих сомнений, внутренней борьбы и размышлений я теперь вижу, что результат получился обратный, и я искренне согласен с приговором партии.

Он не стыдился своих слов: иначе бы ему не позволили работать.

Он продолжал писать пьесы, которые могли увидеть только западные зрители, и переводил Шекспира на немецкий. Хайнер Мюллер ввел шекспировские монологи в современную драму.

Он мог переехать на Запад. Но остался на Востоке:

— Я ненавидел Запад. Я однозначно был на стороне русских.

Он отличался способностью создавать себе врагов. Не смог найти доброго слова и для Западной Германии, хотя здесь ставили все его пьесы, что сделало его миллионером. Капитализм, говорил Мюллер, — это варварство. Он был моралистом, но не в личной жизни. У него было множество любовниц, три жены.

В семидесятых годах Мюллер обратился к Хонеккеру с просьбой разрешить его болгарской подруге переехать в ГДР. Хонеккер разрешил. Возможно, поэтому Мюллер стал сотрудничать с МГБ ГДР. После крушения ГДР выяснилось, что и знаменитый драматург был осведомителем министерства

госбезопасности, но офицеры, которые с ним работали, ничего не могли понять, настолько мудреным языком он писал.

Мюллеру разрешили бывать в Западном Берлине, где он покупал свои любимые гаванские сигары. Гостей не отпускал домой без подарка — сигар и миниатюрных бутылочек виски из своей коллекции. Он до конца не верил, что ГДР исчезнет:

— Смыслом жизни в ГДР были главным образом надежды на будущее и воспоминания о прошлом, а настоящего не существовало.

Писатель из Восточной Германии Вольфганг Хильбиг написал роман «Я» на тему: госбезопасность и литература. Он описывает, как трудно начинавшего писателя приветили офицеры госбезопасности. Они восхищались его талантом, помогли ему перебраться в столицу, купить квартиру. Он знал, что всегда может обратиться к ним за помощью. В ответ он должен был всего лишь сообщать, кто о чем говорит в литературно-издательском мире. Внезапно, он узнает, что писатель, за которым ему поручено следить, тоже агент МГБ… Госбезопасность манипулирует всеми.

В архивах МГБ ГДР нашли документы, на основании которых и знаменитую писательницу Кристу Вольф обвинили в том, что она сотрудничала с госбезопасностью с 1960 года. В документах министерства госбезопасности она значилась под псевдонимом Маргарет. В записях бесед с Кристой Вольф содержатся оценки политического лица ее коллег по писательскому цеху.

Поклонники Кристы обрушились на нее с бранью. Книготорговцы стали убирать ее томики с витрин: «Хватит с нас этих людей, мы слишком долго их слушали».

— Криста Вольф и другие были монументальными фигурами, — меланхолически заметил один литературовед. — Рано или поздно монументы свергают.

«Зачем вы это делали?» — вот о чем ее спрашивали.

Криста Вольф ответила своим обвинителям: сотрудники министерства госбезопасности действительно вели с ней беседы, это было обычной практикой при социализме, но она не рассказывала им ничего такого, чего они не могли бы услышать на дискуссиях в Союзе писателей. Кроме того, министерство госбезопасности в значительно большей степени следило за ней, чем спрашивало ее мнение о других. Она сама была жертвой.

Гражданское мужество не кажется подходящим критерием в оценке литературы. Был ли Франц Кафка как гражданин храбрым человеком? А Гете, а Готфрид Бенн, а Брехт? Криста Вольф, вероятно, как писатель более достойна уважения, чем как гражданин. Как писатель она была радикальнее. Как человек до

последнего верила в возможность реформирования социализма. Эти мечты она разделяла вместе с лучшими умами своего поколения.

После объединения Германии Криста Вольф уехала в Калифорнию, где написала новую книгу — своего рода расчет с прошлым. В этой книге Криста Вольф пытается вернуть себе самоуважение и достоинство, утерянные многими восточными немцами в тот момент, когда выяснилось, что их государство было всего лишь порождением холодной войны…

21 ноября 1990 года двадцать две страны Европы, а также Соединенные Штаты и Канада подписали Парижскую хартию: «Эра конфронтации и раскола в Европе закончилась. Мы объявляем, что наши отношения в будущем будут основываться на уважении и сотрудничестве. Европа освобождается от прошлого. Наступает новая эра демократии, мира и единства. Настало время, когда веками лелеемые надежды и ожидания наших народов становятся явью».

Общеевропейский форум в Париже в ноябре 1990 года формально завершил холодную войну. Но чудеса закончились, и начался спад. Великие империи редко умирают благополучно. Злая ирония состояла в том, что грандиозные перемены в Восточной Европе происходили в неудачный момент для западной экономики.

Восьмидесятые были временем экономического подъема. Но к 1990 году США и Англия соскользнули в рецессию. Рухнул японский рынок. В Западной Европе число безработных достигло десяти процентов. Все силы ФРГ ушли на помощь Восточной Германии. Западный экономический вклад в перестройку, на который так рассчитывали, просто не состоялся.

Все помнили, с какой скоростью разгромленные и едва не уничтоженные в войну Германия и Япония расцвели и превратились в экономических гигантов. Полагали, что Советский Союз и Восточная Европа столь же быстро совершат прыжок в новую жизнь. Но ставка на экспорт нефти оказалась гибельной для СССР.

Часто пишут о том, что, выполняя указание президента Рейгана, директор ЦРУ Уильям Кейси заставил Саудовскую Аравию увеличить производство нефти. В результате цена на черное золото рухнула, и экономика СССР погибла. На Саудовскую Аравию действительно американцы постоянно давили — в первую очередь низкие цены на нефть выгодны экономике Соединенных Штатов. И в Вашингтоне считали важным лишить советский блок притока валюты. Но в семидесятых годах такое давление ни к чему не приводило, цены

только росли. А вот в 1982–1983 годах в мире происходило сокращение потребления нефти — сравнимое с тем, что произошло на наших глазах в 2008 году.

В 1981 году нефть стоила тридцать пять долларов за баррель, это был пик, потом началось неуклонное снижение цены. В 1983-м — тридцать долларов, в 1985-м — двадцать шесть долларов, в январе 1986-го — всего пятнадцать долларов за баррель. Надежды на нефтедоллары рухнули. Экономические трудности при социализме смягчались надеждой в перестроечные годы. Когда социализм развалился, остались только трудности, умноженные хаосом распада Советского Союза, ломкой прежней системы.

Утром 20 января 1989 года, в последние минуты своего президентства, в Овальном кабинете Белого дома Рональд Рейган вытащил из кармана карточку с кодами и спросил советника по национальной безопасности генерала Колина Пауэлла, кому ее отдать. Восемь лет он носил белую ламинированную карточку с кодами запуска ракет с ядерным оружием. В случае необходимости президент должен был вставить эту карточку в чемоданчик, который носили, сменяясь, его адъютанты. Они всегда были рядом.

Генерал Пауэлл ответил, что военный адъютант заберет карточку после того, как новый президент примет присягу, но благодаря политике Рейгана она стала практически ненужной.

Во время последнего интервью в Белом доме Рональда Рейгана попросили описать свое президентство одной фразой.

— Мы выиграли холодную войну, — мгновенно ответил он.

Даже если Рейган и считал, что выиграл в холодной войне, из этого вовсе не следует, что Советский Союз проиграл холодную войну. На самом деле выиграли все. Проиграли те, кто процветал благодаря холодной войне. Проиграла сама холодная война — политика конфронтации, милитаризма, ненависти к другим…

* * *

Я хочу именно здесь поставить точку в своем повествовании. Я хочу запомнить этот момент в нашей истории: внезапное избавление от страха, в котором мы жили.

Пройдет совсем немного времени, и между Россией и Западом вновь возникнут противоречия и конфликты. Заговорят о возможности новой холодной войны. Но это будет уже совсем другая глава истории. И она не должна перечеркнуть то, что произошло в годы перестройки.

Многие считали холодную войну неминуемой: дело не в столкновении тоталитарного Востока и демократического Запада, а в извечном геополитическом противостоянии России и ее западных соседей… Но история четырех десятилетий холодной войны этого не подтверждает. Налицо трагедия убийства прекрасной теории бандой жестоких фактов.

Холодная война прекратилась, и все исчезло, как наваждение, — страх войны, ядерная опасность, враг у ворот. Впервые за многие десятилетия пришло ощущение безопасности. Столько лет вооружались до зубов, а страх войны и ощущение незащищенности только росли. А тут выяснилось, что безопасность зависит не от военных арсеналов, что холодная война не является неизбежностью, что это не порождение вечных геополитических конфликтов. Холодная война возникает в наших головах и потому может прекратиться так же легко, как и началась.

Думаю, что правы те, кто перестройку и окончание холодной войны называют самым счастливым мгновением в нашей истории — не считая, конечно, Дня Победы.